

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
А. М. АСТАХОВА, В. Г. БАЗАНОВ,
Б. Н. ПУТИЛОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1 9 6 0

БЫЛИНЫ

В ЗАПИСЯХ И ПЕРЕСКАЗАХ

XVII - XVIII

ВЕКОВ

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВИЛИ
А. М. АСТАХОВА, В. В. МИТРОФАНОВА,
М. О. СКРИПИЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1 9 6 0

Ответственный редактор
А. М. АСТАХОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящим томом открывается публикация произведений народного поэтического творчества в издании «Памятники русского фольклора».

В «Памятниках» будет осуществлено при единстве научных принципов издание материалов по основным жанрам фольклора — былинам, историческим песням, сказкам, причитаниям, народной песенной лирике, частушкам, пословицам и поговоркам, загадкам. Значительное место займет издание целостных фольклорных собраний, сложившихся в результате экспедиционной работы научных учреждений и отдельных собирателей, преимущественно в советское время. В других, сводных томах будут систематизированы материалы по отдельным жанрам, находящиеся в разных архивохранилищах, а также рассыпанные по различным сборникам и периодическим изданиям, нередко мало доступным исследователям и не известным широкому читателю. Каждый из томов «Памятников русского фольклора» будет иметь вполне самостоятельное научное значение, раскрывая важные явления в художественной культуре русского народа.

В настоящем томе собраны: 1) записи былин и их пересказов, которые встречаются в рукописях XVII—начала XIX века и имеются, притом далеко не все, в разрозненных публикациях; 2) публикации былин в изданиях XVIII века. Таким образом, данное издание вместе со сборником Кириши Данилова знакомит с записями былин в период до начала научного их собирания, т. е. до 30-х годов XIX века, когда разворачивается собирательская деятельность П. В. Киреевского.

Основная часть состава тома — тексты из рукописей XVII—начала XIX века. Они располагаются по сюжетам. Вначале помещены героические воинские повествования о борьбе киевских богатырей с врагами русского народа, затем — пересказы былин о сватовстве и былин новеллистического характера.

В конце группы текстов героического содержания публикуются варианты «Сказания» о киевских богатырях, ходивших в Царьград, хотя сюжет этого произведения не известен в устной традиции и скорее всего и не существовал в ней. Тем не менее по своему содержанию, основанному на былинном материале, и особенностям литературной судьбы «Сказание» примыкает к публикуемому в данном разделе материалу.

В тех случаях, когда один и тот же сюжет представлен несколькими или многими текстами, они группируются по версиям, редакциям и степени близости друг к другу.

Тексты, сохранившие былинку в ее стихотворном облике, даются в двойном виде: 1) по рукописи и 2) с разделением на стихи. Стихотворные тексты даны в «Приложениях».

Часть тома образуют тексты из печатных изданий. Здесь, кроме собственно былин, мы печатаем и опубликованные в XVIII веке баллады, близкие по своему эпическому характеру и некоторым особенностям поэтики к былинам, те баллады, которые по установившейся в науке традиции включались в сборники былин как особый вид русского эпоса. В этот раздел вошли и тексты из рукописного сборника начала XIX века, по характеру записи примыкающие к печатным публикациям.

В «Приложениях», кроме воспроизведенных в стихотворной форме текстов рукописных сборников, включены некоторые материалы, относящиеся к жизни былин в литературных кругах XVIII века и имеющие значение для истории русского эпоса: несколько текстов, являющихся обработкой в литературной манере XVIII века былинных сюжетов, а также упоминания о былинах и фрагменты былин, которые имеются в трудах деятелей русской литературы и науки XVIII века.

В задачу вступительной статьи входит общий обзор и характеристика публикуемого материала. В ней выясняется вопрос о соотношении рукописных текстов XVII—начала XIX века с устной былинной традицией и с значением этих текстов для истории эпического творчества, отмечаются особенности литературной жизни этих текстов. Первая тема — рукописные тексты о богатырях и устная былинная традиция — разработана А. М. Астаховой, вторая — литературная судьба этих текстов — В. В. Митрофановой.

Раздел о записях и публикациях былин в песенниках XVIII века и об отражении былинного эпоса в литературе этого времени, а также части, излагающие основные факты в изучении рукописных текстов о богатырях, написаны А. М. Астаховой.

Комментарий содержит сведения археографического и текстологического характера (В. В. Митрофанова) и отмечает основные особенности содержания и стиля каждого текста (А. М. Астахова). В общей части комментария указаны принципы издания текстов.

Тексты и «Приложения» подготовлены А. М. Астаховой, В. В. Митрофановой и М. О. Скрипилем, безвременная кончина которого прервала его работу над изданием. Разделение текстов на стихи в «Приложениях» принадлежит А. М. Астаховой. Указатели и словарь составлены А. М. Астаховой и В. В. Митрофановой.

БЫЛИНЫ И ИХ ПЕРЕСКАЗЫ В РУКОПИСЯХ И ИЗДАНИЯХ XVII—XVIII ВЕКОВ

1

В старинных рукописях, начиная с XVII века, в сборниках и отдельных списках встречаются особого типа тексты, содержащие былинные сюжеты и именуемые «Повестями», «Сказаниями» и «Историями» (или «Гисториями»). В них донесено до нас десять былинных сюжетов, некоторые в единичных текстах («Михаил Данилович», отрывок — «Алеша Попович и Тугарин», «Иван Гоудинович»), другие — в нескольких («Ставр Гоудинович», «Михаил Поток», «Сухан») и даже во многих списках («Илья Муромец и Соловей-разбойник»). Три сюжета, входящие в эпос об Илье Муромце («Илья и разбойники», «Илья и Идолище», «Исцеление Ильи-сидня»), встречающиеся в устной традиции и как самостоятельные былины и в контаминации с другими сюжетами, в записях XVII—начала XIX века известны только в объединении с сюжетом «Илья Муромец и Соловей-разбойник».

Одним из главных вопросов в изучении этих текстов является вопрос о самой природе и происхождении их, о том, что же это такое: запись ли это устных народных произведений с голоса или по памяти, и какова в этом случае степень точности записи, прозаический ли пересказ когда-либо услышанной былины, подобный тем пересказам-побывальщинам, которые встречаются в сборниках былин XIX—XX веков, и кому тогда принадлежит подобный пересказ — исполнителю или писцу, автору записи, или это своеобразные обработки былинных сюжетов в виде повестей, быть может и сказок, созданных на основе былин? Вопрос этот до сих пор не разрешен, хотя ряд ученых в той или иной мере касался его, главным образом в применении к тем текстам, которые входили в поле их зрения.

Слабо освещен в науке и вопрос о литературной жизни повествований о богатырях. Правда, об отличиях текстов друг от друга, о группировке их на редакции говорилось при каждой новой публикации, но вопрос о том, какова специфика жизни текстов, имеем ли мы дело со случайными, механическими изменениями или с какими-то закономерными результатами работы книжника, не разрешался.

Многие тексты носят явные следы редакторской работы. Каков же смысл этой работы, похожа ли она на работу редакторов других древнерусских произведений, как и с какими целями изменялся текст, что оста-

валось от первоначальной записи и как писцы-редакторы относились к былинным особенностям своего оригинала? Наконец, какими литературными явлениями вызваны записи былин в рукописных сборниках, какие процессы развития литературы дали им возможность жить в этих сборниках, где ближайшие соседи повествований о богатырях? Вот те вопросы, которые неизбежно возникают при изучении рукописных повествований на былинные сюжеты.

Л. Н. Майков, один из первых публикаторов рукописных записей былинных сюжетов, высказал свои предположения об известных ему шести текстах XVIII века, излагающих былин о Илье Муромце и Соловье-разбойнике, и о списке XVII века — «Повести» о Михаиле Потоке, которую он впервые опубликовал.

Группу текстов об Илье Муромце он считал воспроизведением былины прозой, без соблюдения размера стихов, отчего эти тексты «и писаны сплошными строками». Кроме того, он отметил, что «писавшие принуждены были подправлять свое изложение оборотами речи и спайками в книжном стиле».¹ Майков видел в этих текстах именно пересказ, а не литературную обработку. Это ясно из той аналогии, которую он проводил между данными рукописными записями и былинами с разрушенным стихом в записях XIX века. Напомнив замечания А. Ф. Гильфердинга о том, что олонцкие сказители затруднялись передавать былины «пословесно», без напева, и потому, если собиратель прерывал их и просил повторить то или иное место, они переходили на прозаический пересказ, Майков сопоставил с этим процесс занесения былин в рукописи в XVII—XVIII веках: «Полуграмотные записыватели их, следя только за их содержанием, а не за напевом и не за размером, не умели уловить все тонкости последнего, и, понятно, их записи сами собою облеклись в прозаическую форму». Иной, более совершенный, характер записи он видел в сборнике Кириши Данилова, где хотя былины тоже записаны без разделения на стихи, но сохранен песенный склад былин. Сборник этот, по словам Майкова, «обличает руку более искусного собирателя», сумевшего «приблизиться к тем приемам, которые употребляются современными собирателями».²

Среди всех известных ему текстов об Илье Муромце Майков выделяет список № 82 собрания И. Е. Забелина как изобилующий чисто книжными выражениями и даже вставками, которые, по его словам, «напоминают обработку русских сказок в известном старинном сборнике М. Д. Чулкова».³ Майков отмечает также, что разрушение стиха и вставки книжных выражений преимущественно появляются в местах, которые, по терминологии А. Ф. Гильфердинга, могут быть названы «переходными» и которые при записывании «представляют наибольшую трудность».⁴

В дальнейшем, при копировании с более старых оригиналов, тексты еще более отходили от устного источника и вследствие пропусков и искажений, и потому, что писцы могли независимо от оригинала «знать и держать в памяти нить всего сказания», а следовательно, и вносить кое-какие изменения от себя. Все тексты об Илье Муромце Майков считал определенно такими копиями.

¹ Майков, стр. 5.

² Там же, стр. 6.

³ Там же, стр. 9. — Майков имел в виду сборник В. А. Левшина «Русские сказки». В то время, когда писал Майков, этот сборник приписывался М. Д. Чулкову.

⁴ Там же, стр. 7.

Чтобы выбрать наиболее правильные чтения для восстанавливаемого им прототипа, Майков сравнивает отдельные выражения текстов об Илье Муромце с воинскими и историческими повестями XVII века, с повестью о Еруслане Лазаревиче. Но эти сопоставления, как и сравнение текстов об Илье между собою, нужны ему только для того, чтобы отделить искажения, внесенные переписчиками, восстановить механические пропуски, избрать наиболее близкий прототипу текст, который он и находит в списке ГПБ. Q. XVII. 194 (№ 1). Вопрос же о том, как изменялись тексты повествований об Илье Муромце, насколько далеко ушли дошедшие до нас от первоначальной записи, остался неосвещенным.

Что касается «Повести» о Михаиле Потоке, то Майков готов был допустить, что она записана «либо по памяти, либо с „пословесной“ передачи былины», поскольку в тексте «еще уцелели в изобилии такие слова — союзы, местоимения: что, как, сам, которые в устных пересказах встречаются в значении частиц, прибавляемых не для смысла речи, а для более стройного течения стиха».⁵ Остальные два известные ему по публикации Н. С. Тихонравова списка с изложением той же былины Майков считал копиями, но вопроса о возможной генетической их связи с «Повестью» XVII века не ставил.

Если Майков довольно отчетливо рисовал процесс занесения в рукописи текстов с былинными сюжетами, то другой ранний публикатор таких текстов, Н. С. Тихонравов, по существу обошел этот вопрос, ограничившись определением, представляет ли данный текст копию или оригинал. Вопроса же о происхождении оригинала он совершенно не касался.

Не затронут этот вопрос и В. Ф. Миллером, посвятившим специальный этот анализу текстов на сюжет былины «Илья Муромец и Соловей-разбойник».⁶ Его точку зрения нельзя определить и по употребляемой им терминологии. Она неустойчива и, по-видимому, не имеет под собой принципиального обоснования. Он то говорит о «древнейших старинных записях былин», то называет эти записи «сказками старинной записи», употребляет также и термин «пересказ», не разъясняя нигде эти наименования.

А. Н. Веселовский и А. И. Станкевич коснулись вопроса о происхождении лишь тех текстов, которые они публиковали. Веселовский говорил, что «Гистория» о Михаиле Даниловиче «не что иное, как прозаический пересказ былины, стих которой иногда легко восстановить, удалив ненужные повторения».⁷ Станкевич об отрывке былины об Алеше Поповиче и Тугарине сказал, что этот текст, отразивший черты живого местного говора и сохранивший явные следы стихотворной речи, «по-видимому, записан прямо со слов какого-либо певца былин, и записан притом чрезвычайно точно».⁸

М. Протопопов в своей заметке «Новая „повесть“ об Илье Муромце»⁹ повторяет концепцию Майкова, на которого и ссылается.

Не внесли ничего нового и более определенного вплоть до последнего времени и публикаторы старинных текстов в советское время, поскольку они интересовались главным образом вопросом, является ли данный текст копией или оригиналом. И только П. Г. Ширяева, сравнив публикуемый ею текст об Иване Годиновиче с изустными вариантами XIX—XX веков,

⁵ Там же, стр. 48.

⁶ Миллер. Очерки, I, стр. 370—371, 391—401.

⁷ Веселовский, I, стр. 28.

⁸ Станкевич, стр. 30—31.

⁹ «Живая старина», СПб., 1894, вып. I, стр. 78—79.

ставит вопрос, представляет ли текст (или, вернее, его прототип, так как данный текст П. Г. Ширяева считает копией) «записанную по памяти или на слух былину, или сжатое изложение ее», и отвечает: «Мы имеем в данном случае пример именно сжатого пересказа».¹⁰ Такое утверждение, очевидно, основано на ошибочном предположении автора, что если в XIX—XX веках нам известны в устной передаче варианты более развернутые, то сжатое повествование есть уже результат пересказа писца, а не принадлежит устной традиции.

Филологический анализ четырех текстов о Потоке, произведенный Б. М. Соколовым,¹¹ преследует только задачу установления редакций и выяснения, являются ли все эти тексты копиями.

Терминология у всех исследователей, несмотря на наличие к этому времени ряда вновь открытых текстов, представляющих вместе с прежними разные типы воспроизведения былинных сюжетов, остается такой же неопределенной, не раскрывающей точки зрения исследователя на данное явление, а иногда и становящейся с ней в противоречие. Говорится о «старинных фольклорных текстах» (П. Г. Ширяева и В. А. Кравчинская), «старинных записях русских былин» (они же и И. Ф. Голубев), «старинных рукописных былинных текстах», «старых былинных текстах» (Б. М. Соколов), иногда даже просто былинах (П. Г. Ширяева и В. А. Кравчинская, последняя употребляет, между прочим, по отношению некоторых текстов термин «контаминированные былины»). Все это только условные обозначения явления, которое со стороны своего происхождения, своей природы еще не определено.

То же, в сущности говоря, мы находим и в обобщающих трудах по фольклору. В «Истории русской литературы» употребляются выражения: «записи народных старин», «записи былин». При этом говорится, что «перестановки слов, введение дополнительных выражений или отдельных слов превращают иногда стиховой текст в прозаический, но есть и сохранные записи».¹² Здесь как будто бы отражено представление о том, что все тексты являются (в оригиналах и копиях) действительно записями устных произведений, только в разной степени точными. Однако в IV томе того же издания эти записи трактуются как «своеобразные обработки былинных сюжетов в форме сказок о богатырских подвигах, написанных порой ритмической речью». При этом указывается, что традиция такой обработки сюжетов народных эпических песен «идет еще из XVII в., когда аналогичным методом была сделана, например, „Повесть о семи богатырях“».¹³ Здесь уже иное представление о рукописных текстах, излагающих былинные сюжеты, и даже полное их отождествление по их природе со «Сказанием о семи богатырях», составляющим иное и особое явление.

Такой же беглый характер (поскольку задача исследовать данный вопрос и не ставится) имеют замечания в двухтомнике «Русское народное поэтическое творчество», но они более осторожны, не столь категоричны, как в «Истории русской литературы». В томе I признается возможность видеть в рукописях XVII века, содержащих былинные сюжеты, записи устно-поэтических произведений непосредственно с «голоса». Вместе с тем отмечается и известное вторжение в текст руки книжника: «У нас

¹⁰ П. Г. Ширяева и В. А. Кравчинская. Две былины в записях конца XVII—XVIII вв. Труды ОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 342.

¹¹ Соколов. «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 107—114.

¹² История литературы, т. II, ч. 2, М., 1948, стр. 183.

¹³ Там же, т. IV, ч. 2, М.—Л., 1947, стр. 42. (Разрядка наша, — Ред.).

нет основания признавать совершенную точность воспроизведения былинных текстов в списках XVII века; рука книжника могла в них сказаться, даже если он записывал по слуху, „словесно“». ¹⁴ В томе II о текстах XVIII века говорится как о прозаических, в большинстве своем, пересказах некоторых былинных сюжетов с сохранением в иных случаях и следов стихотворного размера. ¹⁵

Более основательно останавливались на вопросе о природе рукописных текстов, передающих былины, и процессе их возникновения М. Н. Сперанский и А. М. Лобода. М. Н. Сперанский несомненно идет вслед за Майковым (несколько развивая его мысль), когда рисует процесс занесения в рукопись былинного сюжета в следующих чертах: «Интересуюсь исключительно самым содержанием песни, приравнивая его к широко распространенным книжным повестям своего времени, записывавший не соединял с этим представления о былине, как о песне, отличающейся в определенную ритмическую форму; поэтому-то он и пишет знакомую ему по памяти или услышанную им песню сплошь в строке прозой, не заботясь о сохранении ее типичной ритмической формы: стиль его интересует мало; если он и сохраняет по местам — а иногда и на протяжении всей своей записи — ритмическую форму песни, то происходит это у него бессознательно: стремления сохранить песню, как песню, у него не замечаем». ¹⁶ И далее он указывает, что писец, смотря на былинку «только как на материал для любопытного, увлекательного рассказа», свободно обращался с текстом, «дополняя и сокращая его по своим соображениям». Нередко это — композиция «из отдельных, часто идущих из разных былин эпизодов, составляющих в результате „повесть“, или „сказание“». ¹⁷

Последнее положение М. Н. Сперанского выходит уже за пределы концепции Л. Н. Майкова, который не мыслил, по крайней мере в отношении разбираемых им текстов, такой степени «вольного» обращения с материалом, собственно уже литературной работы. Сперанский же не видел принципиального различия между тремя публикуемыми в своем сборнике текстами: «Сказанием о киевских богатырях», «Отрывком былины об Алеше Поповиче» и «Повестью о князе Владимире киевском» (сюжет о Михайле Потоке). Определив «Сказание» как композицию из отдельных эпизодов, «идущих из разных былин», в которой кое-где сохранена ритмическая форма, но в большинстве случаев нарушена, Сперанский «такую же компиляцию» видит в тексте об Алеше и Тугарине и называет даже текст «повестью». ¹⁸

М. Н. Сперанским впервые поставлен и вопрос о том, с какими литературными произведениями связано появление записей былин в рукописных сборниках, какие изменения в литературе обусловили их существование. Он связывает появление и бытование повествований о богатырях с изменением читательских вкусов и запросов в XVII веке. Изменение это происходит, по мнению М. Н. Сперанского, в связи с усилившимся западно-европейским культурным влиянием на русскую литературу и общественную жизнь. Переводные повести и романы, проникающие в XVII веке в русскую литературу, изменяют читательские вкусы и вызывают подражания, появляется литература светская, «занимательное» чтение. В этот круг по-

¹⁴ Русск. нар. поэтич. творчество, т. I, стр. 357.

¹⁵ Там же, т. II, кн. 1. М.—Л., 1955, стр. 139.

¹⁶ Сперанский, стр. 502.

¹⁷ Там же, стр. 503.

¹⁸ Там же.

вестей и романов переводных и оригинальных включались и повествования о богатырях.

Мысль о литературном окружении повестей о богатырях необходимо признать совершенно правильной, но объяснение возможности их появления усилением западноевропейского культурного влияния неверно.

А. М. Лобода уделяет старинным записям былинных сюжетов в своей книге «Русский богатырский эпос» довольно значительное внимание. Он примыкает к тем ученым, которые в этих записях видели в той или иной мере книжные переработки былин — тексты, всецело стоящие «на почве книжной словесности допетровской Руси».¹⁹ При этом, по его словам, книжная обработка «сказывалась не столько в привнесении постороннего, чуждого нашему былевому эпосу элемента, сколько в общем обезличивании, обесцвечивании живого народного творчества». «Под пером различных переписчиков, — говорит Лобода, — прежде всего стал исчезать стих, а с ним и вся колоритность, живость и образность народной передачи». Однако «до общего искажения содержания дело еще не дошло, и посторонние примеси можно наблюдать лишь в частностях, да и то в незначительной степени».²⁰

Наибольшее обесцвечивание, по словам Лободы, наблюдается в текстах, касающихся Ильи Муромца: они «однообразны и не вносят ничего нового сравнительно с позднейшими записями с голоса».²¹

О чуждых эпосу элементах в рукописных пересказах былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике говорит также, но в ином плане, В. Я. Пропп. По его мнению, это именно «повести», имеющие глубокие идейные отличия от былин, игнорирование этих отличий «нужно считать грубой методологической ошибкой», ибо они часто обусловлены принадлежностью памятников к разной социальной среде. «Так, например, — пишет В. Я. Пропп, — в повести Илья Муромец спрашивает Соловья о его золотой казне, находящейся в его селе, названном селом Кутузовым. Никакого села Кутузова в былинах мы не знаем. В былинах Илья никогда не спрашивает и не может спрашивать Соловья о его богатстве. Наоборот, он всегда отказывается от богатого выкупа, который ему предлагает за мужа жена Соловья». Здесь, по мнению В. Я. Проппа, «отличие народной идеологии былины от идеологии „повести“».²²

Таким образом, в научной литературе отложились некоторые, далеко не всегда совпадающие друг с другом представления о природе и происхождении рукописных текстов, повествующих о былинных богатырях, представления, которые возникли скорее как общее впечатление от текстов, чем в результате специального изучения вопроса. Как мы увидим в дальнейшем, некоторые из этих представлений, общего или частного порядка, довольно близки к правильному освещению явления, как например изложенные выше предположения Л. Н. Майкова. Другие отмечены однобокостью, преувеличением в ту или другую сторону, что понятно при отсутствии надлежащего исследования и в какой-то мере обусловилось недостаточным количеством самого материала.

До самого последнего времени единственной попыткой подойти к решению вопроса о природе и происхождении какой-то части текстов с помощью строго объективных научных методов оставалась кандидатская дис-

¹⁹ Л о б о д а, стр. 41.

²⁰ Там же, стр. 41—42.

²¹ Там же, стр. 43.

²² В. Я. П р о п п. Русский героический эпос. Изд. второе, исправленное, М., 1958, стр. 244—245.

сертация А. П. Евгеньевой «Язык былин в записях XVII века». Одна из задач работы — «установить, являются ли тексты XVII века записью устных произведений или книжной обработкой их».²³ Путь к решению этого вопроса — тщательное исследование особенностей языка как рукописных текстов XVII века, так и позднейших былинных записей XVIII—XIX веков и сопоставление этих особенностей с данными определенных диалектов, а также сравнительные наблюдения над композицией и ритмическим складом речи в текстах XVII века и в последующих записях.

В результате исследования А. П. Евгеньева пришла к выводу, что все рассмотренные ею тексты XVII века «являются записями устных произведений, а не письменными пересказами „грамотеев“, „созданными на основе былин“, как утверждают некоторые исследователи». «Об этом говорит, во-первых, диалектная окраска большинства текстов, иногда очень резкая и поэтому дающая возможность локализовать записи; во-вторых, сохранение специфических синтаксических конструкций, твердых сочетаний, характерных для былин; в-третьих, сохранение большей части стихов, сохранение общей композиции, приемов и т. д.».²⁴ Если же в ряде случаев наблюдается прозаизированная передача, то она, по словам А. П. Евгеньевой, может быть объяснена «трудностью воспроизведения на бумаге большого по объему произведения».

Как увидим ниже, не в отношении всех разобранных А. П. Евгеньевой текстов XVII века можно принять ее выводы. Но путь исследования несомненно очень плодотворен, и ряд характерных черт этих текстов раскрыт убедительно.

К сожалению, начатое А. П. Евгеньевой изучение языковых и поэтических особенностей рукописных текстов о богатырях не было продолжено ни ею, ни другими учеными на материале записей XVIII века. Без такой предварительной и тщательной разработки всех известных нам записей определение характера текстов о богатырях в рукописной литературе XVII—XVIII веков будет оставаться гипотетическим.

В 1956 году опубликована монография В. И. Малышева о рукописном тексте повести о богатыре Сухане («Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века»). Это первое и пока единственное углубленное исследование одного из былинных сюжетов, отраженных в рукописной литературе XVII века. Методика исследования — тщательное сопоставление рукописного текста с устной былинной традицией и с близкими явлениями в литературе — и вывод о тексте как литературном произведении на основе былин представляют интерес и для изучения других аналогичных повествований о богатырях.

В последние годы найден ряд новых, не известных в науке текстов. Наличие в настоящее время довольно значительного количества списков позволяет высказать некоторые соображения, вносящие коррективы в изложенные выше представления.

2

При ближайшем знакомстве со всем известным составом рукописных записей былинных сюжетов, при внимательном их прочтении и сопоставлении с изустными записями XVIII—XX веков былин на те же сюжеты становится совершенно очевидной неоднородность этих текстов. Эта не-

²³ А. П. Евгеньева. Язык былин, стр. 166.

²⁴ Там же, стр. 168.

однородность не могла быть так ясно воспринята раньше, когда перед тем или иным ученым было всего несколько текстов, иногда, действительно, мало отличающихся друг от друга по своему характеру. Поэтому мы обычно находим лишь беглые замечания о большей или меньшей сохранности стиха или отдельных былинных фразеологических элементов, о большем или меньшем налете «книжности».

С несомненной определенностью выделяется группа текстов, о которых можно говорить как о записях былин, быть может даже непосредственно от исполнителя, быть может по памяти, или, по крайней мере, как о точной копии с оригинала, представляющего такую именно запись с голоса или по памяти. Это — тексты с записями былин о Михайле Даниловиче, Михайле Потоке (текст XVII века), Алеше Поповиче, Иване Гоудиновиче и один из текстов о Ставре Гоудиновиче (из собрания Ф. И. Буслаева; наст. изд., № 44).

Далее идут тексты, восходящие к таким оригиналам, но со значительным уже разрушением стихотворного склада при переписке. Затем имеются тексты, которые оказываются не былинами с несколько разрушенным стихом, а прозаическими пересказами былинных сюжетов, хотя некоторые из этих текстов сохраняют то в большей, то в меньшей степени былинную фразеологию и устойчивые былинные формулы.

И, наконец, встречаются такие тексты, в которых ясно ощущаются следы сознательной литературной обработки. В некоторых текстах она настолько значительна, что их можно рассматривать как повести в подлинном смысле этого наименования.

Критерием для отнесения тех или иных текстов к записям былины с голоса или по памяти, с одной стороны, и к прозаическим пересказам, с другой, является сохранность или, наоборот, разрушенность ритмического склада и поэтического облика былины, что выясняется сопоставлением с вариантами, бесспорно записанными с устного исполнения. Если этот облик в значительной части текста сохранен, то не может быть никакого сомнения в том, что писец записал текст непосредственно от исполнителя или в том виде, в каком он сам усвоил былинку из устной традиции. Но здесь может стать вопрос: первичная ли эта запись, или уже копия? В этом случае на помощь приходят лингвистические наблюдения и палеографический анализ рукописи.

Вопрос о соотношении с устной традицией — важнейший в изучении старинных текстов, представляющих записи былинных сюжетов. Поскольку нам известны былины в изустных записях XVIII века (сборник Кириши Данилова и публикации XVIII века) и первой половины XIX века («Песни, собранные П. В. Киреевским»), мы вправе судить о сохранении или потере традиционных особенностей былины в рукописных текстах XVII—XVIII веков: в течение одного столетия или даже меньше, при общей устойчивости эпических форм в период, когда былинный эпос в основном уже был сложен, не могло произойти коренного перелома в поэтической его системе. Сопоставление может не только помочь в определении характера того или иного текста, но и выявить наиболее устойчивые традиции в построении сюжета, в обрисовке персонажей, в поэтике. Оно может помочь выделить привнесения, сделанные рукою книжника, вскрыть элементы литературной обработки. Отдельные смутные следы в изустных записях XVIII—XX веков некоторых мотивов, заключающихся в рукописных текстах, но не донесенных в ясном виде до нашего времени, будут свидетельствовать о действительной принадлежности этих мотивов к устному эпическому творчеству. Могут быть вскрыты и такие подробности,

которые, возможно, принадлежали устной традиции в более раннее время, но потом забылись.

Вопросы эти, однако, должны каждый раз решаться с большою осторожностью. Нужно учесть то, что рукописные тексты имели широкое распространение, особенно попавшие в лубок, а следовательно, могли в свою очередь воздействовать на устную традицию. Поэтому в некоторых случаях возможно лишь констатировать близость, совпадение, строить на этой основе некоторые догадки, но не утверждать. Отнесенные к первой группе тексты отмечены прежде всего настолько значительной сохранностью ритма былинного изложения, что легко могут быть представлены, целиком или в большей своей части, с разделением на стихи (см. «Приложение I», 1—5). Правда, в каждом из этих текстов находим несколько разрушенных стихов, строки, представляющие переход стиха в прозу. Нарушение стихотворного ритма происходит в этих случаях обычно вследствие внесения писцом, а быть может, и исполнителем (если он переходил на «пословесную» передачу былины) каких-нибудь лишних слов (см., например, 2-й стих в былине о Михайле Потоке, «Приложение I», 2): «У великава князя Владимира киевскава Всеславьевича», где последнее слово ощущается как ненужное и нарушающее ритм добавление. Чаще всего лишними словами оказываются такие, которые в прозаической речи употребляются для связывания фраз: «тогда», «с того», «потому что», «после того» и т. д. Так, например, в отрывке былины об Алеше Поповиче (наст. изд., № 27), превосходно в целом сохранившем былинную форму, врывается в мерное ритмическое повествование следующая строка: «После того подносили ту же чару меду слатково» (курсивом выделены разрушающие стих слова). Иногда нарушает ритм перестановка слов, особенно, когда вследствие нее теряется традиционное дактилическое окончание. В том же отрывке былины об Алеше Поповиче эпитет «млад» дважды вынесен вопреки традиционному его употреблению после имени богатыря, наблюдаемому во всех устных вариантах, начиная с текста сборника Кирши Данилова, перед именем («Что взговорит млад Алеша Попович», вместо «Что взговорит Алеша Попович млад»).

Таких разрушенных стихов в одних текстах больше, в других меньше. Появление их объяснил в свое время, как мы видели, Л. Н. Майков:²⁵ при сосредоточенности внимания писца главным образом на содержании, а не на ритмическом строе естественно могли произойти указанные изменения в словесной ткани произведения. К этому можно добавить следующее: сам сказитель, если запись происходила с голоса, мог переходить с напевного исполнения на «пословесную» передачу, вследствие чего и возникали прозаизмы. То же явление наблюдается и в случаях несомненной записи с голоса, например в текстах сборника Кирши Данилова и в последующих записях XIX—XX веков.

Исключительная сохранность былинной формы в выделенных текстах была уже отмечена некоторыми исследователями. Это было признано и в отношении отрывка былины об Алеше Поповиче. Спор шел лишь о том, первичная ли это запись или копия (см. комментарий к тексту № 27) — вопрос, который трудно решить на основе небольшого фрагмента. Впрочем, с нашей точки зрения, если и признать в отрывке копию, существо дела не меняется: текст, хотя бы и в копии, отражает непосредственную запись устной былины.

Сопоставление отрывка с соответствующими местами былин об Алеше Поповиче и Тугарине, записанных от народных исполнителей, показывает,

²⁵ См. выше, стр. 8.

с одной стороны, ряд общих мотивов, с другой — и некоторые подробности, которые в изустных записях отсутствуют.

К устойчивым мотивам относится обращение-укор Алеши к князю Владимиру, допустившему наглое поведение Тугарина: «Государь ты, ласков князь Владимир киевско[и], али ты, государь, с княгиною не в любви живеш, что промеж вас болван сидит нетесоно[и]?» В варианте сборника Кириши Данилова Алеша Попович говорит князю:

«Гой еси ты, ласковой сударь Владимир-князь!
Что у тебя за болван пришел,
Что за дурак неотесоной?
Нечестно у князя за столом сидит».

(Кириша Данилов, стр. 131).

И далее изображаются бесчинства Тугарина.

В другом варианте имеет место еще более близкая формула обращения:

«Ты ой есь, Владимир стольнокиевской!
Али ты с княгиной не в любви живешь?
Промежу вами чудо сидит иоганое».

(Ончуков, стр. 334).

Вся сцена на пиру традиционна. Тугарин выпивает огромную чару «единым духом». Алеша Попович вспоминает «обжерчивую» корову своего отца попа Федора, которая на поварне опилась бардою. На этом фрагмент обрывается. В былинах следует дальнейшее развитие образа прожорливого Тугарина и новые насмешки Алеши.

В устных вариантах находим очень близкие к данному фрагменту места, например:

Подносили Тугарину полведра вина,
Подносили Олешеньке полведра вина,
Олешенька-та да потихоньку пьет,
А Тугарин-от да на один душок,
А Тугарин-от на один дух выпиват.

(Тихонравов — Миллер,
отд. II, стр. 98).

Ах Яким, ты Яким, слуга-паробок!
Ты помнишь ли, Аким, памятуешь,
Как у нашего попа-батюшки,
Как у Семена света Ростовского,
Была корова обжорчивая,
Она кашей-бардой охлебалася,
От того-то и смерть ей случилася.

(Миллер, стр. 98).²⁶

Именно потому, что отрывок представляет бесспорно часть устно-поэтического произведения, при этом самую раннюю по времени запись данного сюжета, особый интерес получают подробности, которых нет в более поздних записях: участие чашника фрязина Матвея Петровича, уговаривающего Алешу не смеяться над Тугарином, так как тот не любит «шутки тяжелья»; более детальная картина пира; наименование слуги Алеши Поповича Торопом. А. П. Евгеньева, обратившая на это внимание, дала убедительное объяснение потери первых двух черт позднейшей традицией: «Не

²⁶ Близкие к сцене на пиру места имеются еще в былинах сборников Тихонравова—Миллера, II, №№ 28 (стихи 115—120), 29 (стихи 51—60 и 65—69), Григорьева, I, № 176 (212) (стихи 90—95), Ончукова, № 85 (стихи 91—98), в тексте, опубликованном Т. А. Шубом в книге «Русский фольклор. Материалы и исследования» (т. I, М.—Л., 1956, стр. 213—214) и др.

только в XIX—XX вв., но уже в XVIII в. не было того материала, из которого черпала свои краски былина; в XVII же веке его было достаточно, и былина расцветивалась яркими красками действительности. Детали пира в масловском отрывке (отсутствующие в записях XIX—XX вв. не только былины об Алеше и Тугарине, но и в других, где изображаются пиры) конкретны и живы для XVI—XVII вв. («Чашник-фрязин Матвей Петрович», наливающий «чару меду сладкого», «девятая ества — лебедь белая», передача поднесенной чары младшему товарищу) — отсутствуют в современных записях, так как не поддерживаются реальной жизнью.²⁷ Эти подробности органичны в изображенной сцене. Отрывок свидетельствует о наличии в XVII веке редакции эпизода на пиру, которая в более поздних былинах не сохранилась.

Интересно также имя слуги-паробка Алеша Поповича — Тороп, упоминающееся в летописных сводах как имя слуги богатыря Александра Поповича. В XVIII веке это имя, видимо, получает в эпосе более широкое применение для обозначения слуги богатыря. В приведенном Левшиным былинном отрывке²⁸ Тороп оказывается слугой Добрыни Никитича. В рукописных текстах XVIII века об Илье Муромце (наст. изд., №№ 10—12) говорится, что князь Владимир подарил Илье Муромцу «слугу вернова» Торопа, с которым Илья и выезжает в поле. Имя Торопа как слуги Ильи Муромца находим и в варианте былины о Калине-царе, записанном от М. Д. Кривополеновой.²⁹ В других записях XIX—XX веков это имя уже не встречается. Слуга Алеша — обычно Еким, Аким.

Значительной сохранностью былинного речевого склада и ритма отличается и текст с записью былины об Иване Годиновиче. Стихотворный вид былины легко восстанавливается, строки с разрушенным стихом встречаются редко.

Происхождение записи неизвестно, но скорее всего можно предположить, что это не копия более раннего списка (так как отсутствуют обычные в этих случаях опiski и искажения), а довольно точная запись устного источника. При записи, возможно, внесены были некоторые изменения и сокращения, но если таковые и есть, то они явно незначительны: повествование развивается стройно, логично, все эпизоды находят параллели в позднейших изустных вариантах, совпадая порой и в деталях, и словесно (особенно сближаются в этом отношении данный текст и вариант сборника Кирши Данилова). Некоторое сокращение можно скорее всего предполагать в эпизоде насильственного увоза Настасьи с предшествующим ему упоминанием о пире у Дмитрия, так как здесь отсутствует обычная для данного эпизода сцена борьбы. Но, может быть, уже в таком виде была известна писцу сама былина. Если же это и копия, то не сокращенного и зложеной былины, как определила данный текст П. Г. Ширяева, а очень хорошо сделанной записи подлинной былины.

Вместе с традиционным характером ряда эпизодов в тексте наблюдается и своеобразная передача некоторых из них. Так, отсылка дружины на лов происходит уже после того, как Ивану Годиновичу удалось увезти Настасью. И он посылает дружинников привезти ему дичины для брачного стола (во многих других вариантах он посылает дружину по звериным следам за подарком для князя, иногда, как например у Кирши Данилова,

²⁷ Евгеньева. Язык былин, стр. 173.

²⁸ См. «Приложения», стр. 247.

²⁹ М. Д. Кривополенова. Былины, скоморошины, сказки. Редакция, вступительная статья и примечания А. А. Морозова, Архангельск, 1950, стр. 46.

и до посещения дома Дмитрия). Возвращение дружины с «пйтерами и едерами», с «ествой сахарною» после расправы с Настасьей дает возможность подчеркнуть печальное завершение предпринятого Иваном Годиновичем сватовства. Таким образом, оба эпизода искусно связаны с повествованием, художественно оправданы, а по своему характеру явно принадлежат к устной традиции.

Своеобразен и конец былины: Иван Годинович уходит в монастырь. Традиционен в устных вариантах другой конец. Герой, возвратясь в Киев, иронизирует по поводу своей неудачи: «Всяк-то на сем свете женится, да не всякому женитьба издавается!» (Рыбников, II, № 195). Эта насмешка дается иногда и от автора или присутствующих (например, Гильфердинг, № 179). Однако аналогичный рукописному тексту конец имеется еще в одном варианте с Печоры (Ончуков, № 80): Иван Годинович уходит в «пещеры». Очевидно, следовательно, эта концовка не придумана писцом, а возникла в самой устной традиции, но не была популярной.

Большой интерес для истории былинного эпоса представляет «Гистория о киевском богатыре Михайле сыне Даниловиче двенадцати лет» (наст. изд., № 28). Она тоже превосходно сохранила стиль и в значительной части и ритм былинного изложения. Правда, на протяжении всего этого большого текста встречается ряд строк и целых фрагментов с разрушенным ритмом, которые препятствуют легкому членению на стихи всего произведения. Но и сквозь такие строки видна подлинная былина во всем ее характерном художественном облике. Примечательно, что строк с разрушенным стихом становится все больше по мере удаления от начала, что объясняется естественным утомлением писца.

Стиль текста — в полной мере былинный. Случаи вторжения отдельных книжных лексических и фразеологических элементов редки. По некоторым особенностям рукописи большинство исследователей склонны признать ее копией. Но исключительную близость к народному складу былин отмечали все, кто касался этого текста.

Текст интересен как образец особой редакции, по отдельным деталям содержания и по построению отличной от традиционных устных вариантов. Из записей XIX—XX веков к нему единственно близким оказался только текст сборника Б. и Ю. Соколовых «Сказки и песни Белозерского края» — запись 1909 года. Варианты сходны и в общем своем построении, и в подробностях.³⁰ В обоих текстах отсутствуют эпизоды, обычные для всех вариантов: 1) уход в монастырь старого богатыря Данилы, оставляющего вместо себя малолетнего сына Михайлу (сохраняется лишь поездка сына перед боем в монастырь за благословением); 2) вмешательство отца в бой. Вместе с тем в оба текста включены эпизоды, отсутствующие в других вариантах: 1) приход на пир вестника с поля, который сообщает о нашествии вражеской рати (в «Гистории» вестником является «добрый молодец», у Соколовых — Илья Муромец); 2) перемирие, во время которого враги роют подкопы для захвата в плен Михайлы (в «Гистории» о перемирии просят враги — это подчеркивает их коварство, в новгородском варианте — сам Михайла, уставший от боя); 3) заключение Михайлы Даниловича после боя в темницу (в «Гистории» его оговаривают,

³⁰ Это было замечено Б. М. и Ю. М. Соколовыми, которые первые произвели сопоставление обоих текстов как относящихся к одной редакции и отметили ее отличие от других (Б. и Ю. Соколовы. Сказки и песни Белозерского края. М., 1915, стр. ХСVI—ХСIХ). Вывод Соколовых о тождестве редакций принят В. Ф. Миллером (Очерки, III, стр. 247).

в записи Соколовых ему не верит князь Владимир, потому что Михайла не привез, как обещал, «человека из-под знаменья») и сознание князем Владимиром своей вины после получения фактических доказательств подвига Михайлы (в «Гистории» Илья Муромец производит по поручению князя проверку на поле боя, как Добрыня в былине о Сухане; в новгородской записи — через три дня прибывают захваченные в плен и изувеченные князья Бахмет и Старуришшо).

Единство редакции подтверждается почти полным тождеством имен и названий: в «Гистории» враг — Бахмет Тавруевич, у Соколовых — Бахмет с сыном своим Тавлетом; шелому баканову «Гистории» соответствуют в варианте Соколовых горы Балкановы, в другом месте — Баклановы; в «Гистории» фигурируют «три брата братовича», у Соколовых — «четыре братцы Збородовичи».

В. Ф. Миллер на основе сличения обоих текстов сделал вывод о том, что «новгородский вариант, несмотря на некоторые незначительные изменения, подтверждает точность старинной записи былины».³¹ Конечно, в данном случае возможен и факт непосредственной зависимости новгородского варианта, в каком-либо поколении сказителей, от старинной записи (о чем особенно заставляет думать совпадение имен и названий),³² но это не снимает утверждения о том, что сам текст «Гистории» идет от устной традиции. Единственная часть, которая с этой стороны может вызвать сомнение, — это самая концовка, в которой говорится, что Михайла Данилович едет к отцу в монастырь, постригается и живет в монастыре «в великой славе и чести и до смерти своей». Вероятнее всего это прибавлено самим писцом для придания завершенности конфликту между князем и богатырем, причем концовка эта в известной мере снижает остроту изображаемого конфликта: князь «отпускает» Михайлу, и тот прощается с князем. Включение же в данную редакцию самого конфликта, сближающее текст с былиной о Сухане, представляет исключительный интерес как наслоение на более древнюю былину отражений позднейшей эпохи. Отказ оскорбленного Михайлы от награды и его решение уехать из Киева являюся таким же выражением социального протеста, как и самоубийство Сухана. Вся эта часть с «лихими оговорщиками», с заточением богатыря, совершившего подвиг, с запоздалым признанием его заслуг — вполне в духе эпической традиции XVI—XVII веков.

Хорошей сохранностью стихотворной структуры отличается в первой своей части (до рассказа о приходе купчины с заморскими товарами) текст «Повести» о Михайле Потоке, относящийся к XVII веку (ГПБ. О. XVII. 44). В последующей части наблюдается уже разрушение стиха, однако с прозой все время перемежаются стихотворные фрагменты. Текст сохранил также полностью былинную фразеологию и поэтический стиль былины. Это побудило еще Л. Н. Майкова предположить, как мы отметили, что это — первичная запись былины непосредственно с голоса или по памяти. Категоричность этого утверждения оспаривали А. М. Лобода и Б. М. Соколов. С другой стороны, мнение Л. Н. Майкова поддерживает и обосновывает в своих работах А. П. Евгеньева (см. комментарий, № 37). Во всяком случае, если это и копия, то чрезвычайно точно следующая за оригиналом (за исключением чисто механических отклонений) — записью былины с устного исполнения или по памяти.

³¹ М и л л е р. Очерки, III, стр. 247.

³² Это один из тех трудных случаев, когда нельзя определенно решить вопрос о происхождении близости между рукописным текстом и устным вариантом.

Наиболее близкими к Библиотечному списку XVII века являются список собрания Овчинникова первой половины XVIII века (наст. изд., № 36) и список собрания Забелина конца XVIII века (наст. изд., № 38), особенно первый. В Забелинском уже больше изменений, что, по словам А. П. Евгеньевой, «находится в полном соответствии с тенденциями конца XVIII в. в отношении к произведениям устной поэзии».³³ Все три принадлежат к той версии сюжета, которая в изустных записях XIX—XX веков представлена преимущественно прионежскими вариантами и характеризуется наличием следующих эпизодов: 1) князь Владимир посылает трех богатырей за даями; выполнив это поручение, Поток на обратном пути, у моря, встречает девушку-лебедь, которая и становится его женой, но не на охоте, на которую послан князем, как в некоторых других вариантах (Кирша Данилов, № 23; Марков, № 8 и др.); 2) богатыри, отправляясь по поручению князя Владимира за даями, называют себя братьями и уговариваются выручать друг друга из беды (эта деталь композиционно важна, она используется в дальнейшем развертывании действия); смерть жены Потока случается в отсутствии Михайлы, когда он совершает воинские подвиги, выполняя новое поручение князя или просто «тешась» в чистом поле; 3) во исполнение уговора с женой — в случае смерти одного из супругов живому идти в могилу, Михайла дает похоронить себя; в могиле сражается со змеей и оживляет жену принесенной змеею живой водой (но не бьет железными прутьями саму жену, превратившуюся в змею, чтобы погубить Михайлу, как в одном из беломорских вариантов, — Марков, № 8); 4) слава о красоте Марьи или Авдотьи Лебеди Белой навлекает нашествие вражеского короля (или королей, царей, царевичей), требующего выдачи жены Потока; 5) после своего бегства с вражеским королем Лебедь Белая несколько раз пытается погубить Михайлу: опаивает его сонным зельем, связывает сонного, наконец превращает его в камень; характерная деталь этого эпизода: вражеский король отказывается убить Михайлу в сонном состоянии, как того требует Лебедь Белая; 6) богатыри, товарищи Потока, идут его отыскивать и с помощью старика-калики раскалывают камень и освобождают Потока от чар; 7) Поток приходит к королю, соблазнившему его жену, последняя снова опаивает его и пригвождает к стене; 8) дочь или сестра спасает Потока, заменяя его мертвым татаринном; Поток расправляется с изменницей и ее любовником и женится на спасшей его девушке.

Остальные списки, содержащие изложение былины о Михайле Потоке, восходят в конечном счете к тому же тексту XVII века (о чем говорят многие буквальные совпадения), но через посредство какой-то копии или копий, сильно сокративших передачу содержания. Они представляют как бы краткую редакцию той же версии. В них вся заключительная часть после «отворота» Михайлы Потока (эпизода с разбиванием камня) передана сжато, всего в нескольких строках, причем выпущен весь эпизод с пригвождением Потока к стене и спасением его дочерью Кащея, хотя какие-то смутные следы этого эпизода можно видеть в упоминании о новой женитьбе Потока на дочери Кащея. Более кратко изложен и эпизод погони Михайлы за женой и ее любовником, более сжато говорится о выдаче Лебеди Белой Кащею. При отдельных текстуальных совпадениях с тремя первыми списками в данных списках одни и те же эпизоды в большинстве случаев переданы несколько иначе; таким образом, они не скопированы,

³³ А. П. Евгеньева. Два новых текста XVIII в. былины о Михайле Потоке. Труды ОДРА, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 485.

а пересказаны. Заметно изменены лексика и фразеология в сторону усиления книжных слов и небылинных оборотов.

Таким образом, 6 имеющихся текстов на сюжет о Михайле Потоке, родственные между собою, образуют две редакции — полную и сокращенную.³⁴ Наличие довольно большого числа текстов о Потоке позволяет уяснить некоторые черты жизни этого сюжета в рукописной традиции. В ряде текстов заметно вмешательство писцов-книжников. Оно сказывается в ослаблении былинной фразеологии, усилении прозаичных речевых оборотов, например в замене прямой речи косвенной, в иной передаче отдельных эпизодов. Но это — главным образом редакторская работа. Ни один из текстов не подвергся более глубокой переработке, меняющей идейный смысл произведения, характер образов. В своей композиции и в разработке деталей все тексты сохраняют соответствие с живой устной традицией, зафиксированной записями XIX—XX веков.

Но имеются в них и своеобразные черты, которые отличают их от наиболее близких прионежских. 1) В действие вводится «купчина Золотой Орды» с заморскими товарами, который и рассказывает царю Кашею о красоте Михайловой жены. Ни в одном из устных вариантов XIX—XX веков былины о Потыке этого персонажа нет, но его роль напоминает роль Таракашки — гостя купца-заморенина в былине о Соломане и Василии Окульевиче и не противоречит общему стилю былины. 2) Замечательна деталь — князь Владимир, узнав о невесте Потока, просит «переступить» ее ему, князю. 3) С каждым новым приходом Кашея повторяются обращения князя Владимира к киевлянам за советом и требование киевлян отдать жену Потока Кашею; из позднейших вариантов только единичные содержат этот мотив:

Собирает тут Владимир стольне-киевской
Своих господ, своих бояр,
Стал он тут Владимир совет советовать
Со своимна господамы, со своимна боярам:
«Ежли нам не отдать этой Марьи лебедь белой королевичной,
Приведут наш стольной Киев-град во розорение».

(Гильфердинг, I, стр. 352).

4) В некоторых прионежских вариантах возникает мотив пристрастия Потока к вину; именно тем, что он пьянствует, мотивируется его частое отсутствие, весть о смерти жены приходит в кабак (например: Рыбников, I, № 12; II, № 196 и др.). В рукописных текстах отсутствие Михайлы каждый раз обусловлено его отъездом в чистое поле для ратных забав и подвигов. 5) Нет в данных текстах и появления Михайлы перед вражеским королем в женском платье (см.: Гильфердинг, №№ 39, 40 и др.). Героический образ Потока более выдержан в данных записях, и это — замечательная черта рукописных текстов, говорящая о том, что в них запечатлен более древний вид сюжета.

Оба текста, содержащие сюжет о Ставре Гоудиновиче, тоже обнаруживают тесную связь с устной традицией и по содержанию и, в основном, по языку, лексике, фразеологии, в особенности список первой четверти XVIII века из собрания Буслаева (наст. изд., № 44). Эпический стиль настолько хорошо отражен в данном тексте, что вызывает предположение о записи с голоса или по памяти устной былины. Однако несколько отдельных случаев искажений — явный результат описки — не позволяет

³⁴ Это в свое время было отмечено еще Б. М. Соколовым («Этнография», 1926, № 1—2, стр. 114).

рассматривать данный текст как непосредственную первоначальную запись со слов, а побуждают видеть в нем копию, очевидно очень точную, с оригинала, который и мог быть такой живой записью.

Другая запись половины XVII века (наст. изд., № 45, столбец Пазухина) принадлежит к копиям, в которых уже в процессе переписывания разрушался стих и появлялись слова и обороты, не соответствующие народно-эпической речи. Текстуальные совпадения отдельных частей повествования с № 44 заставляют предполагать генетическую связь между этими двумя текстами, вопреки утверждению А. П. Евгеньевой, которая оспаривала мнение А. И. Соболевского о единой их основе и говорила, наоборот, о совершенной их самостоятельности и независимости друг от друга.³⁵

Тексты различаются главным образом степенью детализации. Текст XVII века более пространен. Так, в записи XVIII века (сопоставляется только вторая часть, сохранившаяся в ранней записи) отсутствует перечисление Апраксией примет, по которым она заподозривает в «грозном после» жену Ставра. В эпизоде испытания сохраняется только кулачная борьба; нет состязания в стрельбе из лука; выпущено обращение князя Владимира к послу с предложением награды за молодецкую потеху; самый конец передан более сокращенно. В остальном оба текста очень близки.

Генетическая связь между обоими текстами нам рисуется в таком возможном виде. Когда-то со слов была очень точно записана былина о Ставре. Один из копиистов добросовестно и внимательно списал текст, сохранив стихотворный склад и былинную фразеологию, но сделал несколько незначительных сокращений во второй части (о чем свидетельствует сличение обоих текстов), однако без ущерба для смысла повествования. Вместе с тем на каком-то этапе распространения первоначального списка другой копиист, сохранив, наоборот, полностью эпизодов, сделал словесную ткань былины более прозаической, разрушив в ряде мест стих и внедрив книжные обороты речи и отдельные слова. Был ли это автор пазухинского списка или еще предшествующий ему писец, сказать, конечно, нельзя.

Оба текста принадлежат к той группе обработок данного сюжета, которая представлена тремя сибирскими вариантами (Кирша Данилов, № 15; Гуляев, № 24; Тихонравов — Миллер, отд. II, № 57) и одним вариантом из Владимирской губернии (Миллер, № 88). Основное отличие вариантов этой группы от всех других текстов, представленных почти исключительно прионежскими записями, в том, что жена Ставра выступает здесь в роли грозного посла от вражеского короля, требует дани и угрожает захватом Киева. В прионежских же записях она является в качестве жениха, претендующего на руку племянницы князя Владимира.³⁶

В. Ф. Миллер, первым установивший наличие этих двух основных групп вариантов, полагал обработки с мотивами военной угрозы более древними, былины же с мотивом сватовства позднейшими переделками, носящими печать скоморошьего искусства. А. Н. Веселовский, который не знал всех вариантов «сибирской группы», кроме текста сборника Кирши Данилова, тоже считал, что этот текст из всех наиболее близок к древнейшему типу данной былины. В свете этих предположений немаловажное значение имеет то обстоятельство, что обе самые ранние записи относятся к группе, считаю-

³⁵ Евгеньева, *Язык былин*, стр. 174.

³⁶ В некоторых позднейших записях наблюдается соединение обоих мотивов, см.: Парилова—Соймонов, №№ 11, 46, 63; Астахова, I, № 35; II, № 159; Коношков, № 14.

щейся более древней. Непонятно даже, почему В. Ф. Миллер не привлек к рассмотрению в своем исследовании былин о Ставре текст из сборника Буслаева, который должен был быть ему известным по публикации Н. С. Тихонравова 1891 года (запись середины XVII века ему еще не была известна).

3

Наиболее сложным и трудным является вопрос о природе и происхождении текстов на сюжет об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Он труден и оттого, что эти тексты не сохраняют так ощутимо, как все рассмотренные (одни в большей, другие в меньшей степени), поэтический облик устной былины, и вследствие того, что тексты разнородны, представляют не один тип, а несколько. Поэтому прежде, чем решать поставленный вопрос о природе этих текстов, следует разобраться в самом их составе.

Еще Л. Н. Майков и В. Ф. Миллер, которым было известно 6 рукописных пересказов былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике (наст. изд. №№ 1, 2, 4, 5, 8, 26) обратили внимание на значительное отличие одного текста — Забелина 82 (наст. изд., № 26) — от всех прочих, представляющих единую редакцию и восходящих к общему источнику.³⁷ На основе этих близких друг к другу списков Л. Н. Майков даже попробовал «по возможности восстановить „Повесть“ в том виде, в каком она была впервые положена на бумагу в XVII веке, и этот реконструированный текст напечатал в конце своего исследования.³⁸ Забелинский же текст, по словам Майкова, представляет «схему более широкую», не только распространяет повествование «многими особенными подробностями», но и дополняет рассказом о том, как Илья Муромец спас Киев-град от Идолища Поганого. Этот текст Майков объединял с лубочными сказками об Илье Муромце, которые он знал по «Песням, собранным П. В. Киреевским» (вып. I, стр. XVII) и по «Русским народным картинкам» Д. А. Ровинского (кн. I, стр. 2—7). Кроме того, по упоминанию А. И. Кирпичникова в «Поэмах Ломбардского цикла» еще об одном тексте (Барсова 8; наст. изд., № 15), Майков и этот текст относил к той же группе.

Таким образом, уже Л. Н. Майковым (и позднее В. Ф. Миллером) были намечены две основные группы рукописных текстов с сюжетом «Илья Муромец и Соловей-разбойник», представляющие различные версии пересказа этой былины.

В настоящее время мы знаем значительно большее число списков «повестей», «сказаний» и «историй» об Илье Муромце, чем было известно Л. Н. Майкову и В. Ф. Миллеру. К тем шести, которые они знали, прибавилось еще 20. Это позволяет проверить сделанные в 1890-е годы наблюдения и внести ряд поправок в вопрос о редакциях рукописных пересказов былины.

Прежде всего подтверждается положение о том, что все списки с сюжетом этой былины (за исключением двух) образуют две основные группы, имеющие каждая очень определенные отличительные черты, устойчивые во всех текстах.

Одной из таких черт является на первый взгляд, казалось бы, чисто внешний, формальный признак — разница в наименовании того города, который освобождает Илья Муромец на пути в Киев. В одной группе текстов — это Себеж, в другой — Чернигов. Известно, что в устной традиции

³⁷ Майков, стр. 8; Миллер. Очерки, I, стр. 393.

³⁸ Майков, стр. 24—28.

наименования городов, рек и гор легко заменяются одни другими. В данном же случае все тексты с городом Себежем имеют в своей основной части — пересказе былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике — ряд общих устойчивых черт, которые отличают их от текстов с упоминанием города Чернигова, в свою очередь объединяющихся общими чертами в особую группу. Поэтому первую группу условно можно назвать «себежской», вторую — «черниговской». К «себежской» группе относятся 11 текстов + краткий отрывок из собрания Ундольского, (наст. изд., № 1—12), к «черниговской» — 5 текстов из рукописных сборников и все известные варианты текста к лубочным картинкам (наст. изд., №№ 15—26).

Главные отличительные черты первой группы от второй: 1) нет рассказа о встрече с разбойниками до освобождения города, эта встреча изображена во всех текстах «черниговской» группы; 2) Илья побеждает под городом трех заморских царевичей, которые похваляются город «за щитом» взять, — в текстах «черниговской» версии город обложило несметное басурманское войско «что ему и сметы нет»; 3) после победы над Соловьем-разбойником Илья Муромец допрашивает его, где хранится его казна, и едет в села Кутузовы, где живут сыновья Соловья, — в текстах «черниговской» группы нет упоминаний о казне и селах Кутузовых, и фигурируют не сыновья, а дочери, причем одна из них покушается убить Илью Муромца подворотней; 4) в сцене свиста Соловья в палатах князя не указан злой умысел разбойника погубить окружающих, нет поэтому и казни Соловья, — в «черниговской» группе Соловей нарушает приказ Ильи свистеть вполсвиста, свистит в полный свист, за что Илья Муромец и убивает Соловья; 5) в случае контаминации былины о Соловье-разбойнике с другим героическим сюжетом в «себежских» текстах присоединяется рассказ о победе Ильи Муромца над Тухманом-царем, в «черниговских» — над Идолищем; 6) в «себежских» вариантах князь Владимир всюду именуется Всеславьевич (Сеславьевич).

Поскольку указанные отличия выражаются в существенно ином изложении событий, считаем более правильным применить к отмеченным группам термин «версия», а не «редакция» как это делал В. Ф. Миллер.

К тому же тексты и той и другой группы не представляют единых редакций. Напротив, внутри каждой из групп можно наметить несколько редакций.

Среди вновь обнаруженных в советское время текстов пять оказались с рассказом об исцелении. При этом три из них — Лихачева 74, Забелина 548 (244/1) и Титова 3315 (наст. изд., №№ 10—12) — являются почти тождественными (с некоторыми лишь мелкими, незначительными различиями). Их отличительные особенности: совершенно житейский характер рассказа об исцелении (причем исцелителем является чудотворец Николай), отсутствие какого бы то ни было упоминания о крестьянском происхождении Ильи (отец, Иван Елефериевич — в одном варианте даже Иоан, — просто «стар матер человек» в городе Муроме), эпизод выкармливания Ильей шелудивого жеребенка от отцовской кобылы и присоединение к основному сюжету рассказа о победе Ильи Муромца над Тухманом-царем. В своей же центральной части эти тексты примыкают к «себежской» версии.

Два других текста, включающих рассказ об Илье-сидне и его исцелении, — архангельский, найденный М. Протопоповым (наст. изд., № 13), и текст Калининского музея, опубликованный И. Ф. Голубевым (наст. изд., № 14), — представляют уже иные редакции. Их объединяет ряд общих черт. В обоих текстах иначе построен рассказ об исцелении: исцелителями

являются двое прохожих накануне праздника Ильи-пророка; Илья — сын крестьянина Ивана из деревни Лаптевой или сельца Каптяева; в конюшне отца Илья отыскивает бурого жеребца. Нет в обоих текстах присоединения рассказа о Тухмане-царе. Но текст Архангельский значительно более краткий. Он заканчивается сценой свиста Соловья-разбойника и пожалованием Ильи князем Владимиром «выше своих богатырей киевских». Калининский же вариант включает ряд дополнений, нигде более не встречающихся: приказ Ильи Муромца сыновьям Соловья-разбойника везти в Киев казну, что они и выполняют, вследствие чего князь Владимир их и самого Соловья-разбойника принимает к себе на службу в качестве богатырей; посещение Ильей церкви сразу же по приезде в Киев (у церкви происходит встреча его с князем Владимиром) и ряд отдельных деталей. С другой стороны, архангельский вариант включает своеобразный, только данному варианту присущий эпизод поединка на конях Ильи Муромца и Соловья-разбойника.

Все это побуждает нас оба текста при несомненной близости в первой части (исцеление) рассматривать все же не как варианты единой редакции, а как две разных редакции. При этом архангельский текст в передаче сюжета о Соловье-разбойнике отчасти примыкает к «себежской» версии, калининский же стоит особняком.

Все «себежские» тексты без рассказа об исцелении следует рассматривать как варианты одной редакции, отличающиеся некоторыми иногда существенными, но чаще незначительными различиями.

Тексты «черниговской» версии, за исключением одного — Забелина 82 (наст. изд., № 26), — несомненно восходят к единому источнику и представляют одну редакцию. Забелинский же текст является образцом другой редакции. Его отличие не только в большей полноте, но и в иной разработке отдельных эпизодов. Так, эпизод пребывания Ильи Муромца в Чернигове дополняется рассказом о том, что оно совпало с праздником пасхи, и что Илья получил от князя киберского и воеводы черниговского по яичку, на которых было написано, в какой день Илья поспел из Муромы в Чернигов и сколько под Черниговом было басурманской силы. В дальнейшем этими яичками Илья Муромец христосует с князем Владимиром и с княгиней Апраксией, но последняя, прочитав надпись, не верит тому, что в ней сказано. В текст включены также эпизоды: проверка сперва Алешей Поповичем, затем князем Владимиром силы и хватки коня Ильи Муромца; изведывание силы самого Ильи Муромца путем указания ему места среди сильнейших богатырей; гнев князя на Илью за кажущийся обман и угрозы князя; сопоставление богатырей Алеши Поповича и Добрыни Никитича в их обращениях к Соловью; привоз выкупа в Киев зятьями Соловья. Последний эпизод роднит данный текст с Калининским вариантом. Вообще же вся заключительная часть пересказа — Илья Муромец в Киеве — разработана оригинально и сильно отличается от соответствующей части текстов первой редакции.

Таким образом, мы насчитываем во всем составе текстов, повествующих об Илье Муромце, шесть типов обработки сюжета: 1) краткая редакция «себежской» версии, представленная целым рядом вариантов (наст. изд., №№ 1—9); 2) редакция «себежская» распространенная — контаминация с сюжетом об исцелении и рассказом о Тухмане-царе, представленная тремя, почти тождественными вариантами; 3) «черниговская» краткая, вошедшая в лубок; 4) «черниговская» распространенная — Забелинского списка № 82; 5) особая редакция, представленная Калининским списком; 6) редакция Архангельского списка.

Анализ текстов краткой редакции «себежской» версии и сопоставление их друг с другом устанавливает, во-первых, что все они являются копиями, во-вторых, что они не только отражают единую редакцию, но и восходят к единому оригиналу, который когда-то явился первичной записью сюжета об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Копиями той же редакции явились и излагающие сюжет о Соловье-разбойнике центральные части текстов №№ 10—12 с рассказом об исцелении.

Каково же соотношение всех текстов друг к другу, и можно ли всех их вытянуть в единый ряд, установив генетическую связь их друг с другом? Это не представляется возможным. Несомненно, были еще не известные нам промежуточные звенья, и каждый из текстов являлся копией с копии. Можно лишь наметить большую или меньшую близость отдельных текстов друг другу в некоторых эпизодах или в целом, и примерно представить отдельные этапы литературной истории той редакции, которая однажды была занесена на бумагу и затем распространилась во многих копиях.

Ни один из текстов «себежской» редакции не сохранил стихотворного склада в той мере, в какой мы это видели в текстах, содержащих другие сюжеты. Стихи или не выделяются совсем, или ощущаются лишь в отдельных частях, в одних текстах чаще, в других реже. Речь, правда, ритмична, но так, как бывает ритмична в устных сказках и побывальщинах. Нет никакого сомнения, что здесь мы имеем прозаический пересказ содержания определенной былины.

В полной мере прозаическими произведениями являются тексты «черниговской» версии. Если «себежские» варианты, хотя и излагают сюжет прозой, сохраняют все же некоторые следы стихотворного склада, такие совершенно отсутствуют в «черниговских», за исключением Забелинского списка. В нем можно выделить и отдельные стихи и небольшие стихотворные фрагменты, хотя в целом это — прозаическое повествование, к тому же со значительным числом чисто книжных выражений.

Прозаическая природа всех «себежских» и «черниговских» текстов легко устанавливается при внимательном их чтении. Но следует определить еще самый характер прозаического пересказа. Есть ли это прозаическая передача былины с точным сохранением всего хода повествования, всей композиции, образов, фразеологии былины, или это уже литературная обработка былинного сюжета, «повесть» на былинные мотивы?

Вопрос может быть решен только на основе изучения соотношения рукописных текстов с устной традицией, отраженной в записях XVIII—XX веков от народных исполнителей былины.

4

Все «себежские» варианты, не включающие рассказ об исцелении Ильи-сидня (наст. изд., №№ 1—9), начинают повествование с указания, что из Муромца в Киев, к князю Владимиру, едет, отстояв воскресную заутреню, богатырь Илья Муромец. Выезжая, он кладет завет — в продолжение всего пути не вынимать из ножен сабли и на лук тетивы не натягивать. Князь Владимир при этом обычно именуется Всеславьевичем или Сеславьевичем. Так же начинают рассказ о первой поездке Ильи и те варианты «себежской» версии, которые этому рассказу предпосылают историю исцеления Ильи (наст. изд., №№ 10—12). Упоминание о заутрене используется в дальнейшем для подчеркивания исключительной быстроты поездки Ильи Муромца: князь Владимир не верит словам

Ильи, что он выехал из Мурома в тот же день после заутрени (см., например, наст. изд., № 1, строки 65—67).

Большинство устных вариантов XVIII—XX веков начинают былинку об Илье Муромце и Соловье-разбойнике так же, как и «себежские» варианты, сразу с выезда Ильи из Мурома, но обычно прибавляя упоминание о селе Корочаеве:

Как из славнова города из Мурома,
Из тово села Корочаева,
Как была-де поездка богатырская:
Нарежался Илья Муромец Иванович
Ко стольному городу ко Киеву.

(Кирша Д а н и л о в, стр. 239).

С той-то земли, с богатой орды,
Со славнаго города со Мурома,
Со того ли села с Карачаева,
Как снаряжается да собирается
Удаленькой-упаленькой дородный добрый молодец,
Старый казак Илья Муромец,
Не в дальнюю дороженьку, не в ближнюю,
Ко славному ко городу ко Киеву,
Ко солнышку князю Владимиру.

(Рыбников, II, стр. 146—147).

Старый казак Илья Муромец,
Илья Муромец, сын Иванович,
Держал поездку со Муромля.

(Гильфердинг, II, стр. 273).

Наименование князя Владимира Сеславьевичем встречается только в одном варианте (Гуляев, № 1).

Изображение выезда Ильи Муромца после заутрени очень устойчиво в устных вариантах. При этом указывается и срок поездки, и, следовательно, уже в самом начале отмечена ее неимоверная быстрота:

Во городе было во Муроме,
Во том селе во Карачарове,
Жил молодой Илья Муромец,
Илья Муромец, сын Иванович.
И ходил-то он к заутрины воскресныя,
И стоял-то он заутрину воскресную,
И завечал-то заветы крепкие:
Поспеть к обедни воскресныя во Киев-град.

(Рыбников, II, стр. 475).

Из того ли-то из города из Муромля,
Из того села да с Карачирова,
Выезжал удаленькой дородный добрый молодец,
Он стоял заутрену во Муромли,
А й к обеденке поспеть хотел он в стольней Киев-град.

(Гильфердинг, II, стр. 10).

Так же устойчив и мотив завета Ильи не пользоваться в пути оружием. По нашему подсчету, примерно одна треть, если не больше, всех вариантов в различных словесных вариациях повторяет этот мотив:

И кладет Илья заповедь велику:
Что проехать дорогу прямоезжую,
Котора залегла равно тридцать лет,

Не вымать из налушна тугой лук,
Из колчана не вымать калену стрелу.

(Кирша Давидов, стр. 239).

Клал обет на палицу боевую
И на саблю острую,
На копье мурзалецкое,
Чтобы не увязывать до города до Киева,
До солнышка до Сеславьева.

(Гуляев, стр. 55).

А не вымать из налучишша туга луку,
Не вымать из кольцюжын каленой стрелы.

(Григорьев, III, стр. 42).

И стал тогда залог закладывать:
«Не слезовать чтобы мне с добра коня».
И другой залог стал закладывать:
«Не кровавить чтобы сабля вострая».
Третьей залог стал закладывать:
«Не вымать из налучья тугой лучок».

(Овчукон, стр. 82).

Таким образом, начальная часть «себежских» вариантов находит частое соответствие в устных записях.

После вступительной части о выезде Ильи из Мурома следует в «себежских» текстах эпизод освобождения города Себежа от осадивших его с несметной силой-армией трех заморских царевичей. Илья Муромец побивает вражеское войско, берет в плен царевичей и дарит их себежскому царю. Последний уговаривает Илью остаться у него на службе, суля ему полцарства своего. Илья не соглашается и спрашивает прямую дорогу на Киев. Себежский царь говорит, что дорогу эту сделал непроезжей Соловей-разбойник. Илья едет этой дорогой. Вместо себежского царя в некоторых текстах значится «сибирский» царь — явная описка копииста.

Преобладающее число устных вариантов знают Чернигов, а не Себеж. В ряде вариантов называются и другие города (Смолягин, Смолягинец, Смоленский, Тигов, Тиговский, Чижинец, Чижен, Бежегов, Бекешев, Бекешовец, Бекетовец, Кидош, Кидиш, Кряков, деревня Обалковщина). Город Себеж не упоминается. Но в наименованиях «Бежегов» и «Бекешев» и близких к ним несомненно следует видеть искажение первоначального — «Себеж». Очевидно, также по созвучию Себеж был заменен легендарным городом Китеж в формах «Кидиш» и «Кидош».³⁹ Итак, хотя и в немногих вариантах (См.: Рыбников, I, № 139; Гильфердинг, I, № 56; Гуляев, № 1; Киреевский, I, стр. 77 и Соколов — Чичеров, № 126), но следы наименования освобожденного города Себежем в устных вариантах имеются.⁴⁰

О том, почему и когда белорусский город Себеж, древний пригород Пскова, вошел в былинный эпос об Илье Муромце, писал В. Ф. Миллер, указавший характерную черту истории Себежа — упорную борьбу за него Русского государства с Польшей в XVI—XVII веках, — очевидно и послужившую основанием для приурочения подвига освобождения города Илей по пути в Киев к Себежу.⁴¹ Это приурочение могло произойти, по

³⁹ Миллер. Очерки, III, стр. 113. — Наверное, по звуковому сходству явилось и наименование освобожденного города «Кинешмой» в тексте № 14.

⁴⁰ В одном из вариантов у Киреевского (I, стр. 77) упоминаются «Сибирские украинны», куда едет Илья Муромец после освобождения Кидиша. Не есть ли это реминисценция «Сибирского» (т. е. «Себежского») царства?

⁴¹ Миллер. Очерки, I, стр. 395—397; см. также: Кравчинская, стр. 356—357.

мнению В. Ф. Миллера, уже в XVI веке, когда имя Ильи Муромца было широко известно белорусскому населению, о чем свидетельствует известная отписка 1574 года оршанского старосты Филона Кмиты Чернобыльского Остафию Воловичу, кастеляну Троицкому. Жалуясь на свое положение в Орше «на стороже», где он терпел голод и холод, Кмита напоминает эпические рассказы об Илье Муромце, который также стоял на стороже и испытывал пренебрежение со стороны князя.⁴²

В устной традиции распространено изображение врага в суммарном образе несметного войска. Упоминание о трех «царевичах заморских» встречается всего в нескольких вариантах, причем царевичей Илья не берет в плен, а отпускает с тем, чтобы они разнесли по другим странам славу о силе Русской земли:

Под Черниговым стоит сила — сметы нет,
Под Черниговым стоят три царевича,
С кажным сила сорок тысячей.

Илья, избивая их войско, «добиваетца до трех царевичов» и говорит им:

«Ох вы гой естя, мое три царевича!
Во полон ли мне вас взять
Ай с вас буйны головы снять?»⁴³
.....
Вы поедьте по свым местам,
Вы чините везде такову славу,
Што святая Русь не пуста стоит,
На святой Руси есть сильны могучи богатыри!»

(Киреевский, I, стр. 35—36).

Три царевича упоминаются также в одной из былин II тома «Былин Севера» (№ 122) и в III томе Григорьева (№ 56).

В изображении встречи Ильи-победителя в освобожденном городе устные варианты несколько отходят от большинства рукописных текстов: встречаются и просят остаться у них в городе «мужички черниговцы», «мужики бежеговцы», «мужики бекетовцы» и т. д. Лишь в нескольких записях появляются воевода или князь черниговские, купцы и черниговские вельможи богатые, бояре. Себежский или сибирский царь не упоминается нигде. В этом отношении наибольшее соответствие в устных записях имеет Архангельский текст (наст. изд., № 13), в котором говорится, что Илью встречает в воротах Себежа «с хлебом и солью весь народ оть мала и до велика».

С другой стороны, в описании поездки Ильи и боя под городом рукописные тексты «себежской» версии содержат ряд эпических мотивов, которые донесены до нас и устной традицией.

В тождественных текстах №№ 10—12 следующими эпическими чертами рисуется поездка богатыря: «И подымаетца ево доброй конь, аки дым столбом, и скачет через лесы дремучия, горы и доли меж ног пускает» (наст. изд., № 10). В тексте № 14 дается такой образ: «Первой скок у него был чрез городовую стену на три версты, другой скок на девять верст». В текстах №№ 6 и 13 богатырская скачка Ильи изображена на пути от подворья Соловья-разбойника в Киев: «И скачет он с горы на

⁴² Миллер. Очерки, I, стр. 397.

⁴³ Строка отточий здесь и далее в статье означает пропуск стихов, не имеющих аналогий в рукописных текстах.

гору и через быстрые реки з берегу на берех, и перевозу не спрашивают» (наст. изд., № 6).

В устной традиции известны многочисленные вариации приведенных формул, например:

Пошел его добрый конь богатырский,
С горы на гору перескакивать,
С холмы на холму перемахивать,
Мелки реченьки, озерка между ног спущать.

(Рыбников, I, стр. 16).

Конь-то ведь мелки-то речки перешагивал,
Глубоки озерá перескакивал.

(Гильфердинг, II, стр. 316).

Как стегнет он коня по тучным бедрам,
А и конь под Ильею рассержается,
Он перву скок ступил за пять верст,
А другова ускока не могли найти.

(Кирша Данилов, стр. 240).⁴⁴

Те же образы и близкие им находим и в былинах на другие сюжеты. Так, например, в былинах о встрече с разбойниками Илья похваляется своим конем:

А высокие горушки перескакиват,
А мелкие речки промеж ног берет.

(Астахова, I, стр. 112).

Как уж ежжу на кони ровно тридцать лет,
За рекой на коне не сживал,
Перевоз на кони я не вапливал.

(Астахова, I, стр. 181—182).

Подъезжая под Себеж, Илья Муромец, как рассказывается в «себежских» текстах, «услышал крик, и стук, и конское ржание» (наст. изд., №№ 1, 6), «велики крик, и стук, и конное ржание» (наст. изд., № 7), «услышал тут стук, топот и конское ржание, крик и шум великой» (наст. изд., № 10; см. также №№ 11 и 12).

Впечатление многочисленности вражеских войск в былинах нередко создается указанием на смешение разнохарактерных резких звуков, производимых этими войсками. Чаще всего этот образительный прием встречаем в былинах о татарском нашествии. Например:

Нагнано-то силы много-множество,
Как от покрику от человечьяго,
Как от ржанья лошадиного
Унывает сердце человеческо.

(Гильфердинг, II, стр. 23).

В варианте былины о Соловье-разбойнике, записанном от заонежского сказителя А. Сорокина, находим аналогичное изображение, близкое по формуле приведенным строкам рукописных текстов:

Сам услышал как в той сторонке полуденный,—
Шум и гам идут-то великие.

⁴⁴ См. еще: Киреевский, I, стр. 35, 78; Астахова, II, стр. 336; Соколов — Чичеров, стр. 718.

И далее:

Как поехал на тот на шум и гам на великий,
Во ту сторонку полуденную,
Приехал как под город Смольягин:
Как тут стоит-то силушка поганая.

(Рыбников, II, стр. 149).

То же в других пудожских вариантах — в записи Н. Шайжина в тексте, явно восходящем к Сорокинскому (Миллер, стр. 1), в одной записи советского времени (Парилова—Соймонов, стр. 407).

В следующей формуле передана в «себежских» вариантах похвальба врага. В них говорится, что неверные царевицы «хотят Себе[ж] град за щитом взять и самого царя в полон взять» (наст. изд., № 2; см. также №№ 1, 7, 8). При этом в одном из вариантов (№ 7) эта похвальба передается прямой речью: «И тако те три царевича между собою похваляются: „Возмем мы за щитом Себеж грат, а самого царя сибирскаго в полон возмем“».

Похвальба врага обычна в былинах о татарском нашествии и встречается в близких формулах, например:

Что возьмет Калин-царь
Стольной Киев-град,
А Владимира-князя в полон полонит,
Божьи церкви на дым пустит.

(Кирша Данилов, стр. 166).

В одном из «себежских» вариантов (наст. изд., № 7) и примыкающем к ним Архангельском (наст. изд., № 13) дается эпическая картина самого боя:

«И так тут услышал Илья Муромец ту их похвалу великою. И богатырское сердце неуимчиво, и распалился Илья Муромец на тех трех царевичев и на [и]х силу великую. И в то число отвязал свою саблю острую о[т] своего седла черкаскаго и напускает на ту силу великую... И потом Илья Муромец стал побивать полки великия; и тако побивает, яко лес клонит к сырой земле: не столько Илья Муромец бьет, сколько ев[о] доброй конь топчет» (наст. изд., № 7).

«...вынимает свою палицу булатную, напускается на рать силу великую. Сколько бьет, а вдвое конем топчет; куда он не поедеть — улицы, куда не поворотится — слободы, и побил всю силу татарскую» (наст. изд., № 13).

В устных вариантах:

Берет он в руки саблю боёвую,
Учал по силушке погуливать,
Где повернется — делал улицы,
Поворотится — часты лошади.

(Киреевский, I, стр. 35).

Припустил он коня богатырскаго
На эту силушку великую,
Стал конем топтать и копьём колоть,
Потоптал и поколол силу в скором времени.

(Рыбников, I, стр. 15).

Как разгорелось его сердце богатырское,
Как почал он бить поганых татаровей,
Конем-то топтать и копьём колоть,
Прибил-то он поганых в единый час,
Не оставил поганых и на сёмьяна.

(Рыбников, II, стр. 82).

Куды махнет Илья — да падет улица,
Перемахне Илья — да падут да переулицьки.

(Конашков, стр. 72).

Следовательно, в эпизоде освобождения города «себежские» варианты, так же как и в начальной своей части, во многом находят соответствия в устных записях XVIII—XX веков.

Полное соответствие с устными вариантами имеет изображение в «себежских» текстах прямоезжей дороги в Киев. На вопрос Ильи Муромца о прямом пути в Киев себежский царь отвечает:

«Прямая у нас дорога ка граду Киеву на леса на Брын[с]кие, на грази топучие, на мост калинов, на реку Смородыню, толко тут тебе дорога залегла равно тридцать лет. Ни единой год по той дороге никак человек конской не проеживал, ни человек не проаживал, ни птица не пролетывала, ни зверь не прорыскивал от Солова разбойника» (наст. изд., № 1; см. также №№ 2, 5, 7—12).

В текстах №№ 13 и 14 грязи названы «черными», а в № 13 к описанию дороги еще прибавлено: «От ево разбойнича соловьиного посвиста никакой богатырь не может устоять». В текстах №№ 10—12 имеется другое добавление: «... дорогу завладел Соловей разбойник и поныне там живет и з детми своими».

В устных вариантах те же образы; даются они или от автора, или в ответе жителей освобожденного города на вопрос Ильи о прямой дороге на Киев:

Нарежался Илья Муромец Иванович
Ко стольному городу ко Киеву,
Он тою дорогою прямоезжую,
Котора залегла равно тридцать лет,
Через те леса Брынския,
Через черны грязи Смоленския;
И залег ея, дорогу, Соловей-разбойник.

(Кирша Д а н и л о в, стр. 239).

Засадил дорожку прямоезжую
Соловей вор Рахматович,
У той ли грязи у Смородинской
Сидит-то вор на трех дубах,
На трех дубах да на семи суках,
Не пропустит ни коннаго, ни пешаго,
Затонули все мостики калиновы.

(Р ы б н и к о в, I, стр. 349).

Прямоезжая дороженька заколодела,
Заколодела дорожка, замуравела;
Серый зверь тут не прорыскиват,
Черный ворон не пролетыват.

(Р ы б н и к о в, I, стр. 15—16).

А й по той ли по дорожке прямоезжую
Да й пехотою никто да не проаживал,
На добром кони никто да не проеживал:
Как у той ли-то у Грязи-то у Черной,
Да у той ли у березы у покляпыя,
Да у той ли речки у Смородины,
У тою креста у Левонидова,
Сиди Соловей-разбойник во сырём дубу.

(Г и л ь ф е р д и н г, II, стр. 11).

Как ведь той дорожкой
Тридцать лет было не ежено,
Как на той на дорожки прямоезженной,
Есть три заставы великия;
Первая застава — болота зыбучия,
Болота зыбучия, корбы дремучия,
Друга застава — река-матушка Смородина

Третья застава великая:
Сидит Соловей-разбойник, птица рохманная,

Мимо этого проклятого да Соловья
Нету пешему проходу, конному проезду,
Нету конному проезду, зверю прорыску,

От свисту его зменнаго, от крыку зверинаго
Помирают все удалы-добры молодцы.

(Рыбников, II, стр. 152—153).

Запала тут дорожка тридцать лет:
Никто по той дорожке не проаживал,
И никто по той дорожке не проездивал.

(Рыбников, II, стр. 477).

Далее говорится о трех заставах, при этом первая застава — «грязь топуча, корба зыбуча», вторая застава — у реки у Смородиной Соловей-разбойник, «не пропустит он ни коннаго, ни пешаго» (Рыбников, II, стр. 477—478; см. еще: Киреевский, I, стр. 26, 36 и др.).

Неизменно повторяются болота «зыбучие», «топучие», грязи «черные» или «топучие», леса «темные», «дремучие», река Смородинка, иногда упоминается у речки «калиновый мост»; говорится, что «конному, пешому проезду нет», «пешому тут нет проходища» и «птицы нету тут пролегища», «серому волку прорыску нет», «ясному соколу пролету нет», что Соловей «убивал своим свистом за двенадцать верст», «бьет он свистом соловьиным, покрыком своим звериным» и т. д.

Таким образом, в рукописных и устных вариантах не только рисуется одинаковый по существу образ «прямоезжей дороги», которую «залег» Соловей-разбойник, но детали этого образа близки и в словесном своем выражении. В устных записях образ дороги только обычно более развернут и расцвечен. Так, в изображении Соловья на дороге входит обычно указание на «гнездо» Соловья «на сорока дубах», «на семи дубах», «на восьми паддубках», «на двенадцати дубах да сорочинских», «на семи дубах... в восьмьи березици покляпыи» и т. д. (в рукописных текстах дубы — два, семь, девять, двенадцать — упоминаются только при поражении Соловья); с большой художественной силой в лучших вариантах (см, например, Гильфердинг, №№ 56, 74) изображено губительное действие свиста Соловья. То же видим и в передаче самой стычки богатыря с Соловьем-разбойником: она более красочна в устных вариантах, но построен эпизод одинаково. В «себежских» текстах Соловей свистит «своим разбойническим посвистом», так что конь под Ильєю спотыкается, Илья укоряет коня: «Что ты, волчья сыть, рано подо мною вподтыкнуся? Нету веть силнее меня на всей святоруской земле!» (наст. изд., № 1). Он вынимает лук, стреляет Соловья в правый глаз. Соловей валится с дубов, «что овсяной сноп». В вариантах №№ 10—12 укор коню обычно звучит так: «Что ты, волчья сыть, травеной мешок, спотыкаешся от такой лесной пугалицы чучелы!» (наст. изд., № 10).

Основные детали эпизода в устных вариантах те же: Соловей свистит, конь под Ильєю спотыкается, падает на карачки, а богатырь укоряет коня, стреляет Соловья в правый глаз, сшибает с гнезда, привязывает к стремени или в торока. Укор коню обычно дается в форме, близкой рукописным текстам, но часто более развернутой и с усилением пренебрежения к Соловью и его свисту:

Ах ты, волчья сыть, травяной мешок!
 И по лесу ли ты не лесывал,
 И по вою ты не вбивал,
 И не видал ты птички-синички?
 Как запищала птичка-синичка в лесе,
 Так же засвистал Соловей-разбойник вор Рахманович.

(Рыбников, II, стр. 584).

Ай волчья сыть да травяной мешок!
 А по лесу ты, конь да мой, не хаживал,
 Ай ворониного ты крику ты не слыхивал?

(Гильфердинг, I, стр. 519).⁴⁵

Сравнение падающего с дубов Соловья с овсяным снопом тоже устойчиво повторяется в устных вариантах:

И сшиб его, как овсяного снопа.

(Киреевский, I, стр. 33).

Покатился он оттуда, что овсяный сноп.

(Гильфердинг, I, стр. 519).

Уж повалился Соловей да тут разбойничок,
 Уж он с трех дубов, как овсяной сноп.

(Гильфердинг, III, стр. 96).

Он слетел Соловеюшко, как овсяной сноп.

(Григорьев, III, стр. 45).

В одной былине Илья Муромец, подхватывая Соловья и привязывая его к стремени, говорит:

«Ох он легок, как овсяной сноп!».

(Астахова, II, стр. 130).

Другие сравнения, примененные к падающему Соловью, в устных записях редки, например:

Покатился Соловеюшка со гнездышком,
 Будто сенная куча неподъемная.

(Рыбников, II, стр. 154).

В развязке данного эпизода, как он дан в «себежских» вариантах, имеется несколько деталей, следы которых в устных записях или совсем не обнаруживаются, или они имеются в единичных вариантах.

Когда Соловей свалился с дубов, Илья Муромец садится к нему «на белые груди» и «хочет у него вынуть сердце». Соловей-разбойник молит Илью оставить «душу в теле хоть на покаяние». Тогда Илья Муромец спрашивает разбойника, где его «золота казна лежит». И Соловей отвечает: «Моя, государь, золота казна лежит [в] моих селах Кутузовых; а гонцу гонять ровно по два месеца, а скоро наскоро — во един месец» (наст. изд., № 1). И Илья едет в села Кутузовы.

Только в одном устном варианте (Рыбников, II, № 170) нам удалось обнаружить просьбу Соловья о помиловании. Илья подъезжает к упавшему Соловью, тот спрашивает богатыря об имени-отчестве и молит: «Ай же

⁴⁵ См. также: Кирша Данилов, № 49; Рыбников, I, №№ 4, 61, 82; II, №№ 103, 127, 139, 170; Гильфердинг, I, № 3; II, № 112; Тихонравов — Миллер, отд. I, № 1; Миллер, №№ 1, 2; Астахова, I, №№ 28, 39, 48 и др.

ты, удалый добрый молодец, Илья Муромец, сын Иванович! Не предай-ко смерти скорыя».

Ситуация — богатырь садится на груди поверженного врага, с целью заколоть его («вынуть сердце») — обычна в русском былинном эпосе, являясь общеэпическим местом. Возможно, что в указанном варианте сказителя А. Савинова — смутный след особой редакции эпизода поражения Соловья, бывшей в живой устной традиции, тем более, что в самом вопросе Соловья об имени-отчестве чувствуется припоминание аналогичных обращений, связанных с указанной ситуацией, — богатырь на груди врага.

Сел Кутузовых, где лежит «золота казна» Соловья-разбойника, устная традиция не знает, так же как и вопроса Ильи Муромца о казне. В. Я. Пропп, как мы видели,⁴⁶ совсем снимает возможность наличия этого мотива по соображениям идеологического порядка. С последним можно не согласиться. Вопрос богатыря о том, где награбленное разбойником добро, вовсе не обличает чуждую народу идеологию произведения. В списках нигде не говорится, что эту казну Илья хочет присвоить. Цель вопроса Ильи в «себежских» текстах не раскрыта, и мотив остался незавершенным. Но в двух вариантах — Калининском (наст. изд., № 14) и Забелинском 82 (наст. изд., № 26) Илья Муромец приказывает сыновьям или зятьям Соловья привезти награбленную казну в Киев для выкупа Соловья. Этот мотив известен и устной традиции, встречается в ряде записей (Рыбников, II, № 127; Тихонравов — Миллер, отд. II, № 5; Миллер, № 1; Григорьев, II, № 73; Парилова — Соймонов, № 3; Астахова, II, № 157 и некоторые другие). Казна эта — для князя Владимира, для государства, а не для Ильи лично. Такой смысл мог иметь и вопрос Ильи Муромца в «себежских» вариантах, правда не получивший дальнейшего разрешения. Образ же Ильи Муромца в этих вариантах остается незапятнанным: он отказывается от угощения в доме Соловья и продолжает неуклонно свой путь в Киев.

Мог ли автор пересказа сам выдумать и внести при записи «села Кутузовы?» Текст «себежских» списков обнаруживает такую ориентацию на точную передачу сюжета в его построении, что вряд ли можно предполагать в данном случае личное привнесение пересказчика. Возникновение же мотива «сел Кутузовых» именно в «себежской» версии, при отсутствии его в «черниговских» текстах достаточно убедительно разъяснено В. А. Кравчинской, указавшей на связь фамилии Кутузовых с Псковской областью, с которой были связаны и сами «себежские» тексты.⁴⁷

Слова Соловья-разбойника о гонцах, скачущих в села Кутузовы в течение двух месяцев, а «скоро наскоро — во один месяц», являются эпическим мотивом, иносказательно рисуящим дальность расстояния. В одном былинном фрагменте о выезде Ильи из Мурома родители, благословляющие его в дальний путь, говорят:

«Эта дороженька не малая:
Скоры гонцы гоняют через двенадцать дней,
Воловым шагом — два месяца».

(Тихонравов — Миллер,
отд. II, стр. 7).

В «себежских» текстах это иносказание использовано в речи князя Владимира, не верящего Илье Муромцу, что он мог поспеть из Мурома

⁴⁶ См. стр. 12.

⁴⁷ Кравчинская, стр. 358.

в Киев между заутреней и обедней: «Не твои у меня гонцы, гоняют по два месяца, а скоро наскоро — во един месец» (№ 1). Здесь эти слова особенно уместны как выражение недоверия к сообщению Ильи.

Повторение одной и той же формулы в разном применении в одной и той же былине — нередкое явление. Пересказчик мог уловить это в устной традиции, мог, конечно, и от себя включить данные слова в речь Соловья.

Следующий эпизод в рукописных пересказах былины о Соловье-разбойнике — сцена в подворье Соловья.

В девяти «себежских» вариантах, сохранивших эту сцену, она передана так. Под селами Кутузовыми увидели Илью сыновья Соловья-разбойника. Их двенадцать, в одном тексте — два. Им кажется сперва, что отец везет у стремени мужика, но старший сын («большой») говорит, что, наоборот, мужик везет у стремени их отца. В двух вариантах спор идет между «большим» сыном и «меньшим», и последний говорит правильно. Сыновья бросаются за оружием, но Соловей останавливает их, говоря, чтобы они не дразнили доброго молодца, а звали его угоститься. Однако Илья Муромец проезжает мимо.

В устной традиции больше вариантов, в которых фигурируют дочери, но и варианты с сыновьями нередки. Есть тексты, где указано число сыновей (девять), но чаще оно не указано. Сыновья хотят биться с Ильей, бросаются на него с рогатинами, хватаются за шалыги (т. е. плети); они изображены богатырями:

Во яростях да во великих
В пятьсот пуд палку под облак мечут.

(Кириевский. I, стр. 80).

Их останавливает Соловей, иногда его жена. Часто встречается та формула обращения к сыновьям или зятям, которая повторяется в рукописных текстах: «Не дразните (или «не сердите») удала добра молодца» (например: Рыбников, II, № 139; Григорьев, III, № 89). Предлагается так же, как и в рукописных вариантах, позвать его «хлеба-соли покушати» (Григорьев, III, № 89; Конашков, № 1, и др.).

Сцена эта разрабатывается в устных записях в полном соответствии с тем, что мы находим в рукописных пересказах, и народно-поэтическая основа этого эпизода в рукописных текстах не вызывает никаких сомнений.

Приезд богатыря в Киев и сцена в палатах князя Владимира изображены в «себежских» вариантах так. Вначале подчеркивается спешка богатыря: подъехав к Киеву, он перескакивает каменную стену и едет на двор князя, «не обысаяючи и шапки не снимаючи»; оставив коня с привязанным Соловьем во дворе, богатырь входит в палаты, здесь он бьет челом князю и княгине и кланяется на все четыре стороны, затем отвечает на вопрос князя, кто он и откуда приехал. Слова его о том, что он выехал из Мурома, отслушав воскресную заутреню, вызывают недоверие князя, и он говорит о своих гонцах, которые в самом лучшем случае продельвают путь из Киева в Муром не менее чем в месяц. Илья Муромец сообщает еще о двух задержках («помешках», «притчинах»), которые случились в пути: под Себежем и на реке Смородине. Князь Владимир «в оконце», «в оконечку хрустальную», «в оконечко стекольчатое» велит Соловью-разбойнику засвистать. Соловей отказывается: «Не твои, сударь, я холоп и не слушаю тебя, а слушаю я своего государя, силнаго богатыря Илью Муромца». Илья велит свистать. От свиста ломаются скамьи, в некоторых вариантах «кресла», потрясаются своды палат, богатыри или «князи и бояре» падают на землю. В одном варианте (наст. изд., № 13)

говорится, что насилу устоял только сам Владимир. Князь Владимир радуется победе Ильи над Соловьем, принимает богатыря к себе на службу, обещая щедрые награды: «Тебе у меня, Илья Муромец, будет казна не запечатана, и кони не заперты, и погребы не замкнуты».

Такова композиция этой заключительной части, общая для всех «себежских» текстов. Характерная их черта — о судьбе Соловья-разбойника не говорится ничего.

Применение к Илье Муромцу в разработке сюжета о Соловье-разбойнике широко распространенного эпического мотива — поспешного проезда или прохода богатыря — имеется и в некоторых устных вариантах:

Не воротам ехал, приворотнями,
Прямо чрез стены городовыя.

(Рыбников, II, стр. 297).

У дверей не спрашивают приворотников,
У ворот приворотников,
Едет прямо через стену городовую,
Через ту башню наугольную.

(Оничуков, стр. 86).

Сам у ворот не спрашивал приворотников,
У дверей не спрашивал придверников.

(Парилова—Соймонов, стр. 385).

Как и в рукописных текстах, Илья Муромец оставляет Соловья на дворе, обычно привязанным у стремени. Но иногда Соловей оставлен стеречь коня:

И поставил он добра коня
Среди двора княженецкаго,
Не привязана и не приказана,
А велел стеречь Соловью вору Рахматову.

(Рыбников, I, стр. 351).

Повторение в рассказе Ильи Муромца того, что случилось с ним по дороге (как это мы видим в «себежских» вариантах), тоже обычно в устных записях. Встречается и само выражение Ильи: случилось с ним «помешки великия»:

А было путем-дорогою,
Было три помешки великия.
Первая помешка: приехал во город во Бекетовец,
И наехала проклята погана литва

Вторая помешка: приехал к расстаночкам.

(Рыбников, II, стр. 87—89;
см. еще: Рыбников, I, стр. 348).

Следует рассказ о Соловье-разбойнике.

Недоверие князя Владимира к рассказу Ильи Муромца и обвинение во лжи проходит через всю устную традицию, являясь, очевидно, исконным мотивом былины, так как на нем основан эффект заключительной сцены. Вспомним замечательное выражение этого мотива в варианте Трофима Рябинина:

Говорил ему Владимир таковы слова:
«Ай же мужичищо-деревенщина,
Во глазах мужик да подлыгаешься,
Во глазах мужик да насмехаешься!»

(Гильфердинг, II, стр. 15).

Встречается также и изображение князя Владимира, высматривающего Соловья через «оконенку». Например:

Скрыл оконенку стеклянную,
Посмотрел на улицу на широку.

(Г у л я е в, стр. 59).

Отказ Соловья-разбойника свистеть по приказу князя Владимира очень известен в устной традиции, где обычно он встречается в формулах: «Не твое сегодня ем да кушаю, Не хочу тебя теперь я слушаться», «Не ты меня полонил, Не тебя хочу я слушати». Или:

«Я сегодня не у вас ведь обедаю,
Не вас я хочу и слушати,
А обедаю у старого казака Ильи Муромца,
И его хочу я слушати».

(Р ы б н и к о в, I, стр. 21).

Изображение пагубных последствий свиста Соловья имеет в устной традиции многообразную разработку, некоторые из картин содержат детали, близкие к тем, которые находятся в «себежских» текстах:

Сняло у палат верх по оконички,
Разломало все связи железныя,
Попадали все сильны могучи богатыри,
Упали все знатны князи-бояря,
Один устоял Илья Муромец.

(К и р е е в с к и й, I, стр. 38—39).

Князи и бояря
И сильные могучие богатыри
С ног попадали,
Круты крыши со хором окаталися.

(К и р е е в с к и й, IV, стр. 6).

Задрожали полаты белокаменные,
Посыпались стекла хрустальные.

(Г и л ь ф е р д и н г, III, стр. 424).

Стары терема повалялися,
Новы терема пошаталися,
Околенки с окошечек посыпались.

(Р ы б н и к о в, II, стр. 167).

Ср. в «себежских» текстах: «...у полаты небо провалилась, князи и бояры на землю попадали» (наст. изд., № 6); «...у князя Владимира кресла подломились, и у полаты своды потреслиса, и все богатыри на землю попадали, а ветхие хоромы и совсем повалились» (наст. изд., № 8) и т. п.

Большинство устных вариантов былины о Соловье-разбойнике заканчиваются казнью Соловья: он нарушает приказ Ильи Муромца свистеть в полсвиста и производит разрушения и другие беды. Илья Муромец убивает Соловья. Только в отдельных и очень редких случаях Соловей остается в живых с обязательством больше не разбойничать (Тихонравов—Миллер, отд. II, № 5 — здесь дети Соловья привозят выкуп; Григорьев, I, № 38). В двух вариантах Соловья заключают в погреб (Рыбников, II, № 127; Соколов—Чичеров, № 55). В «себежских» текстах, как мы видели, судьба Соловья не досказана.

Некоторые былины включают еще концовку о награждении Ильи князем и оставлении у себя на службе, как и в рукописных текстах. Правда,

приведенная выше формула награждения, носящая эпический характер («казна не замкнута» и т. д.), в былинах о Соловье не встречается. Но суть награждения та же:

Чем же я теперь буду жаловать?
Бери у меня золотой казны,
Золотой казны несметныя,
Столько бери, сколько надобно,
.....
Бери в награду чин великий.

(Рыбников, II, стр. 47—48).

В одном из вариантов князь Владимир, после расправы Ильи с Соловьем, сажает богатыря за стол —

За ества за сахарныя,
За напитки за медвеные,
И кормил и поил досыта,
И дарил его подаркамы великима
За услугу за великую.

(Рыбников,
II, стр. 484).

5

К каким же выводам можно прийти в результате проведенного сопоставления?

Мы видим, что построение почти всех эпизодов «себежской» краткой редакции находит соответствия, иногда чрезвычайно близкие, в устных вариантах былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Многие мотивы и сцены рукописных текстов оказываются достаточно широко известными устной традиции. Компоненты, следы которых в устной традиции отыскать нельзя, единичны. Это прежде всего «Кутузовы села» и вопрос Ильи о казне. О том, что это могло быть в устной традиции, мы уже говорили; не сохранилось же в XIX—XX веках по той причине, по которой не сохранилось и наименование Себежа в его чистом виде: местное приурочение было для среднерусского и северного крестьянства слишком далеким. Судьба же «воровской казны», видимо, вообще мало интересовала народных сказителей, и данный мотив (вопрос Ильи о казне), отраженный в «себежской» редакции, легко мог быть забыт. Конечно, это только предположение, более, как нам кажется, вероятное, чем мысль о личном внесении автора первоначального текста.

В трех «себежских» текстах победа Ильи Муромца над царевичами изображена «у морской пристани» (наст. изд., №№ 7—9), чего ни в одном из устных вариантов нет. Думаем, что следует согласиться с Л. Н. Майковым, что этот мотив «не принадлежит коренному сказанию, а составляет пример наращенния» в процессе жизни текста в рукописной традиции, причем поводом к такому наращеннию явилось наименование царевичей «заморскими».⁴⁸

Отсутствие казни Соловья, необычное для позднейших вариантов, оправдано тем, что нет и коварного умысла Соловья своим свистом убить Илью Муромца и окружающих. Такой конец мог вполне быть и в том устном варианте, который лег в основу записи. В остальном «себежские» варианты и по общей своей композиции, и по построению отдельных эпизодов очень близко соприкасаются с известной нам по устным записям

⁴⁸ Майков, стр. 14.

традицией в разработке былины о Соловье-разбойнике. Основной идейный смысл сюжета — изображение могучего богатыря, совершающего важные для родины и народа подвиги, — полностью сохранен. Илья Муромец, как и в былинах, едет служить князю, не хочет оставаться в Себеже, преодолевает все препятствия на пути. Его не прельщает богатство, предложенное ему в Себеже. Приезд Ильи в Киев и его отношение к князю переданы по-былинному. Он не спрашивает разрешения у привратников, скачет прямо через стену. Он едет «не обсылаючи», шапку не снимает, никому не поручает своего коня. В его приезде чувствуется достоинство, сознание своего права войти к князю незванным. Сразу же назревает конфликт. Князь не верит Илье и довольно резко проявляет свое недовольство: «Что ты, Илья, бредишь?» Ответы Ильи полны достоинства и сознания своей правоты. Правда, конфликт несколько сглажен дальнейшим повествованием — князь с достоинством выдерживает свист Соловья. Таким образом, социальный мотив — противопоставление богатыря князю, так ярко разработанный в ряде устных вариантов XIX—XX веков, выражен здесь слабее, хотя и присутствует традиционный мотив недоверия.

Близки эти тексты к устной традиции и по фразеологии. Она явно былинная: «Гой (ой) еси ты, добрый молодец», «возговорит», «ответ держит», «говорит таково слово», «напускает на силу», «побил всю рать-силу великую», «как именем зовут», «как величают по отчеству», «вынуть ретиво сердце», «едет на двор — не обсылаючи и шапки не снимаючи», «и как будет», «и как едучи» и т. д. В ряде мест, как показало сопоставление, тексты сохранили характерные типические места, повторяющиеся былинные формулы и т. п. В текстах — обилие постоянных эпитетов: «острая сабля», «крепкий лук», «седло черкасское», «калена стрела», «сильный могучий богатырь», «стремя булатное», «конь добрый», «оконенка хрустальная», «дорога широкая», «ретиво сердце», «ясны очи», «белы груди», «столы дубовые», «ествы сахарные» и т. д.; встречается традиционная былинная синонимия: «рать-сила», «скоро-наскоро». Язык текстов в большинстве случаев народный (правда, с известным налетом книжности в разной степени).

Все это говорит о том, что в основе «себежских» текстов краткой редакции лежит не литературная обработка былинного сюжета, не повесть на былинные мотивы, а прозаический пересказ былины, отразивший стремление точно следовать за композицией, стилем и складом былины в той обработке, которую автор первоначального текста слышал или знал.

Этот прозаический пересказ получил в рукописной традиции своеобразную литературную жизнь.

Наиболее близки к прототипу тексты №№ 1—3, которые имеют заглавие «Повесть». Но ни один из них нельзя считать точно повторяющим прототип, так как в каждом есть особенности, которые в других текстах данной редакции не повторяются. Разночтения, впрочем, не вносят существенных различий. Все эти тексты настолько близки к устной традиции, а вмешательство книжника в них настолько незначительно, что их можно считать пересказами былины, довольно хорошо ее сохраняющими.

Если тексты «Повестей» различаются друг от друга незначительными деталями, то в других текстах краткой редакции обнаруживается уже активное вмешательство книжника. Об этом свидетельствует текст «Сказания» (ГПБ, Титова 1994; наст. изд., № 6). Сопоставление его с другими текстами показывает, что автор-редактор опирался на текст «Повести», близкий тем, что дошли до нас. Совпадая в основном со всеми краткими текстами, в начале «Сказание» ближе к «Повести» ГПБ, Q. XVII. 194

(№ 1), но потом начинает обнаруживать сходство с текстом ГПБ, О. XVII. 57, Буслаева 92 (наст. изд., № 2). В «Сказании» находим фразу — «Много, государь, твоего жалованья», кланяется Илья в Киеве не только князю, но и княгине и т. д., что свойственно только тексту № 2. Оригинал «Сказания» был близок, но не тождествен тексту № 2. Взяв за основу текст, близкий «Повести» № 2, сохранив сюжет, композицию, близость народному творчеству, свойственные «Повестям», автор «Сказания» распространил текст, добавил некоторые детали, например, речь Ильи перед тем, как он вынул саблю. Но самое существенное изменение сделано в описании пребывания Ильи в Киеве. Кроме обычных вопросов князя Соловья и ответа Соловья, тут добавлено: «Ои еси ты, Соловей разбоиник Будиморович! Ты ли еси дороги широкое держал, реку Смородину засви[с]тывал мне своим разбоиническим посвистом?» Ответ держит Соловей-разбоиник: «Свет государь князь Владимир! Я де славен разбоиник, мужика сын нар[о]читова, я держал реку Смородину, а запер дороги широкия; сви[с]тывал я своим разбоиническим посвистом, и от моего посвиста никаких молодец на коне не усезивал и конем не владел. А ныне де я, государь, не твои холоп». Можно предположить, что автор «Сказания» знал какие-то рассказы или былины, в которых Соловей представлялся как человек, богатырь, сын мужика. Под влиянием этих рассказов он и решил уточнить образ Соловья. В «Повестях» Соловей — и человек, и чудовище, в «Сказании» он — человек. И это не случайное изменение, не случайная вставка. Автор «Сказания» и в заглавии поставил Соловья на первое место: «Сказание о Соловье разбоинике...» Обычно в заглавии на первом месте — Илья. Возможно, чтобы отличить свой текст от оригинала, автор назвал его не «Повестью», а «Сказание».

Идейный смысл «Сказания», осмысление образа Ильи не изменилось от того, что Соловей стал человеком. Не изменился он и от иного конца повествования. Автор «Сказания» кончает так: «И тут по упрощению князь Владимир отпустит Илью Муромца постихся, а сам жити станет в Киеве до старости, и преставися ему жизнь». Подобный конец мог быть связан с встречающимся в народной среде отождествлением Ильи-богатыря и Ильи-святого. Но всем ходом повествования такой конец не подготовлен и никакого влияния на образ Ильи не оказывает.

Таким образом, «Сказание» следует признать переработкой текста, близкого «Повести» ГПБ, О. XVII. 57, Буслаева 92 (наст. изд., № 2), каким-то книжником, который был склонен распространить текст и изменить его идейный смысл. Первое ему удалось лучше, чем второе.

В краткой редакции есть еще один отрывочный текст, который называется «Сказанием» — Тихонравова 222 (наст. изд., № 5). Сохранившаяся часть не дает материала для ответа на вопрос, почему текст назван «Сказанием», а не «Повестью». То, что сохранилось, очень близко «Повестям». Но изменения могли быть во второй части, так как текстологическое сопоставление повествований об Илье Муромце показывает, что изменение заглавия обычно совпадает с изменением текста.⁴⁹

⁴⁹ Обычно изменение заглавия текстов повествований об Илье Муромце ставилось в зависимость от времени бытования текста: в XVII веке — «Повести» и «Сказания»; в XVIII веке — «Истории» или «Гистории». Эта зависимость, конечно, есть. «Истории» сложились позже «Повестей», но главная причина появления другого заглавия — изменение самого текста, в целях отличия которого от оригинала писец и давал новое название. Никаких особых значений в это название писец, очевидно, не вкладывал, а просто избирал отличное от заглавия оригинала. Эта закономерность нарушается только в XIX веке: текст № 22 имеет заглавие «Скаска», дословно совпадая с «Историями» лубочных листов. Но в XIX веке заглавие могло носить случайный характер.

Следы иной работы писца-редактора видим в текстах, получивших название «История», или «Гистория» (наст. изд., №№ 7—9). Тексты №№ 8 и 9 более краткие. В них добавлены слова, которые должны связать части повествования и делают текст более прозаическим: «отнюдь», «и тако», «и тут», «потом» и т. п. Былинные выражения («возговорит таково слово», «ответ держит») заменены обычными в литературе («спрашивает», «отвещает», «лотов рече»). Нет здесь и устойчивых былинных формул: описания скачки коня, укора споткнувшемуся коню. От описания дороги «прямоезжей», обычного для всех текстов «себежской» группы и очень близкого былинам, остались только «мосты калиновы». Снят непочтительный ответ Соловья-разбойника князю, т. е. сделана попытка несколько изменить идейный смысл. Но существенных изменений в идее и описании образа Ильи не произошло, он остался близким былинному. Сопоставление с текстами №№ 1 и 2 показывает, что текст «Истории» ближе к № 1 (совпадения отмечены курсивом). Но так как некоторые мелочи совпадают и с текстом № 2, то можно сделать заключение, что переработка велась с текста, промежуточного между №№ 1 и 2, но ближе стоящего к № 1.

В приведенных ниже примерах видно, и как сокращался текст, и как заменял автор характерные былинные выражения (выделено разрядкой):

№ 2 (ГПБ, О.ХVII.57,
Буслаева 92)

И сибирски царь говорит: «Как тебя зовут по имени и по отчеству, и которого ты града?». Ответ держит Илья Муромец: «Зовут меня, государь, Ильюшкою, а по отчеству Иванов сын, а уроженец града Муррома». И сибирски царь зговорит таково слово: «Ои еси, доброй молодец Илья Муромец! Живи ты у меня...»

«И как буду на лесы Бранския, на мосту калиновом, на реке Смородине, ажно напущает».

№ 8 (ГБЛ, 5914, Забелина 71)

А сам говорит: «Гои еси ты, доброй молодец! Как твое имя и коего ты граду?». Отвещает Илья Муромец: «Зовут меня Ильею, по отчеству Иванов сын, уроженец града Муррома». Потом рече себежской царь: «Откуда твоя дорога лучилас?». Отвещает Илья Муромец: «Еду я на мосты колиновы...»

«Вторая притчина: как я будучи на мосту колиновом, и там увидел Соловен и засвистал»

№ 1 (ГПБ, Q.ХVII. 194)

Сибир[с]кой царь в зговорит: «О еси ты, доброй молодец! Как тебя зовут по имени и по отчеству, и которого ты города?». Ответ держал Илья Муромец: «Зовут меня, государь, Ильюшкою, а по отчеству Иванов сын, уроженец града Морова». И сибирской царь в зговорит: «Откуды твоя дорога излучилас?»

«И другая, государь, на меня притчина была: как едучи на мосту калиновом, на реке Смородине; и наехал и напустил на меня Соловси-разбойник».

Третий текст, носящий заглавие «История» (№ 7), тоже близкий к «Повести» № 1 (ГПБ, Q. ХVII. 194), имеет все особенности первых двух текстов, и книжные и былинные, но несколько отличается от разобранных выше «Историй». Он более распространенный, в нем больше народно-поэтических элементов и есть только ему присущие детали прозаического характера. Некоторые народно-поэтические особенности и словосочетания этого текста встречаются в «Повестях», но их нет в двух рассмотренных выше текстах «Историй». Распространение книжником текста «Истории» № 7 наблюдается главным образом в начале, в конце и в рассказе о приезде Ильи в Киев.

Из сопоставления, приведенного ниже, видно, что некоторые слова и словосочетания совпадают во всех трех текстах (выделены курсивом); не-

которые совпадения есть только в текстах №№ 7 и 8, т. е. свойственны «Историям» (выделены разрядкой); другие совпадения есть только в текстах №№ 7 и 1, т. е. роднят эти тексты (выделены жирным); большие куски текста № 7 не совпадают ни с одним из приведенных текстов, но краткий текст укладывается в пространный целиком.

№ 8 (ГБЛ, 5914, Забелина 71)

И тако поехал Илья Муромец в сугонь за тремя царевичами и нагнал их у морской пристани, и достальных людеи побил, а *трех царевичев в полон взял*, и возвратилса во грат Себеж. И увидели ево граждана и возвести о нем царю себежскому.

И потом себежской царь приказал отворить врата градъския и принимает Илью Муромца за руки белые, а сам говорит: «*Гои еси ты, доброи молодец! Как твое имя и коего ты граду?*» Отвещает Илья Муромец: «*Зовут меня Ильєю, по отчеству Иванов сын, уроженец града Муррома*». Потом рече себежской царь: «*Откуда твоя дорога лучилась?*»

№ 7 (ЛОИИ) Лихачева 287

И в то число **отвязал свою саблю острую** от своего седла черкаскаго и **напускает на ту силу великую**. И тако те три царевича **своими полками великими напустились** [на] Илью Муромца. И потом Илья Муромец стал побивать полки великия; и тако побивает, яко лес клонит к сырой земле: не столько Илья Муромец бьет, сколько ево доброн конь топчет. И было то побоище великое. И те три царевича увидели над собою смерть скорою и побежали своими людьми малыми на морскую пристан. И тако Илья Муромец поехал в сугонь за тремя царевичами и нагнал их в морской пристани и достальных людеи побил, а *трех царевичев в полон взял* и возвратилса ко граду Себежу. И в то время увидели гражданския со стены градския, что Илья Муромец возвратилса ко граду Себежу, и возвестили своему царю сибирскому о Илье Муромце.

И потом сибирской царь приказал отворить врата градския и приказал князем и боярам собраться. И как они собрались, тогда сибирской цар пошел на сретение ко Илье Муромцу со всеми своими князи и бояры и сретил ево во вратах градских. И принимает ево за руки белые, и целует ево во уста сахарные. И в то время Илья Муромец теми тремя царевичми подарил царя сибирскаго. И говорит ему сибирской царь: «*Гои еси*

№ 1 (ГПБ. Q. XVII. 194)

И тут Илья Моровец **отвязывает свою востру саблю от седла черкаскаго** и **напускает на их силу великую**, как на галечье стадо. И побил всю рать силу великую и *трех царевичев в полон взял* и подарил сибир[с]кому царю в подарки.

Сибир[с]кой царь взговорит: «*О еси ты, доброи молодец! Как тебя зовут по имени и по отчеству, и котораго ты города? Ответ держал Илья Муровец: «Зовут меня, государь, Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, уроженец града Мурова*». И сибирской царь взговорит: «*Откуда твоя дорога излучилась?*»

ты, доброй молодец, как твое имя и коего ты города?» Отверещает Илья Муромец: «Зовут меня, Ильєю, по отчеству Иванов сын, уроженец города Муroma». Потом рече сибирской царь: «Откуда твоя дорога случилас?»

Каково же происхождение текста № 7? Распространялся ли он на основе краткого текста «Истории» или наоборот — краткий текст является результатом сокращения текста, подобного тексту № 7? Скорее всего последнее, так как в тексте № 7 есть слова и словосочетания, близкие к «Повести» № 1 и отсутствующие в кратких «Историях». Невозможно допустить, что писец, создававший текст № 7 (Лихачева 287), переработал краткую «Историю», добавив в нее не только целые картины из текста «Повести», но и отдельные слова, словосочетания, причем выбирал то, что преимущественно характеризует текст «Повести» № 1 (ГПБ, Q. XVII. 194). Гораздо естественнее предположить, что на основе текста «Повести», близкого рукописи ГПБ, Q. XVII. 194, какой-то писец решил создать более пышное и подробное повествование об Илье Муромце. Он развил картину боя Ильи под Себежем, распространил разговоры Ильи с Соловьем и князем, присочинил бегство царевичей к морской пристани (ведь они заморские, значит бежать должны к морской пристани, чтобы уехать за море). Сочинительство это происходило, очевидно, не без влияния «Повестей» и «Сказаний» о Бове королевиче, где Салтан Салтанович останавливается на «морском пристанище» и туда же отправляет своих пленников (тексты по рукописям ГПБ, Q. XV. 85 и Q. XVII. 77). Но могло оно быть навеяно и другой какой-либо повестью; так, например, «морское пристанище» упоминается в «Повести» о Василии Кириацком.

Автор не стремился освободиться от былинных особенностей своего оригинала: оставил постоянные эпитеты и характерные былинные выражения, сохранил описание дороги прямоезжей, не только в первый раз, но и повторно в рассказе Ильи. Сохранено приказание Соловья детям приглашать Илью «за столы дубовыя, за скатерти браныя, за ествы сахарныя». Есть и непочтительное обращение Соловья к князю. В тексте № 7 есть и такие былинные особенности, которых нет в других текстах, например выражение «за скатерти браныя». Но, используя былинные детали для распространения текста, автор не делает больших включений из былин, он рассказывает сам, развивает отдельные эпизоды, придумывает подробности. Так как он многое пересказывал, то стиль его повествования ближе к прозаическому, чем былинному. В отличие от оригинала, свое произведение он назвал «История». На основе этого текста и возникли краткие «Истории» (наст. изд., №№ 8 и 9). Автор их стремился к более сокращенному изложению, освобождая текст от былинных устойчивых формул, смягчил непочтительное поведение Соловья-разбойника по отношению к князю. Текст № 7, как и 8 и 9, является результатом работы книжника.

Все рассмотренные группы текстов отличаются друг от друга, но не настолько, чтобы можно было говорить о редакциях. Новая редакция образовалась в результате присоединения к основному тексту эпизода об исцелении в начале и эпизода с боем с царем Тухманом в конце. Эта редакция хранится текстами №№ 10—12. Они совершенно тождественны. Отдельные небольшие разночтения обусловлены ошибками копиистов, невер-

ным прочтением непонятых слов, а иногда и их переосмыслением. Наблюдаются также в том или ином тексте механические пропуски, которые легко восстанавливаются путем сопоставления.

Тексты в центральных своих частях (отъезд Ильи Муромца из дому, освобождение Себежа, победа над Соловьем-разбойником) вполне совпадают по содержанию, композиции и во многих случаях текстуально с краткой «себежской» редакцией. Автор новой редакции опирался на текст «Повести», близкий к тексту № 1. Но к своему оригиналу он приписал начальную часть — рассказ об исцелении. По языку и стилю, носящим книжный житийный отпечаток, он резко отличается от рассказа о самих подвигах, простого по стилю и избыливающего былинными выражениями. По своему содержанию новая редакция — жизнеописание с чертами архаического стиля в начале: «Стар матер человек» Иван Елефериевич с женою дают обещание, «ежели господь бог дарует мужеск пол», каждый год «отправлять молебное пение» Николаю-чудотворцу. «По их умолению» бог дарует им сына, но он оказывается сиднем. Но как-то «в день святителя христовя Николая-чудотворца» Илья явился святителем Николаем и сказал: «Илия! Имаши ли, что пити?» На просьбу чудотворца дать ему напиток Илья отвечает: «Не могу, отче мои, востати на ноги». «Он же даде ему пити и рече ему: „Востани и ходи!“ А сам невидим бысть».

Приведенные фрагменты дают представление о стиле, в каком выдержан весь рассказ. Он воспринимается как явно присоединенный к традиционной в рукописной литературе «себежской» редакции. Откуда же он мог быть заимствован? В известных по сборникам былин стихотворных текстах и прозаических пересказах нет соответствующей версии сюжета об исцелении. Николай-чудотворец в качестве целителя упоминается только в одном варианте (Ончуков, № 19), но совершенно в другой ситуации: к Илье, слепому сидню, приходит «сиротинушка убогая» просить милостыню. Ковригой хлеба сиротина мажет Илье «очи ясные» и «ноги резвые», и Илья стал «на ноги резвые» и увидел «вольной белой свет». Илья не понимает, что с ним случилось: «Але во сне мне-ка это привиделось? Приходил, видно, Микола мне светитель». В одном из вариантов сборника Киреевского (I, стр. 77), в котором совершенно ничего не говорится об исцелении, Илья Муромец, задумав ехать в Киев, идет прежде всего за Дунай-реку, «к тому к Миколу Заруцѣвскому» и служит «обедни запрестольный». Не есть ли это смутный отголосок легенды об исцелении Ильи именно святителем Николаем? Нет никакого сомнения, что среди ходивших в народе легенд о чудесном получении Ильей Муромцем здоровья и силы, легенд, которые были кое-где распеты в виде былин, существовала и версия об исцелении Николаем-чудотворцем, — этот святой был особенно популярен в крестьянстве (вспомним, например, известную легенду о святых Николае и Касьяне).⁵⁰ Из такой устной легенды и мог быть взят каким-либо книжником рассказ об исцелении и передан им в стиле жития.

К этому рассказу в рассматриваемых текстах присоединены еще два эпизода: 1) о богатых «шутках» молодого силача («которого возьмет за руку — руку оторвет») и 2) о выхаживании Ильей шелудивого жеребенка, который становится затем богатырским конем. Первый эпизод является распространенным эпическим мотивом. В русских былинах он известен в применении к Василию Буслаевичу и к вражескому богатырю Сокольнику. Нигде в устной традиции он не связан с Ильей Муромцем и

⁵⁰ А. Н. Афанасьев. Народные русские легенды. М., 1859, № 11.

не может быть связан, так как противоречит установившемуся облику этого богатыря. В рукописный текст он привнесен писцом, по-видимому, под воздействием повести или сказки о Еруслане Лазаревиче, где данный эпизод органически входит в повествование, мотивируя изгнание Еруслана из царства Картауса. Второй эпизод встречается в устной традиции в несколько ином виде: по совету калик, от которых Илья получает силу, он приобретает первого попавшегося ему на дороге жеребенка и выхаживает его (Рыбников, I, № 51; Григорьев, III, № 50; Марков, № 42, 67; Соколов — Чичеров, № 77 и др.; эпизод часто встречается в сказках об Илье Муромце).

Присочинив в начале рассказ об исцелении Ильи, автор «Истории» проводит и некоторую работу над рукописным текстом. Он изменяет начало, в котором ритм слышался ярко, а теперь сгладился благодаря введению дееспричастного оборота:

№ 1 (ГПБ, Q.XVII. 194)

...слуша Илья Муровец заутреню воскресную и в уме держал к сильному коньязю Владимиру киевскому Всеславичу.

№ 10 (ЛОИИ, Лихачева 74)

И был в церкви божи, слушал святую заутреню воскресную. И, отслушав заутреню, поход держал к столаному граду Киеву, ко князю Владимиру, к солнышку Всеславевичю.

Близкое народному творчеству выражение «дорога излучилась» или «случилась» (в вопросе, обращенном к Илье в Себеже), свойственное кратким текстам, в «Истории» заменено словом «имеется». Эта замена переводит фразу в книжный стиль. В книжном стиле обработан и весь рассказ Ильи о двух причинах, задержавших его в пути: «... и изволите выслушать. Я скажу вашему величеству: отслушал я в Муроме заутреню воскресную, а дорогою завет я положил»; «... прострелил Соловья в правой глас и привес ево с собою для подлинного известия. И ныне он у вашего величества дворца обретается». Такова же и заключительная фраза центрального эпизода: «... указал учинить великой банкет и одарил Илью Муромца великими дарами и весьма благодарил ево». Некоторой обработке подверглись даже устойчивые формулы. Например, описание дороги прямоежкой автор как бы уточнил: «... на мосты калиновыя, через реку Смородину». Это не значит, что в тексте центрального эпизода уничтожаются былинные особенности. Автор не стремился к изъятию их, но книжный элемент усилил. Былинный элемент смешивается с книжным и в последней части повествования — описании боя с царем Тухманом.

Сюжет о встрече Ильи Муромца с Тухманом не известен в устном эпосе. Можно было бы, конечно, предположить, что это один из тех сюжетов, которые не дошли до нашего времени. Несомненно, что ряд ранних героических сюжетов русских былин не сохранен устной традицией. Однако тексты, включающие этот сюжет, принадлежат XVIII веку. Как показал А. С. Орлов, сама редакция, представленная этими текстами, могла возникнуть не ранее начала XVIII века. Об этом свидетельствует соединение в них таких слов, как «банкет», «церемония», «музыка», «миткалинный», и имя царя «сибирского» «Веспасиан», которое могло появиться по ознакомлении с изданным в 1713 году трудом Иосифа Флавия «Иудейская война».⁵¹ Вряд ли, если писец, автор данной редакции, заимствовал сюжет о Тухмане из устной традиции в XVIII веке, в последующих

⁵¹ См. публикацию «Истории» А. С. Орлова. Труды ОДРЛ, т. IV, 1940, стр. 242.

записях XVIII—XIX веков могло не сохраниться никаких следов этого сюжета.

Но основа, на которой протекало сочинительство автора, была былинной. Рассказ о Тухмане построен на разных мотивах героического эпоса (раскидывание шатров в поле, седлание коней, единоборство) и несколько напоминает первое столкновение Алеши Поповича с Тугарином Змеевичем в известном варианте Кириши Данилова (чудовищный образ Тухмана, ошибка Торопа). Сохранились здесь и устойчивые формулы: седлание коня, описание вражеской силы, много постоянных эпитетов. Но начало и конец этого эпизода чисто книжные, особенно конец: «И тут Илья Муромец сын Ивановичь стал жить во всяком благодати и честности лета довольно, и жаловал слугу своего великою честью». Прозаические предложения есть и в середине текста: «И не познал слуга Тороп своего господина, Илью Муромца, и збил с коня долой, отчего и пал на землю».

Все это приводит к мысли, что писец, взяв за основу известную ему «себежскую» редакцию в варианте, близком тексту № 1, превратил ее в повесть о жизни и подвигах Ильи, предпослав первому подвигу рассказ о детстве и молодости Ильи, причем использовал для этого разные источники, и заключив повествование рассказом о новом приключении — подвиге богатыря. Он написал повесть — жизнеописание, усилив книжные, прозаические особенности в стиле повествования, но сохранив и былинную поэтику оригиналов. Работа его коснулась и осмысления образа Ильи, который приближен к придворному воину. Но о коренном переосмыслении говорить нельзя.

6

Среди текстов об Илье Муромце особняком стоят списки Архангельский и Калининский (наст. изд., №№ 13 и 14), лишь отчасти соприкасающиеся с текстами «себежской» группы. Между собой они объединяются общностью начальной части — об исцелении Ильи Муромца, которая сильно отличается от рассказа об исцелении в текстах №№ 10—12. В списках №№ 13 и 14 Илья оказывается сыном крестьянина Ивана, созвучны наименования родной деревни Ильи (Каптяево, Лаптево), исцеление в обоих текстах одинаково происходит накануне праздника Ильи-пророка, которому молятся родители, прося даровать их сыну исцеление, — исцеление это приносят двое прохожих. Вместе с тем есть и довольно значительные отличия. В Калининском варианте начальная часть пространнее и включает ряд черт, которых в Архангельском нет (сон Ильи о том, что отец купил ему у старика на погосте бурого жеребенка, эпическое изображение силы молодого богатыря, вопрос прохожих, хочет ли Илья богатства или силы богатырской). Но отмеченные общие черты говорят о едином источнике этой начальной части.

В дальнейшем оба текста сильно расходятся. Текст архангельский в рассказе об освобождении города и поражении Соловья-разбойника близок к «себежским» вариантам, за исключением эпизода победы Ильи над Соловьем-разбойником, который дан необычно: когда Илья хочет убить Соловья, тот вскакивает и предлагает Илье единоборство. Он вооружается, садится на коня, но Илья Муромец вышибает его из седла.

Поединок Ильи Муромца и Соловья-разбойника на конях встречается, кроме Архангельского списка, в двух вариантах от сказителя Щеголенка (Гильфердинг, II, № 120 и Тихонравов—Миллер, отд. II, № 7). Обнаружение этого мотива только у Щеголенка могло бы быть объяснено личным

привнесением этого сказителя-импровизатора, неоднократно включавшего в свои былины необычные ситуации и детали.⁵² Наличие данного мотива еще и в Архангельском списке заставляет все же предполагать существование его в устной традиции, где он мог возникнуть под воздействием лубочной картинки XVIII века, на которой Илья Муромец и Соловей-разбойник изображены на конях.⁵³

Калининский вариант имеет много своеобразных особенностей. Он пространно описывает встречу в освобожденном городе, называемом, между прочим, не Себежем, а Кинешмою; по приезде в Киев Илья идет в церковь. Выходя из нее, видит князя, кланяется ему в землю. Князь Владимир, узнав, кто он и откуда, зовет его на пир. Далее повествование развивается примерно в плане «себежских» вариантов, причем недоверие князь Владимир высказывает дважды: после сообщения о том, что Илья приехал из Муромы после заутрени, и после рассказа о победе над Соловьем-разбойником. Соловей на дворе князя не привязан к стремям, а стоит возле коня и держит его по приказу Ильи Муромца. Соловей именуется Будимеровым (также и в предшествующем эпизоде). Князь зовет его в терем, Соловей отказывается: «...не тебе я служу, тебя я и не слушаю». Идет в терем по приказу Ильи, грубо держит себя с князем, свистит только после третьей чары вина. Падают бояре, князь Владимир «со страху набегался». Таким образом, сцена в палатах у князя Владимира разрабатывается в социальном плане противопоставления богатыря и князя, образ которого получает сатирическое освещение; заканчивается Калининский вариант тоже пространным рассказом о привозе сыновьями Соловья златой казны и о пожаловании их князем Владимиром вместе с самим Соловьем-разбойником в богатыри.

Значительные отличия текстов друг от друга, оригинальные черты каждого из них не позволяют, несмотря на бесспорную общность начальной части, возводить их к единому оригиналу. В Архангельском варианте скорее всего можно видеть сжатое переложение «себежской» редакции с некоторыми существенными изменениями и с включением в качестве начальной части одного из вариантов легенды об исцелении, получивших, очевидно, в это время хождение. В своей центральной части текст Архангельский, как и «себежские» варианты, сохранил характерные былинные выражения и явные следы стихотворного ритма.

Калининский вариант по языку и стилю стоит дальше от былинного строя, чем многие другие старинные записи. Былинные обороты встречаются реже, но и специфический книжный налет в речи незначителен, даже в начальной части — об исцелении, которая в отличие от текстов №№ 10—13, где эта часть насыщена церковнославянской лексикой, имеет характер сказа.

Некоторые особые эпизоды и детали находят соответствие в устных вариантах, как например привоз сыновьями Соловья «воровской казны». Усиление социального мотива — противопоставление Ильи Муромца князю Владимиру — вообще в духе устной эпической традиции, но выражено своеобразно и могло быть личным привнесением писца.

Происхождение текста неясно. В нем несомненные следы литературной, редакторской работы, но она, вероятно, была произведена на каком-то

⁵² См.: А. М. Астахова. Былины в Карело-Финской ССР. Фольклор Карело-Финской ССР, сборник статей, вып. I, под ред. проф. Н. П. Андреева, Петрозаводск, 1941, стр. 28—29.

⁵³ См.: Ровинский, V, стр. 107.

этапе переписки записи-пересказа устного произведения в ином варианте, чем тот, который был исходным для «себежских» текстов. Возможно, что в таком первоначальном пересказе уже был рассказ об исцелении, поскольку в тексте нет того стилизового разрыва между двумя частями, который наблюдается в текстах №№ 10—13.

7

Вопрос о природе и происхождении текстов «черниговской» группы осложнен тем, что, кроме сюжета о Соловье-разбойнике, в них имеется отражение темы Ильи-сидня, включен как первый подвиг Ильи Муромца рассказ о встрече его с разбойниками и присоединено изложение сюжета об Илье Муромце и Идолище Поганом. Перед нами сложная композиция, объединяющая несколько сюжетов об Илье Муромце, известных в устной традиции. Сопоставление с былинами устанавливает, с одной стороны, многие прямые соответствия, с другой — раскрывает и значительную долю работы книжника, протекавшей в определенном направлении.

Как было указано выше, «черниговская» версия представлена двумя редакциями, краткой и распространенной; последняя известна лишь в одном списке Забелина 82 (наст. изд., № 26).

Тексты краткой «черниговской» редакции, именуемой нередко «лубочной», поскольку она получила широкое распространение в лубке на протяжении всего XVIII и XIX веков,⁵⁴ почти тождественны, различия в них незначительны, чаще всего это пропуск или искажение отдельных слов и фраз. Они имеются в каждом из текстов и легко заполняются и корректируются путем сопоставления этих текстов друг с другом. Из этого ясно, что данные тексты являются копиями, восходящими к какому-то не известному нам тексту, возможно и через некоторые промежуточные звенья.

В Забелинском пространном тексте утеряно начало. Сохранившаяся часть открывается сценой в Чернигове после победы Ильи Муромца над басурманской ратью.

Рассказ о выезде Ильи Муромца в текстах «черниговской» версии строится иначе, чем в краткой «себежской» редакции: сперва упоминается о том, что Илья Муромец, сын крестьянина Ивана Тимофеевича из села Карачарова, сидевший 30 лет сиднем, вдруг стал на ноги и ощутил в себе силу, затем говорится, что, облачившись в воинские доспехи и оседлав коня, Илья просит у родителей благословения ехать в Киев, и родители дают наставление не чинить в пути никому обиды и не проливать напрасно христианской крови.

В таком виде — внезапное и необъяснимое выздоровление — тема Ильи-сидня встречается только в одном устном варианте (Рыбников, I, № 82):

У того было Ивана у Иванова
Родился сын Илья у него Муромец.
Тридцать лет он сиднем сидел,
Сидел он на печке на муравленной.
Отец его и мать на луга ушли.
Он слезает со печки муравленной,
Берет ли своего добра коня.

Во всех остальных случаях, когда былина об Илье Муромце начинается с упоминания о параличном состоянии его в течение 30 лет, имеется более

⁵⁴ Самый ранний из известных текстов с этим сюжетом в лубке, гравированный на меди, относится, по определению Д. А. Ровинского, к первой половине XVIII века (Ровинский, I, стр. 1).

или менее развернутый рассказ о его чудесном исцелении проходящими странниками. И в приведенном случае мы можем видеть не отголосок какой-то традиции, а явное ее обеднение, тем более, что весь текст, излагающий сюжет о Соловье-разбойнике в 81 стихе, дает и в других своих частях пример такого обеднения.

Основной эпизод начальной части «черниговских» текстов — испрашивание у родителей благословения и наказ родителей — в устных вариантах встречается. В большинстве случаев он имеется там, где вариант начинается с рассказа об исцелении и лишь в редких случаях при его отсутствии, как например в широко известном по хрестоматиям и изданиям для народа варианте сборника Киреевского из Нижегородской губернии, где дается замечательное изображение прощания Ильи Муромца с отцом:

Не сырой дуб к земле клонится,
 Ни бумажный листочки расстилаются,
 Расстилается сын перед батюшкой,
 Он и просит сее благословеньица:
 «Ох ты гой еси, родимой, милой батюшка!
 Дай ты мне свое благословеньицо,
 Я поеду в славной, стольной Киев-град»

Отвечат старой хресьянин Иван Тимофеевич:
 «Я на добрыя дела тее благословенье дам,
 А на худыя дела благословенья нет.
 Поедешь ты путем и дорогою,
 Ни помысли злом на татарина,
 Ни убей в чистым поле хресьянина».

(Киреевский, I, стр. 34).

Иногда завет-наставление родителей передается в близких рукописным текстам формулах: «Не проливай ты напрасно крови человеческой» (Ончуков, № 19); «Поезжай-ка ты, Ильюша, в Киев-град, Не проливай ты напрасно крови христианской» (Астахова, II, № 157). В некоторых из этих случаев можно предполагать закрепление данной формулы через лубок, как в последнем из указанных вариантов, который несомненно восходит к какому-то книжному пересказу.⁵⁵

Далее в «черниговских» вариантах идет рассказ о встрече Ильи Муромца с разбойниками, а затем уже следует эпизод спасения осажденного города — Чернигова.

В устной традиции сюжет «Илья Муромец и разбойники» встречается и в виде отдельной самостоятельной былины, и как одна из частей былины о трех поездках, и, наконец, в контаминации с другими былинами, чаще всего с былиной о Соловье-разбойнике. Поэтому можно предполагать, что объединение было уже в устном источнике и воспроизведено в исходном тексте, а не явилось самостоятельной композицией кого-либо из писцов. Но всегда, во всех полноценных вариантах, записанных от народных исполнителей, рассказ более развернут и красочен, чем в рукописных текстах. Следовательно, и здесь, очевидно, имело место сокращенное и опрозраченное изложение. Совершенно, например, отсутствует постоянное в устных вариантах поддразнивание Ильей разбойников перечислением своего «имения»: быстрого и сильного коня, которому нет цены, дорогой куньей шубы, золотой казны; говорится только, что сердца разбойников «разгорелись» на богатырского коня, подобного которому никто еще не видал.

⁵⁵ См.: Астахова, II, стр. 747—749.

Устная традиция сюжета о встрече с разбойниками знает развязку двух типов: Илья Муромец или всех убивает, или только устрашает и оставляет в живых, наказывая разбойникам бросить свои темные, злые дела. Эта вторая развязка и использована «черниговскими» текстами. Но способ устрашения здесь менее традиционен. В устных вариантах чаще Илья Муромец стреляет в дуб, разбивая его на «мелкие черенья», щепки. Устрашенные разбойники падают ниц. В рукописных текстах и лубке Илья пускает стрелу в землю, и стрела начинает рвать ее «в косую сажень». Но и эта деталь известна устной традиции, хотя встречается реже:

Да натягивал Илеюшка тугой лук,
Накладывал стрелочку каленую,
Да стрелял он ведь стрелку в сыру землю,
Рвала стрела землю в косу сажень,
Тому они весьма испугались,
Со дубов они на землю попадали.

(Гильфердинг, III, стр. 551).⁵⁶

Наступление станичников по пяти человек, по десяти, двадцати и т. д. — тоже в духе устной традиции.

Хотя в устной традиции и сохранились следы эпизода освобождения Себежа, версия с Черниговым, более близкая и понятная среднерусскому населению, прочнее утвердилась в устной традиции, чему способствовало также и то, что именно эта версия вошла в лубок.

В качестве врага называются не «три царевича заморских», как в «себежских» текстах, а «войско басурманское», которому «сметы нет». Это вполне соответствует устной традиции. В былинах называются «силушка великая», от которой «черным черно», «войско басурманское», «много-множество поганных татаровей»; говорится, что заступила «сила поганая», «стоит как силы много тысячей» и т. д. Формула похвальбы несколько иная, чем в «себежской» редакции, встречается в былинах о татарском нашествии. Ср.:

«И Чернигов град осадили, и хотят его вырубить, и божии церкви на дым пустить, а самово князя киберскаго и воеводу черниговскаго в полон взять» (наст. изд., № 16; см. также №№ 15, 19—22).

И хотит ён рворить да стольний Киев-град,
Чернедь-мужичков он всех повыврубить,
Божьи церкви все на дым спустить,
Князю-то Владимиру да голова срубить
Да со той Опраксой королевичной.

(Гильфердинг, II, стр. 19).

Князь киберский (по-видимому, искажение — сибирский, сибежский) и воевода черниговский устраивают пир. О прямом пути на Киев и о Соловье-разбойнике говорится только в Забелинском списке. В текстах же краткой редакции о прямоезжей дороге в данном эпизоде не упоминается. Описанием дороги начинается эпизод встречи Ильи с Соловьем-разбойником. Оно одинаково с описанием в «себежских» текстах и в былинах:

«Илья Муромец поехал ко граду Киеву прямою дорогою от Чернигова, которую заложил Соловей разбойник ровно 30 лет, не пропускал ни коннова, ни пешева, а убивал не оружием, но своим разбойничьим свистом. И выехал в чистое поле, и увидел дел попрыски богатырския, и по них поехал на те леса Брынския, на те грязи топучия, на мосты калиновы, к той реке Смородине» (наст. изд., № 16, см. также №№ 15, 19—24).

⁵⁶ См. также: Киреевский, I, стр. 17; Ончуков, стр. 84.

Несколько иначе, чем в «себежской» редакции, передан эпизод самого столкновения с Соловьем-разбойником. В кратких текстах говорится, что Соловей трижды свистит, сперва не допуская Илью за 20 верст, но «богатырское сердце не устрашил». Затем свистит на расстоянии 10 верст громче, и тогда конь под Ильею спотыкается. Укора коню нет. Илья подъезжает под самое гнездо, Соловей свистит во весь разбойничий свист, но Илья стреляет, попадает в правый глаз, вышибает его, и Соловей валится, «что овсяной сноп».

Более подробно рассказан эпизод в Забелинском списке. Как и в краткой редакции, Соловей свистит три раза: за 30 верст, за 15 и когда Илья подъезжает под самое гнездо. Оба первые раза конь Ильи Муромца спотыкается, и богатырь бранит его: «Что ты, волчья мяса, травеной мешок? Или ты в темных лесах не гуливала, соловьиного свисту не слыхивала?» От третьего свиста конь падает «на карачки со всех четырех ног». Илья стреляет «в правый глаз и в левое крыло и вышиб левый глаз». Соловей падает с гнезда, «что овсяной сноп».

Троекратное повторение свиста по мере приближения Ильи встречается и в былинах, хотя чаще Соловей свистит только один раз. В варианте № 104 у Гильфердинга (II, стр. 237) Соловей свистит сперва «в треть свисту», затем свистит сильнее — оба раза конь «подтыкается», во второй раз «гораже», в третий раз Соловей свистит «во весь свист», и «конь на коленка пал». О троекратном свисте Соловья говорится в одной записи Н. Шайжина (Миллер, стр. 11) — два раза конь «ошарашился», в третий раз «на колена пал».

Укор коню в устных вариантах чаще всего встречается в форме, близкой именно Забелинскому списку, например:

А ты, волчья съть, травяной мешок!
 Не бывал ты в пещерах белокаменных,
 Не бывал ты, конь, во темных лесах,
 Не слыхал ты свисту соловьинова.
 Не слыхал ты шипу змеинова,
 А тово ли ты крику зверинова,
 А зверинова крику, туринова?

(Кирша Д а н и л о в, стр. 240).

Ай же ты, медвежья съть, травяной мешок!
 Неужоль не слыхал крыку звериного,
 Свисту змеиного и щектанья соловьиного?

(Р ы б н и к о в, I, стр. 350).

Ах ты, волчья выть, травяной мешок!
 Разве ты в лесах не бывал...

(Р ы б н и к о в, II, стр. 295).

В развязке эпизода столкновения с Соловьем «черниговские» тексты ближе к устным вариантам, чем «себежские»: Илья, ранив Соловья и сбив его с дубов, привязывает его к стремени или в торока и продолжает свой путь.

Иначе, чем «себежские» тексты, рисуют «черниговские» варианты сцену в подворье Соловья. В них, как уж было указано, села Кутузовы не упоминаются. Вместо сыновей Соловья-разбойника выступают дочери. Илья едет мимо палат Соловья, в раскрытые окна смотрят три дочери разбойника. Меньшой кажется, что это отец едет с добычею. Но большая дочь, посмотрев, заплакала и сказала, что едет какой-то незнаемый человек и везет их отца. Дочери просят своих мужей отбить Соловья. Мужья их, сильные богатыри, едут против Ильи, но Соловей останавливает их. По

просьбе зятей Илья поворачивает ко двору, но замечает большую дочь, которая собирается спустить на него железную подворотню. Илья убивает ее копьем.

В Забелинском списке эта сцена развернута. Илья видит три терема «златоверхие» и думает, что это уже Киев, но Соловей говорит, что это его палаты, в которых живут три его дочери. Дальше происходит все так же, как в краткой «черниговской» редакции, но введен ряд подробностей: зятя падают Илье в ноги и просят «выкушать по чаре зелена вина», Илья ударяет коварную дочь Соловья, сидящую на верее, шелепугой, и дочь отлетает от верей на двенадцать сажен; Илья приказывает «Соловьятам» везти пожитки разбойника в Киев, угрожая всем в случае неповиновения смертью.

Устные записи знают обе версии эпизода — с сыновьями и с дочерьми, в последнем случае обычно изображается покушение на Илью одной из дочерей или всех трех с помощью подворотни. Некоторые варианты передают сцену очень близко к «черниговским» текстам. Когда дочери удостоверятся, что у стремени их отец, они обращаются к своим мужьям. Те хотят биться с Ильей. Они вооружены, выезжают на конях. Соловей оттапливает их, говорит, чтобы они задобрили богатыря казной и угощением. Большая распространенность «черниговской» версии эпизода, по-видимому, обусловлена влиянием лубочных картинок, на которых неизменно изображена сцена у ворот: на верее сидит дочь Соловья, спускающая подворотню, Илья пронзает ее копьем, из окон смотрят две другие дочери Соловья.

Выше уже указывалось, что и требование Ильи Муромца везти казну в Киев, которое встречается в Забелинском списке (как и в Калининском), тоже находит место в устных записях.

Приезд Ильи в Киев, его поведение в палатах князя, рассказ о своих подвигах в пути переданы в «черниговских» текстах более сжато и «прозаично», чем в «себежских». Недоверие князя и обвинение в обмане вызывает не сообщение о времени, потраченном на путь, а рассказ о победе над Соловьем. Богатыри Добрыня Никитич и Алеша Попович удостоверят правильность сообщения Ильи. Когда князь изъявляет желание послушать свист разбойника, Илья обертывает князя и княгиню в собольи шубы, ставит их к себе под мышки и, призвав Соловья, велит свистеть вполсвиста. Соловей свистит во весь свист и оглушает богатырей. Илья тогда убивает Соловья, сказав: «Не люблю я таких неверных слуг».

Укрывание князя Владимира и княгини Апраксии соболями или кунными шубками, вообще оберегание их Ильей во время свиста Соловья хорошо известно устной традицией:

А что есть-то людошок, так вси мертвы́ лежат;
А Владимир-князь-от стольнѣ-киевской
Куньей шубонькой он укрывается.

(Гильфердинг, II, стр. 17).

Захватил князя Илья Муромецъ по праву руку к себе под пазуху,
А кнегину захватил под руку-ту всё под левую,
А как дѣржит-то их в охалочки.

(Марков, стр. 351).

Казнь Соловья за ослушание, за злой умысел погубить собравшихся является традиционной развязкой былины о Соловье-разбойнике. Опять-таки в Забелинском списке имеются своеобразные дополнительные детали. Вся эта часть повествования развернута в пространный рассказ: Илью

звуют в палаты сперва Алеша Попович — «неочестливо», затем Добрыня — вежливо, «очестливо»; Илья христосуется с князем и княгиней яичками, полученными от князя киберского и воеводы черниговского; конь Ильи на дворе князя отбивает от кормушки других коней и убивает коня Алеши Поповича; Илья на пиру теснит других богатырей; Соловья зовут в палаты тоже сперва Алеша — «неочестливо», затем Добрыня — «с честью»; но Соловей не слушается ни Добрыни, ни самого князя Владимира; сыновья привозят казну уже после казни их отца и, узнав об этом, обрезают гужи на лошадях и скачут из Киева.

Эпизод с конями в устных записях былины о Соловье не встречается, но находит соответствие в эпизодах других былин («Иван Гостинный сын», «Добрыня и Дунай»). Утеснение на скамье богатырей Ильей Муромцем находит себе место в былинах о бунте Ильи против князя Владимира (варианты былины о Никите Залешанине), встречается и в двух вариантах былины о Соловье-разбойнике из сборника Киреевского:

Зашол Илья Муромец с конничка,
 Пожал он всех князей и боярей
 И сильных могучих богатырей:
 Учутился он супроти князя Володимира.

(Киреевский, I, стр. 39).

Поприжал Илья Муромец да сын Ивановиць
 Поприжал он их до во большой угол.

(Киреевский, I, стр. 85).

Но здесь опять тот случай, когда мы не можем утверждать, что данные мотивы внесены в рукописный текст именно из былины о Соловье-разбойнике, а не возникли у писца под воздействием известной ему традиции эпоса об Илье Муромце в целом.

С другой стороны, в тексте имеется эпизод, которого совсем нет в устной традиции. Это — рассказ о пасхальных яичках, явно придуманный книжником.

Заключительная часть «черниговских» текстов — сюжет «Илья Муромец и Идолище» — повторяет в основном, с небольшими лишь отклонениями, обычную схему устных вариантов. Находившийся некоторое время в отлучке из Киева Илья Муромец встречает в поле калику. Калика сообщает, что в Киеве «великая безгодушка учинилась», приехал нечестивый Идолище и засел в палатах князя Владимира. Илья Муромец переодевается в каличье платье и, придя к князю во двор, просит милостыню. Князь пускает его к себе в терем. Видя чудовищную прожорливость Идолища (проглатывает по быку, по лебеди, по барану, пьет по котлу и т. п.), Илья смеется над ним, сравнивая его с обжорливой коровой, собакой, кобылой, которые от обжорства лопнули. Далее рассказ «черниговских» текстов несколько расходится с рассказом устных вариантов. В последних Идолище обычно бросает в Илью нож, не попадает, Илья убивает Идолище «шляпой земли греческой». В «черниговских» же текстах Идолище лишь угрожает Илье: «Что ты меня замаешь? Не то, что ты, каков у вас был Илья Муромец, я бы и с тем стычку дал!» Тогда со словами «да вот он каков!» Илья убивает Идолище шляпой калики. Слова Идолища, а затем Ильи — след известного в устной традиции эпизода: Идолище спрашивает мнимого калику, каков Илья Муромец и много ли он ест и пьет, а Илья отвечает, что богатырь таков же, как он, калика. Идолище издевается над Ильей Муромцем, хвалится своей силой, грозит пришибить Илью одной ладонью.

Несоответствие с традицией наблюдается, кроме того, в самом начале рассказа об Идолище и в деталях встречи с каликой. Ни в одной из устных записей былины об Идолище не говорится о том, что Илья встречается с каликой именно тогда, когда они ездят вместе с Добрыней, назвавшись братьями. Таково начало некоторых вариантов о встрече с сыном (Кирша Данилов, № 50; Гильфердинг, III, № 219, 226, 246 и др.). Также нигде не говорится, чтобы Илья принял калику за врага и был готов вступить с ним в бой, как об этом рассказывается в «черниговских» текстах. Обычно Илья спрашивает калику, откуда он и куда держит путь. И тогда калика укоряет Илью, что тот не узнал его, а они когда-то вместе учились (например, Гильфердинг, III, стр. 12). Но основное развитие сюжета то же, те же и образы: калика — богатырь, у Идолища голова с пивной котел, в плечах сажень, промеж бровями пядь и т. д., он съедает быка со всеми его костями.

При этом мы наблюдаем опять сильно сокращенную передачу сюжета и обеднение традиционных образов, так художественно ярко обрисованных во многих устных вариантах. Сопоставление кратких текстов с соответствующей частью Забелинского списка показывает и здесь ряд точных текстуальных совпадений. В то же время Забелинский вариант и в этой части содержит в большей полноте характерные черты устной былины: развитой диалог, речевые былинные элементы, такие детали содержания, как традиционное изображение бесчинств Идолища в отношении князя и княгини, укор Ильи калике, у которого при всей его силе не хватило смелости самому расправиться с Идолищем.

Неясен вопрос о происхождении в рукописных текстах контаминации сюжетов о Соловье-разбойнике и об Идолище. В устной традиции нет ответственности такой контаминации. Но, как уже было указано Л. Н. Майковым, «это не исключает возможности, чтобы существовал и такой сводный пересказ».⁵⁷ Во всяком случае, присоединение сделано довольно искусно, отнюдь не механически, на что тоже обратил внимание Майков: по смыслу текста Илья окончательно приобретает милость князя Владимира лишь после победы над Идолищем, тогда как по «себежским» текстам это происходит в результате укрощения Соловья-разбойника.⁵⁸ Но возможно, конечно, предполагать в этой контаминации и литературную работу одного из писцов, может быть и автора исходного текста, поскольку пространная редакция Забелинского списка как раз обнаруживает следы такой работы. Вопрос пока остается открытым.

Таким образом, выясняется, что и «черниговские» редакции сохранили значительную близость к устной традиции. Краткие варианты во многих своих частях носят характер довольно точного пересказа содержания былины, как и «себежская» редакция, но в иной версии, которая, без сомнения, жила в устной традиции параллельно былинам, легшим в основу «себежских» текстов. Но «черниговский» пересказ более прозаичен, в значительно меньшей степени удержал эпический былинный склад и передал отдельные эпизоды в сильно сокращенном виде.

Это связано, очевидно, с особым назначением пересказа. Наличие краткой редакции в лубке, весь характер текстов — сокращенное изложение эпизодов, выключение распространяющих рассказ традиционных эпических описаний, равномерность частей текста под картинками — заставляют предполагать, что текст краткой редакции «черниговской» версии был

⁵⁷ Майков, стр. 9.

⁵⁸ Там же.

специально и приготовлен для лубка. Копия с этого текста попала в рукопись, и от этой копии уже пошли другие рукописные варианты. Что это было именно так, убеждает нас текстологическое сравнение вариантов (см. комментарий к № 20).

В каком же отношении к этой редакции стоит Забелинский текст? В ряде мест его есть буквальные совпадения с соответствующими частями текстов краткой редакции. Композиция в целом та же. Но в Забелинский список вошел, как уже отмечалось, целый ряд добавочных эпизодов. Стилевая манера писцов, отразившаяся в этих двух редакциях, — разная. Текстуальные совпадения говорят о несомненном генетическом родстве. Л. Н. Майков, который знал лубочные тексты, напечатанные у Киреевского и Ровинского, полагал, что они «могут быть рассматриваемы, как сильно сокращенное и попорченное воспроизведение Забелинского текста из рукописи № 82».⁵⁹ Однако если сопоставление ряда мест действительно поддерживает мысль о сокращении более развернутого текста (так, развернутому диалогу часто соответствует сокращающая повествование косвенная речь), то о «порче» не может быть и речи: все краткие — и рукописные, и лубочные — варианты характеризуются стройной, ясной, логичной композицией; после исключения побочных эпизодов повествование стало более сконцентрированным на героическом подвиге богатыря.

Лег ли именно Забелинский список в основу лубочного текста? В Забелинском списке находим былинные детали, органически связанные со всем ходом повествования, которые, казалось бы, должны были найти какое-либо отражение в лубочном тексте (особенно в последнем эпизоде), но этого отражения нет. Поэтому более естественно предположить неизвестный оригинал, от которого пошли два разных пересказа.

8

В «черниговской» группе, подобно «себежской», наблюдается своеобразная литературная жизнь. Сравнение кратких текстов с Забелинским привело к предположению о едином их прототипе. Особенности Забелинского списка, сохранившего многие былинные черты, заставляют думать, что этот прототип представлял собою запись пересказа былины, подобного по своему характеру пересказу, отраженному в «Повестях» «себежской» группы, т. е. близко передал композицию и общий склад устного оригинала. Работа по созданию текста для лубка на основе этого пересказа проходила главным образом в плане сокращения и исключения некоторых подробностей. Так, начало текста, подготовленного для лубка, очень сжато. Об исцелении Ильи просто упоминается, но не рассказывается. Зато о благословении родителей рассказано подробно. Это соответствует картинке, под которой подписан текст. На картинке нарисован эпизод благословения, и текст явно готовился для того, чтобы пояснить картинку. Весь текст очень свободно делится на восемь частей в соответствии с семью картинками, иллюстрирующими его.

Характер сокращений хорошо виден из сопоставления отдельных частей лубочного и Забелинского текстов. В приведенных ниже примерах видно, что подробному описанию Забелинского текста в лубочном соответствуют одна-две фразы, а некоторые части текста совпадают дословно (выделены курсивом):

⁵⁹ Там же, стр. 9, прим.

№ 20 (текст лубка)

Илья Муромец берет Соловья разбойника и привезал его крепко к стремени булатному и поехал к славному граду Киеву. И на пути стоят палаты Салавья разбойника. И как поровнялся Илья Муромец против палат разбойничьих...

«А ест он по быку, а пьет по котлу. И князь киевски велми об тебе соболезнует, что ты его в едакои печали оставил». И нарядяс Илья Муромец в колечищина платье и идет прямо на княженецки двор.

№ 26 (ГБЛ, 5915, Забелина 82)

Илья Муромец берет Соловья разбойника и привязал его крепко к стремени булатному и стал скакать во всю пору конскую, и выскакал те леса Брянския, те грязи топучия, те мосты калиновы, и перескакал реку Смородину, и выскочил в чистыя поля. Стоят три терема златоверховатыя. Илья Муромец спрашивает Соловья разбойника: «Скажи, Соловей разбойник, не тот ли славной Киев град?» Ответ держит Соловей разбойник: «Государь, удалои доброй молодец, силой могучей богатырь Илья Муромец! Это не славной Киев град, это мои Соловьиныя палаты, а живут в них три мои дочери. И как поровнялся Илья Муромец против палат разбойничьих...

«А ест он по быку, а пьет по пивному котлу. И князь Володимир велми об тебе соболезнует, что ты его въ едакои печали оставил». И говорит Илья Муромец: «Он еси ты, колечища прохожеи! Что у тебя силы нет, или смелости?» И рече прохожеи: «Во мне силы много, да смелости нет». И говорит Илья Муромец: «Он еси ты, колечища прохожеи! Даи мне свою гуню в пятьсот пуд, шляпу в тридцать пуд, костыль сорока сажень; пойду в славной Киев град. Вот тебе мои доброй конь богатырской, и вот тебе мое платье цветное и тугой лук». И пошел Илья Муромец в Киев град и пришел прямо на княженецкой двор.

Сравнение текстов лубочных листов и сходных с ними рукописных показывает, что часть рукописных текстов списана с рукописи, приготовленной для лубка (наст. изд., №№ 15—19), а часть — с отпечатанных лубочных листов (наст. изд., №№ 21—24). Сами лубочные листы печатались несколько раз с небольшими разночтениями. Рукописные тексты краткой редакции говорят об активном переписывании и с лубочных изданий и, возможно, с рукописи, приготовленной для лубка, а также о попытке переработать текст в сказку (наст. изд., № 25).

Иной характер, чем работа автора текста для лубка, носила работа автора Забелинского списка. Она шла по пути создания повествования подробного и иногда многословного.

Подробности, которые отличают текст Забелина от лубочного, не однородны: одни былинного, народно-поэтического характера, а другие книжного, прозаического. Былинный характер носит описание дороги прямоезжей, обращение Ильи к спотыкнувшемуся коню, обращение Ильи к Соловью после попытки дочери убить его, разговор с каликой в поле и переодевание. Книжный, прозаический характер имеет описание почестей, которые воздают Илье в Чернигове, и описание его встречи в Киеве. Это наиболее обширные сцены книжного характера.

В Чернигове Илью берут под руки «князь киберской и воевода черниговской», приглашают на пир, оставляют ночевать — «а все эта делалось в великую субботу». На другой день Илья «с князем киберским и воеводой черниговским похристосывалася; и они ему дали по яичку и на них подписали подпись: в которой день поспел из Мурома в Чернигов град и сколок

под Черниговым побил силы босурманския» (наст. изд., № 26). Сцена эта несомненно принадлежит творчеству автора. Она несколько изменяет и смысл повествования, ведь в былинах богатырь ни в каких свидетельствах и доказательствах, кроме своих поступков, не нуждается. Кроме того, в былинах богатыри обычно не выражают большого почтения князьям и воеводам, здесь же Илья держит себя как подданный и даже холоп. Так, он говорит: «... не подлежит вам меня, нижаншева раба, брать под руки и весть в полаты белокаменные!»

Но вот Илья услышал о Соловье — «богатырское сердце разгорелоса» — и, переночевав в Чернигове, Илья «выехал в чистыя поля». И далее повествование и образ богатыря близки былине, хотя некоторый налет прозаического, книжного повествования и есть. Но вот Илья приехал в Киев. И опять идет обширное описание придворной сцены. Илья идет в церковь, христосуется с князем теми яичками, что получил в Чернигове. Он приглашен к князю на пир, и здесь князь испытывает, действительно ли Илья сильный богатырь. Активную деятельность проявляют «министры» Алеша Попович и Добрыня Никитич. А Илья опять становится очень «галантным», речь его ничего общего с былинной не имеет. Он называет князя Владимира «ваша светлость»; рассказав о бое под Черниговом, Илья прибавляет: «А ежели сему не изволите веры понять, то изволите послать справитца чрез почту». Когда князь Владимир сердится, Илья говорит: «За что такой гнев изволиш на меня держать, и чем я вас оболгал и какими словами?» Все эти сцены и речи очень напоминают описания придворных приемов и церемоний в повестях XVIII века, таких, как «Гистория о российском матросе Василии Кириацком» или «Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии». Там действуют камергеры, которые извещают царя о прибытии того или иного героя, они же узнают об имени прибывших. А герои говорят очень похоже на речи Ильи Муромца, которыми наделил его автор Забелинского текста. Например, Василий говорит цесарю, который стал его сажать за стол: «Пожалуй, государь великий царь, меня недостойнаго остави, понеже я ваш раб, и недостойно мне с вашею персоною сидеть».⁶⁰ Карл говорит французскому королю: «Доношу вашему величеству, что я гишпанскаго государства дворянин». «Я особно могу вашему величеству донести о сей картине сущую правду, ежели угодно».⁶¹

Очевидно, автору XVIII века не понравилось свободное поведение Ильи Муромца в Киеве и слишком простое, обыденное описание придворных сцен. Он изменил их, описал применительно своему пониманию и тем литературным образцам, с которыми он был знаком. Этими образцами были повести XVIII века, так как в XVII веке ни в оригинальных, ни в переводных повестях подобных описаний не находим. Сцена приема Ильи в Киеве не является целиком измышлением автора, там есть и эпизоды устной традиции (наст. изд., № 26, строки 206—216), но в целом эта часть очень сильно переработана книжником. Заключительный эпизод Забелинского текста (столкновение Ильи Муромца с Идолищем) не подвергся такой значительной переработке книжника.

Весь текст представляет собою повесть, созданную на основе пересказа былины. В повести этой смешались книжные и былинные элементы. Образ Ильи Муромца близок былине в воинских эпизодах, а в эпизодах посеще-

⁶⁰ Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889, стр. 179.

⁶¹ П. Н. Берков и В. И. Малышев. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века. Труды ОДРА, т. IX, 1953, стр. 417.

ния Чернигова и Киева перекликается с образами придворных кавалеров в повестях XVIII века.

Рассмотрение текстов «себежской» и «черниговской» групп показывает, что пересказ былины, попав в рукописный сборник, живет в нем как любое произведение древнерусской рукописной литературы. Читатели и переписчики воспринимают текст пересказа былины как повесть, увлекательно рассказывающую о приключениях и подвигах богатыря — защитника родной земли. Подходя к тексту как к повести, некоторые переписчики дополняли или сокращали текст по своему усмотрению. Некоторые переписчики были уже авторами новых произведений, созданных на основе пересказа былины. Сочинительство их опиралось как на книжные, так и на былинные источники.

Тексты обращались в среде крестьян и демократических слоев посада. Об этом свидетельствуют записи владельцев и читателей сборников. Сборник ГИМ, Барсова 1592 (210) читался в семье крестьян Зекиных, принадлежавших графу Дмитриеву-Мамонову (см. комментарий к № 9). В этом же сборнике есть записи лавочника Сивохина. Тетрадь с текстом «Истории» об Илье (наст. изд., № 19) была собственностью «пасацкого человека Ивана Иванова сына Вьюшкова». Отдельные части сборника ЛОИИ, Лихачева 74 писал «чюлошный ткач». В этих кругах, конечно, хорошо знали былину и, переписывая повесть, сохранившую былинный сюжет и поэтику, добавляли в нее некоторые детали из устной традиции. Включались отдельные слова и словосочетания или целые эпизоды.

Большое количество переписываний и переработок говорит о популярности текстов. Это подтверждается и записью одного из читателей в сборнике ГИМ, Забелина 536 (82), в который входил текст № 26: «Ах, братцы, что в то в книги нашел... 1799 году апреля 22». О том, что запись относится именно к богатырским повестям, свидетельствует продолжение ее: «... в славном городе Муроме, в стеле» (так ошибочно в рукописи вместо «селе»). Эти слова напоминают начало некоторых повествований об Илье Муромце. Очевидно, текст «Истории» об Илье Муромце произвел сильное впечатление на читателя.

Вместе с тем некоторым читателям хотелось приблизить эти тексты к книжному повествованию (см. наст. изд., № 8 и 9) или создать повесть с развернутыми придворными сценами (наст. изд., № 26). Но и в том и в другом случае былинные особенности оригиналов дают себя чувствовать. Создается пестрое смешение былинных и книжных черт.

9

Особое место среди рукописных повествований о былинных богатырях занимают «Повесть о Сухане» и «Сказание о семи богатырях, ходивших в Царьград».

До нас дошло два текста, повествующих о былинном богатыре Сухане: один в списке XVII века (найден и изучен В. И. Малышевым),⁶² другой в рукописи П. О. Морозова второй половины XIX века⁶³ и, как сообщает Морозов, относится по времени записи к XVIII веку. Оба текста тождественны друг другу, мелкие разночтения в отдельных словах объясняются ошибками и описками копииста XVIII века, а может быть, и неправильным прочтением самим П. О. Морозовым.

⁶² Малышев, стр. 135—143.

⁶³ Там же, стр. 217—219.

Как показало исследование В. И. Малышева, в повествовании о Сухане наблюдаются не отдельные привнесения книжника в пересказ былинного сюжета (как это видим в тексте № 26) и даже не присочинение новых развернутых эпизодов (каким, например, в текстах №№ 10—12 является рассказ о победе Ильи над Тухманом). Здесь видна такая переработка сюжета, которая вносит изменения в идейный смысл былины и новые существенные оттенки в изображение героя. Даже если принять предположение В. И. Малышева, что в основу своей работы над «Повестью о Сухане» автор положил не ту версию сюжета, которая отражена в северных редакциях былины и характеризуется острым конфликтом между богатырем и князем, а другую, развивавшую только воинскую тему борьбы с неверной силой (следы этой версии, как предполагает В. И. Малышев, сохранились в единственном варианте, записанном в середине XIX века на Алтае),⁶⁴ то и тогда степень литературной обработки должна быть признана очень значительной. Тем более она возрастает, если автор знал только былину типа северной версии, что тоже вполне возможно. Тогда оказалось бы, что автор не только развил воинскую тему в должном ему направлении, но и устранил сам все, связанное с социальным конфликтом.

В книге В. И. Малышева на конкретном материале сопоставлений рукописного текста о Сухане с устной традицией этой былины, с мотивами других былин о борьбе с «неверной силой», а также с образами и приемами описания в литературных памятниках убедительно раскрыты пути, которыми шел автор, создавая новый тип воинской повести на основе былинного материала.

Сохранив основные очертания сюжета в его воинской части, в известной степени былинную фразеологию и ритмический склад, автор ввел новые подробности: и в характеристику богатыря, наделив его чертами военнослужилого человека XVI—XVII веков, с его пониманием воинского долга как «дела государева», «службы государевой», и в изображение подвига богатыря, расцвечивая рассказ реалистическими деталями (фигура пограничника — человека с прапором на копье, стрельба в Сухана из пороков, уточнение разрядной терминологии в описании численности вражеского войска и т. п.). Автор перерабатывает начало повествования, более тесно связывая его с самим событием боя (скопление птиц в необычном месте как признак совершающегося вблизи передвижения войск), и развязку (включение в описание смерти Сухана плача его матери и похорон богатыря в каменной пещере). Автор черпает новые краски для описания военных сцен и действий богатыря, с одной стороны, из общеэпического запаса образительных средств, с другой — из исторической действительности или из литературной традиции воинских повестей — «Сказания о Мамаевом побоище» и др. Эти повести дали материал и для ряда дополнительных эпизодов (молитва богатыря перед сражением в привычной для воинских повестей форме, плач матери и др.).

Таким образом, перед нами уже в полном смысле слова «повесть», литературный памятник, созданный на основе определенного былинного сюжета.

«Сказание о семи богатырях» выделяется другой своей особенностью. Если все остальные повествования сложились в результате записи, пересказа или переработки целостного былинного сюжета, то «Сказание о семи богатырях» представляет, по-видимому, сюжет, лишь похожий на былину, но не живший в устной традиции, сюжет, сложенный каким-то автором, ко-

⁶⁴ Там же, стр. 44.

торый использовал отдельные былинные эпизоды и мотивы, отчасти былинную фразеологию и ритм.

«Сказанию», в противоположность другим рукописным текстам, основанным на былинном материале, посвящена довольно обширная научная литература, в которой ставились и решались вопросы о природе этого произведения, его соотношения с устной традицией и генезисе. Однако все эти вопросы еще не могут считаться окончательно разрешенными; мнения ученых сильно разошлись, и некоторые оказались диаметрально противоположными.

Это обстоятельство связано с особой трудностью, какую представляет собой изучение данного памятника. В отличие от других текстов, «Сказание» не имеет аналога в устной традиции: ни точно такой былины, ни близкой к ней. Следовательно, предстояло решить вопрос о том, возможно ли предполагать само существование подобного былинного сюжета. Отдельные близкие мотивы и даже эпизоды имеются в былинах об Илье Муромце и Идолище, особенно в их «царьградской» версии (Илья освобождает от насильника Идолища не Киев, а Царьград); имя Тугарина как врага русских встречается в былинах об Алеше Поповиче. Связь между «Сказанием» и этими былинами, таким образом, несомненна. Но как ее понять? В какой генетической преемственности стоят эти произведения друг к другу?

Противоположные точки зрения на памятник — одну, что это занесенная в рукописный сборник былина (Е. В. Барсов, П. А. Бессонов, А. Н. Веселовский, Н. С. Тихонравов, А. М. Лобода, А. П. Евгеньева), другую, что это литературное произведение, созданное на основе былин (Орест Миллер, В. Ф. Миллер, М. Г. Халанский, М. Н. Сперанский, А. В. Позднеев, Н. К. Гудзий, В. Я. Пропп), — наиболее четко сформулировали и развили: первую — А. Н. Веселовский, вторую — В. Ф. Миллер.

А. Н. Веселовский считал, что за «Сказанием» «необходимо предположить существование древней песенной былины, случайно не сохранившейся в современных пересказах».⁶⁵ Его убеждали в этом некоторые мотивы других былин в позднейшей изустной записи, которые он рассматривал как реминисценции данной древней песни: упоминания в былине об Иване Гостином сыне (вариант Кириши Данилова), о жеребце Тугарина Эмеевича, захваченном Ильей Муромцем в Большой Орде; рассказ о настигании Тугарина на Киев (былина, записанная С. И. Гуляевым на Алтае); приказ князя остающимся в Киеве богатырям «берегчи князя со княгинею» (та же былина); изображение битвы с неверной силой Ильи Муромца, Добрыни и Алеши Поповича совместно с неким Каликой-богатырем (былина «Калика-богатырь» — Гильфердинг, III, № 207). Некоторые из приведенных мотивов являются, по мнению А. Н. Веселовского, как бы дальнейшим развитием темы «Сказания» — в них указано приведение в исполнение угрозы Идола и Тугарина «обнасилничать» Киев. Отсюда, по мысли Веселовского, естественный шаг к изображению Идола и Тугарина как насильников уже за столом и князя Владимира, и царя Константина. Поездка киевских богатырей в Царьград «обращалась в спасительную». «Таким образом, Сказание разлагалось — на былины об Идолище с протагонистом Ильей и двояким приурочением в Киеве или Царьграде, и на песнь о Тугарине, в которой роль Алеши была отчасти предуготовлена его появлением в Сказании». При этом бой с вражьим богатырем в той и

⁶⁵ Веселовский, X, стр. 366.

другой былине был развит в обычной былинной манере: образ Идола распространен «новыми, вульгарными чертами», Тугарин «обратился в нечто фантастическое». ⁶⁶

Время сложения первоначальной песни о столкновении русских богатырей с Идолом и Тугарином А. Н. Веселовский относил к периоду русско-половецких и византийско-половецких отношений, т. е. к концу XI—XII веку. ⁶⁷

В. Ф. Миллеру рисовался обратный процесс: былины об Илье и Идолище и об Алеше и Тугарине — не следствие распада содержания «Сказания» на два сюжета, а основа, материал для его сложения. ⁶⁸ В. Ф. Миллер совершенно справедливо указывал на неубедительность и притяннутость приведенных А. Н. Веселовским мотивов из других былин в качестве якобы реминисценций былины о походе богатырей в Царьград. В своей концепции В. Ф. Миллер исходил, во-первых, из правильного представления о несвойственности русскому эпосу того сложного процесса разложения большой былины на отдельные новые образования, который рисовал А. Н. Веселовский; во-вторых, из характера самого памятника, на котором лежит яркий отпечаток московского великокняжеского или царского времени. Князь Владимир киевский, писал Миллер, представлен «князем вотчинником московским, привыкшим дома отсиживаться от татарских набегов и держащим крепких сторожей в своих государевых вотчинах», ⁶⁹ положение богатырей и отношения их к князю напоминают положение и настроения служилых людей XVI—XVII веков, речи их восходят к деловому языку того времени. ⁷⁰

Самый замысел произведения — изобразить наступательные действия богатырей для предотвращения набега татар, поход через степи в татарский город, — по мысли В. Ф. Миллера, скорее всего мог возникнуть в период наступательных действий русских против татар, т. е. во второй половине XVI века, а изображенное в «Сказании» состязание русских богатырей с царьградскими и победа первых могли явиться наивным отголоском политических идей о Москве, как преемнице Царьграда.

Отмеченные В. Ф. Миллером действительно яркие признаки позднейшего времени пронизывают все произведение, что не дает возможности считать их лишь привнесениями последующих писцов. Отражение исторической действительности XVI века в «Сказании», общий поздний облик произведения отмечали многие ученые, начиная с Ореста Миллера. Но, конечно, попытку А. В. Позднеева связать памятник с конкретными событиями эпохи (именно с походом Ермака в Сибирь) ⁷¹ следует считать совершенно неудачной и его выводы неубедительными.

Не опровергает положения о позднем возникновении «Сказания» и А. П. Евгеньева, утверждающая в своем исследовании о языке и стиле памятника устное его происхождение. ⁷² Но если это произведение — поздней эпохи, конца XVI или начала XVII века, то тем убедительнее опровергает концепцию об устной природе «Сказания» полное отсутствие в записях XVIII—XIX веков каких бы то ни было, хотя бы искаженных, обломков этой былины.

⁶⁶ Там же, стр. 367—368.

⁶⁷ Там же, стр. 371—374.

⁶⁸ Миллер. Очерки, II, стр. 125.

⁶⁹ Там же, стр. 131.

⁷⁰ Там же, стр. 136 и др.

⁷¹ Позднеев, стр. 176—183.

⁷² Евгеньева. Сказание.

В настоящее время известно пять текстов «Сказания» — три, относящиеся к XVII веку, и два — к XVIII. Самый ранний список (наст. изд., № 35), открытый Е. В. Барсовым и названный им по заключительным словам списка «Богатырским словом», относится к 1642 году, два других текста XVII века (наст. изд., №№ 32, 33) — к последней трети этого столетия. Три текста (наст. изд., № 32—34) обнаружены были только в 40—50-е годы нашего столетия, но это увеличение количества вариантов памятника не прибавило чего-либо существенного к его характеристике, а лишь свидетельствует, что и он получил довольно интенсивную жизнь в рукописной литературной традиции.

Преемственную связь между текстами установить пока не удалось: все они при одинаковой композиции имеют некоторые различия в подробностях построения отдельных эпизодов; все они и похожи и близки друг к другу, совпадая каждый, порой текстуально, то с одним, то с другим вариантом, и в то же время каждый имеет своеобразные черты, отличается по особенностям фразировки от других. Одно ясно, что все пять восходят к единому источнику, который пересказывался каждый раз очень свободно при сохранении, однако, всей композиции в целом.

Наиболее значительные отличия от прочих четырех текстов имеет самый ранний, Барсовский вариант. Все эпизоды и описания переданы в нем с большими подробностями, он в большей степени, чем остальные, использует традиционные былинные приемы и формулы (в изображении сборов богатырей, стычки с врагами и т. д.). Остальные четыре в этом отношении сдержаннее, суше. Однако книжных формул и элементов стиля московских приказов и в Барсовском варианте не менее, чем в других.

Вообще же сопоставление стиля «Сказания» во всех пяти текстах со стилем других рукописных пересказов былин показывает сравнительно более слабую связь с устной традицией. В текстах «Сказания» значительно меньше устойчивых традиционных былинных формул, мало даже постоянных эпитетов. Наиболее близки к былинам те части, которые непосредственно опираются на былинную об Илье Муромце и Идолище: эпизод встречи с каликами, идущими из Царьграда, сцена в палатах царя Константина (диалог с Идолом, его насмешки над физической якобы слабостью Ильи Муромца). Что касается Барсовского текста, большая близость которого к былинной фразеологии подчеркивалась всеми исследователями, писавшими о нем, то расцвечивание отдельных описаний эпическим стилем воспринимается в нем как нарочитая стилизация. Так, если описание седлания коней («учали на них класти седла черкасские, подтягивают подпруги шелку белово, у всех пряжи булатные, красному булату перепускного» и т. д.) действительно вполне соответствует традиционным формулам седлания в былинах, то изображение первой стычки богатырей с татарами явно сделано под былинную с помощью некоторых сказочных формул и напоминает аналогичные стилизации в литературе XVIII века: «Не птички-соловьи рано в дуброве просвистали, свиснули, гаркнули багатыри багатырским голосом, да свиснули палицы булатные у Ильи Муромца с товарищи: полетели головы татарския!»

Необходимость для былинного стиля данного параллелизма признает А. П. Евгеньева.⁷³ Выражение же «свиснули, гаркнули» и т. д. свойственно сказочному стилю, но отнюдь не былинному. Между тем это выражение повторяется в тексте еще три раза, а «птички-соловьи в дуброве» снова

⁷³ Там же, стр. 121.

фигурируют в описании вторичной стычки богатырей с татарами. Все это описание (строки 160—165) тоже явно стилизовано.

Язык «Сказания» хотя в ряде мест и ритмичен, но опять-таки более далек от ритмического строя былины, чем многие пересказы былин об Илье Муромце и Соловье-разбойнике, хотя некоторые ученые и пытались приводимые ими цитаты давать как стихотворные фрагменты. В этом отношении очень показательна цитация П. А. Бессонова. В IV выпуске «Песен, собранных П. В. Киреевским», он приводит в сносках, параллельно архангельскому варианту былины об Илье Муромце и Идолище в Царьграде, весь текст «Сказания» по Барсовскому списку полностью. Считая его «народной былинной», но «с разрушенным складом и стихом», Бессонов пытается реконструировать стих: вставляет в квадратные скобки дополнительные слова, создает искусственно повторения. С нашей точки зрения, ритмичность языка «Сказания», которую нельзя, конечно, отрицать, — явление вторичного порядка, обусловленное несомненно хорошим знанием былинного материала слагателем «Сказания» и его стремлением создать на основе этого материала повесть о подвигах русских богатырей.

Таким образом, нам представляется наиболее правильным мнение о том, что «Сказание» — литературная композиция позднего времени (XVI или самого начала XVII века), сложенная на основе более ранних былин.

Изучение рукописных текстов в их соотношении с устной эпической традицией раскрывает различный по природе и происхождению характер текстов с былинными сюжетами, занесенных в списки XVII—начала XIX века. Одни из них представляют записи подлинных былин, сделанные вслед за исполнением, а также по памяти, или сравнительно точные копии с таких записей. Другие являются пересказами содержания былин, сохраняющими, однако, всю композицию устной былины, ее идейные и многие художественные особенности. Все эти тексты, хотя их точность и относительная, имеют в изучении эпоса большое значение как свидетельство живой традиции XVII—XVIII и даже XVI веков, так как некоторые копии XVII века восходят к более древним оригиналам.

Сопоставление этих текстов с записями былин от народных сказителей в более позднее время показывает, с одной стороны, устойчивые черты эпической традиции на протяжении веков, с другой стороны, вскрывает некоторые черты, когда-то принадлежавшие фольклорной традиции, но затем из нее исчезнувшие, — следы иных редакций, отражение старинного быта, оттенки в обрисовке персонажей и т. п.

Некоторые из пересказов включают то в большей, то в меньшей степени элементы сознательной литературной обработки, переводящие эти пересказы в план литературных произведений, основанных на былинном материале. Наконец, имеются и произведения с вымышленным сюжетом, однако крепко все же связанные с устной былинной традицией.

При всем многообразии типов воспроизведения былинного материала все эти произведения о богатырях, будучи положены на бумагу, воспринимаются и переписчиками, и читателями именно как повествования — «повести», «сказания», «истории». Включенные в поток рукописной литературы, они получали в условиях рукописной уже традиции новую, своеобразную жизнь. Тексты переписывались иногда без изменений, иногда с большими или меньшими изменениями, они сокращались или расширялись, приближались то к литературной, то к устной традиции. Наиболее отчетливо это видно в повествованиях об Илье Муромце.

Когда же могли возникнуть подобные повести: занимательные, фантастические, прочно хранящие былинные художественные и идеологические особенности? Какими литературными явлениями привлечены они, когда и в связи с какими читательскими запросами могли появиться и жить в рукописных сборниках повествования о богатырях?

Большинство дошедших до нас текстов относится к XVIII веку, но все они являются копиями. Кроме того, имеющиеся тексты XVIII века говорят о наличии повествований на все сюжеты уже в XVII веке. Так, старший текст об Илье Муромце (наст. изд., № 2) писан в первой четверти XVIII века и носит следы значительных изменений при переписывании. Его оригиналы несомненно относятся к XVII веку. То же следует сказать и о тексте первой четверти XVIII века на сюжет о Ставре (наст. изд., № 44). Тексты о Михаиле Потоке (наст. изд., № 37) и о Ставре (наст. изд., № 45), текст об Алеше Поповиче (наст. изд., № 27), повесть о Сухане (наст. изд., № 29) относятся к XVII веку. Следовательно, по датировке рукописей появление и бытование повествований о богатырях можно отнести к XVII веку. Изучение общественной и литературной жизни XVII века подтверждает этот вывод, показывает, что именно в XVII веке создались условия для включения в литературу повествований о богатырях.

Крестьянская война начала столетия и борьба с польско-шведскими интервентами, выступления крестьянства и демократических слоев посада за свои права в последующие десятилетия сильно сказались на всем общественном и культурном развитии страны. Назревает необходимость изменений в государственном и административном устройстве. Церковь постепенно утрачивает свое нерушимое влияние на жизнь и умы русских людей, да и сама переживает изменения, «раскол». Все более «обмирщается» русская литература, все меньше в ней нравоучительных повествований. Они становятся достоинством религиозной, церковной литературы. Для XVII века характерна социальная дифференциация литературы, а также более четкое разграничение ее на светскую и церковную.⁷⁴ Демократическая литература посада начинает играть все большую и большую роль. Демократическая интеллигенция, борющаяся в XVII веке за свои права в общественной жизни и ставшая активным читателем и писателем, принесла с собою в литературу живой разговорный язык, сохранила навыки близкой ей устно-поэтической речи. Мироззрение этой интеллигенции было близко взглядам народных певцов. Язык повествовательной и сатирической литературы насыщается образами устной поэзии, сказочными и эпическими мотивами. Роль фольклора в развитии литературы возрастает, и это связано с освобождением «человеческой мысли от власти господствующей религиозной идеологии».⁷⁵

В XVII веке народный склад проникает в старые, давно сложившиеся, имеющие богатую литературную историю произведения. Усиливаются сказочные, народно-поэтические мотивы в «Александрии». Сложившийся уже к XVII веку цикл повестей о Николе Зараском в середине XVII века испытывает влияние фольклора: «Воинские эпизоды повести подвергаются некоторой переработке, сближающей их с былинной традицией,

⁷⁴ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Зараском. Труды ОДРЛ, т. VII, 1949, стр. 259.

⁷⁵ Русск. нар. поэтич. творчество, т. I, стр. 538.

а в плаче Ингоря Ингоревича ощущается воздействие народных причетей». ⁷⁶ Элементы народной поэзии обновляют и такое, уже начавшее утрачивать свою популярность к XVII веку, произведение, как повесть о Дракуле. ⁷⁷ Народное творчество в XVII веке не только окрашивает старые литературные произведения, оно вторгается в рукописные сборники в виде записей пословиц, песен, включается в повести, как например песня о Скопине в повесть о нем.

С этим бурным вторжением в литературу народного творчества, очевидно, можно связать и появление на страницах рукописных сборников и записей пересказов былин. Интерес к ним со стороны писателей того времени поддерживался и поисками новых повествовательных форм. В создании этих новых форм народное творчество занимает значительное место. Оно помогает авторам создавать новые жанры и жанровые разновидности, которые тем более необходимы, что изменяется и расширяется круг вопросов, вставших перед литературой. Писатели ищут ответа на волнующие общество вопросы политики и морали. Они говорят о стремлении к знанию, о взаимоотношениях старшего и младшего поколений, о семье, положении женщины, о значении в жизни ума и способностей и т. д. Они ставят большие патриотические проблемы. Предметом внимания писателя становится и жизнь обыкновенных, ничем не знаменитых людей, и фантастические приключения, и описания путешествий, и забавные случаи обыденной жизни. Люди ярких и сильных характеров проходят перед нами в повестях XVII века. Теперь большие и важные вопросы современной политической и семейной жизни находят выражение не в назидательных повествованиях, а в занимательных, сюжетных повестях, в интересных, захватывающих рассказах о приключениях и путешествиях.

Демократические писатели XVII века ищут путей создания новых, повествовательных форм, удовлетворяющих читательские запросы, а также способных внушить читателю определенные мысли. Они свободно относятся к традиционным жанрам, изменяют «старые сюжеты, пародируют устойчивые литературные формы, нарушают прочно установившиеся поэтические каноны». ⁷⁸ Они свободно обращаются и с историческим материалом, с сообщениями хронографов и летописей. По-своему переосмысляя исторические данные, особенно интересуюсь занимательными, любопытными сюжетами, авторы соединяют их со сказочными мотивами, народными преданиями, легендами, перерабатывают старые исторические повествования в сказочно-новеллистическом духе. В новеллы сказочного характера переделываются рассказы хроники Амартола о дворцовом перевороте в Византии IX века — повести о царе Михаиле. Факты русской истории, соединенные с элементами сказки и легенды, дают материал для создания повестей о начале Москвы. Во всех подобных произведениях элемент народно-поэтический занимает значительное, иногда даже преобладающее место. Наконец, встречаем и повести, представляющие собою литературную обработку подлинных народных русских сказок. Примером такой обработки может служить «Повесть о купце, купившем мертвое тело». ⁷⁹

⁷⁶ Д. С. Лихачев. Повести о Николе Заразском, стр. 260.

⁷⁷ А. Д. Седелник. Литературная история повести о Дракуле. «Известия Академии наук СССР, Отделение языка и словесности», т. II, кн. II, 1929, стр. 646—650.

⁷⁸ М. О. Скрипиль. Народная русская сказка в литературной обработке конца XVII—начала XVIII века. Труды ОДРЛ, т. VIII, 1951, стр. 308.

⁷⁹ Там же, стр. 309.

Этот же литературный процесс ведет за собою и переводные повести. Попадая в рукописную литературу XVII века, переводные повести так же, как и оригинальные, сближаются с народным творчеством. В этом отношении показательны повести о Бове-королевиче, Еруслане Лазаревиче и Соломоне. Судьба этих повестей в русской литературе свидетельствует не только о наполнении литературного произведения народно-поэтическими особенностями, не только о стремлении писателей к созданию сюжетных, занимательных повествований, отвечающих на волновавшие читателя вопросы времени, но и еще об одном характерном для литературы XVII века явлении. Явление это — переход литературного произведения в устную традицию, а иногда и возвращение его из уст народа обратно в рукописный сборник.

«Подлинно рыцарский западноевропейский роман — сказание о Бове» был переведен на Руси в начале XVII века.⁸⁰ Роман заслужил у русских читателей большую популярность. Он привлекал не рыцарским идеалом, а обилием приключений, богатырскими подвигами, сражениями верных и честных людей с недругами. Кроме того, роман заключал в себе множество сказочных мотивов, а сами подвиги рыцарей перекликались с подвигами богатырей русского героического эпоса. Это еще более должно было нравиться читателям повести, круг которых в XVII веке «быстро расширился и демократизовался».⁸¹ Попадая в круги читателей, где помнили и хорошо знали русское народное творчество, где слушали, а возможно, и сами сказывали былины и сказки, повесть о подвигах рыцаря Бовы, уже в западных оригиналах имевшая черты сказочные, теряет западноевропейские черты, все более русифицируется, приобретает черты сказки, а к концу XVII века слагается вторая редакция («Сказание»), очень близкая народной сказке.⁸² Судьба переводного романа о Бове-королевиче в русской литературе XVII века ярко свидетельствует о возросшей близости литературы и народного творчества. Переводная повесть оказалась настолько близкой вкусом и интересам демократического читателя XVII и XVIII веков, так сблизилась с фольклором, что перешла в лубочные издания и в устную традицию.⁸³

Подобно повествованию о Бове, очень полюбился русскому читателю рассказ о приключениях Еруслана Лазаревича, также нерусского происхождения, но вошедший в лубочную литературу и в устную традицию. История повести о Еруслане Лазаревиче интересна вообще, и для нашей темы в частности. Вопросом о происхождении и литературной истории повести занимались многие ученые.⁸⁴ И большинство из них высказывали мнение о происхождении повести на основе свода народно-поэтических материалов. А. С. Орлов высказал предположение, что свод этот был составлен в уст-

⁸⁰ История литературы, т. II, ч. 2, стр. 103.

⁸¹ Там же, стр. 107—108.

⁸² Там же, стр. 108.

⁸³ В. Д. Кузьмина. Повесть о Бове-королевиче в русской рукописной традиции XVII—XIX вв. Старинная русская повесть. Статьи и исследования под редакцией Н. К. Гудзия. Изд. Акад. наук СССР, М., 1941, стр. 84.

⁸⁴ Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I, М., 1887, стр. 421—422; В. В. Стасов, Сочинения, т. III, М., 1894, стр. 984; В. Ф. Миллер. Эскурсы в область русского народного эпоса, VI, М., 1892, стр. 152—171; Г. Н. Потанин. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе, М., 1899, стр. 286—347; Г. Н. Потанин. Отголоски сказки о Еруслане Лазаревиче. «Этнографическое обозрение», 1900, № 3, кн. XLVI, стр. 14—65, № 4, кн. XLVII, стр. 1—34 и др.

ной традиции и пришел к нам с Востока через казачью среду и устную передачу.⁸⁵

То, что повесть перешла к нам устным путем и была записана книжником, имеет огромное значение. Это говорит о новом отношении к народному творчеству, о той тесной близости между литературой и народным творчеством, которая возникает в XVII веке благодаря тому, что в литературе появляется новый демократический писатель и читатель, что литература XVII века терпит значительные изменения. К какому времени относится переход повести о Еруслане на Русь? Этот вопрос нельзя считать достаточно определенно решенным. Все списки повести относятся к XVII веку, если не принимать во внимание сообщение в «Московском телеграфе» о каком-то списке XVI века,⁸⁶ о котором, кроме этого сообщения, сведений никаких нет. А. С. Орлов считает, что повесть пришла к нам в XVI—XVII веках и пришла она через казачью среду. Если согласиться с этим, то скорее всего можно отнести время ее появления не к XVI, а к XVII веку, так как только к концу XVI века казачество укрепляется на Дону и становится самостоятельной силой. Начинаются активные сношения казаков с Москвой, особенно активизировавшиеся в XVII веке, когда казачья среда приобщается к литературному движению и вносит в фонд общерусской литературы такое произведение, как повесть об Азове.⁸⁷

Но когда бы ни пришла повесть о Еруслане Лазаревиче в русскую литературу, в XVII веке она была очень популярна и наполнялась все более и более чертами, свойственными народной сказке и былине. Она нравилась читателям своей фантастикой, обилием занимательных приключений. Сильный и смелый герой привлекал благородством, бескорытием. Повесть напоминала близкое читателю народное творчество и впоследствии перешла в устную традицию.

Примечательна также судьба повестей о царе Соломоне в русской литературе. Повести эти, известные у нас уже с XIV века и зачисленные в отреченную, запрещенную церковью литературу, к XVII веку переживают весьма интересную судьбу. Они дают материал для былинных переделок, переходят в устное бытование. Переделкой сказаний о Соломоне ученые считают былину о Василии Окульевиче, в сборниках сказок встречаются сказки о царе Соломоне. В рукописных сборниках тексты сказаний о Соломоне очень разнообразны. По словам А. Н. Пыпина, одни из них, «вероятно, были только поучительным и занимательным чтением, другие, напротив, ближе проникли в народное сознание и, изменившись под его влиянием, вошли в состав народной литературы».⁸⁸ Рассмотрение текста XVII века, в котором рассказывается о детстве Соломона, привело А. Н. Пыпина к мысли о том, что этот текст представляет собою повесть, образовавшуюся в результате записи народного рассказа.⁸⁹ К XVII веку в цикле повестей о царе Соломоне происходит расслоение: одни так и остаются в сборниках как поучительное, назидательное чтение, другие уходят в народное творчество, бытуют в устной традиции, а потом опять записываются в рукописные сборники.

⁸⁵ История литературы, т. II, ч. 2, стр. 113.

⁸⁶ М. Макаров. Догадки об истории русских сказок. «Московский телеграф», 1830, ч. 36, № 21, ноябрь, стр. 161.

⁸⁷ См. исследования А. Н. Робинсона об «Азовских повестях» (Труды ОДРЛ, тт. VI, VII, 1948, 1949).

⁸⁸ А. Н. Пыпин. Старинные сказки о царе Соломоне. «Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности», 1855, т. IV, стр. 340.

⁸⁹ Там же, стр. 344.

Таким образом, в XVII веке народная поэзия активно вторгалась в литературу. Сказка, былина, песня дают мотивы и сюжеты, которые обрабатываются или частично включаются в повесть даже без изменения. В литературные произведения входят народно-поэтические приемы описания, даже традиционные устойчивые формулы сказок и былин. Мы их находим и в оригинальных, и в переводных повестях. Видимо, теперь возникает мысль о возможности и необходимости записи народных устных произведений, появляются записи пословиц, песен.

Очевидно, что именно в это время тесного и непосредственного общения фольклора с рукописной повествовательной литературой и могли появиться и получить широкое распространение в сборниках записи былин и их пересказов. Они появились не случайно и не потому, что их «содержание представлялось до некоторой степени аналогичным тем западного образца произведениям, которые теперь начинают входить в обиход читателя», как об этом говорил М. Н. Сперанский.⁹⁰ Возникновение повествований о богатырях было обусловлено тем же литературным процессом, той же тенденцией развития литературы, что и переводные рыцарские романы, той же тенденцией, которая привела к созданию занимательных сюжетных повестей. Если возможны теперь записи устных рассказов (о Фроле Скобееве), если повесть о Соломоне переходит в устную традицию, а потом обратно в рукописную книгу, если повествование о Еруслане Лазаревиче пришло к нам устным путем и, следовательно, потом тоже было записано из уст рассказчика, то ничего удивительного нет в том, что в этот же период развития русской литературы стали записывать и рассказы о русских богатырях. Их записывали разные люди и по-разному. Может быть, одни записывали по памяти, другие с пословесной передачи прозаического рассказа и даже «с голоса», т. е. при песенном исполнении былины, но все они связаны с одним литературным процессом — с развитием сюжетных повестей в разных формах и необычайной близостью этих новых, а также старых повествований с народным творчеством.

Какие-то сюжеты могли попасть в рукописные сборники и ранее, но развитие, литературную жизнь они получили в XVII веке и связаны с тем вторжением в литературу фольклора в самых разнообразных его проявлениях, которое мы наблюдаем в XVII веке, главным образом в его второй половине, и которое продолжается в начале XVIII века. Все это было органически связано с изменениями в общественно-исторической жизни страны. Занявший свое место в первых рядах литературного движения демократический писатель принес с собою живой разговорный язык и хорошее знание устного народного творчества. Он, конечно, знал былины, а порой, возможно, был и их исполнителем.

Устойчивость существования тексты записей былинных сюжетов приобрели потому, что своими особенностями, идейным смыслом отвечали запросам времени. Попадая в рукописные сборники, записи былин или их пересказов включались в круг повествовательных литературных произведений. Они переписывались, воспринимались читателем как повести и должны были удовлетворять определенные читательские запросы. Повествования, возникшие на основе героических былин об Илье Муромце, Алеше Поповиче, Михаиле Даниловиче, Сухане, отвечали патриотическим настроениям читателей. В XVII веке, когда еще живы были воспоминания о борьбе с интервентами, об освобождении Москвы, когда московское правительство боролось за воссоединение исконно русских земель, когда ка-

⁹⁰ М. Н. Сперанский. Былины, т. I. М., 1916, стр. XXVI.

заки активно защищали русские рубежи на юге государства от татар и турок, рассказы о подвигах богатырей были близки читателю. Сражения богатырей с врагами, «войском басурманским», перекликались с событиями современности. Когда Сухан или Михаил Данилович побивали рать татарскую, это не могло не вызывать воспоминаний о борьбе с крымскими татарами. Когда Михаил Данилович отвечает царю Бахмету: «Рад тебе служить верою и правдою, своею саблею вострою над твоею шею толстою», — это очень напоминало события недавних лет на южных границах, самоотверженную борьбу казаков с турками и татарами, их дерзкие письма и ответы послам хана и султана. Борьба Ильи Муромца с царевичами заморскими под Себежем могла восприниматься в связи с борьбой Русского государства за Смоленск и западные земли.⁹¹ Описания боев, всегда кончающихся торжеством богатыря, говорящие о его физическом и моральном превосходстве, вызывали подъем патриотического чувства читателей. И это следует отнести не только к XVII веку. В начале XVIII века повести были, очевидно, не менее живым материалом в связи с военными походами Петра I. Они не противоречили и процессу литературного развития повестей XVIII века. В XVIII веке, особенно в первой его четверти, народное творчество занимало значительное место в формировании новых повестей. Тесно связана с народным творчеством «Повесть о гишпанском дворянине Карле и сестре его Софии».⁹² Очень велика роль фольклора в создании стиля повести о Ярополе-царевиче.⁹³ Вся вторая часть «Истории о российском матросе Василии Кириацком» построена по типу сказок о приключениях.⁹⁴ В XVIII веке появляются целые рукописные сборники, где все, даже легенды и повести духовного содержания, изложено «эпическим языком и стилем народных сказок, с примесью, конечно, по местам слов и оборотов книжных, славянских».⁹⁵ Очевидно, в подобной литературной среде повести, составленные на основе былин, не были чем-то чуждым, тем более, что патриотическим, героическим смыслом своим были созвучны эпохе. Возможно, что именно к началу XVIII века следует отнести и наиболее интенсивные переработки пересказов былин об Илье Муромце в повести.

В то же русло патриотических интересов читателей включалось и «Сказание о семи русских богатырях». Вопрос о происхождении, времени создания и литературной жизни этого произведения, как мы видели, очень сложен и до конца не разрешен. Но независимо от того, когда и как было создано «Сказание», по сохранности былинных особенностей оно примыкает к группе богатырских повестей, а по идейному смыслу перекликается с героическими рассказами о победах русских богатырей над «басурманями». Поход отважных богатырей в Царьград, их победа над Тугарином Змиевичем и Идолищем, исконными врагами в изображении русского народного творчества, благородство и скромность богатырей привлекали читателей и создавали «Сказанию» популярность в XVII веке.

⁹¹ См.: В. А. Кравчинская, стр. 356—358.

⁹² П. Н. Берков и В. И. Малышев. Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII века. Труды ОДРЛ, т. IX, стр. 408.

⁹³ М. В. Николаева. «История о Ярополе-царевиче» и сказочно-былинная традиция. Труды ОДРЛ, т. VII, 1949, стр. 58—66.

⁹⁴ См.: Г. Н. Моисеева. История о российском матросе Василии Кириацком. Труды ОДРЛ, т. X, 1954, стр. 361.

⁹⁵ М. И. Соколов. Сборник старинных русских повестей в рукописи начала XVIII века. Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества, т. III, М., 1902, Протоколы, стр. 4.

Рассказы о боевых подвигах богатырей, о их борьбе с врагами рассматривались как повести об историческом прошлом, но тем, что в них было много фантастического (чудовища, необыкновенная сила и т.д.), они отдалялись от исторических, воинских повестей с их достоверностью. Фантастикой и обилием приключений героические богатырские повести сближались с переводными рыцарскими романами, такими, как повести о Бове и Еруслане. Но патриотизмом, высокой идеей борьбы с врагами, картинами сражений с войсками татар они напоминали воинские исторические повести. И этот идейный смысл ставил их выше переводных рыцарских романов. Ведь Илья совершает подвиги ради славы и свободы своей родины, а не просто ищет, кто сильнее, как Еруслан, или переживает личные невзгоды, как Бова.

К другому кругу читательских интересов, идей и образов принадлежат повествования о Потоке, Ставре, Иване Годиновиче. В связи с социальной борьбой XVII века, с изменениями в общественной жизни, а также в связи с некоторым изменением во взаимоотношениях в семье, в литературе все чаще появляются герои незнатного происхождения, но умные и предприимчивые. Читателя привлекали рассказы о смелых людях, побеждающих жизненные невзгоды не столько силой, сколько хитростью и смекалкой. Нравятся и рассказы об умных, находчивых женщинах. Образ такой женщины давал и богатырский эпос. Жена Ставра Годиновича — энергичная, умная и хитрая женщина. Жена Ставра — богатырша, но в рассказе о ней на первое место выдвигается не сила, а хитрость и смелость. Чтобы выручить из беды мужа, она едет в Киев и, ловко обманывая князя, не только заставляет его освободить Ставра, но и «жаловать лутче старова». Занесенный в рукописную книгу сюжет о Ставре попал в русло повестей об умных и хитрых женщинах, в круг городских новелл.

С другими темами, другими образами можно сопоставить содержание повествований об Иване Годиновиче и о Михайле Потоке. Богатыри в этих былинах, а особенно во второй, ничем не выделяются. Михаил Поток легковверен, медлителен, его бой в гробнице со змеей производит впечатление заранее предопределенного колдовством его жены. Женские образы гораздо более значительны, они резче, четче обрисованы, лучше запоминаются. Жена Михаила Потока, Авдотья Лиховидовна, Лебедь Белая, злая, коварная колдунья, красивая и жестокая, напоминает княгиню Улиту из повести о начале Москвы. Похожа она по ее поведению и на жену Соломона. Сюжеты о Михайле Потоке и Иване Годиновиче привлечены кругом популярных повестей о злых и коварных женщинах, «злых женах». Интерес к человеку сильного, пусть отрицательного, но яркого, характера поддерживал жизнь этих записей в рукописных сборниках. Кроме того, торжество богатыря над злом должно было также привлекать читателей к этим текстам.

Окружение, в котором находим тексты о богатырях в рукописных сборниках, также подтверждает выводы о том, что повести эти были привлечены в литературу развитием сюжетных повествовательных жанров, тесно связанных с народным творчеством. В сборниках находим сатирические произведения, как повести о Ерше, о куре и лисице; переводные повести о Бове и Еруслане; повести о царе Соломоне; «Историю» о Фроле Скобееве и т. д. Попадают повести о богатырях и в соседство с историческими произведениями. В сборнике ГБЛ, 6147, Шибанова 186, где помещен отрывок «Истории» об Илье Муромце, находим повести о нашествии Батыева на Рязань, о Мамаевом побоище, о разорении Иерусалима, о пленении Царьграда. Это также подтверждает мысль о том, что повествования о бо-

гатырях воспринимались как повести об историческом прошлом. Так, «особое развитие в XVII веке разнообразных видов повести, возможно, послужило стимулом для записи, в первую очередь старин, которые на-поминали своим содержанием историческую и авантюрную повесть».⁹⁶

11

Очерченный в предшествующем изложении процесс — своеобразная литературная жизнь занесенных в рукописные сборники текстов с былинными сюжетами — продолжается в XVIII веке. Но в записывании былин наблюдается в это время и новое явление. В XVII веке, как мы видели, были случаи записи былин почти в том виде, как они жили в устной традиции, с сохранением всего их поэтического облика, стихотворного склада и фразеологии. Однако и в этих случаях запись воспринималась и писцами, и читателями как повествование, рассказ, но не песенное произведение. Отсюда и свободное обращение с текстом при переходе его из одного сборника в другой. В XVIII веке мы встречаемся уже с записями былин именно как стихотворных и песенных произведений.

Таков сборник Кирши Данилова, известный нам по копии 80-х годов XVIII века, но составленный, по-видимому, в середине века, а быть может, и ранее.⁹⁷ Хотя в этом сборнике тексты былин тоже написаны без разделения на стихи, однако составитель несомненно имел в виду песенный склад записываемых им произведений, о чем свидетельствует стремление показать напев в предпосланных каждому тексту нотных строчках. В сборнике Кирши Данилова былины помещены среди других песен — исторических и бытовых, а не включены в круг произведений повествовательной литературы, как это мы видим в рукописных сборниках, содержащих «Повести», «Сказания» и «Гистории» о русских богатырях.

По некоторым данным можно предполагать наличие в XVIII веке и еще подобных сборников, до нас не дошедших. Так, писатель В. А. Левшин в примечании к одной из своих сказок упоминает о бывшем у него «собрании древних богатырских песен», которое погибло во время пожара.⁹⁸ Приведенные им по памяти фрагменты одной из былин⁹⁹ не совпадают ни с одним из текстов сборника Кирши Данилова. Это дает право утверждать, вслед за А. М. Лободой,¹⁰⁰ что в руках В. А. Левшина был какой-то другой (но не Кирши Данилова, как думал К. Ф. Калайдович) сборник былин.

От первых годов XIX века дошел до нас еще один рукописный сборник, в котором помещены былины тоже как стихотворные песенные произведения. Это сборник из Вологодской губернии, хранящийся в Государственной Публичной библиотеке, — копия оригинала 1803 года. Он содержит преимущественно канты духовного содержания, следовательно, также является песенным сборником. Кроме кантов, в него включены еще две былины (Илья Муромец с Добрыней на Соколе-корабле, Добрыня и Маринка) и одна историческая песня (о Михаиле Скопине). Первая былина и историческая песня написаны с разделением на стихи. «Таким об-

⁹⁶ История литературы, т. II, ч. 2, стр. 182.

⁹⁷ О предполагаемом времени составления сборника см.: Сборник Кирши Данилова, под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901, предисловие редактора.

⁹⁸ Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие..., ч. I. М., 1780, стр. 138—139, примечание.

⁹⁹ См. «Приложение III», 2, стр. 247—248.

¹⁰⁰ Л о б о д а, стр. 47.

разом, — делает заключение А. М. Лобода, — песни Вологодского сборника, как по составу сборника, в который они вошли, так и по способу записи, не похожи на выше отмеченные тексты (т. е. «Повести», «Сказания» и «Истории» о богатырях, — *Ред.*); они уже стоят в близкой родственной связи с теми песнями, которые... проникли в литературные издания прошлого века и завершились сборником Кириши Данилова». ¹⁰¹

Из такого рода сборников, а иногда, может быть, и непосредственно из устной традиции некоторые былины попадали в печатные песенники. В «Собрании разных песен» М. Чулкова находим былины о Суровце-суздальце и об Илье Муромце на Соколе-корабле и несколько баллад эпического склада, которые в XIX—XX веках включаются обычно в сборники былин и именуется «былинами-балладами» — «Князь Роман жену терял», «Молодец и королева» (сюжет былины «Дунай и королева», но без имени героя), «Братья-разбойники и сестра», «Птицы», а также и пародийные былины. Все эти песни вошли затем и в новиковское издание песен 1780—1781 годов. В «Карманном песеннике» И. И. Дмитриева в разделе «Былевые песни» имеется сильно подправленная былина «Илья Муромец на Соколе-корабле».

Как видим, публикации былин в XVIII веке носят еще эпизодический, случайный характер. В самих изданиях тексты былин и близких к ним баллад особо не выделяются, а помещаются рядом с другими песенными текстами самого различного содержания. По этим публикациям не видно еще, таким образом, специального интереса к былинам как особому жанру, но они свидетельствуют о восприятии былин как песенных произведений.

Довольно значительны отражения русского былинного эпоса в литературных произведениях XVIII и первых лет XIX века. Хорошо известны постоянные обращения писателей этого времени к фольклору вообще с целью придать своим произведениям национальный колорит, зарисовать картины русского быта и т. д. К былинам же писатели обращаются главным образом при создании волшебных-героических произведений, столь характерных для литературы этого периода. Державин писал, что «из славянского баснословия, сказок и песен древних и народных... много заимствовать можно чудесных происхождений». ¹⁰² Из былин писатели заимствуют героев, их подвиги, краски для изображения персонажей и военных эпизодов, фантастику и т. д. Таковы «Сказки богатырские» В. А. Левшина («Повесть о славном князе Владимире киевском солнушке Всеславьевиче и о сильном его могучем богатыре Добрыне Никитиче», «Повесть о сильном богатыре Чуриле Пленковиче», «Повесть об Алеше Поповиче, богатыре, служившем князю Владимиру»), драматические произведения — Державина («Добрыня. Театральное представление с музыкою»), Крылова («Илья-богатырь. Волшебная опера в четырех действиях») и других, поэмы — Хераскова («Бахарьяна»), Н. Львова («Добрыня»), Николая Радищева, назвавшего свои поэмы «Алеша Попович» и «Чурила Пленкович» «богатырскими песнотворениями», Н. М. Карамзина («Илья Муромец. Богатырская сказка»).

Одни из этих произведений (Карамзина, Львова) связаны с былинами лишь именами героев, в других (Державина, Левшина) в несколько большей мере использованы в композиции отдельные былинные ситуации и в стиле — традиционные былинные выражения и приемы. Однако связь

¹⁰¹ Там же, стр. 40—41.

¹⁰² Г. Р. Державин, Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. VII, 2-е академическое издание, СПб., 1878, стр. 610.

с народным эпосом остается чисто внешней. Былинный материал фразу-крашивается в духе популярных волшебных-рыцарских романов и повестей, заимствованные из эпоса эпизоды перемежаются с вымышленными во вкусе этой литературы положениями, русские богатыри превращаются в галантных рыцарей.

Вместе с тем в некоторых произведениях можно все же найти кое-какие отголоски живой эпической традиции.

В литературе XVIII века наблюдаются и иные формы обращения к былинам. В сборнике «Повествователь русских сказок» (М., 1787) встречаем опыт пересказа нескольких былин об Илье Муромце в их объединении, следовательно — обращение при создании произведения уже не к отдельным элементам былин, а к целостным сюжетам. Но автор опирается в данном случае не на устную традицию, а на лубок, повторяя всю композицию распространенного лубочного текста. Стилистически же оформляет свой рассказ в манере тех же модных в XVIII веке авантюрных волшебных-рыцарских повестей.

Среди «богатырских сказок» В. А. Левшина выделяется наибольшей близостью к былинному эпосу «Повесть о сильном богатыре и старословенском князе Василии Богуслаевиче». В то время как другие «сказки» Левшина представляют собою вымышленные авантюрные повести типа волшебных-рыцарских романов и связаны с русским эпосом только именами своих героев (князь Владимир, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Чурила Пленкович, Тугарин Змеевич) и отдельными былинными мотивами, сказка о Василии Богуслаевиче сохраняет общий ход повествования былин и все основные ее эпизоды. В этом отношении «Повесть» на первый взгляд кажется близкой к типу тех пересказов былин, которые встречаются в рукописях XVII — начала XIX века. Это и побудило, очевидно, П. А. Бессонова включить ее в «Приложения» к «Песням, собранным П. В. Киреевским» в качестве сказки о Василии Буслаеве. Однако — и в этом существенное отличие «Повести» от указанных пересказов — само содержание былин и образ героя решительно переосмыслены, получили особую трактовку. Это заставляет нас видеть в «Повести» не простой пересказ былин, хотя бы и литературно обработанной, но литературное произведение, опирающееся на былинный материал.

В. А. Левшин коренным образом изменил характер и смысл конфликта, изображенного в былине. Василий, сын покойного новгородского князя Богуслая, ведет борьбу за княжескую власть с новгородскими посадниками, которые хотят лишить его этой власти. Одержав победу, Василий Богуслаевич княжит в Новгороде «с мудростью и милостью», «никто не смел на него подняться».

Этот характер «Повести», очевидно, и привлек внимание Екатерины II, которая сочла полезным для пропаганды идеи «просвещенного абсолютизма» инсценировать произведение Левшина.¹⁰³ Так возникла комическая опера в 5 действиях «Новгородский богатырь Боеслаевич» (отдельное издание 1786 года), в которой использовано не только содержание «Повести» Левшина, но и весь текст, словесная ткань, действующие лица, с дополнительным внесением романического элемента, обязательного в опере XVIII века (в конце образуются две счастливые пары: Ва-

¹⁰³ На сказку В. А. Левшина как на источник оперы Екатерины было указано еще П. А. Бессоновым (см.: П. А. Бессонов. О влиянии народного творчества на драмы императрицы Екатерины и о цельных русских песнях, сюда вставленных. «Заря», 1870, № 4).

силий и дочь одного из посадников, Фома Ременников и дочь приспешника).

Несмотря на изменение идеологического содержания былины Левшиным, его «Повесть» представляет известный интерес для истории русского былинного эпоса как отражение одного из устных вариантов XVIII века былины о Василии Буслаеве. Непосредственный источник «Повести» нам не известен, но несомненно, что это был иной вариант былины, чем тот, который вошел в сборник Кирши Данилова: «Повесть» включает отдельные детали, которые известны в последующей устной традиции и которые отличны от варианта Кирши Данилова (см. комментарий к «Приложениям», II, 3).

Весь многообразный материал отражений русского былинного эпоса в рукописях XVII — начала XIX века, в первых фольклорных публикациях, в литературных произведениях этого времени — все это предыстория письменного закрепления устной былинной традиции.

При всех неточностях записи, изменениях и привнесениях, элементах литературной обработки и даже полной переработки в этом материале сохранены ценные (в разной, конечно, степени) свидетельства о бытовании и характере русского эпоса до начала его научного собирания.

Т Е К С Т Ы

«ПОВЕСТИ», «СКАЗАНИЯ» и «ИСТОРИИ» О БОГАТЫРЯХ

1

ПОВЕСТЬ О СИЛНЕМ МОГУЩЕМ БОГАТЫРЕ О ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И О СОЛОВЬЕ РАЗБОЙНИКЕ

Во славном было граде Морове,¹ слуша Илья Муравец заутреню воскресную и в уме держал к сильному ко князю Владимиру киевскому Всеславичу, а завед держал во всю востру саблю и на крепкой лук, чтоб² о[т]нют во всю дорогу широкую вострыя сабли из ножей не вынимать и на крепкой лук титивы не кладывать.

И как едучи будет по[д] Себъжм градом, и услышал крик, и стук,⁵ и конское ржание, и наехал тут сильны Илья Муравец, ажно под Себежем градом стоят три царевича заморские, а силы с ним было у всякова царевича по сту и по тысяче, а хотят они Себеж град за щитом взять, а самага царя сибир[с]каго в полон взять, И тут Илья Моровец³ отвязывает свою востру саблю от седла черкасакаго, и напускает на их силу великую, как⁴ на галечье стадо. И побил всю рать силу великую, и трех царевичев в полон взял, и подарил сибир[с]кому царю в подарки.

Сибир[с]кои царь взговорит: «О еси ты, доброй молодец! Как тебя зовут по имени и по отечеству и которого ты города?» Ответ держал Илья¹⁵ Муравец: «Зовут меня, государь, Илюшкою, а по отечеству Иванов сын, уроженец града Морова». И сибирской царь взговорит: «Откуды твоя дорога излучилась?» Ответ держал Илья Муравец: «Еду, государь, к столному граду Киеву, ко князю Владимиру киевскому Всеславичу». И сибирской царь⁵ взговорит Илье Муравцу: «Служи ты у меня; все отдам тебе²⁰ полцарства». Илья Муравец спрашивает у него прямой дороги ко граду Киеву.

И сибирской царь⁵ взговорит: «Прямая у нас дорога ка граду Киеву на леса на Брын[с]кие, на грази топучие, на мост калинов,⁶ на реку Смородыню, толко тут тебе дорога залегла ровно тридцать лет. Ни единой²⁵ год по той дороге никаков человек конской не проеживал, ни человек не⁷ прохаживал, ни птица не пролетывала, ни зверь не прорыскивал от Соловья разбойника». И тут богатырское сердце разгорелось, и поехал прямой дорогою.

И так Илья Муравец будет на мосту калиновом, на реке Смородыне, и³⁰ спустил к нему Соловей разбойник, засвистал своим разбойничским по-

свистом, ажно под Ыльею⁸ конь впотыкнулся. И тут Илья Муравец взговорит: «Что ты, волчья сыть, рано подо мною вподтыкнуся? Нету веть сильнее меня на всей святоруской земле!» И вынимает свои крепкой лук
35 и калену стрелу накладывает... Соловьѣ разбоника в правой глас. И Соловечи разбонник упал з девяти дубов, что овсяной сноп свалился. Илья Муравец сел у него на белы груди и хотел у него вынять сердце ретивое. И змолился Соловечи разбонник: «Ои еси ты,⁹ силны могучии богатырь Илья Муравец сын Ивановичь! Оставь душу хотя на покаяние!» Что взго-
40 ворит Илья Муравец Соловьѣ разбоннику: «Скажи мне ты, где твоя золота казна лежит?» И Соловечи разбонник взговорит таково слово: «Моя, государь, золота казна лежит¹⁰ [в] моих селах Кутузовых; а гонцу гонять ровно по два месеца, а скоро наскоро — во един месец».

Илья Муравец привязывает Соловьѣ разбоник[а] к [с]воему [с]тремени
45 булатному. И как едучи будут по[д] селами Кутузовыми,¹¹ и увидели Соловьѣ разбонника ево 12 сыновеи. И зговорят таково слово: «Вон едет наш батюшко, везет мужика у стремени привязана». А большой сын взговорит: «То де едет Илья Муравец, везет нашего батюшка у стремени привязана». И метались в золоту казну, и надевали на себя ружье богатырское, и хотят они с ним поле дать. И Соло-
50 веи разбонник взговорит: «О еси вы, мое детушки, не дразните вы добраго молотца, зовите вы ево к себе хлеба кушать и сажайте ево за столы дубовы, а за естывы сахарный».

А Илья Муравец поворачивает своим добрым конем ко граду Киеву,
55 ко князю Владимиру. И как едучи будет ко граду¹² Киеву, и скачет чрез ограду каменную, и едет как на княженецкой двор, не отсылаючи и шапки не снимаючи, а Соловьѣ при[в]язывает к своему доброму коню богатырскому.

А сам входит в полату столовую, молится чудному образу, а князю Владимиру покланяется, а после на все четырьѣ сторону. И князь Владимир
60 спрашивает: «О еси ты, доброй молодец! Как тебя зовут по имени и по отчеству и котораго ты города?» Ответ держал Илья Муравец: «Зовут меня, государь, Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, уроженец града Мурова». Князь Владимир взговорит: «Давно ли ты,¹³ Илья Муравец, из града Мурова поехал?» Ответ держал Илья Муравец: «Поехал я, госу-
65 дарь, из Мурова, отслушав заутреню воскресную». И князь Владимир усмехаецца: «Что ты, Илья, бредишь? Не твои у меня гонцы — гоняют по два месеца, а скоро наскоро — во един месец с Киева¹⁴ в Мур град».

Илья Муравец взговорит: «Да еще на меня, государь, две причины великие и беды несносны. Как поехал из Мурова, отслушав заутреню во-
70 скресную, а завет положил на всю востру саблю и на крепкой лук, что отнюдь во всю дорогу вострой сабли из ножей не вынимать и на крепкой лук [ти]тivity не кладывать. А как едучи будет по[д] Себежем градом, ажно стоят три царевича заморские, а силы с ним было у всякова царевича по сту и по тысячече; а хотят они Себеж град за шитом взять, а самага
75 царя сибирскаго в полон взять. И я ево выручил, и побил всю силу их, и трех царевичев в полон взял, и подарил сибирскому царю в подарки.

И другая, государь, на меня притчина была: как едучи на мосту ка-
линовом, на реке Смородыне, и наехал, и напустил на меня Соловечи раз-
бонник, закричал громким гласом и сасвистал своим разбоничским по-
80 свистом, ажно подо мною конь впотыкнулся. И бил Соловьѣ разбонника в правой глас, и привез ево [с] собою в Киев град. И топерь он стоит у моего коня богатырскаго привязан у стремени привязана».

И выглядывает князь Владимир в оконечку¹⁵ хрустальную, и сам взговорит: «О еси ты, Соловечи разбоник! Засвищи ты своим разбоничским

посвистом». И Соловей разбойник ответ держит: «Не твой холоп, не слушаю⁸⁵ тебя, я слушаю своего господина Илью Муровца». Велел Соловью разбойнику Илья Муромец,¹⁶ засвистал разбойничем посвистом, ажно и тут у богатырей скаме[и]ки подломились.

И князь Владимир бысть велми¹⁷ радошен, и зговорит: «Тебе у меня, Илья Муравец, будет золота казна не запечатана и добрыи кони не изеж-⁹⁰дены за твою службу верную и богатырскую. Заслужи ты мне верою и правдою!»

Те ж люди миновалиса, а слава их до скончания века. Аминь. Конец и богу слава. Аминь.

2

ПОВЕСТЬ О ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И О СОЛОВЬЕ РАЗБОЙНИКЕ

Во славном граде Муроме слушал богатырь Илья Муромец заутреню воскресную, а похот¹ держал к столному граду Киеву, ко князю Владимиру киевскому Всеславьевичю, а завет держал болшой: кладет вострую саблю и на крепкой лук тетивы накладывает.

И как едучи будет под Себежином градом, ажно стоят тут три ца-⁵ревича заморския, а силы с ними у всякова царевича по сороку тысяч, и хотят Себе[ж] град за щитом взять и самого царя в полон взять. А Илья побил силу великую, бутто зайчье стадо, а трех царевичев в полон взял и подарил царя сибирскава.

И сибирски царь говорит: «Как тебя зовут по имени и по отчеству и¹⁰ которого ты града?» Ответ держит Илья Муромец: «Зовут меня, государь, Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, а уроженец града Муром». И сибирски царь зговорит таково слово: «Ои еси, доброй молодец Илья Муромец! Живи ты у меня, служи ты мне верою да правдою, дам я тебе половину царства своего». Илья Муромец говорит: «Много мне твоего¹⁵ жалованья!» И спрашивает у него прямои дороги к столному граду Киеву, ко князю Владимиру киевскому Всеславьевичю. И сибирски говорит царь: «Прямая дорога надлежит на лесы² Бранския, на мост калиновой, на реку Смородину, толко та дорога залегла от Соловья разбойника равно 30³ лет. Единое человек не прохаживал, и зверь не прорыскивал, и птица не проле-²⁰товала от Соловья разбойника». И тут богатырьское сердце разгараетца, поехал прямою дорогою к Киеву граду.

И как едучи будет на мосту калиновом, на реке Смородине, ажно на-ступал к нему Соловей разбойник и засвистал своим разбойническим посвистом, под Ыльею конь спотыкнулся. Илья Муромец зговорит таково²⁵ слово: «Что ты, волче, спотыкаешся? Нет веть меня во всей рускои земли сильней!» И вынимает по Соловью разбойнику калену стрелу, и тут во Соловья разбойника попал. И Соловей з двенатцати дубов свалился, аки овсяной сноп. Илья Муромец сел у него на белых грудех и хочет у него вынуть сердце. И возмолитца тут Соловей разбойник: «Ои еси, доброй³⁰ молодец Илья Муромец! Оставь душу в теле хоть на покаяние!» Илья Муромец говорит таково слово: «Съкажи ты мне, Соловей разбойник, где твоя золота казна лежит?» И Соловей разбойник ответ держит: «Моя, государь, золота казна лежит в моих селах Кутузовых; а гонец гоняет равно по два месяца, а скоро наскоро — во един месяц».³⁵

Илья Муромец привязует Соловья разбойника к своему стремям булатному и съкачет з горы на гору, а у реки перевозу не спрашивает. А как будет под ево селом Кутузовым, увидели Соловья разбойника 12³ сынов. Болшой говорит: «Вот де наш батюшка едет, а мужика везет у своево

40 стремя булатнова». Меншой сын говорит таково слово: «Вот де едет Илья Муромец, а батюшка везет у своево стремя булатново». И тут мечютца 12³ сынов, и надевают на себя оружие богатырское, и хотят с ним поле дать. И Соловеи разбойник говорит таково слово: «Светы вы мое малые детушки, не дразните вы сево добра молотца, зовите ево к себе хлеба
45 кушати».

Илья Муромец поворачивает своим добрым конем к столному граду Киеву, ко князю Владимиру киевскому Всеславьевичю. И как будет пот Киевом градом, скачет через стену каменную и едет на княженской двор, не обсылаючи и шапки не снимаючи.

50 Входит в полату столовую и молитца чюдным образом, а князю Владимиру низко челом и кнеине, а после на четыре стороны. Князь Владимир говорит таково слово: «Как тебя зовут по имени и по отчеству и которого ты града?» Ответ держит Илья Муромец: «Зовут меня Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, уроженец града Мурома». Князь говорит:
55 «Давно ли ты поехал из Мурома града?» Ответ держит Илья Муромец: «Отслушавши заутреню воскресную». А князь Владимир усмехнулся, что Илья врет, и зговорит таково слово: «Не твоиския у меня гонцы — гоняют равно по два месяца, а скоро наскоро — во един месяц».

Илья Муромец говорит таково слово: «Да еще, государь, были на меня
60 две причины. Поехал из Мурома града под Себежином градом, ажно стоят тут три царевича заморския, а силы с ними у всякова царевича по сороку тысяч; и хотят они Себе[ж] град за щитом взять и самого царя в полон взять. И я ево выручил, и побил всю ратную.

И как буду на лесе² Бранския, на мосту калиновом, на реке Смородине, ажно напускает на меня Соловеи разбойник, подо мною конь спотыкнулся. И я ево убил. И топеря стоит у моево коня у добраго».

А князь говорит: «Засвищи ты, Соловеи, своим посвистом». И Соловеи говорит: «Не твой де я холоп, не слушаюсь тебя, слушаюс Ильи Муромца». Илья Муромец велел засвистать Соловьё разбойнику, и Соловеи засви-
70 стал своим посвистом, у богатыреи тут кресла подломилис.

И князь Владимир бысть радощен, и зговорит таково слово: «Тебе у меня, Илья Муромец, будет золота казна не запечатана и кони не заперты, и погребы не замкнuty».

3

[ПОВЕСТЬ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ]

... «Поехал я, государь, из Мурома, отслушав заутреню воскресную». И князь Владимир усмехаетца: «Что ты, Илья, не дело говориш! Не твоиския у меня гонцы — гоняют по два месяца, а скоро наскоро — во един месяц ис Киева в Муром град».

5 А Илья Муромец зговорит: «Ои еси ты, государь, князь Владимир киевский! Еще на меня были две притчины и беды великие. Как поехал из Мурома, отслушав заутреню воскресную, и завет я положил на свою востру саблю и на свои крепкой лук, чтоб отнюд во всю широкою дорогу востры сабли из ножен не вынимать, а на крепкой лук титывы не наклад-
10 дывать. И как я буду под градом Себежем, ажно стоят три царевича заморския, а силы с ними у всякого царевича по сту тысяч; а хотят они Себеж град за щитом взять, а самого царевича сибирского в полон взять. И я ево выручил, а побил всю рать силу великую, и трех царевичев в полон взял, и подарил царя сибирского.

ПОВѢТЬ СѢМЬ
Мѹромце Иѡсолошь
Разбоинице.

Волавиномъ градѣ мѹромѣ
слушайда бѣгати рѣ:
Илья муромецъ зѡи
утренѣ воирикуѣ:
апохотѣ дѣржавѣ: иѡ
столному граду Ри
сѣдъ Коннѣ Владимѣрѣ:
Анешному вселѡшьениѣ аѣ
зѡлетѣ дѣржавѣ болшоѣ
Аладетѣ вострѣѣ сѣбѣ

«Повесть» об Илье Муромце.

Лист 318 сборника ГПБ, О.ХVII.57, Булаева 92 (№ 2 наст. изд.).

15 А другая, государь, на меня притчина была: как я буду на мосту ка-
линовом, и напустил на меня Соловей разбойник, закричал и за-
свистал своим разбойническим посвистом, ажно подо мною конь
мои богатырской спотыкнулся. И я убил Соловья разбойника въ
евои правой глас, и привез ево с собою во град Киев. А тепер он стоит
20 у моего добра коня богатырского, привязан у стремени булатного».

И выглядывают князь Владимир киевский в окошечко косящетоое, в око-
ненку хрустальную, а сам зговорит таково слово: «Ои еси ты, Соловей раз-
бойник! Засвищи ты мне своим разбойническим посвистом». И Соловей
разбойник ответ держит: «Не твои де, государь, холоп и не слушаю я тебя,
25 а слушаю я своего государя, славнаго богатыря Илью Муромца!» И тут
Илья Муромец выглянул в окошечко, и велел Соловью разбойнику за-
свистать своим разбойническим посвистом. И Соловей разбойник стал сви-
стать своим разбойническим посвистом. И в то число у полат своды по-
тряслися, а у князя Владимира кресла¹ подломилися, а богатыри все на
30 землю поволилися.

И князь Владимир стал быть вельми радостен, и взговорил таково
слово: «Ои еси ты, Илья Муромец! Тебе у меня будет золота казна не
запечатана и добрые кони не заповеданы, и погребы не заперты за твою
службу верную богатырскую. Да послужи ты мне верою и правдою и по-
35 кажи свою силу богатырскую!»

Те жа люди миновалися, а слава их до скончания века.

4

ПОВЕСТЬ О СЛАВНОМ МОГУЧЕМ БОГАТЫРЕ О ИЛЬЕ МУРОМЦЕ
И О СОЛОВЬЕ РАЗБОЙНИКЕ

В славном граде Муроме слушал Илья Муромец воскресную заутреню;
поход держал к славному граду Киеву ко князю Владимиру киевскому
Всеславевичю, а завет держал на свою востру саблю и на свои. . .
«... службу, да послужи ты мне верою и правдою, покажи свою силу бога-
5 тырскую».

Те ж люди миновалися, а слава их до скончания века. Аминь.

5

СКАЗАНИЕ О ИЛИЕ МУРОМЦЕ И О СОЛОВЬЕ РАЗБОЙНИКЕ

Во славном граде¹ Мур[о]ме слышать был б[о]гатыр Илия Муромец.
Слышал заутреню воскресную. Поехал он ко граду Киеву, ко князю Вла-
димеру.

Как будет Илия Муромец на том же поле, вышли к нему три царевича
5 сибеския, а силы с ними у всякого царевича 40² тысяч. Илия Муромец
вынимает свои востры меч, и побил их силу великую, а трех царевичев
в полон взял и подарил тому ж царю сибескому.

И сибеской царь зговорит³ таково слово: «Ои еси ты, Илия Муромец!
Как тебя зовут по имени и по отчеству и котораго городу?» Ответ держит
10 Илия Муромец: «Зовут меня, государь, Или[е]ю, а по отчеству Иванов
сын, а роженец града Мурома». И сибеской царь зговорит³ таково слово:
«Свет государь, Илия Муромец! Откуда твоя дорога случилася?» Ответ
держит Илия Муромец: «Еду я, государ, к столному граду Киеву, ко

князю Владимиру киевскому Всеславевичу». И сибески царь зговорит³ таково слово: «Свет государь, Илья Муромец! Не езд к столному граду 15
Киеву, ко великому князю Владимиру киевскому Всеславъевичу. Живи ты у меня, служи ты мне верою и правдою, и я тебе пожалую половину ца[r]-ства, государства своего Сибескаго». Илья Муромец зговорит³ таково слово: «Много ли мне государства твоего жалования!» И спрашивает он 20
прямой дороги к столному граду Киеву.

И сибеской царь зговорит³ таково слово: «Есть у нас, государ, прямая дорога к столному граду Киеву, на лесы Бры[н]ския, на грязи топучие, на мост на калиновой, на речку Смородинку, толко та дорога залегла 10 лет. Ни единой человек не прохаживал и не проеживал, ни звер не прорыскивал от Соловья разбо[и]тника Будимеровича». И тут богатырское сердце 25
разгаралос, поехал прямою дорогом.

Как будет на речке на Смородинке, на мосту на калиновом, напустил к нему Соловей разбо[и]тник Будимеров, засвистал своим разбо[и]нческим посвистом, под Илеею конь потыкаеця. Илья Муромец зговорит таково слово: «Волчия шерсть, што ты потыкаеця? Веть негу сильнея меня во всеи 30
светоруской земле!» И вымает из налучая свои крепкой лук,⁴ ис калчана калену стрелу, и стреляет ко Соловию разбо[и]нику. И убил ево в правое око. И тут Соловей упал на сыру землю з девяти дубов, что овсяной сноп. Илья Муромец сел на белы груди и хошет вынять ретиво сердце. Молица ему Соловей разбо[и]тник Будимеровичь... Как зговорит таково слово: 35
«Свет государь, Илья Муромец, сын Иванович! Скажи ты мне, где твоя золота казна лежит?... «В моих селах⁵ Ку[ту]зовых»...

6

СКАЗАНИЕ О СОЛОВЬЕ РАЗБОЙНИКЕ, КАКО ЕВО ПОЛОНИЛ
ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

В славном граде Муроме слушал богатырь Илья Муромец заутреннюю воскресну, поход даржал ко славному граду Киеву, ко князю Владимиру, ко киевскому Всеславичю.¹ А завет² кладет болшеи на свою вострую саблю и на крепкой лук, чтоб однюд ему во всю дорогу широкую вострой сабли из ножен не вынимать и на крепкой лук тетивыи не 5
накладывать.

[И как будет под Себежем градом, ажно тамо]³ стук, и крик велик, и конское ржание. И наехав на них Илья Муромец, ажно под сем же градом стоят три царевича заморские, а у всякова царевича по сороку тысящъ. Илья Муромец зговорит таково слово: «По грехом надо мною учинилось. 10
Завет положил на свою вострую саблю и на крепкой лук, чтоб отнюд во всю дорогу широкую вострую саблю из ножен не вынимать, а на⁴ крепкой лук тетивы не накладывать. И отвязывать тебе вострую саблю о[т] седла чер[ка]скаго, и напущать на ратную⁵ силу великую!» А трех царевичевъ в полон взял, то дарил царя сибирскаго. 15

Царь зговорит таково слово: «Свет государь доброи молодец, а по отчеству Иванович! Ис котораго ты царства и как тебя зовут по имени и по отчеству?» Ответ держит Илья Муромец: «Зовут меня Ильею, а по отчеству Ивановичь». И сибирской царь зговорит таково слово: «А отколе твоя дорога излучилась?» Ответ держит Илья Муромец: «Иду я, госу- 20
дарь, ко столному граду Киеву, ко князю Владимиру Всеславичу киевскому». И сибирской царь зговорит таково слово: «Свет государь, Илья Муромец сын Иванович! Не езд ты ко столному граду ко Киеву, ко

князю Владимиру киевскому⁶ Всеславичю. Живи ты у меня, все тебе дам,
 25 половину царства своего Сибирскаго!» Ответ держит Илья Муромец:
 «Много, государь, твоего жалованья!» И спрашивает прямые дороги ко
 столному граду ко Киеву, ко князю Владимиру киевскому Всеславичю.

И сибирской царь⁷ зговорит таково слово: «Прямои, государь, у нас
 дорогой ко столному граду ко Киеву, ко князю Владимиру ко киевскому
 30 Всеславичю наезд на то[м] пути на мосты калиновые, на реку Смородину;
 толко, государь, у нас дорога залегла [ровно тритцеть лет. Ни единой
 пшайе]⁸ николко не проживал от Соловья разбоиника Будиловича». И
 тут богатырское сердце разгорается, поехал прямо дорогою.

И как будет на мосту калиновом, под ним конь спотыкается.⁹ Илья
 35 Муромец зговорит таково слово:⁹ «Что ты, вольчья сыть, спотыкайся?»⁹
 Не весть меня сильная во всей земли светоруской!» Ажно¹⁰ напустил на
 него¹¹ Соловей¹² Будилович, засвистал своим разбоиническим посвистом.
 Илья Муромец вынимает из налучника свои крепкой лук и стреляет по
 Соловью разбоинику. Попал ево в правой глас. И тут Соловей упал на
 40 землю, что овсеничной сноп. Илья Муромец сядился¹³ у него на белы¹⁴
 груди и хошет выняти ясны очи. И возмолится ему Соловей разбоиническим:
 «Свет государь, доброй молодец! Как тебя зовут по имени и по отчеству?
 Оставь душу в теле на покаяние!» Что зговорит Илья Муромец сын Ива-
 нович¹⁵ таково слово: «О несыты Соловей разбоиник! Скажи мне, где
 45 твоя лежит золота казна разбоиническая?» Ответ держит Соловей раз-
 боиник: «Моя, государь, лежит злата казна в моих селах Кутузовых,
 а гонцы гоняют по два месеца, а скоро наскоро — во един месяц».

И тут Соловья разбоиника взял с собою, у стремени привязал
 своему добру коню и поехал с ним в ево село Кутузово. И как
 50 будет под ево селом Кутузовом, ажно¹⁶ уведали два сына Со-
 ловья разбоиника. Большой брат зговорит таково слово: «Вон де едет
 наш батюшко, а везет мужика у стремени привязана!»¹⁷ А меншой брат
 зговорит таково слово: «Едет не наш патюшко, а не мужика везет у стре-
 мени привязаня. Это де едет человек незнаемыи, а батюшка нашего везет
 55 у стремени привязана!» И тут мечутси два сына в злату казну, и¹⁸ наде-
 вают на себя разное платье богатырское, и берут копыи музроветские, и
 садятся на свои добры кони, и выезжают¹⁹ против человека незнаема, и
 хотят с ним поле поставити. И Соловей разбоиник зговорит таково слово:
 «Светы мои дети милые! Не дразните такова добраго молотца, зо-
 60 вите ево к себе хлеба кушать».²⁰ И тут они почали звать к себе Илью
 Муромца.

И он поворачивают своим добрым конем ко граду Киеву,²¹ а Соловья
 разбоиника взял у стремени привязана. И скачет он с горы на гору и че-
 рез быстрые реки з берегу на берегах, и перевозу не спрашивают. И скачет
 65 он через²² огненную стену, едет на княженской двор, шапки не снимает.
 И привязывает своего добра коня, а сам²³ пошел в полаты столовые ко
 князю.

Приходит в полату столовую и молится крестообразно лицом, князю
 Владимиру пониску челом, а княине и пониже тово, на все на четыре сто-
 70 роны далны. Владимир зговорит таково слово: «Ои еси,²⁴ добры молодец,
 как тебя зовут²⁵ по имени и по отчеству?» Ответ держит Илья Муромец:
 «Зовут, государь, меня Ильею, уроженец града Мурома, а по отчеству
 сын Иванович». И князь Владимир зговорит²⁶ таково слово: «Коли ты
 Илья Муромец, давно ли из града Мурома?» Ответ держит Илья Муро-
 75 мец: «Поехал де я, государь, отслушав заутрению воскресную». И князь
 Владимир усмехнулся: «Что де ты, Илья, врешь, а не своиску баешь! У меня

до Мурома гонцы гоняют ровно в два месяца, а скоро наскоро — во один месяц».

Что зговорит Илья Муромец: «Свет государь, князь Владимир киевский! Да еще не убоался Илья Муромец, были у меня две притчи и беды ⁸⁰ великие. Первая на меня беда великая. Поехал из Мурома града, отслушув заутреннюю воскресную, а завет положил на свою возтрую саблю и на крепкой лук, чтоб отнюдь во всю дорогу широкою острои сабли из ножен не вынимать и на крепкой лук тетивы не накладывать. Еду я путем доро- ⁸⁵ гою, и как буду по[д] Себежи градом, ажно тамо стук и крик велик и конское ржание. Ажно стоят три царевича заморския, а у [вс]якова царевича по сороку тысячей; и хотят они Себеж град взяти, а самого царя в полон взяти. И я, государь, тут ево выручил, побил ратную силу великую, а трех царевичев в полон взял и подарил царя сибирскаго.

И поехал, государь, на реку Смородину, на мосты калиновы. Залегла ⁹⁰ дорога ровно тритцеть лет, [ни] едино[и] пяшей николько не проезживал от Соловья разбоиника Будилович[а]». Илья Муромец зговорит таково слово: «А я де, государь, убил ево в правой глас и привязал ево ко стремени булатному своему ²⁷ добру коню, и привес ево с собою в Киев град на твои княжиской двор. Топерь он стоит у моего добраго коня». ⁹⁵

И князь Владимир киевский выглядывает из окошка стеколчатова, сам зговорит таково слово: «Ои еси ты, Соловей разбоиник Будиморович! Ты ли еси дороги широкое держал, реку Смородину засви[с]тывал мне своим разбоиническим посвистом?» Ответ держит Соловей разбоиник: «Свет ¹⁰⁰ государь, князь Владимир! Я де славен разбоиник, мужика сын нар[о]читова, я держал реку Смородину, а запер дороги широкия; свистывал я своим разбоиническим посвистом, и от моего посвиста никаков ²⁸ молодец на коне не усеживал и конем не владел. А ныне де я, государь, не твои холоп, тебя не слушаю, я слушаю государя своего Илья Муромца, кто меня полонил». И князь Владимир зговорит таково слово: «Свет ¹⁰⁵ государь, Илья Муромец сын Иванович! Заставь Соловья разбоиника своим ра[збо]иническим посвистом засвистать». И тут Соловей разбоиник засвистал своим разбоиническим посвистом. И от его богатырскаго посвисту у полаты небо провалилась, князи и бояры на землю попадали.

И князь бысть весел и радостен, сам зговорит ²⁶ таково слово: «Ои еси ¹¹⁰ ты, Илья Муромец сын Иванович! Живи ты у меня, тебе место выше всех у меня, злата казна не запечатана, а кони на стоиле не заповеданы, погребы не затворены, служи верою и правдою».

И тут по упрощению князь Владимир упустит Илью Муромца постихся, ²⁹ а сам жити станет в Киеве до старости, и преставися ему жизнь. ¹¹⁵

7

ИСТОРИЯ О ДВУХ СИЛЬНЫХ БАГАТЫРЕХ — О ИЛЬЕ МУРОМЦЕ
И О СОЛОВЬЕ РАЗБОИНИКЕ

Во славном граде Муроме слушал Илья Муромец заутреню; похот держал ко граду Киеву, ко славному князю Владимиру Всеславьевичу; а завет положил, чтобы отнюд во всю широкою дорогу острои сабли из ножен не вынимать, а на крепкой лук тетивы не накладывать.

И как поехал Илья Муромец от славнаго града Мурома, и, едучи до- ⁵ рогию, как будет он под Себежем, славным городом, услышал велики крик, и стук, и конное ржание, и наехал тут Илья Муромец, и увидел, что под Себежем градом стоят три царевича заморския, а силы с ними триста ты-

сещ. И тако те три царевича между собою похваляются: «Возмем мы за
10 щитом Себеж грат, а самого царя сибирскаго в полон возмем».

И так тут услышал Илья Муромец ту их похвалу великою. И богатыр-
ское сердце неумичиво, и распалился Илья Муромец на тех трех царевичев
и на [и]х силу великую. И в то число отвязал свою саблю острую о[т]
15 своего седла черкаскаго, и напускает на ту силу великую. И тако те три
царевича своими полками великими напустились [на] Илью Муромца. И
потом Илья Муромец стал побивать полки великия; и тако побивает, яко
лес клонит к сырой земле: не столько Илья Муромец бьет, сколько ев[о]
добрый конь топчет. И было то побойще великое. И те три царевича уви-
дели над со[б]ою смерть скорою, и побежали своими людьми малыми на
20 морскую пристан. И тако Илья Муромец поехал в сугонь за тремя царе-
вичами, и нагнал их в морской пристани, и достальных людей побил,
а трех царевичав в полон взял и возвратился ко граду Себежу. И в то
время увидели гражданския со стены градския, что Илья Муромец возвра-
тился ко граду Себежу, и возвестили своему царю сибирскому о Илье
25 Муромце.

И потом сибирской цар приказал отворить врата градския, и приказал
князем и боярам собратиса. И как они собралис, тогда сибирской цар по-
шел на сретение ко Илье Муромцу со всеми своими князи и бояры и сре-
тил ево во вратах градских, и принимает ево за руки белыя, и целует ево
30 во уста сахарные. И в то время Илья Муромец теми тремя царевичми
подарил царя сибирскаго. И говорит ему сибирской царь: «Гои еси ты,
добрый молодец, как твое имя и кого ты города?» Отвещает Илья Му-
ромец: «Зовут меня Ильею, по отчеству Иванов сын, уроженец города
Мурома». Потом рече сибирской царь: «Откуда твоя дорога случилас?»
35 Отвещает Илья Муромец: «Еду я на мосты калиновы». И рече сибирской
цар: «Живи ты у меня, Илья Муромец, и служи верою и правдою, и я дам
тебе полцарства своего». А Илья Муромец спрашивает у него прамой
дороги ко граду Киеву. И рече сибирской цар: «Прямая у нас дорога
лежить ко граду Киеву на т[е] леса Брынския, на грязи топучия, на мосты
40 калиновы, на реку Смородину, только та у нас дорога залегла ровна¹ трид-
цать лет от Соловья разбойника: никаков человек не прохожевал, и птица
не пролетавала».

И тут богатырское сердце² разгорелася, и поехал Илья Муромец тою
прямою дорогою ко граду Киеву. И как будет он на мосту калиновым на
45 реке Смородине, и внял ево Соловей разбойник, и засвистал своим посви-
стам. И в то время под Ильею Муромцем добраи ево конь спотыкнулса.
И вынимает Илья Муромец свои крепкаи лук из налучья, и наложил ка-
лену стрелу, и убил Саловья разбойника в праваи глас. И в то число упал
Саловей разбойник з девяти дубов, что овсяной сноп. А Илья Муромец
50 слес [с] своего добраго коня и сел у него на белы³ груди, и хоцет вынет
ретиво сердце. И возмолитса ему Саловей разбойник: «Гои еси ты, силной
могучей богатыр Илья Муромец сын Иванович! Остав душу мою хотя на
покаине». И говорит ему Илья Муромец: «Скажи ты мне, Соловей разбой-
ник, всю правду: где твоя лежить злата казна?» Отвещает Саловей раз-
55 бойник: «Лежит моя злата казна в моих селах Кутузовых, а гоньцы го-
няют по два месяца, а скоро наскоро — в един месец».

И тут Илья Муромец привязал Соловья разбойника к с[в]оему стре-
мени булатному, и пое[ха]л Илья Муромец. И будет под селами Кутузы-
вами. И увидели Саловья разбойника ево двенатцат сынов, и говорят:
60 «Вон де едет наш батюшка, а мужика везеть у стремени привязана».
А болшой сын говорит: «Тот едет Илья Муромец, а батюшку везет у стре-

мени булатнова». И тут бросилис ево двенатцать сынов в злату казну, и надевають на себя збрую богатырскую, и хотят с ним побитися. И говорить Соловей разбоиник: «Вы моя дети милья, не дразните сильнаго богатыря Илью Мур[о]мца. Аще вы ево раздразните, и нам от него всем и живым не быть. Зовите вы ево за столы дубовые, за скатерти бранья, за есты сахарные и подносите ему меду».

А Илья Муромец с коня не злезает, и есты сахарные не кушает, и пития сладкова не испивает, и погоняет своего добраго коня ко граду Киеву. И как будет он под градом Киевым, и скачет прямо чрес ограду белу каменную, и везжает на широкои двор ко князю Владимирю. И слезает [с] своего добраго коня, и привязавает ево ко колцу серебрянному. И в то время у князя Владимиря было то пированье великое. Пошел ⁴ Илья Муромец в ту палату белу каменную и молится он чудным образом, а князю Владимирю покланяется, а после на все четыре стороны. Потом князь Владимир принимает Илью Муромца за руки белые и сажает ево за столы дубовыя, за скатерти бранья, за есты сахарные, а сам говорит: «Гои еси ты, добраи ⁵ молодец! Как твое имя и коего ты града?» Отвещает Илья Муромец: «Зовут меня Ильею, по отчеству Иванов сын, урожденец града Мурома». Потом рече княз Владимирь: «Давно ли ты, Илья Муромец, поехал из Мурома?»

Отвещает Илья Муромец: «Поехал я из Мурома, отслушавши заутреню воскресную. И как я буду под градом Себежем, ажно стоят три царевича заморския, а силы с ними триста тысяч, и хотели они Себеж град за щитом взят, а самого царя сибирскаго в полон взят, и я ево выручил, и побил всю ратную силу великую, а трех царевиче[в] в полон взял, отъдарил царя сибирскаго».

Вторая притчина была: как я буду на мосту калиновом, на реке Смородине, и засвистал Соловей разбоиник своим посвистам, ажно подо мн[о]ю кон вспатыкнулса, и я ево из лучней убил в правои глас, и привес ево с собою в Киев грат, и тепер он стоит у моего добраго коня».

И выглядовает княз Владимир во оконце, и велел Соловью разбоинику засвистать. Отвещает Соловей разбоиник: «Не твои я слуга, не слушаю тебя, а слушаю я государя своего, великаго багатыря Илью Муромца». И тут Илья Муромец выглянул во оконце, и велел Соловью разбоинику засвистать. И Соловей разбоиник стал свистать. И в то число у богатыря кресла подломилиса, а у князя Владимиря кресла упали, и у палаты своды подреслиса.

И княз Владимир Всеславич стал быть навеселе, говорит такую речь: «Тебе у меня, Илья Муромец, злата казна не заперта и добрые кони не заповеданы, за твою службу верную, багатырскую. Послужи ты мне верою и правдою и покажи свою силу богатырскую».

Тако скончася история.

8

ГИСТОРИЯ О ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И О СОЛОВЬЕ РАЗБОИНИКЕ

Во славном граде Муроме слушал Илья Муромец заутреню воскресную; похот держал ко граду Киеву, ко славному князю Владимиру Сеславьевичу; а завет положил, чтоп отнють во всю широкою дорогу острои сабли из ножен не вынимать, а на крепкой лук тетивы не накладывать.

И тако поехал Илья Муромец тою дорогою. Как будет он под градом Себежем, и там стоят три царевича заморския, а силы с ними триста ты-

сяч, и хотели оне Себеж грат за щитом взять, а самого царя себежского в полон взять. И тако поехал Илья Муромец в сугонь за тремя царевичами, и нагнал их у морской пристани, и достальных людеи побил, а трех
10 царевичев в полон взял, и возвратилса во грат Себеж. И увидели ево граждяня, и возвести о нем царю себежскому.

И потом себежской царь приказал отворять врата градъския, и принимает Илью Муромца за руки белые, а сам говорит: «Гои еси ты, доброй молодец! Как твое имя и коего ты граду?» Отвещает Илья Муромец:
15 «Зовут меня Ильєю, по отчеству Иванов сын, уроженец града Мурома». Потом рече себежской царь: «Откуда твоя дорога лучилас?» Отвещает Илья Муромец: «Еду я на мосты колиновы. А Илья Муромец спрашивает у него дороги ко граду Киеву. И рече ему себежской царь: «Прямая у нас дорога лежит на мосты колиновы, только та у нас дорога
20 залегла равно тритцать лет от Соловьѣя: никакой человек не прохаживал, и птица никакая не пролетала». И тут поехал Илья Муромец тою дорогою.

Как будет он на мосту колиновом, и там увидел ево Соловеи, и засвистал своим посвистом. В то время под Ыльєю Муромцом доброй ево конь спотыкнулса. И вынул Илья Муромец свои крепкой лук, и наложил колену
25 стрелу, и попал Соловьѣя в правой глас. В то время упал Соловеи з девети дубов, что овсяной сноп, а Илья Муромец слес с своего добраго коня и хочет ретиво сердце вынуть. И возмолитца ему Соловеи: «Гои еси ты, доброй молодец! Оставь душу мою хотя на покойание». И говорит ему Илья Муромец: «Где твоя лежит злата казна?» Отвещает Соловеи: «Ле-
30 жит моя злата казна в моих селах Кутузовых, а гонцы гоняют по два месяца, а скоро наскоро — месяц».

И тут поехал Илья Муромец тою дорогою. Как будет он пот селом Кутузовым, и увидели Соловьѣя ево двенатцеть сынов, и надевают на себя збрую богатырскую, и хотят с Ыльєю Муромцом битися. И говорит Со-
35 ловеи: «Светы мои дети малые! Зовите вы ево за столы дубовые, а поднесите ему меду слаткого».

Потом вшел Илья Муромец в ту полату каменную ко князю Владимиру, и молитца он чудным образом и князю Владимиру поклоняетца, а после на все четыре стороны. И в то время у князя Владимира было пиrowанье ве-
40 ликое. Потом князь Владимир принимает Илью Муромца за руки белые, а сам говорит: «Гои еси ты, доброй молодец! Как твое имя и коего ты граду?» Отвещает Илья Муромец: «Зовут меня Ильєю, по отчеству Иванов сын, уроженец града Мурома». Потом рече князь Владимир: «Когда ты, Илья Муромец, выехал из Мурома?»

Отвещает Илья Муромец: «Поехал я из града Мурома, слушевши за-
45 утренью воскресную. Как я будучи под градом Себежем, и там стоят три царевича заморския, а силы с ними триста тысяч. и хотели оне Себеж грат за щитом взять, а самого царя себежского в полон взять».

Вторая притчина: как я будучи на мосту колиновом, и там увидел Со-
50 ловеи, и засвистал своим посвистом, в то время подо мною конь спотыкнулса, и я ево из лука попал в правой глас, и привес ево с собою, и теперь он стоит у моего добраго коня».

И выглянул Илья Муромец в оконце, и велел Соловьѣю засвистать. И Соловеи стал свистать. В то время у князя Владимира кресла подломи-
55 лис, и у полаты своды потреслиса, и все богатыри на землю попадали, а ветхие хоромы и совсем повалилиса.

И князь Владимир стал весел и говорит ему: «Послужи ты мне, Илья Муромец, верою и правдою и покажи свою силу богатырскую».

И всему тому конец.

ГИСТОРИЯ О ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И О СОЛОВЬЕ РАЗБОЙНИКЕ

Во славном граде Муроме слушал Илья Муромец заутреню воскресную; похот держал ко граду Киеву, ко славному князю Владимиру Славъевичу; а завет положил, чтоб отнють во всю широкою дорогу острои сабли из ножен не вынимать, а на крепкой лук тетивы не накладывать.

И тако поехал Илья Муромец от славного града Мурома, и, едучи до-⁵рогою, как будет он под градом Себежем, и там стоят три царевича заморския, а силы с ними триста тысяч, и хотели оне Себеж грат за щитом взять, а самого царя себежского в полон взять. И тако услышал Илья Муромец ту их похвалу великую, и поехал в сугонь за тремя царевичами, и нагнал их у морьской пристани, и достальных людей побил, а трех царевичев в полон взял, и возвратилса во грат Себеж. Увидели ево граждана и возвести о нем царю себежскому.

И потом себежской царь приказал отворять врата градския, и принимает Илью Муромца за руки белые, а сам говорит: «Гои еси ты, доброй молодец! Как твое имя и коего ты граду?» Отвещает Илья Муромец: ¹⁵«Зовут меня Ильею, по отчеству Иванов сын, уроженец града Мурома». Потом рече себежской царь: «Откуда твоя дорога лучилас?» Отвещает Илья Муромец: «Еду я на мосты колиновы». А Илья Муромец спрашивает у него дороги ко граду Киеву. И рече ему себежской царь: «Прямая у нас дорога лежит на мосты колиновы, только та у нас дорога залегла ²⁰равно тритцать лет от Соловья: никакой человек не прохаживал, и птица никакая не пролетала. И тут поехал Илья Муромец тою дорогою.

Как он будет на мосту колиновом, и там увидел ево Соловей, и засвистал своим посвистом. В то время под Ыльею Муромцом доброй ево конь спотыкнулся. И вынул Илья Муромец свои крепкой лук, и наложил колену ²⁵стрелу, и попал Соловья в правой глас. В то время упал Соловей з девети дубов, что овсяной сноп, а Илья Муромец слес с своего добраго коня и хочет ретиво серцо вынуть. И возмолитца ему Соловей: «Гои еси ты, доброй молодец, оставь душу мою хотя на покойние». И говорит ему Илья Муромец; «Где твоя лежит злата казна?» Отвещает Соловей: «Ле- ³⁰жит моя злата казна в моих села[x] Кутузовых, а гонцы гоняют по два месяца, а скоро наскоро — месяц».

И тут Илья Муромец привязал Соловья к своему стремяню, и поехал тою дорогою. Как будет он пот селом Кутузовым, увидели Соловья ево двенадцеть сынов, и надевают на себя збрую богатырскую, и хотят ³⁵с Ильею Муромцом битися. И говорит Соловей: «Гои еси ты, доброй молодец, зовите вы ево за столы дубовые, а подносите ему меду слаткого».

Потом вшел Илья Муромец в ту полату каменную ко князю Владимиру, и молитца он чюдным образом, и князю Владимиру поклоняетца, а после на все четыре стороны. В то время у князя Владимира было пиро- ⁴⁰ванье великое. Потом князь Владимир принимает Илью Муромца за руки белые, а сам говорит: «Гои еси ты, доброй молодец! Как твое имя и коего ты граду?» Отвещает Илья Муромец: «Зовут меня Ильею, по отчеству Иванов сын, уроженец града Мурома». Потом рече князь Владимир: «Когда ты, Илья Муромец, выехал из Мурома?» ⁴⁵

Отвещает Илья Муромец: «Поехал я из града Мурома, слушевши заутреню воскресную. Как я будучи под градом Себежем, и там стоят три царевича заморския, а силы с ними триста тысяч, и хотели оне Себеж грат за щитом взять, а самого царя себежского в полон взять.

Вторая притчина: как я будучи на мосту колиновом, и там увидел меня ⁵⁰

Соловей, и засвистал своим посвистом, в то время подо мною конь спотыкнулся, и я ево из лука попал в правой глас, в то время упал он з девети дубов, что овсяной сноп, и привес я ево с собою, и теперь он стоит у моего добраго коня».

55 И выглянул Илья Муромец в оконце, и велел Соловью засвистать. И Соловей стал свистать. В то время у князя Владимира кресла подломились, и у полаты своды потреслиса, все богатыри на землю попадали.

И князь Владимир стал весел и говорит: «Послужи ты мне, Илья Муромец, верою и правдою и покажи свою силу богатырскую».

60 И всему тому конец.

10

ГИСТОРИЯ О СЛАВНОМ, О ХРАБРОМ И СИЛНОМ БОГАТЫРЕ
ИЛЬЕ МУРОМЦЕ СЫНЕ ИВАНОВИЧЕ И О СОЛОВИЕ РОЗБОЙНИКЕ

Быст в славном городе Муроме, жил тутъ старь матер человек именемъ Иоан Елефериевич. И обещание положили женою своею: ежели господь бог дарует мужеск пол, то отправлят молебное пение святителю христову Николаю чудотворцу каждой год. И по умолению их бог даровал им сына, и во святом крещени нарекли имя ему Илия. И как стал возрастат до семи лет и болея, не ходил.

И прилучилося в день святителя христова Ник^олая чудотворца, пошли отец и мать в церковь Николая чудотворца молебное пение совершити. А без их явился ему святитель христов Николаи чудотворец и рече ему: 10 «Илия! Имаши ли, что пити?» Он же рече: «Имам! Отец и мати варили пиво для праздника святителя господня Николая чудотворца». Он же рече ему: «Давай мне, Илия, пити!» Илия рече ему: «Не могу, отче мои, востати на ноги». Он же даде ему пити и рече ему: «Востани и ходи!» А сам невидим бысть. И от того часа встал, аки ни в чем не бывал.¹

15 И вышел на улицу, и почал с ребятами поигрывать, и почул в себе силу великую: которого возмет за руку — руку оторвет, которого за ногу — ногу оторвет, а которого возмет за голову — голову оторвет. И за то великая жалоба произошла, и запретили ему.

Тогда же у них кобыла принесла жеребенка худово и шелудиваго. И 20 молодец Илья Муромец сын Ивановичь выпросил молодого жеребчика на свои руки, и стал ево кормить и поить из своих рук, и по зорям поваживать и покатывать. И в десят лет такой стал велик, храбр и силен. И накупил Илья Муромец доспехи богатырския, и стал быть в великой славе и чести, славной богатырь и силен Илья Муромец.

25 И был в церкви божи, слушал святую заутреню воскресную. И отслушав заутреню, поход держал к столному граду Киеву, ко князю Владимиру, к солнышку Всеславьевичю. И завет держал на свою острую саблю и на крепкой лук с стрелами, чтоб во всю дорогу вострой сабли из ножен не вынимать и на крепкой лук калены стрелы не накладывать.

30 И подымаетца ево доброй конь, аки дым столбом, и скачет через лесы дремучия, горы и долы меж ног пускает. И как будет под градом под Себежем, услышал тут стук, топот и конское ржание, крик и шум великой. И проведал Илия Муромец, ажно стоят под градом три царевича, а всяким царевичем по сту и по тысени воиско, и хотят Сибирское царство 35 взять, а самого царя полонить. И тут Илья Муромец завет свои перемняет, острую саблю вынимает и напускает на всю силу ратную, и побил всех, а трех царевичев в полон взял и подарил сибирскому царю.

И сибирский царь спрашивает: «Гои еси ты, доброй молодец! Как тебя именем зовут, как величают по отечеству и которого города?» Ответ дер-

1083

Итакъ съ великою радостю
тѣмъ прочисти дождь вели
кии иша владимѣръ ии въ
Снакъ увава чужахъ въ
ноя бачиетъ кодаря и до
мураца величиихъ дарамъ
и велиа благодаря въ вели
чиихъ и велиа въ время это
велиа въ захотѣло и въ
курорну тѣмъ и вачовхъ по
гудатъ пакытому полъ
рава тѣмъ и троси въ зиме
въ владимѣра ии въ владимѣ
ръ ии въ сонъ подари въ
ука

«Гистория» об Илье Муромце.

Лист 83 сборника ЛОИИ, Лихачева 74 (№ 10 наст. изд.).

40 жит доброй молодец: «Меня по имени зовут Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, уроженец города Мурома». И еще спрашивает сибирской царь: «Куда твоя дорога имеется?» Ответ держит Илья Муромец: «Еду я к столному граду Киеву». И сибирской царь говорит: «Пожалуй, Илья Иванович, живи ты у меня, и золота казна тебе царская будет не заперта, и дам тебе да полцарствия моего». А Илья Муромец не соизволяет и спрашивает прямой дороги ко граду Киеву, как бы ближе ехать. И сибирской царь говорит: «Прямой, государь Илья Иванович, дороги нет у нас к Киеву, а прямая была дорога на Брынские леса, на грязи топучия, на мосты калиновые, через реку Смородину; только та дорога залегла

50 ровно тридцать лет; и в те годы ни один человек не прохаживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала, того ради ту дорогу завладел Соловей разбойник и поныне там живет и с детьми своими». И тут богатырское сердце разгорелось, поехал прямою дорогою к Киеву.

И как будет на мосту калиновом чрез реку Смородину, напустил на

55 него Соловей разбойник и засвистал своим богатырским посвистом разбойническим. И тут под Ыльею Муромцем богатырской конь спотыкнулся; и что зговорит Илья Муромец: «Али нету на свете русской земли!» Ударил добра коня своею палицею железною: «Что ты, волчья сыть, травенной мешок, спотыкаешься от такой лесной пугалицы, чучелы!» [И вынимает]²

60 свои крепкой лук из налушника, калену стрелу из колчана, и натянувши выстрелил в Соловья разбойника, и попала ему стрела в правой глаз. И Соловей разбойник упал с 12 дубов, аки болшей сноп, на землю. И Илья Муромец подскочил, и сел у Соловья разбойника на белых грудях, и хочет у него вынуть ретиво сердце. И возмолитца Соловей разбойник: «Гой еси ты, силны богатырь Илья Муромец сын Иванович! Остав душу на покаяние». Что зговорит Илья Муромец: «Где твоя, Соловей разбойник, золота казна лежит?» И Соловей разбойник отвечает: «Моя золота казна лежит в моих селах Кутузовых, а гонцы гоняют по два месяца до тех сел, а скоро наскоро — в один месяц».

И тут Илья Муромец привязывает Соловья разбойника к своему стремню булатному. И как будут под селами Кутузовыми, увидели Соловьевы 12 сынов и говорят: «Вот наш батюшко едет, а в тороках ведет доброва молотца, у стремени привязана». А болшей сын говорит: «То едет Илья Муромец, а в тороках ведет нашево батюшку». И тут дети пометались в кладовую горницу в золотую казну, и надевают на себя ружье богатырское, и хотят с Ыльею Муромцем поле дать. И Соловей говорит: «Государь мои детушки, не дразните вы доброва молотца, зовите вы ево к себе хлеба кушать и сажайте ево за столы дубовые, за ествы сахарные».

А Илья Муромец поворотил своим добрым конем ко граду Киеву, ко князю Владимиру. И как будет под градом Киевом, и скачет чрез стену белу каменную, и прямо едет во дворец, не обсылаючи и шапки не снимаючи. И у дворца поставил своего³ коня богатырского и Соловья разбойника привязана, а сам пошел во дворец, в княженецкия полаты.

И, вошед в полату, молитца чудным образом, а князю Владимиру

85 низко челом бьет, а после поклонился на все четыре стороны. И князь Владимир киевской спрашивает: «Как тебя, доброй молодец, именем зовут и как величают по отчеству, и из которова города, и давно ль из города?» Ответ держит доброй молодец: «Зовут, государь, меня Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, уроженец города Мурома, а из Мурома, отслушав воскресную заутреню. И князь Владимир усмехается: «Что ты Илья, вреш и не свое говоришь, не твоиские у меня гонцы — гоняют ровно два месяца, а скоро наскоро — что в один месяц из Киева в Муром».

И Ильа Муромец говорит: «Да еще, государь мой, две на меня притчины были и беды великия на дороге, и изволите выслушать. Я скажу вашему величеству: отслушал я в Муроме заутреню воскресную, а дорогою 95 завет я положил на себя, чтоб из ножен сабли не вынимать, а на крепкой лук тетивы не накладывать.

И приехал я под град Себеж сибирской, и тут стояли три царевича, а со всяким царевичем силы по сту и по тысячи, и хотели тот град под руку свою взять, а самого царя сибирского полонить. И тут я силу всю 100 порубил, и трех царевичев в полон взял, и подарил сибирскому царю Веспасиону.

А другая притчина была: как буду я на мосту калиновом, на реке Смо родине, напустил на меня Соловей разбойник, и засвистал он своим раз бойничьим посвистом, и подо мною конь спотыкнулся от того посвисту, 105 а я прострелил Соловья в правой глас, и привес ево с собою для подлин ного известия. И ныне он у вашего величества дворца обретается».

И князь Владимир выглянул из окошечка, и увидел Соловья разбой ника, весьма веселился и велел ему засвистать своим разбойничьим по свистом. И Соловей разбойник ответ держит: «Не твой, сударь, я холоп 110 и не слушаю тебя, а слушаю я своего государя, сильного богатыря Илью Муромца». И Ильа Муромец велел засвистать, и засвистал Соловей раз бойник. И тут у господ и у богатырей кресла и стулья подломились, а у князя Владимира скамья подломилась.

И князь Владимир стал быть весьма радостен, и зговорит таково слово: 115 «Тебе у меня, Ильа Муромец, золота казна не заперта, бери, сколько из волишь, и конюшню не заперты, бери сколько изволишь лошадей и поезжан куды изволишь, и погрeba тебе не заперты».

И для сей великой радости, что прочистил дорогу, велики князь Вла димир киевской указал учинить великой банкет, и одарил Илью Муромца 120 великими дарами, и весьма благодарил ево. И веселились не малое время.

А повеселясь, захотелось Илье Муромцу сыну Ивановичю погуляти, по чистому полю разежати,⁴ и отпросился у князя Владимира. И князь Владимир киевской подарил ему слугу вернова, богатыря именем Торопа, и отпустил ево с честью, и велел с собою взять, что хочет, денех, бога тырских доспех.⁵ И слуга ево верной, Тороп, оседлал коней богатырских, а под Блью Муромца седлает седельчко черкасское, потники бухарския, [а] у седла подпруги шелковые, пряжечки серебряныя, спенечки у пряже чек и стремена булатныя. А сам приговаривает: «Шелк не рветца, а булат не гнетца, а чистое серебро не ржавиет». 125

И поехал из славного города Киева, перескакивает чрез стену бело каменную, и подымается ево доброй конь, аки дым столбом. И поехал да лече в чистое поле за горы высокие, за леса за темныя. Скакали пониже облака ходячего, повыше лесу стоячего, горы и доли промеж ног пускал. 130

И приехали на чистое поле, и тут ставили шатры полотняныя. И спал 135 молодец Ильа Муромец 3 дни и 3 нощи, а слуга ево Тороп на карауле стоял. И слышит в поле далече конской топот, ржание и человеческой шум, крик великой. И будит Илью Муромца. И тут встает молодец, и умы вается водою ключевою, утирается полотенечком, молитца чудным образам, и поклоняется на все четыре стороны, а сам взговорит таково слово: «Хотя 140 я долго спал, да впору встал и на срок поспел». И приказывает своему вер ному слуге Торопу, чтоб поехал далече в чистое поле и осведомился б, нет ли какой силы, не едут⁶ ли на святую Русь.

И слуга скоро побежал и, не добежавши силы, испугался, скоро воз вратился назад. «Гои еси ты, государь мой батюшко, Ильа Муромец сын 145

Ивановичъ, идет сила великая звериная на святую Русь; наперед идет страшен и люты зверь, изо рту идет у него огонь и полымя пышет, а из ноздрей у зверя часты искры сыплют, из ушей у зверя — аки дым столбом». И што зговорит тут Илья Муромец сын Ивановичъ: «Гои еси ты, 150 слуга мои верной Тороп, силы у тебя есть против меня, а скоро пужаешься: веть идет тута в поле Тухъман царь со своею силою босурманскою, а не стадо звериное». И выходит из бела шатра полотняного, и приказывает седлатъ добраго коня своего.

И слуга берет скоро добра коня, кладет на него потничек бухарской, 155 седлает седелечко черкасское, подтягивает подпруги шелковья, шелку шемаханского, пряжечки серебреныя, спенечки у пряжек булатныя. А садился Илья Муромец скоро на своего добра коня, и втыкает в мать сыру землю свое копие мурзавецкое, и повесил на него ширинку миткалинную, наказывает своему верному слуге Торопу: «Буде из моеи ширинки миткалинной потечет кровь горячая, то буду убит доброи молодец Илья Муромец 160 сын Ивановичъ; буде же оная ширинка миткалинная висит, как хартия белая, то я жив есть». И прибежал скоро, и побил сперва суперника и недруга, царя Тухмана, а потом напускает на всю силу босурманскую.

А слуга Тороп пробудился со сна, взглянул на ширинку миткалинную, 165 и показалось ему, якобы по ней идет кровь горячая. И садился для поспешения на своего добра коня и без седла. И прибежал к той боевой силе, ажно ездит, шурмует и винтует на коне Илья Муромец сын Ивановичъ в шишаке и во всяком богатырском убранстве. И не познал слуга Тороп своего господина Илью Муромца, и збил с коня долой, отчего и пал на землю. 170 А слуга же Тороп напал на ево белы груди, и вынимает из ножен свое чинжалище, и хочет спорот у него груди белыя, а сам говорит таково слово: «Что ты, злодеи Тухман царь, убил моего государя Илью Муромца, за то тебе скорая смерть будет жестокая». И что зговорит Илья Муромец: «Слуга верны Тороп, я Илья Муромец, господин твои». Еще же выкатился 175 на груди крест золотой, и признал, и благим матом отскочил от него, и поднял ево за белы руки, и поставил на ноги, и пад поклонися ему, и просил прощения, что не в ведени ушиб его. И то ему в вину Илья Муромец не поставил, а поставил в верность, и простил, и целовались во уста во сахарныя, и сядились на добрых конен, и порубили осталную всю силу босурманъскую. 180

И с той победы с великою славою возвратились в столны град Киев ко князю Владимиру, к солнышку Всеславьевичю. И князь Владимир киевской встретил их с великою радостию и с почтением великим, и с церемониею великою, так что не можно вздумать о великом их весели 185 и радовани, что бог дал победу на супостаты и одолени и оборонил от них святую Русь от того поганского нахождения. И учинил по всем церквам молебное пение и всенощное бдение всю седмицу. И пошел звон великой по всему граду Киеву: и в политавры игрою, и з барабанным боем, и со всякою музыкаю. И по той великой радости отдал князь Владимир киевской солнышко Всеславьевичъ до полцарьствия своего. 190

И тут Илья Муромец сын Ивановичъ стал жить во всяком благости и честности лета доволно, и жаловал слугу своего великою честию, над всеми людьми болшим боярином. И привез из Мурама отца и мать, и сам женился, и слугу своего Торопа женил. И жили во всяком благопо- 195 лучие, в радости и чести... до глубокой старости и тако тому отидоша, и погребение бысть славное. И те же люди миновалися, и слава их до скончания века. Конец.

ГИСТОРИЯ О СЛАВНОМ И О ХРАБРОМ И СИЛНОМ БОГАТЫРЕ
ИЛЬЕ МУРОМЦЕ СЫНЕ ИВАНОВИЧЕ И О СОЛОВЬЕ РАЗБОЙНИКЕ

Бы[с]т в славном гораде Муроме, жил тут стар матер человек именем Иван Елеферевич. И обещание они положили [с] женою своею: ежели господь бог дарует мужск пол, то отправлем молебное пение светителю христову Николаю чудотворцу кажной год. И по умолению их бог дарует им сына, а во светом крещении имя нарекли ему Илия. И как стал возрастат 5 до семи лет и болея, не ходил.

И прилучилося [в] ден светителя христова Николая чудотворца, пошли отец и мат в церков Николая чудотворца молебное пение совершити. А без их евися ему светител хр[и]стов Николаи чудотворец и рече ему: «Илия! Имаши ли, что пити?» Он же рече: «Имам! Отец и мат ворили пиво для 10 праздника светителя господня Николая чудотворца». Он же рече ему: «Давай мне, Илия, пива!» Илия рече ему: «Не могу, отче мои, востати на нозе». Он же даде ему питье и рече ему: «Востани и ходи!» А сам невидим быст. И от того часа встал, аки ни в чем не бывал.

И вышел на улицу, и стал с ребятами поиграват, и почуил в себе силу великую: которого возмет за руку — руку оторвет, которого за ногу — 15 ногу оторвет, а которого возмет за голову — голову оторвет. И за то великая жалаба произошла, и запретили ему.

Тогда у них кобыла принесла жеребенка худова и шелудиваго. И молодец 20 Илья Муромец сын Ивановичь выпросил молодова жеребенка на свои руки, и стал ево кормит и поит и[э] своих рук, и по зорям поважеват и покатыват. И в десет лет такой стал велик, храбрь и силен. И накупи Илья Муромец доспехи богатырския, и стал быт [в] великой славе и чести, славно богатырь¹ и силны Илья Муромец.

И был в церкви божи, слушел святую заутреню воскресную. И отслу- 25 шел заутреню, похоть держал ка столнаму граду Кееву, ко князю Владимиру, к солнышку Всевславичу. И завет держал на свою востраю саблю, и на крепкой лук, и на калену стрелу, что во всю дорогу востраи сабли [из] нажен не вынимат и на крепкой лук калены стрелы не накладыват.

И подымаецца ево доброй конь, аки дым столбом, и скачет чрезь лесы 30 дремучия, горы и доли меж ног пушает. И как будет под градом Себежем, услышал тут стук и топот, и конское ржание, крик и шум великой. И проведаль Илья Муромец, ажно стоят под градом три царевича, а со всяким царевичам по сту и по тысеши воиску, и хотят Сибирское царство взят, а самага царя полонит. И тут Илья Муромец зовет свои переменяет, вост- 35 раю саблю вынимает и напускает на всю силу ратную, и побил всех; а трех царевичев в полон взял и подарил сибирскаму царю.

И сибирской царь² спрашивает: «Гои еси ты, доброй молодец! Как тебя именем зовут, как величают по отчеству и которого города?» Ответ держит доброй молодец: «Меня по имени зовут Илюшкою, а по отчеству 40 Иванавь сын, уроженец города Мурома». И еще спрашивает сибирской царь: «Куда твоя дорога имецца?» Ответ держит Илья Муромец: «Еду я ко столному граду Кееву». И сибирской царь говорит: «Пожалуи, Илья Ивановичь, живи ты у меня, и золота козна тебе будет царская не заперта, и дам тебе да полцарсва моего». А Илья Муромец не соизволяет и спра- 45 шивает: «Куда премая дорога ко граду Кееву, как бы ближе ехат?» И сибирско[и] царь говорит: «Прямой, государь Илья Ивановичь, дороги нет у нас х Киеву, а премая была дорога на Брынския леса, на грязи топучия, на мосты калиновыя, чрезь реку Смородину; толко та дорога залегла ровно

50 тридцать лет. И в те года не один человек не прохаживал, ни звѣрь не проры[с]кавал, ни птица не пролетывала, того ради тут зовладел дорогу Соловей разбойник и поныне там живет и з детми своими». И тут б[о]гатырское сердце разгорелось, поехал преую дорогою х Кееву.

И как будет на мосту калиновом чрезь реку Смородину, напустил на 55 нево Соловей разбойник и засвистал своим богатырским посвистом разбойническим. И тут под Ыльею Муромцем богатырской кон спотыкнулси. И то зговорит Илья Муромец: «Али нету на свете русской земли!» Ударил добраго коня своею палицею железною: «Стои ты, волчья сытост, травенной мешек, стои ты, не спотыкайся от такой лесной пагулицы чучелы!» И вынимает свой крепкой лук из налушника, калену стрелу ис колчана, и, натенуши, выстрелил в Соловья разбойника. И попал ему в правой глазь. И Соловей разбойник упал на землю, аки са 12 дубов, аки болше сноп на землю. Илья Муромец подскачил, и сел у Соловья разбойника на белых грудех, и хочет у нево вынут ретиво сердце. И возмолица 65 Соловей разбойник: «Гои еси ты, силны богатырь Илья Муромец сын Ивановичь! Оставь душу на покаяние». И что зговорит Илья Муромец: «Где вся твоя, Соловей³ разбойник, золота козна лежит?» И Соловей разбойник отвещает: «Моя золота козна лежит в моих селах Кутузовых. А гонцы гоняют по 2 месяца до тех сел, а скоро н[а]скоро — в оди[н] месец».

70 И тут Илья Муромец привязывает Соловья разбойника к своему стремени булатному. И как будут пот селами Кутузовами, зов[и]дели Соловьевы 12 сыновь и говорят: «Вон наш батюшка едет, а вь тороках везет добрава малатца у стремени привязано». И болше[и] сын говорит: «То едет Илья Муромец, а в тороках ведет нашево батюшку». И тут дети пометалися в кладовую горницу в золоту козну, и девают на себе ружье богатырския, и хотят с Ылею Муромцем повоеват. И Соловей говорит: «Государи мои детушки, не дражните вы добраго молотца, зовите вы ево к себе хлеба кушет и сожайте ево за сталы дубовы и за ествы сахарныя».

А Илья Муромец поворотил своим добрым конем ко граду Кееву, ко 80 князю Владимиру. И как будет под градом Кеевом, и скачет чрезь стену белу каменую, прямо едет во дворец, не докладоваючи и шапки не снимаючи. И у дворца поставил своего коня богатырского и Соловья разбойника привязана, и сам пошел во дворец, княженецкия полаты.

И вошел молитца чудотворным образам, а князю Владимиру ниской поклон, а после поклонился на все четыре стороны. И князь Владимирь кеевско[и] спрашивает: «Как тебе, добро[и] молодец, именем зовут и как величают по [о]течеству, ис которого города и давн[о] л из города?» Ответ держит доброй молодец: «Зовут, государь, меня Илюшкою, а по [о]течеству Иванов сын, уроженец города Мурома, а из Мурома воскресную за- 90 утреню». И князь Владимирь усмехаетца: «Что ты, Илья, вреш и не свое говориш! Не твоиския у меня гонцы — гоняют ровно два месеца, а скоро наскоро — в один месец ис Кеева в Муром».

Илья Муромец гов[о]р[и]т: «Да еще, государь мои, две на меня притчины были и беды великия на дороги. Изволитя выслушат, и скажу ва- 95 шему величеству. Отслушал я в Муроме заутреню воскресную, а дорогую завет я положил на себя, чтоп и[з] ножен сабли не вынимат и на крепко[и] лук калены стрелы не накладыват.

И приехал я под градь Себежь сибирской, и тут стояли три царевича, а со всяким царевичам силы по сту и по тысеци воиской, и хоте тот град 100 по руку свою взят, а самага царя сибирскаго полонит. И тут я силу всю порубил, а трех царевиче[в] вь полон взял и подарил сибирскаму царю Веспасиону.

А другая притчина: как буду я на мосту колиновом, на реке Смородине, напустил на меня Соловей разбойник и засвистал он своим разбойническим посвистом. И подо мною кон спотыкнулся от того посвисту, и я прострелил Соловья в правой глас, и привесь ево с сабою для подлиного известия. И ныне он у вашева величества у дворца обретаеця».

К князь Владимирь выгленул из акошечка, увидел Соловья разбойника, весма стал весел и велел ему засвистат своим разбойническим посвистам. И Соловей разбойник ответ держит: «Не твой, сударь, я слуга и холоп, и не слушаю тебя, а слушаю я сваего государя, силнаго богатыря Илью Муромца». Илья Муромец велел зосвистат. И засвистал Соловей разбойник. И тут у господь и у богатырей креслы подломилися, а у князя Владимира стула подламилася, и сам поволилси.

И тут стал весма радостен, и возговорит таково слово: «Тебе у меня, Илья Муромец, золота козна не заперта, бери сколко изволиш; и конюшни не заперты, и веди, в каторю хочиш, и лошедеи бери колко изволиш, и поежай куды изволиш; и погребя тебе не заперты».

И да ради такои великои радости, что прочистил дорогу великаю, князь Владимирь кеевскои указал учинит великои банкет, и подарил Илью Муромца великими дорами, и весма благодарил ево. И веселились немалое время.

А повеселились, захстел Илья Муромец сын Ивановичь погуляти, по чистому полю разежати, и отпросился у князя Владимира. И князь Владимирь кеевскои подарил ему слугу вернова, богатыря именем Торопа, и отпустил ево с честью и велел [с] собою взят 100 червонных денех и всяких доспех богатырских. И слуга ево верной Тороп оседлал коней богатырских, а под Ильею Муромцем седлает седелечко черкасское, поджьи бухарския, у седла подпруги шелковыя, пряжечки серебряныя, спенечки у пряжечках и у стременах булатныя. А сам приговаревает: «Шелку не рватца, а булату не ломатца, а чистому серебру не ржавиет».

И поехал и [з] славного города Кеева, перескакивает чрез стену белу камени. И подымаеця ево доброй конь, аки дым столбом. И поехал далече в чистое поле за горы высокия, за лесы за темныя. Скакали пониже облака ходячего, повыше лесу [с]стоячева, горы и доли промеж ног пускали.

И приехали на чистое поле, и тут ставили шетры полотняныя. И стал молодец Илья Муромец 3 дни и 3 нощи спал, а слуга ево Тороп на карауле стоял. И слышит в поле далече конскои топот, и ржание, и челов[е]ческой шум, и крик великой, и будит Илью Муромца. И тут встает молодец, умываеця водою кляч[е]вою, утираеця полотенечком, молица чудотворным образом и поклоняется на все четыре стороны, а сам возговорит токово слово: «Хотя я долго спал, да в пору устал и на средь послел». И приказывает своему верному слуге Торопу, чтоп поехал далече в чистое поле, чтоп осведамился, нет ли какои силы, не идут ли на светую Русь.

И слуга скоро побежал и, не добежавши силы, испугался, скоро возвратился назат. «Гои еси ты, государь мой батюшко, Илья Муромец сын Ивановичь! Идет сила великая звериная на светую Русь. Напередь идет страшен и люты зверь. И [з] роту идет у него огонь поломя, а из ноздрей у зверя части искарки сыплот, из ушей у зверя, аки дым столбом». И то зговорит тут Илья Муромец сын Ивановичь: «Гои еси ты, слуга мой верной Тороп! Сила у тебе ест противь меня, а скоро пужаеся! Вит тут идет в поле Тухман царь со своею силою босурнинскою, а не стадо звериное». И выходит из белавя шетра полотнянава и приказывает седлат добраго коня своего.

И слуга берет скоро добраго коня, кладет на него потничек бу-

харской, седлает с[е]делечко черкасское, потягивает под[п]руги шелковья, шелку шемоханскаго, пряжечки серебряныя, спенечки у пряжечках булатныя. И сядилси Илья Муромец на своаго добраго коня, и втыкает [в] мат сыру землю свое копие мурзаметское, и повесил на нево свою ширинку митколитную, наказывает своему верному слуге Торопу: «Буде из моеи ширинки митколитной потечет кровь горячая, то буду убит доброи молодец Илья Муромец сын Ивановичь; будет же ета ширинка миткалитная висит, как харатия белая, то я живь есть». И прибежал Илья, «и побил сперва»⁵ суперника и недруга царя «Тухмана, а пото»м напускает на всю «силу босурман»скою.

А слуга Тороп про«будилси от сна», взглянул на ширинку «миткалитную и по»казалась ему, якобы и«дет кровь го»рячая, и содился для по«спешения на своаго» добраго коня и без седла. И «прибежал» к боевой силе, ажно ездит, шурм«ует» и винует на коне Илья Муромец» Ивановичь, в платье и во всяком «богаты»рском убранстве. И не познал слуга Тороп своаго господина Илью Муромца, и збил с коня долои, а отчево упал на землю. А слуга же Тороп напал на нево, хочит белья груди вынут, и вынимает и[з] ножен свое чинжалище, и хочет спорот у нево груди белья, а сам говорит таково слово: «Что ты, злодеи Тулман царь, убил моего государя Илью Муромца, за то тебе скорая смерть жестокая будет». Что зговорит Илья Муромец: «Слуга верной мой Тороп, я — Илья Муромец, «господин твой». Еще же выскочил на груди «крест золото»и, и признал, и благим ма«том отско»чил от него, и поднял ево «за белы руки», и поставил на ноги, и «пад покло»нился ему, и просит прощен«ия. что н»е ведени ушип ево. И то ему «в вину Илья» Муромец не поставил, про«стил, и цел»овались во уста сахарныя, «сади»лись на добрых коней и порубили о«стальн»ую всю силу босурманскою.

И с то«и п»обеды с великою славою возвратились во столны градь Кеевь, ко князю Владимиру к солнышку Всеславичу. И князь Владимирь кеевской встрел их с великою радостию, с почтением великим и с церемунию великою, так что не можно здумат а великом их весели и радовании, что бог дал победу на супостаты и одаления и оборонил от них святую Русь и от [т]ого поганаго нахождения. И учинил по всем церквам молебное пение и всенощное бдение всю седмицу. И пошел звон великой «по всему гра»ду Кееву: и в поли пошли по«литавры игрою», и з барабанным боем, и со всякою му«зыкою. И «по» царской великой «радо»сти отдал князь Владимир «Илье Муромцу» да поль«царсвия своаго.

И тут Илья Муромец «сын Ивановичь» стал жит в всяком благополуч«ии» и честности лета доволно, и пожаловал слугу своаго великою честью над вс«еми» людьми болшим болярином. И привезь из Муромца отца и мать, и сам женился, и слугу своаго Торопа женил. И жили во всяком благополучии, в радости и честности до глубокой старости, и так к последнему году отидоша, и погребение было славное. И те ж люди миновались, а слава их до скончания века. Конец.

ИСТОРИЯ О СЛАВНОМ, ХРАБРОМ И СИЛНОМ БОГАТЫРЕ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ СЫНЕ ИВАНОВИЧЕ, О СОЛОВЬЕ РАЗБОЙНИКЕ

Бысть в славном граде Муроме, жил тут стар матер человек именем Иван Елефериевич. И обещание положили з женою своєю: ежели господь бог дарует мужеск пол, то отправлять молебное пение святителю хри-

стову Николаю чудотворцу каждой год. И по умолению их бог даровал им сына, и во святом крещении нарекли имя ему Илия. И как стал возрастать, до семи лет и более не ходил.

И прилучилося в день святителя Христова Николая чудотворца, пошли отец и мати в церковь Николая чудотворца молебное пение совершати. А без них явился ему святитель Христов Николай чудотворец и рече ему: «Илия! Имаши ли, что пити?» Он же рече: «Имам! Отец и мати варили пиво для праздника господня Николая чудотворца». Он же рече ему: «Давай мне, Илия, пити!» Илия рече ему: «Не могу, отче мой, востати на нозе». Он же даде ему пити и рече ему: «Востани и ходи!» А сам невидим бысть. И от того часа встал, аки ни в чем не бывал.

И вышел на улицу, и почал с ребятами поигрывать, и почув в себе силу великую: которого возмет за руку — руку оторвет, которого за ногу — ногу оторвет, а которого возмет за голову — голову оторвет. И за то великая жалоба произошла, и запретили ему.

Тогда же у них кобыла принесла жеребчика¹ худова и шелудиваго. И молодец Илья Муромец сын Ивановичь выпросил молодова жеребчика на свои руки, и стал его кормить и поить из своих рук, и по зорям поваживать и покатывать. И в десят лет такой стал велик, храбр и силен. И накупил Илья Муромец доспехи богатырския, и стал быть в великой славе и чести, славной богатырь и силен Илья Муромец.

И был в церкви божи, слушал святую заутреню воскресную. И отслушав заутреню, поход держал к столному граду Киеву, ко князю Владимиру, к солнышку Всеславьевичю. И завет держал на свою вострую саблю и на крепком лук с² стрелами, чтоб во всю дорогу вострой сабли из ножен не вынимать и на крепком лук калены стрелы не накладывать.

И подымается его доброй конь, аки дым столбом, и скачет чрез леса дремучия, горы и доли меж ног³ пускает. И как будет под градом под Себежем, услышал тут стук и топот, и конское ржание, крик и шум великой. И проведал Илья, ажно стоят под градом три царевича, а со всяким царевичем по сту и по тысячи воиска, и хотят Сибирское царство взять, а самого царя полонить. И тут Илья Муромец завет свой перемняет, вострую саблю вынимает и напускает на всю силу ратную, и побил всех; а трех царевичев в полон взял и подарил сибирскому царю.

И сибирской царь спрашивает: «Гои еси ты, доброй молодец! Как тебя именем зовут, как величают по отчеству и которого города?» Ответ держит доброй молодец: «Меня по имени зовут Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, уроженец города Муром». И еще спрашивает сибирской царь: «Куда твоя дорога имеется?» Ответ держит Илья Муромец: «Еду я к столному граду Киеву». И сибирской царь говорит: «Пожалуи, Илья Ивановичь, живи ты у меня, и золотая казна тебе царская будет не заперта, и дам тебе до полцарствия моего». А Илья Муромец не соизволяет и спрашивает прямой дороги ко граду Киеву, как бы ближе ехать. И сибирской царь говорит: «Прямой, государь Илья Ивановичь, дороги нет у нас х Киеву, а прямая была дорога на Брынския леса, на грязя топучия, на мсты калиновыя, чрез реку Смородину; толко та дорога зелегла ровно тритцать лет. И в те годы ни один человек не прохаживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывали, того ради ту дорогу завладел Соловей разбойник и поныне там живет и з детми своими». И тут богатырское сердце разгорелось, поехал прямою дорогою х Киеву.

И как будет на мосту калиновом чрез реку Смородину, напустил на него Соловей разбойник и засвистал своими богатырским посвистом разбойнически. И тут под Ыльею Муромцем богатырской конь спотыкнулся.

И что зговорит Илья Муромец: «Али нету на свете руской земли!» Ударил доброго коня своею палицею железною. «Что ты, волчья сыть, травяной мешок, спотыкаешься от такой лесной пугалицы чучелы!» И вынимает свой крепкой лук из налушника, калену стрелу ис колчана, и натянувши выстрелил в Соловья разбойника. И попала ему стрела в правой глас. И Соловей разбойник упал с 12 дубов, аки болшеи сноп на землю. И Илья Муромец подскочил, и сел у Соловья разбойника на белых грудях, и хочет у него вынуть ретиво сердце. И возмолитца Соловей разбойник: «Гои еси ты, силны богатырь Илья Муромец сын Ивановичь! Оставь душу на покаяние!» Что зговорит Илья Муромец: «Где твоя, Соловей разбойник, золота казна лежит?» И Соловей разбойник отвечает: «Моя золота казна лежит в моих селах Кутузовых. А гонцы ганяют по два месяца до тех сел, а скоро наскоро — в один месяц».

И тут Илья Муромец привязывает Соловья разбойника к своему стремени булатному. И как будут под селами Кутузовыми, завидели Соловьёвы 12 сынов и говорят: «Вон наш батюшко едет, а в тораках ведет доброго молотца у стремени привязана». А болшеи сын говорит: «То едет Илья Муромец, а в тороках ведет нашево батюшку». И тут дети пометались в кладовую горницу в золотую казну, и надевают на себя ружье богатырское, и хотят с Ыльею Муромцем поле дать. И Соловей говорит: «Государи мои детушки, не дразните вы доброго молотца, зовите вы ево к себе хлеба кушать и сажайте ево за столы дубовыя, за ествы сахарныя».

А Илья Муромец поворотил своим добрым конем ко граду Киеву, ко князю Владимиру. И как будет под градом Киевом, и скачет чрез стену белу каменную, и прямо едет во дворец, не обсылаючи и шапки не снимаючи. И у дворца поставил своего коня богатырского и Соловья разбойника привязана, а сам пошел во дворец, в княжецкия полаты.

И, вошед в полаты, молитца чудным образом, а князю Владимиру ниско челом бьет, а после поклонился на все четыре стороны. И князь Владимир киевской спрашивает: «Как тебя, доброй молодец, именем зовут и как величают по отчеству и ис которого города и давно ль из города?» Ответ держит доброй молодец: «Зовут, государь, меня Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, уроженец города Мурома, а из Мурома — отслуша воскресную заутреню». И князь Владимир усмехается: «Что ты, Илья, вреш и не свое говориш! Не твоиския у меня гонцы — ганяют ровно два месяца, а скоро наскоро — что в один месяц ис Киева в Муром!»

И Илья Муромец говорит: «Да еще, государь мои, две на меня притчины были и беды великия на дороге. И изволите выслушать, а скажу вашему величеству. Отслушал я в Муроме заутреню воскресную, а дорогою завет я положил на себя, чтоб из ножен сабли не вынимать, а на крепкой лук тетивы не накладывать».

И приехал я под град Себезь сибирской, и тут стояли три царевича, а со всяким царевичем силы по сту и по тысячи, а хотели тот град под руку свою взять, а самого царя сибирского полонить. И тут я силу всю порубил, и трех царевичев в полон взял, и подарил сибирскому царю Веспасиону.

А другая притчина была: как буду я на мосту калиновом, на реке Смородине, напустил на меня Соловей разбойник и засвистал своим разбойничьим посвистом. И подо мною конь спотыкнулся от того посвисту, а я прострелил Соловья в правой глас и привес ево с собою для подлинного известия. И ныне он у вашего величества дворца обретается».

И князь Владимир выглянул из окошечка, и увидел Соловья разбойника, весьма веселился, и велел ему засвистать своим разбойничьим по-

свистом. И Соловей разбойник ответ держит: «Не твои, сударь, я холоп 110 и не слушаю тебя, а слушаю я своего государя, сильного богатыря Илью Муромца». И Илья Муромец велел засвистат. И засвистал Соловей разбойник. И тут у государей и у богатырей кресла и стулья подломились, а у князя Владимира скамья подломилась.

И князь Владимир стал быть весьма радостен, и зговорит таково слово: 115 «Тебе у меня, Илья Муромец, золота казна не заперта, бери сколько изволиш; и конюшны не заперты, бери сколько изволиш лошадей и поезжай куды изволиш; и погребя тебе не заперты».

И для сей великой радости, что прочистил дорогу, велики князь Владимир киевской указал учинить великой банкет, и одарил Илью Муромца 120 великими дарами, и весьма благодарил ево. И веселились немалое время.

А повеселясь, захотелось Илье Муромцу сыну Ивановичу погуляти, по чистому полю разежати, и отпросился у князя Владимира. И князь Владимир киевской подарил ему слугу вернова, богатыря именем Торопа, и отпустил ево с честью, и велел с собою взять, что хочет денех и всяких 125 доспех богатырских. И слуга ево верной, Тороп, оседлал коней богатырских, а под Илью Муромца седлает седелечко черкасское, потники бухарьския, у седла подпруги шелковые, пряжицы серебряныя, спенечки у пряжечек и стремяна булатныя. А сам приговаривает. «Шелк не рветца, а булат не гнетца, а чистое серебро не ржавиет».

И поехал из славного города Киева, перескакивает чрез стену белокаменную. И подымается ево доброй конь, аки дым столбом. И поехал да- 130 лече в чистое поле, за горы высокия, за леса за темныя. Скакали ниже облака ходячего, повыше лесу стоячего, горы и доли промеж ног пускал.

И приехали на чистое поле, и тут ставили шатры полотняныя. И спал 135 молодец Илья Муромец 3 дни и 3 нощи, а слуга ево Тороп на карауле стоял. И слышит в поле далече конской топот, ржание, и человеческой шум, и крик великой, и будит Илью Муромца. И тут встает молодец, и умывается водою ключевою, утираетца полотенечком, молитца чудным 140 образом и поклоняется на все четыре стороны, а сам зговорит таково слово: «Хотя я долго спал, да в пору встал и на срок поспел!» И приказывает своему верному слуге Торопу, чтоб поехал далече в чистое поле и осведомился б, нет ли какой силы, не идут ли на святую Русь.

И слуга скоро побежал и, не добежавши силы, испугался, скоро воз- 145 вратился назад. «Гои еси ты, государь мой батюшко, Илья Муромец сын Иванович. Идет сила великая звериная на святую Русь. Наперед идет страшен и люты зверь. Изо рту идет у него огонь, и полымя пышет, а из ноздри у зверя часты искры сыплют, из ушей у зверя, аки дым столбом». И што зговорит тут Илья Муромец сын Ивановичь: «Гои еси ты, слуга 150 мой верной Тороп! Силы у тебя есть против меня, а скоро вужаешься! Ведет, идет тут в поле Тухман царь со своею силою босурманскою, а не стадо звериное». И выходит из бела шатра полотнянова, и приказывает седлать добраго коня своего.

И слуга берет скоро добра коня, кладет на него потничек бухарской, 155 седлает седелечко⁴ черкасское, подтягивает подпруги шелковыя, шелку шемаханского, пряжечки серебряныя, спенечки у пряжечек булатныя. И сядился⁵ Илья Муромец скоро на своего добра коня, и втыкает в мать сыру землю свое копие мурзавецкое, и повесил на него свою ширинку миткалинную, наказывает своему верному слуге Торопу: «Буде из моеи ширинки 160 миткалинной потечет кровь горячая, то буду убит доброй молодец Илья Муромец сын Ивановичь; буде же оная ширинка миткалинная висит, как

хартя белая, то я жив есть». И прибежал скоро, и побил сперва суперника и недруга, а потом напускает на всю силу босурманскую.⁶

165 . . . И князь Владимир киевской встретил их с великою радостию и с почетом великим, и с церемониею великою, так что не можно вздумать о великом их веселии и радовани, что бог дал победу на супостаты и одоление и оборонил от них святую Русь, от того поганского нахождения. И учинил по всем церквам молебное пение и всенощное бдение всю седмицу. И пошел 170 звон великой по всему граду Киеву и со всякою музыкою. И по той великой радости отдал князь Владимир Илье Муромцу польцарствования своего.

Тут Илья Муромец сын Ивановичь стал жить во всяком благочестии и честности лета довольно и пожаловал слугу своего великою честью над всеми людьми большим боярином. И привез из Мурома отца и мать, и сам женился, и слугу своего Торопа женил. И жили во всяком благополучии, в радости и честности до глубокой старости. И тако ко господину отидоша, и погребение было славное. И те же люди миновалися, а слава их до скончания века. Конец.

13

ПОВЕСТЬ О СИЛЬНЕМ МОГУЧЕМ БОГАТЫРИ ИЛИИ МУРОМЦЕ
И О СОЛОВЬЕ РАЗБОЙНИКЕ

Во славном было во граде Муроме, во болшем селе Карачаеве, было село Каптяево, в том селе Каптяеве был-жил крестьянин именем Иван [со] своєю женою велма [у] бога [в] милости по убогим и странным приематель. Им же уроди[лся] сын, ему же быст Илья [имя]. . . младых лет да до 30-ти лет 3-х в сиднех,¹ о чем отец и мати его велми были печальны. Но случися накануне праздника Илии пророка отец Илин и мати были у всенощни в болшем селе Карачаеве, а у Илии были некоторые два старичка под окошком. Яко бы по молитве родителей его они даровали ему ноги, но не токмо. . . и силу великую богатырскую Илья почувал в себе. Но как отец и мати его пришли ото всенощни, а Илья и встретил, и они о том благодаренную пришли господину богу и великому пр[о]року Илии. Наутре воста, пошли ко святой литургии недели того великаго веселия сотворили пир велик про странным [и] убогим Илии. . . время сыскал в конушне. . . сивца бурца. . . латы и копие, палицу булатную. . . достиг себе против отца 15 своего и матери благословения ехать князь Владимиру поклонитися, и он[и] с плачем дали благословение, хотя ехать со заклинием его оружием, что ему ехать дорогою из нажен востру саблю не вынимать. Ис колчана Илья Муромец[а] колены стрелы на лук не на[кла]дывает.

Илья Муромец поехав в Киев град, слуша заутреню воскресную, но как он будет под Себежем градом. . . ажно стоит под ним три царевича заморский, со свяким царевичем си[лы] по трицати тысящ, а похваляются они град за щитом взять, а жители градских под меч. . . Зговорит едучи Илья Муромец: «Ох по грехом мне учинилось, что отец мой и мати моя заклели мое оружие». Однако, сотворив себе знамение клятвенное, вынимает свою 25 палицу булатную, напускается на рать силу великую. Сколько бьет, а вдвое конем топчет; куда он не поедеть — улицы, куда не поворотится — слободы, и побил всю силу татарскую, и три царевича насилу нашли за море на кораблях то небольшими людьми.

Но как Илья Муромец ехал скрозь Себезд[а] град, во градских воротах встречали с хлебом и солью весь народ от мала и до велика и бьют челом ему, и поклоняются, и просят милости к себе во град хлеба и соли

Соловей-разбойник. Лубочная картинка XVII—XVIII века.

ГПБ, собрание А. В. Олсуфьева, т. XI.

кушати. Но Илья Муромец хлеба и соли их не кушает, только спрашивает у них дороги прямо дороги ко граду Киеву. И отвечают ему себежские жители: «Ты гои еси, добрый молодец, прямая к нам была дорога ко граду
35 Киеву на леса на Брын[ские], на грязи черные, на дороги, на Смородину, на мосты калиновы, толко та у нас дорога запустела ровно 30 лет от Соловья разбойника. От ево разбойнича соловьиного посвиста никакой богатырь не может устоять.

Богатырское сердце неумичиво, и поворачивает своим добрым конем
40 прямо на грязи черные, на реку Смородину, на мосты калиновы. И как он будет против сторожи Соловья разбойника, ажно Соловьи на сторожи был, сидел на двух дубах, засвистал он своим разбойничим соловьиным посвистом, якобы зем[ля] поколебалася, и от того посвисту под Ильєю конь пошарашилася. Илья Муромец бьет своего коня по толстым акаракам, а сам
45 говорит таково слово: «Что ты, вольчья шерсть, шарашисья! Веть меня сильнее [нет]!» [И вы]нимает свои крепкой лук, а ис колчана вынимает колелу стрелу, стреляет Соловья разбойника. И попал в ево левой глас. От того удару Соловьи свалился со двух дубах великих. Тогда Илья Муромец, наскака[в], хотел ево злои смерти предать. Но Соловьи разбойник,
50 вскочи[в], не допустил ево до себе, рече: «Богатырская есть то слава, что меня хотел без оружия убить, но даи мне справится, я сяду на свои доброй конь». И скоро Соловьи разбойник убрал взброду латную, и сел на свои доброй конь, и так розежал. . . Илья Муромец от великаго разьезду толко Соловья уронил, вышиб его исдалече вон на земле, за что Соловьи раз-
55 бойник Илью Муромца. . .

Молви Соловьи разбойник: «Деточки мои малые Соловьяви, не дразните сего добраго молодца, а бейте челом хлебом и солью».

Но Илья Муромец хлеба и соли их не кушает, а поворачивает своим добрым конем прямо на большу [к] Киеву дорогу. И скачет он з горы на
60 гору .ол. .и поду. .ы вон выметывает, а у рек перевозу не спрашивал. Но как приехал в Киев град, вье[д]е[т] прямо на княженъской двор.

И привязал своего доброго коня, пошел в палаты княжеские, молился чесным святым иконам, кланялся на две на четыре стороны, а особливо великому князь Владимиру. Что зговорит Владимир князь: «Ты ои еси, доб-
65 брой дородно[и] молодец, да скажи ты мне, как тебя зовут по имени, по отечеству, коего града уроженец?» Ответ держит Илья Муромец: «Я, государь, уроженец града Мурома, из большего села Карачаров[а], а родися в селце Каптеве, по имени меня зовут Ильюшою, по отечеству Иванов сын, прозванием Муромец». Зговорит князь Владимир: «Ты ои еси, Илья
70 Муромец сын Ивановец, скажи ты, давно ль ты из Мурома?» Ответ держит Илья Муромец сын Ивановец: «Государь, поехал из Мурома, отслушав заутреню воскресную!» Разсмеялся велики[и] Владимир князь: «Что ты, Илья, врешь! У нас гонцы гоняют по шти дни». Ответ держит Илья Муромец: «Да еще были на меня две задержки великия. Первая — исбавил
75 от осаду Себеже град. Вторую — имел бои с Соловьем разбойником, которой побед. . . силней. . .»

Тогда князь Владимир вышел и с сильными могучими богатыри смотреть Соловья разбойника, и рече: «Ты ои еси, Соловьи разбойник, засвищи ты своим разбойничим соловьиным посвистом». Ответ держит Соловьи раз-
80 бойник: «Твоя, государь, воля, я не смею государя моего Ильи Муромца». И тогда Илья велел засвиста[ть]. Но от ево посвисту князи и бояре попадали, толко насилу устоял сам Владимир, и зато ево князь Владимир пожаловал выше своих богатырей киевских.

Конец сему повествовани[ю]. Аминь.

ПОВЕСТЬ О СЛАВНОМ БОГАТЫРЕ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ, КАКО
ОН РОДИЛСЯ И КАК ПОЕХАЛ ИЗ МУРОМА К СТОЛНОМУ ГРАДУ
КИЕВУ КО КНЯЗЮ ВЛАДИМЕРУ ВСЕСЛАВЬЕВИЧУ

В столном граде Муроме была деревня Лаптева, а в тон деревне жил крестьянин именем Иван, и родился у него сын именем Илья, и был сиднем тритцать лет. И в некоторое время Илья ляже спал, и видел сон, якобы отец его купил ему жеребенка бурова у старчишка на погосте. И та ночь прошла, а день настал, и учел Илья отцу своему бить челом: «Государь 5 мой батюшка, купи мне жеребенка у старчишка, что не даи, а тот жеребенок станет богатырей возить». И отец его послушал, и купил ему того жеребенка, и поставил на стоиле до времени. И тот жеребенок таков стал хорош, что и меры ему нет.

А в которое время отец его и мать обрекались господу богу и святому 10 Илье пророку ставить свечи и каноны читать, чтоб бог даровал сыну их ноги. И в то время пришли к ево дому два человека прохожия и просили у него пить того канону заветнаго. И в то время отца ево дома не было, и мать ево им отказывала, что де вам пить вынести некому, я стара, а сын мой без ног. И те два человека прохожия говорятъ Ильиной матери таково 15 слово: «Пошли ты сына своего, бог ему дарует ноги». И в то время по их молитве даровал ему бог ноги, и пошел в погриб, и вынял им того канону заветнаго. И те два человека прохожия, напившись, стали говорить ему: «За твою добродетель, что ты нас прохожих напоил, бог тебе даровал ноги. Еще ты чего просиш, богатства или силы богатырские?» — «Мне тся 20 лутче мне взять силу богатырскую». И они ему даровали силу великую, а сами прочь пошли.

И после того времени учел Илья выходить на улицу шутить, играть с робятами. Не по робячью делает, кого возмет за руку — руку отторвет, кого возмет за ногу, — ногу вырвет. И стали приходять ко отцу его многие 25 челобитчики. И сын ево Илья беретъ своего жеребѣца бурова, и поехал от отца своего в столной град Муром. И с того времени стал слыть могущим богатырем Ильей Муромцем и знатным многим людям свое богатырство оказывать. И стал срезжатца во свое оружие ратное, хоцет ехать к столному граду Киеву, к великому князю Владимиру Всеславьевичю. И в то время 30 Илья Муромец зарекается и заклинается: «Даи мне, господи, ехать путем добрым, смирением и кротостию, не вынимать бы мне из налучья крепка лука разрывчета, ис колчана колены стрелы, из ножен сабли вострые булатной и чтоб приехать в добром здоровьи к столному граду, к великому князю Владимиру Всеславьевичю». 35

И в том граде Муроме слушал Илья Муромец воскресную заутреню. И поехал к столному граду Киеву на своем косматом Бурке. Первой скок у него был чрез городовую стену на три версты, другой скок — на девять верст. И приехал ко граду Киеву.¹ А под тем градом стоят три царевичи нечестивые, а силы у них у всякова царевича по тритцети тысяць, и хо- 40 тять тот град взять, и льетца промеж их кровь неповинная. И тогда Илья Муромец отпехнул у себя стремя булатное, напустил на тех царевичев нечестивых, и побили ту всю силу их вражию. Ис того града Кинешмы выходит власти, и священницы со честными кресты и образы, и всякия люди чиновные, бьют челом и поклоняются Илье Муромцу: «Илья Муромец сын 45 Ивановичь, и живи ты у нас во граде Кинешме, золотая казна про тебя не запечатана, драгия портища и не ношены». Против того зговорить Илья

Муромец: «Ои еси вы, власти, священницы и всякия люди чиновные, непригоже мне жить у вас в замских городех. Еду я к столному граду 50 Киеву, ко славному князю Владимиру Всеславьевичю. Толко укажите мне дорогу, куда мне ехать». И против того зговорять власти, и священницы, и всякия люди чиновные: «Государь Илья Муромец сын Ивановичь, дорога у нас прежде сего была на реку на Смородину, на мосты на калиновы, на 55 грязи черные, а ныне та дорога залегла уже тому 30 и три года. А на тои дороге живет Соловей разбоиник сын Будимеров».

И сел Илья Муромец на своего добра коня, и поехав к столному граду Киеву. И приезжает на реку на Смородину, на те грязи черные, на мосты калиновы. И тут стоять на реке на Смородине три дуба крестовитые. А на тех дубах сидит Соловей разбоиник сын Будимеров. Завидел он 60 Илью Муромца в чистое поле за три версты, засвистал он зычно громко своим богатырским посвистом. И конь под Ильею Муромцем [спотыкается]. Бьет по крутым бедрам своею палицею железною: «Что ты, сабачье мясо, рано спотыкаешся? Нет тут мне супротивника!» А сам зговарит таково слово: «Не даи, господи, на далном пути зарекатися». И вынул 65 Илья Муромец из налучья свои крепкой лук разрывчетои, ис колчана коллену стрелу, и стрелил он в Соловья разбоиника. Пострелил он в око правое. И свалился Соловей разбоиник с трех дубов крестовичьех на сыру землю. И взял его Илья Муромец за белые руки велми крепко, и привязал ево к своему стремени булатному.

И завидели тут девять сынов Соловьевичев, что едет на добром коне удалои молодец, а сами зговорять таково слово: «Вон де едет наш батюшка на добром коне, а добра молотца мучит возле стремени булатнова, что выгляцы багряновы». И усмотрели девять сынов Соловьевичев, завыли и заплакали: «Не батюшко де едет на добром коне, то удалои доброй мо- 75 лодец и батюшка нашего мучить у стремени булатного». И против того стали вооружатися во свое оружие крепкое, надевают на себя шеломы, и панцыри, и доспехи крепкия, выезжают в чистое поле битися. И зговорят Илье Муромцу таково слово: «Ои еси вы, девять сынов Соловьевичев, буде вы хотите живы быть, навивайте вы телеги ордынския красного золота 80 разбоиничья, повезите ко столному граду Киеву, к великому князю Владимиру Всеславьевичю, отдавайте свою казну разбоиничью, и вы выкупайте своего батюшка родимова, Соловья разбоиника сына Будимерова. А буде вы хотите против меня битися, выезжайте в чистое поле, и я с вами посправлюся». И тут девять сынов Соловьевичев велми устрашились, против 85 его битися не поехали.

И приезжает Илья Муромец к столному граду Киеву, ажно у церкви Софии премудры божии к обедне благовестят, в тот же воскресны день, как поехал из Мурома. И приехал, слез [с] своего добра коня и отдал ево Соловью разбоинику, а сам пошел в церковь Софею божию помолитися. 90 И как служба окончалася, ажно идет из церкви князь Владимир Всеславьевичь. И тут Илья Муромец великому князю поклоняется о сыру землю. И спрашивает его великий князь Владимир Всеславьевичь: «Откуда ты, удалои доброй молодец? Которои вотчины и как тебя зовут по отчеству, по чему было тебя жаловать?» Против того зговорить Илья Муромец: 95 «Я, государь, столного града Мурома, а зовут меня, государь, по имени Илюшкою, по отчеству Иванов сын». И тут ево князь Владимир Всеславьевич зовет хлеба кушать к себе и меду пить.

И пошли в полаты белокаменные, и сели за столы за дубовые, за скатерти белые, за всякие ествы сахарные. И как пошел у них пир на веселие, 100 тогда князь Владимир Всеславьевичь вышел из своей каморы и сел со

Муромец: «Ои еси вы, власти, священницы и всякия люди чиновные, непригоже мне жить у вас в замских городех. Еду я к столному граду 50 Киеву, ко славному князю Владимиру Всеславьевичю. Толок укажите мне дорогу, куда мне ехать». И против того зговорят власти, и священницы, и всякия люди чиновные: «Государь Илья Муромец сын Ивановичь, дорога у нас прежде сего была на реку на Смородину, на мосты на калиновы, на грязи черные, а ныне та дорога залегла уже тому 30 и три года. А на той 55 дороге живет Соловей разбойник сын Будимеров».

И сел Илья Муромец на своего добра коня, и поехав к столному граду Киеву. И приезжает на реку на Смородину, на те грязи черные, на мосты калиновы. И тут стоять на реке на Смородине три дуба крестовитые. А на тех дубах сидит Соловей разбойник сын Будимеров. Завидел он 60 Илью Муромца в чистое поле за три версты, засвистал он зычно громко своим богатырским посвистом. И конь под Ильею Муромцем [спотыкается]. Бьет по крутым бедрам своею палицею железною: «Что ты, сабачье мясо, рано спотыкаешься? Нет тут мне супротивника!» А сам зговарит таково слово: «Не даи, господи, на далном пути зарекатися». И вынул 65 Илья Муромец из налучья свои крепкой лук разрывчетои, ис колчана колелу стрелу, и стрелил он в Соловья разбойника. Пострелил он в око правое. И свалился Соловей разбойник с трех дубов крестовичьех на сыру землю. И взял его Илья Муромец за белые руки велми крепко, и привязал ево к своему стремени булатному.

И завидели тут девять сынов Соловьевичев, что едет на добром коне удалой молодец, а сами зговорят таково слово: «Вон де едет наш батюшка на добром коне, а добра молотца мучит возле стремени булатнова, что выжлецы багряновы». И усмотрели девять сынов Соловьевичев, завыли и заплакали: «Не батюшко де едет на добром коне, то удалой доброй мо- 75 лодец и батюшка нашего мучить у стремени булатного». И против того стали вооружатися во свое оружие крепкое, надевают на себя шеломы, и панцыри, и доспехи крепкия, выезжают в чистое поле битися. И зговорят Илье Муромцу таково слово: «Ои еси вы, девять сынов Соловьевичев, буде вы хотите живы быть, навивайте вы телеги ордынский красного золота 80 разбойничья, повезите ко столному граду Киеву, к великому князю Владимиру Всеславьевичю, отдавайте свою казну разбойничью, и вы выкупайте своего батюшка родимова, Соловья разбойника сына Будимерова. А буде вы хотите против меня битися, выезжайте в чистое поле, и я с вами посправлюся». И тут девять сынов Соловьевичев велми уstraшилися, против 85 его битися не поехали.

И приезжает Илья Муромец к столному граду Киеву, ажно у церкви Софии премудры божи к обедне благовестят, в тот же воскресны день, как поехал из Мурома. И приехал, слез [с] своего добра коня и отдал ево Соловью разбойнику, а сам пошел в церковь Софею Божию помолитися. 90 И как служба окончалася, ажно идет из церкви князь Владимир Всеславьевичь. И тут Илья Муромец великому князю поклоняется о сыру землю. И спрашивает его великий князь Владимир Всеславьевичь: «Откуда ты, удалой доброй молодец? Которой вотчины и как тебя зовут по отчеству, по чему было тебя жаловать?» Против того зговарит Илья Муромец: 95 «Я, государь, столного града Мурома, а зовут меня, государь, по имени Илюшкою, по отчеству Иванов сын». И тут ево князь Владимир Всеславьевичь зовет хлеба кушать к себе и меду пить.

И пошли в полаты белокаменные, и сели за столы за дубовые, за ска-
терти белые, за всякие есты сахарные. И как пошел у них пир на веселие, 100 тогда князь Владимир Всеславьевичь вышел из своей каморы и сел со

князьми, и бояры, и с могучими сильными богатырями. Да тут же у него сидить на пиру приезжей гость, сильные могучи богатырь Илья Муромец сын Ивановичь. И что зговорит ему князь Владимир Всеславьевич: «Ои еси ты, Илья Муромец сын Ивановичь, давно ли ты и[з] stolного града Мурома?» Против того зговорить Илья Муромец: «Свет государь, князь Владимир Всеславьевич, поехал из града Мурома, отслушал заутреню воскресную». Против того зговорить князь Владимир Всеславьевич: «То твоя, добра молотца, первая ложь. Которым же ты путем ехал и дорогою?» Ответ держал Илья Муромец: «Ехал я на град Кинешму, на реку на Смородину, на мосты калиновы, на грязи черные». Против того зговорит князь Владимир Всеславьевич: «Исполать тебе, доброй молодец, што в другой ряд солгать тебе умелося. А та дорога залегла уже тому тритцать лет и три года: зверья не пробегивали, и птици не пролетывали, а живет на той дороге Соловей разбоиник сын Будимеров». — «Свет государь, князь Владимир Всеславьевич, были мне на той дороге три помешки великия. 115 Первая² мне помешка была под градом Кинешмои: бился я с тремя царевичи нечестивыми, а силы с ними было у всякова царевича по тритцети тысяч. Вторая помешка была мне великая на реке на Смородине: бился я с Соловьем разбоиником сыном Будимеровым. О том мне помешка была на полях на туковых: бился я з девятью сыны Соловьевичевы». Против того зговорит Владимир Всеславьевич: «Полно, видел ли ты очи Соловья разбоинника?» Против того зговорить Илья Муромец: «Государь князь Владимир Всеславьевич, не имеешь веры речам, поими веры своим очам. Соловей разбоиник сын Будимеров стоит на твоём дворе господском, дер- 125 жить моего добра коня наступчева».

И князь Владимир Всеславьевич вынимает окончину хрустальную, и смотреть на свои государьской двор. Ажно на дворе стоит Соловей разбоиник и держит добра коня Ильи Муромца. И тут князь Владимир удивляется, а князь и бояра головами потрясли. И зговорит князь Владимир Илье Муромцу: «Исполат тебе, добру молотцу, как мне про тебя сказывали, таков ты есть. Буде ты у меня в stolном граде Кieve пожаловати з Добрынею Никитичем, а другое дело, где ты изволишь». И потому зговорить князь Владимир Всеславьевич: «Соловей разбоиник сын Будимеров, отдай ты добра коня моим слугам, а сам поди ко мне во высок терем». Против того зговорит Соловей разбоиник: «Ои еси ты, князь Владимир 135 Всеславьевич, не тебе я служу, тебя я и не слушаю. Кому я служу, тово я и слушаю». И услышал тут Илья Муромец, и зговорить таково слово: «О еси ты, Соловей разбоиник, покинь ты моего добра коня, а сам ты поди во высок терем к великому князю Владимиру». И Соловей разбоиник покинул добра коня, а сам пошел во высок терем. И молится он чудным образом, и кланяется Илье Муромцу, а великому князю не бьет челом. И зговорить ему князь Владимир Всеславьевич: «Ои еси ты, Соловей разбоиник, засвищи ты зычно и громко своим богатырским посвистом». И говорит ему Соловей разбоиник: «Свет государь, князь Владимир Всеславьевич, потешу я тебя, руку отторву и ногу вырву». И услышал тут Илья Муромец: «Вот де ты, сукин сын, отговариваеш, есть де у меня на дралщика сабля вострая булатная, подорожная, а весом полтредьятцать пуд». Против того и говорит Соловей разбоиник, что де пиво очень пьяно, а хмелю в нем не бывало, сь етова пива голова болить, а душа дрожить. И зговорит Илья Муромец: «Государь князь Владимир Всеславьевич, Соловей разбоиник давно не пивал зелена вина и меду сладкова». И Соловей разбоиник вина не примаёт и меду не пьёт, и зговорит таково слово: «Государь князь Владимирь Всеславьевич, то есть сердце не пьёт». И подносили ему 150

чару вина в полтретья ведра, другую чару в полпята ведра, третью чару
 155 в полсема ведра. И Соловей разбойник первую чару выпил — душу про-
 мочил, другую выпил — сердце окатил, третью выпил — голову вознесе-
 лил. И зговорить Илья Муромец: «Ои еси ты, Соловей разбойник, засвищи
 ты зычно, громко своим богатырским посвистом, потеш ты князя Влади-
 мера». И по ево велению и Соловей разбойник засвистал. И з того его
 160 свисту бояра все попадали, а князь Владимир Всеславьевич в своем те-
 реме со страху набегался и зговорит таково слово: «Ои еси ты, Илья Му-
 ромец, уими ты Соловья разбойника, не можно мне от ево свесту в тереме
 ни стоять, ни сидеть».³ И потом у них пошел пир на веселие. И жаловал
 князь Владимир своих князей и бояр и всех светорусских богатырей, а всех
 165 лучше жаловал Илью Муромца сына Ивановича, сажает ево в первое место
 против себя, в другое место подле себя.

И в то время приехали ис поля станишники, и скоро входят во высок
 терем, бьют челом и поклоняются великому князю Владимиру Всесла[вье]-
 вичю, а сами зговорают таково слово: «Свет государь, князь Владимир
 170 Всеславьевич, пьеш и еш, проклажаеся, а того ты, государь, не ведаеш:
 за городом у нас в поле неведомо, государь, из Риму, неведомо, из Орды
 король едет, а люди незнаемыя». И князь Владимир Всеславьевич пошел
 во высок терем на самую на вышку, посмотрел: в чистое поле зачернелось,
 идут люди незнаемыя. И тогда князь Владимир Всеславьевич поустра-
 175 шился и задумался, и хошет он вооружатися. И приказывает збирать всю
 свою силу богатырскую. И тут Илья Муромец стал разговаривать: «Свет
 государь, князь Владимир Всеславьевич, не изволь печалиться. Ето не
 из Орды король едет, из Риму послы идут, и едут девять сынов Соловье-
 вичев, а везут к тебе всю злату казну разбойничью». И князь Владимир
 180 Всеславьевич велми стал бысть радостен, послал к ним навстречю люби-
 маго своего боярина Добрыню Никитича.

И девять сынов Соловьевичев приехали к столному граду Киеву, ко
 великому князю Владимиру Всеславьевичу, и бьют челом они своен воров-
 ской казнои, а выкупали они отца своего, Соловья разбойника сына Буди-
 185 мерова. И князь Владимир Всеславьевич велел у них ту злату казну
 принять боярину Добрыне Никитичу в свою казну государскую. А их
 девяти сынов Соловьевичев всех звал хлеба кушать. И как у них был пир
 на весели, и князь Владимир Всеславьевич пожаловал девяти сынов Со-
 ловьевичев: пяти братьев в столники, а четырех братьев в чашники. А велел
 190 им жить у себя в столном граде Киеве, а отцу их, Соловью разбойнику
 сыну Будимерову, и велел им богатырьми слыть. Злата казна про них
 не запечатана, драгия пожичеца не ношены, добры кони не езжаны. И тем
 богатырьми слава от начала и до конца века. Аминь.

ИСТОРИЯ О СЛАВНОМ И О ХРАБРОМ БОГАТИРЕ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И О СОЛОВЬЕ РАЗБОЙНИКЕ

В славном било городе Муроме, в селе Карачарове, жил в нем крестья-
 нин Иван Тимофеевич. У него было любимое детище Илья Муромецъ.
 Сидел он сидном 30 лет. И как минуло 30 лет, то стал ходить на ногах
 крепок и ошатил в себе силу великую, и отделал себе зброю ратную и
 5 копие булатное, и оседлал коня своего богатырскова. И приходит ко отцу
 своему и к матери, и стал у них просить благословения: «Государы ба-

тюшка и матушка, отпустите меня в славной град Киев богу помолитися, а князю киевскому объявитися». Отець и мать его дают ему благословение, и кладут на него заклание великое и говорят такие речи: «Поежай ты в Киев прямо на Чернегов град и, будучи в пути св^коем, ты не делай обиды и не про^кливай ^к крови хри^стия^нския напрасно».

Илья Муромец принял у отца и матери благословение, богу молитца, со отцем и матерью прощается, и поехал в путь свои. И так далеко заехал в темни леса,¹ что наехал на таборы разбойничьи. И те разбойники увидели Илью Муромца, и разерились у них сердца разбойничьи на коня богатырскова, и стали между собою разговаривать, чтобы лошадь отнять, что «такой ни в которых местах не видели, а нине един на таком добром коне незнаемо какой то человек». И стали на Илью Муромца напускать человек по десяти и по двадцати. И стал Илья Муромец останавливать коня своего богатырского, и вынимал ис колчана колену стрелу [и пустил калену стрелу] под землю, и калена² стрела стала рвать в косую сазень. И, выдя то, разбойники испужались, и собирались во един круг, и пали на колени, и стали говорить: «Государь наш батюшка, удал молодець, виновати ми пред тобой! И за нашу таковую вину бери казни сколко надобно, и платья цветнова, и табуни лошадеи сколко угодно!» И усмехнувшись сказал: «Некуда мне девать, но естли хотите живи битъ, то въперед не отваживайтесь етаво думать!»

И поехал в путь свои к с[л]авному граду Киеву, и подъезжает ко граду Чернигову. И под тем градом Чернеговом стоит войско бусурманское, что ему и смети³ неть. И Чернегов град осадили, и хотят его вирабить, и божии церкви на дим пустить, а самого князя киберского и воеводу чернеговского живых в полон взять.

И той великой силе Илья Муромец ужаснулся, однако положил на воле создателя своего за господа и бога, и думал положить главу за веру христианскую. И стал побивать силу бусурманскую копием булатним, и всю силу поганскую побил, и царевича бесурманского въ полонь взял, и ведеть во град Чернегов.

И встречают из города Чернегова граждане с честью. Идет сам князь киберский и воевода чернеговский, принимает доброва молодца с честью, благодарение господу богу возсилають, что господь прислал нечаянно граду очищение и не дал всем напрасно погибнути от такой силы бусурманския. И взяли его в полати своя, и сотвориша велии пир, и отпустиша⁴ его въ путь свои.

Илья Муромец поехал ко граду Киеву прямою дорогою от Чернегова, которую заложил Соловей разбойник равно 30 лет: не пропускал ни коннова, ни пешива, а убивал не оружием, но своимъ разбойничьим свистом. И виехал в чистое поле, и увидель поприски богатырские, и по них поехал. И приехал на те леса Брянские, на те грязи топучия, на мости калиновы, к той реке Смородине. И Соловей разбойник послышал себе кончину и бесчестие великое и, не допуская Илью Муромца за двадцать версть, засвистал своим разбойничьим крепко, но богатырское сердце не утравил. И не допусая еще за десять верст, и засвистал громче таво. И зь того свисту подь Ильею Муромцем конь споднулся. И приехал подь самое гнездо, которое свито на дванадцати дубах. И Соловей разбойник, на гнезде сидя, увидел светоруского богатыря, и засвистал во весь свист разбойничей, и схател Илью Муромца убить до смерти. Илья Муромец снимает з себя тугои лук, накладывает калену стрелу и пустить на то гнездо Соловынное. И попал в правой глаз и вишь вон. И Со[ло]вей разбойник съпал з гнезда, что овсяной сноп.

60 Илья Муромец берет Соловья разбойника и привязал его крепко к стремени булатному, и поехал к славному городу Киеву. И на пути стоять палаты Соловья разбойника. И как поровнялся Илья Муромец против палат разбойничьих, у которых окна растворенны, и [в] тие окна смотрели разбойничьи три дочери. И увидела меньшая дочь и закричала
65 сестрам своим: «Вон наш батюшка едет з добичею и везет к нам мужика, привязана у стремени булатния». А болшая дочь усмотрела и заплакала горко: «Что не батюшка наш едет, его едет незнаемо какой та человек и везет нашего батюшку». И закричали мужьям своим: «Наши мужьи милия, поезжайте к мужику навстречу и отьбиите у него нашего
70 батюшку, не кладите наш род в таком позоре». И мужья их, сильнии богатири, кони у них добрия, поехали против светоруского богатиря, и копия остря, и хотять Илью на копьях поднять. И увидел их Соловей разбойник, и стал говорить: «Зятья мои милия, не позортеся и не дражните такова силнова богатира, чтоб нам не принять смерти от него всем,
75 лучше бо с покорностию, попрошивше его в дом свои, выпить по чаре». И по прозбе зятее поворотил в дом, не видя их злобы, что болшая дочь подняла железную на чепьях подьворотню, чтоб его прибить. Но Илья усмотрел на воротах, ударил копием и вшиб до смерти.

И как поехал в Киев град, въезжает прямо на кнежецкий двор и входит
80 в полаты белокаменные, богу молитца и князю кланитца. И князь киевский спрашивал: «Скази, доброй молодець, как ты звать и которова города уроженець». Ответ держит Илья Муромец: «Мои государ, зовуть Ильюшкою, а по отчеству Иванов сын, а уроженець я города Мурома, села Карачорова». И князь спрашивал: «Которою дорогою ехал
85 изь Мурома?» — «Я, государь, ехал изь Мурома на Чернегов град, и подь Чернеговом побил войско бусурманское и смети³ неть, и очистил Чернегов град. И оттуда прямою дорогою поехал и взял силнова богатиря Соловья разбойника, которова и привезь с собою у стеремени булатнова». Но князь, осердясь: «Что ты обманивашь?» И
90 как его услышали богатири Алеша Поповичь да Добриня Никитичь, бросились смотреть и увидели, и князя уверили, што⁵ справедливо так. И приказал князь поднести кубок зелена вина доброму молодцу. И князя захотелось разбойнического свисту послушать. И Илья князя съ княгинею обернил в шуби саболы, и поставил их под мышки,⁶ и призвал Саловья,
95 и приказал впольсвиста засвистать. А Соловей разбойник засвистал во весь разбойнический свист и оглушил богатирей, что упали. И за то его взяль за ноги, ударил, и ушиб до смерти, и викинул в окошко, сказал: «Не люблю я таких неверных слуг».

Илья Муромец назвался з Добринию Никитичем братьями, и осед-
100 лали своих добрых коней, и поехали в чистие поля гулять. И ездили равно 3 месяца, не нашли себе сопотивника, толко наехали в чистом поле — идеть каличища прохожий, гуня на нем въ 50 пуд и шляпа въ 9, кастиль десять сажней. Илья Муромец стал на него напускать и хоцеть отведать своей сили богатирския. И уведал каличища прохожий⁷ Илью Муромца,
105 и говорить: «Ои еси ты, Илья Муромець, помниши ли, ми с тобою в одной школе грамоты учились, а нине ты на меня такова колеку и напускаеш, как на некова неприятеля, а то б ты не ведаеш, что в главном городе Киеве велика безгидушка учинилась. Приехал неверной силноу богатир Идо-
лища нечистивой, голова у него с пивной котел, в плечах сажень, промеж
110 бровами пядь, промежь ушей колена ст[р]елла, а ест он по биду, а пьет по котлу. И князь киевской велми о тебе соболезнуеть, что его [в] етакое печали оставил».

**История Ославномъ и Охрабромъ богатыре
Илье Муромце и Осоловье разбойнике.**

Властномъ было Тороме туроме всея паратароме славъ дв.
немъ пресвянннъ исанъ тимофѣевъ зумо было любимое
детище нль Муромецъ сдѣла оя сдѣлѣмъ 30 летъ и санъ 2,
минуло 30 летъ то сталъ онъ удѣлтъ наногахъ претно мощутн
себе слау великую издѣлалъ себе збрую ратную и санъ була
тное посѣла ноня себеа богатырснлаа и приходитъ поощу свое
и санъ нсталъ уни проситъ благословення: Гдн батюшка и ма
тушка блусните меня слашномъ ижеа градъ богу помолитца алъ
нляю инешному объявитца отцъ и мать сво даютъ ему бла
гословенне ннадутъ нанешо замятне явннне и говорятъ тамне
речя дозася ты шнелъ прляю натернговъ гра и будучи шутн
свое неделаа обиды и непролисан прови хрестн ансннн надрасно.

Прощание Ильи Муромца с родителями. Лубочная картинка начала XVIII века.

ГПБ, собрание А. В. Олсуфьева, т. XIII.

Илья Муромецъ пригавъ ушца мѣтти благословенне бою молитца,
 соотцамъ и матерю прощанца и поехалъ ахуть саомъ италѣ далеко
 заехалъ итѣмныя жеса что наеуалъ на таборы разбойныя итѣ
 разбойники ушдеи илю Муромца иразверилсѣ ушмѣ серлца рѣ
 боишгъ илю Муромца богатырскаа истаи мѣсту собои разговаривать
 чтобъ ашадъ бнать что мы станомъ инапаторыу мѣста неимъ,
 даамъ ине еднѣ напачомъ добромъ ине незнаемо каюта глѣтѣ
 истаи инамо Муромца напачомъ глѣтѣ по 10 ти и по 20 ти истаи -
 ильа Муромецъ останавливать иотъ своего богатырскаа ильа итаи
 истаи пожену стрелу напачомъ мѣтугомъ лунѣ итупити
 ильа стрелу по дземлю иполна стрела стала раздѣ аносую сѣмь
 ипидѣ что разбойники испугалсѣ исобираиѣ поединѣ прѣдъ итаи
 напачомъ истаи говорить гѣрь нашъ батюшка удалъ добронъ иудей
 пинчатъ мы прѣдътобомъ изанашу такую дину бери пазны снолю
 наобно аплатьа цветнода итабуны лошадемъ снолю згодно. нусте
 хнистѣ спаздѣ. непуры ине девать прѣстанъ уштинѣ свѣи бытиѣ тѣ
 аперѣдъ неаждѣтѣ стаа думатѣ.

Встреча Ильи Муромца с разбойниками. Лубочная картинка начала XVIII века.
 ГПБ, собрание А. В. Олсуфьева, т. XIII.

Нарядясь Илья Муромецъ в количища платья, и идетъ прямо на княжецкий дворъ, и закричал богатырским гласом: «Ои еси ти, киевский князь, сошли мне, количище прохожему, милостиню». И увидел ево князь, и говорил такови речи: «Поиди ко мне в полати, количища, я тебе накормлю и напою и золотой казни на дорогу дам». И вишел количища в полати, и стал в печи, поглядиваетъ. И Идолища... естъ. И принесли ему бика целова жирнова, и он ево с костьми съел. И Идолища просить пить, принесли котел пива, а несли 12 человека, и он взял за уши и выпил ево весь. Илья Муромецъ говорить: «Була у моего батюшки кобила обжирлива, обожралась и издохла». И Идолища не утерпел и говорить: «Ои еси ти, количища прохожий, що ти меня занимаешь? Мне нечего тебя в руку взять. Не толко что ти, каков у вас бил Илья Муромецъ, я би и с тим стичку даль». — «Да вот он каков». И схватил з себя шляпу, ударил ево в голову тихонко, толко прошиб стену полать, и, взявши туловище, туди ж викинул. И за то князь Илью Муромца почтил великими похвалами и причел⁸ в силния могучия богатири.

Конецъ.

16

ИСТОРИЯ О СЛАВНОМ И О ХРАБРОМ БОГАТЫРЕ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ
И О СОЛОВЬЕ РАЗБОИНИКЕ

В славном было городе Муроме, в селе Карачарове, жил в нем крестьянин Иван Тимофеевичъ. У него было любимое детище Илья Муромец. Сидел он сиднем 30 лет. И как минуло 30 лет, то стал он ходить на ногах крепко и ощутил в себе силу великую, и зделал себе збрую ратную и копие булатное, и оседлал коня своего богатырскова. И приходит ко отцу своему и к матери, и стал у них просить благословения: «Государи батюшко и матушка, отпустите меня в славной Киев град богу [помолиться] и князю киевскому объявитца». Отец и мать его дают ему благословение, и кладут на него заклатье великое, и говорят такие речи: «Пояжжай ты в Киев прямо на Чернегов град, будучи в пути своем, не делай обиды и не проливай крови христианьския напрасно».

Илья Муромецъ принел у отца у матери благословение, богу молитца, со отцем и матерью прощается и поехал в путь свои. И так далеко заехал в темные леса, что наехал на таборы разбоиничии. И те разбоиники увидели Илью Муромца, и разгорелись у них сердца разбоиничьи на коня богатырскова, и стали между собой разговаривать, чтоб лошадь отнять, что «мы такой ни в которых местах не видывали, а ныне едит на таком добром коне незнаемо какои та человек». И стали на Илью Муромца напускать человек по 10-ти и по 20-ти. И стал Илья Муромец останавливать коня своего богатырскога, и вынимал ис колчана калену стрелу, накладывает на тугой лук, и пустил калену стрелу под землю по колена, стрела стала рвать в косую сажень. И, видя то, разбоиники испужались, и собиравались во един круг, и пали на колена, и стали говорить: «Государь наш батюшко, удал доброй молодец, виноваты мы пред тобой! И за нашу вину бери казны сколько надобно, и платия цветнова, и табуны лошадей сколько угодно!» И усмехнувшись сказал: «Некуды мне деватися, но если хотите живы быть, то вперед [не] отваживайтесь его делать!»

И поехал в путь свои к славному граду Киеву, и подъезжает ко граду Чернигову. И под тем градом Черниговым стоит войско босурманское, что ему и сметы нет. И Чернигов град осадили, и хотят ево вырубить, и божили

церкви на дым пустить, а самово князя киберскаго и воеводу черниговскаго в полон взять.

И той великой силе Илья Муромец ужаснулса, однако положил на волю создателя своего господа бога, и въздумал положить главу свою за веру христианскую. И стал побивать силу босурманскую копием булатным, и всю силу поганую [побил], и царевича босурманскаго в полон взял, и ведет во град Чернигов.

И встречают из града Чернигова граждане с честью. Идет сам князь киберски и воевода черни[го]вски, принимают доброва молотца с честью, благодарение господу богу возсылают, что господь послал нечаяно граду очищение и не дал всем напрасно погибнуть от такой силы босурманския. И възяли ево в полаты своя, и сотвориша вели пир, и отпустиша его в путь свои.

Илья Муромец поехал ко граду Киеву прямою дорогою от Чернигова, которую заложил Соловей разбоиник ровно 30 лет, не пропускал ни коннова, ни пешева, а убивал не оружием, но своим разбоиничьим свистом. И выехал в чистое поле, и увидел попрыски богатырския, и по них поехал на те леса Брынския, на те грязи топучия, на мосты калиновы, к той реке Смородине. И Соловей разбоиник слышал себе кончину и бещастие великое, и, не допуская Илью Муромца за 20-ть верст, засвистал своим свистом разбоиничьим крепко, но богатырское сердце не устрасил. И, не допусая за 10-ть верст, засвистал громчая тово. И с тово свисту под Ильею Муромцем конь спотыкнулся. И приехал под самое гнездо, которое свито на двенатцети дубах. И Соловей разбоиник, на гнезде сидя, увидел светорускаго богатыря, и засвистал во весь свист разбоиничей, и хотел Илью Муромца убить до смерти. Илья Муромец снимал с себя тугой лук, накладывает калену стрелу и пустил на то гнездо Соловейное. И попал в правой глас и вышип вон. И Соловей разбоиник свалился з гнезда, что овсяной сноп.

Илья Муромец берет Соловья разбоиника, и привезал ево крепко к стремени булатному, и поехал к славному граду Киеву. На пути стоят полаты Соловья разбоиника. И как поровнялся Илья Муромец против полат разбоиничьих, у которых окна растворены, и в те окна смотрели разбоиничьи три дочери. И увидела меньшая дочь и закричала сестрам своим: «Вон наш батюшко едит з добычею и везет к нам мужика, привязана у стремени булатнова». А большая дочь посмотрела и заплакала горко: «Ето не батюшко наш едит, ето едит незнаемо какой та человек и везет нашава батюшка». И закричала мужиям своим: «Мужия наши милья, поежжайте мужику навстречу и отбейте у него нашава батюшка, не кладите наш род в таком позоре». И мужия их, сильные богатыри, поехали против светорускаго богатыря, кони у них добрыя и копия вострые, и хотят Илью на копьях поднять. И увидел их Соловей разбоиник и стал говорить: «Зятья мои милье, не позортесь вы и не дразните такова силнова богатыря, чтоб вам не принять смерти от него всем, лутче с покорностию попросите его в дом мой выпить по чаре зелна вина». И по прозбе зятьей и обворотил в дом, не ведая их злобы, что большая дочь подняла железную на цепях подворотню, чтоб ево прибить. Но Илья усмотрел ее на воротах, ударил копием и ушиб до смерти.

И как приехал в Киев град, въезжает прямо на княженецки двор и входит в полаты белокаменны, богу молится и князю кланяетца. И князь киевски спрашивал: «Скажи, доброй молодец, как тебя звать и которова города уроженец?» Ответ держит Илья Муромец: «Меня, государь, зовут Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, а уроженец я города Мурома. села Карачарова». И князь спрашивает: «Которою дорогою ехал из Му-

рома?» — «Я, государь, ехал из Муром на Чернигов град, и под Черниговым побил войско босурманское и сметы нет, и очистил Чернигов град. И 85 оттуда поехал прямою дорогою, и взял силнова богатыря Соловья разбойника, которова и привеза с сабои к стремени булатнова». Но князь осердясь сказал: «Што ты меня обманываешь?» И как ето услыша богатыри Алешка Попович да Добрыня Никитичь, бросились смотреть, и увидели, и князя утвердили, что справедливо так. Приказал князь поднести кубец 90 зелена вина доброму молотцу. И князю захотелось разбойническаго свисту послушать. Илья князя с княгинею обернул в шубы собоилыи и поставил их под пазухи, и призвал Соловья, и приказал впольсвиста засвистать. А Соловей разбойник засвистал во весь разбойничей свист и оглушил богатырей, что упали на пол. И за то ево Илья взял на ноги, ударил о пол 95 и ушип до смерти, и выкинул в окошко, сказал: «Не люблю я таких неверных слуг».

Илья Муромец назвальса з Добрынею Никитичем братьями, и оседлали своих добрых коней, и поехали в чистыя поля гулять. И ездили равно 3 месяца, не нашли себе сопровтивника, толко наехали в чистом 100 поле — идет колечища прохожеи, гуня на нем в 50-т пуд, шляпа в 9-ть пуд, костыль в 10 сажен. Илья Муромец стал на нево напущать и хочет отведать своей силы богатырския. И увидел колечища прохожеи Илью Муромца, и говорит: «Ои еси ты, Илья Муромец, помниш ли ты, мы с тобою в одной школе грамоте учились, а ныне ты на меня такова колеку напущаеш, как на некакова неприятеля, а того ты не ведаеш, что в славном городе Киеве великая безгодушка учинилась. Приехал неверной силой богатырь Идолища нечестивой, голова у нево с пивной котел, в плечах сажень, промеж бровми пядь, промеж ушей калена стрела, а ест он по быку, а пьет по котлу. И князь киевски вельми о тебе соболезнует, что ево в еда- 105 кой печали оставил».

И нарядясь Илья Муромец в колечищина платье, идет прямо на княженецкий двор, и закрычал богатырским голосом: «Ои еси ты, киевски князь, сошли мне, колечище прохожему, милостину». И увидя ево князь, и говорит такие речи: «Поди ко мне в полаты, колечища, я тебя накормлю и напою, 115 золотой казны на дорогу дам». И пошел колечища в полаты, и стал у печи, поглядывает. Идолища просит есть. И принесли ему быка целова жирнова, и он ево и с костми съел. И Идолища попросил пить, и принесли котел пива, а несли 12 человек, и он взял за уши, и выпил весь. Илья Муромец говорит: «Была у моево батюшка кобыла обжерлива, обожралась — издохъла». Идолища не утерпел и говорит: «Ои еси ты, колечища прохожее, што ты меня замаеш? Мне нечево тебя в руки взять. Не то што ты, каков у вас был Илья Муром[е]ц, я бы и с тем стычку дал». — «А вот он каков!» И схватил с себя шляпу, ударил ево в голову тихонко, толко прошип стену полат, и, взявши туловище, туды же выкинул. И за то князь Илью 125 Муромца почтил великими похвалы, и причел в силние могучия богатыри.

Сеи истории конец.

ИСТОРИЯ О СЛАВНОМ И О ХРАБРОМ БОГАТЫРЕ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И О СОЛОВЬЕ РАЗБОЙНИКЕ

В славном было городе Муроме, в селе Карачарове, жил в нем крестьянин Иван Тимофеевич. У нево было любимое детище Илья Муромец син. Уж он сидел 30 лет. И как минуло 30 лет, то стал он ходить на ногах крепко

и ощутил в себе силу великую, и делал себе збрую ратную и копье булатное, и оседлал коня своего богатырскова. И приходит ко отцу своему и матери, и стал у них просить благословения: «Государь батюшко и матушка, отпустите мене во славнои Киев град богу [помолиться], князю¹ киевскому об[ъ]явится». Отец и мать ево дает ему благословения, и кладут на него заклятье великое, и говорит такие речи:² «Поежай ты в Киев прямо на Чернигов град и, будучи в пути своем, не делаи обиды³ и не проливай крови христианския напрасно».

Илья Муромец принял у отца и у матери благословения, богу молитса, со отцем и с матерью прощается и поехал в путь свои. И так далеко заехал в темный леса, что наехал на таборы⁴ разбоиничей. И те разбоиники увидяли Илью Муромца, и разгорелись у них сердца разбоиничьи на коня богатырскова, и стали между собой разговаривати, чтобы лошадь отнять, что «мы такой ни в которых местах не видывали, а ныне едит на таком добром коне незнаемо какой та человек». И стали на Илью Муромца напущать человек по 10-ти и по 20-ти. И стал Илья Муромец останавливать коня своего богатырскова, и вынимать ис колчана калену с[т]релу. Накладывает на тугой лук и пустил калену с[т]релу под землю. И калена стрела [стала] рвать с косию сажень. И видате разбоиники испужались, и соби-
 20 рались во един круг, и пали на колени, и стали говорить: «Государь наш батюшко, удал доброй молодец! Виноваты мы пред тобой! И за нашу вину бери казны несколько надобно, и платья цветнова, и табуны лошадей
 25 сколко угодно!» Усмехнувшись сказал: «Никуды мне девать, но естли хотити живы быти, то впредь не отваживайтесь⁵ [этого] думать».

И поехал в путь свои к славному граду Киеву, и под[ъ]езжает ко граду Чернигову. И под тем градом Черниговым стоит воинско босорманское, что ему ни смерти нет. Чернигов град осадили и хотят ево вырубить, и божии церкви на дым пустить, а самова князя киберскова в полон⁶ взять.

И той великой силе Илья Муромец ужаснулся, однако положил на волю создателя своего господя бога и вздумал положить главу свою за верю христианскую. И стал побивать силу босорманскую капием булатным, и
 35 всю силу поганую и царевича босурманскова во полон взял, и ведет во град Чернигов.

И встречают из града Чернигова граждане с честью. Идет сам князь киберски и воеводы черниговский, принимают доброва молотца с честью, благодарение господю богу воссылают, что господь послал нечаено град[у]
 40 очищение и не дал всем напрасно погибнути от такой силы босурманския. И вели ево в полаты своя, и сотвориша велие пир, и отпустиша его в путь свои.

Илья Муромец поехал ко граду Киеву прямою дорогою от Чернигова, которую заложил Соловей разбоиник равно 30 лет, не пропускал ни коня
 45 нова, ни пешава и убивал не оружием, но своим разбоиническим свистом. И выехал в чистое поле, увидял попрыски богатырские и поехал. Поехал на те леса Брянския, на те грязи топучия, на мосты калиновы, к той реке² Смородине. И Соловей разбоиник послышал себе кончина и безчастие великое и, не допуская Илью Муромца за 20 пять верст, засвистал своим свистом разбоиническим крепко, но богатырской сердце не устрасил. И не
 50 допускает за 10 верст, засвистал громче тово. И с тово свисту под Ильею Муромцем конь споткнулся. И приехал под самую гнездо, которое свито на двенадцати дубах. И Соловей разбоиник, на гнезде седя, увиде[л] светорускога богатыря и засвистал во весь свист разбоиничей, хотел Илью Муромца убить до смерти. Илья Муромец снимает с себя тугой лук, накладывает калену стрелу, спустил на то гнездо соловиное. И попал⁶ в правой

и ощутил в себе силу великую, и делал себе зброю ратную и копье булатное, и оседлал коня своего богатырскова. И приходит ко отцу своему и матери, и стал у них просить благословения: «Государь батюшко и матушка, отпустите мене во славной Киев град богу [помолиться], князю¹ киевскому об[ъ]явится». Отец и мать ево дает ему благословения, и кладут на него заклятье великое, и говорит такие речи:² «Поежай ты в Киев прямо на Чернигов град и, будучи в пути своем, не делай обиды³ и не проливай крови христианския напрасно».

Илья Муромец принял у отца и у матери благословения, богу молится, со отцем и с матерью прощается и поехал в путь свой. И так далеко заехал в темный леса, что наехал на таборы⁴ разбойничи. И те разбойники увидя Илью Муромца, и разгорелись у них сердца разбойничи на коня богатырскова, и стали между собой разговаривати, чтобы лошадь отнять, что «мы такой ни в которых местах не видывали, а ныне едит на таком добром коне незнаемо какой та человек». И стали на Илью Муромца напущать человек по 10-ти и по 20-ти. И стал Илья Муромец остонавливать коня своего богатырского, и вынимать ис колчана калену с[т]релу. Накладывает на тугой лук и пустил калену с[т]релу под землю. И калена стрела [стала] рвать с косую сажень. И видате разбойники испужались, и собирались во един круг, и пали на колени, и стали говорить: «Государь наш батюшко, удал доброй молодец! Виноваты мы пред тобой! И за нашу вину бери казны несколько надобно, и платья цветнова, и табуны лошадей сколько угодно!» Усмехнувшись сказал: «Никуды мне девать, но естли хотити живы быти, то впредь не отваживайтесь⁵ [этого] думать».

И поехал в путь свой к славному граду Киеву, и под[ъ]езжает ко граду Чернигову. И под тем градом Черниговым стоит воинско босорманское, что ему ин смерти нет. Чернигов град осадили и хотят ево вырубить, и божиин церкви на дым пустить, а самово князя киберскаго в полон взять.

И той великой силе Илья Муромец ужаснулся, однако положил на волю создателя своего господя бога и вздумал положить главу свою за верю христианскую. И стал побивать силу босорманскую капием булатным, и всю силу поганую и царевича босурманскаго во полон взял, и ведет во град Чернигов.

И встречают из града Чернигова граждане с честью. Идет сам князь киберски и воеводы черниговскии, принимают доброва молотца с честью, благодарение господу богу воссылают, что господь послал нечаено град[у] очищение и не дал всем напрасно погибнути от такой силы босурманския. И вели ево в полаты своя, и сотвориша велие пир, и отпустиша его в путь свои.

Илья Муромец поехал ко граду Киеву прямою дорогою от Чернигова, которую заложил Соловей разбойник равно 30 лет, не пропускал ни коня нова, ни пешава и убивал не оружием, но своим разбойническим свистом. И выехал в чистое поле, увидя попрыски богатырские и поехал. Поехал на те леса Брянския, на те грязи топучия, на мосты калиновы, к той реке² Смородине. И Соловей разбойник слышал себе кончина и безчастие великое и, не допуская Илью Муромца за 20 пять верст, засвистал своим свистом разбойническим крепко, но богатырской сердце не утратил. И не допускает за 10 верст, засвистал громче тово. И с тово свисту под Ильею Муромцем конь споткнулся. И приехал под самую гнездо, которое свито на двенадцати дубах. И Соловей разбойник, на гнезде седя, увиде[л] светорускаго богатыря и засвистал во весь свист разбойничи, хотел Илью Муромца убить до смерти. Илья Муромец снимает с себя тугой лук, накладывает калену стрелу, спустил на то гнездо соловьиное. И попал⁶ в правои

и ощутил в себе силу великую, и делал себе збрую ратную и копье булатное, и оседлал коня своего богатырскова. И приходит ко отцу своему и матери, и стал у них просить благословения: «Государь батюшко и матушка, отпустите мене во славной Киев град богу [помолиться], князю¹ киевскому сб[ъ]явится». Отец и мать ево дает ему благословения, и кладут на него заклятье великое, и говорит такие речи:² «Поежай ты в Киев прямо на Чернигов град и, будучи в пути своем, не делай обиды³ и не проливай крови христианския напрасно».

Илья Муромец принял у отца и у матери благословения, богу молится, со отцем и с матерью прощается и поехал в путь свои. И так далеко заехал в темный леса, что наехал на таборы⁴ разбоиничи. И те разбоиники увидя Илью Муромца, и разгорелись у них сердца разбоиничьи на коня богатырскова, и стали между собой разговаривати, чтобы лошадь отнять, что «мы такой ни в которых местах не видывали, а ныне едит на таком добром коне незнаемо какой та человек». И стали на Илью Муромца напущать человек по 10-ти и по 20-ти. И стал Илья Муромец остонавливать коня своего богатырского, и вынимать ис колчана калену с[т]релу. Накладывает на тугой лук и пустил калену с[т]релу под землю. И калена стрела [стала] рвать с косую сажень. И видате разбоиники испужалися, и собирались во един круг, и пали на колени, и стали говорить: «Государь наш батюшко, удал доброй молодец! Виноваты мы пред тобою! И за нашу вину бери казны несколько надобно, и платья цвѣтнова, и табуны лошадей сколко угодно!» Усмехнувшись сказал: «Никуды мне девать,⁵ но естли хотити живы быти, то впредь не отваживайтесь [этого] думать».

И поехал в путь свои к славному граду Киеву, и под[ъ]езжает ко граду Чернигову. И под тем градом Черниговым стоит воинско босорманское, что ему ин смерти нет. Чернигов град осадили и хотят ево вырубить, и божию церкови на дым пустить, а самово князя киберского в полон взять.

И той великой силе Илья Муромец ужаснулся, однако положил на волю создателя своего господа бога и вздумал положить главу свою за верю христианскую. И стал побивать силу босорманскую капием булатным, и всю силу поганую и царевича босурманского во полон взял, и ведет во град Чернигов.

И встречают из града Чернигова граждане с честью. Идет сам князь киберски и воеводи черниговский, принимают доброва молотца с честью, благодарение господу богу воссылают, что господь послал нечаено град[у] очищение и не дал всем напрасно погибнути от такой силы босурманския. И вели ево в полаты своя, и сотвориша велие пир, и отпустиша его в путь свои.

Илья Муромец поехал ко граду Киеву прямою дорогою от Чернигова, которую заложил Соловей разбоиник равно 30 лет, не пропускал ни конянова, ни пешава и убивал не оружием, но своим разбоиническим свистом. И выехал в чистое поле, увидел попрыски богатырские и поехал. Поехал на те леса Брянския, на те грязи топучия, на мосты калиновы, к той реке² Смородине. И Соловей разбоиник послышал себе кончина и безчастие великое и, не допуская Илью Муромца за 20 пять верст, засвистал своим свистом разбоиническим крепко, но богатырской сердце не утратил. И не допускает за 10 верст, засвистал громче тово. И с тово свисту под Ильєю Муромцем конь споткнулся. И приехал под самую гнездо, которое свито на двенадцати дубах. И Соловей разбоиник, на гнезде седя, увидел[л] светорускаго богатыря и засвистал во весь свист разбоиничи, хотел Илью Муромца убить до смерти. Илья Муромец снимает с себя тугой лук, накладывает калену стрелу, спустил на то гнездо соловиное. И попал⁶ в правую

глас и вышиб вон. И Соловей разбойник свалился з гнезда, что овсяной сноп.

Илья Муромец берет Соловья разбойника и привязал его крепко к стремени булатному, и поехал к славному граду Киеву. На пути стоит полаты Соловья разбойника. И как поровнелся Илья Муромец против полаты разбойничей, и которых окна разтворены, и в те окна смотрели разбойничей три дочери. И увидяла меньшая дочь и закричала сестрам своим: «Вон наш батюшка идет с добычею и везет к нам мужика привязан[а] у стремя булатнова». А болшая дочь посмотри[л]а и заплакала горко: «Что не батюшко наш едет, что едет незнаемо какой то человек и везет нашева батюшка». Закричала мужьем: «Наши ли мужья милые! Поежаєте мужику навстречю, избеите у нева нашева батюшка, не кладите наш род таком позоре!» С мужьям их, сильные богатыри, поехали против светорускаго богатыря, кони у них добрыя, а копыя вострыя, и хотят Илью на копыя их поднять. И увидял их Соловей разбойник, и стал говорить: «Зятья мои милыя! Не позорьте вы и не дразните такова сильного богатыря, чтобы вам не принять смерти от него всем, лучше с покорностию попросите его в дом мои выпить по чаре зелена вина». И по прозбе зятен отворотил в дом, не ведая их злобы, что болшая дочь подняла железную на цепех подворотню, чтобы ево прибить. Но Илья усмотрил на воротах, ударил копием и ушиб до смерти.

И как приехал в Киев град, въезжает прямо на княженицьки двор и входит в полаты белокаменная, богу молитса и князю кланетса. Киевский спрашивал: «Скажи, доброй молодец, как тебе звать и которова города уроженец?» Ответ держит Илья Муромец: «Меня, государь, зовут Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, уроженец я городу Мурома, села Карачарова». И князь спрашивает: «Которою дорогою ехал из Мурома?» — «На Чернигов град. И под Черниговым побил воинско бусорманское и сметы⁷ нет, и ачистил Чернигов град. И оттуда поехал прямою дорогою, и взал силнова богатыря Соловья разбойника, которова и прив[е]з с сабои у стремени булатнова». Но и князь асердись сказал: «Што ты мене обманывашь?» И как эта услыша богатырь Алеша Попов да Добрыня Никитич, бросились смотреть и увидали, и князя и утвердили, что справедливо так. Приказал князь поднести кубец зелена вина доброму молоцу. И князю захотелся разбойническаго свисту послушать. Илья князя и с княгинею обернул в шубы саболы и поставя их под мышки, и призвал Салавья, приказал вполсвиста засвистать.⁸ А Салавей разбойник засвистал во весь разбойничей свист и оглушил богатыря, и что упали на пол. И за то ево Илья Муромец взял за ноги, и ударил о пол, и ушиб до 95 смерти, и выкинул в окошко, сказал: «Не люблю я таких неверных слуг».

Илья Муромец назва[л]ся з Добрынею Ни[ки]тичем братьями, и седлали своих добрых коней, и поехали в чистыя поля гулять. И ездили равно 3 месеца, не нашли себе сопротивника, толко наехали в чистом поле — 100 идет колечища прохожен, гуня на нем в 30 пуд, шляпа 3 пуд, кастыль в 10 сажен. Илья Муромец стал на нево напускает и хочет отведасть своєї силы, отведасть бога[ты]рские. И увидял колечища прохожен Илью Муромца, и говорит: «Он еси ты, Илья Муромец, помнишь ли ты, мы с тобою и в одной школе грамоте учились, а ныне ты на меня такова колику⁹ 105 напускаешь, как не на какова не наприятеля, а того ты не ведаешь, что в славном городе Киеве великая безгодушка учинилася. Приехал неверной силой богатырь Идолища нечестивой, голова у нево с пивной котел, в плечах сажень, промежь бровми пять, промежь ушей калена стрела, а ест

110 он по быку, а пьет по котлу. И князь киевский велми об тебе соболезнует, что ево в едакои пичали оставил».

Нарядясь¹⁰ Илья Муромец в колечищино платья, идет прямо на княженский двор и закричал богаты[р]ским голосом: «Ои ты, киевский князь! Сошли мне, колечище прохожему, милостину!» И увиде[л] его князь, и говорит таковыи речи²: «Поди ко мне в полаты, и стал колечища, тебе накормлю и напою, золотой казны на дорогу дам». И вошел колечищи в полаты, и стал у печи, поглядывает. И принесли ему быка целова жирнова, и он ево и с костми съел. Идолища попросил пить, и принесли ему пить котел пива 12 человек, и он взял за уши, и выпил ево весь. Илья Муромец 120 говорит: «Была у моево батюшка кобыла обжерчива, издохла». Идолища не утерпел и говорит: «Ои еси ты, колечища прохожен, што ты мене замаешь? Мне нечево тебя в руки взять, не то што ты, каков у вас был Илья Муромец, я бы и с тем стычку дал». — «Да вот он каков!» И схватил с себя шляпу, и ударил ево в голову тихонко, толко прошиб стену палат, 125 и, взявши туловищи, туды выкинул. За то князь Илью Муромца почтил великим похвалы¹¹ и причел в сильные богатыри могъ[уч]ны. Аминь.

18

[ИСТОРИЯ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ]

... Разбоиничей свист поглушил богатырей, то упали на пол. За то ево Илья Муромец взял¹ за ноги, ударил о пол и убил² до смерти, и выбросил за окошко, и сказал: «Не люблю я етих неверных слуг».

Илья Муромец назвались з Добрынею Никитичем братьями, и осед- 5 лали своих добрых коней, и поехали в чистое поле гулять. И ездили равно 3 месеца, не нашли себе супротивника. Наехали в чистом поле — идет каличище прохожее, а на нем гуня 50 пуд, шляпа 9 пуд, костыль 10 сажен. Илья Муромец стал на ево напускатце и хотел отведать силы своеи богатырские. И увидел каличище прохсже: «Ои еси ты, Илья Муромец, 10 помниш ли ты, как мы с тобою в одной школе грамоте учились? А ныне ты на меня, на такову колику, напускаеш, как на некотораго неприятеля,³ а того ты не ведаеш, что во славном городе Киеве учинилася безгодушка. Приехал неверной силой богатырь, голова у него с пивной котел, в плечах коса сажень, промеш бровми 5 четвертеи, промеш ушми калена стрела, 15 ест по быку, а пьет по котлу. Князь киевский весьма об тебе соболезнует, что ево [в] великой печали оставил».

И нарядясь Илья Муромец в платье колическое, идет прямо на княжеской [двор] и закричал богатырским голосом: «Ои еси ты, князь киевский, сошли каличищу прохожему милостыню!» И увидел его князь, и говорит такия речи: «Поди ко мне, коли[чи]ще прохожее, в полаты, я тебя напою и накормлю и золотой казны на дорогу дам». И пошел каличище в полаты, и стал у печи поглядывать. Идолищо просит исть. И принесли ему целого быка жирного. И он с костями съел. Идолищо просит пить. И принесли котел пива, а несли 12 человек, и он его⁴ взял за уши и выпил весь. И говорит Илья Муромец: «Была у моево батюшка кобыла обжорлива, обожралась — кабылу лопнуло». И Идолище не утерпел, и говорит: «Ои еси ты, каличище⁵ прохожее, что ты меня замаешь? Мне тебя нечево в руки взять. Не только, что ты,⁶ какои и был у вас Илья та Муромец, я бы и с тем стычку дал!» — «Да вот он каков!» Схватил с себя 30 шляпу и ударил его в голову тихонко, прошип стены полат и, взявши тулово, туды же выкинул. За то князь Илью Муромца почтил в славныя мочучия богатыри.

ИСТОРИЯ О СЛАВНОМ И О ХРАБРОМ БОГАТЫРЕ ИЛИЕ МУРОМЦЕ
И О СЛАВНОМ РАЗБОИНЕКЕ

В славном было городе Муроме, в селе Карачарове, жил в нем кресьянин Иванъ Тимофеичъ. У него было любимое детище Илия Муромецъ. Сидел он сиднем 30 лет. И как минуло 30 лет, то стал он ходить на ногах¹ крепко и отщупал в себе великую силу, и зделал себе збрую ратную и копие булатное, и оседлал коня своего богатырскаго. Приходит и ко отъцу⁵ своему и к матери и стал у них просить благословение: «Государь батюшко и матушка, отпустите меня в Киев град богу молится, царю киевскому объявится». Отец и мать дают ему благословение, и кладут на ево заклятие великое, и говорят такие речи: «Поеждаи ты в Киев прямо на Чернигов град, будучи от пути своем, не делай обиды, не проливаи крови христианской напрасно».

Илия Муромецъ принял у отца и матери благословение, богу молитъца, со отцем и матерью прощаетца и поехал в путь свои. И так далеко заехал в темныя леси, что наехал табуры разбоиничье. И те разбоиники увидели Илию Муромца, разгорелис у них сердца разбоиничье на коня богатырскаго, и стали между собою разговаривать, чтобъ лошадь у него отнять,¹⁵ что «мы такой ни в которых местах не видывали, он и едет на таком добрам коне незнаемой некоторой человек». И стали на Илию Муромца напущивать человек под десятьти, по двацать. И стал Илия Муромецъ остонавливать своего коня богатырскаго, и вынимал ис колчена колену стрелу, на²⁰ кладывает на тугои лук. И пустил калену стрелу под землю, и колена стрела [стала] рвать в косую сажень. Видя то, разбоиники испужалися, и собиралис во едины круг, и пали на колени, и стали говорить: «Государь наш батюшко, удал добрай молодецъ, виновати мы пред тобою. И за нашу вину бери казны сколко надобно, и платья зветныя, и табуны лошадеи²⁵ сколко угодна!» И усмехнувшись сказыл: «Некуды мне девать, но если хотите живы быть, то впредь не отваживайтесь етова делать!»

И поехал в путь ево к славному граду Киеву, и подежает ко граду Чернигову. И под тем градом Черниговом стоит войско босурманское, что ему и сметы нет. И Чернигов град осадили, и хотят ево вырубить, и божьи церкви³⁰ на дым пустить, а самово князя киевскаго и воеводу чернигавскаго в полон взять.

И той великой силе Илия Муромецъ ужаснулся, однако положил на волю создателя своего, господя бога, и вздумал положить свою главу за веру христианску. И стал то побивать силу босурманскую копием булатным, и всю силу поганую и царевича босурманскаго в полон взял, и ведет во град Чернигов.

И встречают из града Чернигова граждана с честью. Идет сам князь киевски и воевода черниговски, принимаю[т] уже добра молодца с честью, бла[го]дарение господу богу возсылают, что господь [дал] нечаенно граду⁴⁰ очищение о сем и не дал напрасно погибнути от такой силы босурманской. И вели ево в палаты, и сотворили вели пир, и отпустиша его в путь свои.

Илия Муромецъ поехал ко граду Киеву прамою дорогою от Чернигова, которую заложил Соловей 30 лет: не пропушал ни коннаго, ни пешева, а убивал ни оружием, но своим разбоиническим свистом. И выехал в чи⁴⁵стое поле, и увидел попрыски богатырские. По ним поехал на леса Брянския, на те грязи топучие, на мосты калиновы, к той реке Смородинной. И Соловей разбоиник послышал себе кончину и безчастие великое, не до-

пушал Илию Муромца за 20 верст, засвистал своим свистом разбоиническим крепко, на бага[ты]рское сердце не устрасил. И не допускает за 50 10 верст, засвистал громче того. Ис тово свисту под Ыльею Муромцем конь то спотыкнулся. И приехал под самое гнездо, которое свито на двенадцати дубах. И Соловей разбоиник, на гнезде сидя, увидел светороскаго богатыря, и засвистал во весь свист разбоиничей, и хотел Илию Муромца 55 убить до смерти.² Илия Муромец снимает с себя тугои лук, накладывает калену стрелу и пустил на то гнездо Соловьѣное. И попал в правы глаз и вышип вон. Соловей разбоиник свалился з гнезда, что овсянои сноб.

Илия Муромец берет Соловьѣ разбоиника и привязал ево крепко ко стремени булатному, и поехал к [с]лавному граду Киеву. На пути стоят палаты Соловьѣ разбоиника. И как поровнялся Илия Муромец против палат разбоинических, у которых окна раскрытые, и в те окна смотрят разбоиничье три дочери. И увидела меньшая³ дочь, закричала сестрам своим: «Вон наш батюшко едет з добычею и везет нам мужика, привязана у стремени булатнова». А болшая дочь посмотрела и з[а]плакала горко: 65 «Что не батюшко етат едет, незнамои какой тот человек и везет нашава батюшка». И закричала мужьям своим: «Мужья наши милые, поежайте навстречу, отбеите нашава батюшка и не кладите жен в таком позоре». Мужья их, сыльные богатыри, поехали [против] светороскаго богатыря, кони у них добрые и копы⁴ острые, и хотят Илью на копы поднять. 70 И увидел их Соловей разбоиник, и стал говорить: «Зятья мои милые, не поборитес вы и не дразните такова силнаго богатыря, чтоб вам⁵ смерти не принять всем. Луцше с покорностию просит в дом мои выпить по чаре⁶ зелена вина». И по прозбе зятьям отворотил в дом, не ведая их злобы, что болшая доч подняла железную на цепях подворотню, чтоб прибить. Но 75 Илья усмотрил на воротах, ударил копием и ушип до смерти.

И как приехал в Киев град, и прямо на княжески двор, входить в палаты белокаменны, богу молитца, князю кланятца. Князь же киевски спрашивает: «Скажи, доброй молодец, как тебя зват, которова города уроженец?» Ответ держит Илия Муромец: «Меня, государь, зовут Илюшкою, 80 а по отьчеству Иванов сын, а уроженец я города Мурома, села Карачарова». И князь спрашива: «Которою дорогою ехал из Мурома?» — «Я, государь, ехал из Мурома на Чернигов град, и под Черниговом побил воиско босурманское сметы нет,⁷ и очистил Чернигов град и под Черниговым. И отуда поехал прямою дорогою, и взяль силнова богатыря Соловьѣ разбоиника, которова привез с собою у стремени булатнова». Но князь, осердясь...

20

ИСТОРИЯ О СЛАВНОМ И О ХРАБРОМ БОГАТЫРЕ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И О СОЛОВЬЕ РАЗБОИНИКЕ

[1] В славном было городе Муроме, в селе Карачарове, жил в нем крестьянин Иван Тимофеевич. У него было любимое детище Илья Муромец. Сидел он сиднем 30 лет. И как минуло 30 лет, то стал он ходить на ногах крепко и ощутил в себе силу великую, и зделал себе збрую ратную и капью булатное, и оседлал коня своего богатырскава. И приходит 5 ко отцу своему и к матери, и стал у них просить благословения: «Государи батюшка и матушка, отпустите меня в славной Киев град богу помолитца, а к князю киевскому обявитца». Отец и мать ево дают ему благословение, и кладут на него заклятие великое, и говорят такие речи: «Поежай ты в Киев прямо на Чернигов град и, будучи в пути своем, не делай обиды, и не проливай крови христианския напрасно». 10

Ипоуаь апуь свак истааному граду иипу иподвезаьтв нораду
 гернигову иполтеьтв градомь герниговымь станиьтв консно боу
 рманское тто ету неметы неьтв игерниговь градь осаламь ихотяьтв
 его вырубить ибегит ириган надымь пустить асаламь ииза иибере-

ного иповедаду герниговскаго стивуь аполонь взлять.
 Итот великий силе илья муромець уваснуьса адмано полоньтв на
 ядолю создателя своего гда бга наьзлужаьтв полонить глазу свою
 зареру христианскую истаьтв побиваьтв силу боуриманскую иалымьтв
 булстнымьтв насю силу поганую побил ицравьтв боуриманскаго иь
 полонь взляь наедетв поврадь герниговьтв.

Иастречаьтв израда герниговьтв градоуе стестно иадтвдсй
 иизь ииберсиан иповедаьтв герниговскаим прамикомьтв доброты
 молотца стестно. Благодаренне гостоду богу возсылаьтв,
 тто гостодь прамла негаканно градь огнищение инедаьтв всемь
 инапрасно погубитиьтв агаион славы боуриманския наьзляьтв его
 аполоньтв своя истпоривша велик прьтв, котьтвпустивша его апуьтв соим.

Илья Муромец под Черниговом. Лубочная картинка начала XVIII века.

Илья Муромецъ поехъ ко граду ишеу тремя дорогами от гермога
 итарю заложил салашем разбойникъ родно зю ле непропускалъ ни
 конюга иппеша дубина въ непусти неосомъ разбойникъ
 санста и мыхалъ ичистое поле кураде попрыси богатырския
 ипони поеха ипреха напе леса бряксия напе грязи топугна на
 твасты ищиноы ипоти репе стародине : И солодеи разбитыи поцышсуд
 себе понгину небсчастие ищиное инедопустила илья Муромца за
 20 ть перств засанста и своимъ санста и разбойникымъ ирепи
 но богатырское сердце неустрашила инедопустила еще за 10 перств
 засанста и громче твасты ипоти сансту падвильею Муромцемъ по
 сть ииука ипреха подсамо гнездо которое санта надренатцати
 дуба и солодеи разбойникъ нагнезде сие уанге светоруснаго богаты
 изаханта повесь санста разбойникемъ и хатте илю Муромца убитъ
 досертя илья Муромецъ снимает себя тугон луид наисадына светь наду
 стрелу ипидит ипоти гнездо солодинное ипоти ипрати гадъ иишепъ по
 ищиваи разбойни салаша гнезда что осланомъ свель :

Илья Муромец стреляет в сидящего на дереве Соловья-разбойника.
 Лубочная картинка начала XVIII века.

ГПБ, собрание А. В. Осуфьева, т. XIII.

[2] Илья Муромец принял у отца и матери благословение, богу молитца, со отцом и матерью прощайтца и поехал в путь свои. И так далеко заехал в темны леса, что наехал на таборы разбойничьи. И те разбойники увидели Илью Муромца, и разгорелис у них сердца разбойничьи на коня 15 богатырскава, и стали между собою разговаривать, чтоб лошадь отнять, что «мы такой ни в каторых местах не видывали, а ныне едит на таком добром коне незнаемо какой та человек». И стали на Илью Муромца напущать человек по 10-ти и по 20-ти. И стал Илья Муромец останавливать коня своего богатырскаго, и вынимал ис колчана колену стрелу, накладывает на тугой лук. И пустил калену стрелу под землю, и колена стрела стала рвать в косую сажень. И, видя то, разбойники испужалис, и соби- 20 ралис во един круг, и пали на колени, и стали говорить: «Государь наш батюшка, удал доброй молодец, виноваты мы пред тобою! И за нашу такую вину бери казны сколько надобно, и платья цветнова и табуны лошадей сколько угодно!» И усмехнувшись сказал: «Некуды мне девать, но естли хатите живы быть, то вперед не атважтис етава думать!»

[3] И поехал в путь свои к славному граду Киеву, и подъезжаит ко граду Чернигову. И под тем градом Черниговым стоит воинско босурманское, что ему и сметы нет. И Чернигов град осадили, и хотят ево вырубить, и бо- 30 жии церкви на дым пустить, а самага князя киберскаго и воеводу черниговскаго живых в полон взять.

И той великой силе Илья Муромец ужаснулса, однако положил на волю создателя своего, господа бога, и вздумал положить главу свою за веру христианскую. И стал побивать силу босурманскую капьем булат- 35 ным, и всю силу поганую побил, и царевича босурманскаго в полон взял, и ведет во град Чернигов.

И встречают из града Чернигова граждане с честью. Идет сам князь киберской и воевода черниговской, принимают доброва молотца с честью, благодарение господу богу возсылают, что господь прислал нечаянно 40 граду очищение и не дал всем напрасно погибнути от такой силы босурманския. И взяли ево в полаты своя, и сотвориша велии пир, и отпустиша его в путь свои.

[4] Илья Муромец поехал ко граду Киеву прямою дорогою от Чернигова, которую заложил Салавей разбойник ровно 30 лет: 45 не пропускал ни коннова, ни пешева, а убивал не оружием, но своим разбойничьим свистом. И выехал в чистое поле, и увидел дел попрыски богатырския, и по них поехал. И приехал на те леса Брянския, на те грязи топучия, на мосты калиновы, к той реке Смородине. И Соловей разбойник послышал себе кончину и бесц- 50 стие великое и, не допуская Илью Муромца за 20-ть верст, засвистал своим свистом разбойничьим крепко, но богатырское сердце не устранил. И, не допустя еще за 10 верст, засвистал громче таво. И с того свисту под Ильею Муромцем конь спотыкнулса. И приехал под самое гнездо, которое свито на двенатцати дубах. И Соловей разбойник, на гнезде сидя, 55 увидел светорускаго богатыря, и засвистал во весь свист разбойничей, и хател Илью Муромца убить до смерти. Илья Муромец снимает с себя тугой лук, накладывает калену стрелу и пустил на то гнездо Соловиное. И попал в право глазу и вышеп вон. И Соловей разбойник свалилса з гнезда, что овсяной сноп. 60

[5] Илья Муромец берет Соловья разбойника, и привезал ево крепко к стремени булатному, и поехал к славному граду Киеву. И на пути стоят палаты Салавья разбойника. И как поровнялса Илья Муромец против палат разбойничьих, у которых окна растворены, и в те окна смотрели раз-

[2] Илья Муромец принял у отца и матери благословение, богу молитца, со отцом и матерью прощайца и поехал в путь свои. И так далеко заехал в темны леса, что наехал на таборы разбоиничьи. И те разбоиники увидели Илью Муромца, и разгорелис у них сердца разбоиничьи на коня 15 богатырскава, и стали между собой разговаривать, чтоб лошадь отнять, что «мы такой ни в каторых местах не видывали, а ныне едит на таком добром коне незнаемо какой та человек». И стали на Илью Муромца напущать человек по 10-ти и по 20-ти. И стал Илья Муромец останавливать коня своего богатырскаго, и вынимал ис колчана колену стрелу, накладывает на тугой лук. И пустил калену стрелу под землю, и колена стрела стала рвать в косую сажень. И, видя то, разбоиники испужалис, и собиралис во един круг, и пали на колени, и стали говорить: «Государь наш батюшка, удал доброй молодец, виноваты мы пред тобою! И за нашу такую вину бери казны сколько надобно, и платья цветнова и табуны лошадей сколько угодно!» И усмехнувсис сказал: «Некуды мне девать, но естли хатите живы быть, то вперед не атважтис етава думать!»

[3] И поехал в путь свои к славному граду Киеву, и подъезжаит ко граду Чернигову. И под тем градом Черниговым стоит войско босурманское, что ему и сметы нет. И Чернигов град осадили, и хотят ево вырубить, и бо жии церкви на дым пустить, а самага князя киберскаго и воеводу черниговскаго живых в полон взять.

И той великой силе Илья Муромец ужаснулса, однако положил на волю создателя своего, господа бога, и вздумал положить главу свою за веру христианскую. И стал побивать силу босурманскую капьюм булатным, и всю силу поганую побил, и царевича босурманскаго в полон взял, и ведет во град Чернигов.

И встречают из града Чернигова граждане с честью. Идет сам князь киберской и воевода черниговской, принимают доброва молотца с честью, благодарение господу богу возсылают, что господь прислал нечаянно граду очищение и не дал всем напрасно погибнути от такой силы босурманския. И взяли ево в полаты своя, и сотвориша велии пир, и отпустиша его в путь свои.

[4] Илья Муромец поехал ко граду Киеву преую дороую от Чернигова, которую заложил Салавей разбоиник ровно 30 лет: 45 не пропущал ни коннова, ни пешева, а убивал не оружием, но своим разбоиничьим свистом. И выехал в чистое поле, и увидел попрыски богатырския, и по них поехал. И приехал на те леса Брянския, на те грязи топучия, на мосты калиновы, к той реке Смородине. И Соловей разбоиник послышал себе кончину и бесщастие великое и, не допуская Илью Муромца за 20-ть верст, засвистал своим свистом разбоиничьим крепко, но богатырское сердце не утрашил. И, не допустя еще за 10 верст, засвистал громче таво. И с тово свисту под Ильею Муромцем конь спотыкнулса. И приехал под самое гнездо, которое свито на двенатцати дубах. И Соловей разбоиник, на гнезде сидя, 55 увидел светорускаго богатыря, и засвистал во весь свист разбоиничей, и хател Илью Муромца убить до смерти. Илья Муромец снимает с себя тугой лук, накладывает калену стрелу и пустил на то гнездо Соловиное. И попал в правой глаз и вышеп вон. И Соловей разбоиник свалилса з гнезда, что овсяной сноп. 60

[5] Илья Муромец берет Соловья разбоиника, и привезал ево крепко к стремени булатному, и поехал к славному граду Киеву. И на пути стоят палаты Салавья разбоиника. И как поровнялса Илья Муромец против палат разбоиничьих, у которых окна растворены, и в те окна смотрели раз-

- 65 боиничьи три дочери. И увидела меньшая дочь и закричала сестрам своим: «Вон наш батюшка едит з добычею и везет к нам мужика, привязана у стремени булатнава». А большая дочь пасматрела и заплакала горко: «Это не батюшка наш едит, эта едит незнаемо какой та человек и везет нашива батюшку». И закричала мужьям своим: «Мужья наши милыя,
- 70 поезжайте к мужику навстречу и отбеитя у него нашива батюшку, не кладите наш род в таком позоре!» И мужья их, сильные богатыри, поехали против светорускаго богатыря, кони у них добрыя и копыя вострыя, и хотят Илью на копыя поднять. И увидел их Соловей разбойник, и стал говорить: «Зетья мои милыя, не позортес вы и не дразните такова силнова
- 75 богатыря, чтоб вам не принять смерти от него всем, лутче с покорностию попросите его в дом мой выпить по чаре зелена вина». И по прозбе зятен поворотил в дом, не ведая их злобы, что большая дочь подняла железную на цепях подворотню, чтоб ево пришибить. Но Илья усмотрел ею на воротах, ударил копием и ушиб до смерти.
- 80 [6] И как приехал в Киев град, въезжает прямо на княженецки двор и входит в полаты белокаменные, богу молитя и князю кланитца. И князь киевски спрашивал: «Скажи, доброй молодец, как тебя звать и которава города уроженец?» Ответ держит Илья Муромец: «Меня, государь, зоут Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, а уроженец я города Муром, села
- 85 Карачарова». И князь спрашивает: «Которою дорогою ехал из Муром?» — «Я, государь, ехал из Муром на Чернигов град, и под Черниговым побил войско босурманское и сметы нет, и очистил Чернигов град. И оттуда поехал прекою дорогою, и взял силнова богатыря Соловья разбойника, которава и привел с сабои у стремени булатнава». Но князь осердяс сказал: «Што ты обманываеш?» И как эта услыша богатыри
- 90 Алеша Поповичь да Добрыня Никитичь, бросилис смотреть, и увидели, и князь уверили, што справедливо так. И прика[за]л князь поднести кубец зелена вина доброму молотцу. И князю захотелас разбойническаго свисту послушать. И Илья князя с княгинею обернул в шубы сабольи, и поставя
- 95 их под мышкы, и призвал Салавья, приказал вполсвиста засвистеть. А Салавей разбойник засвистал во весь разбойничей свист, поглушил богатырей, что упали на пол. И за то ево Илья взял за ноги, ударил о пол и ушиб до смерти, и выкинул в окошко, сказал: «Не люблю я таких <неверных слуг>».
- 1 00 [7] А Илья Муромец назвалса з Добрыней Никитичем братьями, и оседлали своих добрых коней, и поехали в чистыя поля гулять. И ездили ровна 3 месяца, не нашли себе сопотивника, толко наехали в чистом поле — идет колечища прохожей, гуня на нем в 50 пуд, шляпа в 9 пуд, кастыль 10 сажен. Илья Муромец стал на него напущать и хочит отведачь
- 1 05 своеи силы богатырския. И увидел колечища прохожей Илью Муромца, и говорит: «Ои еси ты, Илья Муромец, помниш ли, мы с тобою в одной школе грамоте училис, а ныне ты на меня такова колеку напускаеш, как на некакова неприятеля, а того ты не ведаеш, что в славном городе Киеве великая безгодушка учинилас. Приехал неверной силой богатырь Идо-
- 110 лица нечестивой, голова у него с пивной котел, в плечах сажень, промеж бровми пядь, промеж ушей колена стрела, а ест он по быку, а пьет по котлу. И князь киевски велми об тебе соболезнает, что ты ево в едакои печали оставил».
- [8] И нарядяс Илья Муромец в колечищина платья, и едет прямо на
- 115 княженецки двор, и закричал богатырским голосом: «Ои еси ты, киевски князь, сошли мне, колечище прохожему, милостину». И увидел ево князь, и говорит таковы речи: «Поди ко мне в полаты, колечища, я тебя на-

кормлю и напою и золотой казны на дорогу дам». И вошел колечища в полаты, и стал у печи, поглядывает. И Идолища просит есть. И принесли ему быка целова жирнова, и он ево и с костми съел. И Идолища попросил 120 пить, и принесли котел пива, а несли 12 человек, и он взял за уши, и выпил ево весь. Ильѳа Муромецъ говорит: «Была у моево батюшки кобыла обжерлива, обожралас и издохла». И Идолища не утерпел и говорит: «Ои еси ты, количища прохожеи, што ты меня замаш? Мне нечево тебя в руки 125 взять. Не то што ты, каков у вас был Ильѳа Муромецъ, я бы и с тем стычку дал!» — «Да вот он каков!» И схватил с себя шляпу, ударил ево в голову тихонко, толко прошиб стену полат, и, взявши туловище, туды ж выкинул. И за то князь Ильѳа Муромца почтил великими похвалы, и причел в сильныя могучия богатыри.

И сеи истории конецъ.

130

21

ИСЪТОРИЯ О СЛАВНОМ И ХРАБРОМ БАГАТЫРЕ ИЛЬѳЕ МУРОМЦЕ И О СОЛОВЬЕ РАЗЪБОИНИКЕ

В славном было городе Муроме, в селе Карачарове, жил в нем крестьянин Иван Тимофеевич. У него было любимое детище Ильѳа Муромецъ. Сидел он сиднем 30 лет. И как минуло 30 лет, то стал он ходить на ногах крѳепко и ощутил в себе силу великую, и зъделал себе збрую рать[ную] и копье булатное, и оседлал коня своего багатырскова. И приходил ко 5 отцу съвоему и к матери, и сътал у них просить благословения: «Государи батюшко и матушка, отъпустите меня в славной Киев град богу помолится, а князю киевскому объявится». Отец и мать ево дают ему благословение, и кладут на него заклание великое, и говорят такие речи: «Поежай ты в Киев прямо на Чернигов град и, будучи в пути своем, не 10 делаи обиды и не проливаи крови христианския напрасно».

Ильѳа Муромецъ принял у отца и матери благословение, богу молитъца, со отцем и матерью прощается и поехал в путь свои. И тако далеко заехал в темны леса, что наехал на таборы разбоиничьи. И те разбоиники увидели Ильѳу Муромца, и разгорелись у них сердца разбоиничьи на коня багатырскова, и стали между собою разговари[ва]тъ, чтоб 15 лошадь отнять, что «мы такой ни в которых местах не видывали, а ныне едет на таком добъром коне незнаемо такой то человек». И стали на Ильѳу Муромца напуцать человек по 10-ти и по 20-ти. И сътал Ильѳа Муромецъ останавливать коня своего багатырскога и вынимал ис кончана калену 20 стрелу, накладывает на тугои лук. И пустил калену стрелу под землю, и калена стрела¹ стала рвать в косую сажень. И, видя то, разбоиники испужались, и собирались во един круг, и пали на [ко]лени, и стали говорить: «Государь наш батюшъко, удал доброй молодецъ, виноваты мы пред тобою! И за нашу такую вину бери казны сколько надобъно, а платьѳа цвѳет- 25 ново и табуны лошадеи съколко угодно!» И усмехнувъшись сказал: «Некуда мне девать, но есътали хотите живы быть, то впередь не отъваждесь етова думать!»

И поехал в путь свои к славному граду Киеву, и подъезжает ко граду Чернигову. И под тем градом Черниговым стоит войско босурманское, 30 что ему и съметы нет. И Чернигов град осадили, и хотят ево вырубить, и божии церкви на дым пустить, а самого князя киберскога и воеводу черниговскога живых в полон възять.

И той великой силе Ильѳа Муромецъ ужаснулся, одънако положил на волю создателя своего, господа бога, и въздумал положить гълаву свою 35

за веру христианскую. И стал побивать силу босурманскую копием булатным, и всю силу поганую побил, и царевича босурманскаго в полон възял, и ведет во град Чернигов.

И въстречают из града Чернигова граждане с честью. Идет сам князь киберской и воевода черниговской, принимают доброва молотъца с честью, благодарение господу богу возсылают, что господь прислал нечаянно граду очищение и не дал всем напрасно погибнуть от такой силы босурманския. И взяли ево в полаты своя, и сотворища велии пир, и отпустиша его в путь съвои.

Илья Муромец поехал ко граду Киеву прямою дорогою от Чернигова, которую заложил Соловей разбойник ровно 30 лет, не пропушал ни конново, ни пешево, а убивал не оружием, но своим разбойничьим свистом. И выехал в чистое поле, и увидял попрыски багатырския, и по них поехал. И приехал на те леса Брянския, на те грязи топучия, на мосты калиновы, к той реке Съмородине. И Соловей разбойник послышал себе кончину и бесъщастие великое и, не допуская Илью Муромца за 20-ть верст, засвистал своим свистом разбойничьим крепко, но багатырское сердце не усътрашил.² И, не допустя еще за 10 верст, засвистал громче того. И с того свисту под Ильєю Муромцем конь потъкнулся. И приехал под самое гнездо, которое свито на двенатцати дубах. И Соловей разбойник, на гнезде сидя, увидял светлорускаго багатыря, и засвистал во весь свист разбойничей, и хотел Илью Муромца убить до смерти. Илья Муромец снимает с себя тугои лук, накладывает калену стрелу и пустил на то гнездо Соловьиное. И попал в правой глаз и вышиб² вон. И Соловей разбойник съвалился з гнезда, что овъсяной съноп.

Илья Муромец берет Соловья разбойника, и привязал ево крепко к стремяну булатному, и поехал к славному граду Киеву. И на пути стоят палаты Соловья разбойника. И как поровнялся Илья Муромец против полат разбойничьих, у которых окны растворены, и в те окны смотрели разбойничьи три дочери. И увидяла меньшая² дочь, и закричала сестрам своим: «Вон наш² батюшко едет з добычею и ведет к нам мужика, привязана у стремени булатнова». А большая дочь посъмотрела и заплакала горко: «Это не батюшко² наш² едет, это едет незънаемо какой то человек и везет нашево² батюшка». И закрывала мужьямь своим: «Мужья наши² милыя, пожайте к мужику навстречю и отбейте у него нашева² батюшка,² не къладите наш род в таком позоре!» И мужья их, сильные багатыри, проехали против светорускаго багатыря, кони у них добърья и копыя вост[р]ыя, и хотят Илью на копыях поднях. И увидял их Соловей разбойник, и сътал говорить: «Зетья мои милыя, не позортесь вы и не дразните таква силнова багатыря, чтоб вам не принят смерти от него всем, лутче с покорьностью попросите его в дом мои выпить по чаре зелена вина. И по прозбе зятен поворотил в дом, не ведя их злобы, что большая дочь подняла железную на цепях подъворотню, чтоб ево пришибить.² Но Илья усмотрел ею на воротах, ударил копием и ушиб до смерти.

И как приехал в Киев град, въезжает прямо на княженецки двор и въходит в полаты белокаменные, богу молится и князю кланетца. И князь киев<с>ки спрашивал: «Скажи, доброй молодец, как тебя звать и которова города уроженец?» Отъвет держит <Илья Мур>омец: «Ме<кня, государь, зовут> Илюшка<ою, а по отчеству> Иван<ов сын, а уроженец> я <города Мур>ома, села Качарова». И князь спрашивал: «Но которою дорогою ехал из Мурома?» — «Я, государь, ехал из Мурома на Чернигов град, и под Черниговым побил войско босурманское³ и сметы нет, и очисти́л Чернигов град. И <о>тътуда поехал прямою дорогою, и взял силнова багатыря

Соловья разбойника, которова⁴ и привел с собою <у стремени> булатнова». Но <князь осердясь> сказ[ал]: «Шь<то ты обманы>ваеш?» <И как эта 90 услыша> бага<тыри Алеша Поповичь> да Добрыня Никитичь, бросились смотреть, и увидяли, и князя уверили, што справедливо так. И приказал князь подьнести купец зелена вина доброму молотцу. И князю захотелось разбойническаго свисту послушать. Илья князя с княгинею обернул] в шубы саболы, и поставя их под мышки, и призвал Соловья, и прика[за]л 95 въпольсвиста засвистеть. А Соловьи разбойник засвистал во весь разбойничеи свист и ог[л]ушил² богатыреи, что упали на пол. И за то ево Илья. . .⁵

А Илья Муромец назвался з Добрыней Никитичем братьями, и оседьлали своих добрых коней, и поехали в чистыя поля гулять. И ездил ровню три месяца, на нашли² себе сопровивника, только наехали в чистом 100 поле — идет колечища прохожеи, гуня на нем в 50 пуд, шляпа в 9 пуд, костыл 10 сажень. Илья Муромец стал на него напушати и хочет отьведати свои силы богатырския. И увидял колечища прохожеи Илью Муромца, и говорит: «Он еси ты, Илья Муромец, помниш ли, мы с тобою в одной шьколе² грамоте учились, а ныне ты на меня, такова колеку, на- 105 пускаеш,² как на некакова неприятеля, а того ты не ведаеш,² что в славном городе Киеве великая безгодушька учинилас. Приехал невернннй силнои богатыр Идолиша нечестивои, голова у него с пивнои котел, в плечах сажень, промеж бровми пять, промеж ушей калена сътърела, а ест он по быку, а пьет по котлу. И князь киевски велми об тебе соболезнует, что ты 110 ево в едакои печали осътавил».

И нарядясь Илья Муромец в колечишина платье, и идет прямо на княженецки дьвор, и закричал богатырским гласом: «Он еси ты, киев- [с]ки княз, сошли мне, колечище прохожему, милостину». И увидел ево 115 князь, и говорит таковы речи: «Поди ко мне в полаты, колечища, я тебя накормлю и напою и золотои казны на дорогу дам». И вошел² колечища в полаты, и сътал у печи, поглядываает. И Идолища просит ест. И принесли ему быка целова жирнова, и он ево и с костми съел. И Идолища попросил пить, и принесли⁶ котел пива, а несли⁷ 12 человек, и он взял за уши,² и выпил ево весь. Илья Муромец говорит: «Была у моего ба- 120 тюшка кобыла обьжерлива, обожралас и изьдохла». И Идолища не утерпел и говорит: «Он еси ты, колечища прохожеи, што ты меня замаеш? Мне нечево тебя в руки взять. Не шьто² ты, каков у вас был Илья Муромец, я бы и с тем стычку дал!» — «Да вот он каков!» И схватил с себя шьяпу,² ударил ево в голову тихонко, толко прошиб стену полат, и, взявши туловише, туды ж выкинул. И за то княз Илью Муромца почти великими 125 похвалы, и причел в силныя могучия богатыри.

И сей истории конец.

СКАСКА О СЛАВНОМ И ХРАБРОМ БАГАТЫРЕ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И СОЛОВЬЕ РАЗБОЙНИКЕ

[1] В славном было городе Муроме, в селе Карочарове, жил в нем крестьянин Иван Тимофеевич. У него было любимое детище Илья Муромец. Сидел¹ он сиднем 30 лет. И как минуло 30 лет, и то стал он ходит на ногах крепко, и ошитил в себе силу великую, и зделал себе збрую ратную, копье булатное, и седла коня своего богатырс[к]аго. Приходит ко 5 отцу² своему и матери и стал у них просит благословение: «Государи батюшко и матушка, отпустите меня в словной Киев град богу помолитца, а князю киевскому объявиться». Отец и мат дают ему благословение,

кладут на нево заклятие великое и говорят такие речи: «Поезжай ты в Киев прямо на Чернигов град и, будучи в пути своем, не делай обиды, не проливаи крови христианскои напрасн[о]».

Илья [2] Муромец принял у отца матери благословение, богу моляща, со отцо[м] и матерью прощаетца и поехал в пут свои. И так далеко заехал в темный леса, что наехал на топоры разбоиничеи. И те разбоиники уви-
15 дели Илью Муромца, и разгарелис у них сердца разбоиничьи на коня богатырского, и стали между собою разговаривать, чтоб лошад отнять, что «мы такой и ни в которых мастах не видели, а ныне едет на таком добром коне незнаемо какой то человек». И стали на Илью Муромца напущать человек по 10-ти³ и по 20-ти. Стал Илья Муромец останавливаться коня своего
20 богатырского и вынимал с колчана калену стрелу, накладывает на тугои лук. И пустил калену стрелу под землю, колена стрела рвать в косую сажень. И, видя то, разбоиники спужались, собирались во един груг, пали на колени, стали говорит: «Госу[да]рь батюшко, удал доброй молодец, виноваты мы пред тобою! И за нашу такую вину бери казны сколько на-
25 добно, и платья цветнаго, тобуны лошадеи сколько угодно!» Усмухнушис сказал: «Некуды мне девать, но естли хотите живы быть, так впереть не [3] отважтесь етово думат!»

Приехал в путь свои к славному граду Чернигову, пот тем градом Черниговым стоит воиско босурманское, что ему и сметы нет. Чернигов град
30 осадили и хотят ево вырубить, божии церкви на дым пустит, а самага князя ильберскаго, воеводу черниговсаго живых в полон взять.

И той великои силе Илья Муромец ужаснулся, однако положил на волю создателя своего, господа бога, и взумал положить главу свою за веру христианскую. И стал побивать силу босурманскую копием булатным, и всю силу поганую побил, и царевича босурманскаго в полон взял,
35 и ведет во град Чернигов.⁴

Встречают из града⁵ Чернигов граждана с честью. Идет и сам князь киберской и воевода черниговсои, принимают добрава молотца с честью,⁶ благодарение господу богу восылають, что господь присла нечаяно
40 граду очищение и не дал всем напрасно погибнут от такой силы босурманския. И взяли ево в полаты своя, и сотвориша велии пир, и опустиша его в путь свои.

Илья Муромец поехал ко граду Киеву прекою дорогою о[т] Чернигова, которую заложил Салавеи разбоиник ровно 30 лет: не пропускал ни конного, не пешаго, а бивал не оружием, но своим разбоиничьим свистом.
45 Выехал в чистое [4] поле, и видел попрыски богатырьския, и по них поехал. И приехал на те леса Брянские, на те грязи топучии, на мосты калиновы, к той реке Смородине. И Соловеи разбоиник послышал себе кончину и бесшастие великое, и, не допуская Илью Муромца за 20 то
50 верст, засвистал своим свистом разбоиничьим крепко, но богатырское сердце не утрашит. И, не допуская еще за 10 верст, засвистал громче тако. И с тово свисту под Ильею Муромцом конь спотыкнулся. Приехал под самое гнездо, которое свито на двенадца дубах. Соловеи разбоиник, на гнезде сидя, увидел светорускаго богатыря, засвистал во вес свист разбоиничеи
55 и хотел Илью Муромца убить до смерти. Илья Муромец снимает с себя тугои лук, накладывает калену стрелу и пустил на то гнездо Соловиное. И попал в право глаз, вышип вон. И Соловеи разбоиник свалился з гнезда, что овсяной сноп.

Илья Муромец берет Соловья разбоиника, и превязал ево крепко
60 к стремени булатному, и поехал к славному граду Киеву. И на пути стоя палаты Соловья разбойника. И как поровнялся [5] Илья Муромец против

палат⁷ разбоиничьих, у которых окна растворены, на тех окнах смотрели разбоиничьи три дочери. И видела ме[н]шая дочь, и закричала сестрам своим: «Вот наш батюшка едет з добычею и везет к нам мужика, привязана у стремены булатнева». И большая дочь посмотрела, и заплакала 65 корко: «Ето не батюшко наш едит, ето едет незнаемо какой то человек и везет нашево батюшку». Закричала мужьям своим: «Мужья наши мылыя, поезжайте к мужику настречю и отбеитя у нево нашево батюшку, не кладите наш род в таком позоре!» И мужья их, сильные богатыри, поехали против светорускаго богатыря, кони у них добрые, копыя вострыя, и хот- 70 тять Илью на копыях поднять. И видел их Соловей разбоиник, и стал говорить: «Зетья мои мылыя, не позортес вы, ни дразнитя такова силнова богатыря, чтобь вам не пренять смерти от него всем, лучше с покорностию попросите его в дом мои выпить по чаре зе[ле]наго вина». И по просьбе зятее поворотил в дом, не ведая их злобы, что большая [б] дочь подняла 75 железную на цыпях подворотню, чтобы пришибить. Но Илья усмотре ею на воротах, ударил копием, ушиб до смерти.

И как приехал в Киев град, въезжает прямо на княженецкий двор, входит в полаты белокаменная, богу молится, князю кланитца. И князь иевский спрашивал: «Скажи, доброй молодец, как тебя зват и которова 80 города уроженец?» Ответ держит Илья Муромец: «Меня, государь, зоут Ильюшкою, а по отечеству Иванов сын, а ураженец я города Мурома, села Карачарова». Князь спрашивает: «Которою до[ро]гою ехал из Мурома?» — «Я, государь, ехал из Мурома на Чернигов град, и под Черниговым побил войско босурманское, сметы нет, и очистил Чернигов град. И оттуда 85 поехал прекою дорогою, взял силнаво богатыря Соловья разбоиника, которово привел с сабой у стремени булатною». Но княз осердась сказа: «Что ты обманываеш?» И как ета услыша богатыри Алеша⁸ Поповичь да Добрыня Никитичь, бросились смотреть, и увидял, и князя уверили,⁹ што справедливо так. Приказал княз поднести кубец зелена вина доброму мо- 90 лотцу. Князю захотелось разбоинического свисту послушать. Илья князя и кнегиною овернул в шубы саболы, поставе под мышку, призвал Соловья, приказал въпольсвисть засвистать. А Салавей разбоиник засвистал во весь разбоинечи свисть и оглушил богатырей, что упали на пол. [7] За то ево [И]лья... л...¹⁰ 95

Илья Муромец назвался Добрыней Никитичь братьями, оседлали своих добрых коней и поехали в чистыя поля гулять. И ездили ровно 3 мисеця, не нашли себе сопотивника, толко наехали в чистом поле — идет каличища прохожеи, гуня на нем пятнатцат пуд, шляпа пуд, кастыл 10 сажан. Илья Муромец сталь на нево напушатся, а хочет отведат свои силы бога- 100 тырския. И увидел каличища прохожеи Илью Муромца, и говорит: «Ои еси ты, Илья Муромец, помниш ли, мы с тобою в одной школе грамоте учились, а ныне ты на меня такова, на калику, напускаеш, как на некакова непреятеля, а того не ведаеш, что в с[л]авном городь Киеве великая без- годушка учинилас беда. Приехал неверной силной богатырь [И]долища не- 105 честивой, голова¹¹ у нево с пивной котел, в плечах сажан, промеж бровми апать, промеш ушей и калена стрела, ес он¹² по быку, а пьет по котлу. И княз киевский велми о тебе соболезнуют, что ты ево в едакой печали оставил.

И нарядись Илья Муромец в каличищино платье, надел платья, идет 110 [8] прямо на княженецки двор и закричал богатырским голосом: «Ои еси ты, князь, сошли мне милостину, каличищу прохожему». Увидел ево княз и гово[рит] таковы речи: «Поди ко мне в полаты, каличища, я тебя на- кормлю и напою и золотой казны на дорогу дам!» И вошел каличища в по-

115 латы, стал у печи, поглядывает. Надолища просит гись. Принесли ему быка целого жирнава, и он ево с косьями съел. Идолища попросил пить, принесли ему котел пива, а несли 12 человек, и он взял за уши, выпил ево весь. Илья Муромец говорит: «Была у моего батюшка кобыла обжерлива, обожралас — издохла». [И]долища не утерпел и говорит: «Ои еси ты, каличища прохожен, што ты мяня замаеш? Мне полно нечево тебя в руки взять. Не то што ты, каков у вас был Илья Муромец, я бы и с тем стычку дал давал!» — «Он каков!» Он схватил с себя шляпу, дарил ево в голову тихонко, прошип стену полат, взявши туловище, туды ш викинул. За то князь Илью Муромца почтил похвалы, принял в сильныя могушция

125 богатыри.

Сей истории конец.

23

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

... под[ъ]езжайте к мужику навстречу и отбейте у него нашева батюшка, не кладите наш род в таком позоре!» Мужья их, сильные богатыри, поехали против светорускаго богатыря. Кони у них добрыя, сабли у них и копья вострыя, и хотят Илью на копьях поднят. И увидел их 5 Соловей разбоник, и стал говорит: «Зятья мои милыя, не позортес и не дразните такова силнова богатыря, чтобь вам не принять смерти от него всем, лутче с покорностию попросит его в дом мой выпить¹ по чяре зелена вина. И по прозбе зятеи поворотил в дом, не ведая их злобы, что большая доч подняла железную на цепях подворотню, чтоб ево пришибит. Но 10 Илья усмотрел ее на воротах, ударил копием и ушиб до смерти.

И как приехал в Киев град, взъезжает прямо на княженецки двор и входит в полаты белокаменные, богу молится и князю кланяется. И князь киевски спрашивал: «Скажи, доброй молодец, как тебя звать и которова города уроженец?» Ответ держит Илья Муромец: «Меня, государ, зовут Илюшкою, а по отечеству Иванов сын. А уроженец я города Мурома, села Карачарова». И князь спрашивал: «Которою дорогою ехал ис Мурома?» — «Я, государь, ехал из Мурома на Чернигов град. И под Черниговым побил войско бусорманское и сметы нет. Очистил Чернигов град, и оттуда поехал преемою дорогою, и взял силнова богатыря Соловья разбоиника, 20 которова и привел с сабои у стремени булатнова. Но князь осердяс сказал: «Што ты обманываеш!» И как ета² услышали богатыри Алешка Попович, Добрыня Никитич, бросилис смотрет, и увидели. Князя уверили, что справедливо так. И приказал князь поднести кубец зелена вина доброму молотцу. И князю захотелос разбоническаго сви[с]ту пос[лу]шат. Илья 25 князь с княгинею обернул в шубы собольи, и поставя их под мышкы, и призвал Соловья, приказал в полсвиста засви[с]тять. А Соловей разбоник засви[с]тал во вес разбоничей сви[с]тъ, поглушил богатырей, что упали на пол. И за то ево Илья Муромец ударил о пол. Илья Муромец назвался з Добрынею Никитичем братьями. И оседлали своих добрых коней, и поехали в чистое поле гулять. И ездили ровна 3 месяца, не нашли себе сопротивника,³ толко наехали в чистом поле — идет колечище прохожен, гуня на нем в 50 пуд, шляпа в 9 пуд, кастыл 10 сажен. Илья Муромец стал на нево напушат, охочит отведат своей силы богатырския. И увидел колечища прохожеи Илью Муромца, и говорит: «Ои еси ты, Илья Муромец, 35 помниш ли мы с тобою в одной школе грамоти училиса, ан ныне ты на меня, такова калеку, напушаеш, как на некова неприятеля, а того ты не ведаеш, что в славном городе Киеве великая незгодушка учинилася: при-

ехал неверной силой богатыр Идолища нечестивою. Голова у него с пивной котел, в плечах сажен, промеж бровями пяд, промеж ушей колена стрела, а ест он по быку, а пьет по котлу. Князь киевски вельми о тебе соболезнует, что ты его в едако[и] печали оставил». И нарядясь Илья Муромец в колечищину платя, идет пряма на княженицкий двор и закричал богатырским голосом: «Ои ты гои еси, киев[к]ыи княз! Сошли мне колечищи прохожему милостину!» И увидял его князь, и говорить таковы речи: «Поди ко мне в полаты...».

45

24

[ИСТОРИЯ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ]

... И хотят его вырубить, а церкви богия на дым спустить,¹ а самага князя каберскаго и воеводу черниговского в полон взять.

И тако встал Илья Муромец, прижаснулься и думает положить главу за веру християнску и за церкви богия. И начал силу побивать бусорманскую копием своим булатным и палицею железною, всю побил и царевища бусорманскаго в полон взял, ведет во град Чернигов.

Граждане встречают его с честью великою. Сам князь киберски и воевода черниговски принимают доброво молотца с честью и воздают благодарение великое, кланяются ему до лица земли, ко господу богу приносят моление с плачем, радосным благодарением, что господь с небеси прислал к нам на защищение и не дал нам от врагов татаров погибнути от такой силы бусорманской. И привели Илью Муромца во светлу полату белокаменну, и сотворили ему великой пир, и проводили его, добра молодца, в путь ко Киеву.

Илья Муромец как ехал ко граду Киеву прямою дорогою от Чернигова, 15 котору залег разбойник Соловей равно тридцать лет и не пропускал ни конного, ни пешево, губил и ругал посвистом разбойническим. И как выехал Илья Муромец в великие поля, увидел попрыски багатырские, поехал прямо на те лесы Брянския, на те грязи топучия, на мосты калинные, к той реке Смородине. А как тот разбойник Соловей послыша себе кончину и такое несчастье великое и, не допустя Илью Муромца сто дватцать верст, засвистал своим свистом разбойническим, и того багатырское сердце не устрасилося. Не допустил еще десять верст, таково громково свисту доброй конь потыкаетца. И доехавши Илья Муромец до самага его гнезда, которое у его Соловья разбойника свито на двенатцати дубах. 25 И Соловей разбойник на дубах сидит, и, завидя со святой Руси багатыря, как опять свистал во всю горьтань разбойническую, и хотел убить Илью Муромца. Как доброй молодец Илья Муромец, сняв с себя тугои лук, и накладывает калину стрелу, и пустил на то гнездо Соловьиное, и вышил ему, разбойнику, правой глаз. И Соловей разбойник з дубу упал, аки сноп 30 слетел.

Илья Муромец берет его за волосы и привязывает его крепко к стремяну булатному, и поехал ко славному Киеву. И на пути стоят Соловья полаты белокамяны. И так поклонился Илье Муромцу против полат разбойнических, и глядят его разбойника 3 дочери. Увидела меньшая дочь 35 и закрычала сестрам своим: «Едет вон наш батюшко з добычею, и везет конь мужика крепко привязана у добра коня у стремяни булатного». Горько заплакала, а большая дочь посмотрела: «Что не батюшко едет, его незнаемой некакой багатырь и везет нашево батюшка привязана у стремяна булатного». И закрычала громко ко своим мужьям: «Поежайте 40 встречю к мужику и отбеите нашего батюшка, не дадите его в такой по-

зор!» А мужья у них сильные багатыри же, и кони у них добрые, копия у них острые, и хотели они на копьях поднять Илью Муромца. И увидел их Соловей разбойник, и стал им говорить: «Зетья мои милые, не позортеся
45 и не гневите ево такового сильного и храброго богатыря, чтоб вам от него не принять смертныя чаши, просите ево чесно с покорностию в дом наш испить зелена вина». И тако зетья ево учили ниско кланятся до сырой земли, и того часу на пути коня поворачивали ко полате ево белокамяной. Не ведал их Илья Муромец лукаво вымыслу, как большая дочь подняла
50 на цепях железню подворотеньку, како бы ево удавити, Илью Муромца. И в то время усмотрел Илья, доброй молодец, и ушип ево² копием своим до смерти.

И доехал до славнаго до Киева, приежает прямо на княженецкой двор и пришел во полату белокамянну, богу молится по ученому, великому Вла-
55 димеру со княгиней покланяется. И того часу Владимир княз начал спрашивать: «Ты скажись, доброй молодец, с которово ты города и какое имя прозвание, и какою ехал дорогою?» Ответчал Илья Муромец: «Гои еси ты, Владимир княз, меня зовут Илюшкою, по отечесву Иванов сын, урожденец города Мурома, села Карачюлова. А ехал дорогою на Чернигов град, и кругом Чернигова граду побил бусорман татар и смену нет, и освободил Чернигов град. И от того поехал прямою дорогою, и сильного багатыря Соловья разбойника, которово ко ваше двору привес и добраго моего коня у с[т]ремяна булатного крепко звязана». Как проговорил велики княз со гневом яросью: «Что ты, детина, лъжеш, обманываеш!» И то Олеша
60 Поповичь, Добрыня Микитичь пришли на двор к ево доброму коню. Как увидели, то поверил княз и приказ[ал] поднес[ти] куп зелена вина в полтретья ведра добру молодцу. И захотелось князю Владимиру разбойнического свисту послушати. Илья князя со кнегинею обвернул в шубы соболиныя, и поставя под ними, и привели Соловья разбойника, и приказал
70 сосвистать. И Соловей разбойник засвистал во весь разбойнически свист, и оглушил багатырей, что они упали, не могли стоять. И взял ево, Соловья разбойника, Илья Муромец за ноги, и ударил ево о дубовой пол, едва палата не осыпалась, и выбросил ево в окно на широкой двор, выговаривал такуюю речь: «Не люблю я неверных слуг».

Илья Муромец з Добрынею называлися братеми. Как удумали ехать во чисто поле, обседдали они своих добрых коней, как поехали гулять во чисто поле. И ездили три месяца, не нашли себе сопротивника, толки наехали во чистом поле — идет калика перехожен, гуня на нем в пять пуд, шляпа на нем в девять пуд, костыль у него десять сажень. Илья Муромец
80 стал на него наступать и хотел уведать силы богатырской. И увидя каличище прохожее Илье Муромцу: «Как спомнеши ты, мы с тобою в одной школе учились грамоте, а ныне ты на меня, калику, напускаеши, будто на некоево неприятеля, а тово ты не ведаеш, что во городе Киеве великая победушка учинилася. Приехал неверной сильной могучей багатырь Идолище
85 нечестивое, глава у ево с пивной котел, в плечах одна сажень, промеж глазами три четверти, глаза у него по осминой чаше, а ест он по быку семилетному, а пьет по котлу пивоварному. И велики княз киевски вельми запечалились, и о вас соболезнует, чтобы ты ево от такой печали повыручил».

И нарядись Илья Муромец в калическо платье, идет прямо на княженецки двор и закрывал багатырским голосом: «Гои еси ты, княз киевской, сошли мне, каличище прохожему, милостыню!» Увидя ево велики княз, как проговорит таковы речи: «Иди ко мне в полату, каличище, и тебя накормлю, и напою, и золотой казны на дорогу дам». И пошет калика в по-

латы белокамяны, и стал у печи, поглядывал. Идолище просит есть. И при-⁹⁵
 несе ему быка целово зрослово да и жареново, как того быка и с косьем
 сожрал. Какое Идолище! Просил питья то Идолище, и принесли питья ему
 пива двенадцать мужиков великой чан, и взял чан за уши, и выпивше весь.
 Илья Муромец как проговорил: «Как была у моего батюшка собака обжерж-
 чива и обожралась косьем, кобелищы тот здохнул!» Идолище не утерпел,¹⁰⁰
 и говорит он: «Ты калчище прохожее, почто ты меня раздражаеши! Мне
 тебя в руки взять нечево. Что ты, каков а у вас был Илья Муромец, я бы
 с тем поединок дал». — «Он де таков!» И хватил [с] себя шляпу, и ударил
 ево во главу тихонько, толко прошип стену у полаты. И взял туловище,
 туда же выбросил. И за то Илью Муромца почтил дарами с похвалою и¹⁰⁵
 сильным могучим багатырем.

Сеи истории не вся.

25

СКАСКА О ИЛИЕ МУРОМЦЕ И СОЛОВЕЕ РАЗБОЙНИКЕ

Как во славном было городе Муроме, в селе Карачарове, жил в нем,
 был в нем кресянин Иван Тимофеевич. У него было любимое детище Илья
 Муромец. И сидел он сиднем тритцат лет. И как минуло 30 лет, то он
 стал ходит и на ногах крепко ступат, и ощутил в себе силу великую, и зде-
 лал себе збрую ратную и копие булатное, и оседлал коня своего богатыр-⁵
 ского. И приехал ко отцу своему и к матери, и стал у них просит благосло-
 вении, и стал говорит: «Милостивои мои государ батюшко, Иван Тимофее-
 вич, дажд мне благословение в Киев град богу помолится и князю киев-
 скому объявится». Отец и мат его дают ему благословение, и кладут на
 него заклятие великое, и говорят такие речи: «Поежай ты прамо на Чер-¹⁰
 нигов град и, будучи под Черниговым, стоит войско босурманское, что и
 сметы нет, и поежай прамо на Чернигов и, будучи в пути, не делаи обиды
 и не проливаи крови христианской напрасно».

Илья Муромец принял у отца своего благословение и поехал благопо-
 лучно в пут свои. И как поехал прамо из Мурома на Чернигов, и поехал¹⁵
 на те грязи топучие, на мосты калиновые, при той реке Смородине, и на-
 ехал на таборы разбойничии. И увидели разбойники Илию Муромца. И
 начали напускат человек по 10-ти и по 20-и. И стал Илья Муромец осто-
 навливат коня своего богатырского, и вынимает ис колчана колену стрелу,
 и накладывает на туюг улук. И пустил колену стрелу под землю, и калена²⁰
 стрела стала рват в косую сажен. Увидевши то, разбойники испужалис,
 и собиралис во един круг, и стали говорит: «Государ ты наш батюшко,
 удал доброй молодец, виноваты мы пред тобою! И за нашу вину бери
 казны сколко угодно, и платиа тветнаго, и табуны лошади сколко нада!»
 Смотря на них, разбойников, Илья Муромец усмехнувшис сказал: «Некуда²⁵
 мне деват, но если хотите вы живы быт, то въпрет не отъваштес етова и
 думат!»

И так поехал Илья Муромец в пут свои благополучно прамо на Чер-
 нигов град. И под Черниговым стоит войско босурманского, что и сметы
 нет. И хотят Чернигов град опустошит и божий църкви на дым пустит.³⁰

И так стал останавливат коня своего богатырского, и простился со от-
 цем своим и материю. И въздумал положит главу свою за¹ веру христиан-
 скую. И стал побиват силу босурманскую копием булатным, и всю силу
 великую побил, и царя босурманского живым² в полон възял, и ведет во
 град Чернигов.³⁵

Увидели того града граждане. И увидел сам князь киберски и воевода черниговски, встречают добраго молоца с честию, благодарением господу богу воссылают, что господ прислал начаенно граду очищение и не дал нам погибнут всем от такой силы босурманские. И ввзяли его в полаты своя, 40 и сотвориша ему великую чест, подарили его драгоценными дарами и отпустили его в пут свои.

И поехали тою дорогою, которою заложил Соловей разбойник ровно 30 лет: не³ пропускал ни коннаго, ни пешаго, а убивал не оружием, но своим разбойничим свистом. И услышал Соловей разбойник Илию Муромца, и, не допуская его за 30 верст, засвистал во вес свист разбойнически, и хотел его убит до смерти. Но Илия не испугался и поехал на то самое гнездо, которое было свито на 12-и дубах. И, не допуская еще за 10 верст, засвистал вполсвиста, от чего под Илеею Муромцем кон спотыкнулся. Но Илия не испугался сего свисту, подъехал под самое то гнездо 50 Соловино, которое было свито на 12-ти дубах. И увидел Соловей разбойник Илию Муромца, и узнал себе кончину и нещастие великое, и засвистал во вес свист разбойничий, и хотел его убит до смерти. Но Илия усмотрел Соловия разбойника, сидящаго на гнезде, и вынимал ис колчана колену стрелу, и накладывал на тугой луг, и пустил на то гнездо Соловино. И попал ему в правой глас и вышип вон. И Соловей разбойник свалился с гнезда, что овсяной сноп.

Илия Муромец, ввзяв Соловия разбойника, привезал к стремени булатному и поехал тою дорогою, где был дом Соловия разбойника. И подъезжает недалеко к дому Соловиному. И увидела в окно большая доч Соловина 60 и закричала мужиям своим: «Поежьте и встречайте нашева батюшка, что везет какаго то человека, привязана к стремени булатному». А меньшая доч посмотрела и заплакала горко: «Что не батюшко наш едет, а едет какой то незнаемой человек и везет нашева батюшка». И закричала громким голосом: «Ох, вы гой еси, мужия наши, силние богатыри, поезжайте 65 новстречу и отъбейте нашево батюшка». Зятя его, силние богатыри, кони у них добрые и копия вострые, и поехали встречу к Илие Муромцу. И увидел зятен своих Соловей разбойник, и закричал своим голосом: «Ох, вы, зятя мои милые, не напушайте«с на» такого силнова богатыря Илию Муромца и не д«разните, чтоб» вам не принят смерти, а в«ы лучше с покорностию» попросите в дом наш выпит «по чар» зелена вина. И по прозбе 70 зятен «пово»ротил в дом Соловия разбойника, и не ведая такой злобы Илия Муромец, что большая доч подняла «желе»зную не цепях подворотню и хотела «ево» убит до смерти. Но Илия усмотрел «на» воротех и ударил копием «и ушиб» до «смерти».

И Илия Муромец не поехал в дом Соловия, и поехал во град Киев, где 75 дал обещание, чтоб быть во граде Киеве. И приехал во град Киев, подъезжает ко дворцу царскому. И увидели из дворца, и встречают доброго молодца Илию Муромца. И вводят его в полаты белокаменные, — богу молится «и князю» кланяется. И князь спрашивает: «Скажи, доброй молодец, 80 чего ты царства?»...

[ИСТОРИЯ ОБ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ, СОЛОВЬЕ РАЗБОЙНИКЕ И ИДОЛИЩЕ]

...взял под правую руку, а воевода черниговской под левую. Илья Муромец говорит таковы речи: «Государи, князь киберской и воевода черниговской, не подлежит вам меня, нижаишева раба, братъ под руки и

Встреча Ильи Муромца с каликой. Лубочная картинка начала XVIII века.
ГПБ, собрание А. В. Олсуфьева, т. XIII.

Инарь дядь мья Муромецъ шивагишина паятья идеть прѣ-
 то маннеденеши дворъ изаириталъ богатырсимѣ золасомъ он
 еси ты иже сии икъ сошии мие полетице прохосе му милостику
 муидеаь едо итъзъ негоритъ талоуы рети поди ивине шпала
 ты полетица я тебѣ напормаю мидпою: изолотом пазны надо
 рогу даю ипошолъ полетица шполаты нсталъ улети пагляды
 пасть Иидраица проситъ естѣ ипринеси ему бына целова см
 рноша понъ едо иностми сьелъ Иидраица попросаь титъ ит
 ринеси потелъ пнаа анеем 12 главо понъ вляъ зауши павы
 глаъ едо вель Иья Муромецъ гворн была умошо баляшши ивбъца
 обсерица обсераласъ издохла иидраица неутерпѣ негорн он еси ты
 ивнгица прохосеи што ты мене замасъ мие негеше тебѣ аруги вѣ
 нето што ты наловъ уласъ бы мья Муромецъ я бы нстѣ бытху даъ
 даа онъ налѣ исхати сооѣ шляпу ударн едо иголову Тухомю Тало проши
 стениъ паса мѣзлѣши Тулошце Тульцѣ въ иинну изато икъ мья Муромца
 погнъ авнѣиши погвалы иргесъ деумоля мгуемя богатыри иси исторнъ Конецъ

Илья Муромец убивает Идолице шляпой. Лубочная картинка начала XVIII века.

ГПБ, собрание А. В. Олсуфьева, т. XIII.

весть в полаты белокаменные!» И взял их обеих под руки, и вел их в полаты, и сажалис за столы за дубовыя, за скатерти браные, за ествы сахарные. И как стал пир на веселе, и стали князь киберской и воевода черниговской спрашивать: «Пожалуи, скажи, удал доброй молодец, как тебя зовут по имени и по отчеству и уроженец которые земли и роду христианскова ль?» Ответ держит Илья Муромец: «Я, государи, роду христианского, а уроженец города Мурома, села Карачарова; отец мой — крестьянин Иван Тимофеевич, а меня, государи, зовут Илюшкою, а по отчеству Иванов сын; а еду я, государи, ко славному граду Киеву богу молитца, а князю Владимиру об[ъ]явитца».

И стал князь кибирской спрашивать: «Скажи, пожалуи, Илья Муромец, давно ль ты поехал из дому отца своего и давно ль билса съ етаю 15 силаю босурманскою?» О[т]вет держит Илья Муромец: «Я, государь, поехал вчерась пообедавши и к вам приехал вчерашняго числа, как вы сами видели».

И как стол отошел, Илья Муромец выходит из за стола дубоваго, и молитца богу по писанному, и благодарит князя киберского и воеводу 20 черниговского за хлеб и за соль. И стал богу молитца, и с ними прощаетца, и спрашивает их: «Скажите, пожалуйте, князь киберской и воевода черниговской, как мне ближе ехать ко славному граду Киеву, которую дорогою?» И стали ему сказывать: «Государь наш Илья Муромец, сын Иванович! Мы тебе скажем прямую дорогу ко славному граду Киеву. Тебе, 25 государь, пременя ехать

на те леса на Брянския,
на те мосты калиновы,
чрез тое реку Смородину;

только нет, государь, там пропуску: ровно тридцать лет залегла эта дорога 30 от силнаго богатыря Соловья разбойника. Не пропускает он ни пешева, ни коннова, всех грабит и убивает, и храбрость показывает всем сильным могучим богатырям; а воюет он без оружия, только убивает своим разбойническим свистом».

И слыша то, у Ильи Муромца богатырское сердце разгорелоса: богу 35 молитца и с князем прощаетца. И они ево стали просить: «Государь Илья Муромец! Пожалуи, у нас начуи; и отслушаеш заутреню воскресную, и туды во славнои град Киев поспееш к обедни». Илья Муромец не мог отставить прошения их, у них начевал и отслушел заутреню воскресную. А все эта делалос в великую субботу; и с ними, с князем киберским и вое- 40 водаи черниговским, похристосывалса; и они ему дали по яичку, и на них подписали подпись: в которой день поспел из Мурома в Чернигов град и сколок под Черниговым побил силы босурманския.

Илья Муромец, приняв от князя¹ киберскаго и воеводы черниговскаго отпуск, садилса на своего доброго коня и спрашивает у князя киберского: 45 «Как, государь, мне узнать дорогу прямую на те леса на Брянския?» И они ему сказали: «Как выедеш, государь, из нашева града в чистое поле, и увидиш в правой стороне попрыски богатырския».

Илья Муромец поехал. И выехал в чистыя поля, и увидел попрыски богатырския, и по них поехал. И приехал

на те леса на Брянския,
на те грязи топучия,
на те мосты калиновы,
к той реке Смородине.

55 И Соловей разбойник слышал силнаго могучева богатыря, и узнал себе кончину и безчастие великое, и, не допуская Илью Муромца за тридцать верст, засвистал своим свистом разбойническим таково крепко, что под Ильею Муромцом конь спотыкнулся. Илья Муромец бил своево коня по крутым бедрам, и сам говорит таковы слова: «Что ты, волчья мяса, тра-
60 вной мешек? Али ты в темных лесах не гуливал и соловьиного свисту не слыхивал?» А сам поехал путем своим. И Соловей разбойник, не допустя Илью Муромца за пятнадцать верст, засвистал громче тово, и с того свисту под Ильею Муромцом конь пуще тово спотыкнулся. И он опять бил коня по крутым бедрам, и говорит такая речи: «Что ты, волчья мяса,
65 травеной мешок? Или ты в темных лесах не гуливала, соловьиного свисту не слыхивала?» А сам опять поехал дорогою и приехал под Соловьиное гнездо: свито на двенадцати дубах самых толстых, которые обоимов по пяти. И на тех дубах на гнезде сидючи, Соловей разбойник увидел светорускова силнова могучева богатыря и засвистал во весь свои свист разбойничеи — хотел, чаб такова силнова богатыря убить до смерти, а самому бы быть в великой чести и славе во всей вселенней; и так громко засвистал, что под Ильею Муромцом конь богатырской спотыкнулся на карачки со всех четырех ног. Илья Муромец снимает с себя тугий лук и накладывает колену стрелу, и пустил на то гнездо Соловьиное. И попал в правои
75 глаз и в левое крыло и вышиб левои глаз. И Соловей разбойник свалился з гнезда, что овсяной сноп.

Илья Муромец берет Соловья разбойника, и привязал ево крепко к стремени булатному, и стал скакать во всю пору конскую, и выскакал те леса Брянския, | те грязи топучия, | те мосты калиновы, | и перескакал реку Смородину, | и выскочил в чистыя поля. Стоят три терема златоверховатыя. Илья Муромец спрашивает Соловья разбойника: «Скажи, Соловей разбойник, не тот ли славной Киев град?» Ответ держит Соловей разбойник: «Государь, удалои доброй молодец, силной могучеи богатырь Илья Муромец! Это не славной Киев град, это мои Соловьиныя палаты, а живут в них три мои
85 дочери». И как поровнялся Илья Муромец против полат разбойничьих, и у тех полат были окна настеш растворены, и в тех окнах сидели дочери Соловья разбойника, смотрели в чистыя поля з добычею отца своего и думали сами между собою, что «едит наш батюшка з добычею». И увидела меньшая дочь, и закричала сестрам своим: «Вон
90 наш батюшка едит з добычею и везет к нам мужика, привязана у стремени булатнова!» А болшая дочь посмотрела, и заплакала горко, и закричала громким голосом богатырским: «Эта не батюшка наш едит, эта едит мужик незнаемой и везет нашава батюшка привязана у стремени булатнова». И закричала мужьям своим: «Мужья наши милья, поезжайте к мужику навстречу и отбейте у него нашава батюшку, государя Соловья разбойника, не кладите на наш² род такова позору и безчестия». И мужья их, сильныя богатыри, металис на конюшенной двор, брали своих добрых коней и без седел выехали против светоруского богатыря Ильи Муромца, и хотят отбить тестя своего; кони под ними добрыя, и копыя у них во-
100 стрыя, и хотят Илью на копыи посадить. И увидел их Соловей разбойник, и говорит им: «Зятья мои милья, удалыя добрыя молодцы, не позортес вы и не дразните такого силнаго светоруского богатыря: ежели разьдразните, всем вам принять от него чашу смертную; лутче вам слезть с своих добрых коней и просит дробова молотца для такова торжественного праздника выпить по чаре зелена вина». И они ево, тестя своего, послушали,
105 ника выпить по чаре зелена вина». И они ево, тестя своего, послушали, слезли с своих добрых коней, и пали в ноги удалому доброму молотцу, и стали просить ево в дом свои: «Удал доброй молодец, силной могучеи бо-

гатырь, милости у тебя просим в дом отца нашего для такова торжественного праздника выкушать по чаре зелена вина». Илья Муромец, видя их такую покорность, и не ведал такой злобы, заварачивает своим добрым конем, и поехал в дом Соловья разбоиника. И увидела большая дочь, что едит Илья Муромец в дом их, и вскочила на верее, и подхватила подворотню железную на цепях, и хотела Илью Муромца чтоб пришибить тою подворотнею на воротах, а отца своего освободить из неволи. И как Илья Муромец в ворота едит, и она тое подворотню пустила, и не захватила, и опять тот час подхватила, а она была сильная богатырка.³ И усмотрел Илья Муромец, что она сидит на верее и подхватывает подворотню; оборотся ударил ея шелепугой подорожною так сильно, что от тое верее отлетела на двенадцать сажень, а сам заворотил свои доброй конь и поехал з двора. И говорит Соловью разбоинику: «Спасибо, Соловьи разбоиник, на твоей перепутной чаре; вина я у тебя не пивал, а в голове зашумела! А вы, Соловьята, ежели не привезете своих Соловьиных пожитков в славной Киев град, и я к вам приеду, то всем вам, старому и малому, смерти не миновать, все умрете злою смертию от моего острого меча». И поехал ко славному граду Киеву.

И как приехал в Киев град, проезжает прямо на княженетской двор, и пустил своего коня богатырского среди двора княженетского, и никому коня не приказывает,⁴ и к яслем не привязывает. И тому все слуги княженетския дивуютца: «Что за мужик приехал на наш двор и никому коня не приказывает и не привязывает?» Илья Муромец пошел в церковь соборную. Молится он богу по писанному и на все четыре стороны поклоняется, а особливо поклон отдает князю Владимиру и княгине Апраксине королевешне; и стал молитца по писанному.

И увидел князь Владимир такова приезжева человека, и послал спросить: откуда приехал и как ево имя. И стояли с князем два министра — могучия богатыри Алеша Попович да Добрыня Никитичь. И кинулся Алеша Попович, и стал спрашивать нечестливо, и очень он пересмешил был: «Как тебя зовут, и чей ты, и что за мужик, и откуда ты приехал?» Ответ держит Илья Муромец: «Алеша Попович, бабья б..., пересмешища! Пришли полутче себя и повежливея». И Алеша Попович пошел прочь от него со стыдом, и пришел к князю Владимиру, ответу никакова не дает. И князь Владимир спросил: «Алеша, ходил ли ты спрашивать приезжева человека и што он тебе сказал? Кто он таков?» Ответ держит Алеша: «Приехал, государь, какой та мужиченка, и я ево спрашивал, и он мне ответу не дал; толко, государь, меня пред народом обезчестил». И как Владимир догадался, что он спрашивал нечестиво, и послал друга министра, Добрыню Никитича, и велел спросить вежливо. И Добрыня Никитичь пришел к Илье Муромцу, и стал спрашивать очесливо: «Прислал до вас князь Владимир, приказал вас спросить: откуда ваша милость приехал и которова города уроженец, и как тебя звать по имени и по отечеству?» Ответ держит Илья Муромец: «Государь Добрыня Никитичь! Донеси великому князю Владимиру: зовут меня Илюшкою, а по отечеству Иванов сын, уроженец я города Муром, села Карачарова; а приехал я нарочно в славной Киев град богу молитца, а князю Владимиру об[ъ]явитца». И Добрыня Никитичь пришел и об[ъ]явил князю Владимиру: «Сказываетца Ил[ъ]я Муромец сын Ивановичь, а уроженец города Муром, села Карачарова; а приехал нарочно во славной Киев град богу молитца, а тебе, князю Владимиру, об[ъ]явитца».

И князь Владимир веры неимет, что эта сильной богатырь Илья Муромец. И как отошла божественная литоргия, пошли все из церкви вон, 160

Илья Муромец дождался князя Владимира, и как он пошел из церкви и со княгиней Апраксиной королевишней, — и подошел к князю, и поклонился, и похристосывался, и подарил их теми яичками, которыми ево подарили князь киберской и воевода черниговской. И князь Владимир, смотря на те яичы, и спросил у своей княгини: «Что у тебя на яичу написано?» И она ему ответствовала: «Написана на яиче мудреная вещь, чему статца не можно».

И князь Владимир от обедни всех стал звать князеи и бояр, и сильных могучих богатырей к себе в полаты белокаменные, и стал князь подносить всем по чаре зелена вина, и пришед поднес Илье Муромцу. И говорит Илья Муромец: «Государь князь Владимир! Слеи мне чары две или три во едино место, а мне этой чарой нечем и рот полоскать». И князь Владимир налил кубец в полведра, и поднес Илье Муромцу. Илья Муромец выпил, и поклонился, и стал говорить: «Великий князь! Я таперь по милости твоеи сыт и пьян, толко у меня товарищ не сыт и не пьян». И князь Владимир спросил: «А кто твой товарищ?» — «А мой товарищ — доброй конь». И услышал эта Алеша Поповичь, и выскочил из полат белокаменных, и насыпал пшеницы доброму коню богатырскому, и привезал и своего коня, и говорит к себе: «Ежели богатырской конь не припустит наших лошадей, то премой конь богатырской». А Ильи Муромца конь втирался помаленку, и втерса, и хватил коня Алеши Поповича, и убил до смерти. И Добрыня Никитичь насилу отхватил своего коня; и никому не сказали о том, что убил богатырской конь коня Алеши Поповича.

И князь Володимер еще не уверяетца, что он — сильной могучей богатырь. Сажал всех за столы за дубовыя, за скатерти за браные, за ествы сахарные, и все богатыри сели по своим местам, а Илье Муромцу князь Владимир приказал выбрать место, где похочет. И все изведывает силы ево Муромцовой, и не чает ево, что он сильной могучей богатырь, для того велел ему выбирать место между сильных богатырей. А Илья выбрал⁵ креслы, что ни лутчия, подле князя Владимира и стал на них садитца: и те богатыри не стали на свои места пускать, а он пожал с конца и до другога конца инова богатыря между кресел мертвова и поломал все решетки железныя. И князю Владимиру все это в досаду не кажетца, все эта приемлет за великое щастие, что такой сильной могучей богатырь в славном Киеве граде проявляетца.

И еще хочетца князю Владимиру Илью Муромца — изведать силу ево. Выгленул в окошко и увидел доброва коня богатырского — ест пшеницу белоярую. И закричал конюхам своим: «Налеите сыты медвяной и выпустите моих княжих лошадей, и как богатырской конь не припустит моих лошадей?» И конюхи налили сыты медвяной коню богатырскому, и выпустили и княжих лошадей, и богатырской конь втерса между ими помаленку, и хватил коня княжева, что ни лутчева, и схватил с него шкуру долой. И закричал князь Владимир конюхам, чтоб последних коней ево не побил богатырской конь, велел тот час отогнать, а сам сел на своем месте. И стали пити, ясти и веселитися.

И стал князь Владимир навеселе ж и стал Илью Муромца спрашивать: «Скажи, доброй молодец, как тебя звать по имени и по отчеству, и которого ты города уроженец?» И встал Илья Муромец с места своего, и стал ответ держать: «Меня, государь, зоут Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, а уроженец я города Мурома, села Карачарова». — «Давно ли ты, Илья Муромец, оттудова из Мурома поехал?» — «А я, государь, вчера съехал пообедавши». И князь Владимир изумелся и стал еще спрашивать: «Кторою ты дорогою ехал из Мурома?» Ответ держит

История Илья Муромца
 Родился в то время в Муроме в семье боярина. Имя его было Илья Муромец. Он был силен и смел, и много делал для своего народа. Когда его родители умерли, он остался один. Но он не плакал, а работал и кормил себя и своих родителей. Когда он вырос, то стал еще сильнее и смелее. Он много делал для своего народа, и все люди его любили. Он был силен и смел, и много делал для своего народа. Он был силен и смел, и много делал для своего народа.

Илья Муромец был силен и смел. Он много делал для своего народа. Когда он вырос, то стал еще сильнее и смелее. Он много делал для своего народа, и все люди его любили. Он был силен и смел, и много делал для своего народа. Он был силен и смел, и много делал для своего народа.

Илья Муромец был силен и смел. Он много делал для своего народа. Когда он вырос, то стал еще сильнее и смелее. Он много делал для своего народа, и все люди его любили. Он был силен и смел, и много делал для своего народа. Он был силен и смел, и много делал для своего народа.

Илья Муромец был силен и смел. Он много делал для своего народа. Когда он вырос, то стал еще сильнее и смелее. Он много делал для своего народа, и все люди его любили. Он был силен и смел, и много делал для своего народа. Он был силен и смел, и много делал для своего народа.

Илья Муромец был силен и смел. Он много делал для своего народа. Когда он вырос, то стал еще сильнее и смелее. Он много делал для своего народа, и все люди его любили. Он был силен и смел, и много делал для своего народа. Он был силен и смел, и много делал для своего народа.

Илья Муромец был силен и смел. Он много делал для своего народа. Когда он вырос, то стал еще сильнее и смелее. Он много делал для своего народа, и все люди его любили. Он был силен и смел, и много делал для своего народа. Он был силен и смел, и много делал для своего народа.

Илья Муромец был силен и смел. Он много делал для своего народа. Когда он вырос, то стал еще сильнее и смелее. Он много делал для своего народа, и все люди его любили. Он был силен и смел, и много делал для своего народа. Он был силен и смел, и много делал для своего народа.

Илья Муромец был силен и смел. Он много делал для своего народа. Когда он вырос, то стал еще сильнее и смелее. Он много делал для своего народа, и все люди его любили. Он был силен и смел, и много делал для своего народа. Он был силен и смел, и много делал для своего народа.

«История» об Илье Муромце. Лубочная картинка с текстом. Гравировка 1852 года.

ГПБ. Отдел эстампов, инв. № 50898.

Илья Муромец: «Я ехал, государь, из Муром на Чернигов град и под Черниговым градом побил войска босурманского — и сметы нет, и очистил Чернигов град. И князь кеберской и воевода черниговской вчерашняго дня унесли меня начевать, и отслушал я в Чернигове воскресную заутреню, и подарили меня они по яичку, которая я вашей светлости поднес. А ежели сему⁶ не изволите веры понять, то изволите послать справитца через почту. А из Чернигова, государь, ехал я дорогою

220

на те леса Брянския,
на те грязи топучия,
на те мосты калиновы,
через тое реку Смородину».

И слыша то, князь Владимир встает из места своего с великим гневом на Илью Муромца и говорит таковы речи: «Не подлежит тебе, мужику, меня, такова великова князя, обманывать, я тебя за то велю злои смерти предать!» И рече Илья Муромец: «Великий князь Владимир! За что такой гнев изволиш на меня держать и чем я вас оболгал и какими словами?» И говорит Владимир князь: «Первое ты меня оболгал: сказываешь, что вчерась из Муром, чему статца невозможно. Второе, сказываешь: из Чернигова ехал на леса на Брянския, | на грязи топучия, | на мосты калиновы, | чрез реку Смородину, а тое дорогу заложил силнои богатырь Соловьи разбойник ровно тритцать лет. Не пропускает он ни пешева, ни конного, и не выбираютца у нас из славного города Киева против ево ни единой силой могучей богатырь, а ты сказываешь, что тою⁷ дорогою ехал». И говорит Илья Муромец таковы речи: «Не изволь, великий государь, на меня гневу держать: все правду сказываю пред вашею светлостию. А ежели сему верить не изволите, то изволте посмотреть своего хвалного богатыря Соловья разбойника, которой стоит привязан коня моего у стремени булатнова». И тут все богатыри кинули смотреть, а князь Владимир приказал ево позвать к себе в полаты белокаменные.⁸

И выскочил и кинулся звать Алеша Поповичь на крыло, и стал звать Соловья разбойника неочестливо: «Соловьи разбойник, поди в палаты!» А Соловьи разбойник отвечает: «Алеша Поповичь, бабья б... , пересмешища! Ты на то надеесса, что я таперь в неволе; вышел ты меня звать нечестию, — я тебя хвачю гнилым крылом, что ты у меня на двенадцать сажен в землю увидеш. А ты вышли полутче себя и повежливея позвать меня». Алеша Поповичь пришел к князю Владимиру и сказал, что «не идет и не слушает тебя, великого князя». И князь Володимер послал Добрыню Никитича и велел позвать честию. И Добрыня Никитичь вышел и стал звать с честию. И Соловьи разбойник говорит таковы речи: «Добрыня Никитичь! Не слуга я вашему князю и повеления вашего не творю, а творю повеление Ильи Муромца». Услышал то князь Владимир такие слова и закричал в окошко: «Соловьи разбойник, поди ко мне в палаты!» И Соловьи разбойник отвечает: «Князь Владимир! Не твой я слуга и не слушаю тебя, я слушаю повеления Ильи Муромца, ежели он прикажет». И князь Владимир говорит: «Илья Муромец! Прикажи к нам войти Соловью разбойнику». Илья Муромец крикнул в окошко: «Соловьи разбойник, поди в полаты!» И Соловьи разбойник вошел. И князь Владимир говорит: «Соловьи разбойник, засвищи своим свистом разбойническим, как ты свистал на лесах на Брянских!» И Соловьи разбойник сказал: «Князь Владимир! Не твой я слуга и не слушаю тебя и повеления твоего не творю, а творю я повеление Ильи Муромца». И князь Владимир говорит: «Илья

260

и разсадил князя со княгинею, и целует ея во уста сахарныя, а ест он по быку, а пьет по пивному котлу. И князь Володимер вельми об тебе соболезнует, что ты ево въ едакои печали оставил». И говорит Илья Муромец: «Он еси ты, колечища прохожеи! Что у тебя силы нет или смелости?» И рече прохожеи: «Во мне силы много, да смелости нет». И говорит Илья Муромец: «Он еси ты, колечища прохожеи! Даи мне свою гуню в пятьсот пуд, шляпу в трицать пуд, костьль сорока сажен: пойду в славной Киев град. Вот тебе мои доброй конь богатырской и вот тебе мое платье цветное и тугой лук!»

И пошел Илья Муромец в Киев град, и пришел прямо на княженетской двор, и идет к полатам белокаменным, и закричал и возопил по богатырскому: «Он еси ты, Володимер князь, сошли мне, колечище прохожему, милостыню!» И увидел ево Володимер князь, и говорит таковы речи: «Поди ко мне, колечища прохожеи, в полаты белокаменные, я тебя накормлю и напою и золотой казны на дорогу дам». И вошел колечища прохожеи в ту палату, где сидит князь Владимир и Идолища нечестивой со княгиней Апраксиной королевичиной и целует ея во уста сахарныя. А колечища стоит у печи и на него поглядывает. И Идолища просит есть. И принесли ему, нечестивому, быка целова жирнова, и он ево и с костью съел. Илья Муромец, стоячи у печки, говорит: «У моево батюшки была такая та корова обжержлива, обожралас и издохла». И на то Идолища ответу ничего не дал. И попросил Идолища пить. И принесли ему котел пива двенадцать человек, и он взял за уши, и выпил ево. Илья Муромец говорит: «Была у моево батюшки кобыла обжержлива, обожралас да издохла». И Идолища нечестивой не утерпел и стал говорить: «Он еси ты, колечища прохожеи, што меня замаеш? Мне нечево тебя в руки взять и незачем над тобою рук сквернить. Не то што ты, каков у вас был Илья Муромец, я бы и с тем стычку дал». И богатырское сердце разгорелос и зговорил таковы речи: «Кали бы был Илья Муромец, он бы давно тебе, сабаке, не спустил». И схватил с себя шляпу, и ударил ево в голову так сильно, что прошиб стену полат белокаменных, и, взявши туловища, на двор выкинул. И стали на той радости ясти, и пити, и веселитца. И великий князь Владимир Илью Муромца великими похвалами возвеличил, и причел в сильныя могучия богатыри.

И сеи истории конец.

[АЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН ЗМЕЕВИЧ]

... и над сильными [мо]гучими богатыри, лишь не шути нат Тугарином Змеевичем: Тугарин Змеевич, ус[е]рдия добрая, не любит шутики тоя чезелья». Что взговорит млад Алеша Попович: «Государь ты, ласков князь Владимир киевско[и], али ты, государь, с княгинею не в любви живеш, что промеж вас болван сидит нетесоно[и]?» Что взговорит чашник фрязин Матвеи Петрович: «О[и] еси ты, млад Алеша Попович, не шути ты шутикою несво[и]скою нат Тугарином Змеевичем: Тугари[и]н Змеевич, усердия доброва, не любит шутики тежелыя». Что взговорит чашнику млад Алеша Попович: «О[и] еси ты, фрязин Матве[и] Петрович! Не печалу[и]ся ты об Олеше Поповиче, печалу[и]ся о Тугарине Змеевиче; а за меня печалуетца спас и пречистая богородица».

И приходит день к вечеру, а уже идет пир на вечере, подадут еству девятую лебят белою. И как будет пир навеселе, учили князи и бояре напиватися и сильныя могучия богатыри похвалятися, что в[з]говорит ласков

15 князь Владимир киев[ской]: «Есть ли мои чашник фрязин Матвей Петрович! Налеи чару в полпятя ведра меду слатково за Тугарина Змеевича здравие». И подносит великии ласков князь Владимир киевской меду слаткова Тугарину Змеевичю чару в полпятя ведра, и он ее выпивает одитным духом досуха. После того подносили ту же чару меду слатково младу
20 Алеше Поповичю, и Олеша Попович, прикушев, подает Торопу, слуге своему парапку; а сам говорит такова слово: «О[и] еси ты, Тороп, слуга парабок! Прими чару меду слаткова в полпятя ведра: сам пе[и] и подле себя подчива[и] князе[и] и бояр и свою братью сильных могучих боготыrei. Не бут ты обжирчив в Тугарина Змеевича: у нас была у батюшка моего
25 у Федора, попа соборного, корова обжерчива — шотчи на поварню да барды опилас»...

28

ГИСТОРИЯ О КИЕВСКОМ БОГАТЫРЕ МИХАИЛЕ СЫНЕ ДАНИЛОВИЧЕ
ДВЕНАТЦАТИ ЛЕТ

Бысть в великом в красном столном граде Кieve, у великаго князя Владимира Всеславъевича, было пиrowание почестное на руския сильны богатыри. Пьет, ест велики князь, тешится, а над собою кручины не ведает. То в то время идет молодец ис поля чистого, из шелому из баканова
5 на дву аргамаческих конях, и въезжает на государев двор, и коня ставит бес привези, бежит во светлую горницу, пред князем колпака не сымает, и стал говорить ему: «Государь велики князь Владимир Всеславъевич киевской, пьеш ты и еш и тешисся, а над собою, государь, кручины не ведаеш: идет из болшия орды царь Бахмет сын Тавруевич, а с ним идут
10 богатыри три брата Братовича, а с ними силы со всяким богатырем по три тысяч; да с ними ж идут семь князеи ширских, а с ними силы идут со всяким князем по семи тысячъ; да с ним же идут сорок царевничей, а со всяким царевичем силы по сороку тысячъ, а всей силы с царем Бахметом сыном Тавруевичем сметы нет. И хошет твои столной град Киев за щитом
15 взять, князеи и бояр всех под мечь подклонить, а тебя, великаго князя, поневолить». Тогда велики князь Владимир Всеславъевич киевской закручинился; наливает он в турей рог меду слаткова и подносит своим тритцати богатырям, и говорит им: «Которой из вас выпьет турей рог меду слаткова, тот бы вынел ис под знамени человека перваго, которой ведает
20 думу царскую». И в то время болшеи богатырь хоронитца за менших, а меншаи богатырь хоронитца за болших, и ни которой за то дело не внимается. Потом из тех богатыrei выступает млад Михаило сын Даниловичъ: «Государь князь велики Владимир Всеславъевич киевской! Я, государь, выпью турей рог меду слаткова и выиму ис под знамени человека перваго, которой ведает думу царскую». И в то время взговорит велики князь Владимир Всеславъевич киевской: «Млад Михаило сын Даниловичъ, малым ты малешинек и молодым ты молодешинек, всево тебе от роду двенатцать лет; а умом ты, Михаило сын Даниловичъ, глупешеник, в чистом поле не бывал, криваго ты человека не видывал, на крепком деле не стаивал, робячьим умом говориш». Ответ держит млад Михаило сын Даниловичъ: «Государь, князь Владимир Всеславъевич киевской! Вели, государь, поимать гоголя и вели держать три года, да пусти, государь, того гоголя на воду, и умеет ли тот гоголь по воде плавати: так та наше богатырское сердце неу[и]мчиво». Тогда великому князю Владимиру Всеславъевичю киевскому то слов полюбилось. И говорит ему: «Млад Михаило сын
35 Даниловичъ! Буди ты пожалован во всем столном граде Кieve». Ответ

Алеша Попович. Лубочная картинка XVII—XVIII века.

ГПБ, собрание А. В. Олсуфьева, т. XI.

держит млад Михаило сын Даниловичь: «Много твоего государского жалованья».

И оседлал млад Михаила сын Даниловичь добра коня наступчитова с черкасским седлом, и подтянул двенадцатью подпружинами шелку шемоханского, и надевал на себя крепкой доспех богатырской, и положил на главу свою злат венец. И садился млад Михаило сын Даниловичь на своего добраго коня наступчитова, и поехал ис Киева града не воротами, и скакал чрез ограду каменную, и поехал к почестному монастырю, ко отцу своему Даниле Ивановичю просить от него прощения и благословения. Тогда приехал млад Михаило сын Даниловичь ко отцу своему Данилу Ивановичю и стал у него просить благословения: «Благослови ты меня, батюшка, ехати в поле чистое на шелом и на баканов против царя Бахмета сына Тавруевича и вынетъ ис под знамени человека перваго, которои ведает думу царскую». Потом стал говорить отец ево Данило Ивановичь: «Чадо мое милое, млад Михаило сын Даниловичь.¹ Аз я в Киеве жил девяносто лет, выезжаючи ис Киева, побивал девяносто побоищев, и ис под знамени человека перваго не вынимывал, и х Киеву к великому князю Владимиру Всеславъевичю не проваживал, и на муку такова человека не даывал, и греха на себе не принимал. Буде ты, чадо мое милое, едеш неволею, и ты добиваися до знамени чернаго;² а буде ты, чадо мое, едеш волею, и ты добиваися до знамени последнего, и ни на кого не надеися: бог тебе, чадо мое, на помощь подаст».

Тогда млад Михаило сын Даниловичь взял у отца своего благословение и прощение и поехал в поле чистое на шелом и на баканов против царя Бахмета сына Тавруевича. Тогда погледит в сторону — сила рать великая, в другую сторону посмотриг — и тово более, и на третью сторону погледит — аки вода сильная колыбается. Тогда млад Михаила сын Даниловичь утрашился и рече себе: «Буде поехать мне молотцу, не побив побоища, к столному граду Киеву и великому князю Владимиру, то принять мне от него кручину великую, а от своей братьи позор мне будет великой; а как побью побоище и с того побоища поеду к столному граду Киеву к великому князю Владимиру Всеславъевичю киевскому, то будет мне честь и хвала от великого князя Владимира Всеславъевича киевского и от своей братьи великая». Тогда млад Михаила сын Даниловичь помолился честным образом, и стал призывать господа бога на помощь, и стал напущать он на полки татарские, что ясен сокол на стада на галечья.

Тогда выезжают против Михаила сына Даниловича сильные богатыри три брата Братовича, а с ними силы выходит по три тысячи. Тогда млад Михаила сын Даниловичь убил трех братьев Братовичев, тако ж и силу их всю побил. Потом выезжает против ево семь князеи ширских, а силы с ними по семи тысячь. И млад Михаила сын Даниловичь убил семь князеи ширских, тако ж и силу их всю побил. А потом выехали против Михаила сына Даниловича сорок царевичев, а силы с ними со всяким царевичем по сороку тысячь. Тогда млад Михаила сын Даниловичь убил сорок царевичев, тако ж и силу их всю побил.

Потом выезжают против Михаила сына Даниловича мурзы улановя и говорят ему таково слово: «Государь ты дородной доброи молодец! Как тебя по имени зовут и по отчеству? И даи ты нам сроку на три дни». Тогда млад Михаила сын Даниловичь ответ держит: «Зовут меня по имени Михаилою, а по отчеству Данилов сын, а ежду я ис краснаго столного города Киева от великаго князя Владимира Всеславъевича киевскаго». То Михаила сын Даниловичь дал им сроку на три дни, а сам поехал к белому своему шатру полотняному, и стал в том шатре опо-

90 чивать, и опочивал три дни и три ноши бес просыпу. А мурзы улановя в ту пору около полков своих капали рвы глубокия, ва рвах тыкали тарчи вострыя, крыли полстми ордынскими, делали мосты апрометныя.

Тогда млад Михаила сын Даниловичь от сна просыпается, и воору-
 95 жается, и садится на свои доброй конь, и напустил на полки татарския —
 первой полк побил; тогда напустил на второй полк — и тот полк побил;
 тогда напустил и на третий полк — и тот же полк побил. И в те поры млад
 Михаил сын Даниловичь ввалился въ яму глубокою, а конь ево выдрался
 и поскакал в чистое поле. А Михаилу сына Даниловича вынули изъ ямы
 и связали ево, оковали ему ноги по колени, а руки по локти, и повели ево
 100 в полки татарския ко царю Бахмету сыну Тавруевичю. Что взговорит
 царь Бахмет сын Тавруевичь Михаиле сыну Даниловичю: «Как тебя, мол-
 лотца, по имени зовут и которои ты деревни или вотчины?» Ответ держит
 млад Михаил сын Даниловичь: «Государь царь Бахмет сын Тавруевич,
 по имени меня зовут Михаилою, а по отчеству сын Данилович, а ежду
 105 я и [з] столного града с Киева от великаго князя Владимире Всеславъевича
 киевского». Тогда стал ему говорить царь Бахмет сын Тавруевичь, Ми-
 хаиле сыну Даниловичю: «Служи ты мне верою и правдою, как ты слу-
 жиши великому князю Владимиру Всеславъевичю киевскому; я тебе у себя
 в Золотой Орде долю дам да треть своего царства». Ответ держит млад
 110 Михаил сын Даниловичь царю Бахмету сыну Тавруевичю: «Рад тебе слу-
 жить верою и правдою, своею саблею острою над твоею шею толстою». Тогда
 возговорит царь Бахмет сын Тавруевичь: «Мурзы улановя, воз-
 мите Михаилу сына Даниловича за белые руки и поведите ево за
 белые шатры полотняные и снимите с него буиную ево голову».
 115 Потом стал им говорить млад Михаила сын Даниловичь: «Кто хошет жить
 подолше, тот бжи подале, а хто хошет жить поменше, тот подвинся по-
 ближе». Тогда взговорят ему мурзы улановя: «Брате Михаиле, теперь ты
 у нас в руках, а грозиж нам». Потом не ясен сокол вострепенулся, а млад
 Михаил сын Даниловичь сложил с себя железа с рук и с ног и побил
 120 около себя людеи многое множество. И тогда люди ево многия обхватили,
 и он ис под телеги ордынской ось выслемил, и учел их побивать на все че-
 тыре стороны, и дограбился до добра сотка каменного, и тут полки кло-
 нил. И уже Михаил сын Даниловичь уже по колени в крови бродит.

Тогда выходил из бела шатра царь Бахмет сын Тавруевичь и бьет челом
 125 о сыру землю: «Государь мой, млад Михаил сын Даниловичь, отпусти ты
 меня в мою орду хотя сама третья, и аз бы в своей орде племя развел». Тогда
 стал говорить млад Михаила сын Даниловичь царю Бахмету сыну Тав-
 руевичю: «Отпущу я тебя в твою орду за то сама третья, что аз был
 у тебя в поимани,— в болшей орде долю давал да треть своего царства;
 130 и ты поди в свою орду». Тогда царь Бахмет сын Тавруевичь поклонился
 ему и поехал в свою орду, а млад Михаил сын Даниловичь убирался и
 вооружался, и садился на свои доброй конь, и поехал к столному граду
 Киеву, к великому князю Владимиру Всеславъевичю.

Тогда лих был на Михаилу сына Даниловича оговорщик в Киеве, ого-
 135 ворил великому князю Владимиру Всеславъевичю киевскому: «Государь
 велики князь Владимир Всеславъевичь киевской! Млад Михаил сын Да-
 нилевичь ездил по деревням да по вотчинам, пил да ел да бражничел,
 а не у твоего дела царскаго был». Тогда великии князь Владимир Всесла-
 вьевичь киевской на Михаилу сына³ Даниловича разкручинился и велел
 140 ево посадить в темницу заключенную, въ яму глубокою сорока сажен, где
 сидел Ставерха сын Годинович. Посадили Михаилу сына Даниловича
 въ яму глубокою; и велел ему на неделю места хлеба по снопу по овся-

ному давать: то ему Михаиле сыну Даниловичю за выслугу. И накрыли цкою железною, и зарыли землю накрепко, опустили решетки железные и приставили крепость великую. 145

Потом велики князь Владимир Всеславьевичь киевской призывает слугу своего вернаго, по имени зовут Илью Муромца, проведать о побоище Михаила сына Даниловича: «Коли он побил силу рать великую, то я ево ис тюрьмы вон выпущу». Тогда Илья Муромец скоро метался, и садился на свои доброй конь, и поехал в чистое поле на шелом и на баканов. И ездил Илья Муромец двенатцать дни, и не мог он об[ъ]ехать труп татарскаго. И потом изъехал труп татарской — где пригор, тут по щеку коню крови; а где привражие, тут ⁴ по колени коню крови; а где прибрег, тут по чрево коню крови. Потом Илья Муромец возвратился к столному граду Киеву, к великому князю Владимиру Всеславьевичю киевскому. И как будет Илья Муромец среди двора государева, и ставит своего коня бес привези, а сам бежит скоро в белокаменные полаты, и молитца честным образом, и бьет челом великому князю Владимиру Всеславьевичю киевскому о сыру землю. Что взговорит ⁵ Илья Муромец: «Гои еси, велики князь Владимир Всеславьевичь киевской, живу я у тебя тритцать три года, а побоища такого не побивывал, что грозно побил побоище млад Михаила сын Даниловичь. А труп татарскаго — где пригор, тут по щеку коню крови; а где привражие, тут по колени коню крови; а где прибрег, тут по чрево коню крови». Тогда велики князь Владимир Всеславьевичь киевской в тот час велел изъ ямы вынуть Михаилу сына Даниловича. И в то время вынули ево изъ ямы глубокия, и привели ево пред великого князя Владимира Всеславьевича киевского. Что взговорит велики князь Владимир Всеславьевичь киевской Михаиле сыну Даниловичю: «Буди ты от меня пожалован; злата казна про тебя не запечатана, драгоценное платье про тебя не изношено, добрыя кони стоят не об[ъ]езжаны». Тогда стал говорить млад Михаило сын Даниловичь: «Государь мой, велики князь Владимир Всеславьевичь киевской, много твоего государского жалованья! Пожалуй, государь, отпусти ты меня к батюшке моему Даниле Ивановичю в монастырь постритца; а у тебя, государя моего, в великом столном граде Киеве лихи оговорщики: не велят тебе, великому князю Владимиру Всеславьевичю киевскому, служить верою и правдою и вочью неизменою». 160 165 170 175

Потом велики князь Владимир Всеславьевичь киевской отпустил млада Михаилу сына Даниловича двенатцати лет к отцу ево Даниле Ивановичю в монастырь для пострижения в монашески чин. Тогда млад Михаила сын Даниловичь великому князю Владимиру Всеславьевичю киевскому поклонился, и чюдным образом помолился, и поехал к отцу своему Даниле Ивановичю в монастырь. И приехавши в тот монастырь, постригся в монашески чин, и стал в том монастыре жить в великой славе и чести до смерти своей. 180 185

Тем сия гистория конец восприяла.

Во граде Киеве бысть при старосте, при великом князе Манамахе Владимировиче, был богатырь стар добре, больши ему девяноста лет. Да охочь был до потехи кречатные, не покинул он потехи¹ и до старости. Лучилось ему выехать с красным кречятом на празник на усекновение

5 чесныя главы Ивана Предотечи. И не доежаючи быст[р]а Непр^а Слаутича, наехал на малои заводи многия лебеди. И богатырь тому учал дивитися: «На тои на малои заводе не наеживал я ни гусей, ни утят, ан нынеча вижу многия лебеди: а все то недаром. Поеду, поеду, посмотрю быстра Непра Слаутича».

10 И приезжает Сухан ко быстр^у Непру Слаутичу, а ужь Непр река² смешалась з желты пески. И Сухан стал, задумался. Ажно по заречью ездит человек, а волочит за собою копье с прапором, да вопит громко голосом: «Ои еси, Сухан Дамантьевичь! Ты славен в Киеве велик богатырь, а по ся мест не ведаешь, ужь тому девятои день как перевозитца через
15 быстрой Непр царь Азбук Товруевичь, а с ним 70³ царевичей, а со⁴ всяким царевичем по семидесяти по две тысячи. В правой руке и в левой и в сторожевсм полку не успел сметить. Добре с ним людие много, бес числа. И наши прародители тем царем служивали, и царьские приходы весно чинили, и вам, богатырем, в Киеве было ведомо». Да молыл слово и поехал
20 прочь.

И Сухан стал, закручинился, и мечет кречата с руки далече, и рукавицу о землю бросает. Не до потехи стало Сухану кречатные, стало до дела государева: «По грехом есми запросто выехал, саадака и сабли нет на мне и ни[ка]кова ратнова оружия. Поехать мне х Киеву для ратнова
25 оружия, — и богатырей в Киеве умножилось, и в правосте своеи под старость не прослыть сиротиною». И поехал Сухан ко дуброве зеленои, и наехал сыр зелен падубок, да вырвал ево и с кореньем, да едет с ним, не очищаючи.

И как выезжает из добровы зеленые, — а не белое каменье на горах
30 лелеются, белеютца доспехи их во всех полках. А некак богатырю людие сметить. Учал богатырь богу молитися: «О, царице богородице! Утоли стремление безумьное, смири сердце нечестивое. Похваляся бусурьман, и горьдь пошел пленить земьяю Рускую, разорить веру крестьянскую, разьрушить место церкви божи, осквернити место чудотворное! О, царице богородице!
35 По грехом есми запросто выехал, саадака и сабли нет на мне, никакова ратнова оружия. Только у меня сыр зелен падубок, и тово мне очистить нечем». Учал богатырь плакати и горячи слезы ронить.

Загаркал, напустил на них. Свищет падубок в руке богатырской, ломаются древа копсиные,⁵ щепляются щиты татарские, валяются шоломы
40 их з головами [та]тарскими. И учили татаровя острог ставить, одернулися телегами ординьскими. А говорит Сухан Дамантьевичь: «Которые татаровя на Руси не бывали, те про Сухана не ведают, и оне у товарищев своих слыхали в ордах смолада. А⁶ ныне, а⁶ ныне со мною они без⁷ городу не умеют битися». Кольнул Сухан под собою коня острогами булатными,
45 конь ево скочил через телеги⁸ ордынские, стал среди острогу татарскова. И Сухан бьет татар падубком на все четыре стороны. Куды Суханан ни оборотится, тут татар костры лежат. Тех татар всех побил.

Да едет Сухан ко быст[р]у Непру Слаутичу на берег, да вопит громко голосом: «Царь Азбук Товруевичь! Вели меня подождати малехонько, яз
50 тебе ис Киева выведу поминки многия от царя и великаго князя Владимира, и всем твоим князьям, и татаровям, и мурзам,⁹ и улановям без выбору. По грехом есми запросто выехал. У падубка коренье обломалося, одно лишь осталось обломчишко». Да молвил слово, поплыл за быстрой Непр.

55 Царь Азбук, видя свою неминучую, убить богатыря нечим, велел зарядить три порога, а в пороге по рогатине. И скоро мечютца к оврагу глубокому, и заредили борзо три порока, а в пороке по рогатине. И Сухан

переплыл через быстрый Непр, не переехал скоро с обломчишком на берег. И татаровя ис по[ро]ка стрелили да грешили, из другога стрелили — грешили; из третьева ст[р]елили — убили богатыря против сердца богатырскова, отрезали коренья сердечное. И богатырь забыл рану смертную, загаркал, напустил, да и тех побил всех татар.

И богатырь узънал рану смертную, учал борзо спешить ко граду. . .¹⁰ узрел на Сухане рану смертную и послал по лекари многия, и у Софеи велел молебны петь за Суханово здоровье. И учал государь Сухана жаловать своим жалованным словом: «Сколько тебе, Суханушъко, городов и вотчин надобе, тем тебя пожалую за твою великую службу». И Сухан государю бьет челом: «Дошло, государь, не до городов, ни до вотчин. Даи, государь, холопу жалованное слово и прощенье».¹¹ Последние молвил слово, в том часу и умолкнул.

Не злата труба вострубила, восплакала мать Суханова: «Хотя тебя, Суханушко, звали бражником и охочь был пропиватися, а ныне ты над собою, видишь, совершение учинил. Не о том я плачу, что вижу тебя смертнаго, плачу я о твоём доротъзве во истинной храбрости, что еси дорос человечества, умер на службе государеве». И отънесла ево в пещеру каменну. Тут тебе, Суханушко, смертной живот вовеки.

30

[ПОВЕСТЬ О СУХАНЕ]

Во граде Кieve бысть при старосте, при великом князе Манамахе Владимировиче, был богатырь стар добре, больши ему девяноста лет. Да охочь был до потехи кречатные, не покинул он потехи и до старости. Лучилось ему выехат с красным кречятом на праздник на усекновения чесныя главы Ивана Предотечи. И не доежаячи быст[р]я Непра Слаутича, наехал на малой заводе неаживал я ни гусей, ни утя, ан нынеча вижу многия лебеди: ай все то недаром. Поеду, поеду, посмотрю быстра Непра Слаутича».

И приежает Сухан ко быстру Непру Слаутичу: ужь Непр река смешалас з желты пески. И Сухан стал задумался. Ажно по заречью едит человек, а волочит за собою копые с прапором, да вопит громко голосом: «Ой еси, Сухан Далматьевичъ! Ты славен в Кieve велик богатырь, а по ся мест не ведаешь, ужь тому девятой день как перевозитца через быстрей Непр царь Азбук Тавруевичъ, а с ним 70 царевичей, а со всяким царевичем по семидесяти по две тысячи. В правой руке и в левой, и сторожей во полку не успел сметить. Добре с ним людей много, бес числа. И наши прародители тем царем служивали, и царские приходы весно чинили, и вам, богатырем, в Кieve было ведомо». Да молъвил слово и поехал прочь.

И Сухан стал, закручинился, и мечет кречета с руки далече, и рукавицу о землю бросает. Не до потехи стало Сухану кречатные, стало до дела государева: «По грехам есми запросто выехал, саадака и сабли нет на мне и никова ратнова оружия. Поехат мне х Кieve для ратнова оружия, — и богатырей в Кieve умножилос, и в правосте своей под старость не прослыт сиротиною». И поехал Сухан ко дуброве зеленой, и наехал сыр зелен падунок, да вырвал ево и с кореньем, да едет с ним, не очищаючи.

И как выезжает из добровы зеленые, — а не белое каменье на горах белеютца, белеютца доспехи их во всех полках. А не как богатырь людей сметити. Учал богатырь богу молитися: «О, царице богородице! Утоли

30 стремление безумное, смири сердце нечестивое. Похваляся бусурьманин
 горд, пошел пленить землю Рускую, разорить веру крестьянскую, разру-
 шить церкви божи, осквернити место чудотворное! О, царице богородице!
 По грехам есми запросто выехал, саадака и сабли нет на мне, никакова
 ратнова орушья. Только у меня сыр зелен падубок, и того мне очистит
 35 нечем». Учал богатыр плакати и горячи слезы ронит.

Загаркал, напустил на них. Свищет падубок в руке богатырской, ло-
 маются древа копе-копейные, щеплются щиты татарские, валяются шеломы
 и з головами тарскими. И учали татаровя острог ставить, одернулися те-
 легами ординскими. А говорит Сухан Дамантьевич: «Которые татаровя
 40 на Руси не бывали, те про Сухана не ведают, и оне у товарищев своих
 слышали в ордах смолода. А ныне оне со мною оне без городу не умеют
 битися!» Кольнул Сухан под собою коня острогами булатными, кон ево
 скочил через телелеги ордынские, стал среди острогу татарскова. И Су-
 хан бьет татар падубком на все четыре стороны. Куда Суханан ни оборо-
 45 тится, тут татар костры лежат. Тех татар всех побил.

Да едет Сухан ко бысту Непру Слаутичу на берег, да вопит громко
 голосом: «Царь Азбук Товруевич! Вели меня подождати малехонко, яз
 тебе из Киева выведу поминки многия от царя и великаго князя Влади-
 мера, и всем твоим князьям, и татаровям, и мурзам, и улановям без
 50 выбору. По грехом есми запросто выехал. У падубка коренье обломалося,
 одно лиш осталос обломчишко». Да молвил слово, поплыл за быстрый
 Непр.

Царь Азбук, видя свою неминучую, убить богатыря нечим, велел
 зарядить три порога, а в пороге по рогатине. И Сухан переплыл через
 55 быстрой Непр, не переехал скоро с обломчишком на берег. И татаровя ис
 по[ро]рка стрелили да грешили, из другова стрелили — грешили, из третева
 ст[р]елили — убили богатыря против сердца богатырскова, отрезали коренье
 сердечное. И богатыр забыл рану смертную, загаркал, напустил, дай тех
 побил всех татар.

60 И богатыр узнал рану смертную, учал борзо спешит ко граду... узрел
 на Сухане рану смертную и послал по лекари многия, и у Софеи велел
 молебны петь за Суханово здоровье. И учал государь Сухана жаловат
 своим жалованым словом: «Сколько тебе, Суханушъко, городов и вотчин
 надобе, тем тебе пожалую за твою великую службу». И Сухан государю
 65 бьет челом: «Дошло, государь, не до городов, ни до вотчин. Дай, госу-
 дарь, холопу жалованное слово и прошение». Последней молвил слово,
 в том часу и умолкнул.

Не злата труба вострубила, восплакала мат Суханова: «Хотя тебя,
 Суханушко, звали бражником и охочь был пропиватися, а ныне ты над
 70 собою, видишь, совершенье учинил. Не о том я плачу, что вижу тебя
 смертнаго, плачу я о твоём доротъзве по истинной храбрости, что еси дорос
 человечества, умер на службе государеве». И отнесла ево в пещеру каменну.
 Тут тебе, Суханушко, смертный живот вовеки.

СКАЗАНИЕ О СЕДМИ РУСКИХ БОГАТЫРЯХ

В столном было граде Киеве, у великаго князя Владимира, было пиро-
 ванье почестное на многия князи и бояря и на сильныя могучия богатыри.
 И как пошел пир навоселной, и зговорит князь Владимир киевски своим
 руским богатырям: «То вам, богатырям, ведомо ли, что отпускает на меня

царь ис Царяграда сорок два богатыря, а велит итѣти ко мне изгонею⁵ в Киев град. И вам,¹ богатырям, накрѣпко стоять, [из] столнаго града Киева от[ѣ]езду никакова не учинить никуды себе из моя вочины». И слышали руския богатыри таково слово, и пошли оне из зо стола, недокушамши. Бьют челомъ оне великому князю Владимиру киевскому семь богатырей: первои богатырь славны Илья Муромец, втори богатырь дворянин Залешенин, трети богатырь млад Алеша Поповичъ, четверты богатырь Глапит, пятои богатырь² Сухан Домантьевичъ, шестои богатырь дворянин Белая Палица, седмои богатырь Добрыня Микитичъ. Что зговорят богатыри таково слово: «Государь ты велики князь Владимир киевски! Не извадились мы, государь, дома сидеть, извадились мы, государь, сами¹⁵ ездить по полю по чистому, побивать люди многия; отпусти нас, государь, в поле чистое, мы тебе принесем вестъ правую и языки приведем многия. И зговорит велики князь Владимир киевски: «Не пригоже вам меня покинуть в столном граде Киеве, а я тех людеи жду к себе с часу на час».

И в те поры руския богатыри закручинились. Ударили челом князю²⁰ и прочь пошли; идут же богатыри ко своимъ добрым конем. И кладут на себя доспехи крепкия, садятца богатыри на съвои добры кони, едут же богатыри в поле чистое прямых вестей проведывать. И зговорят, едучи, промежь себя таково сълово: «Лутче нам тои срамоты великия, как случитца нам в чистом поле смерть недобрая. Поидем мы прямо к Царю-граду!»²⁵

И как будутъ богатыри от Царяграда за 12³ верст, переждают богатыри Смугру реку, ажно едут встречю 12³ человек, все каличи перехожия, а платьѣ [на них калическое]. И приехал к нимъ млад Алеша Поповичъ, а сам говорить им таково слово: «Братцы вы, каличи перехожия!³⁰ Давайте вы нам съ себя платьѣ калическое, а у нас берите платьѣ скорлятное — скорляту белаго». И зговорят каличи таково слово: «Он еси ты, млад Алеша Поповичъ! Не дадим тебе мы своего платьѣ калического». А у калик атоман, а зовут ево Никитою, а родом Карачевец. И приждает к ним другой богатырь — Илья Муромец, а сам говорить таково слово:³⁵ «За то нам бранитца не за што, емлите вы у нас платьѣ светлое, а нам давайте платьѣ калическое!» И зговорят каличи таково слово: «С тобою говорить, Илья, нечево, и спору нет». Дают же калиги перехожия свое платьѣ съ себя калическое руским богатырям, а богатыри дают съ себя свое платьѣ светлое. Да спрашивает их Илья Муромец, перехожих калик:⁴⁰ «Почто, Никита, ходил во Царьград?» Никита ему сказал таково сълово: «Ходили мы проведывать прямых вестей: есть ли отпуск из Царяграда богатырям ко граду Киеву? И те весты нам прямо неизменные: ездят богатыри во Цареграде, а хвалятца при царе, что хотят ехать к Киеву и в Киве учинить сеча великая, а князя Владимира и ево княгиню и съ ево богатыри в полон взять». И слышали руския богатыри таково слово, и зговорит силны богатырь Илья Муромец своим товарищем: «Слышите ли, братцы, таково слово? За совет слуги и головы складывают!» И оставляют тут богатыри своих [добрых коней] у Смугры реки и все свои наряды богатырския, емлют же по одной по булатной палице, и те несут под полами. И пошли прямо ко Царюграду. Идучи, говорят таково слово: «Кто у нас, братцы, говорить горазд языком татарским?» И зговорит дворянин Залешенин: «Всех у нас лутче говорить млад Алеша Поповичъ: каков он трезвъ, таков и пьян, и всех нас лутче бранитца».

И как пришли богатыри во Царьград, и в те поры идет у царя стол⁵⁵ навоселнои, а в сътоле подают третью естъву. И учили калики прошать у царя на навосельѣ милостыни, стоячи против окна царьсково, и воскри-

чать громко голосом. И услышал тут царь Константин сам калик прошения из своя полаты царския. И взговорит царь Константин своему богатырю Тугарину Змиевичю: «Вели позвать калик в полату ко мне, и услышу по речам о киевских вестях: либо что они ведают». И позвали в полату калик тех ко царю, и царь учал их спрашивать: «Скажите нам, каличи переходя, ис котораго града ходите?» И зговорит, туто стоючи, Илья Муромец: «Ходым мы, государь, ис Киева града от князя Владимира киевскаго».

65 А против царя сидит ево богатырь Идолище жидовское. И зговорит богатырь Идолище великому царю Константину: «Государь ты волной царь! Спроси их о киевских богатырях, сколко их ныне у великаго князя Владимира киевскаго?» И зговорит, туто сътоючи, Илья Муромец: «В Киеве, государь, 32³ богатыря, да удалы добре, необычно! Есьть славен богатырь Илья Муромец». И рече царь Константин: «Каков он рожею и ростом? Посмотри по нашим богатырям». И зговорит стоючи Илья Муромец: «Ростом толко с меня и рожею походил на меня». И зговорит, туто сидечи, Идолище великое, посмехаючись: «Аще ли правда, что он таков, Илья Муромец, и я ево посажу на ладонь, а другою раздавлю». И зговорит Идол богатырь царю Константину: «Не мешкаи, государь царь Константин, службы богатырския! Отпусти нас скоро х Киеву граду; волного слова не будет солгонова, мы как будем в Киеве, и привезем мы к тебе великаго князя Владимира киевскаго и с княгинею ево, и съ ево богатыри. И в Киеве учиним сечю великую». И не стерпел такова слова⁴

80 слышать млад Алеша Поповичь, и зговорит таково слово Идолищу: «Как ты приедеш х Киеву, такова тебе слова не говорити, и не узнаеш от Киева дороги, и не путем прочь поедеш; и еще тебе живу не отеждевать прочь от Киева!» Идолище же на него осержаетца. И зговорит дворянин Залешенин: «Твоего государь, царскова меду упилса калика и говорить ни ту ни сю». И зговорят Алеше товарищи потихонку: «Уими свое сердце богатырское, потерпи малешенко; нелзя нам с тобою такова слова молвити!»

И спрашивает их царь Константин: «Видали ли вы в Киеве лошадей богатырских?» И зговорит дворянин Залешенин: «По вся дни выдаем мы лошадей киевских богатырей». И зговорит богатырь⁵ Идолище великое: «Государь ты волной царь, вели показать наши лошади богатырския». И скоро ведут лошади богатырския: Идолища богатыря лошадь ведут 20³ человек на двух цепях золотых, ведут же лошадь богатыря Тугарина Змиевича десять человек. И калики лошадей видели. И зговорит дворянин Залешенин: «Сверху, государь, мы не умеем смотреть; вели, государь, нам на земли посмотреть».

Идут же калики от царя ис полаты, исъ сеней оне лошадей смотрели, и говарять промежь себя, идучи: «Теперво намь, товарищи, пора пришла — готовте вы свои булатныя палицы». И скоро кинулись калики, и отнели по добру коню, и полетели тут головы богатырския и татарьския.

100 И сели на добры кони, и поехали и[з] града вон.

Один осталься тут млад Алеша Поповичь, а сам говорит царю таково слово: «Потому есть поехали из града вон, что оставили мы своих добрых коней богатырских у Смугры реки, а хотим мы с тобою и с твоими богатыри переведатца». И ударя челом царю, и поехал прочь до своих товарищев и к своим добрым конем.

И учили богатыри руския нарежатца и класть на себя доспехи крепкия, и емлют свою збрую ратную. Ажно скачют богатыри от Царяграда погоней великою. И зговорит млад Алеша Поповичь своим товарищем: «По-
110 стоите, братцы, малешенко, дайте мне с ними переведатца и поперетись!»

А Илья Муромец встречает их от своего стану в полуверсте, и все богатыри за ним же. И скоро богатыри съехались, и ударились копьями, вострыми концами; испробили на себе все доспехи крепкия копьями вострыми, и по присатки [копья] поломались. И зговорит Илья Муромец: «Уже ли збили богатыреи з добрых коней?» И побили туто всех богатыреи сорок человек, а двух живых взяли: Идола Скоропита да Тугарина Змиевича. И поехали ко Царюграду, ко царю Константину. 115

И зговорит Илья Муромец: «Ведомо ли тебе, царю: мы твоих богатыреи побили, а двух живых взяли? А тебя мы, царя, ничем не двигнем, ни черным волосом, потому что мы поехали ис Киева без государева ведома на похвалу твоих богатыреи. И мы тебе не отдадим твоего богатыря Тугарина Змиевича, отдадим тебе твоего богатыря Идола Скоропита; а съ собою емьлем в Киев град ко князю Владимиру на показ Тугарина Змиевича, богатыря удалова». 120

Не белая лебедь воскликнула, восплачетца Тугаринова мать, бьет челом руским богатырям и благоверной царице Елене: «Благоверная царица! Упроси ты у руских богатыреи!» И зговорит благоверная царица Елена: «Ои еси ты, Илья Муромец с товарищи! Отпустите вы Тугарина Змиевича, утрите вы слезы кровавыя, не нанесите на себя клятвы вечныя!» И зговорят руския богатыри таково слово: «Государыня благоверная царица Елена! Не двигнем мы Тугарина ни черным волосом для твоего, государыня, пьрошения; а Тугарин будет в Киеве граде у князя Владимира киевскаго и потом будет во Цареграде у тебя, государыня. А теперво нам оставить во Цареграде нельзя, потому что нам государю великому князю Владимиру ударить челом нечим». И руския богатыри ударили челом царю Костянтину, и поехали прочь х Киеву граду. И ведут богатыри Тугарина Змиевича. 125 130 135

И едут богатыри по полю по чистому, и как будут богатыри близ града Киева, выбирают себе богатыря Залешенина и посылают ево ко граду Киеву ко князю Владимиру киевскому со здоровьем. И приехал дворянин Залешенин в Киев град ко князю Владимиру киевскому, и говорит таково слово: «Многолетнее здравие государю великому князю Владимиру киевскому! Вели, государь, нам, холопям твоим, свои очи видети! Были мы, государь, без твоего, государева, ведома во Цареграде для твоих государевых недругов, и убили во Цареграде сорок богатыреи, а двух живых взяли: Идола Скоропита да Тугарина Змиевича; одново отдали царю Константину, а другава съ собою взяли — Тугарина Змиевича, удалова богатыря. А к тебе, государь, приехал дворянин Залешенин к великому князю Владимиру править от своих товарищев здоровье». И государь их пожалывал: велел им приехати к себе. 140 145 150

И приехали богатыри в Киев град к великому князю Владимиру и привели языка — доброва и удалова богатыря Тугарина Змиевича. И государь их пожаловал за ту службу верную, давал им шубы соболиныя и цепи золотыя великия. Да им же говорит таково слово: «И впред я буду вас жаловать за вашу службу верную». 155

Спрашивает велики князь Владимир киевски Тугарина Змиевича о вестях: «Что у вас вести во Цареграде?» И зговорит Тугарин Змиевич таково слово: «Что ты, государь, меня спрашиваеш о вестях? Все вести у тебя, государь! Нет, государь, тебя грозней во всех царьствах, а богатыrei твоих нет удаlea во всех землях». Бьет челом Илья Муромец с товарищи: «Смилуися, государь велики князь Владимир киевски! Отпусти, государь, Тугарина Змиевича: дали есть слово благоверной царице Елене, что нам у тебя, государя, упросити Тугарина Змиевича». И зговорит 160

князь Владимир киевски своим богатырям: «Были вы во Цареграде и
165 всех богатырей в поле побивали!»

Отпускают же Тугарина Змиевича з добрым конем и з своею збруєю
ратною. И провожают ево до Царяграда до рубежа, и отпустили ево во
Царьград. И зговорят ему богатыри таково слово: «Скажи ты, Тугарин
Змиевич, государыне благоверной царице Елене: еще есмы в правде
170 устояли и царское все исполнили — государю служба служена и честь по-
лучена».

И поехали богатыри назад в Киев град ко князю Владимиру киев-
скому, и стали славно жить во граде Киеве.

И их храбростьи слава не минуетца.

32

СКАЗАНИЕ О РУСКИХ БОГАТЫРЕХ И О КИЕВСКИХ
И О ЦАРЕГРАДЦКИХ

В столном граде Киеве говорит государь князь Владимир киев[с]ким
богатырем, что «на меня отпускает царь из Царяграда сорок два богатыря,
а велит им изгонею в Киев град итьти. И вы, багатыри, никуды бы не
выехали, ни на какую потеху, берегли бы есь столняго града Киева и
5 вся моя вотчины». И в те поры от великого государя князя Владимира
били челом 7¹ багатырей: первый багатырь Илья Муромец, вторый бога-
тырь Добрыня Никитич, третий багатырь дворянин Залешанин, четвертый
богатырь Алеша Попович, пятый багатырь Глагин, шестый багатырь Су-
лан Дамантиевич, седмый багатырь дворянин Белая Поляница. Зговорят
10 багатыри таково слово: «Государь, князь великий киевский! Покажи ми-
лость, государь, не извадилися мы сторожем стеречи, извадилис мы, госу-
дарь, сами ездить и побивать; отпусти, государь, нас топерво на поле, мы
тебе, государь, вести прямыя отведеам и языка к тебе приведем». Зговорит
князь великий Владимир киевский: «Не пригоже вам меня во граде по-
15 кинути, а жду я тех людей с часу на час в Киев град».

И в те поры багатыри закручинилис. И ударили челом великому князю
Владимеру, и пошли багатыри к своим добрым конем. Кладут на себя
доспехи крепкие, садятся багатыри на свои добры кони, едут багатыри на
поле чистое. Зговорят промеж себя: «Лутьчи нам самим тои соромоты,
20 хотя нам случится недобрая смерть. Поедем мы прямо ко Царюграду!»

И как будут багатыри за 12¹ поприщ до Царяграда, переезжают
Смогру реку, а[ж]но идут 12¹ человек, а на них платье калическое. При-
ехал к ним Алеша Попович, говорит им таково слово: «Братцы вы, калики
перехожие! Давайте вы нам с себя платье каличье». Зговорят калики пе-
25 рехожие: «Ои еси ты, Алеша Поповичь! Мы тебе не дадим платья с себя
каличья, а мы люди нищие». [А у калик атоман], а самово ево зовут Ни-
китою, а родиною он Карачевец. Приезжает к ним Илья Муромец, згово-
рит им Илья: «Не за што нам, братцы, бранитися, и емлите вы у нас
платье светлое, а нам давайте с себя платье каличье!» Зговорят калики,
30 перехожие люди: «С тобою нам, Илья Муромец спору не будет». Дают
с себя платье калики перехожие калическое, а багатыри с себя дают платье
светлое. Говорит Добрыня Резановичь: «Почто² ты, Никита Карачевец,
ходил во Царьград?» И Никита сказал ему: «Ходил я прямых вестей про-
ведывать: есь ли отход и отпуск багатырем х Киеву? И те вестеи прямо
35 неизменные: ездят багатыри во Цареграде, а хвалятся перед царем, хотят
ехать х Киеву, и в Киеве хотят сечь учинить великую, и князя великаго

Владимера киевскаго и со княгинею и богатырями его в полон взяти». Зговорит же Илья Муромец своим товарищем: «Слышите ли вы, товарищи? За то слуги головы складывают!» Оставляют же богатыри свои добры кони у Смугры реки и все доспехи крепкие, по одной емлют по булатной палице, и те несут под гунями скурьятными. И говорят, идучи,³ промеж себя: «Есть ли кто говорит татарским языком?» Говорит дворянин: «Всех нас лутчи Алеша Поповичъ: каков он пьян, таков и трезв, и всех он лутчи бранится».

И пришли богатыри во Царьград, и в те поры у царя стол идет, а в стол подают третью ест⁴ву». И учили калики перехожие милостыни прошати, против⁴ окна стоячи, чтобы было слышати голоса царю Константину ис полаты. Говорит царь Константин своему богатырю Тугарину Змиевичю: «Познал я тех калик, слышу я по речам, кабы русские пришли, попытаю их о киевских вестях: либо⁵ что они ведают». Позвали калик тех ко царю, и царь учал их спрашивати: «Скажите вы, калики перехожие, котораго вы есть города?» Говорит Илья Муромец: «Ходили мы, государь, ис Киева от великаго князя Владимера киевскаго». А против царя седит Идол богатырь, ростом он без меры велик. [Г]овори[т] он царю Константину: «Государь царь, волной он человек, спроси их о киевских вестях и о багатырях, сколько их у великаго князя Владимера киевскаго?» Говорит Илья Муромец царю Константину: «32¹ богатыря, да удалы добре, необычно! Есть, как Илья Муромец, славныи богатырь». И рече царь Константин: «Каков он рожею и ростом? Посмотри по нашим богатырем!» Говорит Илья Муромец: «Ростом толко с меня величиною, а рожею на меня же походил». Говорит Идол богатырь, посмеяется: «Аще толко правда, что таков Илья Муромец, и я на ладонь посажу, а другою роздавлю». Да он же говорит, Идол богатырь, царю Константину: «Не умешкаи, царь государь Константин, службе богатырские! Отпущаи нас скорово; толко слово несолгано будет, и мы как будем в Киеве, преведем к тебе великаго князя Владимера киевскаго и со княгинею и съ его богатыри». А в Киеве хотят учинить⁶ сечь великую. Не стерпел словес слышачи, зговорит Алеша Попович так: «Как приедите х Киеву, такова тебе слова не говаривать, познаешь от Киева дорогу не путем, и прочь уже тебе от Киева не отъезживать». Идол же на него осержается. Говорит Залешанин: «С твоего, государь, царскаго меду упился, и он говорит ни ту ни сю». Алеша же Поповичъ говорит: «Богатыри, уимите свое сердце богатырское, по тихому говорите, потерпите маленько, нельзя с тобою таиново слова молвити».

Спрашивает царь Константин: «Видали ли вы своих богатырей лошадей в Киеве?» Зговорит дворянин Залешанин: «По вся дни видали лошадей киевских богатырей. Зговорит Идол богатырь: «Волной он человек, вели ты, государь, показать свои лошади царские». Царь же Константин велел привести свои лошади на двор царский и ставити их против полаты царские. И выглянули калики перехожие из окна ис полаты, и молвят калики: «В Киеве у нас у худых людеи лютче тех лошадей». Зговорил богатырь Идол: «Царь государь Коньстантин! Волной он человек, вели им показати наши лошади богатырские». Ведут же лошадь Идола богатыря 20¹ человек на двух чепях золотых да 10¹ человек ведут лошадь Тугарина Змиевича. Издаелча калиги лошади увидели. Говорит дворянин За[ле]шанин: «Сверху, государь, не смеем смотрити; вели, государь, нам на земли посмотрити».

Идут же калики от царя из полаты ис сеней смотреть лошадей. Сметн[ли] богатыри и говорят промеж себя, идучи: «Топерво, товарищи, пора

⁹⁰ пришла, — готовьте палицы булатные, отимаите кони добрые, садитесь на них, братцы, без седел!» Пришли богатыри г добрым конем, свиснули палицами булатными, отняли по добру коню, полетели тут головы татарские. Сели на добры кони, поехали из града вон.

Един остался Алеша Поповичъ, зговорит царю Константину: «Потому ⁹⁵ мы оставили лошади богатырские, хотим мы с твоими богатыри переведатися». Ударив челом царю Константину да прочь поехал.

И доехав своих добрых коней, и кладут на себя доспехи крепкие и емлют свою збрую ратную. А[ж]но скачют богатыри из Царяграда великою погонеею. Говорит Алеша Попович своим товарищем: «Постоите, ¹⁰⁰ братцы, маленько, давайте мне с ними переведатися и посперетися». Встречат их Илья Муромец от своего стану в полуверсте, и все богатыри за ним. Скоро съехались и ударилися вострыми копьями, и доспехи крепкие проломалис. И збил Илья Муромец Идола богатыря и з добра коня, и побили тут всех богатырей ⁴⁰¹ а двух живых взяли: Идола Скоропина да ¹⁰⁵ Тугарина Змиева. Ведут их опять во Царьград.

Ставят пред царьскою полатою. Говорит Илья Муромец царю Константину: «Мы твоих богатырей побили, а двух живых взяли, ведомо ли то ⁷ тебе, царю? А тебя, царя, ничим не двигнем, ни черным волосом, потому что мы поехали ис Киева [б]ез государева ведома на похвалу твоих ¹¹⁰ богатырей. И мы тебе одново отдадим, а другаго с собою емлем, Тугарина Змиева».

Бьет челом благоверная царица Елена руским богатырем: «Умилостивитесь вы, ⁸ руские богатыри, Илья Муромец с товарищи! Отпустите Тугарина Змиева, утрите слезы горячие, не нанесите себе клятвы вовеки». ¹¹⁵ Зговорят богатыри: «Государыни благоверная царица Елена! Не двигнем мы Тугарина Змиева ни черным волосом для твоего прошения; а будет, государыни, Тугарин Змиев в Киеве и потом будет во Цареграде у тебе ж, государыни. А топерво нам нельзя оставить Тугарина во Цареграде, не з чем приеха[ть] в Киев, что нам без богатыря сказать государю в Киеве великому князю Владимиру». И ударив челом богатыри царю Константину, да прочь поехали. Ведут же богатыря Тугарина Змиева промеж себя.

Едут по полю ⁹ чистому, и как они будут близ града Киева, выбирают себе богатыря Залешанина: «Ты жилец государев многолетен, велит ли государь нам, холопом своим, очи свои видети? Изрубил есми ¹⁰ без твоего, государева, ведома, во Царьград ездили и недругов твоих, государевых, у Царяграда ⁴⁰¹ богатырей побили, а двух живых взяли, одного Идола Скоропина [вз]ать отдали ему жъ, царю Константину, а другаго богатыря, Тугарина Змиева, с собою ведем к тебе, государю». Приехал дворянин Залешанин в Киев град к великому князю Владимиру, правит ¹²⁰ речи государю от товарищев своих. И государь их пожаловал: велел им к себе ехати.

Приехали богатыри в Киев град к великому князю Владимиру и привезли языка — доброво удалово богатыря Тугарина Змиева. И государь жаловал за ту их службу верную, давал им шубы собольги и чеши золотые ¹³⁵ великие. Да им же говорил великий князь Владимир: «Впредь стану жаловать за вашу службу верную».

И спрашивал ¹¹ великий князь Владимир у богатыря Тугарина Змиева о вестях: «Что у вас вестей во Цареграде?» Говорит Тугарин Змиев: «Что ты, государь, меня спрашиваешь о вестях? Все вести у тебя, государя! ¹⁴⁰ Несть грознее во всех царствах тебя, государя, а богатырей несть удалее во всех землях». Бьет челом Илья Муромец с товарищи: «Смилиуся, государь, велики князь Владимир киевский! Отпусти, государь, Тугарина

Змиева во Царьград: молвили есми мы благоверной царице Елене, что нам упросить у тебя, государя, Тугарина Змиева». Говорит князь Владимир киевский богатырем своим: «Было во Цареграде 42¹ богатыря, и те все побиты в поле. Отдаю¹² же Тугарина Змиева и з добрым конем и всю ево¹³ богатырскую збрую ратную».

И провожают ево до Царяграда и до рубежу, и отпустили ево во Царьград. И говорят богатыри ему: «Скажи ты, Тугарин Змиев, нашей государыни благоверной царице Елене: мы в своей правде устояли, что есть царское, то все исполнено, — государева служба верно служена и честь получена».

А богатырем слава во веки веком. Аминь.

33

[СКАЗАНИЕ О КИЕВСКИХ БОГАТЫРЯХ]

...каличное богатырем, а богатыри дают каликам свое платье светлое. Да говорит Добрыня Резановичь: «Почто ты, Никита, ходил в Царьград?» И Никита сказал: «Ходил есми прямых вестей выведывать: есть ли отпуск богатырем х Киеву? Ино те вести прямо неизменно: ездят богатыри в Цареграде, а хвалятца при царе, говорят, что хотят ехать х Киеву 5 и в Киеве учинить сечю великую», князя Владимира и с княгинею и з богатыри ево в полон взять». Зговорит же Илья Муромец своим товарищем: «Слышите ли вы, товарищи? За то слуги головы складывают!» Оставляют же богатыри свои добры кони у Смугры реки и вся своя наряды богатырские, по одной емлют по палице булатной, и те несут под сумами скорлупными. Да говорят, идучи, промеж себя пословицу: «Будет хто говорит татарским языком?» Говорит дворянин Залешанин: «Всех нас лутче Алеша Попович: каков он пьян, таков и терезв, и всех он нас лутче бранится».

Пришли богатыри в Царьград, а в те поры у царя стол идет, 15 в столе дают еству третью. И учали калики милостыни просить, против окна стоя, извычно б слышати было голоса царю Константину. И услышав царь Константин ис полаты, говорит богатырю своему Тугарину Змиевичю: «Вели позвать калик тех, слышу я их, кабы по речю руть пришла, попытаю я их о киевских вестях: либо что они ведают». Позвали калик к царю, и пришли калики к царю, и царь их учал спрашивать: «Скажите, калики, ис которого вы града ходите?» Говорит Илья Муромец: «Ходим мы, государь, из города ис Киева от великаго князя Владимира». Против царя сидит Идол богатырь. Говорит царю Константину: «Государь, вольной он человек, попытаи их о киевских богатырех, сколько их ныне 25 у великаго князя Владимира?» Говорит Илья Муромец царю Константину: «30,¹ государь, два богатыря, да удалы, государь, не по обычаю! Есть там славен богатырь Илья Муромец». — «Каков он рожаем и ростом?» — «Ростом толко с меня, а рожаем на меня ж походил». Говорит Идол богатырь, посмехаючися: «Аще толко правда, что таков Илья Муромец, и 30 я ево на ладонь посажу, а другою раздавлю». И говорит Идол богатырь, посмехаючися, царю Константину: «Не умешкаи, государь, службы богатырской! Отпущаи нас скоро х Киеву; толко слов будет не солгано, и как мы будем в Киеве, приведем мы тебе великаго князя Владимира с великою княгинею и съ ево богатыри. А в Киеве учиним сечю великую». Не стерпе[л] 35 Алеша Поповичь, говорит так: «Как ты придешь х Киеву, от такова тебе слова познать дорогу не путную, да прочь уж тебе не от[е]зживать».

Идол же на него осержается. Зговорит дворянин Залешанин: «С твоего, государь, царского меду упились, говорит ни ту ни сю». Алеше говорят 40 богатыри потихонку: «Уми свое сердце богатырское, потерпи маленько, нельзя нам с тобою таинова слова молвить».

Спрашивает царь Константин: «Видели ли есте лошадеи у своих богатырей в Киеве?» Зговорит дворянин Залешанин: «По вся дни видели лошадеи киевских богатырей». Говорит Идол богатырь: «Волной он, государь, человек, вели, государь, показать свои лошади царския». Царь же велел их привести. Привели лошадеи на двор царев, ставят их против полаты царския. Выгленули калики из окон ис полаты и молвили: «В Киеве у простых людей лутче тех лошадеи». — «Государь! Волной он человек, вели показать наши лошади богатырские». Ведут же Идола богатыря лошедь 50 12¹ человек на двух чепях золотых, 10¹ человек ведут лошедь Тугарина Змеевича. Издалеча калики лошадеи увидели, да говорит дворянин Залешанин: «Сверху, государь, нам лошадеи не уметь смотреть; вели, государь, нам на земли посмотреть».

Идут же калики ис полаты, ис сеней смотрячи лошадеи; сметили, говорят 55 промеж себя, идучи: «Топерво нам, товарищи, пора пришла, — готовте палицы булатные, от[ъ]ймаите лошади и садитеса на них, братцы, без седел, на добры кони!» Пришли богатыри к добрым коням, свиснули палицами булатными, отняли по добру коню, полетели тут головы татарские. Сели на кони, поехали из града.

60 Один остался Алеша Поповичь. Да говорит стоя Алеша Поповичь царю Константину: «Потом[у] мы у тебя лошади отняли богатырские, хотим мы с твоими богатырями переведатца». Ударив челом царю Константину да прочь поехали.

А своих добрых коней на Смугре реке доехали, кладут же на себя богатыри доспехи крепкие и всю збрую богатырскую, емлют копья вострые. 65 Ажно скачут богатыри ис Царяграда великою погоней. Говорит Алеша Попович своим товарищем: «Постоите маленько, дайте с ними посправитца». А Илья Муромец встречает в полуверьсте, и все за ним богатыри. Скоро съехались, ударили копья вострыми, и доспехи поприломали. Илья Муромец 70 збил Идола богатыря з добра коня, а 42¹ богатырей побили, а двух живых взяли: Идола Скоропина да Тугарина Змеевича, ведут их опять в Царьград.

Ставятца перед царевою полатою. Да говорит Илья Муромец царю Константину: «Буди тебе, царю Константину, то ведамо, что побили мы 75 42¹ богатырей твоих, а двух живых взяли. А тебя мы не двигнем ни черным волосом, что поехали мы ис Киева без государева ведома на похвалу твоих богатырей. Идола тебе отдаем, а с собою емлем Тугарина Змеевича удалова богатыря».

Не белая лебедь воскликнула,² восплачется мать Тугарина Змеевича, 80 бьет челом благоверной царице: «Благоверная царица Елена! Упроси, государыни, у русских богатырей Тугарина Змеевича». Говорят русские богатыри: «Государыни благоверная царица Елена! Мы тебе говорим, не двигнем мы Тугарина Змеевича ни черным волосом для твоего слова; будет, государыни, Тугарин в Киеве, а потом будет и в Цареграде у тебя. 85 государыни. А нельзя нам Тугарина Змеевича во Цареграде оставить, не с чем нам приехать в Киев, без богатыря что нам сказати в Киеве великому князю Владимиру». Ударив челом богатыри царю Константину да прочь поехали. Ведут же богатыри меж себя богатыря Змеевича.

Едут по полю чистому. Как оне будут близко города Киева, и выбрают 90 рают от себя богатыря именем дворянин Залешанин: «Ты жилец госуда-

рев многолетен, велит ли нам государь, холопом своим, очи свои видеть? Згрубили есми, без твоего, государева, ведома в Царьград поехали, изгубили есми, а недругов государевых убили 42¹ богатыря, а двух живых взяли, однава богатыря Идола Скоротина отдали царю Константину, а другова богатыря Тугарина Змеевича с собою ведем, к тебе, государю». 95
Приехал дворянин Залешанин в Киев град, к великому князю Владимиру, правил речи государю от товарищев своих. И государь их за то пожаловал: велел им к себе ехать.

Приехали богатыри в Киев град, к великому князю Владимиру, и привели удалова и грознова богатыря Тугарина Змеевича. И государь их за то учал жаловать, дает им шубы со аксамиты и чеши златыя великия. Да им же говорит князь великий: «И впредь вас рад жаловать за вашу службу верную». 3

Спрашивает князь великий Тугарина Змеевича о вестях: «Что у вас вестей в Цареграде?» Говорит Тугарин Змеевич: «Что ты, государь, меня 105 о вестях спрашиваешь? Все вести у тебя, государя! И нет грознее всех царств тебя, государя, а богатырей твоих нет удалее во всех землях».

Ильи Муромца мужеству и храбрости и съ его товарищи честь и слава веки и навеки. Аминь.

34

СКАЗАНИЕ О КИЕВСКИХ БОГАТЫРЕХ, КАКО ХОДИЛИ ВО ЦАРЬГРАД И КАКО ОНИ ПОБИЛИ ЦАРЕГРАДСКИХ БОГАТЫРЕИ

В столномъ граде Кieve говорить великий князь Владимир киевский своим богатыремъ: «Буди вамъ, моим богатыремъ, ведамо, что на меня отпускает царь Константин из Царяграда 42¹ богатыря, а велить нам² в Кieve готовым быть. И вы нынеча никуды на битвы не раз[ъ]еждяетесь и ни на которую потеху; берегите моего града Кieve, и все мои отчины, и 5 меня великаго князя Владимера». И били челомъ богатыри великому князю Владимиру. Первои богатырь Илья Муромец, 2¹ богатырь Добрыня Рязанец, 3¹ Сухан Доментиян, 4¹ дворянин Залешанин, 5¹ Глазыничъ, серья свира, златые пугвицы, 6¹ Алешька Поповичъ, 7¹ дворянин Беляя Пьяница. А говорятъ: «Государь, князь Владимир киевский! Не извыкли мы стрещи града Кieve, извыкли мы на конях седети, по чисту полю гуляти; отпусти, государь, нас вести ради прямые и мы тебе отдаемъ или тебе приведемъ языка добраго». И изговорить государь великий князь Владимир киевский: «Не пригоже вамъ, моимъ[ь] богатыремъ[ь], в те поры прошатися на поле; вы меня хотите покинути в Кieve: я жду тех лю- 15 деи с часу на час х Кieve».

И богатыри в те поры закъручинилися, ударили челомъ великому князю Владимиру и послаша к своимъ конемъ богатырскимъ. И садятся они на кони своя добрыя богатырские, и поехали они на поле чистое. Да говорят, едучи, между собою пословицу: «Лутчи бы намъ тое срамоты принять 20 смерть недобрая. Се мы слыли богатыри, а се мы стали во граде Кieve сторожи. Подемъ прямо ко Царюграду».

И как будут киевские богатыри от Царяграда за шестьсот верст, переждяють они Смуглу реку, и к нимъ идут встречу 12¹ человек, а на них платья количное. И приехалъ к нимъ Алешька Поповичъ, да говорить каликамъ: «Братия, колики перехожие! Дайте мне платье свое каличное, а возьмите себе мое плат[ь]е богатырское». И говорит[ь] калика един за себя и за товарищев Алешьке Поповичю: «Алешька Поповичъ, не дадимъ мы тебе плат[ь]я своего с себя». А на колিকে была гуня голуба скорлату.

30 «А зовут меня, колику, Никитою Ивановичь, а роду я королевскаго». И приехал Илья Муромец да говорить коликомъ: «За чѣто вы с нами бранитесь в чѣмъ, вото вамъ наше плат[ь]я светлое, дайте вы намъ свое плат[ь]е количное». И что заговорять калики перехожие: «А се намъ Илья Муромец и речи неть». И даютъ калики с себя свое платье с себя, а богатыри даютъ
35 свое платье светлое. И что изговорит Добрыня Резанец: «Почѣто вы ходили, Никита, во Царьград?» И говорить Никита за себя и за товарищев: «Ходи[ли] есть мы во Царьград прямых вестей отведати; есть ли отпуск богатырямъ из Царяграда ко славному граду Киеву? Ино мы слышали, говорятъ все речи изменные: будутъ богатыри ко славному граду Киеву вскоре.
40 А в Цареграде при царе богатыри хвалятся необычно на всех русских богатырей». И говорить товарищем[ь] своимъ Илья Муромец: «Слушайте, товарищи мои! За то слово, что заговорять калики, старцы прохожие; за то слуги верные складываютъ за государей своих главы своя; а мы сотворимъ такожде; и оставим[ь] мы свои добры кони у Смуглы реки и все свои наряды богатырские». А толко с собою емлютъ по одной палице
45 булатной, и те себе взяли под пазухи под гуни себе скурлатные. Да говорятъ между собою, идучи, пословицу богатырскую: «Бога для, братия, ко царским[ь] речемъ терпите, будите в молчании, не въсе глаголите вместе». И говорить дворянин Залешенин: «Всех у нас пуще говорить о чем[ь] ни есть Алешка Поповичъ: что он пьян и трезв — одинаки у него речи, и он охочъ за всех бранитися».

И пришли богатыри во Царьград, и становятся они перед царевою полатою, и учили просить милостыни против окна полаты [ц]арские, стоячи, зычно велми, было слышать и самому царю Константину голосы каличъные. И говорит царь Константин Тугарину Змиевичю: «Вели ко мне прислать калики перехожие: слышу я по речамъ, как бы они с Руси пришли; и нам[ь] было их спросити о киевских украшениях, буде они что ведают, и они нам[ь] скажут». И при[к]азалъ царь позвать калик перехожих, и стал царь калик спрашивать[ь]: «Скажите вы, калики, старцы перехожие, ис котораго вы рускаго города?» Един говорить Илья Муромец: «Вышли мы, государю, из града Киева от великаго князя Владимира». А против царя Константина седит Идоль богатыр[ь], ростомъ велик добре необычно, а взоромъ страшен. И говорит Идоль богатыр[ь]: «Каков у вас во граде
60 Киеве богатыр[ь] Илья Муромец?» И говорит противу ево Илья Муромец: «Ростомъ он с меня велик, а лицемъ на меня же походилъ». Царь государь Константинъ усмехнулься. И говорить Идоль богатыр[ь]: «Не мешкая, государь, царь Константин, отпусти нас, не межкая, борзо ко граду Киеву; а то от калик ета речъ не солгано, что таков богатыр[ь] во граде Киеве, и мы тебе приведемъ во Царьград великаго князя Владимира и с ево великою княгинею и всех ево богатырей побьемъ, сколько их есть во граде Киеву: учиним[ь] мы с ними сечю великую». И не стерпе Алешка Попович, а говори
70 такову он речъ: «Коли ты, Идоль богатыр[ь], приедешь к славному граду Киеву, и ты тамо тово не станешь говорить и не познаешь от Киева тем[ь] путемъ, откуда еси приедешь, либо ты жив отъедешь, либо и мертв». И Идоль богатыр[ь] на Алешку осержается. И говорить дворянин Залешенин: «Царь государь Константин, волнои человек твоего, государь, меду напився, смело говорить, не тулится». И говорить богатыр[ь] Сухан Доментиянович Алешьке Поповичю: «Уими, Алексѣеи, свое сердце богатырское, малешенко на малои час потерпи».

80 И говорить Идол[ь] богатыр[ь]: «Видали ли вы, калики, у своих богатырей во граде Киеве их добрые кони богатырские?» И говорить дворянин Залешенин: «Мы в Киеве видали по все дни добрые кони богатырские».

И говорит Идолъ богатырь царю Константину: «Царь государь Константин, вольной человек, вели, государь, свои добрые кони царские вывести из своео царские конюшньи». Что изговорит царь Костянтин: «Смотрите 85 вы, калики перехожие, таковы ли у вас добры кони во граде Кieve у великаго князя Владимера?» Что изговорить Илья Муромец: «У нас во граде Кieve у простых людей луче шкапы етех, что вы нам[ъ] кажете, а во граде Кieve на богатырских коней прист[р]ашно и смотреть». И говорить Идол богатыр[ъ] царю Константину: «Царь государь Константин, вольной 90 он человек, вели, государь, показати добрые наши кони богатырские». И ведут добра коня Идолова 12¹ человек на 12¹ цепях, и затем[ъ] ведут добра коня Тугарина Змиевича, и потомъ ведут многих добрых коней богатырских. И издалеча калики увидели, что добры велми кони богатырские. И говорит Илья Муромец царю Константину: «Царь государь Константин, 95 вол[ъ]ные мы люди, сметь ли нам[ъ] от твоеи полаты царские сверху сонти на землю?» И приказаль государь Константин каликамъ сверху на землю, и сошли.

И говорят[ъ] калики между собою, речи скрываючи: «Топерво нам[ъ], братия товарищи, пора пришъла. Готовите вы палицы булатные, отоимемте, 100 братцы, и без седел добрые кони богатырские, и сядемте на них без наряду богатырсково». И как пришъли калики г добрымъ конямъ, и выняли калики по палице булатной, и полетели головы татарские, и отняли себе по добру коню, и [п]обили головы татарские. И сели на кони, да поехали из града вон. 105

А астался у них един Алешка Поповичъ, а говорить царю Константину: «Вото мы, царь Костянтинъ, у тебя во Цареграде ничего не закутили, а потому мы у тебя не все взяли добрые кони богатырские». Что изговорит государь царь Костянтин: «Что вы, что вы, калики, у меня в Цареграде такой бунт учинили, а богатырских коней увели, а татар многих побили?» 110 Что изговорить Алешка Поповичъ: «Государь царь Константин, что мы хотели с т[в]оими богатыри цареградскими переведатися, а что мы у тебя взяли подводы до Смуглы реки; а коли мы доедемъ до Смуглы реки, сядем[ъ] мы на свои добры кони, и покладемъ на себя наряды богатырские, и будемъ мы к тебе сызнаво во Царьград поклонитися». 115

И как калики приехали на Смуглу реку, и сядились они на свои кони добрые богатырские, и клали на себя наряды богатырские, и емлют они копя вострые. Ажно за ними скачють богатыри из Царяграда велкою погонею. И говорить Алешька Поповичъ: «Стоите, государи мои товарищи, малую часть дайте вы мне с цареградскими богатыри переведатца». Илья 120 уже Муромец перед ними в полуверсте. И съезжаются на поле киевские богатыри с цареградскими богатыри, и почали они промежь себя дело делати ратьное, и стали битися крепкимъ боемъ. И у киевских богатырей копя приломалися, и взяли они по палице булатной. И стал битися Илья Муромец со Идоломъ цареградскимъ богатыремъ; и шиб Илья Муромец 125 Идола богатыря, шиб с коня на землю; а тех 40¹ богатырей всех побили, а дву богатырей живых взяли — Идола богатыря да Тугарина Змиевича. И ведут их обеих с собою ко Царюграду. И пришъли они до Царяграда.

И становилися они пред царевою полатою. И говорить Илья Муромец: «Буди тебе, царю Константину, ведомо, потому что мы не здорили ни в чем с вами, ни чернымъ волосомъ во Цареграде, что мы поехали ис Кieve ради похвалы твоих цареградцких богатырей к вамъ во Цар[ъ]-град. А поехали мы без государева ведама у великаго князя <В>ладимера и на похвалу побили твоих 40¹ богатырей». Даютъ Идола богатыря царю 135

Константину, а Тугарина Змиевича ведутъ с собою ко славному граду Киеву, к великому князю Владимиру.

И восплачетца мать Тугарина Змиевича: «Государыни царица Елена благоверная, упроси у русских богатырей моего сына, Тугарина Змиевича; 140 оне вам отдали Идола богатыря и отдали бы и моево сына, Тугарина Змиевича!» Что зговорить благоверная царица Елена: «Государи вы, киевские богатыри, таких у нас грозных богатырей никогда не бывало во Цареграде и не побивали наших богатырей. И не убейте вы для моих слез Тугарина Змиевича». И говорят русские богатыри: «Государыни царица 145 Елена благоверная! И тебе говорим[ь], да не двигнемъ Тугарина Змиевича ни малым[ь] чернымъ волосомъ для тебе, царицы Елены благоверные. Как намъ не възять, государыни, Тугарина Змиевича ис Царяграда? С чем[ь] намъ приехати ко славному граду Киеву? И что намъ сказати великому князю Владимиру?» И били челомъ богатыри царю Константину и благоверной царице Елене, и поехали они вон из Царяграда. «Едутъ они по 150 полю по чисто<м>у и ведут промежь себя <гро>знаго богатыря Тугари<на> Змиевича.

И как едут[ь] <б>огатыри близко ко славному граду Киеву, и выбирали у себя богатыри богатыря дворянина Залешенина ехати ко славному граду 155 Киеву к великому князю Владимиру: «А се мы богатыри, жильцы государевы. Служили мы много летъ у великаго князя Владимира. Велит ли нам[ь], холопам своимъ,³ свои царьские очи видети? Согрубилы мы, государь, велики князь Владимир, без твоего мы слова ходили во Царьград и с недругами твоими управилсь». И правили речи великому князю Владимиру: «Были мы в гостях во Цареграде у царя Константина и у благоверные 160 царицы Елены, и убили мы у них 40¹ богатырей, а дву живыхъ взяли: одново мы отдали царю Константину во Цареграде, а другаго, государь, к тебе ведем». И приехал дворянин Залешенин в Киев к великому князю Владимиру от товарищев. И темь их государь пожаловал, велель к себе скоро 165 приехати.

И <п>риехали богатыри ко славному граду Киеву, к великому князю Владимиру, и привели они языка добраго и удалаго <г>рознаго богатыря Тугари<на> Змиевича. И великий <к>нязь Владимир за то их <в>сех богатырей пожаловал, дасть им[ь] за ту службу шубы соболиные под отласами 170 и по пухову колпаку. А говорит богатырям[ь]: «Рад я вас и впрядь жаловать за вашу великую службу богатырскую».

И спрашивает велики князь Владимир Тугарина Змиевича о всех прямых вестях. Что изговорить Тугарин Змиевичъ: «Что ты, государь великий князь Владимир, о всех вестях меня спрашиваешь? Все вести, государь, к тебе привезли твои богатыри из Царяграда и во всех, государь, <землях> тебе вести отвед<ывают>». И в те поры биль челомъ Илья Муромец князю Владимиру: «Государь, велики князь Владимир, умилосердися! Молвили 175 есть мы слово благоверной царице <Е>лене, что нам просит[ь] у тебя, у великаго князя Владимира, Тугарина Змиевича отпусти...».

35

СКАЗАНИЕ О КЕЕВСКИХ БОГАТЫРЕХ, КАК ХОДИЛИ ВО ЦАРЬГРАД И КАК ПОБИЛИ ЦАРЕГРАДЦКИХ БОГАТЫРЕИ, УЧИНИЛИ СЕБЕ ЧЕСТЬ

Во столном славнем граде Киеве говорит князь Владимир Всеславич киевской своим богатырем Илье Муромцу с товарищи: «Или то вам не сведомо богатырем, что отпускает на меня царь Костянтин из Царяграда 42¹

богатырей, а велит им Кеев изгубити. И вы б нынеча никуды не розежались, берегли бы естя града Киева и всее моеи вотчины». Бьют челом² 5
 7¹ богатырей: «Государь, князь Владимир киевской Всеслаевич! Отпусти нас в чистое поле, мы тебе, государю, прямья вести отведем и приведем тебе, государю, языка добраго; тебе, государю, славу великую учиним, и себя, государь, в честь введем и всему твоему государству похвалу великую учиним и многия орды острастим». А взогорят богатыри таково слово: 10
 «Государь князь Владимир киевской! Сторожем мы в земле не извадились жить, не доведетца нам сторожами слыть». Имена богатырем: 1¹ — богатырь Илья Мур[ом]ец, сын Иванович, 2¹ — багатырь Добрыня Никитичин, 3¹ — богатырь дворянин Залешанин серая свита, злаченные пугвицы, 4¹ — богатырь Олеша Попович, 5 — богатырь³ щата Елизынич, 6¹ — богатырь 15
 Сухан Доментьянович, 7¹ — богатырь Белая Палица, красным золотом украшена, чечым жемчогом унизана, посреде тоен палицы камень — самоцветной пламень. Да говорят богатыри таково слово: «Государь, князь Владимир киевской Всеслаевич! Не извадились мы сторожем стеретчи, только мы извадились в чистом поле ездити, побивать полки татарские; 20
 отпусти нас, государь, в чистое поле, мы тебе, государю, прямые вести отведем или тебе приведем языка добраго». Взговорит князь Владимир киевской: «Он естя, богатыри, Илья Муромец с товарищи! Не пригож вам в те поры прочь отехати, а меня вам, государя, покинути одново в Кееве. А яз жду тех богатырей с часу на час борзо х Киеву. Пригоже 25
 вам моя вотчины поберетчи».

Тут богатыри закручинилися. Идут к своим добрым коням, ударя челом великому князю Владимиру Всеслаевичу; учили на них класти седла черкаские, подтягивают подпруги шелку белово, у всех пряжи булатные, красного булату перепускнаго. Да кладут на себя доспехи крепкия, емлют 30
 с собою палицы булатныя, того булату перепускнаго, и <всю> свою здбрую богатырьскую. И, всед на кони, прочь поехали из Киева, заложили копыя булатные вострыя, псехали в чистое поле. Едут по чистому полю, взговорят промеж собою таково пословицу: «Лутче бы мы тое срамоты великия не слыхали, нежели мы от князя в очи такое слово слышали; хотя б мы 35
 людеи не дородились, да были бы мы богатыри не добрыя, и нас бы в Кееве сторожи стеретчи не заставляли». Говорит Илья Муромец своим товарищем: «Государи е<ст>я мои товарищи! Чем тех богатырей на себя ждати х Киеву, мы поедем встречу к ним и там с ними свидимся. А сказывают, что удалы добре — не по обычею, мы станем богу молитися, чтобы 40
 нам бог помощь послал на цареградцких богатырей». А прямо идут ко Царюграду.⁴

Как будут 12¹ попришь до града, перезжаючи Смугрю реку, ажно има навстречю идут 12¹ человек цареградцких богатырей, а на них платье калицкое. Приехал к ним Олеша Попович да говорит им таково слово: «Бра- 45
 тия вы милая, калики переходя, дайте вы нам свое платье каличное, а у нас возьмите наше платье светлое». Говорит калика таково слово: «Он еси, Алеша Попович! Али меня не знаешь, или имени моего не ведаешь, как меня зовут? Зовут меня по имени Никита Иванович, родом есми Карачевец». А на каликах гуни голуба скорлату, а тер[ли]ки на них⁵ камки 50
 венецкие, а палицы у них вязовые, с конца в конец свинцу налиту; а Никиты палица вся золотая.⁶ Приехал к ним Илья Муромец да говорит им таково слово: «За то нам, Никита, бранитися не о чем, а вам стоять не за што; вото вам платье светлое, дайте нам свое платье калицкое!» Взговорит Никита таково слово: «За то нам, государь Илья Муромец, стоять 55
 не за што и спору чинить не о чем!» Дают [с] себя платье калицкое, они

11 Памятники русского фольклора

дают с себя платье светлое. Взаговорит Добрыня Никитич таково слово: «Почто, вы, Никита, ходили во Царьгород?» Говорит Никита таково слово: «Государь Добрыня Никитич! Ходили мы прямых вестей отведывать.

60 Естли столко цареградцких богатырей, итти ли им в Кеев город? И вести прямые неизменные: при царе богатыри похваляютца, хотят Кеев город на шити взя(ти, и) великого князя с ве(ликою) княгинею в полон ве(сти, а у)далых бога(тырей, стан)ных люди(и, под меч всех) пр(иклонити, а злато) и среб(ро покатим телегами». Говорит в те) поры Илья Муромец: «Слышите ли, мои товарищи? За то хочю голову сложить — за го-

65 судареву чашу и молитвы и за ево хлеб соль великую». Оставляют свои добры коня на Смугре реке и все свои сряды богатырския, по (од)ной емлют себе по була(тной палицы) красно(го булату п)ерепусь(кно)го и ты(е несут) под гуня(ми ску)рлатными. Да говорят меж собою пословицу:

70 «Бога ради, богатыри, будте к татарским речем стерпивы». Говорит дворянин Залешанин: «Всех у нас пуще Олеша Попович, что он де пьян или не пьян, изо всех нас охоть бранитися: (тот) у нас богатырь (кручи)новат».

Пошли б(огаты)ри во Царьг(ород, а в те) поры у цар(я стол),

75 а в сто(ле подають) поесть. (Пришли бога)тыри на царев двор, и стали на земле перед красным окном, и учали просити милостины противу окна громким голосом. Каличные слышат гласы — сказали самому царю. И слыша царь Косыянтин гласы каличны(е), да говорит Тугарину (Эм)иевичю: «Вели позвать (кал)ик тех, по речам [кабы] русь пришла, по[пытай]

80 их о вестях о ки(евских, што) буде они⁷ ведают». Позвали калик ко царю; царь учал калик спрашивать: «Скажите вы, калики перехожие!» Учал Илья Муромец говорити: «Ходим мы, государь, от великого князя Владимира Всеслаевича киевского». Против ца(ря) сидят Идол Скоропее(вич) богатырь, а рос(том) добре, не по (обычею, меж) очима у не(го стрела ла-

85 дится), меж плечм(и у него болшая са)жен, оч(и у него, как чаши, а голова у него как) пивной котел: посмотреть на него — устрашиться. Говорит царю Косыянтину тако слово: «Государь царь! Волно человек попытати о вестях — о киевских богатырех, сколко у великого князя Владимира богатырей, (и ка)ковы оне ростом, (при)тостью». Царь у(чал ка-

90 лик) спрашивать: «(Скажите) вы, калики пе(рехо)жия, про киевски(х бо)га(ты)ри?»». Говорит (Ил)ья (М)уромец сын Иванович: «В Кееве, государь, 32¹ богатыря — да удалы не по обычею!» Говорит Идол богатырь: «Есть ли у вас славной богатырь (И)лья Муромец, каков он (ро)жаем⁸

и каков велик ростом? (Посмот)реть де⁹ на него — уст(рашит)ца. И вы

95 (пос)мот(рите) нашим бога(тырем). Гово)рит Илья (Муромец: «И ты), государь, (смотри) на меня». (Взговорит багатыр Идол Скоропеевич): «Царь государь Косыянтин, не мешкаи, государь, службою багатырьскою! Отпущай, государь, нас на Русь борзо (х Киев)у, х князю Владиме(ру, и буде)т то[л]ко то [слово]не сол<ган>о, што в Кееве (возговорят удалы бо-

100 гатыри), и мы (тебе, государю, при)ведем (князя) Влади(мера с великою) княинею... <богаты)рем и удалым молодцом под меч поклонитым. И всем в Кееве учиним сечю великую, а злато и сребро покатим телегами. Тебе, государю, прибыл и славу добрую во вся орды, а себя в честь введем». Взяла кручина молода Олешу Поповича, да говорит Олеша Попович та-

105 ково слово: «Коли вы богатыри, приедите х Киеву, тогды не узнаете до-роги, куды вам бежати. А станете [мо]лодцев кеевских¹⁰ и учинете сечь великую, а покатыца головы татарския, а прольетца кровь горячая богатырей, цареградцких богатырей. Не пять у нас человек в Кееве, есть близко десятка человек!» Идол на него розкручинился. Говорит дворянин Залешанин:

«С твоего, государь, меду опился». Говорит дворянин Залешанин Олеше Поповичю: «Уми свое сердце багатырское, немощно нам тебя нажюрить, ни наговорить». Говорит Олеша Попович: «А он наших богатырей ни во что ставит, и великого князя хулит, и Илье посмехаецца!» И Идол на него розкручинился. Говорит дворянин Залешанин: «Из ума, государь, он выпиваетца!».

Говорит Идол богатырь: «Скажите, калики, про киевских богатырей — и каковы у них лошади удал[ы]?» И с ним говорит дворянин Залешанин: «По вся дни, государь, ведаем и лошади богатырские знаем». Говорит Идол богатырь: «Царь государь, волно человек после разпрошать. Вели, государь,¹¹ показать им свои лошади царския». Царь велел вывести свои лошади царския. Говорят калики переходя: «Лутче тех шкап в Кееве и простые лошади, а на богатырские лошади пристрашно посмотреть!» Говорит Идол богатырь: «Вели, царь государь, показать им наши лошади богатырские». Царь велел вывести лошади богатырские. Ведут лошади богатырские: 1¹ ю лошадь ведут Идола богатыря Скоропеевича на 12¹ чепях на золотых, 2¹ ю ведут лошадь молода Тугарина Змиевича на 11¹ чепях серебряных. За теми ведут сорока дву богатырей; а все те кони удалы добре, не по обычею; каликам полюбилися. Издалеча калики увидели, что добры, не по обычею. Говорит дворянин Залешанин: «Сверху, государь, не мотчи сметить и усмотрить, и как, государь царь, сметим, и мы тебе, государю, скажем про наших богатырей и про коней и их храбрость окажем». И царь повелел им выйти.

Пошли калики вон от царя лошадей смотреть. И как будут посреди двора царева и лошадей, взговорили богатыри промеж собою таково пословицу: «Смотрите, государи товарищи, коней, да высматривайте гораздо, было б нам, что про наших коней царю сказать!» — «Да ужли калики высмотрили?» Взговорят калики: «Теперь, государь, высмотрили». Взговорит Илья Муромец своим товарищем: «Теперво нам, братцы, строка пришла. Отимаите лошади багатырские, убеите татар без милости, садитесь на кони без седел, на кони багатырския на добрыя!» Пришли богатыри к конем. Не птички соловьи рано в дуброве просвистали, свиснули, гаркнули багатыри багатырским голосом, да свиснули палицы булатные у Ильи Муромца с товарищи: послетали головы татарския! Отняли себе по добру коню и, всед на кони, проч из града поехали до Смугры реки.

Добрых коней един у царя остался на дворе и тот Олеше Поповичю. Воротился Алеша пешь во Царьгород, а коня покинул на Смугре реке. Да говорит Алеша Попович царю Костянтину таково слово: «Потому мы, царь, у тебя лошади не все емлем, что хотим мы с твоими богатыри в чистом поле свидетися и их прытость увидети. И будем мы опять с твоими богатыри во Цареграде». И изговоря Олеша, поехали богатыри к Смугре реке.

Да кладут на себя досьпехи крепкия и всю збрую багатырскую, емлют с собою палицы булатныя и копыя вострыя. Ажно скачют из Царяграда богатыри с великою поганою силою татарскою. Говорит Олеша Попович: «Государи мои товарищи! Потерпите малехонко, дайте мне поправить свое сердце багатырское. Багатырское сердце нестерпчиво, хочет и последнюю орду побити, похвалу доспети!» Свиснул, крикнул багатырским голосом: «Потерпи[те] малехонко, дайте мне теперво с ними одному поправиться: хочю себе похвалу доспети, чтоб у[ви]д[я]л царь Костянтин и дошла б наша похвала до князя Владимира!» И как съезжаютца с злыми полки татарскими, и с сороки дву богатыри цареградцкими, свиснули, крикнули богатыри багатырским голосом; от свисту и от крику лес росьзылаецца, трава пости-

лаетца, добрыя кони на окарашки падають, худыя кони и живы не бывали. Не пти[чки] соловьи в дуброве просвистали, свиснули, гаркнули
 165 руския богатыри, Илья Муромец с товарищи. Говорит царьградцкой ба-
 гатырь Идол Скоропеевич: «Государи мои товарищи! Сердце ся у меня
 ужаснуло, трепещется, и голова вкруг обходит, и очима не мощно на свет
 глядеть: болшое нам быти побитым всем!» Взговорит Тугарин Змиевич:
 170 «Болшое нам, товарищи, коли б смерти минутись, ли ся храбрость наша
 предложися на тихость; не мощно руки поднять, скоро нас сграть взяла:
 болшо Илья Муромец сам пришёл!» Напустил Илья Муромец встречу
 цареградским богатырем от своих товарищев в полуверсте, и все товарищи
 скоро поехали за ним. И ударилися крепко на копыя булатныя, и учалися
 твердо бить и неподвижно; колды копыя у них булатные приломалися и
 175 дослехи крепкие. Збил Илья Муромец з добра коня Идола Скоропеевича,
 а Тугарина руками взял. А обеих богатыреи, Идола и Тугарина, живых
 взяли, и всю силу татарскую побили, и тех сорока богатыреи побили.
 А Идола богатыря и Тугарина богатыря — живых ведут их во Царьгород.

И ставятца перед царевсю полатою. Говорит Илья Муромец своим то-
 180 варыщи таково слово: «Тебе, царю, ведомо было, что твоих 42¹ богатыреи
 побили и всю силу татарскую поганую побили, а твоих лутчих богатыреи,
 Идола Скоропеевича да Тугарина Змиевича, живых взяли. Да потому,
 царю, тебя ничем не двигнули, ни крянули ни черным волосом, что ездим
 мы без государскаго ведама. А похвалу есми видели твоих богатырей: по-
 185 хвала мужю — великая пагуба! А татар всех побили, тем на Руси не бы-
 вати. Толко, царю, теперво тебе челом бьем Идолом богатырем, чтоб ты
 на нас не кручинился; а Тугарина тебе государю не дадим, отвезем вели-
 кому князю, с чем нам ко князю Владимиру появитися». И дають богатыри
 царю Идола, а Тугарина с собою емлют.

190 Не белая лебедь воскликала, восплакалася мати Тугарина Змиевича и
 бьет челом благоверной царице Елене: «Государыни благоверная царицы
 Елена! Упрошан ты, государыни, у русских богатырей молода Тугарина
 Змиевича». Говорит благоверная царицы: «Государи естя руския богатыри,
 Илья Муромец с товарищи! Таких грозных богатырей не бывало в Царе-
 195 граде, не побивали наших цареградцких богатырей, не уведите для моих
 слез младово Тугарина Змиевича!» Говорит Илья Муромец с товарищи:
 «Государыня благоверная царицы Елена! За то тебе говорим, государыни,
 не двигнем Тугарина ни чем для государьскаго твоего слова; будет Туга-
 рин в Киеве, потом тебе будет во Цареграде жив. А нелзе нам отдати бо-
 200 гатыря¹² цереградцкого, нечем нам в Киеве похвалитися, что нам сказать
 князю Владимиру Всеслаевичю!» Били челом государыни, прочь поехали.
 Ведут с собою языка добраго, Тугарина Змиевича.

Едут по полю по чистому и выбирают от себя богатыря дворянина За-
 лешанина: «Поедь ты, дворянин Залешанин, к стольному граду Кееву:
 205 ты жилец двора государева, много живешь во дворе государеве и всякой
 чин ведаешь. Обошли нас государю, князю Владимиру Всеслаевичю, ве-
 лит ли нам он¹³ свои государския очи видети: „Агрубили есмя твоему
 недругу — царю Костянтину благоверному, убили есмя у него со 42¹ бо-
 гатырей, а с ним татар люди многия да одново богатыря оставили во Ца-
 210 реграде, другово тебе ведем“». Приезжал дворянин Залешанин граду
 х Киеву, и пошел к великому князю Владимиру Всеслаевичю, и справил
 речи от своих товарищев, что ему наказано.

Приехали богатыри к государю Владимиру Всеслаевичю, привели языка
 добраго — Тугарина Змиевича, цареградцкого богатыря. Князь великий
 215 Владимир Всесьлаевич почал богатырей жаловать, дает им шубы под-

асамиты и чеши великия златые и сверх тово казною несметно. Да говорит князь Владимир Всеслаевич: «Да впредь вас, богатыри, рад жаловать за вашу выслугу великую и за службу богатырьскую! А ныне емлите себе, что вам надобе!»

И учал князь Владимир Всеслаевич молода Тугарина Змиевича спрашивать о вестях. Зговорит Тугарин: «Что меня, государь, о вестях спрашиваешь? Князь Владимир Всеслаевич! У тебя, государя, вотчины не во всех ордах, а богатырей твоих удалее нет и во всех землях». И как будет князь Владимир навесело, и учили потешатся. И бьет челом Илья Муромец с своими товарищи: «Государь князь Владимир Всеслаевич! Умило-сердися, пожалуи нас холопей своих! Говорила нам царицы Елена и била челом, чтоб мы заложили слово тебе, государю, о молодежи Тугарине, чтоб ты пожаловал, отпустил ево во Царьгород; и молвили есмя царице Елене, чтоб нам упрошат у тебя, государя, молода Тугарина Змиевича во Царьгород. А мы тебе, государю, ради впред служить, елико сила может!» Князь Владимир Всеслаевич пожаловал, отдал им молода Тугарина Змиевича, цареградцкого богатыря.¹⁴ Говорит князь Владимир Всеслаевич: «Ои естя, мои князи и богатыри! Цареградцких богатырей было¹⁵ 42. а с сими было татар людеи много, — не рат ли в поле была? А моих богатырей толко 7¹ было!»

Били ему челом богатыри, взяли молода Тугарина Змиевича и всклали на себя всю збрую богатырьскую, поехали во чистое поле. И как будут на рубеже, отпускают во Царьград молода Тугарина и учили закл[и]нать, чтоб им на Русь не бывать век по веку. Да отпустили с радостью великою. и простилися, и сами поехали в чистое поле.

Богатырское слово. Вовеки, аминь.

36

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ БОГАТЫРЕХ ЗЕМЛИ СВЕТОРУСКИЕ — О ИЛЬЕ МУРОМЦЕ, О ИВАНЕ ПОТОКЕ, О ОЛЕШЕ ПОПОВИЧЕ

В столном граде Киеве, у великаго князя Владимира киевскаго и Всеслаевича, было пированье почесное на многие князи и бояри, на сильные могучие богатыри и на вся удалые молотцы. И как будет у них пир на веселые, что взговорит велики князь киевский Всеслаевич: «Ои вы, ои еси, князи бояри и сильные могучие богатыри! Есть ли у меня кому служить три службы великие: хто бы ехол в землю Турскую, взял бы дани и выходы; а хто бы ехол в землю Задонскую и взял бы дани и выходы, а хто бы ехал в землю Алвицкую, взяли бы дани и выходы за тритцать лет и за три годы?»

Воставает тут с места богатырскова Илья Муромец сын Ивановичь, а сам взговорит таково слово: «Свет ты государь, великий князь Владимир киевский, что никто, государь, тебе ответу не даст: большой хоронитца за меньшаго, а у меньшаго ответу нет!» Сам взговорит таково слово: «Я, государь, поеду в землю Турскую, возму дани и выходы». Что взговорит Михаила Поток Ивановичь: «А я, государь, поеду в землю Задонскую, возму дани и выходы». Что взговорит Олеша Поповичь: «А я, государь, поеду в землю Алвицкую, возму дани и выходы за 30¹ лет и за три годы».

И великому князю то слово полюбилось, наливает он кубец меду сладкова. И великому князю называются братьями названными, и с великим князем прощаются, и едут из града Киева. И как будут далече во чистом поле, меж собою слово молвили: «Ои еси вы, братцы милые, хто у нас наперед

приедет до Киева, а ково после не будет, и нам ехать тово сыскывать». И, простясь, они поехали розно, всяк своим путем.

Михаила Поток Иванович едет подле моря синева, ажна плавает по
25 морю лебедь белая. И Михаило вынимает из налучья свои крепкой лук,
ис колчана калену стрелу, убить хотел лебедь белую. И она ему провеждала
человеческим голосом: «Ои ты, ои еси, руской богатыр Михаила Поток
Иванович, не стреляи меня, лебедь белую; я по морю плаваю, лебедь бе-
лая, а пред тобою стану красною девицею». И Михаила не успел стрелы
30 положить в налучь крепкого лука своего, а в колчан калены стрелы положить,
ажно перед ним стала красною девицею. И Михале она полюбилася, берет
ея за руки за белые, и целует ея во уста сахарные, и сажает ея на свои
добрый конь. И поехал с нею в царство Задонское, и взял дани и выходы,
и едет к Киеву, а лебедь белую с собою везет.

35 И приежает Михаило в Киев град, и стоновитца на свои богатырской
двор, и пошел к князю Владимиру киевскому и Всеславевичу, а сам гово-
рит² таково слово: «Свет государь, князь Владимир киевский, от меня
тебе служба заслужена, привес дани и выходы». Что в[з]говорит князь
Владимир киевски: «Ои еси, Михаила Поток Иванович! У меня тебе зо-
40 лота казна не замкнута, и погребы не запечатаны, и добры кони на стоиле
не заперты». И подносит ему зелена вина, и запивают меды сладкими. И
Михаила Поток Иванович бьет челом о сыру землю, сам взговорит та-
ково слово: «Свет государь, великий князь Владимир киевский! Ехал я
возле моря синева, ажно по морю плавает лебедь белая; и вынел из налука
45 свои крепкой лук, а ис колчана калину стрелу и хотел убить лебедь белую.
И она провеждала человеческим голосом. И я не успел положить в налучь
свои крепкой лук, а в колчан калены³ стрелы, ажно передо мною стала
красною девицею. И ныне она мне полюбилася, что лицом лепа, и привес
ея во Киев град». Что взговорит таково слово великий князь Владимир
50 киевский: «Михаила Поток Иванович, перепусти мне тое девицу красную».
Что възговорит Михаила Поток Иванович: «Я тое девицу взяла на синем
море; ты поедь, таково ж возми; я сам с нею свенчаюся». Крестил ея и
венчал владыка черниговски, а дал ей имя: Лебедь Белая, Авдотя Лихо-
товна. И почел с нею любезна жить. И живет с нею два годы. А охотник
55 был ездить во чисто поле тешится по месяцу, и по три, и 5.¹

И поехал Михаила во чисто поле тешится ровно на два месяца. А без
нево пришел купчина Золотой Орды с товары заморскими. И пошла Ми-
хаилова жена заморских товаров смотреть. И увидел купчина Золотой
Орды красоту лица ея, и почел разпрашивать: «Чья де та жена, как ея
60 зовут по имени?» И почали ему люди разказывать: «Та де жена богатыря
светорускова Михайлы Потока Ивановича». Купчина почал продавать то-
вары наскоре, едет во свою землю и почал пити и ести и веселитися.

И как будет в Золотой Орде, и почал разказывать царю Кощею:
«Сколко де я, государь царь Кошеи, не ежживал на иным землям купчиною
65 30¹ лет и три годы, а такой прекрасной жены не видывал, как есть в Киеве
у богатыря светорускова у Михайлы Потока Ивановича жена Лебедь Бе-
лая — лицом золо красна».

И почел царь Кошеи собиратися со всею силою, и собрав⁴ силу сорок
тысець, и пошел под Киев град, и Киев осади накрепко. Посылает посла-
70 ника своего к великому князю Владимиру киевскому: «Ои еси, князь Вла-
димир киевски! Отдаи мне Михайлову жену Лебедь Белую, и мы от
Киева проч поидем; а буде ты не отдаш нам ея, и мы Киев град взьемем воз-
мем». И великий князь взговорит таково слово: «Ои еси вы, граждане и
все мужики киевлени. думайте да не продумаетесь! Отдават ли Михайлову

жену или нет? Топерева у нас в Киеве богатырей не лучилось, некому вы-
ехать против силы Кошсвы». Что взговорят мужики киевские: «Свет госу-
дарь, великий князь Владимир киевски! Доселева в Киеве граде Михаи-
ловы жены не бывало, и царь Кошеи под Киев град не прихаживал, и
Киева накрепко не осаживал; отдадим Михайлову жену!»

Ажно едет ис поля Михаила Поток Ивановичь, скачет чрез стену камен-
ную, становитца на свои богатырской двор. Встречает ево Лебедь Белая, сама
взговорит таково слово: «Свет Михаила Поток Ивановичь! Пришел под
Киев град царь Кошеи Золотой Орды, а с ним силы 40 000,¹ а просит меня
ис Киева, и мужики киевские придумали отдать мене». Что взговорит Ми-
хаила Поток Ивановичь: «Собаки мужики киевляне! Зделались бы они
о своими женами о дочерми. А я сам за свою жену стану битися с погаными
во чистом поле». И садится он на свои доброй конь, и едет во чисто поле,
и побивает силу Кошееву, и Кошеи царь одва сам десят ушел в свою
землю. А Михаила Поток Ивановичь нача пити и ясти и веселитися. И
живет он без выезду ровно 3¹ месяца. А товари[щи] его еще в Киев град
не приехали.

И поехал Михаила во чисто поле тешитися ровно на три месяца. А без
нево царь Кошеи собрал силы 60 000.¹ И Киев град осадил накрепко, и
посылает посла своего к великому князю Владимиру киевскому: «Ои еси,
князь Владимир киевский, отдаи ты мне Михайлову жену Лебедь Белую,⁹⁵
и мы от Киева прочь поидем; а буде не отдаш Михайловой жены, и мы
Киев град взятьем возьмем, а людеи всех в Киеве вырубим, а жен и детей
в полон возьмем. А тебе князю живу очи вынем». Что взговорит великий
князь Владимир киевски: «О еси вы, мужики киевляне, думайте да не продумаетесь!
Отдават ли Михайлову [жену], или нет?» Что взговорят мужики
киевляне: «Свет государь, великий князь Владимир киевский! Доселева
есми в Киеве Михайловой жены не было, и царь Кошеи под Киев град не
прихаживал, и Киева накрепко не осаживал, и тебе тое кручины не было:
отдадим Михайлову жену!»

А тово оне не ведают, что Михаила бьется третей день. И побил силу
Кошееву, и Кошеи царь одва сам шест ушел во свою землю.⁵

Михаило побил силу Кошееву и едет на свои богатырской двор. И
встречают ево люди дворовые, а сказывают вести недобрые, что Лебедь
Белая переставилась. И тут Михаило закручинился, что ништо ево не
встречает и за руки не принимает и во уста ни целует. И идет во отхожую
горницу, где жила жена ево, — ажно лежит мертвая жена ево, покрыта
камкою белою. И почал Михаило прощатися, а сам взговорит таково слово:
«Помню я сам, что у меня с тобою молвлено».

И велел могилу выкопать и гробницу класть каменную, что двум че-
ловеком сидма⁶ сидеть, и лежма лежать, и стоима стоять.

И зовет на погребение князя Владимира и владыку черниговскаго, и
князеи, и бояр. И они пожаловали, пришли на погребение, князь Владимир
киевски и владыко черниговски, и князи, и бояри. И почел класть Ми-
хаила Поток Ивановичь свою жену Лебедь Белую, а сам с нею жив ло-
жится. Что взговорит князь Владимир киевский, и владыко черниговски,¹²⁰
и князи и бояри, и вси киевляне: «Где то слыхано, чтобы живые ложилися
с мертвыми? А ты жив ложисся для жены своея! Наидем мы девок
в Киеве. Захош боярскую, или княженскую, или девку посацкую, — та-
кова ш тебе жена будет». И Михаило взговорит таково слово: «Знаите вы
всяк себя, закапывай, не мешкайте». И велел великий князь накладывать¹²⁵
досками дубовыми, засыпайте песками желтыми, над могилою ставили
сторожу крепкую: «Как Михаило скуча станет кричать громким го-

лосом, — и вы выпускайте ево из могилы вон». И похороня ево, по домам пошли.

130 И бысть Михаила день до вечера. И как будет о полуночи, ажно пришла змея лютая, гробницу проела и посла во гробницу дву змиенков, и змиенки нача Лебедь Белую ссать за груди белые. И Михайло ухватил дву змиенков и почал рвать надвое. И змия ему провешала человеческим голосом: «Ои еси, Михаила Поток Ивановичь! Не рви моих змиенков, а я тебе при-
135 несу живой воды и мертвой». Что взговорит Михаила Поток Ивановичь: «Поди, змия лютая, принеси мне живой воды». Пошла змия лютая, принесла живой воды. И Михаила Поток Ивановичь нача рвать змиенков в малые крошки, и нача кроплять водою свежую, — и змиенки ожили. И кропляет водою Михаила жену свою, — и жена ево бутто от сна во-
140 стала. И он змиенков отпустил, а сам засвистал громким голосом, и караульщики все попадали, и почали разкапывать. И идет Михайло из могилы, и ведет за руки жену свою. И тут караульщики удивилися, что была Михайлова жена мертвая, а ныне Михайло оживил ее. И почал пити и ясти и веселится любезно. И живет с нею ровно два годы. А товарищи
145 ево еще в Киев не приехали.

И поехал Михайло во чисто поле тешится равно на пять месяцев. И без нево пришел царь Кощеи Золотой Орды, а с ним силы 100 000.¹ И пришел под Киев град, и Киев осадил накрепко, и посылает посланника своего к великому князю Владимиру киевскому: «Ои еси, великий князь
150 киевский! Отдай мне Михайлову жену, и мы от града отедем прочь; а будене отдаш, и мы Киев град осадим накрепко, а людеи всех вырубим, а жен и детеи в полон возмем. А тебе, великому князю, очи вынем живу!» Что взговорит великий князь Владимир киевский Всеславевичь: «Ои еси вы, князя и бояря и все мужики киевлена, думайте, да не продумаетесь! От-
155 дават ли Михайлову жену или нет? А топерева у нас в Киеве богатыреи не лучилося, некому выехать против силы Кошеевы! А Михаила сердит приедет, станет побивать мужиков киевских!» Что взговорят князи и бояря и все мужики киевлене: «Свет государь, великий князь Владимир киевский! Доселева, государь, в Киеве Михайловой жены не бывало, и царь Кощеи
160 под Киев град не прихаживал, и Киева накрепко не осаживал: отдадим Михайлову жену царю Кощею Золотой Орде! А Михайлу дадим выбирать во всем граде Киеве, где хошет, там и возмет; хоть кнеиню, хоть боярскую, хоть девку посацкую, — такова ж ему жена будет». И взяли Михайлову жену за руки белые, и надевают на нее платье драгоценное, и повели к царю
165 Кощею Зо[ло]той Орде. И царь Кощеи стал светел и радостен. Сам возговорит таково слово: «Спасиба де князю Владимиру и всем киевлянем, что отдали мне Михайлову жену руками; а мне было не видать Михайловой жены, что ушей своих, а сколо было⁷ не стоять под Киевом, а отитти было и обещещену». А сам пошел от Киева прочь во свою землю. Ажно
170 приехол ис поля Михаила Поток⁸ Ивановичь, и едет он на свои богатырской двор, и встречают ево люди дворовые, а сказывают вести недобрые, что отдали жену ево руками киевляне царю Кощею Золотой Орде. И тут Михайло закручинился. И ездит он по граду Киеву, а сам говорит громким голосом: «Собаки мужики киевляне! За что отдали жену мою верную не-
175 верному царю Кощею Золотой Орды? Управляюся я с вами опосле!» И поехол Михайло во чисто поля.

А Кощеи ушел от Киева ровно за 30¹ верст. И догнал царя Кощея; ажно царь Кощеи на стану стоит и почив держит. А сам взговорит таково слово: «Свет моя милая Лебедь Белая, Авдотья Лихотовна, жила ты во
180 граде Киеве, тогда слыла жена богатырская, а и слыла боярская, а ныне:

станешь слыть царицею Золотой Орды». И она на то слово прелстилася. И увидела ж—Михаило идет ко белу шатру, сама возговорит таково слово: «Свет государь Михаила Поток Ивановичь! Рада тебя увидела; не хочю жить у невернова царя Кошея Золотой Орды, хочю жить у тебя, богатыря светорускова. Возми меня во Киев град по прежнему!» Подносит ему питья пьянова. Испивает з дороги Михаило питья пьянова и ложится спать у бела шатра. И почела будить Лебедь Белая царя Кошея Золотой Орды: «Встань, государь, вот пришел недруг твой Михаило Поток Ивановичь, предаи ево злои смерти во чистом поле». Что возговорит царь Кошеи: «Прямая ты собака безверная, мне Михаила Поток какой недруг? Дважды меня наехал во чистом поле, в беле шатре соннова, се меня не предал смерти скорые! Ты как хочеш сама с ним». И велел прибрать ружье богатырское и палку железную, а сам поехал во свою землю, а Белую Лебедь с собою ж взял.

А Михаила спал два дни и две нощи и на утрие пробужается: ажно нет у него ружья богатырскова, ни палки железные, один стоит ево доброй конь, и тот был далече во чистом поле. И садится Михаила на свои доброй конь, и доезжает царя Кошея Золотой Орды; ажно царь Кошеи на стану стоит и опочив держит. Идет Михаило ко белу шатру. И увидела ево Лебедь Белая, встречает она ево во беле шатре, сама возговорит таково слово: «Свет Михаила Поток Ивановичь, рада тебя увидела, что ты мое девство разтлил! Не хочю жить у невернова царя, хочю жить у тебя, богатыря светорускова. Возми меня с собою во Киев град!» И тут Михаило задумался, а опосли воспоминается: «Хочет со мною жить по старому!» И подносит ему питья пьянова, испивает з дороги Михаила Поток, ложится спать у бела шатра. И она почала будить: «Встань, государь, царь Золотой Орды! Пришел недруг твой Михаила Поток Ивановичь, предаи его злои смерти, аз де не предаш злои смерти, и он тебя предаст злои смерти во чистом поле». Что возговорит царь Кошеи Золотой Орды: «Мне Михаило какой недруг? Двожды наехал меня во чистом поле соннова в беле шатре, се не предал смерти! Как хочеш сама с ним». И Лебедь Белая снимает с правой руки берчат рукав, и завивает Михаилу очи ясные, и ударила ничь рукою: «Лежи ты, Михаила Поток Ивановичь, во чистом поле камением». И Михаило вес окаменел. А сами поехали в Золоту Орду.

Ажно приехали в Киев град Михайловы товарищи, идут наскоре к великому князю Владимиру, бьют челом о сыру землею, сами возговорят таково слово: «От нас тебе, государь, службы заслужены, привезли дани и выходы». И великий князь подносит зелена вина, и запивают меды сладкими. И почали спрашивать про Михаилу Потока Ивановича. И киевляня нача рассказывать, как привес дани и выходы и как привес Лебедь Белую, и как крестил ея, и как за себя женою взял, и как без него трижды приходил царь Кошеи Золотой Орды, и как Михаила силу Кошееву побил, и как киевляне отдали жену ево Лебедь Белую, и как Михаило в погоню погнал.

Что возговорит Илья Муромец: «Поедем, Олеша Поповичь, брата Михайлы сыскивать!» И садятся на свое добрые кони, и едут далече во чисто поле. И приежают х белу камению, ажно у белова камени стоит калика прохожая, риза на неи земли сарочинские, а клябук земли греческие, подсумок у калики бархатной, вышит золотом волоченым, а посох у калики рыabei⁹ зуб. Что возговорит калика прохожая: «Он еси, богатыри светорусские, поидите ко мне хлеба есть». Что возговорят богатыри светорусские: «Скажи нам, калика прохожая, про царство Кошеево и про Михаилу Потока Ивановича». И стали они хлеба есть. Поетчи хлеба, стали опочив

235 держать, и спали два дни и две ноци. Наутрие пробуждаются. Калика
 240 прохоящая нам возговорит таково слово: «Братцы, богатыри светоруские,
 ночесь мне мало спалося, много виделось, кабы от сего камени отмеревши
 три лактя, на восточную сторону лежит казна несметная!» И поехали ямы
 рыть, и нашли казну несметную. И почел калика казну делить начетверо.
 245 «Что возговорят руские прохожие богатыри: «Что ты, калика, делиш казну
 начетверо?» Ответ держит калика прохоящая: «Кто де сеи камень вподы-
 мет и бросит черес себя, тому четвертой жеребеи». Илья поднул камень
 в груди, а Олеша поднул толка в поес, а калика вподнул и бросил черес
 себя, а сам невидим бысть, а ис тово камени выскочил Михаила Поток
 250 Ивановичь. «Спал, братец, долго во чистом поле. Спат было тебе долго и
 не пробудится, разбудил тебя Михаила архангел небесных сил». И почел
 им рассказывать, как ехол возле моря синева и как привес дани и выходы
 наскоре, и как наехол Лебедь Белую, и как крестил ея, и как за себя женою
 взял, и как трижды приходил царь Кощеи, и как его обратила Лебедь
 Белая белым каменем. Что возговорят ево товарищи: «Поедем, братцы, во
 255 царство Кошеево, Лебедь Белую уьем, а царю Кошею живу очи
 вынем».

И поехали под царство Кошеево. Что возговорит Михаила Поток Ива-
 новичь: «Постоите, братцы, во чистом поле, а я один с Кошеем управ-
 люся». И поехал во царство Кошеево. И увидела ево Лебедь Белая, ме-
 255 чется наскоре: «Рада тебя увидела, Михаило Поток Ивановичь! Не хочу
 жить у невернова царя Кошея Золотой Орды, хошу жить у тебя, богатыря
 светорускова, возми меня во Киев град по прежнему!» Подносит ему зе-
 лена вина. И испивает Михаило з дороги питья пьянова, и ложитца спать
 во тереме. Ажно пришел царь Кощеи. Стала Лебедь Белая тешитса, в шах-
 260 маты играть. И она ему возговорит таково слово: «Государь ты мои Ко-
 щеи, вот пришел недруг твой Михаило Поток Ивановичь, — предаи ево
 злои смерти!» Что возговорит царь Кощеи: «Как хочеш сама с ним». И
 она велела ево снести в ызбу поваренную и приковать к стене накрепко. И
 сидит Михаило до вечера. Как будет о полуночи, ажно пришла к нему
 265 дочь царя Кошея Золотой Орды, Ганка Кошеева; сама, глядя на нево,
 прослезилася: «Видиш ли, Михаило, что над тобою делает жена твоя?» И
 что возговорит Михаила Поток Ивановичь: «Ои еси ты, дочь царя Кошея
 Зо[ло]той Орды, Ганка Кошева, подаи ты мне палку железную и все ору-
 жие богатырское, а я тебя за себя в жену возму».

270 И засвистал Михаила Поток Ивановичь своим богатырским голосом.
 Ажно мечутса ево товарищи Илья Муромец да Олеша Поповичь и побива-
 ют силу Кошееву, а Кошею царю живу очи вынули, а Лебедь Белую
 привя[за]ли г добру коню за хвост и опустили далече во чисто поле.
 А казну взяли несметную, а и Ганку, дочь Кошееву, с собою взяли.

275 И поехали в Киев град. И нача жить лучше прежнему, пити и ясти и
 веселитса. Тут конец трем богатырем земли руськие и града Киева.

ПОВЕСТЬ О КНЯЗЕ ВЛАДИМЕРЕ КИЕВЪСКОМ И О БОГАТЫРЯХ
 КИЕВЪСКИХ, И О МИХАИЛЕ ПОТОКЕ ИВАНОВИЧЕ, И ЦАРЕ
 КАШЕЮ ЗАЛАТОЙ АРДЫ

В славном граде Киеве, у великава князя Владимира киевскава Все-
 славьевича, было пиrowанье великое на многие князи бояры и сильныя
 могучия богатыри. Как будет у них пир навеселе, что зговорит великий

князь Владимир киевский: «Ои еси, князи и бояры и сильныя и могучия богатыри! Есть ли кто у меня служить три службы великия: хто бы ехал в землю Турскую, взял бы дани и выходы; хто бы ехал в землю Задонскую, възял бы дани и выходы; хто бы ехал в землю Алевицкую, възял¹ бы дани и выходы за тритцат лет и за три годы?»

Воставал из места славнай богатырь Илья Муромец, а сам зговорит таково слово: «Свет государь, великий князь Владимир киевский, и князи и бояры, и сильныя могучия богатыри! Что ниhto ответу не даст? Большой за меншова, а у менших ответу нет». Сам зговорит слово, похваляючис: «Свет государь, великий князь Владимир киевский! Я поеду в землю Турскую, возму дани и выходы». Что зговорит Михаила Поток Ивановичь: «Свет государь, великий князь Владимир киевский! Я поеду в землю Задонскую, возму дани и выходы». Что зговорит Алеша Поповичь: «Свет государь, великий князь Владимир киевский! Я поеду в землю Алевицкую, возму дани и выходы за тритцат лет и за три годы».

И те речи великому князю полюбилися, подносит им чары зелена вина, и запивают меды сладкими, и с великим князем прощаютьца. И называютца братьями назваными, и садятьца на свои добры кони, и едут из града Киева. И меж сабою таково слово молвили: «Братъцы милыя, хто у нас наперед приедет до Киева, а каво не будет опосле, и нам ехать таво сыскивать». А сами поехали нарозно, всяк своим путем.

Михаила Поток Ивановичь поехал возле моря синева, ажно по морю плавает лебяд² белая. И Михаила вымает из налучи свои крепкой лук и ис колчана колену стрелу, и хочет убить лебяд белую. И она ему прошещитца человеческим голосом. «Свет государь, Михаила Поток Ивановичь, не стреляя меня, лебяди белыя; я по морю плаваю лебедю, а перед табою³ стану красною девицаю». И Михаила не успел в налуч положить крепка лука и в колчан колены стрелы, ажно перед ним стала красною девицаю. И Михаилу она полюбилася, и берет ея Михаила за руки белыя, и цалует во уста сахарныя, и сажает на свои доброй конь, и взял дани и выходы, и едет ко граду Киеву, а белую лебяд с собою же взял.

И приехал до Киева, становитьца на свои богатырской двор и идет ко князю Владимиру, а сам зговорит таково слово: «Свет государь, великий князь Владимир киевский, от меня тебе служба заслужена, привез дани и выходы наскоре». Что зговорит князь Владимир киевский: «Свет Михаил Поток Ивановичь! Тебе у меня за службу залата казна не запечатана и кони на стоиле не заперты». И Михаила бьет чалом о сыру землю. И подносит ему чары зелена вина, и запивают меды сладкими.

И Михаила зговорит таково: «Свет великий князь Владимир киевский! Ехал я возле моря синева, ажно по морю плавает лебяд белая; и я вынял из налучи свои крепкой лук и ис колчана колену стрелу, и хотел убить лебяд белую. И она мне прошещитца человеческим голосом: „Свет Михаила Поток Ивановичь, не стреляя меня, лебяди белыя; я по морю плаваю лебедю, а перед табою стану кресною девицаю“. И я не успел в налуч положить крепка лука и в колчан колены стрелы, ажно передо мною стала красною девицаю. И мне она полюбилас, и я привез ея во Киев град». Что зговорит великий князь Владимир киевский: «Свет Михаил Поток Ивановичь, перепусти мне тое девицу красную». Что зговорит Михаила Поток Ивановичь: «Я ее, государь, тое девицу взял за саблю, я сам с нею свенгчаюся». И крестил ея, и венчался с нею, и венчал их владыко черниговской, и дал ей имя: Белая Лебяд, Авдотья Лиховидовна. И почал с нею любезна жить. И живет с нею⁴ два годы. А охотник был Михаила ездит во чисто поля тешитца по два месяца, и по три, и по пяти.

И поехал во чисто поля Михаила тешитца⁵ на два месяца. И без нево пришел купчина Залатои Арды с тавары заморскими. И прослышала Михайлова жена про купчину, что пришел с тавары заморскими, и пошла Михайлава жена смотреть таваров заморских. И увидел купчина красату лица ея, и почал разпрашивать киевлен: «Чья де то жена и как завут ея по имени?» И киевлениа ему сказали: «То де жена богатыря святорускова Михайлы Потока Ивановича». И тут купчина почал тавары продавать наскоре, и поехал во свою землю.

И как будет в Залатои Арды, и почал рассказывать царю Кашею: «Свет государь, царь Кошеи Залатои Арды! Сколко де я ни еживал по иным землям купчинаю уже тритцат лет, а такой прекраснай не видывал, как ест во граде Киеве у богатыря святорускова у Михайлы Потока Ивановича жена Лебяд Белая, Авдотья Лиховидавна — лицом зело красна».

И тут почал царь Кошеи збирать воиска, и собрал воиска сорок тысячей, и пошол под Киев град, и Киев осадил накрепко. И посылает посланника...⁶

«...Потока Ивановича, и царь Кошеи от Киева прочь поидет». Ажно едет ис поля Михаила Поток Ивановичь, едет на свои богатырской двор. Встречает ево Белая Лебяд, Авдотья Лиховидавна, примает ево за белы руки и цалует ево во уста сахарныя, сама зговорит таково слово: «Свет государь, Михала Поток Ивановичь! Пришол под Киев град царь Кошеи Залатои Арды и Киев [осадил] накрепко и просит меня ис Киева, и киевлениа придумали отдать меня». Что зговорит Михаила Поток Ивановичь: «Сабаки мужики киевлениа! За что ссужаютъца чужими женами? Зделалися бы своими женами и дочерми. А я за свою жену умею и сам стоят и битъца с погаными во чисте поле». И садитъца на тои доброй конь, и едет во чисто поля, и побивает силу Кашееву, а Кошеи ровна сам шост ушол во свою землю. А Михаила, побив силу, приехал в Киев град на свои богатырской двор и стал з жено[ю] пить и есть и тешитца.⁵ И живет з жаною два годы без съезду.

И поехал во чисто поля тешитца ровна на три месяца. И без нево пришел царь Кошеи, а с ним силы шестьдесят тысячей. И Киев осадил накрепко, и сылает посланника к великому князю Владимиру: «Ои еси, великий князь Владимир киевский Всеславъевичь! Отдаи мне Михайлову жену, и я от Киева прочь поиду; а будет ты не отдаш мне Михайлову жену Потока Ивановича Белую Лебяд, Авдотью Лиховидовну, а будет ты не отдаш мне ея, и я Киев град взятем возму, а людеи твоих в Киеве всех в Киеве вырублю, а жон и детеи в полон возму». Что зговорит великий князь Владимир киевский Всеславъевичь: «Ои еси, киевлениа все, гражания и мужики киевлениа, думайте да не продумаетес! Отдавать ли Михайлову жену Потока Ивановича Белую Лебяд, Авдотью Лиховидовну, или нет?» Что зговорают гражания и мужики киевлениа: «Свет государь, великий князь Владимир киевский Всеславъевичь! Доселева в Киеве Михайловы жены не бывало, и царь Кошеи под Киев не прихаживал, и Киева накрепко но осаживал, тебе, государю, такой кручины не бывало: отдадим Михайлову жену Белую Лебяд, и царь Кошеи от Киева прочь поидет!»

А таво не ведают, что Михаила бьетца с погаными во чисте поле уже трети день. И побил силу Кашееву, и всево Кошеи сам четверт ушол во свою землю, в Залату Арду.

А Михаила, побив силу, и едет х Киеву наскоре; скачет через стену горадавую и станавитца на свои богатырской двор. И ништо ево не встречает, и за руки не примает, и во уста не цалует. Встречают ево люди дворовыя, сказывають вести недобрня, что жена ево переставилас. И тут Ми-

Подъти ѿннзе и даркмбренъ въ
 шю ноботаты рѣхъмъ въ шн и ѿ
 ми дѣло тоу бѣнаноу и ѿ
 нащѣе салатой а рѣмъ

Свадноу бѣрадеи свѣдѣли
 на на лиза даркмбраи въ
 на ва шн слава въ шадъ, лъ
 пи ро па ет е дико е на мковне
 шнзи и вдары и шнши да мо
 су гѣдѣ до вати рѣмъ судетъ
 унн ти на пѣсѣлтъ (шю з до поръ)
 пѣлиши Олзи даркме рѣмъ въ
 шнн сѣне си и зи нобдары и шнши да
 нмоу гѣдѣ до вати рѣмъ (шю з до поръ)

110 хайла закручинился, идет на свои богатырской двор терем. И приходит в отхожую горницу, где жила жена ево, — ажно лежит мертва жена ево, покрыта камкою белою. И Михаила почал цалавать мертвую жену свою, а сам зговорит таково слово: «Помню я и сам свое слово, что у меня с тобою молвлено и запровано: хто наперед умрет, а хто останетца, — и таму живу в могилу иттить».

И велел грабницу делать каменную, чтобы двум человеком сидма сидеть, и лежма лежать, и стоима стоять.

И завет на погребане князя Владимера, и князи и бояры, и владыку чернигавскова, и сашлися на погребане князь Владимер, и князи и бояры, 120 и сильныя могучия богатыри, и владыка чернигавьской. И почал Михаила во грабницу класть жену свою, и сам с нею жив ложится.⁷ Что зговорят князи и бояры и все киевлена: «Нигде, скать, таво не слыхоно, не токмо видено, чтоб живыя лажилися с мертвыми. А ты, Михаила, жив лажишся в могилу для жаны своеи! Найдём мы в Киеве, захош княиню, или бояр-125 рьню, или девку посадкую, — такова ж тебе жена». Что зговорит Михаила Поток Ивановичь: «Знаи де всяк сам себя, закапывайте, не мешкайте!» Что зговорит князь Владимер киевьской Всеславьевичь: «Накладывайте досками дубовыми, насыпайте песками жолтыми, а над могилою поставте старожу крепкую: как Михаилу скучитьца, станет кричать громко 130 голосом, — выпускайте ево на волнои свет, не мешкайте». Похороня ево, все пошли нарозно, по домом пошли.

И Михаила Поток Ивановичь сидит в могиле з женою мертвою день до вечара. И как будет о полуночи, ажно пришла ко грабнице змея лютая, и грабницу каменную проела, и пустила во грабницу двух змеенков лю- 135 тых, и змеята учали Лебяд Белою сать за груди. И Михаила ухватил змееньков, и почал р[в]ат надвае. И провешитца ему змея лютая: «Свет государь, Михаила [По]ток Ивановичь! Не рви моих змеенков маленьких, я принесу тебе мертвой и живой воды». И Михаила зговорит таково слово: «Поди, змея лютая, принеси мне живой воды». И пошла змея лютая, при- 140 несла ему живой воды. И Михаила почал рват змеенков на крохи, и покрапляет их живою водою, — и змеята ожили. И Михаила покъропляет мертвую жену свою, — и жена ево бутто от сна пробудилася. И Михаила за- свистал громко голосом, и караулщики попадали; и тут послышали соседи ближния, и почали могилу раскапывать. Ажно идет из могилы Михаил и ве- 145 дет за руку из могилу жену свою. И тут сошлися к могиле люди многия, и все они дивуютца, что была мертва жена Михайлова, а Михаила оживил ея. И почал с нею любезна жить, лутче старова. И живет з женою без съезду ровна три годы. А таварыщи ево еще до Киева не приехали.

И поехал Михаила во чисто поля тешитца ровна на пять месяцев. 150 А без него пришел царь Кощеи Залатои Арды, а с ним силы сто тысячей.

И Киев град осадил накрепко, посылает посланьника к великому князю Владимеру киевьскому Всеславьевичю: «Ои еси, князь Владимер киевь- 155 ской! Отдай мне Михайлову жену, и я от Киева прочь пойду; а будет ты не отдаш ея, и я Киев град вес выпленю, а людеи всех в Киеве вырублю, а жон и детеи в полон возму. А тебе, царю, живу очи вытравлю! А буд- дет ты отдаш мне Михайлову жену Потока Ивановича Лебяд Белою, Ав- дотью Лиховидовну, и я от Киева прочь пойду». Что зговорит великий князь Владимер киевьской Всеславьевичь: «Ои еси, князи и бояры...».⁸

«... он меня двожди наехал в беле шатре во чисте поле соннова, се не 160 предал мне смерти съкорыя! Как хош сама с ним». И велел у него побрать ружье богатырское и палку железную, а сам поехал во свою землю в За- латую Арду, а Белою Лебяд с сабою же взял.

А Михаила спал ровно три дни и три ночи и на утро пробуждается: ажно нет у него ружия богатырскова, ни палки железной, — один стоит ево доброй конь, и тот был далеча во чисте поле. И тут Михаила закручи- 165 нился, садится на свой доброй конь, и поехал далеча во чисто поля, и доезжает царя Кощея невернова; а царь Кощеи на стану стоит, опочив держит с Белою Лебядью. Что зговорит Михаило Поток Иванович: «За что де побивать воиска безвинное!» И поехал прямо к белу шатру. И увидела его Лебяд Белая, встречает ево у бела шатра, сама зговорит такавы речи: 170 «Свет Михаило Поток Ивановичь, богатырь земли святоруския! Не хочю я жить у невернова царя Кощея Залатои Арды, хочю жить у тебя, богатыря святорускова. Возми меня во Киев град по прежнему!» И подносит ему питья пьянова. И тут Михаило задумался: «А вот да баба, вот подлая! Хочет со мною жить по старому!» И испивает з дороги питья пьянова, и 175 лажитьца спат в беле шатре. И она начала будить своево любовника: «Востань, государь, царь Кощеи Залатои Арды! Пришел недруг твой Михаило Поток Ивановичь, предаи ему смерти скорыя. А будет ты не предаш ему злую смерть, и он тебе самому предаст злую смерть во чисте поле». Что зговорит царь Кощеи: «Прямая ты неразумная, из злых жен 180 первая! За что мне Михаилу предать смерти скорыя? Он меня двожди нахал во чисте поле в беле шатре соннова...».

38

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ БОГАТЫРЯХ — ИЛЬЕ МУРОМЦЕ, МИХАИЛЕ ПОТОКЕ ИВАНОВИЧЕ И АЛЕШЕ ПАПОВИЧЕ

Во славном граде Киеве, у великаго князя Владимира киевскаго, было пированье почестное на многия князи и бояры и сильныя могучия богатыри. И како будет пир навеселе, говорит Владимир князь: «Ои еси, князи и бояры и сильныя могучия богатыри! Ест ли кому у меня сслужить три службы великия: кто бы ехал в землю Турскую, взял бы дани выходы; 5 кто бы ехал в землю Задонскую, взял бы дани и выходы; кто бы ехал в землю Олевицкую, взял бы дани и выходы за тритцать лет и за три годы?»

И встал славной богатырь Илья Муромец, и говорит таково слово: «Свет великий князь Владимир Всеславьевичь киевской и вы, князья и 10 бояря и сильныя могучия богатыри! Кто куды едит?» И на то никто ответу не дает: большои за меншова, а меншой за болшова хоронитца. И говорит таково слово: «Свет государь, великий князь Владимир киевски Всеславьевичь! Я поеду в землю Турскую, возму дани и выходы». Что говорит Михаила Поток Ивановичь: «А я, государь, поеду в землю За- 15 донскую, возму дани и выходы». Что зговорит Алеша Поповичь: «А я, государь, поеду в землю Алевицкую, возму дани и выходы за тритцать лет и за три года».

И те речи великому князю полюбилися, падносит им чары зелена вина, запивают меды сладкими. И называются с великим князем братьями 20 названными, и с великим князем прощаются, и едут из града Киева. Садатца на свои добрыя кони, а сами говорят таково слово: «Братцы милыя, кто у нас наперед приедет в Киев град, а кого не будет, и нам не¹ ехать тово сыскивать». И поехали нарозно, всяк своим путем.

Михаило Поток Ивановичь поехал возле моря синева и видит, что 25 плавает лебедь белая. И Михаила вынимает из налучья свои крепкой лук, хочет убить лебедь белую. И она ему провещает человеческим голосом:

«Свет государь, Михаила Поток Ивановичь, не стреляи меня, лебедь белую; я по морю плаваю лебедью белою, перед тобою стану красною девицею». И Михаило не успел положить лука в налучье и в калчан колену стрелу, и она перед ним стала красною девицею. И Михаиле она полюбилася, берет ея за руки белыя, целует во уста сахарныя, и сажает на свои доброй конь, и взял дани и выходы, и поехал в Киев град, а дал ей имя Беляя Лебедь, Авдотья Михайловна.

И взял ея с собою в Киев град, и становитца на свои богатырской двор, и идет ко князю Владимиру киевскому, и бьет челом великому князю Владимиру о сыру землю, и говорит ему таково слово: «Привез я, государь, из земли Задонския дани и выходы за тритцать лет и за три годы». И говорит ему князь Владимир киевски: «Тебе у меня, Михаило, золотая казна не запечатана и кони не заперты». И еще Михаила говорит таково слово: «Свет государь, князь Владимир! Ехал я возле моря синева, ажно по морю плавает лебедь белая; и вынимал я из налучья своего крепкой лук, хотел убить лебедь белую. И она мне провеждала человеческим голосом, и говорит таково слово: „Не стреляи меня, Михаил Поток Ивановичь, лебеди белыя; я по морю плаваю лебедью белою, а перед тобою стану красною девицею“. И я не успел положить в налучья колену стрелу, и она передо мною стала красною девицею. И мне она полюбилася, и я крестил ея». И говорит великий князь Владимир Киевской: «Уступи мне ее, Михаила Поток Ивановичь!» И говорит Михаила Поток, что «я, государь, тое девицу взял за остроу саблю, понеже ты и сам известен, что я крестил ея и с нею венчалса, и венчал нас владыко черниговской». И Михаила почел с нею любезно жить, и живет с нею два года. И охочь был Михаила тешитца в чистом поле месяца по два, по три и по ляти.

И поехал Михаила тешитца на два месяца. И без него пришел в Киев град купчина Золотой Орды с товарами заморскими. И вышла Михайлова жена смотреть товаров заморских. И увидел купчина красоту лица ея, учел спрашивать: «Чья эта жена?» И стали ему сказывать: «Эта жена богатыря светоруского Михаила Потока Ивановича». И купчина почел товары продавать наскоро, и едит во свою землю.

И приехавши, почел рассказывать царю Кощею неверному: «Сколко де я не еживал по разным землям купчиною тритцать лет, а такой прекрасной девицы не видывал, а ныне видел я во граде Киеве у богатыря светоруского Михаила Потока Ивановича жена Лебедь Беляя, Авдотья Ивановна, — зело прекрасна».

И почел царь Кошеи собирать силу, и собрал силы сорок тысячь, и пошел под Киев, и Киев² осадил накрепко. И посылает посла своего: «Чтоб князь Владимир киевской отдал нам Михайлову жену Потока Ивановича, Лебедь Белую, Авдотью Михайловну; а буде ты нам не отдаж ея, и я град Киев взятым возму, а люди твоих вырублю, а жен и детей в полон возму». И говорит князь Владимир киевской: «Думаите, мужики, да не продумаетеся! А теперь у нас богатырей не случилось, некому выехать противу силы Кошеевой!» И на то говорят мужики киевляня: «Свет государь, великий князь Владимир киевский Всеславьевичь! Доселева у нас в Киеве Михайловой жены не бывало, и царь Кошеи под Киев град не прихаживал, и Киева не осаживал, и тебе кручны не было: отдадим Михайлову жену царю Кощею неверному!»

Ажно Михаила едит из чиста поля, скачет чрез городовыя стены; и как будет на своем богатырском дворе, встречает жена ево и говорит: «Государь, Михаил Поток Ивановичь! Того ты не ведаеш, что стоит под Киевом царь Кошеи Золотой Орды, а с ним силы сорок тысячь, а просит меня

ис Киева, и мужики киевляня придумали отдать меня». И говорит Михаила Поток Иванович: «Сабаки мужики киевляня! Зделалис бы они своими женами и дочерьми. За что они отдают тебя неверному царю Кошею? Умею я за тебя и сам стоять и битца с поганьими, в чистом поле управитца». И садилса на свои доброй конь, и едит далече в чисто поле, и побивает силу Кошееву, и царь Кошеи насилу ушел во свою землю. И Михаила Поток Иванович почел пити, ясти и веселитися. И живет з женою без беды ровно два года. А товарищы ево еще не бывали. 85

И поехал Михаило тешитца на три месяца. И без нево царь Кошеи собрал силы шестьдесят тысящъ, и пришел под Киев град. И Киев осадил накрепко, и посылает посла ко князю Владимиру: «Чтоб выдал Михайлову жену Лебедь Белую, а будет не отдаш, и я Киев град возму, а людеи всех вырублю, а жен и детеи в полон возму». И говорит Владимир князь: «Князья и бояря, и сильныя могучия богатыри, и мужики киевляня, думайте да не продумаетесь! А теперь у нас сильных могучих богатырей не случилось, тешатца в чистом поле, некому выехать против силы Кошеевой!». 95

А того не ведают, что Михаила бьетца в чистом поле ровно тридцать дней. И побивает силу Кошееву, и царь Кошеи толко сам шесть ушел во свою землю. 100

И приехал Михаило на свои богатырской двор. И встречают ево люди дворовыя, и сказывають вести нерадостные, что жена ево преставилас. И тут Михаила закручинилса, идет на крылцо, ништо ево не вьстречает, и за руки не принимает, и во уста не целует. И пришел Михаило во свою горницу отхожую, где жена ево лежит мертвая, покрыта камкою белою. И Михаила почал ее мертвую целовать, а сам говорит: «Помню и сам свое слово, что у меня слово молвлено». 105

И велел могилу копать и гробницу делать, чтоб двум человекам сидмя сидеть, и лежмя лежать, и стоимя стоять.

И почел Михаило на погребение звать великого князя Владимира киевского, и владыку черниговского, и князи и бояры, и сильныя могучия богатыри. И почел Михаила жену свою класть, и сам с нею жив ложитца в гробницу. И говорят ему князь Владимир киевской, и владыка черниговской, и князи и бояры, и сильныя могучия богатыри: «Нигде тово не слыхано, чтоб живыя ложилися с мертвыми. А ты, Михаила, ложисса с мертвою в могилу жив для жены своей! Или у нас в Киеве людеи не стало? Захочеш княгиню, или боярыню, или девку посацкую, — такова ж тебе жена будет». И говорит Михаила: «Знай всяк себя, засыпайте, не мешкайте». И велел князь Владимир накладыват доски дубовыя, и насыпать песками желтыми, и поставить сторожен крепких: «А как Михаилу сучитца, то выпускайте немедленно». 110 115 120

И сидит Михаила день до вечера. И как будет ночь, и пришла змия лютая, и в гробницу прошла, и пустила двух змиенков, и те змиенки почели у жены ево сосать груди белыя. И Михаила ухватил тех змиенков, и почел рвать их надвое. И провещает змия человеческим голосом: «Свет Михаила Поток Иванович! Не рви моих змиенков, я тебе принесу живой воды». И Михаила тех змиенков тою водою покропил, — и змиенки ожили. И покропляет свою жену мертвую, — и жена ево, что от сна пробудилася. И Михаила засвистал богатырским голосом, ажно караульщики попадали и почели раскапывать. И идет Михаило из могилы, и ведет за руку жену свою. И тут все почюдилиса, что была жена ево мертвая, а Михаила оживил ея. И почел с нею любезно жить, лутче старова. И живет с нею ровно три годы. 125 130

И поехал Михаило в чисто поле тешитца на пять месяцев. А товарищи ево еще не приехали. А без него царь Кощеи собрал силы сто тысящъ. И пришел под Киев град, и Киев осадил накрепко, и посылает посла к великому князю Владимиру: «Ои еси ты, князь Владимир киевски! Отдай мне Михайлову жену Потока Ивановича; а будет не отдаш ея, и я весь Киев град вырублю, а жен и детей в полон возму, а тебе, царю, живому глаза выну; а буде отдаш, и я прочь пойду!» И князь Владимир киевски собрал силу во всем граде Киеве — и князи и бояря, и сильныя могучия богатыри, и мужиков киевских, и говорит: «Думайте, братцы, да не продайте! А т'давать Михайлову жену или не отдавать? А тепер у нас в Киеве богатырей не случилось, тешатца в чистом поле, выехать против их некому! А ведаете вы, что Михаило сердит приедит в Киев град и станет вас побивать!» И придумали всем городом ее отдать царю Кощею неверному, и надевает на нее платье цветное, и берут за руки белые, и ведут царю Кощею неверному. И говорит царь Кощеи неверной: «Спасиба де князю Владимиру и мужикам киевским, что отдали мне Михайлову жену; не видать было мне, что ушей своих, сколько было не стоять под Киевом, а итти прочь з бесчестием во свою землю». И пошел от града Киева, и стал на стану. И почел с Михайловою женою опочивать, и говорит ей таково слово: «Свет ты милая Лебедь Белая, Авдотья Михайловна, давно ты жила в Киеве, тогда ты была жена богатырская, а тапер станеш слыть царя Золотой Орды». И она на то прелстилася. И едит Михаило; как будет на своем богатырском дворе, и встречают ево люди дворовыя, и называют вести недобрыя, что отдали жену ево мужики киевския царю Кощею Золотой Орды. И тут Михаила закручинилса. Ездит по Киеву, кричит громким гласом: «Сабаки мужики киевляня безбожныя! На что отдали жену мою крещеную царю Кощею неверному? Умею я и сам управитца в Киеве!» И мужики киевляне все разбежались ис Киева. И садитца Михаила на свои доброй конь, и едит далече в чисто поле.

А царь Кощеи уехал ровно ходу за три дни. А Михаило догнал всево в три часа; а царь Кощеи на стану стоит и опочивает. И Михаило Поток Ивановичь зачал побивать войско безвинное, и поехал прямо к белу к шатру. И увидела жена ево, и встречает ево у бела шатра, целует ево во уста сахарные, а сама говорит: «Свет государь, Михаила Поток Ивановичь! Не хочю жить у неверного царя Кощея Золотой Орды, хочю жить у тебя, богатыря светорусского, по прежнему!» И подносит ему питья пьянова. И Михаила з дороги испивает, и ложитца спать у шатра Кошеева. И Лебедь Белая мечитца наскоро в бел шатер, и будит царя Кощея: «Востани, царь Кощеи, вон пришел недруг твой Михаило Поток Ивановичь, предаи ему злую смерть; а буде ты ему смерти не предаш скорыя, и он тебе самому предаст смерть скорую в чистом поле». Что говорит царь Кощеи: «Прямая ты сабака безверная, за что мне предать смерть скорую? Он меня наехал соннова в беле шатре, се не предал смерти скорыя! И как ты хочеш сама с ним». И велела она взять от него оружие богатырское, а сам поехал во свою землю, а Белую Лебедь с собою взял.

А Михаила ровно спал два дни и две ноци, а на третей день пробудитса и видит, что нет при нем оружия богатырского и палицы железной, один стоит ево доброй конь, и тот был далече в чистом поле. И садитца на свои доброй конь, и едит далече в чисто поле, и доезжает царя неверного. И царь Кощеи на стану стоит. И едет прямо к белу шатру, царь Кощеи опочивает. И встречает Лебедь Белая из бела шатра, а сама говорит: «Свет государь, Михаила Поток Ивановичь, рада я тебя увидела, ты мое девство разрушил!» И целует ево во уста сахарныя, и Михаила задумалса: «Авос

либо баба воспokaется, хочет со мною жить по старому!» И подносит ему питья пьянова, и Михаило испивает, ложитца спать в беле шатре. И почела Лебедь Белая будить царя Кощея: «Востани, государь, царь Кощеи! Вон приехал недруг твой Михаила Поток Ивановичь, предан ему злои смерти, а буде ты не предашь злои смерти, и он тебе предаст злую смерть самому». 190 И говорит царь Кощеи: «Сама с ним». И Лебедь Белая снимает с своей руки верчен рукав, и завивает Михаиле сонному ясны очи, ударила ево как рукою: «Лежи, Михаила, в чистом поле белым каменем». И Михаила окаменел. А царь Кощеи пошел во свою землю и Лебедь Белую взял с собою.

И приехали в Киев град Михайловы товарищи Илья Муромец да 195 Алеша Поповичь, и идут к великому князю Владимиру, и об[ъ]являют: «Великий князь Владимир киевски, от нас тебе служба сослужена». И челом ударяют великому князю Владимиру о сыру землю, и дани и выходы с собою привезли. И стали спрашивать про Михаила Потока Ивановича. И стал им князь сказывать, как Михаила привез дани и выходы наскоре. 200 И как привез Лебедь Белую, и как крестил ея, и как ея за себя взял женою, и как без него трижды приходил царь Кощеи под Киев град, и как мужики киевляне руками ея выдали, и как с нею жив в могиле был, и как оживил ея, и как за нею погнался.

И говорит Илья Муромец: «Поехали, брат Алеша Поповичь, брата Ми- 205 хаилу сыскывать!» И поехали далече в чисто поле. И приезжают к камени белому, и у того камня стоит калика прохожеи. Что говорит калека прохожеи: «Что вы, светоруския богатыри, куды идите?» И они спросили ево: «Скажи ты нам про царство Кощеево и не видал ли ты Михаила Потока 210 Ивановича?» А на калике мантия земли сорочинския, а каблук на нем 210 земли греческия, а посох у него рыба зубья, а подсумок бархатной, вышит волооченым золотом. И почели хлеба есть. И, поетчи хлеба, почели опочивать два дни и две ночи. И заутра калека пробужается. И говорит им таковы речи: «Светы вы, братцы богатыри светоруския, начесь мне во сне виделос, как бы от сего камня на восточную страну отмерять три локтя, 215 лежит казна великая!» И почели яму копать, и нашли казну великую. И почел калека казну делить начетверо. И говорит Илья Муромец: «Что, калека, казну делишь начетверо?» И калека ответ держит: «Кто сеи камень подымет и бросит черес себя, тому четвертой жеребен». Илья Муромец 220 поднял тот камень в груди, Алеша Поповичь в свой поес, а калека поднел и чрез себя бросил и разшип камень надвое, и вышеб ис камня Михаилу Потока Ивановича, а калика невидим стал. И почел спрашивать: «Долго ли я, братцы, спал в чистом поле?» И говорят ему товарищи: «Спать было тебе и до веку, а разбудил тебя Михаило архангел». И стал Михаило рас- 225 сказывать: как ехал он возле моря синева и наехал Лебедь Белую, и как крестил ея, как привез дани и выходы наскоре, и как трижды приходил царь Кощеи, и мужики киевляне отдали жену ево Лебедь Белую, и как оборотила белым каменем. И говорят ево товарищи: «Поедем, братцы, под царство Кощеево, уьем Лебедь Белую, а царю Кощею живому очи выколем».

И поехали под царство Кощеево. И как будут у царства Кощеева, и 230 говорит Михаила Поток Ивановичь: «Постоите, братцы, в чистом поле, я один управлюса». И поехал в Кощеево царство. И увидела ево Лебедь Белая ис терема, и мечетца наскоро: «Свет мой, Михаило Поток Ивано- 235 вичь! Рада я, тебя увидела, ты мое девство растлил! Не хочю жить у невернова царя Кощея Золотои Орды, хочю жить в Киеве у тебя, богатыря светоруского, возми меня до Киева!» И подносит ему питья пьянова. И Михаило задумалса: «Авос либо, баба воспokaется. У всякой бабы волос долок, да ум короток. Авос либо, хочет со мною жить по старому!» Испи-

вает питья пьянова и ложится спать возле терема. И в то время пришел
 240 царь Кощеи, и говорит: «Станем, Лебедь Белая, тешитца в шахматы!»
 И говорит Лебедь Белая: «Государь, царь Кощеи Золотой Орды, вот при-
 шел недрук твой Михаила Поток Ивановичь — предаи ему злую смерть!»
 И говорит царь Кощеи: «Меня Михайло дважды наезживал в чистом
 поле в беле шатре соннова, се не предал меня злои смерти. Как хочеш
 245 сама с ним». И Лебедь Белая сносит ево соннова и пьянова в поваренную
 избу, и велела ево приковать к стене накрепко. И спит Михайло прикован
 три дни и три ночи. И как будет о полуночи, сошла к нему девица, дочь
 царя Кощея Золотой Орды, именем Ганна Кощеевна, и стала говорить:
 «Видиш ли, Михайло, что жена твоя над тобою делает?» А сама, глядя,
 250 прослезилася и говорит Михайле: «Хочеш ли меня за себя женою взять?
 Я тебя избавлю злои смерти». И говорит Михайла Поток Ивановичь: «Рад
 я тебя женою иметь и вместо матери». И царевна пошла в тюрьму татар-
 скую, и взела татарина именем Сулегу, такова ж лицом и волосом, что
 Михайла Поток Ивановичь, и отковала Михайлу от стены, а Сулегу тата-
 255 рина приковала к стене. И говорит Михайла Поток Ивановичь: «Поди,
 царевна Ганна Кощеевна, возми у отца своего мое ружие богатырское и
 палицу железную». А как будет о полуночи, и сошла Лебедь Белая в по-
 варенную избу казнить мужа своего Михайла Потока Ивановича и ево не
 узнала, что татарин Сулека, — чаела ево мужем своим. И почела казнить
 260 Сулеку татарина, отсекала ему руки, и ноги, и голову, и пошла радующись
 в полаты свои.

А Михайло Поток Ивановичь засвистал богатырским голосом. И бегут
 ево товарищи Илья Муромец и Алеша Поповичь в царство Кошеево на-
 скоро, и побили силы несметно тысящ, а царю Кощею живом[у] очи вывели,
 265 а Лебедь Белую привезали х коням неученым и размыкали по чисту полю,
 и так ей смерть случилас. А казну Кошееву роздали неимушым.

И поехали ко граду Киеву, и царевну Ганну крестил ея, и женилса на
 неи, и стал с нею любезно жить. И Поток Ивановичь оседлал коня своего
 богатырского, и поехал по Киеву, и почел побивать мужиков киевских за
 270 то, что отдали жену ево безвинно царю Кощею неверному. И побили силы
 сорок тысящ.

39

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ БОГАТЫРЯХ — О ИЛЬЕ МУРОМЦЕ,
 И О МИХАИЛЕ ПОТОКЕ ИВАНОВИЧЕ, И ОЛЕШЕ ПОПОВИЧЕ
 КИЕВСКИХ — И О ПОХОЖДЕНИИ ИХ

Бысть во граде Киеве, у великаго князя Владимира киевскаго Всесла-
 вича, пир велии на князи и бояра, на силны могучи богатыри. Будет
 у них пир на весело, князь Владимир зговорит таково¹ слово: «Ои еси,
 князи и бояря и силные могучие богатыри! Кому у меня три службы слу-
 5 жит великие: кто бы ехал в землю Турскую, взял бы дани и выходу за
 трицать и за три года; хто бы ехал в землю в Задонскую,² взял бы дани
 и выходу за трицать и за три года; хто бы ехал в землю Алевитцкую, взял
 бы дани и выходу за трицать и за три года?»

И тут все призадумались, ниhto ему ответу не даст: болшия хоро-
 10 нятца за меншия, а меншия за болшия, а у менших и давно ответу нет.

Илия Муромец зговорит таково слово: «Свет государь, князь Влади-
 мер киевской! Аз еду в землю Турскую, возму дани и выходу за три-
 цать и за три годы». Михайло Поток Иванович зговорит таково слово:
 «Я еду в землю Задонскую, возму дани и выходы за трицать и за три

годы». Алеша Попов говорит таково слово: «Я еду в землю Алевитцкую, ¹⁵ возму дани и выходы за трицать и за три годы».

И те речи великому князю полюбилис, подносит им чару зелена вина, и запивают меды сладкими, и с великим князем прощаются. И меж себя называют брадцами названными, и сядятца на свои добры конь, и поехали ис Киева. Как будет от Киева за пять верст, таково слово молвили: ²⁰ «Братцы милыя, хто из нас перед приедет до Киева, а ково не будет, и после ехать тово сыскивать». И, простяс, поехали розно, всяк своим путем.

Илья Муромец поехал на реку Смородину, на мосты калиновые. Алеша поехал дорогою Ставровои.³

Михаило поехал дорогою святорускою, подле моря синево, ажно по ²⁵ морю плавает лебедь белая. И Михаило вынимает из налучия свои крепкою [лук], ис калчана вынимает калену стрелу и хощет бить лебедь белую. И она ему провеща человеческим голосом: «Михаило Поток Иванович, не стреляи меня, лебедь белую: я де по морю плаваю лебедью, а пред тобою стану девицей красной». И Михаило не успел в налучи положить ³⁰ крепка лука и [в] калчан калены стрелы, ажно пред ним стала девица, лицом зело красна. И Михаилу она полюбилася, берет за руки беляя, и целует во уста сахарные, и сажает на свои доброй конь, и взял дани и выходы за трицат и за три годы.

И князь Владимир ему ответ держит: «Тебе у меня, Михаило, золота ³⁵ казна не запечатана, и кони на стоиле не заперты». И подносит ему чару зелена вина, и запивают меды сладкими. И Михаило зговорит таково слово: «Свет государь, князь Владимир киевской! Ехал [я] возле моря синево, ажно по морю плавает лебедь белая; и я вынел, государь, из налучи свои крепкой лук и [из] калчан[а] калены стрелы, и хотел убить лебедь белую. ⁴⁰ И она мне ⁴ провещилас: „Михаило де Поток Иванович! Не стреляи меня, лебедь белую; я де по морю плаваю лебедью, а пред тобою стану девицей красной“. И я, государь, не успел в налучи положити крепкой лук и в калчан калены стрелы, ажно предо мною стала девица, лицом зело красна. И мне она полюбилася, и я привез на свои богатырской двор». И князь ⁴⁵ Владимир взговорит таково слово: «Михаило Поток Иванович, препусти мне ту девку красную!» И Михаило ответ держит: «Я де, государь, сам с тою девкою венчался, крестился и дал ей имя Беляя Лебедь, Авдотя Лиховидовна». И венчал их владыка черниговской. И почал Михаило с нею любезно жить. И живет с нею ровно три годы, а товарищи ево еще ⁵⁰ в Киев не приехали.

И поехал Михаило во чисто поле тешитца на два месяца. А без него приехал под Киев град купчина Золотой Орды с товары заморскими. Увидел купчина красоту лица ея и почал розпрашивать: «Чья ето жена и как ее зовут по имени?» И киевляне ему розказали: «Та де у нас жена богатыр- ⁵⁵ ская, святорусково славново Михаила Потока Ивановича, а зовут ее Лебедь Беляя, Овдотя Лиховидовна». И тут купчина почал товары продавать наскоро, идет во свою землю.

И как будет в Золотой Орде у царя Кощея неверново, сам зговорит таково слово: «Свет государь, царь Кощеи Золотой Орды! Сколко я не ⁶⁰ еждивал по иным землям купчиною, а такой прекрасной не видал, как есть во граде Киеве у богатыря светорусково славново Михаила Потока Ивановича жена, Беляя Лебедь, — лицом зело красна». И тут царь Кощеи силы собрал ⁵ ⁴⁰ ⁶ тысяч, и пошел под Киев град, и осадил ево накрепко. Посылает посланики к великому князю Владимиру: «Ои еси, князь Владимир ⁶⁵ киевской! Отдай мне жену Михаилову; не отдашь мне ея, и я Киев град взятъем возму, а люди и дечи в полон возму». И князь Владимир зговорит

таково слово: «Ои еси, мои князья и бояря и киевляня, думайте да не про-
70 думайте! Отдавать ли жену Михайлову, или нет? А топер у нас в Кieve
силных богатырей не лучилося, некому выехати противу мужиков Коше-
евых! А Михайло приедет сердит добре, станет побивати мужиков
в Кieve». Князи и боляры и все киевляня ему зговорили таково слово:
«Свет государь, князь Владимир киевской! Доселева не бывало в Кieve
75 жены Михайловы, и царь Кошеи под Киев не прихаживал, и Кieve на-
крепко не осаживал, и тебе, государь, такой кручины не бывало: отдадим
жену Михайлову, и царь Кошеи от Ки[е]ва прочь поидет! И Михайлу да-
дим выбирать во всем городе Кieve, где захочет, тут и возмет: хоть
княиню, или боярыню, или девку посацкую — такова же ему жена». Ажно
80 провешится богатырское [сердце] Михайла Потока Ивановича: едет ис
чиста поля на свои богатырской двор.⁷ Встречает ево Лебедь Белая, сама
зговорит таково слово: «Свет государь, Михайло Поток Иванович! Без тебя
под нас под Киев град пришел царь Кошеи Золотой Орды, а силы с ним
40⁶ тысяч, и Киев осадил накрепко, а прошает меня ис Кieve, и киевляня
85 придумали отдати меня царю Кошею неверному». И Михайло зговорит та-
ково слово: «Мужики киевляня! Ссужалса бы всяк своими женами и до-
черми. А за свою жену умею сам постоять». И садитца на свои доброй конь,
и поехал ис Кieve, и побил силу Кошееву, и всего Кошеи сам четверт ушел
во свою землю. А Михайло побил силу [и с] своею женою тешитца. И живет
90 с нею равно три года. А товарищи ево в Киев не приехали.

И поехал Михайло во чисто поле тешитца равно на три месяца.
А без него пришел под Киев град царь Кошеи, а силы с ним 7000.⁶
И Киев осадил накрепко. И посылает посланики к великому князю Вла-
димеру: «Ои еси, князь Владимир киевской! Отдай мне жену Михайлову,
95 и я прочь поиду от Кieve; а буде ты не отдаш мне, и я Киев взятем
возму, а люди твоих всех вырублю, а жен и детей в полон возму. И са-
мому тебе, великому князю, не спущу». И князь Владимир зговорит та-
ково слово: «Ои еси, князи и бояря и киевляне, думайте накрепко да не
продумайте! Отдавать ли жену Михайлову, или нет? А топер у нас
100 в Кieve силных богатырей не лучилося, некому выехать противу силы
Кошеевы! А Михайло приедет сердит добре, станет побивать мужиков
в Кieve!» Князи и бояря и все киевляня ему зговорят таково слово: «Свет
государь, князь Владимир киевской! Доселева не бывало жены Михайловы,
и царь Кошеи под Киев не прихаживал, и тебе, государь, такой кручины
105 не бывало: отдадим жену Михайлову, и царь Кошеи от Кieve прочь по-
идет! А Михайлу дадим выбирать во всем граде Кieve, где захочет, тут
и возмет: хоть княиню, или боярыню, или девку посацкую». А уж Михайло
с Кошеем бьетса три дни, а жена ево переставилася.

И побил силу, и Михайло едет на свои богатырской двор. И встре-
110 чают ево люди дворовые, и сказывают, что Белая Лебедь переставилася.
И в те поры Михайло закручинился, что никто ево не встречает и за
руки не принимает. И приходит Михайло во отхожую горницу, где лежит
жена ево мертвая, покрыта камкою белою. И Михайло зговорит таково
слово: «Прости де, Лебедь Белая! Помню де я и сам свое слово, что у нас
115 с тобою молвлено: кто из нас наперед умрет, и хто останетса, — и тому
в могилу итти».

И велел могилу рыть и гробницу делать каменную, чтоб можно двум че-
ловеком сидеть, и стоять, и лежать.

И на погребение звал князя Владимера, и владыку черниговскаго, и весь
120 Киев град. Сошлись все на погребение. И почал Михайло в ограде класть
жену свою в могилу, и сам с нею ложитца. И что зговорят таково слово

всем городом Киевым: «Нигде таково не слыхано, чтобы где ложилися живые с мертвыми. А ты, Михайло, жив в могилу идеш ради жены своеи! Или у нас в Киеве людеи не стало? Захочешь, возьмешь княиню, или боярыню, или девку посацкую — такова ж тебе жена». И Михайло ответ держит: «Знай де всяк сам себя». И сам зговорит таково слово: «Закопывайте да не мешкайте!» И князь Владимир зговорит таково слово: «Укладывайте досками дубовыми и засыпайте песками желтыми, а над могилую поставте сторожеи крепких: как Михайлу скучитца и станет громким голосом кричат, — выпускайте ево на волной свет, не мешкайте». И, похороня ево, все по домам пошли.

И сидит Михайло с женою с мертвою до вечера. И как будет о полуночи, ажно пришла змея лютая и гробницу проела, и пусти дву змеенков, детей своих, и змея пожалила Лебедь Белую за груди. И Михайло ухватил их, и почал рвать надвое. И провещеться ему змея лютая человеческим голосом: «Михайло Поток Иванович! Не рви моих змееньков малинких, и я принесу тебе живои воды». И Михайло ответ держит: «Поди, змия, принеси мне живои воды, тогда отпущу детей твоих». И пошла змея, и принесла живои воды. И Михайло почал змеенков рвать надвое, и окропляет живою водою, — и змеята оживилися.⁸ И окропляет Михайло мертвую жену свою, — и жена ево ожила, бутто от сна пробудилася. И тут Михайло завопил и засвистал громким голосом, и почали ево раскапывати. Идет из могилы и Михайло, ведет за руку жену свою. И тут все подивилися, что жена ево была мертва, Михайлова, а Михайло оживил ея. И почал с нею любовно жить. И живет с нею равно три годы. А таварищи ево в Киев не бывали.

И поехал Михайло во чисто поле тешитися равно на пять месяцев. А без него пришел под Киев град царь Кощеи Золотой Орды, а силы с ним 100 000.⁶ И Киев осадил накрепко и послал посланики к великому князю Владимиру: «Владимир киевской! Отдай мне жену Михайлову, и я прочь поиду от Киева; а буде не отдаш мне ея, и я Киев град взатьем возму, а людеи твоих в Киеве всех вырублю, а жен и детей в полон возму. И самому тебе, великому князю, не спущу!» И князь Владимир зговорит таково слово: «Ои еси, князи и бояря и все киевяня, думайте накрепко, да не продумайте! Отдавать ли жену Михайлову?» И оне придумали всем городом отдать Лебедь Белую царю Кощею неверному. И оне берут Белую Лебедь за руки, и отдают царю Кощею неверному, и царь Кощеи от Киева прочь пошел. Ажно едет ис поля Михайло Поток Иванович, встречают ево люди дворовые, а сказывают, что отдали киевяня царю Кощею неверному Лебедь Белую, Авдотю Лиховидовну. И тут Михайло закручинился. Не слазя з добра коня, и ездит по Киеву, и кричит громким голосом: «Собаки вы, мужики безверныя! За что отдали крещеную жену мою царю Кощею неверному? Управляюся с вами и после!» А мужики ис Киева розбежались.

А царь Кощеи ушел от Киева ровно ходу на⁹ тритцать днеи. А Михайло догнал ево в три часы; ажно царь Кощеи на стану стоят з Белою Лебедью, апочив держит. И Михайло едет прямо ко белу шатру. И тут увидела ево Лебедь Белая, встречает ево из бела шатра, а сама говорит таково слово: «Свет Михайло Поток Иванович! Рада я тебя увидела; не хочю жить у царя Кощея Золотой Орды, хочю жить в Киеве у богатыря светорусково. Возми меня к себе по прежнему!» И подносит Михайлу пития пияново наскоре. Михайло испивает, з дороги ложится спать во беле шатре. И мечетца Лебедь Белая наскоре, и будит царя Кощея неверново: «Востань, государь царь Кощеи! Вот пришел недруг твой Михайло Поток

175 Ивановичъ, предаи ему смерти скорыя, — так он за тобою не ганяетца». И царь Кошеи ответ держит: «Мне Михаило некакой недруг, меня наехал во чисте поле, а беле шатре, — все не предал мене смерти скорыя! Как хощеш сама с ним». И Лебедь Белая велела обратъ у него оружие богатырское, и почала отимать палицу железную, и завязывает очи ясныя, и 180 ударила ево вничь рукою: «Лежи ты, Михаило, во чисте поле белым каменем». И Михаило окаменел. А сами поехали во орду свою.

Ажно приехали в Киев Михаиловы товарищи, привезли дани и выходы и почали распрашивати про Михаила Потока Ивановича, как привес Лебедь Белую, и как крестился, и как царь Кошеи приходил, и отдали царю Кошею, и как Михаило погоню погнал. И товарищи поехали Михаила сыскивати. И как будут у тово камени, ажно 185 стоит у камени калика прохожая. И богатыри зговорят таково слово: «Скажи ты нам, калика, про царство Кошеево и про Михаила Потока Ивановича». И калика им ответ держит: «Хто де подымет сеи камень и бросит черес себя, то де я скажу про Михаила Потока Ивановича». Илья Муромец поднял камень в груди, а Олеша всево подня[л] в пояс, а калика 190 поднял и бросил черес себя и рашшиб начетверо. А ис тово камени выскочил Михаило Поток Ивановичъ: «Долго де, братцы, я сплю во чисте поле». — «А спать было тебе, братец, да не проспаться, да розбудил тебя 195 Михаило архангел и воевода небесных сил». И почал им рассказывать все против тово, как сказывали им киевляня, и как ево Лебедь Белая оборотила каменем. Илья Муромец зговорит таково слово: «Поедем де мы, братцы, в царство Кошеево и убьем Лебедь Белую, а царю Кошею живому очи вырежем». И поехали во царство Кошеево, и побили силы 200 100 000,⁶ а царю Кошею живому очи выняли, а Лебедь Белую привязали х коням неученым и пустили во чисто поле, и там смерть учинилася. А казну Кошееву всю взяли в Киев град и разделили промеж себя. А дочь царя Кошея неверново, девку Ранку Кошееву, взял Михаило Поток Иванович с собою в Киев град, и крестил ея, и за себя женою взял. 205 И приехал во Киев град, и побил силы мужиков пять тысящ, и сами в Киеве померли.

Богу нашему слава ныне и присно и во веки веков. Аминь. Их идет слава до века.

40

СКАЗАНИЕ О СИЛНЫХ МОГУЧИХ БОГАТЫРЕ[Х] КИЕВСКИХ — О ИЛЬЕ МУРОМЦЕ, И О МИХАИЛЕ ПОТОКЕ ИВАНОВИЧЕ, И АЛЕШЕ ПОПОВИЧЕ

Во славном граде Киеве, у князя Владимирера киев[с]каго Всеславъевича, был пир велик на многия на князи и на бояры и на сильныя могучия богатыри. Как будет у них пир навеселе, князь Владимир зговорил таковы слова: «Он еси вы,¹ мои князи и бояры, и сильныя могучия богатыри, и все 5 киевляне града Киева! Есть ли у меня кому служить три службы великие: кто бы ехал в землю Турскую, взял бы дани и выходы за трицать лет и за три годы; кто бы ехал в землю Задонскую, взял бы дани и выходы за трицетъ лет и за три годы; кто бы ехал в землю Алевицкую, взял бы дани и выходы за трицетъ лет [и три годы]?»

10 И тут все позадумалис, никто великому князю ответу не даст: болшия [хоронятся] за менших, а от менших давно ответу нету.

Илия² Муромец зговорил таковы слова: «Свет государь, князь Владимир киевски! Я поеду в землю Турскую, возму дани и выходы за трицетъ

лет и за три годы». Михаилу Поток зговорил таковы слова: «А я де, государь, поеду в землю Задонскую, возму дани и выходы за трицетъ лет и за 15 три годы». А Олеша Поповичъ зговорит таковы слова: «А я де, государь, поеду в землю Алевитцкую, возму дани и выходы за трицетъ лет и за три годы».

И те речи великому князю полюбилися, подносит им чары зелена вина, и запивают меды слаткими, и с великим князем прощаются. И меж себя на- 20 зываются братьями названными, и садятся на свое добры кони, и поехали ис Киева. И как будут от Киева за пять верст, меж себя таково слово молвили: «Братцы де милые, хто из нас приедет до Киева, а ково не³ будет опосле, и нам ехать тово сыскивать». И, простяс,⁴ все поехали нарозно, всяк своим путем. 25

Илия Муромецъ поехал на реку Смородину, на мосты калиновые. А та уже дорога залегала равно трицетъ лет от Соловя разбоинника Мировича. А Олеша Поповичъ поехал дорогою святорускою.⁵

А Михаилу поехал дорогою Ставровою⁶ возле моря синева, ажно по мору плавает лебедь белая. И Михаилу вымает из налучи своей крепкой лук, 30 ис калчана калену стрелу, и хошет убить лебедь белую. И она ему прогласила человеческим голосом: «Михаило де Поток Ивановичъ, не стреляи де меня, лебеди белыя; я де по мору плаваю лебедью, а перет тобою стану девицею красною». И Михаилу не успел в налучь положить и крепкой лук, в колчан калены стрелы, ажно пред ним стала девица, лицом зело красна. И Михаилу 35 она полюбилася, берет ея за руки белыя и целует в уста сахарные, и сажает ея на свои доброй конь, и взя⁷ дани и выходы, и поехал с нею во Киев град.

Становица на свои богатырьской двор, идет ко князю Владимиру, бьет челом, покланяется, сам зговорит таковы слова: «Свет государь, князь 40 Владимир киевски, привес я дани и выходы за трицетъ лет и за три годы!» И князь Владимир зговорит таковы слова: «Тебе у меня, Михаилу, злата казна не запечатана и кони на стоиле не заперты». И подносит ему питья пьяные, и запивает меды слаткими.

И Михаилу зговорит таковы слова: «Свет государь, князь Владимир 45 киевски! Ехал я возле моря синева, ажно по морю плавает лебедь белая; и я, государь, вынул из налучи своей крепкой лук, ис калчана калены стрелы, и хотел убить лебедь белую. И она мне, государь, прогласила человеческим гласом: „Михаило де Поток Ивановичъ! Не стреляи меня, лебеди белыя; я де по марю плаваю лебедью, а перет тобою стану девицею 50 красною“. Я, государь, не успел в налучь положить крепкой лук и в колчан калены стрелы, ажно перет тобою стала девица лицом зело красна. И мне, государь, она полюбилася, привес ея с собою во Киев град на свои богатырьской двор». И князь Владимир зговорит таковы слова: «Свет Михаилу Поток Ивановичъ, переступи ты мне ту девицу красную!» И Михаилу ответ 55 держит: «Свет государь, князь Владимир киевски! Я ту девицу взял за себя, и я, государь, сам с нею обвенчался, крестил я, и дал ей имя Лебедь Белая, Авдотья Лиховидовна, и венчал владыко черниговски». И почал Михаилу с нею, Белою Лебедью, жить. Живет с нею три годы, а товарищи еще в Киев не приехали. 60

[И поехал] Михаилу во чистое поле тешится равно на два месяца. А без него приехал во Киев град купчина Залотой Орды с товары заморскими. И проведала жена Михайлова, и пошла смотреть товаров заморских. И увидел купчина красоту лица ея, и почел спрашивать: «Чия де сия жена и како зовут ея по имени?» И киявляныи ему розказывать: «Сия де у нас 65 жена богатыря святорускаго славнаго Михаила Потока Ивановича, а завут

ея Белая Лебеть, Авдотья Лиховидовна». И тут купчина почал⁷ продавать товары наскоро, и поехал во свою землю.

И как будет в Золотой Орде у царя Кощея неверного,⁸ сам зговорит
70 таковы слова: «Свет государь, царь Кощеи Златой Орды! Сколко я не еживал по иным землям купчиною, а такой прекрасной не видывал уже трицеть лет [н]и у единого, как есть во граде Киеве, у князя Владимира Славевича, у богатыря святорускаго славнаго Михаила Потока Ивановича, Лебеть Белая, а лицем зело красна».

75 И тут царь Кощеи почал збирать войска, и собрав силы сорок тысящ, и Киев осадил накрепко. Посылает посолника к великому князю Владимиру: «Ои еси ты, князь Владимир киевски! Отдай мне жену Михайлову, и я прочь от Киева [пойду]; а буде ты не даш мне ея, и я Киев град взятьем возму, а людей твоих в Киеве всех вырублю,⁹ ажно и дети в полон возму».

80 И князь Владимир зговорит таковы слова: «Ои еси вы,¹ князи и бояры и все киевляне града Киева, думайте вы да не продумаете! Отдават ли жену Михайлову, или нет? А топерь у нас в Киеве силных богатырей не лучилос, некому выехать против силы Кощеевы! А Михайло приедет сердит добре, станет побивать мужиков киевских!» И князи и бояры, и все киевляня

85 реша:¹⁰ «Свет государь, князь Владимир киевски! Доселе в Киеве не было жены Михайловы, царь Кощеи под Киев не прихаживал и Киева накрепко не осаживал, и тебе, государь, таковы кручины не бывало: отдадим жену Михайлову, и царь Кощеи от Киева прочь поидет! А Михайле дадим вы-
брать во всем Киеве городе, где захошет, там возмет: хошь княиню, или

90 боярню, или девку посацкую — такова жь ему жена». Ажно будет ис чиста поля Михайло Поток на свои богатырской двор. Встречает ево Лебедь Белая, сама зговорит таковы слова: «Свет государь, Михайло Поток Ивановичь! Бес тебя под наш Киев град пришел царь Кощеи Златой Орды, а силы с ним сорок тысящ, и Киев осадил накрепко, и просит меня ис

95 Киева, и киявляне придумали отдать меня царю Кощею неверному». И Михайло зговорит таковы слова: «Собаки мужики киявляня! Ссужалися бы они своими женами и дочерми. И я за свою жену умею и сам [по]стоять». И садитца на свои добраи конь, и поехал ис Киева, и побил всю рать силу великую. И приехал на свои богатырской двор, и почал з женою своею

100 пить и есть и тешитися. И живет з женою равно три годы. А таварищи ево еще в Киев не приехали.

И поехал Михайло в чисто поле тешитца равно на три месяца. А без нево приехал пот Киев царь Кощеи, а силы с ним шесдесят тысящ. И Киев осадил накрепко, посылает посолника и просит ис Киева Лебеди Белья.

105 И князь Владимир зговорит таковы слова: «Ои еси вы,¹ князи и бояры и все киевляня, думайте накрепко да не продумаете! Отдавать ли жену Михайлову, или нет? А теперь у нас в Киеве силных богатырей не лучилос, некому выехать против силы Кощеевы! А Михайло приедет сердит добре, станет побивать мужиков киевских!» И князи и бояры, и все киевляне

110 реша:¹⁰ «Свет государь, князь Владимир киевски! Доселе в Киеве не было жены Михайловы, [царь Кощеи под Киев не прихаживал и Киева накрепко не осаживал, и тебе, государь, таковы кручины не бывало: отдадим жену Михайлову], и царь Кощеи от Киева прочь поидет! А Михайле дадим вы-
брать во всем граде Киеве, где захошет, там [возмет]: хошь княгиню, или

115 боярню, или девку посацкую, — [такова жь] ему жена». А тово не ведают, что жена Михайлова переставилас.

Ажно едет ис чиста поля Михайло Поток на свои богатырской двор. Встречают ево люди дворовые и сказывают вести недобрые, что жена ево переставилас. И тут Михайло закручинилс, идет во свои высок терем —

никто ево не встречает, за руки не принимает и во уста не целует. И приходит 120
 Михаило в отхожую горницу, где жена Лебеть Белая. И Михаило згов-
 ворит таковы слова: «Прости де, Лебеть Белая! Помню я и сам свое слова,
 что у нас с тобою молвено: хто из нас напредь умрет, и кто останетца, —
 и тому живому в могилу итьти.»

И зовет на погребение князья и бояря, и владыку черниговсково, и весь 125
 Киев град. И сошлись все на погребение. И почал Михаило во гроб класт
 жену свою, и сам с нею жив¹¹ ложитца в могилу. И князь Владимир зго-
 ворит: «Нигде так тово не слыхано и не видано, чтобы живыя ложилися
 с мертвymi. А ты, Михаило, жив в могилу идеш для жены своеи! Али
 у нас тебе в Киеве невест нету? Захошу княину, или боярною, или девку 130
 посацкую, — такова ж тебе жена». И Михаило ответ держит: «Знай де
 всяк сам себя; закопывайте, не мешкайте». И князь Владимир зговорит
 таковы слова: «Накладывайте досками дубовыми, насыпайте песками жел-
 тыми, а над могилою поставте сторожу крепкую: как Михаиле скучетца,
 станет кричать громким голосом — скоро вытаскивайте ево на волной свет, 135
 не мешкайте». И, похороня ево, все по домам пошли.

А Михаило сидит в могиле з женою мертвою день до вечера. И как
 будет о полуночи, ажно пришла змея лютая и гробницу каменую проела,
 и пустила в гробницу двух змеинков, детей своих, и змеи те почали Ле-
 беть Белую ссати за груди. И Михаило ухватил их, и почел рвати надвое. 140
 И провищитца ему змия лютая человеческим голосом: «Михаило де Поток
 Ивановичь! Не рви моих змеенкав малинких, я принесу тебе живои воды».
 И Михаило ответ держит: «Поди ты, змия лютая, принеси мне живои воды,
 тогда отпущу детей твоих». И пошла змея лютая, и принесла ему живои
 воды. И Михаило почал змеенков рвать на крохи, и кропляет их живою 145
 водою, — и змеи те ожили. И кропляет Михаило мертвую жену свою, —
 и жена ево будто от сна пробудилася. И Михаило засвистал громким го-
 лосом, и караушки попадали; и посылали сеседы ближния, и послали
 роскопывать. Идет из могилы Михаило и ведет за руку жену свою. И тут
 все подивилися, что была мертва жена Михайлова, а Михаило оживил ее. 150
 И почал с нею жити по старому. И живет с нею равно три годы. А това-
 рищи ево еще в Киев не приехали.

И поехал Михаило во чисто поле тешитца равно на пять месяцев. А без
 нево приехал под Киев град царь Кощеи, а силы с ним сто тысячь. И Киев
 осадил накрепко, и просит ис Киева Лебеди Белыя. И киявянче ему отдали 155
 жену Михайлову. И царь Кощеи, жену Михайлову взявши, сам и прочь
 пошел. Ажно приехал во Киев Михаило Поток, встречают ево люди дво-
 ровыя, а сказывают вести недобрыя, что отдали киявянче жену ево Лебеть
 Белую царю Кощею неверному. И тут Михаило закручинился. Не [с]лазя
 з добра коня, ездит по Киеву, кричит громким голосом: «Собаки мужики 160
 безверныя киявянче! За что отдали крещеную жену мою царю Кощею не-
 верному? Управлюся я с вами и опосле сам!»

И поехал из Киева, и догнал царя Кощея невернова; ажно он на стану
 стоит з Белаю Лебедью, опочив¹² держит. И Михаило едет прямо к белому
 шатру. Ажно увидела ево Лебеть Белая, мечится из бела шатра наскоре, 165
 сама зговорит таковы слова: «Свет государь, Михаило Поток Ивановичь!
 Рада тебя увидела; не хочу жить¹³ у неверново царя Кощея Златы Орды,
 хошу жить в Киеве у тебя, богатыря святорускаго. Возми меня тебе по
 прежнему!» И подносит ему питья пьяные наскоре. Испивать Михаило и
 ложитца спать у них, у бела шатра. И она будит: «Востань, государь царь 170
 Кощеи! Вот пришел недруг Михаило Поток, предаи ему смерти скорой, —
 так за тобою [не] гонитца!» И царь Кощеи зговорит: «Мне Михаило не

какои недруг, он меня наехал соннова, — се не предал меня злои смерти! Как хоцеш сама с ним». И она велела у него подобрать ружья богатырские и палку железную, и Михаила оборотила каменем. А сама поехала с Кошцею в Золоту Орду.

Ажно приехали в Киев Михайловы товарищи, и почали отдавать дани и выходы великому князю Владимиру, и почали спрашивать про Михаила. И киевляня почали им рассказывать, как Михайло привез дани и выходы, и как привез Лебедь Белую, и, крестя, за себя женою взял, и как приходил царь Кошеи, и как Михайло был в могиле з женою мертвою, и как оживил ея, и как жену Михайлову отдали царю Кошцею неверному, и как Михайло в погоню погнал. «И Олеша зговорит: «Поехали, Илья, брата сыскивать». И как будут у тоево камени, Олеша поднеи камень в поес, Илья камень 180 вбросил черес себя и рошиб начетверо. А ис тово камени выскочил Михайло Поток Иванович и почал им рассказывать все против тово, как им рассказывали киевляне. И они поехали в царство Кошцею, убили Лебеть Белую, а царю Кошцею живому очи вынели, и казну Кошцеву всю себе взяли, и разделили по жеребям. И побии силы Кошцевы сто тысячь, и 190 дочь ево Гану Кошевну Михайло за себя взял. А приехали в Киев град, побии мужиков изменников пять тысячь, а сами жили в Киеве до старости и померли.

Слава их идет до веку. Аминь.

41

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ БОГАТЫРЕХ КИЕВСКИХ. О СЛАВНЫХ
ВИТЕЗЕХ — О ИЛЬЕ МУРОМЦЕ, И О МИХАИЛЕ ПОТОКЕ ИВАНОВИЧЕ,
И О ОЛЕШЕ ПОПОВИЧЕ

Во славном граде Киеве, у великаго князя Владимира киевскаго Всеславиича, был пир навеселе про всех князеи и бояр и сильных могучих богатырей. И как будет у них пир навеселе, и князь Владимир взговорит таково слово: «Все мои князи и бояра и силние могучие богатири! Есть ли из вас кому у меня служить три службы великия: кто бы ехал в землю Турскую, взял бы дани и выходы за 33 года; и кто бы ехал в землю Задонскую, взат бы дани и выходы за 33 года; и кто бы ехал в землю Алевицкую, взат бы дани и выходы за 33 года?»

И тут все князи и вельможи¹ призадумались, и никто великому князю 10 ответу не дает: и хоронятся болшие за менших, а у менших давно ответу [нет].

И тут взговорит силни могучии богатырь Илья Муромец таково слово: «Свет государь, Владимир князь киевски! Я, государь, еду в землю Турецкую, возьму дани и выходы за 33 года». И Михайло Поток Иванович 15 взговорит таково слово: «И я де, государь, еду в землю Задонскую, возьму дани и выходы за 33 года». Алеша Поповичъ взговорит² таково слово: «Я де, государь, еду в землю Алевицкую, возьму дани и выходы за 33 года».

И те речи великому князю полюбились, и стал князь Владимир за те 20 речи чару зелена вина подносить силним богатырям, и выпии зелено вино, и запивают они меды сладкими, и с великим князем Владимиром прощаются. Да оне же себя называютца братьями названными,³ и садятца на свои богатырские кони, и с Киева вон поехали. И как будут от Киева града за пять верст, и меж собою прощаются. а сами называются они братьями

названными. И взговорит таково слово: «Братцы милые, кто из нас наперед в Киев град приедет, а ково не будет из нас, а после нам того искать». И простилися все, и поехали в разные дороги, всяк своим путем.

Илья Муромец поехал на реку Смородину, на мосты калиновые, на Соловья разбойника. Уже та дорога залегла тому равно трицать лет, ни единой год человек не прохаживал ни пешей. А Михаило Поток Иванович поехал дорогою святорускою, возле море. Алеша Попович поехал Ставровою дорогою. И простилися все, и поехали все в разные дороги, всяк своим путем.

Михаило Поток Иванович возле море синее и увидел на море, ажно плавает по морю лебедь белая. И тут Михаило Поток Иванович вынимает из налучии своей крепкой лук, ис колчана калену стрелу и хощет убить лебедь белую. И она ему провещает человеческим гласом, и рече: «Государь Михаило Поток Иванович, не стреляи меня, лебедь белую; я плаваю по морю лебедью, а пред тобою стану красною девицею». И Михаило Поток Иванович не успел в налучии [положить] лук свои, а в колчан каленую стрелу, ажно пред ним стала девица лицом зело красна. И Михаилу Потоку Ивановичю полюбилась, и бере ея за белые руки, и целует во уста сахарные, и сажает на свои богатырской конь, а себе взял другово коня, и взял дани и выходы за 33 года, и поехал с нею в Киев град.

И приехал, становитца на своем богатырском дворе, идет ко князю Владимиру, а сам бьет челом князю Владимиру о сырую землю и говорит таково слово: «Свет государь, великий князь Владимир киевский, привес я дани и выводы за 33 года!» И князь Владимир возговорит таково слово: «Тебе у меня казна не запечатана, Михаило, и добрые кони у меня не затворены». И подносит⁴ князь Владимир ему чару зелена вина, запивают меды сладкими.

И тут Михаило Поток Иванович бьет челом великому князю Владимиру о сырую землю, а сам возговорит таково слово: «Свет государь, великий князь Владимир киевский! Наехал я возле море синее, ажно по морю плавает лебедь белая; и я вынял из налучия свои крепкой лук, а ис колчана калену стрелу, и хотел убить лебедь белую. И она мне провещала человеческим гласом: «Михаило Поток Иванович! Не стреляи меня, лебедь белую, а прет тобою стану красною девицею». И я не успел положить в налучия свои крепкой лук, ажно предо мною стала девица лицом зело красна. И мне она зело полюбилась, и я привес с собою в Киев град на свои богатырской двор. И князь Владимир возговорит таково слово: «Михаило Поток Иванович, уступи мне!» И Михаило ответ держит: «Государь, князь Владимир Всеславьевич! Сам я с нею венчался и крестил ея, и дал имя Авдотья Лиховидовна, и венчал нас архиереи черниговски». И стал с нею Михаило любезно жить. И живет с нею равно три года, а то варищи ево в Киев град еще не бывали.

И поехал Михаило в чистое поле тешится равно на два месяца. А без него приехал под Киев град купчина Золотой Орды с товары заморскими. И проведала жена Михаила Потока Иванова, и пошла тех товаров смотреть. И увидел купчина красоту лица ея, и стал спрашивать мужиков киевских: «Чья де эта жена и как ея зовут по имени и по отчеству?» И киевлене ему сказали: «Ета де у нас жена богатырская Михаила Потока Иванова, а зовут ея Авдотья Лиховидовна». И тут купчина почал товары продавать наскоро, и распродал все товары, и поехал во свою землю.

И как будет в Золотой Орде у царя Кощея неверьново, а сам зговорит таково слово: «Свет государь, Кощеи Золотой Орды! Сколько я ни ежживал [по иным] землям и по городам купчиной, а такой прекрасной не

видал, что во граде Киеве у богатыря святурусково Михаила Потока Ивановича жена ево, аки лебедь белая, а по имени Авдотья Лиховидовна —
80 лицом zelo красна».

И тут царь Кощеи собрал силы 40 тысящ, и пошел под Киев град, и осадил Киев град накрепко. И посылает послы своя в Киев град князю Владимиру: «Ои еси, князь Владимир киевской! Отдай мне жену Михайлову, я от Киева прочь поиду; а буде ты не отдаш жену Михайлову,
85 и я Киев град взятъем возму, а людеи твоих всех порублю, а жен их и дети в полон возму». И князь Владимир взговорит таково слово: «Ои еси вы, князи и бояра и все киевлене, думу думайте да не продумаетесь! Отдать ли мне жену Михайлову или не отдавать? А топере у нас в Киеве граде силних богатыреи не случилось, некому выехать против силы Коше-
90 евы! И Михайло приедет с поля, станет сердится и станет мужиков побивать и князеи и бояр!»

И все киевлене взговорят таково слово: «Государь князь, Владимир киевской! Доселева не было в Киеве жены Михаила Потока Ивановича, и царь Кощеи по тех мест в Киев град не прихаживал, и Киева града не
95 осаживал, и тебе, государь, такии кручины не было: дадим мы жену Михайлову, и царь Кощеи от Киева прочь поидет! А Михайлу дадим выбрать во всем Киеве граде, где он похощет, тут и возмет: у князя, или у боярина дочь, или девку посацкую — такая же жена будет». Ажно прове- щится сердце богатырское Михаила Потока Ивановича, и едет ис поля
100 чистово на свои богатырской двор. И встречает ево жена Лебедь Белая Авдотья Лиховидовна, а сама взговорит таково слово: «Свет государь, Михайло Поток Ивановичь! Бес тебя, государь, приехал царь Кощеи Золотои Орды под Киев град, а силы с ним 40 тысящ, и Киев град осадил накрепко, а прошает меня вон ис Киева, и киевлене придумали отдать
105 меня царю Кощею неверному». И Михайло Поток Ивановичь взговорил таково слово: «Собаки мужики киевлене! Ссужались бы они своими женами и дочерями. А яз за свою жену стану!» И Михайло Поток Ивано- вичь не везжая на свои богатырской двор, и поехал ис Киева вон, и на- пускается на силу Кошееву, и побивает всю силу Кошееву, царь Кощеи
110 толко сам с четвертым ушел во свою землю. И Михайло Поток побил всю силу Кошееву, и приехал на свои богатырской двор, и стал з женою своею пити и ясти и веселитися. И живет с нею равно три годы. А товарищи ево еще не бывали в Киев град.

И Михайло Поток Ивановичь еще поехал в чистое поле тешитца равно
115 на три месяца. А без него пришел царь Кощеи Золотои Орды, а силы с ним 70 тысящ. И Киев град осадил накрепко, и посылает послы своя князю Владимиру киевскому, и просит жену Михайлову, прекрасную Авдотью Лиховидовну: «И я от Киева града прочь поиду; а буде не отдаш, и я ваш град взятъем возму, а людеи твоих в Киеве граде всех вырублю,
120 а жен и дети в полон возму. И тебе, князю, не спущу». И князь Владимир киевской взговорит таково слово: «Ои еси вы, князи и бояра и все киевлене града Киева, думу думайте да не продумаетесь! Отдавать ли нам жену Михайлову или не отдавать? А тепере у нас в Киеве силних богаты- реи не случилось, и некому выехать против силы Кошевой и супротив
125 царя Кощея неверного! А Михайло приедет с поля, станет побивать князеи и бояр и всех киевлен!» Взговорят: ⁵ «Свет государь, князь киевский! До- селева в Киеве граде же[ны] Михайловы не бывало, и царь Кощеи под Киев град не прихаживал, и Киева града не осаживал накрепко, и тебе, государь, такои кручины не бывало: отдадим жену Михайлову, и царь Ко- щеи от Киева прочь поидет! А Михайлу дадим выбрать в Киеве граде,

Соловья
 зворове Среда звора зина
 вадьтв Емз зтоуд Фина
 таводу лѡбъзъ вѡлая прѡста
 виланн зпаути михаилове
 лви запрѡдичица зтоуд
 мѡстарѡдаѡтв Ево лѡбъзъ
 владъ зарѡих мѡпринина
 Етаду зѡдѡдѡ михаилово
 охоту в горницѡ зѡвѡ Ена
 Ево лѡ вѡмѡ вогрѡдѡ мѡрѡ
 мѡвѡ зпоирѡта цѡмѡдѡ
 владѡ михаило вѡзворѡмѡ
 тѡмѡво Сѡво прѡтѡмѡдѡ
 тѡдѡ мѡмѡ лѡбъзѡвѡвладѡ
 слѡдѡтѡдѡ лѡховѡдѡвѡих
 помѡдѡ. Е зто зѡна вѡ
 вѡтѡ вѡо заправѡмѡвѡ
 что зѡна вѡ лѡперѡдѡ

зѡвѡ
 зѡвѡ
 зѡвѡ

где он похощет, тут и возьмет: у князя, или у боярина, или у купецкого человека возмет — и ему такова же жена будет».

А того не ведают, что Михаило бьется с царем Кощеем и съ ево силою. Бился три дни. А в то время жена ево преставилась. И побил Михаило
135 всю силу Кощееву, едва царь Кощеи толко сам третей ушел.

И едет Михаило ис поля на свои богатырской двор. И встретили ево люди дворовые среди двора, и сказывают ему, что де «жена твоя, Лебедь Белая, преставилась». И тут Михаило вельми закручинился, что де не встречает ево Лебедь Белая, за руки не принимает. Идет Михаило во отхожую горницу, где жена ево лежит во гробе мерьтва и покрыта камкою белою. И Михаило взговорит таково слово: «Прости, свет мой, Лебедь Белая Авдотья Лиховидовна! Помню я, что у нас с тобою было заправанось и [молвено]: кто у нас наперед умрет, а кто останетца, — и тому в могилу живому лечь».

145 И велел Михаило могилу копать широку и глубоку и гробницу выкладывать каменную, чтоб было лечь двум человекам и сидеть и стоять свободно.

И зовет Михаило на п[о]гребение князеи и бояр, и зовет князя Владимира киевскаго Всеславьевича, и владыку черниговского, и весь Киев
150 град. И съехались на погребение. И почал Михаило жену свою во гроб клась, и сам с нею ложитца во гроб. И тут взговорят все князи и бояра и все киевлене: «Нигде того не слыхано, чтоб живыя ложились во гроб с мертвыми. А ты, Михаило, жив не ложись сам во гроб с мертвою женою своею! Или у нас в Киеве людей нет, таких красных не выбереш? Захотел бы и боярыню взял, или девку посатцкую, — и тебе такова же [жена]
155 была». И Михаило ответ держит: «Знайте всяк себя, указывайте дома; закопывайте гробницу, не мешкавши». И князь Владимир взговорит таково слово: «Накладывайте досками дубовыми и засыпайте песками желтыми, над гробницею поставте сторожи крепкие: как Михаилу скучится,
160 станет крычать громким гласом, — и вы раскопывайте Михаилу на волнеи свет». И те все по домам разохались.

И Михаило лежит с нею, з женою мертвою, день до вечера. И как будет в полунощи, ажно пришла к нему в гробнице змея лютая и гробницу прогрызла, и пустила в гробницу двух змеенков, детей своих, и змеенки
165 почали ссать жену ево, Лебедь Белую, за груди. И Михаило ухватил змеенков, и хотел разорвать их надвое. Ажно провещитса ему змея лютая человеческим гласом: «Михаило де Поток Ивановичь! Не рви моих змеенков маленьких, я тебе принесу живой воды». И Михаило ответ дает: «Поди ты, змея лютая, принеси живой воды. И тогда я спущу детей твоих».
170 И пошла змея лютая, и принесла ему живой воды. И Михаило почал змеенков рвать надвое, и помазал живую водою, — ажно они ожили. И потом помазал свою мертвую жену, Лебедь Белую, — жена ево будто от сна пробудилась. И тут Михаило засвистал громким богатырским голосом, и почели ево сторожи разкопывать. И берут ево за белые руки, а он ведет за
175 собою жену свою, Лебедь Белую, за руку. И тут все киевлене подивились, что была мертва жена Михайлова, а Михаило оживил ея. И пошед в дом свой, и стал с нею Михаило жить любезно, лутче старово. И жил с нею равно пять лет. А товарищи ево еще не бывали в Киев град.

И стал Михаило в чистое поле ездить тешитца равно на пять месяцев.
180 А без него пришел под Киев град царь Кощеи Золотой Орды, а силы с ним 100 тысящ. И Киев град осадил накрепко, и посылает в Киев град ко князю Владимиру Всеславьевичю: «Даи мне жену Михайлову, и я от Киева прочь пойду; ежели ты не отдаш мне жены Михайловы, и я твои

Киев град осажу накрепко, и огнем пожгу, и мужиков всех в Киеве вырублю, а жен и детей в полон возму. Самому тебе не спущу!» И князь Владимир взговорит таково слово: «Ои еси вы, князи и бояра и все киевлене, думайте думу накрепко! Отдавать ли нам жену Михайлову или не отдавать?» Князи и бояра и все киевлене придумали: «Отдадим мы жену Михайлову!» И отдавше царю Кощею неверному. И царь Кощей берет за белые руки, и повел ея в свои бел шатер, а сам от Киева прочь пошел. Ажно приехал ис чистово поля Михайло Поток Иванович в Киев град на свои богатырской двор, и встречают ево люди дворовые, и сказывают, что де «отдали жену твою, Лебедь Белую, киевлене царю Кощею неверному». И тут Михайло закручинился. Не слезая с своего добраго коня, и поехал по граду Киеву, и закрычал громким гласом: «Ои еси вы, собаки мужики киевлене безверные! Почто вы отдали жену мою крещеную царю Кощею неверному? Управляюся я с вами апосле!» Мужики ис Киева разбежались.

И царь Кощей от Киева отшел равно тритцат дни. И Михайло Поток Иванович догонил ево в три часа; ажно царь Кощей на стану стоит з женою ево, Лебедью Белою, опочик держит. Михайло Поток Иванович едет прямо к белу шатру.⁶ И увидела ево Лебедь Белая, и встречает ево из бела шатра, а сама взговорит таково слово: «Свет государь, Михайло Поток Иванович! Рада я, что я тебя увидела; не хошу жить у царя Кощей неверново в Золотой Орде, а хошу жить в Киеве граде у богатыря свято-русково. Изволь меня взять к себе по прежнему!» И стала подносить Лебедь Белая Михайлу Поток Ивановичю питья пьяново. И тут Михайло испивает з дороги, и ложитца спать в беле шатре. И мечется Лебедь Белая наскоро, и будит царя Кощей неверново: «Государь царь Кощей! Приехал к тебе недруг твои Михайло Поток Иванович, предаи ево смерти скорыя, — и он за тобою не гоняется». И царь Кощей неверной ответ держит: «Мне Михайло какой недруг? Наехал он меня в чистом поле, в беле шатре сонного, — се не предал мне смерти скорыя! И как хощешь сама с ним». И Лебедь Белая велела у него обрать оружие богатырское и палицу железную, и завязала ему очи ясные, и ударила ево ничь рукою: «Лежи ты де, Михайло, в чистом поле под белым камнем». И Михайло весь окаменел. А сами поехали в Золоту Орду.

Ажно приехали в Киев град ево товарищи, и привезли дани и выводы, и почали спрашивать про Михаила Потока Ивановича. И мужики киевлене сказали им, се как он привес дани и выводы, и привес девицу, и крестил ея, и как женился, и как приставилась, и как оживил ея, и как <приходил> царь Кощей неверной, и как Киев град <осадил> накрепко, и как <жену Михайлову> отдали царю Кощею, и как Михайло в погоню погнал. Илья Муромец и Алеша Поповичъ поехали из града вон сыскивать своего Михаила Потока Ивановича. И как будут у того белого камня, старец коллика прохожая [стоит у камени. И] богатыреи взговорят та<ково> слово: «Скажи ты про царство Кошеево, про Михаила Потока Ивановича». Коллика им ответ <держит>: «Кто де подымет камень и бросит через себя, и тому скажу про Михаила Потока Ивановича». Илья Муромец поднял камень в груди, а Алеша Поповичъ...

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ БОГАТЫРЯХ КИЕВСКИХ, О СЛАВНЫХ
ВИТЕЗЕХ¹ — [О] ИЛЬЕ МУРОМЦЕ, О АЛЕШЕ² ПОПОВИЧЕ, [О] МИХАИЛЕ
ПОТОК[Е] ИВАНЫЧЕ

Во славном было городе Киеве, у князя Владимира киевскаго, был пир на вечере про всех князеи и бояр, про сильных могучих богатырей. И как будет у них пир на вечере, возговорит князь Владимирь таково слово: «Все вы мои князи и бояры и силныя могучия богатыри! Ест ли из вас кому сослужить службы три великия: кто б ехал в землю Турескую, взял бы дани выходы за 33 года; кто бы ехал в землю Задонскую, възял бы дани выходы за 33 года; и кто бы ехал в землю Алевитцкую, възял бы дани выходы и тут за 33 года?»

И тут все князи и бояра и велможи призадумались.³ Нихто великому князю ответу не дает: болшия хороняцца за меньших, а [у] меньшие давно ответу нет.

И тут возговорят силныя могучия богатыри. Илья Муромец — таково слово: «Свет государ, князь Владимир киевской! Я, государь, еду в землю Турескую, возму дани выходы за трицат три года». Михаило Поток Иванаыч говорит таково слово: «Свет государь! Я еду в землю⁴ Задонскую, возму дани и выходы за 33 года». Алеша Попович возговорит таково слово: «Я, государь, еду в землю Алевидскую, возму дани выходы за 33 года».

И те речи великому князю полюбилис, и стал князь Владимир за те речи подносить⁵ чару зелена вина, и запивают меды слаткими. [С] великим князем Владимиром прощаютьца, да меж себя называютца братьями названными. И садяцца на свои добрыя кони, ис Киева вон поехали. И как будут за пят верст, и меж себя прощаютьца, а сами возговорят таково слово: «Братцы де милыя, хто из вас наперет в Киев град⁶ приедет, а ково не будет, а после нам тово сыскиват». И, простясь, все и поехали в разныя дороги, всяк своим путем.

Илья Муромец поехал на реку Смородину, на мосты калиновыя, на Соловья разбоиника; усе ти дороги залегила равно трицать лет: никакой человек, ни коней, ни пешей, не прохаживал. Алеша Попович поехал дорогой старорускою.

А Михаило Поток Иванаыч поехал дорогой светорускою, возле моря синева, и увидел — на море плавает лебед бела. И тут Михаило Поток Иванаыч винимает из нолучи свои крепкой [лук], ис колчана калену стрелу, и хошет убить лебедъ белую. Она ему прогласила человеческим голосом, рече она: «Государь Михаило Поток Иванаыч, не стреляи меня, лебеть белую; я де по морю плаваю лебедью, а пре[д] тобою стану девицею красною». И Михаило Поток Иванаыч не успел положить в налуч свои крепкой лук,⁷ а в колчан колену стрелу, ажно пред ним стала девицею и зело лицем красна. И Михаиле она полюбилас, и берет ее за белы руки, целует во уста сахарныя, и сажает на своего добраго коня богатырскаго, и поехали в землю Задонскую, стал взял дани выходы.

Поехал в Киев град, приехал на свои богатырской двор ко князю Владимиру. А сам бьет челом великому князю Владимиру о сыру землю, говорит таково слово: «Свет государь, князь Владимир киевской, привел я дани выходы за тридять за три года». Князь Владимир возговорит таково слово: «Тебе у меня, Михаило Поток Иванаыч, золота казна не запечатана, добрыя кони не поведаны». Поднес ему чару зелена вина, вино запивают слатким медом.

Михаило бьет челом великому князю о сыру [землю], а сам говорит таково слово: «Свет государь, князь Владимир киевской! Ехал я возле моря синева, ажно по морю плавает лебеть белая; и я вынел из налуча свои крепкой лук и ис колчана колону стрелу, и хотел убить лебеть белую. Ана мне прогласила человеческим голосом: «Михаило де Поток Иваныч, не стреляи меня, лебеть белую; я де по морю плаваю лебедью, а пре[д] тобою стану девицею красною». И я не успел в налуч свои крепкой лук положить, в колчан калену стрелу, и она предо мною стала девицею, лицом зело красна. Мне она зело полюбилас, и я ее привес с собою в Киев град на свои богатырской двор». Князь Владимир возгов[о]рит таково слово...⁸ Михаило Поток Иваныч ответ держит: «Государ князь Владимирь Все-слаевич, сам я с нею венчался, и крестил я ее, и дал ей имя Авдотьа Лиховидовна, а венчал нас владыко черниговской». И стал с нею Михаило любезно жить. Живет он с нею равно три года. А товарищи ево еще в Киев град не бывали.⁹

И поехал Михаило в чисто поле, и ездит равно на два месеца. А без него приехал купчина Золотои Орды в Киев...

43

[ИВАН ГОДИНОВИЧ]

«... за Вахромия Вахромиевича. И ты как себе начеешь волею даст и неволею возми, силою возми батырскою, а грозую княжецкою великого князя Владимира».

Как будет Иван Годинович под городом Черниговым, у ворот приворотников не съпрашивал, а у двери придверников, но ударил он¹ в ворота стеколчатые¹ вострым копьем своим, воротечка скочили серед двора и раскололися, и верей пошаталися, тынинки все повалялися. Как будет Иван Годинович среди двора гостиново, выходил Дмитрией гость, богат купец, на свое на крылечко на красное, сам зговорит таково слово: «Гои еси, Иван Годинович, что ты ко мне на двор нечесно взъехал и говоришь со мною¹⁰ безопсылошно?» Проговорит Иван Годинович: «Гои еси ты, Дмитрией гость, богатой купец, для того яз на двор к тебе нечесно еду, дай ты за меня чядо свое милое красну Настасью Дмитриевну с любовию великою. Волею дашь и неволею возму, силою батырскою, а грозую княженецкою». Зговорит Дмитрией гость, богатой купец, молоду Ивану Годиновичю: «Как¹⁵ мне с тобою будет ладити? У меня уже дочи просватана за море за синее во славную землю во Лабскую за царица поганово за Вахромия Вахромиевича. И ты как себе начеешь ли уехати ко столному граду ко Киеву, к великому князю в ясны очи?» Неунимчиво сердце багатырское молода Ивана Годиновича. Не меды сытити, не пива варить, походило во гридне²⁰ столованье почесътное, садилысь за столы за дубовы, за ествы сахарные и за питья медвяные. Имал Настасью за белы руки, за ея за перстни злаченныя, бьет челом Иван Годинович Дмитрию гостю, богату купцу, на хлебе да на соли. Сам пошел вон из гридни столовые и скоро садился на конь с добрыми молодцы с удалыми.

Поехали они в чисто поле, розставил Иван Годинович бел шатер в чистом поли и стал с Настасьею опочив держать, а добрым молодцам говорит Иван таково слово: «Поедьте вы, удалые добрые молодцы, первое сто на лесы на темныя и убенте вы лань златорогую к моему столу брачному, а другое мое сто молодых¹ молодцев подите¹ далече во чисто поле и³⁰ убенте вы мне диково вепря. Вы гои естя, третье¹ сто,¹ вы, добрые молодцы

удалые, подите вы на заводи тихие, насътреляйте мне к столу брачному много гусен и лебедей».

И как розвехалась ево вся дружина хоробрая на ловы зверинья на
 35 ево учястие великое. И как учюл поганой царь, что не стало красные
 Настасьи в Чернигове у гостя у Дмитрия, объвертывался он ясным соколом
 и скоро летел из за синя моря и к лесу темному, объвернулся он гнедым
 туром и выходил на поле на чистое, и объвертывался он молодым молод-
 цом.

40 Как будет он у шатра Иванова, сам зговорил таково слово: «Гои еси
 ты, молодый Иван Годинович, выди ты вон из бела шатра полотняново,
 мне хочется с тобою переведатися и перемирье взять о красной Настасье
 Дмитриевне». Выходил Иван Годинович, в однех чюлках и без чеботов,
 в одной сорочке и без пояса, имал Иван Годинович поганово царя за белы
 45 руки, ударил царя о сыру землю матерую, наля под ним земля потряс-
 лася. Садился Иван царю поганому на белы груди, вынимал он свои бу-
 латной нож, на мусате ножичек наставлявает, хочет он у царища пога-
 ново спороть груди белыя и закрыть очи ясные. Възмолища царищо пога-
 ное: «Ои еси ты, Настасья Дмитриевна, выди ты вон из бела шатра,
 50 свор[от]ити с меня Ивана Годиновичя, яз тебя за собя возму, а станеш ты
 слыти царицею, и все орды нам поклонятся. А как ты будеш, Настасья,
 за Иваном за Годиновым, и тебе слыть будет¹ холопкою во дворе у Влади-
 мера киевского». У всякие де у женщины волосы долги, а ум короток.
 Выходила Настасья из бела шатра, имала Ивана за белу ногу, своротила
 55 ево с царища поганово. Садился царищо на белы груди молоду Ивану Го-
 диновичю, вынимает свои булатной нож, на мусатичке ножичек настави-
 вает, хочет он спороть груди белые и закинуть очи ясные. Сам говорит
 таково слово: «Для тово яз тебе белых грудей вскоре, Иван, не спорю,
 что ты скоро не спорол у меня». И привязал он Ивана ко сыру дубу кря-
 60 ковисту, сам пошел, царищо поганое, к красной Настасье Дмитриевне
 опочив держать в белой шатер.

По божье было по милости, а молоду Ивану по счастью, издалеча поля
 чистово прилетали два голубчика малешенки, садились на тот сырой дуб.
 Выходил царищо из бела шатра, имал Иванов тугой лук и стрелял по тем
 65 малым голубкам. Възвилася та высоко калена стрела под облаки, и пала та
 калена сътрела поганому царищу в голову, и расколело ему буину главу
 против сердца ретивово, и ударило его о сыру землю матерую.

Выходила Настасья красная из своего бела шатра, сама зговорит та-
 ково слово: «Охти яз, молода, согрешила, от берегу отстала, а к другому
 70 не пристала!» Възмолища ей Иван Годинович: «Ои еси ты, красна
 Настасья Дмитриевна, отвяжи ты меня от сыра дуба кряковистого, а яз
 тебя не стану ни бить, ни мучить, толко лиш тебе поучение дам, как мужи
 жен учят». Отвязала молода Настасья красная Ивана от сыра дуба. При-
 шел Иван Годинович к Настасье в белой шатер, имал свою сабелку булат-
 75 ную восътрую, сечет Настасье по колен ноги и руки по локот сечет, сам
 говорит таково слово: «Те мне руки и ноги не надобет, которые помо-
 гали царищу поганому». И отрезал Настасье нос з губои: «Ете мне губы
 не надобно, которые целовали царища поганово. Вот тебе, Настасья, воля
 на все на четыре стороны, хотя вдовой седи, хотя замуж поди».

80 Мал чяс поизоидучи, приехали ис поля добрые молодцы его удалые,
 привезли питеры и едеры всякие. Проговорит Иван Годинович: «Не надо-
 бет мне ни питера ваша, ни ества сахарная, потому что яз для Настасьи
 красные немного сам¹ головы не отстал от тово царища поганово Вахро-
 мия Вахромевичя. Вы гои естя, мои братцы товарищы, отликые удалые

вчението в логото
о в а б т а д а с а о м н и с о с т о
г о р е м е т б л а ж е н н ы м о р о
н и с т е т е м н о о б ъ с ъ н т а с о
н у д н ы т о р о в ѡ х о д и н а т о м е
н а з к и т о е к о р ѡ в ѡ т ѡ д а н о
м о л о д ы к о р о л ѡ н а с ѡ б ѡ д ѡ
ѡ ш а т р а к о н о д а с а м ѡ т о л о
р и т а с о л о г о л о г о н ѡ с ѡ т ѡ м о
л о д ы р ѡ т о у н н о в и т ы в ѡ д и
т ы ѡ ѡ б ѡ л ѡ ш а т р а т о л о н а
н о в о м ѡ х ѡ т ѡ т ѡ с ѡ б о р о
П е р е о б р а т ѡ с ѡ п ѡ р е м ѡ е
в з ѡ т ѡ о с ѡ р а н ѡ н а т а м ѡ
д и м и т р е р ѡ в ѡ н ѡ в ѡ х о д и т ѡ

94
н а н ѡ г о д н о в и в ѡ д ѡ с ѡ ѡ м ѡ м ѡ
н ѡ ч е т ѡ т о м ѡ в ѡ д ѡ с ѡ р о с ѡ в
н ѡ б ѡ р ѡ д а н ѡ ѡ ѡ ѡ т о д ѡ н ѡ
П ѡ т а н о д ѡ ц ѡ р ѡ з а б ѡ м ѡ р ѡ ш и
ѡ д ѡ р и ц ѡ ѡ с ѡ р ѡ z ѡ ѡ м ѡ т е
р ѡ ѡ н ѡ м ѡ т о д н ѡ z ѡ м ѡ t ѡ
т р ѡ с ѡ л ѡ a (ѡ д ѡ м ѡ k ѡ ѡ ц ѡ r ѡ т ѡ ѡ ѡ
н а б ѡ л ѡ г р ѡ д ѡ в ѡ n ѡ м ѡ ѡ ѡ r ѡ
Б ѡ л а т ѡ н ѡ ѡ ѡ ж ѡ t ѡ ѡ м ѡ с ѡ т ѡ
н ѡ ж и т ы ѡ t ѡ н ѡ т ѡ в ѡ ѡ ѡ
Х ѡ т ѡ т ѡ ѡ ѡ б ѡ р ѡ ѡ t ѡ т ѡ ѡ ѡ
ѡ ѡ р о Г р ѡ д ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ
ѡ т ѡ d ѡ n ѡ e . ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ
ѡ ѡ t ѡ ѡ ѡ n ѡ e , ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ ѡ m ѡ t ѡ
ѡ ѡ d ѡ м и т р ѡ ѡ ѡ e ѡ ѡ v ѡ t ѡ ѡ

85 добрые молодцы, вы седлайте скоро добры кони, поедем мы к городу ко Киеву к великому князю Владимиру».

Как будет Иван Годинович пред князем Владимиром киевским, говорит Владимир таково слово молодцу Ивану Годиновичю: «Здраво ты, Иван, под венцом стал с красной Настасьей Дмитриевною?» Зговорит 90 Иван Годинович: «Свет государь ты, мои дядюшка князь Владимир киевской, ездил яз к городу Чернигову по Настасью Дмитриевну, яз для ради ея, Настасья красная, мало головы не отстал. Не хочю, государь дядюшка, болши того жениться, но хочю постричься, потому что мне в них участия нет».

95 Конец багатырю.

[СТАВЕР ГАДЕНОВИЧ]

... [боя]рин Ставер Гаденовичь: «Ои есте вы, князи и бояре и сильныя могучия богатыри! Есть у меня молода жена Василиса Микулишна. По ее частию есть у меня¹ золота казна: николи казна не держитца, всегда казна исполняется.² И есть у меня триста молотцов, все молотцы перебор- 5 четыя: молодец молотца лутче, николи жь молотцы не стареютца. Да есть у меня триста жеребцов, а все жеребцы латынския: николи жеребцы не изъездятца».

И зговорают князи и бояре, и сильныя могучия богатыри, и мужики торговья: «Ои еси ты, бояринь Сътавер Гаденовичь! Почему у тебя золота 10 казна не держитца?» И зговорит боярин Ставер Гаденовичь таково слово: «Потому у меня золота казна не держитца, что я ис тои казны в рост деньги³ даю и темь я ростомь год живу, — потому моя золота казна не деръжитца». — «Почему у тебя молотцы не стареются?» И възговорит бояринь Ставер Гаденовичь таково слово: «Потому у меня молотцы не 15 стареются: пьют, едят, а сами потешаютца и никакои кручины не ведают; чеботы носить по турецкому — шиломь пяты, носки в[о]стрыя, однорятки носят по посолскому — скорлять сукно, колпаки носят, плащи золотыя, — потому молотцы не стареютца». — «Почему у тебя жеребцы не изъездятца?» И възговорит тут боярин Ставер Гаденовичь таково слово: «Потому у меня жеребцы не изъездятца: севодни я поехал на том жеребце, а завтре поеду на другом жеребце, всегда у меня жеребцы переменныя, — 20 потому они не изъездятца».

И лихи были в Киеве оговоръщики. Оговорили оне князю Владимиру киевскому боярина Ставра Гаденовичя небылыми словесами и ложными: 25 «Государь ты наш, князь Владимир киевской! Пьеш, еш и потешаешья, а тово себе не ведаеш: есть у тебя на пиру бояринь Ставер Гаденовичь столнова града Чернигова, а за очи говорить таково слово: „Я де в Киеве граде болши великаго князя Владимира и богатея“». И тут князь Владимир на него раскручинился, велел ево скоро пред собою поставити. И съкоро 30 поставили боярина Ставра Гаденовичя перед князя Владимира киевскаго. Что възговорит князь Владимир киевской: «Он еси ты, боярин Ставер Гаденовичь! Негораздо ты за очи похваляешья и говориш таково слово, что де „я в Киеве богатея князя Владимира“». И възговорит боярин Ставер Гаденовичь: «Аз, государь, никакова слова про тебя не говаривал».

35 Бог над Ставром прогневался, государь велики князь Владимир раскручинился, велел ево посадить в глубок погребь сорока сажен и закрыть доскою железною, и засыпать песками желтыми. И повели боярина Ставра Гаденовичя в глубок погреб сорока сажен. И что възговорит боярин Ставер

Гаденовичъ: «Ои еси ты, мой слуга поваренной! Садис ты съкоро на жеребца латынскова, поедь к столному граду Чернигову к мое[и] молодой жене к Василисе Микулишне, отправь еи от меня челобитье великое: „Бог над Ставром прогневался, государь велики князь Владимир раскручинился, велел ево посадить в глубок погребь сорока сажени и засыпать песками желтыми, и закрыть доскою железною“».

И скоро детинко сядилса на жеребца на латынскова, и поехал к столному граду Чернигову. И как будет в Чернигове граде, възъезжает на царской двор, с коня не слажучи; бежит во светлую горницу, не обысаяючи; молитца чюдным образом, бьет челом Василисе Микулишне, а сам говорит таково слово: «Государыня Василиса Микулишна! Привес я к тебе вести нерадостныя: бог над Ставром прогневался, государь велики князь Владимир раскручинился, велел ево посадить в глубок погреб сорока сажени и закрыть доскою железною, и засыпать песками желтыми». И тутъ Василиса Микулишна была догадлива, скоро она догадалас: пошла она в хоромы опришенныя, скидовала съ себя волосы женския, завивала кудри молодецкия, надевала на себя пълатье посолское, скоро сядилса на жеребца латынскова, имала съ собою триста молотцов. Молодец молотца лутче, все молотцы переборчетыя: бутто едет млад посол млад Василей Ивановичъ ис тое земли из Галацкия от короля полскова⁴ править посолство великое.

И поехал млад посол Василей Ивановичъ к столному граду Киеву к великому князю Владимиру киевскому тою дорогою пьродолную на лесы на Бранския, на грязи на черныя, на реку на Смородину, на Соловья на разбоиника. И как будетъ грозен посол млад Василей Ивановичъ блиско столнова града Киева, в тех лугах государевых, и тутъ велел белы шатры белобелчетыя розставити; а посолской шатер не мешаецца с теми: маковка⁶⁵ у шатра золотая, золотая аравитьское. И малои час поизоидучи, от столнова града Киева, от князя Владимира киевскаго, мимо шатра посолскова гонить скорой гонец в Чернигов град. И что зговорит грозен посол млад Василей Ивановичъ: «Ои ест вы, мои слуги и дворяня молотцы! Переимите вы скорова гонца, поставте ево передо мною». И скоро тутъ⁷⁰ кинулись, и поимали гонца, и привели пред грознаго посла млада Василья Ивановичя. Что взговорить грозен посол млад Василей Ивановичъ: «Ои еси ты, скорой гонец! Куды ты гониш наскоро?» И взговорит ему скорой гонец: «Государь ты, грозен посол млад Василей Ивановичъ! Я еду от столнаго града Киева от князя Владимира киевскаго, а еду в столной град⁷⁵ Чернигов переписать золоту казну боярина Ставра Гаденовича». И что взговорит грозен посол млад Василей Ивановичъ: «Ои еси ты, грозен посол, скорой гонец! Поедь ты скоро назад к столному граду Киеву к великому князю Владимиру киевскому, да скажи ему про меня: „Государь мой, князь Въладимер киевски! К твоему здоровью идет, государь, млад посол⁸⁰ Василей Ивановичъ из земли Галацкия от короля польскова править посолство великое“».

И скоро скорой гонец назад поехал в Киев град, и сказал князю Владимиру все по ряду по словеси грознаго посла млада Василья Ивановичя. А сам посол, не мешькая, за гонцом в Киев град приеждяючи, ставилса⁸⁵ на посолской двор.

Как будет третей день, звал князь Владимир киевской грознаго посла млада Василья Ивановичя на почестной пир. И как будет по порам, пошол грозной посол на почестной пир. И как будет грозен посол млад Василе[и] Ивановичъ среди двора государева, и тут ево встречают князи и бояре, и⁹⁰ взяли ево под руки белья, повели в полаты каменные, посадили на место

посолское. И как пошел почестной пир, и почели пить и ясти и потешатися, и увидела Апраксея королевишна грозна посла млада Василья Ивановича, а сама говорит таково слово: «Государь ты, князь Владимир киевской! Не
95 быть то грозну послу младу Василью Ивановичю — быть Василисе Микулишъне, Ставровой жене Гаденовичи!» И что взговорить князь Владимир киевской: «Ои еси ты, княгиня Апраксея королевишна! Мошно то нам розведати, лише бы не опозоритца».

И как у князя Владимира стол отшел, и после стола пошла потеха мо-
100 лодецкая, и что взговорить князь Владимир киевской: «Ои еси ты, грозен посол млад Василей Иванович! Есьт ли теперво с тобою умеющия борцы, с моими бы борцы поборолися, а нас бы с тобою потешили?» И что взговорит грозен посол млад Василей Иванович: «Государь ты, князь Владимир киевски! Теперво со мною борцов нету; не ведал я потехи молодец-
105 кия, твоего слова государева, и я затемь борцов не брал. Разве, государь, мне самому поборотися, а тебя, государь, потешити?»

И пошел грозен посол на царев двор, и учел по двору похаживать, ручки и ношки поправлявать. И в ту пору князь Владимир ис хором смотрил, из окошка стеколчетова. И выходят пять борцов умеющих, и учили
110 боротися. Первому борцу голову сломил, другому борцу руку выломил, третьему борцу ногу выломил, четвертаго борца за тын кинул, а пятой борец в тасках забежал. И тут млад посол Василей⁵ Ивановичь бьет челом князю Владимиру киевскому своею потехою молодецкою.

А сам говорит таково слово: «Государь ты, князь Владимир киевской!
115 Я тебя тешил своею потехою молодецкою, — вели, государь, меня потешить: даи мне игреца, кои бы горазд в гусли играть и проводил бы меня на посолской двор». И князь Владимир стоячи задумался, что нет в Киеве игреца гораздова. И вспало на ум князю Владимиру про боярина про Ставра Гаденовича, и велел ево вынуть из глубока погреба, и велел ему дать
120 звончатая гусли, и пошел Ставер Гаденовичь за грозным послом на посолской двор.

И как будет на посолском дъворе, и зговорит млад посол Василей Ивановичь: «Помниш ли ты, Ставер Гаденовичь, про меня, или ты меня
125 знаеш ли, или нет?» И взговорить боярин Сътавер Гаденовичь таково слово: «Аз про тебя и не слыхивал, не токмо что мне тебя знать». И что взговорит грозен посол млад Василей Ивановичь: «А помниш ли ты, боярин Сътавер Гаденовичь, коли мы с тобою ребячью игрушку игрывали: у тебя была сваечка серебряная, а у меня было колечко золотое, и ты в мое колечко часто попадывал?» И тут боярин Ставер Гаденовичь дого-
130 дался: ималися оне за руки белыя, целовалися во уста сахарныя.

И великой князь Владимир киевской опять их пожалывал столным градом Черниговым, и отпустил их с великою чесьтию, и учал ево жаловаты лутче старова. И оне поехали в Чернигов град, и учили жить и быть по старому лутче прежнего. И учили пити и ясти и веселитися по прежнему.
135 И начел их князь Владимир жаловать лутче старова.

Конец.

... кому и... «посолской полате отд... велел ему князь Влади... есть и меду пить и какъ... пошло пированья и... кнегиня Еупраксея королевишна грозна посла молода <Вас>илья Ивановича, а сама въ... <т>аково слово велико... Владимиру киевьсьскому: «Государь ты, князь Владимир

ОСВ ОВ ПРАВЕ С И Р
ВСЕ ДУШИ ДЛА ДИ
СТЕ ДИ МЕДУ ТИ И ПА И В
ПОЩА ПИ РОВА И ЧИ И
АН СТИ И Е С У Т Р А И С С И И О Р О С
ДИ Ц И А Т Р О Н А П О С Л А М О Л О Д А
И С Т А М П А Н О П И Ч А А С А М А Д Е
О И О П О С Л О В О Д Е Л И Ц О
В Л А Д И М Е Р У И Е Д Б С К
М У А Р Т И И И Ч А З В Л А Д И М Е
С В С И О Н С У О П О Т Р О И Ч У П О С Л У М
Д У В О И Е В А Н О П И Ч У Д С Д А С И Х И С
И И С У Л И Ц И С К П О Д Р О Д Е Т С Е Н Е Т О Д И
Н О Д И Т А П О Д С Е П О Т Р И М Е Т П А З И Д И
С И И Т О П Л О Н Ы Ц И Д А И Т О У Р У М Е Я Ц И
Д А М Ц А И З В И Л И Ц А И С А И М И М
Т Р У Ч И И С К Л И Ч И И Д А П А Т И И
Т Р О И С Н Ы И А Д С И И Н Ъ Д Е Л А Т О
Н Ъ С П О М У К Р С Т Е И И С П З В Л А Д И
М Е Т И С Т И И С У Т Р А И С С И И А И

«Ставр Годинович».

Начало «столбца Пазухина», БАН, 45.2.5 (№ 45 наст. изд.).

знак щли ти менши и рече юса
рмнь стпо шрз тоди новича шдси
ти штрозе нъ по со мола даси х
во новичь си тарь да щс шдс
нко а ду да а ти се не знае и ре
кстрозе н въ по шрз мола даси и ш
новича по мни шли мни шпо о
би гра да м ро шмъ би то б у те
ш ш ш ла сва кша с ре орк на я
а у р м н с а ш ло по л ч на т б е р с а
р на а ш т о з о л о ч е на б и ти ш
мо ш по л ч на по па до па по ч е р
пу и пу по ш по шрз то да г
ча и ма ш зар мн зар мн а ш ш
и ш ло па а ш и то ш ли ш ни ш
и н з б л а д и м е р у и н с д в
ш ш му и н с а ш д л а д и м е т о
в а л о д а ш т а р о м у и ш о х а
ли ш ни ш т о ш о м у т р а д у
т р н и т о д у и н а ч а ш н и
т и т и и ш ш т и и р а
у о в а ц а ш т а р о
м у ш т а ш д е л

т ш
ш

«Ставр Годинович».

Конец «столода Пазухина», БАН, 45.2.5 (№ 45 наст. изд.).

«киевской! Не быть то грозну послу млолду Василью Ивановичу — 5
 быть Василисе Микулишне, Сторове жене Годиниовича! По всем по при-
 метам знать: ниски поклоньцы да из горбу, румянцы «и б»елицца изъ ее
 лица не вымыли, «д»а ручки беленьки, да палчики тоненьки, а все онъ де-
 лает по женьскому!» И рече князь Владимир княгини Еупраксеи: «Какъ бы 10
 мне не опозоритца, а мошно про то поизведати».

Какъ у князя Владимира киевскова стол отшол, и рече князь Влади-
 мер киевской: «Он еси ты, грозень посол молод Василие Иванович!
 Есть ли с тобою борцы умеющия, чтобы с моими пети борцами поборо-
 лися, а наз бы съ тобою потешили?» Что взговорит грозень посол молод
 Василии Иванович: «Государь ты, князь Владимир киевской! Нет со 15
 мною таких борцовъ умеющих. Лиши мне с тобою поборотися, самому
 посълу тебя великаго князя потешити?»

Скоро борзо скидовал съ «се»бя платья посолское, пошел онъ на дворъ
 государевъ. Выходят к нему пять борцовъ. А в те поры великий князь
 смотрит съ кнеинею Еупраксею ис полаты. Первому борцу головы сломил, 20
 а другому руку выломил, а третьему ногу¹ выломил из гузна, а четвертова
 за тынь бросил, а пято«и» в тасках забежал. И пошол грозень посол молод
 Василии Иванович в полату государеву, бьет челом князю Владимиру
 своею потехою.

Велел ево князь Владимир проводить чесно на посолской двор. И рече 25
 князь Владимир киевской своеи кнегине Еупраксеи королевичне: «Он еси
 ты, кнегиня Еупраксея, лише ты меня опозорила — не быть Василисе Ми-
 кулишне, быть грозну послу молоду Василью Ивановичу: спатка у ниво
 богатырская. Лише ты меня опозорила: се у меня же убил до смерти
 пети борцов, что ни лутчих». Что взговорит кнегиня Еупраксея короле- 30
 вишна: «Государь ты»...² Князь Владимир киевской задумался, а сам
 говорит таково сълово: «Кнегиня Еупраксея! Еще тебя послушею, еще про
 то произведу».

Какъ же на другой день велел звать грозна посла к себе на почестень
 пир князь Владимир киевской. Как будет по времени, пошел грозень посол 35
 ко кнезю Владимиру на почестень пир. И как будет грозень посол
 молод Василии Иванович в полате государевой, сажет ево князь Влади-
 меръ опять в посолское места. И какъ у кнезя Владимира стол отшол, и
 рече князь Владимиръ киевской таково слово: «Он еси, грозень посол мо-
 лод Василии Иванович, горазд ли ты из лука стрелять?» И рече грозен 40
 посол молат Василии Иванович: «Государь ты, князь Владимир киев-
 ской, гораздъ я стрелять ис крепкова лука разрывчета, убью я в ножевая
 острей». И скоро князь Владимир велел воткнуть в столпъ буладной нож,
 и велел принести ис казны крепкой лукъ разрывчетой и колену стрелу
 копечету. И скоро принесли крепкой лукъ и колену стрелу копечату, и 45
 дали грозну послу. И скоро грозень посол молат Василии Иванович нате-
 гавает крепкой лукъ, накладывает колену стрелу, и бьет онъ в буладной
 ношь, и пришла колена стрела в буладной нож, и росколело востро копье³
 надвое, ни одна половина половины не болши.

И бьет онъ челом князю Владимиру своею потехою молодецкою. И рече 50
 князь Владимир киевской: «Пожалован ты у меня, грозень посол, молот
 Василии Иванович, что тебе надобна? Бери себе ты у меня збрую бога-
 тырскую, и платье дорогоценное, и кони латыньския. Спасиба тебе на
 твоеи молодецкой потехе, что ты меня не ослушелся». И рече грозень по-
 сол молот Василии Иванович: «Государь ты, князь Владимир киевской, 55
 не надобе мне збруя богатырская, и платье дорогоценное, и жеребцы ла-
 тыньския, дай ты, государь, мне играца, которой бы гораздъ в гусьли

иград, чтобы меня проводил на посолскни двор». И тут князь Владимир задумался, играца у себя не обретае умеющего. И вспала ему на ум про
60 боярина Стовра Годиновича, и скоря князь Владимир велел вынетъ ис по-
греба боярина Сътовра Годиновича, и дали ему гусли звоньчатыя. Пошел
онъ за грозным послом молода Василья Ивановича на посолской дворъ.

И как будет на посолской дворъ, взял грозен посол молот Василен Ива-
новичъ боярина Стовра Годиновича съ собою в хоромы посолския и по-
65 ставил ево против себя, а сам говорит таково слово: «Ои еси ты, бояринь
Стовер Годиновичъ, знаешь ли ты меня?» И рече бояринь Стоверъ Годи-
новичъ: «Ои еси ты, грозень посол молат Василен Ивановичъ! Яз, госу-
дарь, вашей орды не бывывал, а я тебя не знаю». И рече грозень посол
молот Василен Ивановичъ: «Помниш ли, мы с тобою игравали робячью иг-
70 рою: у тебя была сваечка серебряная, а у меня было колечка позолоченая,
и ты въ мое колечка попадовал почесьту?» И туто Стоверъ дагодаетца:
имался за руки за белыя и целовался, и пошли они ко кнезю Владимиру
киевьському.

И князь их Владимир пожаловал по старому, и поехали они к столному
75 граду Чернигову, и нача они пити и ясти и радоватца, по старому стали
жить.

БЫЛИНЫ И БАЛЛАДЫ ИЗ ПЕСЕННИКОВ XVIII ВЕКА

46

[СУРОВЕЦ-СУЗДАЛЕЦ]

- Как жил на Руси Суroveň-молодец,
Суroveň-богатырь, он Суроженин,
По роду города Суздаля,
Сын отца гостя богатого.
- 5 Охочь он ездить за охотою,
За гусями, за лебедями,
За серыми за утицами,
Ездит он день до вечера,
А покушать молодцу нечево.
- 10 Как наехал во чистом поле на сырой дуб.
Сырой дуб, еще не простой,
Не простой — корокольчестой,
Что на том на дубу сидит черной вран,
Черной вран, птица вещая.
- 15 Он снимает с себя крепкой лук,
Крепкой лук и калену стрелу,
Он накладывает на тетивочку шелковую,
Хочет стрелить поверху дерева,
Хочет убить черна ворона,
- 20 Черна ворона, птицу вещую.
Что возговорит ему черной вран,
Черной вран, птица вещая:
«Гой еси ты, Суroveň-молодец,
Суroveň-богатырь, еще Суроженин!
- 25 Тебе меня убить — не корысть получитьь,
Мясом моим не накушаться,
Кровью моей не напиться,
Перьям моим не тешиться,
Ии я тебе вестку скажу,
- 30 Вестку скажу, вестку радостную:
Как далече-далече во чистом поле,
А дале тово во зеленых лугах,
Как стоит тамо Курбан-царь,

- Еще Курбан-царь да и Курбонович,
 35 Со всюю силою могучею,
 Что со всей ли поляницею удалею.
 Что стоит он широкими рвами окопавшись,
 Земляным валом оградившись».
- Молодецкое сердце не утерпчивое,
 40 Разгаралася кровь богатырская,
 Он бьет коня по крутым бедрам,
 Подымается ево доброй конь
 Выше дерева стоячего,
 Ниже облака ходячего,
- 45 Горы и доли между ног пускает,
 Быстрые реки перепрыгивает,
 Широкие раздолья хвостом устилает,
 По земле бежит — земля дрожит,
 В лесу раздается, на нивах чуть.
- 50 Он взял поскакал во чистые поля,
 Во чистые поля, еще к Курбану-царю,
 Еще в Курбану-царю да и к Курбановичу.
 Первой ров ево бог перенес,
 Другой ров ево конь перескочил,
- 55 В третий ров он обрушился,
 Ево доброй конь набрюшился.
 Ай что взяли прискакали удалые молодцы,
 Под леву руку взяли двадцать человек,
 Под праву руку взяли ево сорок человек,
- 60 Поперег подхватили — еще сметы нет,
 Взяли повели еще к Курбану-царю,
 Еще к Курбану-царю да и к Курбановичу.
 Молодецкое сердце разъярилося,
 Богатырская кровь разыгралася,
- 65 Как взял он татарина за волосы,
 Да как учал татарин помахивати,
 Как куда побежит, тамо улица лежит,
 Где повернется, там площадью.
 И пробился молодец он до белого шатра,
- 70 Что до белого шатра и до Курбана-царя.
 Как возмолится ему Курбан-царь:
 «Ты гой еси, Суroveň-моловец,
 Суroveň-богатырь и Суроженин!
 Погляди-ко ты, что в книге написано:
- 75 Что не велено вам князей казнить,
 Что князей казнить и царей убивать».

47

[ИЛЬЯ МУРОМЕЦ СО СВЯТОГОРОМ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ]

- Ах, по морю, морю синему,
 Что по синему по морю по Каспийскому,
 Еще плавает-гуляет Сокол, братцы, корабль.
 И он плавал и гулял ровно тридцать лет,
- 5 Что на якорях Сокол-корабль не стаивал,

- У крутых красных берегов отнюдь не бывал,
 Церквей и монастырей не видывал,
 Колокольного звона не слыхивал.
 Хорошо-добре Сокол-корабль украшен был:
 10 Да что нос и корма по-звериному,
 Киль ево сделан по-змеиному,
 А парусы на нем, как орлиное крыло.
 Атаманом был на нем Светогор-богатырь,
 Подъатаман — молодец Илья Муромец,
 15 На нем шуба была во пятьсот рублей,
 На нем шапочка во сотенку,
 А пуговики на шубе чиста золота.
 По кораблику он Муромец похаживает,
 И он тросточкой по пуговкам поваживает,
 20 Ево пуговики разгремелися,
 Все товарищи подымалися,
 Наступали они на турецкой флот.
 Агаряне их испужалися,
 В синее море пометалися,
 25 Всю жизнь свою тут кончили,
 А богатство всё оставили,
 На добычу храбрым воинам.

48

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ СО СВЯТОГОРОМ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ

- Ах, по морю, морю синему,
 Что по синему морю Каспийскому,
 Други, плавает, гуляет Сокол-корабль,
 Он уже плавает, гуляет ровно тридцать лет.
 5 А на якорях Сокол-корабль не стаивал,
 У крутых зеленых берегов не бывывал,
 Церквей и монастырей не видывал,
 Колокольному звону не слыхивал.
 Хорошо-добре Сокол-корабль украшен был:
 10 Выгнут нос его с кормою по-звериному,
 А киль его сделан по-змеиному,
 Веял парус, как орлиное крыло.
 Атаманом был на нем Святогор-богатырь,
 Есаулом — Илья Муромец,
 15 На нем шуба была во пятьсот рублей,
 На нем шапочка во сотенку,
 А пуговики на шубе чиста золота.
 По кораблику Муромец похаживает,
 И он тросточкой по пуговкам поваживает.
 20 Его пуговики разгремелися,
 Все товарищи подымалися,
 Наступили они на турецкой флот.
 Агаряне их испужалися,
 Во сине море покидалися,
 25 А богатство всё оставили
 На добычу добрым молодцам.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦ С ДОБРЫНЕЙ НА СОКОЛЕ-КОРАБЛЕ]

- По морю, моря синему,
 По синему, по Хвалунскому,
 Ходил-гулял Сокол-карабль
 Немного-немало двенадцать лет.
- 5 На якорях Сокол-карабль не стаивал,
 Ко крутым берегам не приваливал,
 Желтых песков не хватывал.
 Хорошо Сокол-карабль изукрашен был:
 Нос и корма — по-звериному,
- 10 А бока звездены по-змеиному.
 Да еще было на Соколе на карабле
 Еще вместо очей было вставлено
 Два камня, два яхонта;
 Да еще было на Соколе на карабле
- 15 Еще вместо бровей было повешено
 Два соболя, два борзые;
 Да еще было на Соколе на карабле
 Еще вместо ушей было повешено
 Две куницы мамурския;
- 20 Да еще было на Соколе на карабле
 Еще три церкви соборныя;
 Да еще было на Соколе на карабле
 Еще три монастыря, три почесные;
 Да еще было на Соколе на карабле
- 25 Три торговища немецкия;
 Да еще было на Соколе на карабле
 Еще три кабака государевы;
 Да еще было на Соколе на карабле
 Трои люди незнамые,
- 30 Незнамые, незнакомые,
 Промежду собою языка не ведали.
 Хозяин-от был Иль[я] Муромец,
 Иль[я] Муромец сын Иванов[ич],
 Его верный слуга — Добрынюшка,
- 35 Добрынюшка Никитин сын,
 Пятьсот гребцов, удалых молодцов.
 Как издалече-далече, из чистаго поля
 Зазрил, засмотрел турецкой пан,
 Турецкой пан, большой Салтан,
- 40 Большой Салтан Салтанович.
 Он сам говорит таково слово:
 «Ах вы гой еси, ребята, добры молодцы,
 Добры молодцы, донские казаки!
 Что у вас на синем море деется,
- 45 Что чернеется, что белеется?
 Чернеется Сокол-карабль,
 Белеются тонки парусы.
 Вы бежите-ко, ребята, ко синю морю,
 Вы садитесь, ребята, во легки струги,
- 50 Нагребайте поскорее на Сокол-карабль,

- Илью Муромца в полон бери,
 Добрынюшку под меч клони!»
 Таки слова слышал Илья Муромец,
 Тако слово Добрыне выговаривал:
 55 «Ты, Добрынюшка Никитин сын,
 Скоро-борзо походи во Сокол-карабль,
 Скоро-борзо выноси мой тугой лук,
 Мой тугой лук в двенадцать пуд,
 Калену стрелу в косу сажень!»
 60 Илья Муромец по карабле похаживает,
 Свой тугой лук натягивает,
 Калену стрелу накладывает,
 Ко стрелочке приговаривает:
 «Полети, моя каленая стрела,
 65 Выше лесу, выше лесу по поднебесью,
 Не пади, моя каленая стрела,
 Не на воду, не на землю,
 А пади, моя каленая стрела,
 В турецкой град, в зелен сад,
 70 В зеленой сад, во бел шатер,
 Во бел шатер, за золот стол,
 За золот стол, на ременчат стул,
 Самому Салтану в белу грудь,
 Распори ему турецкую грудь,
 75 Ращиби ему ретиво сердце!»
 Ах, тут Салтан покаелся:
 «Не подай, боже, водиться с Ильей Муромцем,
 Не детям нашим, не внучатам,
 Не внучатам, не правнучатам,
 80 Не правнучатам, не прашурятам!»

50

[ДОБРЫНЯ И МАРИНКА]

- Жил Микитушка, не старился, —
 При старости помер.
 Осталось у Микитушка
 Спороженое дитя Добрыня.
 5 Ен, Добрынюшка, матушки спраш[ивал]:
 «Отпусти меня, матушка,
 В Новы города гулять!»
 Походит Добрыня со двора сдолой.
 Берет Добрыня калену стрелу,
 10 Натягиват Добрыня калену стрелу,
 Походит Добрыня со-з-двора ведь здолой.
 Есть в том городе Маринушка,
 Прекрасная Маринка безбожница,
 Злая еретица халтурная.
 15 Круг ея двора стена каменная,
 На каменной стене два голубя сидят,
 Два сизые сидят, златым крыльем оплетаются.
 Захотелся Добрыне два голубя устрелить,

- Два сизых устрелить;
 20 Права ножка покати́лась,
 Лева ручка подражала,
 Устрелил Добрыня во Маринино окно,
 Устрелил прекраснаго Змеевича.
 Кинулась Маринушка в косечато окно:
 25 «Кто здесь в городе невежа есть,
 Устрелил мила дружка?»
 У Добрыни сердечко неуимчивое:
 Походит ко Маринину двору,
 Берет за булатную скобу,
 30 Отворет дубовые двери,
 Садится возле Маринушку.
 День с утра сидили, не говаривали.
 У Добрыни сердечко неуимчивое:
 Обуват сапожки зелен сафьян,
 35 Походит Добрыня со двора здолой.
 Кинулась Марина за Добрынюшкой,
 Поколола дровеч мелкошечко,
 Затопляла палаты жарчешенко,
 Следы сбирала, в палату бросала.

51

[КНЯЗЬ РОМАН И ЕГО ДОЧЬ]

- Как князь Роман жену терял,
 Терял, терзал, в реку бросал,
 Во ту реку во Смородину.
 Приехал к своему широку двору,
 5 Встречает ево дочь любимая,
 Принимает из кореты за белы руки,
 Стала у батюшки выпрашивать:
 «Государь мой, родной батюшко,
 Куда ты девал мою матушку?»
 10 — «Не плачь, не плачь, дочь любезная,
 Пошла твоя матушка в высок терем,
 Белитися и румянитися,
 Во цветное платье наряжатися».
 Пошла княжна во высок терем,
 15 Искать своей матушки родимыя,
 Белилички стоят не белены,
 Румянечки и не тронуты,
 Цветное платье на грядочке,
 Идет княжна, как река льется:
 20 «Государь ты мой, родной батюшко,
 Куда девал мою матушку?»
 — «Не плачь, не плачь, дочь любимая,
 Поехала твоя матушка в чистое поле,
 Цветочки рвать, веночки вить».
 25 Выходила княжна на крылечушко,
 Закричала своим громким голосом:
 «Ах, вы слуги мои, слуги верные,

- Запрягите скорее колясочку,
 Повезите меня к матушке родимой,
 30 Ах, далече-далече в чистом поле,
 Цветочки рвать, веночки вить».
 Приехала далече во чисто поле,
 Цветочки стоят не сорваны,
 А веночки не свиваны.
- 35 «Ах, нет моей матушки родимья!»
 Как билася княжна об сыру землю,
 Она плакала громким голосом.
 Над ней летал млад орел-птица,
 Орел-птица, птица царская,
 40 Спускался к ней на белы руки,
 В когтях держал руку белую,
 Руку белую, руку правую,
 Со перстнями со алмазными.
 Что взговорит орел-птица:
- 45 «Не плачь, не плачь, молода княжна,
 Не ищи ты своей родной матери:
 Как князь Роман жену терял,
 Терял, терзал, во реку бросал,
 Во ту реку во Смородину.
- 50 Вот твоей матушки права рука,
 Со перстнями со алмазными».
 Приехала княжна к широку двору,
 Восходила она во высок терем,
 Она била руки о дубовой стол.
- 55 Услышал ее батюшка родимой,
 Бежит к княжне во высок терем:
 «Ты о чем плачешь, дочь любимая?»
 — «Государь ты мой, родной батюшко,
 За что погубил мою матушку?»
- 60 — «Ах, свет моя дочь любезная,
 Не я терял, ни мои руки,
 Потеряло ее слово противное.
 Приведу я тебе матушку любезную».
 Что взговорит молода княжна:
- 65 «Не желаю матушки любезная,
 Желала б свою матушку родимую».

52

[БРАТЬЯ-РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА]

Во граде было Кieve,
 Жила-была молода вдова;
 У ней было девять сыновей,
 Десятая дочь любимая.
 5 Ее братья возлелеяли,
 Возлелеев, замуж выдали
 За младова за морянина,
 За хорошева боярина.
 Поехал он с нею за море:

- 10 Там год живут, и другой живут,
 На третьей год встосковались,
 Поехали к своей матушке.
 Они день едут, и другой едут,
 На третьей день становилися
- 15 Кашу варить и коней кормить.
 Не злы вороны налетели,
 Злы разбойники наехали,
 Морянина смерти предали,
 Морянченка в море бросили,
- 20 Морянушку в полон взяли,
 Разбойники после спать легли.
 Один из них не спит, не лежит,
 Не лежит он, он богу молится,
 Сам морянку спрашивает:
- 25 «Морянка, морянка, морянушка,
 Из которова ты города,
 Ты какова отца-матери?»
 — «Я города, сударь, Киева,
 Жила-была молода вдова,
- 30 У ней было девять сыновей,
 Десятая я несчастная.
 Меня братье возлелеяли,
 Возлелеев, замуж выдали
 За младова за морянина,
- 35 За хорошева боярина».
 Взвопил он тут громким голосом:
 «Вы братья, вы братья родимые,
 Не морянина мы зарезали,
 Мы зарезали зятя милова!
- 40 Не морянченка в море бросили,
 А племянника мы роднова!
 Не морянушку в полон взяли,
 Полонили сестру милую!»
 «Сестрица, сестрица родимая,
- 45 Не сказывай нашей матушке;
 Опять тебя отдадим замуж,
 Наделим тебя больше прежнева».
 Что возговорит во слезах сестра:
 «Вы чем меня ни наделите,
- 50 Мила друга не воскресите».

[МОЛОДЕЦ И КОРОЛЕВНА]

- Гулял молодец по Украине
 Ровно тридцать лет и три года,
 Загулял молодец к королю в Литву.
 Король молодца любил-жаловал,
- 5 Королевна не могла наглядетися
 На его красоту молодецкую.
 Как стал молодец упиватися,

- Буйными словесами похвалятися:
«Уж попито, братцы, поедено,
10 В красне в хороше похожено,
С одново плеча платья поношено,
Королеву за ручку повожено,
С королевной на перинушке полежено!»
Уж как злы-лихи на молодца свои братья,
15 Доносили на молодца самому королю:
«Ты гой еси, наш батюшко, грозной король!
Не знаешь про то дело, не ведаешь:
Живет королева с добрым молодцом».
Король на молодца вдруг прогневался,
20 Закричал-завопил громким голосом:
«Как есть ли у меня слуги верные?
Вы возьмите удалова добра молодца,
Посадите его в темну темницу.
А сами подите во чисто поле.
25 Вы ройте две ямы глубокие
И вы ставьте два столбичка высокие,
Перекладинку положите кленовую,
Вы петельку повесьте шелковую.
Поведите удалова добра молодца,
30 Не водите вы его вдоль по улице,
Поведите вы его позади дворца,
Не увидела бы королевшна!»
На первую ступень ступил молодец:
«Прости, прости, мой отец и мать!»
35 На другую ступень ступил молодец:
«Прости, прости, весь род-племя!»
На третью ступень ступил молодец:
«Прости, мой свет королевшна!»
Далеко королева голос слышила,
40 Бежала во свой во высок терем,
Брала она свои золоты ключи,
Отпирала шкатулку серебряну,
Вынимала два ножичка булатные,
Поролла свои груди белые.
45 Молодец во чистом поле качается,
Королевишна на ноженьках кончается.
Прошел к ней скоро родной батюшко,
Не успел король лише взозрити,
Увидел убиту королевшну.
50 И он бил свои руки о дубовой стол:
«Ах, свет ты моя дочь любезная!
Для чего мне заране не поведала,
Что жила во любви с добрым молодцом?
Уж я бы добра молодца пожаловал,
55 От смерти б добра молодца помиловал!»
Закричал-завопил громким голосом:
«Уж есть ли у меня слуги верные?
Пошлите ко мне двух грозных палачей,
Рубили бы головы доносчикам,
60 Кто доносил на королевшну!»

54

[ПАРОДИЯ]

У дороднова доброва молодца
 Много было на службе послужено,
 На печи было в волю полежено.
 Дослужился я, доброй молодец, до край печи.
 5 И увидел корыто предолгое,
 Он спросил ли у товарищев:
 «Не та ли то Волга, широка да долга,
 Широка да долга, крутобережна?»
 Что увидел он во ставчике ложечки:
 10 «Не те ли то веслы, что на Волге гребутся?»
 У дороднова доброва молодца
 Много было на службе послужено,
 С шелепом за свиньями было похожено,
 Много цветнаго платья поношено,
 15 По подоконью онуч было попрошено,
 И сахарного куска поедено,
 У ребят корок отымано,
 На добрых конях было поезжено,
 На чужие дровни приседаючи,
 20 Ко чужим дворам приставаючи.
 У дороднова доброва молодца
 Много было на службе послужено,
 На поварнях было посижено,
 Кусков и оглодков попрошено,
 25 Потихоньку без спросу потаскано,
 Голиками глаза были выбиты,
 Ожегом плечи поранены.

55

[ПАРОДИЯ]

Как у нас на Дону —
 В избе на полу,
 На крутых на горах —
 На печи во углах,
 5 Под зеленою дубровою —
 Под вениками,
 Под кудрявым деревом —
 Под ступою
 Дрались Танюха с Матюхою
 10 Большим оружием — мутовками.
 Стрельба была веретенная,
 Заряжали плошки горшками.
 Убили они татарина кривога
 И сняли с него кафтан берестеной,
 15 Сняли с него кушак мочальной.
 Пошел Матвей на разбой с топором,
 Разбил Матвей кисель с молоком,

- А кашу-горюшу в полон он взял,
 Яшницу на шестке сказнил.
 20 Скворода была долготязычлива,
 Сказала, в печи-де блины горячи.
 Блины-горюны догадалися,
 За пазухи разбежалися,
 Пшеничной пирог во городе сидел,
 25 Во славном во городе — на конике,
 Пшеничному-то сгибню он хрип переломил.
 Как садился молодец на быструю лошадь,
 Подымался он по поднебесью,
 Он хватал ли гусей, лебедей,
 30 Не сходя с печки ни трех он пядей.

56

[ПТИЦЫ НА МОРЕ]

- Протекало теплое море,
 Слеталися птицы стадами,
 Садилися птицы рядами,
 Спрашивали малую птицу,
 5 Малую птицу синицу:
 «Гой еси ты, малая птица,
 Малая птица синица,
 Скажи нам всю истинную правду,
 Скажи ты нам про вести морские,
 10 Кто у вас на море большие,
 Кто у вас на море меньшие?»
 Провещает малая птица,
 Малая птица синица:
 «Глупые вы, русские пташки,
 15 Все птички на море большие,
 Все птички на море меньшие.
 Орел на море — воевода,
 Перепел на море — подъячий,
 Петух на море — целовальник,
 20 Журавль на море — водоливец,
 То-то долгие ноги,
 То-то французское платье,
 По овсяному зернышку ступает;
 Чиж на море — живописец,
 25 Клест на море — портной мастер,
 Сова у нас на море — графиня,
 То-то высокие брови,
 То-то веселые взгляды,
 То-то хорошая походка,
 30 То-то желтые сапожки,
 С ножки на ножку ступает,
 Высокие брови подымает;
 Гуси на море — бояра,
 Утята на море — дворяне,
 35 Чирята на море — крестьяне,

- Воробьи на море — холопя,
Везде воробейко срывает,
Бит воробейко не бывает;
Лебеди на море — князи,
40 Лебедушки на море — княгини,
Желна у нас на море — трубачей,
Ворон на море — игумен,
Живет он всегда позадь гумен;
Грачики на море — старцы,
45 Галочки — старочки, черьнички,
Ласточки — молодички,
Касаточки — красные девочки;
Красная рожа ворона,
Зимою ворона по дорогам,
50 Летом ворона по застрехам;
Рыболов на море — хорчевник,
Дятел на море — плотник,
Всякое дерево он долбит,
Хощет нам храм соорудити;
55 Сокол у нас на море — наездник,
На всякую птицу налетает,
Грудью ее побивает;
Кулик на море — россыльщик,
Кокушка та — вздорная кликушка,
60 Блинница на море — цапля,
Чечет — гость торговой,
Сорока — то у нас щеголиха,
Без колача не садится,
Без милова спать не ложится,
65 Без сладкого меду не вставала,
Пешая к обедни не ходит,
Все бы ей в богатых колымагах,
Все бы она во коляске,
Все бы ей кони воронные,
70 Все бы ей кореты золотые,
Все бы ей робята молодые,
Все бы молодые, холостые;
Бедная малая птичка,
Малая птичка синичка,
75 Сена косить не умеет,
Стада ей водить не по силе,
Гладом я, птичка, помираю».

П Р И Л О Ж Е Н И Я

I. ТЕКСТЫ С РАЗДЕЛЕНИЕМ НА СТИХИ

1 (27)

[АЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН ЗМЕЕВИЧ]

- «И над сильными могучими богатыри,
Лишь не шути над Тугарином Змеевичем:
Тугарин Змеевич, усердия добрая,
Не любит шутики тоя чежелыя».
- 5 Что взговорит млад Алеша Попович:
«Государь ты, ласков князь Владимир киевской!
Али ты, государь, с княгинею не в любви живешь,
Что промеж вас болван сидит нетесоной?»
Что взговорит чашник фрязин Матвей Петрович:
- 10 «Ой еси ты, млад Алеша Попович!
Не шути ты шуткою несвойскою
Над Тугарином Змеевичем:
Тугарин Змеевич, усердия доброва,
Не любит шутики тяжелыя».
- 15 Что взговорит чашнику млад Алеша Попович:
«Ой еси ты, фрязин Матвей Петрович!
Не печалуйся ты об Олеше Поповиче,
Печалуйся о Тугарине Змеевиче.
А за меня печалуетца спас и пречистая богородица».
- 20 И приходит день к вечеру,
А уже идет пир на вече,
Подадут еству девятую лебядь белою.
И как будет пир навесе,
Учили князи и бояре напиватися
- 25 И сильныя могучия богатыри похвалятися.
Что взговорит ласков князь Владимир киевской:
«Есть ли мой чашник фрязин Матвей Петрович!
Налей чару в полпятá ведра меду сладково
За Тугарина Змеевича здравие».
- 30 И подносит великий ласков князь Владимир киевской
Меду сладкова Тугарину Змеевичу
Чару в полпятá ведра,

- И он ее выпивает одитным духом дбсуха.
 После того подносили ту ж чару меду сладково
 35 Младу Алеше Поповичу,
 И Олеша Попович, прикушев, подает Торопу,
 Слуге своему парабку,
 А сам говорит такова слово:
 «Ой еси ты, Тороп, слуга парабок!
 40 Прими чару меду сладкова в полпятá ведра:
 Сам пей и подле себя потчивай
 Князей и бояр и свою братью сильных могучих богóтырей.
 Не будь ты обжирчив в Тугарина Змиевича:
 У нас была у батюшка моего,
 45 У Федора, попа соборного,
 Корова обжерчива —
 Шотчи на поварню да барды опилась».

2 (37)

ПОВЕСТЬ О КНЯЗЕ ВЛАДИМЕРЕ КИЕВСКОМ И О БОГАТЫРЯХ
 КИЕВСКИХ, И О МИХАЙЛЕ ПОТОКЕ ИВАНОВИЧЕ,
 И ЦАРЕ КАЩЕЮ ЗАЛАТОЙ АРДЫ

- В славном граде Киеве,
 У великава князя Владимира киевскава Всеславьевича,
 Было пированье великое,
 На многие князи и бóяры
 5 И сильныя могучия богáтыри.
 Как будет у них пир навеселе,
 Что зговорит великий князь Владимир киевский:
 «Ой еси, князи и бóяры.
 И сильныя и могучия богáтыри!
 10 Есть ли кто у меня служить три службы великия:
 Кто бы ехал в землю Турскую.
 Взял бы дани и выходы;
 Кто бы ехал в землю Задонскую,
 Взял бы дани и выходы;
 15 Кто бы ехал в землю Алевицкую,
 Взял бы дани и выходы
 За тридцать лет и за три годы?»
 Вставал из места славнай богатырь Илья Муромец,
 А сам зговорит таковó слово:
 20 «Свет государь, великий князь Владимир киевский,
 И князи и бóяры,
 И сильныя могучия богáтыри!
 Что ниhto ответу не даст?
 Большой за мёньшово,
 25 А у меньших ответу нет».
 Сам зговорит слово похваляючись:
 «Свет государь, великий князь Владимир киевский!
 Я поеду в землю Турскую,
 Возьму дани и выходы».
 30 Что зговорит Михайла Поток Иванович:
 «Свет государь, великий князь Владимир киевский!

- Я поеду в землю Задонскую,
Возьму дани и выходы».
Что зговорит Алеша Попович:
35 «Свет государь, великий князь Владимир киевский!
Я поеду в землю Алевитцкую,
Возьму дани и выходы
За тридцать лет и за три годьы».
И те речи великому князю полюбилися,
40 Подносит им чары зеленá вина,
И запивают меды сладкими,
И с великим князем прощаютьца,
И называютца братьями названными,
И садятца на свои добры кони,
45 И едут из града Киева.
И меж сабою таково слово молвили:
«Братцы милыя!
Хто у нас наперед приедет до Киева,
А каво не будет о́после,
50 И нам ехать таво сыскивать».
А сами поехали на́розно,
Всяк своим путем.
Михайла Поток Иванович
Поехал возле моря синева.
55 Ажно по морю плавает лебядь белая.
И Михайла вымает из налучи свой крепкой лук,
И из колчана колену́ стрелу,
И хочет убить лебядь белую.
И она ему провещится человеческим голосом:
60 «Свет государь, Михайла Поток Иванович!
Не стреляй меня, лебяди белыя:
Я по морю плаваю лебедью,
А перед табою стану красною девицаю».
И Михайла не успел в налуч положить крепка лука,
65 И в колчан колену́ стрелы,
Ажно перед ним стала красною девицаю.
И Михайлу она полюбилася;
И берет ея Михайла за руки белыя,
И цалует во уста сахарныя,
70 И сажает на свой доброй конь.
И взял дани и выходы,
И едет ко граду Киеву,
И белую лебядь с сабою же взял.
И приехал до Киева,
75 Становитца на свой богатырской рвор
И идет ко князю Владимиру,
Сам зговорит таково слово:
«Свет государь, великий князь Владимир киевский!
От меня тебе служба заслужена,
80 Привез дани и выходы на́скоре».
Что зговорит князь Владимир киевский:
«Свет Михайло Поток Иванович!
Тебе у меня за службу залата казна не запечатана,
И кони на стойле не заперты».

- 85 И Михайла бьет чалом о сырú землю,
И подносит ему чары зеленá вина,
И запивают меды сладкими.
И Михайла зговорит такавó [слово]:
«Свет великий князь Владимир киевский!
- 90 Ехал я возле моря синева,
Ажно по морю плавает лебядь белая;
И я вынял из налучи свой крепкой лук
И из колчана коленú стрелу,
И хотел убити лебядь белую.
- 95 И она мне провещитца человеческим голосом:
„Свет Михайла Поток Иванович!
Не стреляй меня, лебяди белыя:
Я по морю плаваю лебядью,
А перед табою стану красною девицаю“
- 100 И я не успел в налуч положить крепкá лукá
И в колчан коленú стрелы,
Ажно передо мною стала красною девицаю.
И мне она полюбилась,
И я привез ея во Киев-град».
- 105 Что зговорит великий князь Владимир киевский:
«Свет Михайла Поток Иванович!
Перепусти мне тое девицу красную».
Что зговорит Михайла Поток Иванович:
«Я ее, государь, тое девицу взял за саблю,
110 Я сам с нею свенчаюся».

И крестил ея, и венчался с нею, и венчал их владыко черниговский, и дал ей имя: Белая Лебядь Авдотья Лиховидовна.

И почал с нею любезно жить.

3 (42)

СКАЗАНИЕ О ТРЕХ БОГАТЫРЯХ КИЕВСКИХ. О СЛАВНЫХ ВИТЕЗЯХ — [О] ИЛЬЕ МУРОМЦЕ, О АЛЕШЕ ПОПОВИЧЕ, [О] МИХАИЛЕ ПОТОК[Е] ИВАНЫЧЕ

- Во славном было городе Киеве,
У князя Владимира киевскаго,
Был пир на вéчере,
Про всех князей и бояр,
5 Про сильных могучих богáтырей.
И как будет у них пир на вéчере,
Возговорит князь Владимирь таково словó:
«Все вы, мои князи и бóяры
И сильныя могучия богатыри!
- 10 Ест ли из вас кому сослужить
Службы три великия:
Кто б ехал в землю Турескую,
Взял бы дани-выходы
За тридцать трí годá?
- 15 Кто бы ехал в землю Задонскую,
Взял бы дани-выходы

За тридцать три годá?
 И кто бы ехал в землю Алевитцкую,
 Взял бы дани-выходы
 20 И тут за тридцать три годá?»

И тут все князи и бояры и вельможи призадумались. Никто великому князю ответу не дает:

Большие хоронятца за меньших,
 А [y] меньшие давно ответу нет.

И тут возговорят сильныя могучия богатыри. Илья Муромец — таково слово:

«Свет государ, князь Владимир киевской!
 Я, государь, еду в землю Турескую,
 25 Возьму дани-выходы
 За тридцать три годá».

Михайло Поток Иваныч говорит таково слово:

«Свет государь!
 Я еду в землю Задонскую,
 Возьму дани и выходы
 30 За тридцать три годá».
 Алеша Попович возговорит таково слово:
 «Я, государь, еду в землю Алевидскую,
 Возьму дани-выходы
 За тридцать три годá».

И те речи великому князю полюбились, и стал князь Владимир за те речи

35 Подносить чару зеленá вина,
 И запивают меды сладкими.
 С великим князем Владимиром прощаютца,
 Да меж себя называютца братьями названными.
 И садятца на свои добрыя кони,
 40 Из Киева вон поехали.
 И как будут за пять верст,
 И меж себя прощаютца,
 А сами возговорят таково слово:
 «Братцы-де милые!
 Кто из вас наперед в Киев-град приедет,
 А ково не будет,
 45 А после нам того сыскивать».

И, простясь, все поехали в разные дороги, всяк своим путем.

Илья Муромец поехал на реку Смородину, на мосты калиновые, на Соловья-разбойника; усе ти дороги залегила равно тридцать лет: никакой человек, ни коней, ни пешей, не прохаживал. Алеша Попович поехал дорогой старорюскою.

А Михайла Поток Иваныч поехал дорогой светорусскою, возле моря синева, и увидел — на море плавает лебедь белая. И тут Михайло Поток Иваныч вынимает из нолучи свой крепкой [лук], из колчана каленú стрелу, и хощет убить лебедь белую. Она ему прогласила человеческим голосом, рече она: «Государь Михайло Поток Иваныч, не стреляй меня, лебедь бе-

4 (43)

[ИВАН ГОДИНОВИЧ]

- «За Вахромия Вахромиевича.
И ты как себе начнешься,
Волею даст и неволею возьми,
Силою возьми батырскою,
5 А грозою княжецкою
Великого князя Владимира».
Как будет Иван Годиневич
Под городом Черниговым,
У ворот приворотников не спрашивал,
10 А у дверей придверников,
Но ударил он в врата стеклчатые
Вострым копьём своим.
Воротечка скочили серед двора и раскололися,
И верей пошаталися,
15 Тынинки все повалилися.
Как будет Иван Годиневич
Среди двора гостиново,
Выходил Дмитрий-гость, богат купец,
На свое на крылечко на красное,
20 Сам сговорит таково слово:
«Гой еси, Иван Годиневич!
Что ты ко мне на двор нечестно въехал
И говоришь со мною безобсмыслочно?»
Проговорит Иван Годиневич:
25 «Гой еси ты, Дмитрий-гость, богатой купец!
Для того яз на двор к тебе нечестно еду,
Дай ты за меня чадо свое милое,
Красну Настасью Дмитриевну
С любовью великою,
30 Волею дашь и неволею возьму,
Силою батырскою, а грозою княжецкою».
Сговорит Дмитрий-гость, богатой купец,
Молоду Ивану Годиневичу:
«Как мне с тобою будет ладити?»
35 У меня уже дочи просватана,
За море за синее,
Во славну землю во Лабскую,
За царяща поганово,
За Вахромия Вахромиявича.
40 И ты как себе начнешься ли
Уехати ко стольному граду ко Киеву,
К великому князю в ясны очи?»
Неунимчиво сердце багатырское
Молода Ивана Годиневича,
45 Не меды сытити, не пива варить.
Походило во грядне столованье почестное,
Садилась за столы за дубовы,
За ествы сахарные и за питья медвяные.
Имал Настасью за белы руки,

- 50 За ея перстни злаченя,
Бьет челом Иван Гоудинович
Дмитрию-гостю, богату купцу,
На хлебе да на соли,
Сам пошел вон из гридни столовые
- 55 И скоро сажился на конь с добрыми молодцы с удалыми,
Поехали они в чисто поле.
Расставил Иван Гоудинович
Бел шатер в чистом поли,
И стал с Настасьею опочив держать.
- 60 А добрым молодцам говорит Иван таково слово:
«Поедьте вы, удалые добрые молодцы,
Первые сто на лесы на темныя
И убейте вы лань златорогую
К моему столу брачному.
- 65 А другое мое сто молодых молодцов,
Подите далече во чисто поле
И убейте вы мне диково вепря.
Вы гой естя, третие сто вы добрые молодцы удалые,
Подите вы на заводи на тихие,
- 70 Настреляйте мне к столу брачному
Много гусей и лебедей».
И как розъехалась ево вся дружина хоробрая
На ловы звериных,
На ево участие великое.
- 75 И как учул поганой царь,
Что не стало красные Настасьи в Чернигове
У гостя у Дмитрия,
Обвертывался он ясным соколом
И скоро летел из-за синя моря и к лесу темному,
- 80 Обвернулся он гнедым туром
И выходил на поле на чистое,
И обвертывался он молодым молодцом.
Как будет он у шатра Иванова,
Сам сговори таково слово:
- 85 «Гой еси ты, молодой Иван Гоудинович!
Выди ты вон из бела шатра полотняново,
Мне хочется с тобою переведаться
И перемирье взять о красной Настасье Дмитреевне».
Выходил Иван Гоудинович
- 90 В одних чулках и без чеботов,
В одной сорочке и без пояса.
Имал Иван Гоудинович
Поганово царя за белы руки,
Ударил царя о сыру землю матерую,
- 95 Нальня под ним земля потряслася,
Сажился Иван царю поганому на белы груди,
Вынимал он свой булатной нож,
На мусате ножичек наставлявает,
Хочет он у царяща поганово
- 100 Спороть груди белыя
И закрыть очи ясныя.
Взмолитца царяща поганое:

- «Ой еси ты, Настасья Дмѣтриевна,
Выди ты вон из белá шатра,
105 Свор[от]ити с меня Ивана Годиновича,
Яз тебя за собя возьму,
А станешь ты слыти царицею,
И все орды нам поклонятся.
А как ты будешь, Настасья, за Иваном за Годиновым,
110 И тебе слыть будет холопкою
Во дворе у Владимира киевсково».
У всякие-де у женщины
Волосы долги, а ум короток.
Выходила Настасья из белá шатра,
115 Имала Ивана за белú ногú,
Своротила ево с царѣща поганово.
Садился царѣщо на белы груди
Молоду Ивану Годиновичу.
Вынимает свой булатной нож,
120 На мусатичке ножичек наставлявает,
Хочет он спороть груди белые
И закинуть очи ясные.
Сам говорит таково словó:
«Для тово яз тебе белых грудей вскоре, Иван, не спору,
125 Что ты скоро не спорол у меня».
И привязал он Ивана ко сыру дубу кряковисту,
Сам пошел царѣщо поганое
К красной Настасье Дмѣтриевне
Опочив держать в белой шатер.
130 По божье было по милости,
А молоду Ивану по счастью,
Издаlechа поля чистово
Прилетали два голубчика малешенки,
Садился на тот сырой дуб.
135 Выходил царѣщо из белá шатра,
Имал Иванов тугой лук
И стрелял по тем малым голубкам.
Взвилася та высоко каленá стрела под óблаки,
И пала та каленá стрела
140 Поганому царѣщу в голову.
И расколело ему буйну главу
Против сердца ретивово,
И ударило его о сыру землю матерую.
Выходила Настасья красная
145 Из своего белá шатра,
Сама сговорит таково словó:
«Охти яз, молода, согрешила,
От берегу отстала, а к другому не пристала!»
Взмолитца ей Иван Годинович:
150 «Ой еси ты, красна Настасья Дмѣтриевна,
Отвяжи ты меня от сыра дуба кряковистого,
А яз не стану ни бить, ни мучить,
Только лишь тебе поученье дам,
Как мужи жен учат».
155 Отвязала молода Настасья красная

- Ивана от сырá дубá.
 Пришел Иван Годинович
 К Настасье в белóй шатер,
 Имал свою сабельку булатную вострую,
 160 Сечет Настасье по колен ноги и руки по локот сечет,
 Сам говорит таково словó:
 «Те мне руки и ноги не надобет,
 Которые помогали царищу поганому».
 И отрезал Настасье нос с губой:
 165 «Ете мне губы не надобно,
 Которые целовали царйща поганово,
 Вот тебе, Настасья, воля на все четыре стороны,
 Хотя вдовой седи́, хотя замуж поди».
 Мал час поизóйдучи,
 170 Приехали из поля добрые молодцы его уда́лые,
 Привезли пítеры и е́деры всякие.
 Проговорит Иван Годинович:
 «Не надобет мне ни пítера ваша, ни ествá сахáрная,
 Потому что яз для Настасьи красные
 175 Немного сам головы не отстал
 От того царйща поганово,
 Вахромия Вахромиевича.
 Вы гой естя, мои братцы товарищы,
 Отликие удалые добрые молодцы,
 180 Вы седлайте скоро добры кони́
 Поедем мы к городу ко Киеву,
 К великому князю Владимиру».
 Как будет Иван Годинович
 Пред князем Владимиром киевским,
 185 Говорит Владимир таково словó
 Молоду Ивану Годиновичу:
 «Здраво ты, Иван, под венцом стал
 С красной Настасьею Дмитриевною?»
 Сговорит Иван Годинович:
 190 «Свет государь ты, мой дядюшка,
 Князь Владимир киевской,
 Ездил яз к городу Чернигову
 По Настасью Дмитриевну,
 Яз для ради ея, Настасьи красныя,
 195 Мало головы не отстал.
 Не хочу, государь дядюшка,
 Больши того жениться,
 Но хочу постричься,
 Потому что мне в них участия нет.

Конец багатырю.

5 (44)

[СТАВЕР ГАДЕНОВИЧ]

- ... [боя]рин Ставер Гаденович:
 «Ой есте вы, князи и бóяре
 И сильныя могучия богáтыри!
 Есть у меня молода жена
 5 Василиса Микулишна.
 По ее счастью есть у меня золота казна:
 Николи казна не держитца,
 Всегда казна исполняется.
 И есть у меня триста молодцов —
 10 Все молодцы перебóрчетыя,
 Молодец молодца лутче:
 Николи жь молодцы не стареютца.
 Да есть у меня триста жеребцов,
 А все жеребцы латынския:
 15 Николи жеребцы не изъездятца».
 И зговорят князи и бóяре,
 И сильныя могучия богатыри,
 И мужики торговья:
 «Ой еси ты, бояринь Ставер Гаденович!
 20 Почему у тебя золота казна не держитца?»
 И зговорит боярин Ставер Гаденович таково́ слово:
 «Потому у меня золота казна не держитца,
 Что я из той казны деньги в рость даю,
 И темь я ростомь год живу,
 25 Потому моя казна не держитца».
 — «Почему у тебя молодцы не стареются?»
 И взговорит бояринь Ставер Гаденович таково́ слово:
 «Потому у меня молодцы не стареются:
 Пьют, едят, а сами потешаютца
 30 И никакой кручины не ведают;
 Чеботы носить по-турецкому —
 Шиломь пяты, носки в[о]стрия,
 Однорядки носят по-посольскому — скорлять сукно,
 Колпаки носят, плащи золотыя,
 35 Потому молодцы не стареютца».
 — «Почему у тебя жеребцы не изъездатца?»
 И взговорит бояринь Ставер Гаденович таково́ слово:
 «Потому у меня жеребцы не изъездятца:
 Севодни я поехал на том жеребце,
 40 А завтра поеду на другом жеребце,
 Всегда у меня жеребцы переменныя,
 Потому они не изъездятца».
 И лихи были в Киеве оговорщики:
 Оговорили оне князю Владимиру киевскому
 45 Боярина Ставра Гаденовича
 Небыльными словесами и ложными:
 «Государь ты наш, князь Владимир киевской!
 Пьешь, ешь и потешаешься,
 А тово себе не ведаешь:

- 50 Есть у тебя на пиру бояринь Ставер Гаденович,
 Стольнова града Чернигова,
 А за очи говорить таково́ слово:
 „Я-де в Киеве-гради больши великако князя Владимира
 и богáтея“».
- И тут князь Владимир на него раскручинился,
 55 Велел его скоро пред собою поставити.
 И скоро поставили боярина Ставра Гаденовича
 Перед князя Владимира киевскаго.
 Что взговорить князь Владимир киевской:
 «Ой еси ты, боярин Ставер Гаденович!
 60 Негораздо ты за очи похваляешься
 И говоришь таково́ слово:
 „Что-де я в Киеве богáтее князя Владимира“».
 И взговорит боярин Ставер Гаденович:
 «Аз, государь, никакова слова про тебя не говаривал».
- 65 Бог над Ставром прогневался,
 Государь великий князь Владимир раскручинился,
 Велел ево посадить в глубок погребь сорока сажён
 И закрыть доскою железною,
 И засыпать песками желтыми.
- 70 И повели боярина Ставра Гаденовича
 В глубок погреб сорока сажён.
 И что взговорит боярин Ставер Гаденович:
 «Ой еси ты, мой слуга поваренной!
 Садись ты скоро на жеребца латынскаго,
 75 Поедь к стольному граду Чернигову
 К моей молодой жене к Василисе Микулишне,
 Отправь ей от меня челобитье великое:
 „Бог над Ставром прогневался,
 Государь великий князь Владимир раскручинился,
 80 Велел ево посадить в глубок погребь сорока сажён,
 И засыпать песками желтыми,
 И закрыть доскою железною“».
 И скоро детинко садился на жеребца на латынскаго,
 И поехал к стольному граду Чернигову.
- 85 И как будет в Чернигове-граде,
 Въезжает на царской двор, с коня не слажучи,
 Бежит во светлую горницу, не обсылаючи,
 Молитца чудным образом,
 Бьет челом Василисе Микулишне,
- 90 А сам говорит таково́ слово:
 «Государыня Василиса Микулишна!
 Привез я к тебе вести нерадостныя:
 Бог над Ставром прогневался,
 Государь великий князь Владимир раскручинился,
 95 Велел ево посадить в глубок погреб сорока сажён,
 И закрыть доскою железною,
 И засыпать песками желтыми».
 И тут Василиса Микулишна была догадлива,
 Скоро она догадалась:
- 100 Пошла она в хоромы опри́шенные,
 Скидовала с себя волосы женския,

- Завивала кудри молодецкия,
Надевала на себя платье посольское,
Скоро садилася на жеребца латынского,
105 Имала съ собою триста молодцов, —
Молодец молодца лутче,
Все молодцы переборчетыя,
Будто едет млад посол,
Млад Василей Иванович,
110 Из тое земли из Галацкия,
От короля польскова,
Править посольство великое.
И поехал млад посол Василей Иванович
К стольному граду Киеву,
115 К великому князю Владимиру киевскому,
Тою дорогою продольную,
На лесы на Бранския,
На грязи на черныя,
На реку на Смородину,
120 На Соловья на разбойника.
И как будет грозен посол
Млад Василей Иванович
Близко стольнова града Киева,
В тех лугах государевых,
125 И тут велел белы шатры белобельчетыя росставить,
А посольской шатер не мешаецца с теми:
Маковка у шатра золотая,
Золота аравитское.
И малой час поизбѣдучи
130 От стольнова града Киева,
От князя Владимира киевскога,
Мимо шатра посольскова
Гонить скорой гонец в Чернигов-град.
И что згѣворит грозен посол,
135 Млад Василей Иванович:
«Ой есть вы, мои слуги и дворяня молодцы!
Переймите вы скорова гонца,
Поставьте его передо мною».
И скоро туть кинулись, и поймали гонца,
140 И привели пред грознаго посла,
Млада Василья Ивановича.
Что взгѣворить грозен посол,
Млад Василей Иванович:
«Ой еси ты, скорой гонец!
145 Куды ты гонишь наскоро?»
И взгѣворит ему скорой гонец:
«Государь ты, грозен посол,
Млад Василей Иванович!
Я еду от стольнаго града Киева,
150 От князя Владимира киевскога,
А еду в стольной град Чернигов
Переписать золоту казну
Боярина Ставра Гаденовича».
И что взгѣворит грозен посол,

- 155 Млад Василей Иванович:
 «Ой еси ты, грозен посол, скорой гонец!
 Поедь ты скоро назад к стольному граду Киеву,
 К великому князю Владимиру киевскому,
 Да скажи ему про меня:
- 160 „Государь мой князь Владимир киевский!
 К твоему здоровью идет, государь,
 Млад посол Василей Иванович
 Из земли Галацкия,
 От короля польскова,
- 165 Править посольство великое“».
 И скоро скорой гонец
 Назад поехал в Киев-град,
 И сказал князю Владимиру все по ряду,
 По словеси грозного посла
- 170 Млада Василья Ивановича.
 А сам посол, не мешкая,
 За гонцом в Киев-град приеждяючи,
 Ставился на посольской двор.
 Как будет третьей день,
- 175 Звал князь Владимир киевской
 Грозного посла млада Василья Ивановича
 На почестной пир.
 А как будет по порам,
 Пошел грозной посол
- 180 На почестной пир.
 И как будет грозен посол
 Млад Василей Иванович
 Среди двора государева,
 И тут его встречают князи и бьяре,
- 185 И взяли ево под руки белыя,
 Повели в полаты каменные,
 Посадили на место посольское.
 И как пошел почестной пир,
 И почели пить и ясти и потешатися,
- 190 И увидела Апраксея-королевишна
 Грозна посла млада Василья Ивановича,
 А сама говорит таковó слово:
 «Государь ты, князь Владимир киевской!
 Не быть то грозну послу
- 195 Младу Василью Ивановичу, —
 Быть Василесе Микулишне,
 Ставровой жене Гаденовича!»
 И что взговорить князь Владимир киевской:
 «Ой еси ты, княгиня Апраксея-королевишна!
- 200 Мошно то нам розведати,
 Лише бы не опозоритца».
 И как у князя Владимира стол отшел,
 И после стола пошла потеха молодецкая,
 И что взговорить князь Владимир киевской:
- 205 «Ой еси ты, грозен посол
 Млад Василей Ивановичь!
 Есть ли теперво с тобою умеющия борцы,

- С моими бы борцы поборолися,
А нас бы с тобою потешили?»
210 И что взгóворит грозен посол
Млад Василей Иванович:
«Государь ты, князь Владимир киевский!
Теперво со мною борцов нету:
Не ведал я потехи молодецкия,
215 Твоего слова государева,
И я затемь борцов не брал.
Разве, государь, мне самому поборотися,
А тебя, государь, потешити?»
И пошел грозен посол на царев двор,
220 И учел по двору похаживать,
Ручки и ножки поправлявать.
И в ту пору князь Владимир из хором смотрил,
Из окошка стекольчетова.
И выходят пять борцов умеющих,
225 И учили боротися.
Первому борцу голову сломил,
Другому борцу руку выломил,
Третьему борцу ногу выломил,
Четвертаго борца за тын кинул,
230 А пятой борец в таскáх забежал.
И тут млад посол Василей Иванович
Бьет челом князю Владимиру киевскому
Своею потехою молодецкою.
А сам говорит таковó слово:
235 «Государь ты, князь Владимир киевской!
Я тебя тешил своею потехою молодецкою,
Вели, государь, меня потешить:
Дай мне играца, кой бы горазд в гусли играть
И проводил бы меня на посольской двор».
240 И князь Владимир стояючи задумался,
Что нет в Киеве играца гораздова.
И вспало на ум князю Владимиру
Про боярина про Ставра Гаденовича,
И велел его вынуть из глубока погреба,
245 И велел ему дать звончатыя гусли,
И пошел Ставер Гаденович
За грозным послом на посольской двор.
И как будет на посольском дворе,
И згóворит млад посол Василей Иванович:
250 «Помнишь ли ты, Ставер Гаденович, про меня,
Или ты меня знаешь ли, или нет?»
И взгóворить боярин Ставер Гаденович таковó слово:
«Аз про тебя и не слыхивал,
Не токмо что мне тебя знать».
255 И что взгóворит грозен посол
Млад Василей Иванович:
«А помнишь ли ты,
Боярин Ставер Гаденович,
Коли мы с тобою ребячью игрушку игравали:
260 У тебя была сваечка серебряная,

А у меня было колечко золотое,
И ты в мое колечко часто попадавал?»
И тут боярин Ставер Гаденович догадался:
Имались оне за руки белыя,
265 Целовались во уста сахарныя.
И великой князь Владимир киевской
Опять их пожалывал
Стольным градом Черниговым,
И отпустил их с великою честью,
270 И учал ево жаловаты лутче старова.
И оне поехали в Чернигов-град,
И учили жить и быть по-старому лутче прежнего.
И учили пити и ясти и веселитися по-прежнему.
И начел их князь Владимир жаловать лутче старова.

Конец.

II. БЫЛИННЫЕ СЮЖЕТЫ В ЛИТЕРАТУРЕ И ЛУБКЕ XVIII ВЕКА

1

СКАЗКА О СЛАВНОМ И ХРАБРОМ БОГАТЫРЕ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И СОЛОВЬЕ-РАЗБОЙНИКЕ

С какою охотою читают многие о древних временах, больше любопытные и приятные, нежели полезные и справедливые издания, довольно известно; да и я в скучное время такого рода сочинения читал, но, к крайнему моему сожалению, не нашел там о славном и храбром богатыре Илье Муромце повествования, которое казалось, что тем нужнее прочих, что оный именитый витязь родился у нас, если должно верить тем исправным историкам, которые слышав по преданию от старинных людей, вместилица древности, какую повесть издавали в свет на листках. И так во удовольствие некоторых любителей вознамерился я о сем знаменитом герое написать историю не витийственным, но простым слогом.

В Муромском уезде, в селе Карачарове, жил некоторой крестьянин по имени Иван Тимофеев. После женитьбы его с крестьянскою дочерью Евфросиньею Яковлевою родился сын, которого они весьма любили. Звали его Ильею. Он сидел сиднем тридцать лет, по прошествии коих начал ходить, и такую ощутил в себе силу и твердость, что никто из того села, ни из окрестных мест в том с ним не равнялся. Спустя несколько времени просил он у родителей своих благословения, чтобы они отпустили его в Киев богу помолиться и князю поклониться. Хотя с великою печалию, однако согласились на то его родители, и он получает от них позволение, сделал себе ратную сбрую и оседлал богатырского коня. С сих пор будем мы его величать храбрым воином Ильею Муромцом.

Храбрый воин Ильея Муромец стал прощаться с своими родителями, кои на него налагают заклятие, чтобы он не ездил прямо на Чернигов и, будучи в своем пути, не делал никому обид и не проливал бы напрасно христианские крови. Видим мы теперь Ильею Муромца, отъезжающего из села Карачарова в Киев. Забвению предано, сколько верст он отъехал от своего селения, как очутился в дремучих и непроходимых лесах. Обитающие в оных лесах разбойники, увидя Ильею Муромца, разгорелись сердца их на коня его богатырского и стали между собою сговариваться, чтоб оную у него отнять. Видно, что лошадь его была очень хороша, потому что раз-

бойники никогда, как известно из его истории, не видывали ни в каких местах сановитее и проворнее оной. Не долго думали разбойники, тотчас все согласились отнять у него его богатырского коня. И так стали на него наезжать человек по пяти, по десяти, по двадцати и так далее. Илья Муромец останавливает своего доброго коня, вынимает из колчана калену стрелу, накладывает оную на богатырский лук и пускает под землю, которая стала рвать землю в косую сажень. Разбойники, видя то, пришли в робость и, собравшись в один круг, пали пред Ильєю Муромцем на колени, говоря ему следующее: «Храбрый воин, отпусти нашу вину, что мы сомневались напасть на тебя в том намерении, чтобы отнять у тебя твоего доброго коня, и в знак нашего к тебе повиновения и покорности бери ты сколько тебе угодно золота и серебра или цветного платья». Илья Муромец отвечает им: «Добрые молодцы, не надобно мне вашего ничего, я прощаю вас и так, но только с тем, чтобы вы вперед никогда не отваживались разбойничать».

Разбойники приказание его обещались исполнить в точности, а он поехал в намеренной им путь к городу Киеву. Уже подъезжает к Чернигову, как видит под оным стоящих и осаждающих его воинов великое множество, так что исчислить оных трудно, да и почти невозможно. Сие войско, видно было, жестокого народа, потому что оно, осадивши город и опустошивши окрестные места, имело намерение, не щадя ничего, все предать огню и самого воеводу черниговского в полон взять. Илья Муромец хотя весьма ужасался, взирая на бесчисленность оного войска, однако положился по долгом размышлении на власть того, кому поклонялись тогда черниговские жители, и вздумал кончить недавно начатую жизнь свою за веру христианскую. И так въезжает он в самую средину осаждающих воинов, побивает богатырскою своею саблею и копьем булатным всех ему попадающихся; наконец, обращает в бег оставшихся живых и берет в полон самого начальника осаждающей армии, ведет его и многих с ним к городу Чернигову; тогда встречают его все граждане, изъявляя ему ту искреннюю благодарность, которую в их сердцах вселить могла радость, происходящая от освобождения города от осады. Сам воевода черниговский принимает храброго воина Илью Муромца с великою честью в свои великолепные покои, в коих довольствуется всем тем, что ему нравилось. Многие дни происходило в городе Чернигове торжество. Улицы были наполнены множеством граждан, один другого поздравляющих с благополучною победою неприятеля. Везде раздавались радостные крики.

Илья Муромец, препроводя несколько времени в торжествующем Чернигове, паки поехал в намеренной им путь к городу Киеву, прямою от Чернигова дорогою, которую опустошал Соловей-разбойник ровно тридцать лет и не пропускает ни одного ни пешего, ни конного, не предав оного смерти; и сие он делает не оружием, но своим разбойничьим свистом так, что одно слышание его свиста делало каждого человека мертвым. Илья Муромец выехал в чистое поле, увидел следы богатырского коня; и так пускается прямо к дремучим и густым лесам, к илистым и топучим грязям, к калиновым твердым мостам, к реке, называемой Смородина. Соловей-разбойник, предчувствуя свою кончину, не допустил Илью Муромца за двадцать верст до себя, засвистал своим разбойническим свистом, но тем богатырское сердце Ильи Муромца не устрасило. Уже Илья Муромец, не доезжая 10 верст до Соловья-разбойника, слышит вторичный его свист, гораздо прежнего громчайший. Тогда богатырской его конь споткнулся, но Илья Муромца и сие не могло привести в робость. Он продолжал свой путь далее и, наконец, подъезжает к самому жилищу Соловья-разбойника,

который громче час от часу силился свистать, дабы тем умертвить Илью Муромца, однако все сие было тщетно. Илья Муромец видит разбойника, сидящего на двенадцати дубах. Большая его голова, ужасной величины рот, широкие плечи, длинные руки не утрашили нашего героя. Он тотчас снимает с себя тугой лук, накладывает на него каленую стрелу и пускает оную на Соловьиное гнездо. Стрела его попала в самый глаз Соловья-разбойнику, и он, не могши снести такого удара, упал на землю, как сноп.

Илья Муромец берет Соловья-разбойника и, привязав его к стремени булатному, продолжает ехать к городу Киеву. Несколько отъехавши от Соловьиного жилища, видит стоящие на пути великолепного здания палаты. Обширный двор обнесен был вместо заборов железными решетками. Палаты сделаны с великим искусством архитектуры из чистого мрамору с весьма частыми и большими окошками. В трех окошках сидели три дочери Соловья-разбойника. Как скоро стал Илья Муромец подъезжать ближе к палатам, то, увидев его, меньшая дочь сказала другим своим сестрам: «Вон батюшка наш едет с добычею и везет к нам какого-то мужика». Но большая из них сестра, посмотревши гораздо пристальнее и заплакавши, сказала прочим: «Нет не батюшка это наш едет, а какой-то незнакомый богатырь, которой его ведет, привязавши к булатному стремени». И тотчас закричала мужьям своим: «Любезные наши оберегатели нашей жизни, вооружитесь поскорее во всю свою сбрую и бегите на помощь к нашему родителю, исхитьте из варварских рук победителя и не кладите позору на наш род». Тогда мужья их, взявши острые сабли и булатные копыя и седши на коней, выезжают к Илье Муромцу с тем намерением, чтобы убить его, а отца избавить. Уже близко съезжаются, как начал им говорит Соловей-разбойник: «Милые мои зятя, не позорьте вы сами себя и не дразните сильного богатыря, чтобы он вас не предал смерти; просите лучше с покорностию, чтобы он посетил наш дом». Зятя повиновались гестеву повелению и начали просить Илью Муромца к себе в дом, на что Илья Муромец и согласился, не ведая их злобы. Большая Соловья-разбойника дочь села на воротах с острою саблею, дабы, когда будет Илья Муромец въезжать в ворота, отрубить ему голову. Но намерение ее не имело счастливого окончания, ибо Илья Муромец, увидя ее сидящую на воротах, длинным своим булатным копьем поразил так, что тут же и живот свой скончала; по сей причине Илья Муромец не удостоил своим посещением его дом, а поехал с Соловьем-разбойником в город Киев, где прямо въезжает на княжеский двор и входит в царския чертоги. Тогда киевский князь начал спрашивать его, кторую он ехал дорогою? Илья Муромец отвечает ему, что он ехал на Чернигов, побил идолопоклонническое войско, а оттуда поехал прямо дорогою и взял сильного богатыря Соловья-разбойника, которого привез с собою в Киев, привязав к булатному стремени. Князь сие слыша, пришел во гнев и так Илье Муромцу начал говорить: «Как ты меня, дерзновенный, осмелился обманывать?» Случившиеся тогда в Киеве богатыри Алеша Попович и Добрыня Никитич тотчас бросились посмотреть Соловья-разбойника и, увидев, что сказанное Ильею Муромцем есть самая правда, доложили о том в скорости киевскому князю, который захотел послушать разбойнического свисту. Илья Муромец позвал Соловья-разбойника и, обернув князя с княгинию в свою шубу, взял их под мышки, велел ему засвистать вполсвиста; но Соловей-разбойник за-свистал во весь разбойничий свист и оглушил богатырей так, что упали они на пол; за что Илья Муромец, взявши за ноги Соловья, ударил об пол и ушиб до смерти, сказав ему: «Вот тебе награда за непослушание твоих повелителей».

Илья Муромец, прожив несколько времени, наконец свел великую дружбу с Добрынею Никитичем, так что и побратался с ним. Они по происшествии нескольких дней, оседлавши своих богатырских коней, поехали гулять в чистые поля, но, едзя ровно три месяца, не нашли себе равного соперника. Пятый месяц уже стал проходить, как увидели они одного прохожего. На нем кафтан был в 50 пуд, шляпа в 9, костыль в 10 сажень. Илья Муромец, увидя такое страшилище, захотел с ним попробовать своей силы и так начал на сего прохожего наезжать, которой, не принимаясь ни за какое оружие, говорил ему следующее: «Доброй молодец и сильной богатырь Илья Муромец, или позабыл ты, как нас дядя Фока, дьячок карачаровской, учил вместе грамоте? Меня зовут Пантелейко Еремеев, или не знаешь ты, что приехал под Киев град богатырь Полкан Полканович и опустошил весь город. Голова у него с пивной котел, глаза, как хлебные чаши, промежду бровьми пядень большого человека, а уши от головы отстоят на величину каленой стрелы. Ест он по быку, а пьет по котлу, и князь того города весьма сожалеет, что ты его оставил в такой крайности». Возгорелось тогда сердце сильного богатыря Ильи Муромца. Он берет платье прохожего, а свое ему отдает, и, нарядясь в страшной такой убор, приезжает в город Киев, и, взошед прямо на княжеский двор, кричит своим богатырским голосом: «Великой князь киевской, сошли мне, прохожему, милостину». Тогда князь так ему сказал: «Поди ко мне, прохожий, в палаты, я тебя накормлю, напою и золотой казны на дорогу дам». Илья Муромец входит в палаты и, став у печи, поглядывает на Полкана, которому на обед по его повелению принесли целого быка, а напиток целой котел. Не мог утерпеть Илья Муромец, чтоб не сказать Полкану: «У моего батюшки была обжорлива кобыла, да не долго нажила — разорвало ее». Полкан на сие весьма рассердился и сказал ему: «О бедняк, мне не хочется с тобою и рук марать; каков был у вас Илья Муромец, я бы и тому показл себя». — «Да вот он каков!» — подхватил тогда Илья Муромец и, взяв с себя шляпу, ударил ею по голове так сильно, что проломил головою стену палат, и расшибленная она голова осталась живою не более двух минут. Киевский князь Илью Муромца почтил многими дарами. О кончине сего героя неизвестно, почему и не намерен о ней вымышлять. Может быть, после меня и оную кто-нибудь опишет.

2

[СКАЗКА ОБ ИВАНЕ КРЕСТЬЯНСКОМ СЫНЕ]

В некоей деревне был крестьянин не весьма богатый. И тот крестьянин жил со своею женою три года, а детища у них не было. На четвертое лето жена его понесла и родила сына, которого и назвали Иваном. Когда Ивану сему минуло пять лет, а ходить он не мог, потому что был сидень, то отец его и мать стали кручинитьца и просили бога, что дал сыну здоровье, ноги. Однако сколько они ни молились, а сын их не мог ходить и сидел сиднем тридцать лет и три года.

В некое же время пошел крестьянин с своею женою к обедне. И в то же время пришел под окно их избы нищий, и стал у Ивана крестьянского сына просить милостыню. Иван крестьянский сын на то ему сказал: «Я бы подал тебе, подал милостыню, да встать с места не могу». Тогда ему нищий молвил: «Встань и сотвори мне милостыню, ноги твои здоровы». Исцеленный Иван крестьянский сын тотчас встал с места и несказанно обрадовался, что ноги его совсем стали здоровы и невредимы. Он кликнул нищего

в избу и накормил. Тогда нищий попросил у него пива напиться, а Иван тотчас пива принес. Однако нищий пива не пил и велел ему всю ендову выпить; а он в том не отрекся и выпил. Тогда нищий спросил его: «Что, Иванушка, много ли ты теперь в себе силы чувствуешь?» — «Очень много», — отвечал ему Иван. «Прости же теперь», — молвил нищий и, проговоря сии слова, стал невидим; а Иван остался в великом удивлении.

Вскоре после того пришел его отец с матерью, и, увидя сына своего здрава, весьма удивились, и стали его спрашивать, как он исцелился от болезни; тогда Иван пересказал обо всем ясно. И старики подумали, что приходил к нему не нищий, а некий святой человек исцелил его от скорби, и начали пировать.

А Иван пошел силу испытывать: вышедши в огород, и взял в руки кол, воткнул в огороде посредине оного и повернул его так сильно, что вся деревня с колом повернулась. После он вошел в избу и начал с стариками своими прощаться, и просить у них благословения. Старики стали плакать горькими слезами и просили его, чтоб он пожил у них хоть малое время. Однако Иван, несмотря на их слезы, сказал им: «Ежели вы меня не отпустите, то я и так у вас уйду». Тогда старики его благословили, и стал Иван крестьянской сын молиться, на все четыре стороны кланяется, с отцом и матерью прощается, и сошел с своего двора.

3

ПОВЕСТЬ О СИЛЬНОМ БОГАТЫРЕ И СТАРОСЛАВЕНКОМ КНЯЗЕ
ВАСИЛЬИ БОГУСЛАЕВИЧЕ

Жил Богуслай девяносто лет, живучи Богуслай переставился. Осталось у него малое детище Василей Богуслаевич. Когда он достигнет пятнадцати лет, выходит он на улицу на Рогатицу, играет он не с малыми ребятами, с усатыми и бородатыми: которого из них схватит за руку — у того рука прочь, а кого за голову — головы нет.

От таких его наглых шуток чернь взволновалась. Собираются посадники новгородские, думают крепку думушку; они приходят к его родимой матери и говорят громким голосом: «Ты гой еси, честная жена Амелфа Тимофеевна! Уйми ты свое мило чадо Василья Богуслаевича, чтоб он не ходил на улицу на Рогатицу и не играл бы по-своему: уже наш великой град от его шуток людьми пореже стал». От таких речей честная жена Амелфа Тимофеевна прикручинилась, обещает им управу дать, отпускает она посадников с почестью и призывает к себе свое чадо Василья Богуслаевича. Призвав его, говорит такие речи: «Ох ты, мое чадо милое! Перестань ты ходить на улицу на Рогатицу, полно тебе играть с мужиками новгородскими! Вижу я в тебе силу богатырскую, но ты еще дитя младое; твои шутики неудалые: кого ты схватишь за руку, отрываешь из могучих плеч, а возьмешь за буйну голову, остается она в твоих руках. Скорбят на тебя посадники и мужики новгородские. Когда они на нас подымутся, на кого нам понадеяться? В сиротстве мы с тобой остались. Хотя твоя сила велика, но стать ли тебе на тысячу? А побиешь ты и тысячу, за тысячью их и сметы нет. Послушай слова доброго: перестань ходить ты на улицу!»

Сие выслушав, Василей Богуслаевич поклоняется своей матушке, честной жене Амелфе Тимофеевне, до сырой земли; поклонившись, он ответ держит: «Государыня ты моя матушка! Не боюсь я посадников, не страшны мне мужики новгородские, а боюсь твоих речей родительских, мне страшно твое слово доброе. Не пойду я уже на улицу; но чем же мне позабавиться.

с кем отведати могуча плеча? Не сидеть ты меня породила, недаром моя звезда счастливая дала силу богатырскую. Как придет моя пора, укрочу я всех посадников, мне поклонится земля Старославенская и княжество Русское. А теперь я во твоей воле; но прикажи ты мне потешиться: благослови выбрать товарищей, с кем бы было мне слово молвити, с кем отведати мне своей руки. Ты вели мне дать зелена вина и наварить пива пьянова: я дам почесть всему граду и найду чрез то товарищей, чтоб были они на мою руку».

Получа позволение от своей матушки, Василей Богуслаевич выставляет у своего дворца белакаменна, у своих широких ворот, чаны дубовые, наливает в них зелена вина и пива пьяного по края полны; он пускает в них золоты чары, с теми камнями самоцветными, в каждой чаре весу тридцать пуд. Посылает он бирючей (провозвестников) по всем улицам и велит им клич кликати: «Кто хочет пожить весело, кто хочет в красне в хороше походить, тот бы шел к Василью Богуслаевичу на широкой двор, не обсылаючи, но спросясь только с своей силой, понадеявшись на буйну голову!» Бирючи ходят день до вечера, они кличут громким голосом — никто им не вызывается. Сам Василей Богуслаевич смотрит с высока терема в окно косящето: чаны стоят непечаты, никто к ним не появляется.

Тогда жил-был некто Фома Толстой сын Ременников. Он идет к широкому двору, не обсылаючи, подходит к чанам, не спрашиваючи; он берет золоту чашу: одной рукой поднимает, одним духом выпивает. Увидев то, Василей Богуслаевич бежит с высока терема, не одевшись, без чеботов, за собою он тащит стемляный вяз, и этот вяз свинцом налит сарочинским; он бьет вязом Фому по уху по правому: на Фоме головушка не тряхнется, черны кудри не ворохнутся. Богатырь тому удивляется, а ретиво сердце играет в нем от радости. Обнимает он Фому в белых руках и ведет его в свои теремы златоверхие. Приведши его в свой высок терем, целует во уста, и тут кладут они между собою слово крепкое-богатырское, чтоб быть им братьями, не щадить друг за друга буйных голов, чтобы пити им из одной чары и ести им с одного блюда, носити платье цветное с одного плеча. Потом сажает его за столы дубовые, за скатерти браные, за ествы сахарные: пилиели, прохладжались, меж собой забавлялися.

Между тем Василью Богуслаевичу лежит на сердце дума крепкая; он поглядывает в окно косящето и ждет, не придет ли кто к дубовым чанам, не спрашаючи. Появляется тут вдоль по улице новгородец Потанюшка: он мал собою, невеличек и на одну ногу прихрамывает. Приходит он к дубовым чанам, он бросает вон золоты чары, подымает чан зелена вина одной рукой, выпивает его одним духом досуха. Он, выпивши, разбивает чан о сыру землю, и того чана не осталось ни щепочки. Увидев то Василей Богуслаевич, вспрыгнул он из окна от радости, закричал громким голосом: «Ох, братец мой, Фома Толстой сын Ременников! Пойдем встретить молодца удалова: вон пришел к нам третий брат!» Они схватывают палицы булатные, в которых весу по пятидесяти пуд, бегут с высока терема в широки ворота, прибегают они к Потанюшке, они бьют его в буйну голову: палицы в части разлетаются, а на Потанюшке головушка не тряхнется. Тогда взяли богатыри Потанюшку под белы руки, повели его на широкой двор, на крыльцо красное, во теремы златоверхие. Там они поцеловалися и дали друг другу клятву крепкую, чтобы быти им всем братьями и быти их душам за единую.

Скоро прошел слух по всему граду, что Василей Богуслаевич выбрал богатырей сильных из всей земли Старославенския, что живут они с ним без выходу, что пьют-едят с одново стола, цветно платье с одново плеча.

От молвы сей посадники взволновались, собираются они во теремы тайницкие, начинают большой совет и думу крепкую. Когда все посадники по скамьям уселись, встает тут чуден стар-матер человек, выходит он на средину горницы, на все четыре стороны поклоняется, он поглаживает свою седую бороду, трижды ударяет о пол посохом и начинает слово мудрое: «Вы гой еси, мужи славенские и все посадники новгородские! Не стало князя в нашей области: Богуслай оставил нам мало детище; мы правим всею землею Русскою. Уповаем мы на это детище княженецкое: мы ждем в нем обороны крепкия и управы добрыя, ждем лишь в нем ума зрелого, чтобы поставить его во главу себе. Но сие детище неудалое, пропадает от него земля Славенская, опустеет княжество Русское: Василей Богуслаевич дошел едва ль лет пятнадцать, а уж замыслы его не робяцкие и забавы его не обычные. Прежде он своими шутками осиротил людей — сметы нет, а теперь прибирает к себе богатырей из всея земли Русския. В чем будет его такова дума? Он хочет нас прибрать во свои руки и владеть нами своей волею. Пропадет наша вся слава добрая! Насмеется нам белой свет, что мы, мудрыя посадники, покорились малому детищу! Оле нам стыда сего! О вы, посадники могучие! Соберите вы свое единодушие, призовите вы свой крепкой ум! Не детищу нами ругатися, подсечем мы зло в его корени, поколь оно не утолщено! Мы сделаем пир на целой мир: призовем мы на оной Василья Богуслаевича и учнем выпытывать; поднесем мы ему братину вина заморского; буде не станет пить, ин он зло мыслит; буде выпьет, во хмелю он промолвится, и, что есть на сердце, он все выскажет. Коль заметим мы, что не кормилец он земли Славенския, мы сорвем ему голову с могучих плеч. Нас белой свет не осудит в том: не один он роду княжеского на белой Руси, мы промыслим себе князя по сердцу. Буде ж нет, проживем мы, братцы, и своим умом!»

Сию мудру речь выслушав, посадники с мест своих поднимались, и до пояса они перед Чудином поклонялись. Все сказали они одним голосом: «Быть по твоему, как придумала твоя голова умная!»

На заре потом на утренней, на восходе красна солнышка, в тех теремах тайницких становят столы дубовые, расстилают скатерти браные, готовят ествы сахарные, привозят бадьи зелена вина и пива сыченого, бросаются по гостям торговым, покупают вины заморские, что ни пьяные, и все посадники собираются. Приезжают они в старославенской дворец и приходят к княгине, честной жене Амелфе Тимофеевне с честью: они просят ее в великой Новгород на почестный пир. Им в ответ держит честна жена: «Не мое дело по пирам ходить: погуляла я и натешилась, когда жив был мое солнышко, государь Богуслай, ваш князь. Вы подите к моему чаду милому Василью Богуслаевичу: может он почтит ваш пир своею молодостью». Чего ждали, то и сделалось: идут мужики новгородские к своему княжичу, они просят его с великою честью на свой пир в великой Новгород. Василей Богуслаевич идет к своей матушке спрощатися, благословляет его княгиня к ним на пир итить, благословляючи наказывает своему чаду милому: «Ты пей, мой друг, — не пропей ума! Мужики новгородские хитры-лихоратливы, обойдут тебя словом лестливым; но ты, когда до похвал дойдет, не хвались ничем у них, лета твои младые, не груби ты ни в чем посадникам». Сие выслушав, Василей Богуслаевич поклоняется своей матушке, что ево надоумила, и идет на пир во Новгород один одиныхонек; оставляет он в дому своих побратенников, Фому и Потанюшку.

Приходит он в Новгород. Посадники ево встречают на улице, принимают под белы руки, ведут во палаты тайницкие. Там сажают его за столы дубовые в переднем углу. Василей Богуслаевич им за честь поклоняется и

не хочет сесть во переднем углу. Посадники его нудят добрым словом: «Садись ты там, чадо княжее: там сиживал твой батюшко, Богуслай, наш князь». За слово сие доброе княжич их послушался: садится он в переднем углу. Ему подносят стопу вина заморскова, он пьет и ест — проклажается, он в полсыта наедается и в полпьяна напивается, он сидит как красная девушка, не молвит он ни одного слова. Уже посадники навеселе, начинают сии похвальбу держать. Иной хвалится добрым конем, иной хвалится молодой женой, иной силою и богатством, иной храбростью и мудростию, один лишь Василей Богуслаевич ничем не похваляется. Тут встают с скамьи первые посадники, Чудин да Сатко богатой гость, они громким вопяет голосом: «Ты гой еси, наш батюшко, Василей Богуслаевич! Что ты так приуныв сидишь? Что ничем ты не похвалишься?» Им ответ держал молодой княжич: «Ох вы, люди почетные, посадники новгородские! Чем перед вами мне похвалиться? Я после государя моего батюшки сиротою остался маленешек, государыня моя матушка во вдовстве живет. Хотя есть у меня золота казна, именье и богатество, — то не я собрал, а мой батюшко. Когда буду я в поре-времени, тогда буду я похваляться».

Таковым речам посадники удивились, начали между собою перешептывать. Наливают они братину зелена вина, начинают пить приговаривая: «Кто друг великому Нову-граду и всей земли Славенския, тот пей братину досуха!» Подают они братину Василью Богуслаевичу. Уже нельзя ему было отговориться: он ее в белые руки принимает и досуха выпивает; и стал он от того навеселе. Тогда посадники опять начинают похваляться и опять приставать к своему княжичу, для чего он ничем не похвалится. Тогда заиграла в нем хмелинушка, закипела в нем кровь молодецкая, взговорил он им таковы речи: «Ой еси вы, посадники новгородские! Се похвала Василья Богуслаевича, что сидеть ему над землею Славенскою и княжить над Русскою; быть Нову-граду всему за ним; он будет брать пошлины датошныя со всея земли, с лову заячья и гоголиного; все посадники перед ним поклонятся, он принудит всех своею рукою богатырскою!» Выслушав таковы слова, все посадники взволновались и кричали вопреки ему: «Не бывать за тобой Нову-граду, не сидеть тебе над землею Славенскою и не княжить над Русскою! Не дожив поры, ты похваляешься: не стерпеть того нам, посадникам! Млад еще, незрел твой ум, нам нечего от тебя дожидаться: на утро ты иди из земли нашей; не пойдешь, ин погоним тебя не с честью, потеряешь ты буйну голову!» Им в ответ держал Василей Богуслаевич: «Не боюсь я вас, посадников: собирайте вы всю силу новгородскую, я иду с ней переведаться; не изгнать вам меня из земли Славенския; таки быть за мной всему Нову-граду, а вам, посадникам, у ног моих!» Сказав сие, встает он из-за стола дубового, отдает поклон всем посадникам и идет к своей матушке. Посадники изумились, дают ему ши рокой путь. Пропустя его, думу думают, похвальбе его насмеваются, посылают они собрати всю силу новгородскую на улицу на Рогатицу, чтоб убить им своего княжича, разметати его косточки по чисту полю. Они мнят: «Где ратовать с нами малу детищу!»

Ужь на вече бьют в большой колокол, волнуется вся страна Старославенская, собирается рать сильная на одного молодого княжича. В то время дошла весть к честной жене Амелфе Тимофеевне, что похвалился ее мило чадо Василей Богуслаевич словами неудальми, чтоб биться ему со всею силою новгородскою. От того честна жена прикручинилась; она идет со крыльца красного к своему сыну во vysok терем, она укоряет его за незрелой ум, что нагрубил он всем посадникам: «Где тебе, вещает она, биться одному противу силы новгородския? Погубил ты меня в старости!»

Сказав сие, схватывает его в беремечко и мчит в погреба белы-каменные, задвигает двери засовами железными, засыпает их песками сыпучими, оставляет его тут хмель высыпати; а сама идет в свою казнохранильницу, берет она золото блюдо, насыпает на него каменья самоцветного и едет в Великой Новгород ко посадникам. Она кланяется им до пояса, поставляет золото блюдо на дубовой стол, говорит им речи умильные, чтоб простили они ее мило чадо Василья Богуслаевича за слова, что он во хмелю сказал, что нельзя ему стоять противу силы новгородския, ибо леты его младые, чтоб, попомня они Богуслая, своего князя, пощадили его детище.

От сего посадники возгордились, говорят они своей княгине невежливо: «Поди ты вон, баба старая! Не пойдешь, ин вышлем тебя за нечестию. Нам не надобно злата-серебра, ни каменья самоцветного, дорога нам похвальба Богуслайченкова, нам надобна его буйна голова!» За такое дурно честная жена припечалилась, залилась она горючьми слезы, возвратилась во свой дворец белой-каменной, велела запереть широки ворота, и засела в кручине великой.

На утрей день, лишь просиял белой день, не гуси и лебеди подымаются с великого Ирмера-озера,¹ идет то сила новгородская на улицу на Рогатицу; не вешняя вода тут облелеяла, окружили то посадники и мужики новгородские широкой двор Василья Богуслаевича: выбивают они широки ворота из пяты, валяются они на обширной двор.

Тут с ними встретилась девчоночка, чернешенька-малешенька: она шла из избы приспешныя в реку Волхов по воду, на плече у нее коромыслицо, не тяжело и не легкое — всего весу в нем триста пуд. Увидевши то невежество, вскричала она к мужикам и посадникам: «Ох б... вы дети неудалье! Сметь ли бы вам ходить на широкий двор, не спрашаючи? Почивает еще наш батюшко Василей Богуслаевич, а вы сюда греметь пришли! Погоню я вас с широкова двора!» Не дали ей докончить слов, принялись ее колотить в дубины вязовые. За ту шутку девчонка осердилася, бросает она ведры дубовые, берет в руки свое коромыслицо, гонит она их с широка двора на улицу на Рогатицу. Где лишь раз махнет — тамо улица, а в другой хватит — с переулочками. Побивала девчонка тысячу, добивалася она до трех полков. Уже руки ее примахались, коромыслицо изломалось: бежит она на широкой двор во теремы высокие. Прибежав туда, кричит громким голосом: «Вы гой еси, богатыри могучие! Что вы спите-почиваете? На вашего брата названого нападает вся сила новгородская, уже выломали ворота на широкой двор, приступают к погребам белым-каменным, где почивает Василей Богуслаевич». Ей в ответ сказали Фома Толстой сын Ременников со Потанюшкой: «Не сила то новгородская нападает на нашего брата названого: налетели то комары из болот Каростанских; пусть пробудят они его жужжанием, а не честь будет богатырская нам боронить богатыря от болотных мух. Он прогонит их одним замахом». Сие молвивши, завернули они буйны головы во подушки пуховые.

Между тем Василей Богуслаевич от крика-вопля народного пробуждается: он вскакивает на резвы ноги и потряхается, от того в погребях стены белы-каменны распадаются, железные засовы ломаются, и желты пески рассыпаются; становится он среди двора. То увидев, сила новгородская бросается на него тысячьми. У молодого княжича нет оружия, ни сбруи ратныя. За своим стемляным вязом показалось ему далеко итти, ибо те вязы были у него в высоком тереме: он схватывает ось дубовую

¹ Так называлось в старину озеро Мойско или Ильмень. — *Примечание В. А. Левшина.*

необделанную; ею гонит он силу на улице Рогатицу; побивает он людей тысячи. Не успеют посадники подков наготовиться. Уже вся сила дрогнула, но он гонит их на чисто поле, пригоняет их к быстрой реке, не дает он им развернуться, не внимает он их покорности, молодецка кровь разогрелась, он хочет бить всех наголову.

Узревши то, посадники приуныли все, буйны головы повесили; они бросаются во Новгород, насыпают злата-серебра, камня самоцветного на златы блюды; идут они в стар-славенск дворец ко честной жене Амелфе Тимофеевне. Они хотят на двор взойти, а широки ворота заперты. Они выходят на улицу против широка терема, противу окон косящетых, преклоняют они буйны головы ко сырой земле и кричат громким голосом: «Ох ты мать наша, честна жена Амелфа Тимофеевна! Прогневали мы тебя, свою осударыню, и своего княжича, твоего мила чада Василея Богуслаевича: он побил ужь всю силу новгородскую. Упроси ты его словом родительским, чтоб оставил он людей хотя на семена!» Но княгиня, то услышавши, не показала им своих ясных очей, отослала их с нечестием. Она лишь велела им возвестить: «Как вы дело затеяли, так и оканчивайте; я — баба старая, не возьмусь за ваши дела ратные».

Посадники, услышавши свою опалу великую, видят беду неминуемую, поспешают они в Новгород. Там жил Старчище Многолетище: воевал он при прежних князьях, побивал он силы ратные, разорял грады крепкие; но когда обуяли его леты древние, не выходил он из теремов своих ровно тридцать лет. К нему припадают посадники и молят его спасти свою отчизну и унять младого княжича. Долго Старчище не слушал их, однако на кручину их умиляется. Поднимается с дубовой скамьи, идет он на сборной двор; там снимает он с веча большой колокол, которой колокол шестисот пуд; надевает оной на буйну свою голову вместо шапочки. Оттоле шествует во чисто поле, к той быстрой реке, где Василей Богуслаевич остальную рать доколачивал. Он, подшед к нему, закричал громким голосом: «Ты гой еси, Богуслаев сын! Не за свои ты шутки принимаешься: перестань шалить при старом муже!» От таких речей молодой витязь прогневляется, набегает он на Старчища Многолетища, бьет рукой крепко во тяжел колокол. Красная медь рассыпается, присядает старой муж к сырой земле, он молит-просит пощады своей: «Ох ты, сильной-могуч богатырь! Не чаял я такой силы в твоей младости! Я живу на свете сто лет и двадцать, не видал я себе спорника и поборника: днесь пропала моя слава богагырская, победил меня младой юноша. Не убивай ты меня до смерти: много я служил Славенской земле, ты дай мне жизнь на упокаянье». Убивать его Василей Богуслаевич не держал ни в уме в разуме, а хотел ему лишь острастку дать. Поднимает он его от сырой земли, обнимает его в белых руках и отпустил домой с честью.

В ту пору, познав посадники свою беду неизбежную и завидев гибель скорую, бросаются в Новгород, во теремы тайничкие, они пишут крепки записи, чтоб быть Василью Богуслаевичу князем над всем Новым-градом, землей Славенскою и Русскою, брать пошлины, каки он хочет, и владеть ему своею волею. Написав ту запись крепкую, идут они ко двору Василья Богуслаевича, умоляют его названных братьев Фому Ременникова со Потанею, чтобы шли они упросить своего князя перестать проливать кровь славенскую, пощадить своих подданных и оставить людей хотя на семена.

На просьбу их богатыри преклонились, бросают они вязы стемляные, кои держали наготове в руках своих, буде бы ослабел в рати братень их. Они идут в поле со посадники; не дошед к месту побоища, кладут на голову запись крепкую и кричат громким голосом: «Здравствуй, батюшко

наш, славенской князь Василей Богуслаевич! Перестань губить свою отчину: покорилась тебе земля Славенская и все княжество Русское! Преклонились к ногам твоим все посадники: вот их запись крепкая, чтоб владеть тебе по своей воле над всем Великим Новым-градом со всеми землями и областями!» Они, сказав сие, со всеми посадники у ног его повалилися.

Тут Василей Богуслаевич укротил свой сильной гнев. Он простил и пожаловал всех, кто остался от побоища. Он владел над Новым-градом с мудростью и милостью. Никто не смел на него подняться, все соседи дальние присылали к нему мирных послов со дары многими. Вся чужь платила ему дани со верностью. Он не держал рати многия: его рать была в его братенниках Фоме и Потанюшке. Созывал он богатырей и витязей со всего света белого, с кем бы силы опровердати; но не выискалось ему спорника ни противоборника. Он княжил леты многие, проживал годы мирные. Не оставил он по себе роду-племени, лишь оставил он свой стемляной вяз на память Великому Нову-граду.

III. СВЕДЕНИЯ О БЫЛИНАХ И БЫЛИННЫЕ ФРАГМЕНТЫ В ТРУДАХ ДЕЯТЕЛЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ И НАУКИ XVIII ВЕКА

1

В. Н. ТАТИШЕВ

«Песни древних, хотя они не таким порядком складываны, чтоб за историю принять было можно, однако ж много можно в недостатке истории из оных нечто к изъяснению и в дополнку употребить, как видим Омера песнями нечто в память оставившего... Я прежде у скоморохов песни старинные о князе Владимире слышал, в которых жен его именами, тако ж о славных людех Илье Муромце, Алексие Поповиче, Соловье-разбойнике, Долке Стефановиче и проч. упоминают и дела их прославляют, и в истории весьма мало или ничего; в пример сему о Путяте н. 45 (т. е. в примечании 45, — *Ред.*) я из песни изъяснил; но я жалею, что ныне таких песен списать не достал».

(История российская с самых древнейших времен, кн. I, ч. 1. М., 1768, стр. 44—45, примечание 16 к «Истории Иоакима Новгородского епископа»).

«О Путяте нигде Нестор не упомянул, но есть Путят, токмо иной, в песнях старинных о увеселениях Владимира тако поют: против двора Путятина, против терема Зыбатина старого Путяти темной лес; из чего можно видеть, что знатный муж был».

(Там же, стр. 50, примечание 45 к «Истории Иоакима Новгородского епископа»).

2

В. А. ЛЕВШИН

«... сильнейшие богатыри стекались к нему (князю Владимиру, — *Ред.*) от всех стран славенских. Войски его учинились непобедимы и войны ужасны; понеже сражались и служили у него славнейшие богатыри: Добрыня Никитич, Алеша Попович, Чурило Пленкович, Илья Муромец и дворянин Заалешенин».

(Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения, ч. I, «Сказки богатырские». М., 1780—1784, «Вступление», стр. 4).

«Илья Муромец происходил от простых родителей; был уроженец города Мурома и до двадцати лет не владел ногами. По особливому приключению получил вдруг и ноги, и невообразимую силу. Купил он шелудивого жеребенка, вывалял его на тридевять утренних росах и учинил конем богатырским, на коем отправился служить великому киевскому князю; и поспел из Мурома между заутрени и обедни в Киев. Во время сего пути, который продолжался непроходимыми лесами, победил славного Соловья-разбойника. Сей разбойник прозван Соловьем по чрезмерно громкому свисту, от которого ни один человек не мог на ногах устоять. Он опустошил многие страны; но свист ему не помог против Ильи Муромца: сей сбил его с ног одним ударом плети и, второча к седлу, привез в Киев, где убил его одной пощечиной.

Во время ж сего пути освободил он удельного кинешемского князя от литвы, обступившей во множественном числе столицу его. Сие великое войско побил он наголову своею богатырскою палицею; и успел, однако, как выше сказано, приехать к обедне в Киев, где окончал век во услугах великаго князя, оказав множество чудных подвигов».

(Там же. «Вступление», примечание на стр. 10—12 (не нумерованы). Пересказ В. А. Левшиным содержания былин об Илье Муромце).

«К крайнему моему сожалению, в пожарный случай погибло у меня собрание древних богатырских песен, между ними и о сем подвиге Добрыни Никитича (победе над Тугарином, — *Ред.*). Голос оныя и обрывки слов остались еще в моей памяти, как и прилагаю здесь.

Г о л о с

П е с н я

Из далеча, из далеча во чистом поле,
 Как далее того на украине,
 Как едет, поедет добрый молодец.
 Сильный могуч богатырь Добрыня,
 А Добрыня ведь то, братцы, Никитьевич
 И с ним ведь едет Тароп слуга...

.....

(После сего описывается приезд его к князю Владимиру, сражение с Тугарином; но подробно слов песни я не помню).

У Тугарина, собаки, крылья бумажные;
И летает он, собака, по поднебесью.

(конец)

Упал, он, собака, на сыру землю;
А Добрыня ему голову свернул,
Голову свернул, на копье взоткнул».

(Там же, стр. 138—140, примечание к эпизоду борьбы Добрыни с Тугарином Змеевичем. Рассказав, что Тугарин взвился «на крыльях бумажных», автор и дает в сноске данное примечание. Многозначие и заключение промежуточных слов в скобки принадлежат тексту Левшина).

«В продолжении повестей места, отделенные сими „ знаками [кавычками], будут содержать точные слова древнего слога российских поэм или сказок богатырских; ибо я для способности к чтению принужден был оные по большей части преложить в нынешнее наречие».

(Там же, «Вступление», примечание на стр. 12).

«...имела она очи сокольи, брови собольи, походку павлиную, грудь лебедину».

(Там же, стр. 13. Из «Повести о славном князе Владимире киевском солнышке Всеславьевиче и о сильном его могучем богатыре Добрыне Никитиче» — описание красоты жены князя Владимира Милолики).

«...за столами дубовыми, за скатертьми браными, за яствами сахарными».

(Там же, стр. 14. Оттуда же — из описания пира).

«Великий князь прикручинился, сложил свои руки ко белым грудям и думал крепку думушку. От сего бояре приуныли все, буйны головы повесили... воевода киевский не уныв сидел; он встает, поднимается из-за стола дубового, не допив чары зелена вина, не доев куска сахарного; он подходит к князю Владимиру, приклоняет чело до полу и говорит бодрым голосом: „Ты гой еси, наш батюшка Владимир-князь, киевское солнышко Всеславьевич! Не прикажи казнить, рубить, прикажи слово вымолвити. Отчего ты, государь, прикручинился? О чем ты так запечалился? Будет и пришла чужь поганая под твой славный Киев-град, разве нет у тебя рати сильныя? Прикажи, государь, послать опроведати, кто смеет наступать на землю Русскую“».

(Там же, стр. 14—16. Оттуда же — эпизод получения вести о наступлении врага).

«...голова его была с пивной котел, а глаза, как пивны чаши».

(Там же, стр. 18. Оттуда же — изображение Тугарина).

«Ты гой еси, доброй удалой молодец! Скажи, поведай нам, как зовут тебя по имени, как величают по отчеству? Царь ли ты, или царевич? Король или королевич? Или из иных земель грозен посол? Или сильной могучей богатырь? Или ты поленица удалая?»

(Там же, стр. 18. Оттуда же — речь послов князя Владимира к Тугарину).

«Доспехи на нем ратные, позлащенные. Во правой руке держит копье булатное; на бедре висит сабля острая. Конь под ним, аки лютый зверь; сам он на коне, что ясен сокол. Он на двор въезжает не спрашаючи, не обсылаючи. Подъезжает к крыльцу красному, сходит с коня доброго и отдает коня слуге верному. Сам идет в чертоги златоверхие, княженецкие. Слуга привязывает коня среди двора, у столба дубового, ко тому ли золоту кольцу, а своего коня к кольцу серебряну... „Как звать тебя по имени? Как величают по отчеству? Царь ли ты царевич, или король королевич, или сильный могучий богатырь, или из иных земель грозен посол?“»

(Там же, стр. 66—67. Оттуда же — приезд Добрыни к князю Владимиру).

«...поспешал я в славный Киев-град, дней и ночей не просыпаючи, со добра коня не слезаючи».

(Там же, стр. 68. Оттуда же — ответ Добрыни).

«Они бились дней трижды тридевят, не пиваючи, не едаючи, со добрых коней не слезаючи...»

(Там же, стр. 108. Оттуда же — о битве богатырей с врагами).

3

А. Н. РАДИЩЕВ

«...да как же сказке верить?» — сказала жена вполголоса, зевая ото сна. „Поверю ли я, что были Полкан, Бова или Соловей-разбойник“. — „Да кто тебя толкает в шею, верь коли хочешь. Но то правда, что встарину силы телесные были в уважении и что силачи оные употребляли во зло. Вот тебе Полкан. А о Соловье-разбойнике читай, мать моя, истолкователей русских древностей. Они тебе скажут, что он Соловьем назван красно-ручия своего ради“».

(Путешествие из Петербурга в Москву. Полное собрание сочинений, т. I, Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1938, стр. 243, из главы «Спасская Полесть». Приведенный диалог мужа и жены, будто бы подслушанный ночью на станции, является вступлением к рассказу мужа о некоем заместнике, от которой которого страдали подчиненные).

4

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ АНГЛИЧАНИНА

«Во все продолжение путешествия нашего по России я не мог надивиться охоте русского народа к пению. Как скоро ямщик сядет на козлы, тотчас начинает запевать какую-нибудь песню и продолжает оную непрерывно по несколько часов...»

Ямщик поет от начала до конца станции, земледелец не перестает петь при самых трудных работах; во всяком доме раздаются громкие песни, и в тихий вечер нередко доходят до слуха вашего отголоски из соседственных деревень. Один остроумный писатель, живший долгое время в России, говорит, что сии песни бывают различного содержания: иные заключают в себе описание жизни какого-нибудь витязя...»

(Путевые записки от Москвы до С.-Петербурга одного англичанина в царствование императрицы Екатерины II, заключающие в себе весьма любопытные исторические сведения, относящиеся к России в XVIII столетии. Перевод с французского, М., 1837, из главы V, стр. 47—48. В издании не указано ни имени автора «Путевых записок», ни имени переводчика).

5

ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

«Так (Бояном, — *Ред.*) назывался славнейший в древности стихотворец русский, который служил образцом для бывших после него писателей. Из некоторых в пример здесь приведенных слов его явствует, что Боян воспевал всегда важные происшествия и изъяснял мысли свои возвышенно. Когда и при котором государе гремела лира его, ни по чему узнать нельзя; ибо не осталось нам никакого отрывка, прежде великого князя Владимира Святославича писанного. От времени же его дошла до нас, между прочим, следующая народная песня, в которой находим уже правильное ударение, кадансом в стихотворстве называемое; но вероятно, что и та впоследствии переправлена:

Во славном городе Кieve
 У князя у Владимира,
 У солнышка Святославича,
 Было пирование почетное,
 Почетное и похвальное
 Про князей и про бояр,
 Про сильных могучих богатырей,
 Про всю поляницу удалую.
 В полсыта баря наедалися,
 В полпьяна баря напивалися.
 Последняя ества на стол пошла,
 Последняя ества лебединая:
 Стали бояре тут хвастат: и проч.».

(Слово о полку Игореве. Фототипическое воспроизведение 1-го издания 1800 года. Изд. А. С. Суворина, СПб., 1904, стр. 2, примечание 6 к словам «Начати же ся той песни по былинам сего времени, а не по замышлению Бояню». Приведенный текст не совпадает полностью ни с одним из былинных описаний пира и похвалы на пиру, известных в записях XVII—XVIII веков, включая и тексты сборника Кирши Данилова).

6

Г. Р. ДЕРЖАВИН

«Все действия взяты частью из истории, частью из сказок и народных песней».

(Добрыня, театральное представление с музыкою, в пяти действиях. В кн.: Г. Р. Державин, Сочинения с объяснительными примечаниями Я. Грота, 2-е академическое издание, т IV, СПб., 1874, стр. 36. Примечание в экземпляре издания 1808 года, принадлежавшего Державину, написанное карандашом рукою Е. Н. Львовой, по предположению Я. Грота — под диктовку самого поэта).

«У ней очи соколиные,
 У ней брови соболиные,
 Поступь тихая, павлиная,
 Грудь высока, лебединая».

(Там же, стр. 39, д. I, явл. I, песня Торопа о красоте Прелепы, невесты князя Владимира).

«Разграбили жильё, народы порубили
И головнею всю Россию покатили».

(Там же, стр. 42, д. I, явл. IV, из сообщения вестников о разорении татарами Русской земли).

«Не сизы соколы по поднебесью,
Не белы кречеты под облаки,
Богатыри слетались русские

.
Где он ступит — тут земля дрожит;
Где рукой махнет — тут и улица».

(Там же, стр. 69, д. III, явл. IV, из хора богатырей).

«Добрыня... пришедши к концу одной скамьи, присел и подвинулся, отчего сидевшие на ней богатыри попадали...»

(Там же, стр. 68, д. III, явл. IV, ремарка Державина).

«Как едет, поедет добрый молодец,
Сильный, могуч богатырь,
Добрыня-то, братцы, Никитьевич,
Да едет с ним его Тороп слуга,
И сражается он с Тугарином;
У Тугарина, собаки, крылья бумажные.
Летал он, собака, по поднебесью,
И пал он, собака, на сыру землю».

(Там же, стр. 103—104, д. V, явл. IX, «Хор древний русский». Хор этот — почти точное повторение былинного отрывка, приведенного в «Русских сказках» В. А. Левшина, см. стр. 248 настоящего тома).

КОММЕНТАРИИ
УКАЗАТЕЛИ
СЛОВАРЬ

КОММЕНТАРИИ

Все рукописные тексты печатаются по первоисточникам, за исключением тех оговоренных в комментариях случаев, когда рукопись пропала или ее местонахождение неизвестно. В этих случаях тексты печатаются по сохранившейся фотокопии или по наиболее исправной публикации.

При издании рукописных текстов в настоящем томе соблюдаются следующие принципы. Фонетические и морфологические особенности текста сохраняются. Буквы ъ, і, ѿ, ѣ, ѧ заменяются буквами е, и, о, у, я; ѣ в конце слов опускается, внутри слова сохраняется. Все титла раскрываются, выносные буквы опускаются на строку и сокращенные слова восстанавливаются полностью. Выносные буквы опускаются на строку с ъ, если они в соответствующих словах в строке стоят с ъ. Надстрочные знаки (ударения и придыхания) пропускаются. Поскольку ѥ обычно в рукописи не употребляется, случайные надстрочные обозначения краткости и не принимаются во внимание.

Слова над строкой или на полях, если они писаны тем же почерком, вносятся в строку; каждый такой случай оговаривается в примечаниях. Предлоги, союзы и отрицательная частица не при глаголах печатаются отдельно. Употребление прописных букв и расстановка знаков препинания подчиняются современным орфографическим и синтаксическим правилам. Числа в текстах обозначаются двояко: словами и цифрами, в соответствии с обозначением этих чисел в рукописи. Буквенное обозначение чисел в рукописи передается цифрами, что оговорено в комментариях.

Явные ошибки и опiski, допущенные при копировании, искажающие смысл и затрудняющие чтение, исправлены на основании других родственных текстов; исправления оговорены в комментариях; если те же изменения были в предшествующих публикациях, они отмечены в примечаниях (за исключением пропущенных букв и слогов) условным обозначением после указания рукописного начертания: *М* — Майков, *Т* — Тихонравов, *Т-М* — Тихонравов—Миллер, *С* — Соколов, *О* — Орлов, *Сим.* — Симони, *Г* — Голубев, *Мал.* — Малышев, *П* — Пушкирев. В тех случаях, когда не понятно писцом переосмыслено (например: вместо «Ой еси ты, Соловей разбойник» — «О, несыты Соловей разбойник»), написание рукописи сохраняется. Восстанавливаемые на месте пропусков писца буквы и слова берутся в квадратные скобки []. Пропуски слов, частей слов, фраз и кусков текста, восстановить которые невозможно, отмечены многоточием и оговорены в комментариях. Восстановленное на месте дефектов бумаги взято в ломаные скобки < >. Если в тексте необходимо оттенить скобками еще какие-либо особенности, применение скобок оговаривается в комментариях.

Вносятся деление на абзацы, соответствующие основным эпизодам текста и общие в родственных текстах. Заглавия текстов без скобок принадлежат источникам, в квадратных скобках — составителям.

В текстах, представленных с разделением на стихи, написание упрощается в соответствии с живым произношением (употребление ѥ, ѣ при плавных и в инфинитиве). Пунктуация — современная.

В тех случаях, когда произношение, отраженное в рукописном тексте, соответствует литературному, оно обозначается так, как это принято в современной орфографии. Сняты всюду: передача через глухие согласные ассимиляции звонких согласных с глухими и оглушения конечных согласных, передача через звонкие согласные ассимиляции глухих со звонкими, ѣ после ч, ѣ не только в конце слов, но и в середине и некоторые другие. Написание рукописи сохраняется всюду, где оно могло быть связано с особенностями произношения. Вносятся дефисы, обозначение всѣ в отличие от все во множественном числе и знаки ударения для обозначения необычного в литературном языке произношения.

В текстах, взятых из изданий XVIII века, написание меняется только в тех случаях, когда оно отражает орфографию того времени: ъ, і заменены буквами е, и, опускается ѣ в конце слов, вносятся дефисы и обозначение всѣ. Пунктуация — современная.

ТЕКСТЫ

«Повести», «Сказания» и «Истории» о богатырях

1. **Повесть о силнем могущем богатыре о Илье Муромце и о Соловье разбойнике.** Печатается по рукописи ГПБ, Q. XVII. 194. Вторая половина XVIII века. Впервые опубликована: Майков, стр. 29—32; вторично издана по рукописи: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 1—4 (см. также: Андреев. Былины, стр. 527—529; он же: «Русский фольклор», хрестоматия. 2-е изд., Учпедгиз, 1938, стр. 179—181). Рукопись описана и текст изучен: Майков, стр. 2—3 и 11—24 (перепечатано: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 68—69). Текст изучался: Миллер. Очерки, I, стр. 370, 391—393, 394—397; III, стр. 92; Лобода, стр. 38—39; Соколов, «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 101 (в перечне); Кравчинская, стр. 355—364.

Рукопись представляет собою сборник в 4^о, на 12 листах белой бумаги без водяных знаков; скоропись второй половины XVIII века. Кроме «Повести», в сборнике содержится: «Сказание» о граде Иерусалиме (лл. 4—7), «Слово» о видении царя Мамера (лл. 7—10 об.), «Притча Езопа» (л. 10 об.), «Повесть о царе Михаиле» (лл. 11—12). На л. 12 об. есть записи: «1783» и «Сия книга Краснохолмского уезда Устюжского заказу села Дымцова диакон Исидор Семенов 1783 году генваря дня 22 запис [неразб.] в жулнех спавить; пера отведать каковы чернила 1783». Эти слова и даты приписаны другим почерком, на основании чего Л. Н. Майков полагал, что сборник составлен ранее 1783 года (Майков, стр. 2).

«Повесть» об Илье занимает лл. 1—3 об. Текст полный. По определению Л. Н. Майкова, текст является копией, доказательством чего служит пропуск букв, обычно выносимых над строкой, и то, что сокращения под титлом сделаны неправильно (Майков, стр. 2—3). Это мнение Л. Н. Майкова подтверждается пропуском надстрочных букв в словах: «онють» (отнюдь), «по Себежем» (под Себежем), «сремени» (стремени), «по селом» (под селом), Лобода (стр. 39) и Соколов («Этнография», 1926, № 1—2, стр. 101) также считали текст копией. Начертание ъ и ь в конце слова почти всегда одинаково и четко различается в середине. При издании на конце слова поставлен ь согласно современному правописанию. Там, где писцом написано четко, сохранено его написание и в середине, и в конце слова.

¹ Над словами «граде Морове» надписано другими чернилами «граде Мурове». — М, Т—М. ² После «чтоб» написано «во всю дорогу титивы не кладывать что». ³ Можно прочесть «Морорец». ⁴ «Как» написано над строкой. ⁵ «Царь» написано над строкой. ⁶ В рукописи «калиновов». — М, Т—М. ⁷ В рукописи «и». — Т—М. ⁸ В рукописи «подылся». — М, Т—М. ⁹ После «ты» над строкой добавлено «доб». ¹⁰ «Лежит» зачеркнуто. — М, Т—М. ¹¹ В рукописи «Кутузовымъми». — М, Т—М. ¹² В рукописи «ко грады». — М, Т—М; Т—М допускали возможность прочтения «к ограды». ¹³ После «ты» зачеркнуто «выехал». ¹⁴ В рукописи «ским». — М, Т—М. ¹⁵ В рукописи «вокоше-чиаку». — Т—М; М заменил: «в окончину». ¹⁶ «Илья Муромец» над строкой. ¹⁷ В рукописи «ветми». — М, Т—М.

Публикуемый текст принадлежит к краткой редакции «себежской» версии. Композиция традиционна, имеются текстуальные совпадения в ряде мест то с одним, то с другим вариантом данной группы. Наиболее близок в соответствующей части к отрывочному списку ГПБ, Титова 2776 (наст. изд., № 3) и к списку ГПБ О. XVII. 57, Буслаева 92 (наст. изд., № 2). При несомненном родстве с этими текстами данный вариант развертывает сюжет более подробно и красочно. Л. Н. Майков, пробуя реконструировать прототип «себежских» вариантов, именно этот клал в основу. Очевидно, он, действительно, наиболее близкий к исходному тексту, хотя также уже отошел от него (см. об этом в статье, стр. 40). Заключает все наиболее характерные особенности сюжета, которыми рисуется образ Ильи Муромца и которые неизменно присутствуют во всех вариантах, записанных из уст народа в последующие века: эпизод отказа богатыря от почестей, которые предлагают ему управитель и жители освобожденного города, отвагу Ильи (выбор опасной прямоезжей дороги), его неподкупность. Текст включает также эпизод недоверия, который в позднейших устных вариантах разработан в плане сатирического освещения князя Владимира и его придворных.

Как все «себежские» тексты, представляет пересказ былины прозой. Но речь ритмична, сохранена былинная фразеология и устойчивые былинные формулы: «вострая сабля из ножен не вынимать и на крепкой лук титивы не кладывать»; «а хотя они Себеж град за щитом взять, а самого царя сибир[с]кого в полон взять»; «дорога залегла ровно тридцать лет»; «ни человек не прохаживал, ни птица не пролетывала, ни зверь

не прорыскивал»; «и тут богатырское сердце разгорелось»; «что взговорит Илья Муравец» и др. Имеются и словесные повторения (см. рассказ Ильи Муромца о своей поездке — строки 69—76, ср. со строками 3—13). В рассказе о приближении Ильи Муромца к Себежу обращает на себя внимание эпическая деталь: «и услышал крик, и стук, и конское ржание». См. то же в текстах №№ 6 и 7.

Речь — живая, разговорная. Книжные слова и обороты редки, см.: «бысть велми радошен», «громким гласом», «слава их до скончания века».

О городе Себеже и селах Кутузовых см. в статье, стр. 28—29 и 35.

«Сибирский» царь вместо «себежского» или «сибежского» — замена, обычная для всех вариантов «себежской» группы.

2. Повесть о Илье Муромце и о Соловье разбойнике. Печатается по рукописи ГПБ, О.ХVII.57, Буслаева 92. Первая четверть XVIII века. Впервые опубликована: Тихонравов, стр. 29—31; вторично издана по рукописи: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 7—9. Рукопись описана: Тихонравов, стр. 4—7; И. А. Бычков. Каталог собрания рукописей Ф. И. Буслаева. СПб., 1897, стр. 291—298. Текст исследовался или упомянут: Тихонравов, стр. 8, 10 (перепечатано: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 74); Майков, стр. 1, 10—24; Миллер. Очерки, I, стр. 370, 391—393, 394—397; III, стр. 92; Лобода, стр. 35, Соколов, «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 102; Кравчинская, стр. 355—364; Астахова. Илья Муромец, стр. 509—511.

Рукопись в 8°, на 329 листах, представляет собою сборник из нескольких тетрадей, листы которых перебиты при переплетении, некоторые листы утрачены, бумага белая, почерки разные, сохранилась старая буквенная нумерация, переплет картонный, старый. На многих листах сборника видны части водяного знака: два льва держат щит под короной. Бумага с этим знаком датируется 1681 годом (Тромонин, № 545). Знак этот виден на лл. 234 и 239, где записано «Сказание о семи русских богатырях» и на лл. 248, 251, 254, 257, где записан отрывок текста о Ставре. На листах, где записана «Повесть о Илье Муромце», водяной знак не виден, но «Повесть» писана тем же почерком, что и листы с водяными знаками, нумерация буквенная сплошная во всем сборнике, заглавия и разрисованные заглавные буквы во всем сборнике однотипны. Следовательно, «Повесть», как и «Сказание» и отрывок о Ставре, писана на бумаге конца XVII века, но почерк имеет некоторые черты начала XVIII века.

Содержание сборника смешанного характера: до л. 35 — «Чудеса богородицы»; лл. 36—46 — «Житие Андрея Критского»; кроме того, различные сказания духовного содержания. Из повествовательных произведений: «Список судного дела, как тягался лещ сь ершем» (лл. 111—117 об.), «Повесть об Иване Пономоревиче» (лл. 119—132), «Повесть о куре и о прекрасной лисице» (лл. 133—144), «Слово о бражнике» (лл. 158—162), «Повесть о Дмитрии купце» (лл. 164—179), «Повесть царя Давида и сына его Соломона» (лл. 180—199), «Сказание о Акире...» (лл. 200—219), Калязинская челобитная (лл. 220—225 об.), «Повесть града Иерусалима» (лл. 226—231), «Повесть сказуемого Ерша Ершова...» (лл. 267—270), «Повесть о Ереме с Фомою» (лл. 279—282), «Список судного дела, как тягался волк с лисицею» (лл. 283—286), «Повесть о поле Савве...» (лл. 302—304), «Сказание, как волка грамоте учили» (лл. 304 об.—305), «Како баба диявола обманула» (лл. 306—309), «Повесть града Вавилона» (лл. 310—317 об.), «Суд Шемякин» (лл. 324—329). Из текстов о богатырях в сборнике еще «Сказание о семи русских богатырях» (лл. 233—345 об.), отрывок текста о Ставре Гаденовиче (лл. 247—258).

В сборнике много записей владельцев: «Копеиста Петра Иванова сына Степанова» (л. 309 об.), служителя в доме прапорщика Желябужского «Ивана Тимофиева, сына Быкова» (л. 305 об.), Алексея Ивановича Быкова (л. 118 об.) и др.

«Повесть» занимает лл. 318—323, писана скорописью. Заглавие и первая буква текста выделены кинovarью. Первая буква текста разрисована. Текст полный; Тихонравов (стр. 7) и Лобода (стр. 35) считали его копией. Тихонравов приводит ряд характерных для копий описок и искажений: два раза написано «себе» вместо «Себеж», очевидно не перенесено надстрочное «ж» (строки 7 и 62); в укоре коню «Что ты, волче, спотыкаешься?» (строка 26) слово «волче» явилось из «волчие»; в оригинале очевидно, было пропущено слово «мясо» (ср. в тексте № 26 «волчья мяса»), и писцом данной копии обращение было переосмыслено; в строке 63 пропущено слово «силу» перед «ратную».

¹ В рукописи «пхоть». — Т. ² «На лесы» написано неразборчиво. ³ Обозначение числа в рукописи буквенное.

Публикуемый текст — самый ранний из известных нам списков былин об Илье Муромце и Соловье-разбойнике в старинной записи. Несомненно его родство с предыдущим при характерных пропусках и сокращениях в данном варианте. Ср., например:

№ 1

«Зовут меня, государь, Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, уроженец града Морова». И сибирской царь взговорит: «Откуды твоя дорога излучилась?» Ответ держал Илья Муровец: «Еду, государь, к столному граду Киеву ко князю Владимиру киевскому Всеславицу». И сибирской царь взговорит Илье Муровцу: «Служи ты у меня»...

«И я ево выручил, и побил всю силу их, и трех царевичев в полон взял и подарил сибирскому царю в подарки».

«И другая, государь, на меня притчина была: как едучи на мосту калиновом, на реке Смородыне, и наехал, и напустил на меня Соловев разбонник, закричал громким гласом и сасвистал своим разбонничским посвистом, ажно подмною конь впотыкнулся. И бил Соловья разбонника в правои глас и привез ево [с] собою в Киев град. И топерь он стоит у моего коня богатырского привязан у стремени привязана».

И выглядывает князь Владимир в окошечку хрустальную и сам взговорит: «О еси ты, Соловев разбонник! Засвищи ты своим разбонничским...»

Наличие ближайшего общего источника для обоих текстов обнаруживается и следующей деталью. Только в текстах №№ 1 и 2 находим характерное сравнение в эпизоде боя Ильи Муромца с царевичами: в первом «напускает, как на галечье стадо», во втором — побил «будто зайчье стадо». В то время как первый образ свойствен народной поэтике и встречается и в других памятниках древнерусской литературы (см. об этом: Майков, стр. 13—14), второй образ необычен и, очевидно, явился в результате невнимательного отношения писца к источнику, с которого он копировал.

В тексте № 2 есть фразы, которых нет в тексте № 1 (см. статью, стр. 41). Это говорит о том, что оба текста уже отошли от своего оригинала, так как в том и в другом есть детали, которые не совпадают с другими текстами этой редакции.

Несмотря на большую лаконичность пересказа, все основные эпизоды сохранены, и образ могучего богатыря хорошо выделен. В пересказе встречается ряд былинных выражений: «дорога залегла», «человек не прохаживал, и зверь не прорыскивал, и птица не пролетовала», «зговорит таково слово», «съкачет з горы на гору», «а у реки перевозу не спрашивает» и др. Как и в предыдущем тексте, есть следы былинного ритма, но не очень значительные.

3. [Повесть об Илье Муромце]. Печатается по рукописи ГПБ, Титова 2776. Середина XVIII века. Впервые опубликована: В. В. Митрофанова. К вопросу о редакциях былин в старинных русских записях. Сб. «Русский фольклор», II, М.—Л., 1957, стр. 304—305.

Рукопись представляет собою сборник размером в 4°, в нем 293 листа; бумага белая разная, переплет картонный новый; сохранилась старая нумерация; скорописью XVIII—начала XIX века разных почерков. Судя по водяным знакам, часть бумаги начала XIX века, но бумага разная, знаки на листах, сходных с теми, где записан отрывок, неясные. Содержание сборника смешанное: чтения в пост, поучения, молитвы, отрывки журнала военного похода 1739 года. Из повествовательной литературы: повесть о Ерше (лл. 84 об.—86 об.), «Гистория» о Долторне (лл. 87—140), сказание об Акире премудром (лл. 305—312). Нумерация заканчивается цифрой 312, но фактически в сборнике 293 листа, так как после л. 249 ошибочно поставлен 270. В сборнике много записей владельцев: мещанина Никиты Ильина Сторожева, купца Ильи Михайлова Съсорина, «посадского человека Дмитрия Андреева сына Елизарева». На л. 145 об. запись, очевидно, современная с написанием повести о Долторне и отрывка об Илье: «1742-и год ноября 2 дня писана тетрать»; а на л. 140 — «1741-го года декабрь в 11 день». Почерк отрывка об Илье похож на почерк повести о Долторне.

№ 2

«Зовут меня, государь, Илюшкою, а по отчеству Иванов сын, а уроженец града Мурома». И сибирски царь зговорит таково слово: «Он еси, доброй молодец Илья Муромец! Живи ты у меня, служи ты мне...»

«И я ево выручил и побил всю ратную».

«И как буду на лесы Бранския, на мосту калиновом, на реке Смородине, ажно напускает на меня Соловев разбонник».

«...подо мною конь спотыкнулся. И я ево убил. И топерь стоит у моего коня у добраго».

А князь говорит: «Засвищи ты, Соловев, своим посвистом...»

Отрывок занимает лл. 83—84; скоропись XVIII века. Листы с началом утрачены, очевидно, до переплетения. Текст хорошей сохранности, без пропусков и искажений, является копией, так как есть более древние родственные тексты; копировался очень внимательно.

¹ В рукописи «пресла».

Текст представляет отрывок одного из «себежских» вариантов и начинается ответом Ильи Муромца на вопрос князя Владимира, откуда он приехал (самого вопроса уже нет). Наиболее близок к соответствующей части текста ГПБ, Q.XVII.194 (№ 1), но есть небольшие разночтения, заключающиеся главным образом в пропуске отдельных слов или фраз то в тексте № 1 (более часто), то в данном (реже), а иногда и в замене слов. Приводим параллельные отрывки, чтобы показать характер этих несовпадений (курсивом отмечено пропущенное, разрядкой — несовпадения в отдельных словах).

№ 1

«А как едучи будет по[д] Себежем градом, ажно стоят три царевича заморские, а силы с ним было у всякова царевича по сту и по ты сече; а хотят они Себеж град за щитом взять, а самого царя сибирского в полон взять. И я ево выручил, и побил всю силу их, и трех царевичев в полон взял и подарил сибирскому царю в подарки».

В данной части отрывок близко соприкасается и с текстом собрания Лихачева 287 (наст. изд., № 7, см. строки 83—87).

Или:

И выглядывает князь Владимир в окошечку хрустальную и сам взговорит: «О еси ты, Соловей разбойник! Засвищи ты своим разбойническим посвистом». И Соловей разбойник ответ держит: «Не твой холоп, не слушаю тебя, я слушаю своего господина Илью Муровца».

№ 3

«И как я буду под градом Себежем, ажно стоят три царевича заморския, а силы с ними у всякого царевича по сту ты сяч; а хотят они Себеж град за щитом взять, а самого царевича сибирского в полон взять. И я ево выручил, а побил всю рать силу великую и трех царевичев в полон взял и подарил царя сибирского».

И выглядывает князь Владимир киевский в окошечко косящето, в окошечку хрустальную, а сам зговорит таково слово: «Он еси ты, Соловей разбойник! Засвищи ты мне своим разбойническим посвистом». И Соловей разбойник ответ держит: «Не твой де, государь, холоп и не слушаю я тебя, а слушаю я своего государя, славнаго богатыря, Илью Муровца!»

Написан отрывок живым народным языком с использованием былинной фразеологии. Книжные обороты единичны: «стал быть вельми радостен», «слава их до скончания века». Речь пересказа ритмична, иногда чувствуется стих, см., например, в конце отрывка речь князя Владимира.

4. Повесть о славном могучем богатыре о Илье Муромце и о Соловье разбойнике.

Печатается по рукописи ГБЛ, Ундольского 663 (по новой нумерации библиотеки фонд № 310). Впервые опубликована: Тихонравов, стр. 8—9. Перепечатана: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 75. Рукопись описана: А. Викторов. Собрание славяно-русских рукописей В. М. Ундольского. М., 1870, стр. 50; Тихонравов, стр. 8—9. Текст изучался: Тихонравов, стр. 8—9; Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 74—75; Майков, стр. 3; Лобода, стр. 35—36. Упомянут в перечне: Соколов, «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 102. Привлечен к исследованию: Кравчинская, стр. 355—364.

Рукопись представляет собою сборник в 4°, на 82 листах белой бумаги (разной), переплет картонный, есть старая нумерация. В рукописи две самостоятельных по бумаге и почерку части. Содержание той части, где записана «Повесть», повествовательное. Здесь повести о царе Агее (лл. 59—61 об.), о Иерусалиме (лл. 62—64 об.), о крестном сыне (лл. 65—74), о Дмитрии-купце (лл. 75—81 об.). Почерк последней повести несколько отличается. На верхней крышке переплета запись: «Из книг Ефима Лазарева. Подписано 20 ноября 1824 года Москва». На л. 59 в рамке, в верхнем углу листа, почерком и чернилами, сходными с остальным текстом, поставлен год «1730». На обороте последнего листа запись: «Читал сию книгу лавошник Ефим Лазорев 1787 года, августа 20 дня».

От «Повести» в рукописи сохранился только отрывок, несколько начальных строк и несколько строк конца. Они занимают лл. 64 об.—65. По оформлению сохранившихся частей «Повесть» представляла собою законченный текст: заглавие обведено рамкой,

в конце поставлено: «Аминь». Часть оставшегося на странице места зачерчена, часть занята другим текстом. Так как начальные строки помещены на одном листе, а конец — на другом, можно предположить, что середина текста исчезла из-за утраты листов. Отрывок писан одновременно с окружающими его статьями, а не вписан потом. Об этом свидетельствует почерк и оформление отрывка. Сохранившиеся строки не дают возможности судить, является ли текст копией. Н. С. Тихонравов предполагал по уцелевшим строкам, что «текст записан было довольно верно сравнительно с народным пересказом и не подвергся поправкам книжника» (Тихонравов, стр. 9; Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 75).

По сохранившимся началу и концу, совпадающими с соответствующими строками предыдущих трех текстов, можно предполагать, что и весь утерянный текст был к ним близок.

5. Сказание о Илье Муромце и о Соловье разбойнике. Печатается по публикации: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 10—11, 30-е годы XVIII века. Рукопись хранилась в ГБЛ, в собрании Н. С. Тихонравова, № 222, но в настоящее время утрачена. Впервые «Сказание» опубликовано: Тихонравов, стр. 32—33. При переиздании в сборнике Тихонравова—Миллера тексты проверялись по рукописям, и потому это издание более точное. Рукопись описана: Тихонравов, стр. 19—20; Г. И. Георгиевский. Собрание Н. С. Тихонравова, I, Рукописи. М., 1913, стр. 34—35. Текст изучался: Тихонравов, стр. 19—20 (перепечатано: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 82—83); Майков, стр. 1; Миллер, Очерки, I, стр. 370, 391—397; III, стр. 92; Лобода, стр. 37, 42—43; Соколов, «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 102 (в перечне); Кравчинская, стр. 355—364.

По описанию Н. С. Тихонравова, рукопись представляла собою сборник в 4°, на 227 листах белой бумаги, писан скорописью, разными почерками, двух листов в начале и л. 65 нет, л. 3 оборван. В сборнике: «Повесть об Аполлоне, короле Тирском» (лл. 3—28 об.), «История о графском сыне Кеинге» (лл. 29—44 об.), «Сут Шемякин» (лл. 45—47 об.), «Сказание о хромце и о слепце» (лл. 47 об.—48 об.), «Повесть цесаревича Диоклитяна» (лл. 49—63 об.), «Повесть о Савве Грудцыне» (лл. 67—87), «История о храбром . . . рыцаре Веницыане» (лл. 94—227) и тексты религиозного содержания. На л. 63 об. тем же почерком, что и весь сборник, была сделана запись: «Аппо Domini 1734 году».

«Сказание», как и несколько молитв, было записано на листах (91 об.—93 об.), оставшихся, очевидно, чистыми после заполнения сборника. Оно написано скорописью XVIII в., очевидно, позже 1734 года, которым можно датировать сборник, но не позднее 1740 года, так как в одной из молитв упомянута Анна Иоановна. По мнению Тихонравова (стр. 20), «переписчик несомненно имел оригиналом рукописный текст былины, старый с надстрочными буквами и титлами. Не умея разобрать надстрочных скорописных букв, писец былины пропускал их». Н. С. Тихонравов ссылается на написание слов: «цаства» (царства); «Брыския» (Брынская); «разбонику» (разбойнику). Начало производит впечатление испорченного несколькими переписчиками. Копией считает этот текст и Б. М. Соколов («Этнография», 1926, № 1—2, стр. 102). О конце «Сказания» судить нельзя, так как текст отрывочен.

При публикации текста Н. С. Тихонравовым внесены были исправления, оговоренные им в сносках. Из этих исправлений мы сохраняем восстановление пропущенных букв, но заключаем их в скобки, кроме того сохраняем следующие исправления:

¹ В рукописи «гроде». — Т. ² В рукописи обозначение числа буквенное. ³ В рукописи «заговорит». — Т. ⁴ В рукописи «улук». — Т. ⁵ В рукописи «солах».

Вариант «себежской» группы, без конца, обрывается на начале ответа Соловья-разбойника Илье Муромцу о золотой казне.

Отдельные места почти точно совпадают с соответствующими частями предшествующих текстов, в особенности текста № 2 (зачин, вопросы «сибирского» царя, его уговоры остаться у него, описание прямой дороги в Киев), но некоторые эпизоды переданы более кратко и словесно иначе. Так, в эпизоде выезда Ильи из Муромы отсутствует завет не вынимать в пути саблю и не натягивать тетиву. С царевичами Ильей Муромец встречается не под Себежем (Себеж не упоминается), а «на том же поле», при этом царевичи названы не «заморскими», а «сибескими», и их Илья Муромец, взяв в плен, дарит «царю сибескому». Весь этот эпизод вообще дан менее четко, чем в других вариантах.

Отличительная черта текста — наименование Соловья-разбойника Будимеровичем, Будимеровым; то же см. в текстах №№ 6 и 14.

6. Сказание о Соловье разбойнике, како его полонил Илья Муромец. Печатается по рукописи ГПБ, Титова 1994. Вторая половина XVIII века. Впервые опубликовано: В. В. Митрофанова. К вопросу о редакциях былин в старинных русских записях. Сб. «Русский фольклор», II, М.—Л., 1957, стр. 305—307.

Рукопись представляет собою сборник в 4^о, на 186 листах, голубой и белой бумаги, писан полууставом и скорописью XVIII века разных почерков, переплет картонный. Содержание сборника смешанное, среди житий и описаний чудес помещены повествовательные произведения: «Сказание о премудрости царя Соломона» (лл. 109—114), «Повесть о Савве Грудцыне» (лл. 172—179), «Сказание о царе Аггее...» (лл. 180—184). Нумерация дается по нанесенной карандашом внизу листов через 10 листов, есть еще нумерация чернилами. В сборнике есть новые записи, очевидно XIX века, сделанные в военной среде: «Сия книга унтер» (л. 21); «Сия книга у меркитаннта Михъела и приложил руки А. Я. Стобонрик, рыба с водою поничуунис (!)» (л. 108). Старые записи: «Сия тетрадь Артемия Козлова» (л. 159); «Анна Слесарева у исповеди была 1784 году с мужем» (л. 159 об.). И почерк, и записи, и бумажные знаки, среди которых есть клеймо Ярославской фабрики XVIII века (литеры ЯМСЯ), заставляют предполагать, что весь сборник был составлен во второй половине XVIII века.

«Сказание» занимает лл. 114 об.—118, писано скорописью XVIII века. Некоторые слова на углах затерты. При переплетении нижний край был срезан вплотную, а на л. 115 об. обрезана часть нижней строки. Заглавие и первая буква текста написаны кинноварью. Заглавие повторено выше черными чернилами. Тем же почерком, что и начало «Сказания», писано «Сказание о премудрости царя Соломона», идущее до «Сказания о Соловье разбойнике». Последнее писано или в два приема, или двумя очень сходными почерками, изменение почерка на л. 115 об. со слов «на мость каинновые» (строка 30). Начиная от этого места, исчезают различия между ъ и ы в начертании. При издании ъ на конце слова поставлен согласно современной орфографии. В тексте много путаницы и искажений. Писец не смог прочесть названия города и написал в одном случае «тем же градом» (примечание 3), в другом — «под сем же градом» (строка 8). После речи Ильи, где он сожалеет о данном им завете, в тексте искажения и пропуск (строки 13, 14). Речь Ильи здесь переходит в описание его боя. Кроме того, автор пропустил надстрочные буквы и исказил слова (см. примечания 7, 12, 19, 20). Писец часто вместо с пишет и («илово», «ивет»). Пропуски и искажения говорят, что это копия. Правильное написание восстанавливается по другим сходным текстам, а иногда, как «кашаты, илово», просто по смыслу.

¹ В рукописи «ко Киеву Всеславицю». ² В рукописи «зевет». ³ В рукописи искажение: «Он ношию ажню путем тем же градом»; слова, заключенные в скобки, взяты из рассказа Ильи Муромца князю Владимиру (строка 85). ⁴ В рукописи «не». ⁵ В рукописи «наратическую». ⁶ В рукописи «клевскому». ⁷ «Царь» написано над строкой. ⁸ Вместо слов, взятых в скобки, в рукописи: «ранох вещи»; восстановление текста дано по рассказу Ильи Муромца (строка 91). ⁹ Первое «с» написано как «и». ¹⁰ После «ажню» написано «на». ¹¹ В рукописи «на нею». ¹² После «Соловей» написано «разбойническим». ¹³ В рукописи «садикуся». ¹⁴ В рукописи «пелы». ¹⁵ В рукописи «сын Ивановичъ» стоит выше перед словом «оставъ». ¹⁶ В рукописи «он же». ¹⁷ В рукописи «привазаня». ¹⁸ После «и» в рукописи «надевает и». ¹⁹ В рукописи «выдержают». ²⁰ В рукописи «кашаты». ²¹ В рукописи: «Киеневу». ²² В рукописи «чезре». ²³ В рукописи «сом». ²⁴ В рукописи искажение: речь Владимира начинается не со слов «ои еси», а со слова «данеи». ²⁵ В рукописи «звот». ²⁶ В рукописи «еговорит». ²⁷ В рукописи «скоему». ²⁸ В рукописи «накаков». ²⁹ Так в рукописи, очевидно, «постричься».

Принадлежит к группе «себежских» кратких вариантов. Сохраняет обычный порядок эпизодов. Словесно несколько отличается от других текстов той же группы, но отдельные места совпадают, ср., например: начало в вариантах Буслаева 92, Лихачева 287, Забелина 71, Барсова 210 (наст. изд., №№ 2, 7—9); приготовление Ильи к бою в тексте ГПБ 194 (наст. изд., № 1); ответ Ильи Муромца сибирскому царю в варианте Тихонравова 222 (наст. изд., № 5) и др. С текстом № 7 (Лихачева 287) роднит данный текст еще и эпическая деталь в рассказе о приближении Ильи Муромца под Себеж («ажню тамо стук и крик велик и конское ржанье»). Эта деталь сохраняется и в рассказе Ильи князю о бое под Себежем, чего в тексте собрания Н. П. Лихачева и в других текстах нет.

Вместе с тем имеются некоторые детали и мотивы, не известные другим вариантам. Так, когда Илья садится на раненого и упавшего Соловья-разбойника, он хочет вынуть у него не «ретиво сердце», как обычно, а «ясны очи» (строка 41); сыновей у Соловья не 12, а 2; своеобразно изображен приход Ильи Муромца в палату князя Владимира: «... молится крестообразно лицам, князю Владимиру пониску челом, а княине и по-

ниже тово...» (ср. другие тексты); ни в одном варианте нет эпической картины скачки Ильи Муромца после победы над Соловьем-разбойником («И скачет он с горы на гору и через быстрые реки з берегу на берегах, и перевозу не спрашивают»). Также нигде нет диалога князя Владимира и Соловья-разбойника, изображающего Соловья человеком, сыном «нарочитого» (т. е. именитого) мужика: «Ты ли еси дороги широкое держал...» и т. д. (строки 97—99), см. об этом в статье, стр. 41. Оригинальна и концовка о том, что князь Владимир по просьбе Ильи отпускает его «постихся» (очевидно, постричься), традиционное же завершение «себежских» вариантов — князь Владимир награждает Илью Муромца за подвиг: «Живи ты у меня, тебе место выше всех у меня, злата казна не запечатана» и т. д. Эти слова в данном тексте тоже имеются, но ими не заканчивается рассказ, они предшествуют указанной концовке. Об этом изменении конца и о соотношении данного текста к предыдущим см. также в статье, стр. 41.

Обращает на себя внимание и отчество Соловья — Будилович (в трех местах) и Будиморович (в одном). Ср. в тексте № 5 — Будимерович, Будимеров и в тексте № 14 — Будимерович. Об этом наименовании см. в комментарии к тексту № 14.

Как и другие тексты, относящиеся к «себежской» группе, данный представляет прозаический, но ритмизованный пересказ сюжета. Лишь в отдельных частях чувствуется стихотворный склад. См., например, диалог сибирского царя и Ильи Муромца:

«Свет государь Илья Муромец сын Ивановичь!
Не ездят ты ко столному граду ко Киеву,
Ко кнезю Владимиру киевскому Всеславию,
Живи ты у меня, все тебе дам,
Половину царства своего Сибирскаго!»
Ответ держит Илья Муромец:
«Много, государь, твоего жалованья!»

Еще более определенно выделяются стихи в эпизоде встречи богатыря с сыновьями Соловья:

И тут мечутся два сына в злату казну,
И надевают на себя разное платье богатырское,
И берут копы мурзоветские,
И садятся на свои добры кони,
И выезжают против человека незнаема,
И хотят с ним поле поставити.
И Соловен разбойник эговорит таково слово:
«Светы мои, дети милые!
Не дразните такова добраго молотца».

См. также обращение князя Владимира к Илье Муромцу (строки 70—71).

7. История о двух сильных богатырях — о Илье Муромце и о Соловье разбойнике. Печатается по рукописи ЛОИИ, Лихачева 287. Вторая половина XVIII века. Рукопись обнаружена В. И. Малышевым; опубликована: Кравчинская, стр. 366—371; описана и текст исследован: там же, стр. 354—366.

Рукопись представляет собою тетрадь в 4°, на 5 листах белой бумаги, писана скорописью XVIII века, одним почерком. При переплетении листы спутаны, переплет синей бумаги. Бумажный знак на сгибах листа очень неразборчив, определить его не удалось. В тетради записана только «история».

Текст полный, является копией, так как носит явные следы редакторской работы и содержит характерные для копии описки в словах (см. об этом: Кравчинская, стр. 364).

¹ «ровна» повторено. ² В рукописи «седрце». ³ В рукописи «пелы». ⁴ Перед словом «пошел» на полях тем же почерком приписано «потом». ⁵ После «добран» зачеркнуто слово «конь».

Из всех текстов, принадлежащих к краткой редакции «себежской» версии, тексты №№ 6, 7 — самые подробные. Композиция текста № 7 традиционна, в передаче отдельных эпизодов публикуемый вариант сближается по содержанию и в текстуальном отношении то с одним, то с другим «себежским» вариантом; ср., например, начальную часть и встречу с тремя царевичами под Себежем с соответствующими местами текстов Забелина 71 (наст. изд., № 8) и Барсова 210 (наст. изд., № 9), с этими же текстами — эпизод рассказа о причинах задержки в пути; ср. эпизод посещения Илейей сел Кутузовых с текстом ГПБ, 194 (наст. изд., № 1), с ним же — конечную часть повествования (обращение князя к Соловью с приказом засвистеть, ответ Соловья, последствия свиста); см. выглаживание князя Владимира в оконце, но в несколько ином

словесном оформлении, в текстах ГПБ, 194 (наст. изд., № 1) и Титова 1994 (наст. изд., № 6). Ближе всего публикуемый текст соприкасается, как уже было отмечено Кравчинской (стр. 364), с указанными выше текстами Забелина 71 и Барсова 210 (наст. изд., №№ 8 и 9). Все три содержат оригинальные черты, не известные другим текстам и, очевидно, привнесенные книжником: Илья Муромец едет «в сугонь» за царевичами и нагоняет их у морской пристани; сыновья Соловья-разбойника надевают «збрую богатырскую», готовятся к бою; указывается, что у князя Владимира, когда приезжает Илья Муромец, было «пированье великое». Но ряд эпизодов в данном тексте значительно более развернут. Таковы эпическая картина боя под Себежем (строки 14—18), изображение встречи Ильи Муромца в Себеже (строки 26—30), рассказ о посещении Илей сел Кутузовых (строки 58—69), проезд Ильи Муромца к князю Владимиру (строки 70—75). Совсем отсутствуют в других текстах в названных эпизодах изображение гнева Ильи на царевичей за их похвальбу, привязывание коня во дворе князя Владимира к серебряному кольцу, угощение Ильи князем. Более развернут во всех случаях диалог, похвальба царевичей передана тоже прямой речью, а не косвенной, как в текстах №№ 1—3, 8, 9.

С другой стороны, в настоящем тексте отсутствуют некоторые ставшие устойчивыми в «себежских» вариантах детали: укор Ильи Муромца коню, споткнувшемуся при свисте Соловья, выражение недоверия со стороны князя к рассказу Ильи Муромца о приезде его по прямой дороге. В источнике же, от которого ведет свое происхождение данная копия, мотив недоверия явно был, так как в дальнейшем рассказе Ильи говорится о встрече с Соловьем-разбойником как о «второй причине» задержки в пути.

Текст представляет собой пересказ сюжета прозой с элементами литературной обработки без членения на стихи, но ритмической речью, выдержанной почти на всем протяжении повествования; былинные формулировки обильны. Все это, вместе с развернутой эпической картиной встречи Ильи Муромца с вражеской ратью и боя с ней, логически ясным изложением событий в их последовательности и развернутым диалогом, делает данный текст одним из самых колоритных рассказов в группе «себежских» вариантов. Этому способствует и живая народная речь, составляющая основу повествования. Книжные обороты и лексика («и тако», «рече», «отвещает», «хощет», «внял», «аще» и т. п.) сравнительно умеренно введены в словесную ткань рассказа.

О своеобразных особенностях данного текста, его соотношении с другими и возможным происхождении см. в статье, стр. 44.

8. Гистория о Илье Муромце и о Соловье разбойнике. Печатается по рукописи ГБЛ, М. 5914. Вторая половина XVIII века. По новой нумерации библиотеки рукопись внесена в фонд № 92 С. О. Долгого под тем же номером. Является частью сборника из собрания Забелина 71. Впервые издана: А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, вып. I. М., 1855, стр. 58—61. В издании подновлено правописание. Вторично по рукописи опубликована: Майков, стр. 32—34; третий раз, опять по рукописи: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 4—7. Рукопись описана: Майков, стр. 3. Упоминута: Пыпин. Очерк, стр. 295. Исследована: Майков, стр. 9—24; Тихонравов, стр. 9—10; Миллер. Очерки, I, стр. 370, 391—393, 394—397; III, стр. 92; Лобода, стр. 36, 42—43; Соколов, «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 101—102; Кравчинская, стр. 355—364.

Рукопись представляет собою тетрадь в 4°, на 6 листах белой однородной бумаги, без переплета. На лл. 1 и 4 у корешка водяной знак «Л». Является частью большого сборника. Других произведений в тетради нет. Скоропись второй половины XVIII века. Заглавие и большие буквы абзацев рукописи писаны кинноварью. Сохранность тетради хорошая. Текст является копией. Об этом свидетельствуют не только книжные слова и выражения, как об этом говорил Майков (стр. 5), но и путаница, которая могла возникнуть только при переписке. Например: «Отвещает Илья Муромец: „Еду я на мосты колиновы“. А Илья Муромец спрашивает у него дороги ко граду Киеву. И рече ему себежской царь: „Прямая у нас дорога лежит на мосты колиновы“» (строки 17—19). Нигде выше не было речи о том, что Илья поехал «на мосты колиновы», да и спрашивает он о дороге на Киев. Возможно, что ответ Ильи «Еду я на мосты колиновы» вставлен писцом от себя взамен стертых или запачканных слов, или просто его глаза перескочили одной-двумя строками ниже, после того как он написал «Еду я».

Публикуемый текст имеет ближайшее родство с предыдущим. В нем те же особенности, отличающие текст № 7 от прочих «себежских» вариантов: изображена погоня Ильи Муромца за царевичами к морской пристани, отсутствуют укор коню и эпизод с выражением недоверия к сообщению Ильи Муромца, упоминаются «збруя богатырская» сыновей Соловья и «пированье великое» у князя Владимира. Однако ряд эпизодов передан более кратко (бой под Себежем, описание дороги к Соловью-разбойнику, проезд

в Киев, сцена свиста, награждение Ильи князем Владимиром). Нет сцены спора сыновей Соловьёв друг с другом, кто кого везет: отец их Ильё Муромце или наоборот. Имеется явный пропуск между 36 и 37 строками: сразу после слов Соловьёв к детям об угощении Ильи Муромца изображен приход богатыря в палату к князю Владимиру. Сопоставление отдельных фрагментов этих двух текстов (см. статью, стр. 43—44) заставляет предполагать возникновение варианта № 8 на основе текста № 7 путем сокращения его.

Текст прозаический, стихи не выделяются, речь менее ритмична, чем в других текстах, но фразеология в ряде мест былинная: «и хотели оне Себеж грат за щитом взять», «и достальных людей побил», «гой еси ты, доброй молодец!», «дорога залегла равно тридцать лет», «никакон человек не прохаживал» и т. п.

Речь простая, «сказовая». Книжных слов и оборотов мало: «и тако», «отвещает», «рече ему», «потом вшел Илья Муромец».

9. **Гистория о Илье Муромце и о Соловьёв разбойнике.** Публикуется по рукописи ГИМ, Барсова 1592. Вторая половина XVIII века. Впервые опубликована: Соколов, «Этнография», 1927, № 1, стр. 115—117. Рукопись описана: там же, стр. 113—114. В описании дан старый номер — 210, под которым рукопись в хранилище не значится. Текст исследовался: Соколов, «Этнография», 1927, № 1, стр. 115 (упомянут в перечне: «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 102); Кравчинская, стр. 355—364. Упоминается: В. Д. Кузьмина. Повесть о Бове-королевиче в русской рукописной традиции. Старинная русская повесть. Статьи и исследования. Под ред. Н. К. Гудзия, М.—Л., 1941, стр. 129—130.

Рукопись представляет собою сборник в 4°, на 236 листах белой бумаги, почерки разные, переплет деревянный, обтянутый кожей, с оборванными застёжками. Состав сборника смешанный, с преобладанием нравоучительных произведений духовного содержания. Из повествовательных произведений два раза включено «Сказание» о Бове-королевиче (лл. 6—49 об. и лл. 65—71 об.), «Сказание» о царе Агее (лл. 202 об.—205), «Слово» о Дмитрие-купце (Басарге) (лл. 205 об.—209 об.). В сборнике много записей, говорящих о среде, где читался сборник, и о времени его создания: л. 72 об.—«Сия тетрадь деревни Афремова Ивана Филипова сына Веснина 1177 декабря тридцатого дня»; л. 94 об.—«1769 году сия тетрадь Ивана Филипова сына Веснина, а подписал он сам своею рукою 1769 году месяца октября 25 дня»; л. 132 об.—«1776 году месяца декабря 28 дня. Сия тетрадь Ивана сына Сивохина города... Своею рукою писал именно в Москве, потписал у Арбацких ворот»; л. 142 об.—«Сия тетрадь деревни Афремова Ивана Филипова сына Веснина 1772 году декабря 3 дня»; л. 167 об.—«Сия тетрадь лавошника Ивана Филипова сына Сивохина, Пешехонского уезда Багрышанской волости села Арефина, деревни Ефремовой»; л. 173—«Сия тетрадь деревни Афремова Ивана Филипова сына Веснина 177 году декабря 3 дня». Особенно много записей Зекиных: л. 57 об.—«До етова места читал Дмитриеи Петров Зекин»; л. 128—«И подписал Григориеи Васильевич деревни Вахрамеева 1861 г. месеца декабря 31 дня»; л. 129 об.—«Читал Григориеи Васильевич Зекин 1871 года»; л. 228 об. и 233 об.—«Сию книгу читал Григорий Васильев Зекин 1871-го года, августа 14 числа»; л. 228.—«Сия книга Петра Алексея сына Зекина 1816 года месеца 1-го дня»; «Сия книга Василья Петрова сына Зекина 1861 года месеца Декабря 16 дня. Сию книгу читал Григории Васильев Зекин деревни Вахрамеева»; л. 234—«1817 года месеца марта 7 дня. Сия книга называется Измарагд.—Сию книгу читал Дмитриеи Петров сын Зекин. Крестьянин Дмитриеи Петров господина графа Матвея Александровича Дмитриева-Мамонова; села Арефина. присудвиной к сему Арефину деревни починок, Вахрамееве». В начале и конце сборника приплетены письма Николая Зекина из Краснозерска Енисейской губернии, очевидно из ссылки, к отцу. Письма середины XIX века.

«Гистория» занимает лл. 60—64 об.: скоропись второй половины XVIII века. Заглавие и большие буквы абзацев киншварные. Лист, на котором написан конец «Гистории», вплетен до начала повести номером 59. Следовательно, «Гистория» занимает лл. 59—64 об. Текст полный, хорошей сохранности, является копией (аргументацию см. в комментарии к тексту № 8, близкому к № 9). На лл. 60, 61, 64 части водяного знака pro patria (Лихачев, № 3572 а, б), по которому бумагу можно датировать 60—70-ми годами XVIII века.

Публикуемый вариант повторяет текст № 8. Это было отмечено и Б. М. Соколовым, указавшим на общность самого способа разбивки текстов на абзацы, тождественные совпадения даже в мелочах написания («Этнография», 1927, № 1, стр. 115). Отклонения одного текста от другого незначительны. Они заключаются в отсутствии то в одном, то в другом тексте отдельных деталей. Приводим эти случаи (курсивом выделены слова, которых нет в другом тексте, и буквенные различия):

№ 8

И тако поехал Илья Муромец тою дорогою.

И тако поехал Илья Муромец в сугонь за тремя царевичами.

И потом себежской царь приказал отворять врата градъския.

И тут поехал Илья Муромец тою дорогою.

«...и я ево из лука попал в правои глас, и привес ево с собою, и теперь он стоит у моего добраго коня».

...и все богатыри на землю попадали, а ветхие хоромы и совсем повалилис. И князь Владимир стал весел и говорит ему...

В остальном между обоими текстами — полное тождество.

10. Гистория о славном, о храбром и сильном богатыре Илье Муромце сыне Ивановиче и о Соловие розбойнике. Печатается по рукописи ЛОИИ, Дихачева 74. Вторая половина XVIII века. Впервые опубликована: А. С. Орлов, Труды ОДРЛ, IV, 1940, стр. 242—246. Рукопись описана: там же, стр. 241—242. Текст исследовался и упоминался: Кравчинская, стр. 355—364; Голубев, стр. 241—244; Астахова. Илья Муромец, стр. 514—515; Пропп—Путилов, стр. 528—529.

Рукопись представляет собою сборник в 4^о, на 130 листах разной бумаги, почерки разные, переплет картонный. На лл. 91 и 96 водяной знак «763». В сборнике: «Три слова против ересеи Козьмы просвитера» (лл. 1—54 об.), «История» о семи мудрецах (лл. 56—72), «История» о Бове-королевиче (лл. 89—130). Записи: на л. 72 — «Конец сеи истории писал на чюлочной фабрики чюлошными ткачь Матфеи в 1767-м году декабря 8 дня» (этим почерком записан конец «Истории» о семи мудрецах); на л. 130 рукою писца «Гистории» — «1773 году месеца сентября 15 дня сия тетрадь писана в марте 761 дописана в августе». Эту дату, в виду водяного знака «763» на лл. 91 и 96, следует считать ошибочной (см. публикацию А. С. Орлова: Труды ОДРЛ, стр. 211). Есть записи, говорящие о бытовании сборника в городе Угличе.

«История» занимает лл. 73—88 об.; писана скорописью. Угол л. 73 оборван, некоторые буквы обведены и даже исправлены другими чернилами: в строке 114 «скамья» исправлено на «скамия», в строке 124 «вернова» на «верново», в строке 140 «таково» на «токово». Восстановленные в квадратных скобках слова и части слов взяты из тождественного текста (№ 11), как было сделано Орловым. Текст полный. Является копией, так как вся эта редакция, к которой относится текст, возникла в результате литературной работы книжника.

¹ В рукописи «бевал». — О. ² Перед «свои крепкой лук» — явный пропуск, в текстах №№ 11 и 12 стоит здесь «И вынимает». ³ «Своего» повторено, и повторенное затерто. ⁴ «Разежати» исправлено новыми чернилами на «разездити». ⁵ «Доспех» написано над строкой. ⁶ «Едут» исправлено новыми чернилами на «идут».

Публикуемый текст представляет распространенную редакцию «себежской» версии. Характерные особенности его указаны в статье на стр. 44—47. Главное в нем — объединение краткой редакции в ее устоявшейся форме и в варианте, близком к тексту № 1, с сюжетом об исцелении Ильи и с рассказом о победе его над Тухманом-царем. Выделяется также пестрое смешение былинных и книжных элементов. Все это говорит о значительной литературной работе книжника. О характере этой работы см. на указанных страницах статьи.

11. Гистория о славном и о храбр[о]м и сильном богатыре Илье Муромце сыне Ивановиче и о Соловье розбойнике. Печатается по рукописи ГИМ, Забелина 548. Вторая

№ 9

И тако поехал Илья Муромец от славного града Мурома и, едуци дорогою...

И тако услышал Илья Муромец ту их похвалу великую, и поехал в сугонь за тремя царевичами.

И потом себежской царь приказал отворять врата градския.

И тут Илья Муромец привязал Соловьа к своему стремени и поехал тою дорогою.

«...и я ево из лука попал в правои глас, в то время упал он з девети дубов, что овсянои сноп, и привес я ево с собою, и теперь он стоит у моего добраго коня».

...все богатыри на землю попадали. И князь Владимир стал весел и говорит...

половина XVIII века. Впервые опубликована: Соколов, «Этнография», 1927, № 1, стр. 109—113. Рукопись описана: там же, стр. 107—109. Б. М. Соколов указывает старый номер (244/1), под которым рукопись в хранилище сейчас не значится. Под новым номером рукопись описана М. Н. Сперанским в «Собрании рукописей И. Е. Забелина» (Приложение II к Отчету Государственного исторического музея за 1916—1925 гг., М., 1926, стр. 23). Текст исследован: Соколов, «Этнография», 1927, № 1, стр. 108—109 и 1926, № 1—2, стр. 102; Кравчинская, стр. 355—364; Голубев, стр. 241—244.

Рукопись представляет собою тетрадь в 4°, на 13 листах белой бумаги. Водяные знаки неясные. Писана одним почерком, скорописью второй половины XVIII века, переплета нет. Рукопись плохой сохранности, первый и последний листы полустерты, верхние углы лл. 7 и 8 оборваны, чем и обусловлены многие пропуски слов, обозначенные в публикации Б. М. Соколова отточием и заполненные в настоящем издании (в ломанных скобках) по сопоставлению с текстами №№ 10 и 12. Лл. 8 об., 9, 11 об., 12, 13 — чистые. Есть записи, но ни к датировке, ни к владельцам отношения не имеют. Кроме «Гистории», в рукописи имеется «Повесть о гаерско[и] свад[бе]» (лл. 10—11).

«Гистория» занимает лл. 1—8. Текст полный, ъ и ь различаются четко. Первый издатель текста Б. М. Соколов не указывает, считает ли он этот текст копией, но характер ошибок и описок писца позволяет с уверенностью сказать, что текст списывался, а не записывался на слух или по памяти. Писец допустил повторение (примечание 2, строка 38); он пропускает такие буквы, которые обычно выносились над строкой: «и ножен» (из ножен), «по руку» (под руку), «и славнаго» (из славнаго), «и роту» (из роту), «тоячева» (стоячева). Пропустить надстрочные буквы мог и не данный писец, а его предшественник. Особенно часто в тексте пропускается надстрочное и, например: «сибирско[и]», «зов[и]дели», «киевско[и]». Писец часто не ставит над сокращенными словами титло. Большое количество явных описок, пропусков букв и предлогов обнаруживает небрежность писца и более низкую его грамотность по сравнению с писцами текстов №№ 10 и 12.

¹ В рукописи «болатырь». ² «И сибирской царь» повторено. ³ В рукописи «Солевеи». ⁴ В рукописи «свещтую». ⁵ В рукописи перед обрывом строки «ак...».

Публикуемый текст «Гистории» тождествен предыдущему тексту № 10 (Лихачева 74), а также последующему № 12 (Титова 3315), имеющему только в последней своей части значительный пропуск. Наблюдаются все же небольшие разночтения. Они обусловлены в данном тексте главным образом описками копииста, неверным прочтением непонятных слов, а иногда их осмыслением. Таковы:

№ 10

И спал молодец Илья Муромец 3 дни
и 3 нощи.

«Хотя я долго спал, да в пору встал и
на срок поспел».

Тухман

шелку шемаханского

миткалинная

хартия

волчья сыть

поле дать

чюдным образом

А слуга же Тороп напал на его белы
груды.

№ 11

И стал молодец Илья Муромец 3 дни
и 3 нощи спал.

«Хотя я долго спал, да в пору устал
и на средь поспел».

Тулман

шелку шелоханского

миткалитная

харатия

волчья сытость

повоевать

чудотворным образом

А слуга же Тороп напал на него, хот-
тит белыя груди вынут.

Наблюдаются иногда привнесения копииста, продиктованные, очевидно, желанием улучшить текст, внести некоторые замены или дополнительные детали. Например:

№ 10

Давай мне, Илья, пити

Жеребчика

И тут у господи и у богатырей кресла и стулья подломились, а у князя Владимира скамья подломилась.

«И конюшню не заперты, бери сколько изволишь лошадей».

...и велел с собою взять что хочет денех.

Имеется случай прямой речи на месте косвенной:

...и спрашивает прямой дороги ко граду Киеву, как бы ближе ехать.

На тексте сказалося и индивидуальное произношение писца: каждой — каждой; не дразните — не дражните; Киев — Кеев.

12. История о славном, храбром и сильном богатыре Илье Муромце сыне Ивановиче, о Соловье разбойнике. Печатается по рукописи ГПБ, Титова 3315. XVIII век. Впервые опубликована: В. В. Митрофанова. К вопросу о редакциях былин в старинных русских записях. Сб. «Русский фольклор», II, М.—Л., 1957, стр. 307—311.

Рукопись представляет собою сборник в 4°, на 197 листах (195 + 2 чистых не занумерованных), разной бумаги в картонном (новом) переплете, почерки разные конца XVIII—начала XIX века, листы перебиты при переплетении. Сборник смешанного характера, с преобладанием нравоучительных статей; из повествовательных произведений — «Повесть об Отроче монастыре» (лл. 25—28; 33—40). На л. 20 запись владельца: «Михайло Золотарев тетрадь имеет»; на л. 40 об. запись писца, писавшего «Повесть об Отроче монастыре»: «Слава богу начнешу и соершившу. Писал Архип Протопопов оп Отрочи»; на л. 54 об. записи балахонского купца «Степана Лавенътича сына Бочкарева».

«История» занимает лл. 181—195, которые по бумаге и по почерку отличаются от остальных, писана скорописью XVIII века. Водяные знаки на листах, где записана «История», неясны. В середине текста пропуск — очевидно, недостает целого листа (между лл. 194 и 195). Никаких следов переработки или стремления как-то соединить концы пропуска нет. По сравнению с тождественными текстами пропуск легко восстанавливается. Текст является копией, а не записью с голоса, о чем свидетельствует его книжный характер, то, что вся эта редакция является творчеством книжника. Есть в тексте повторения слов и слогов (см. примечания 3—5). В слове «отслуша», очевидно, пропущено надстрочное *в*. Общее состояние текста, если не считать утраты листа, скорее, писан он внимательно, искажения незначительны.

¹ «Жеребчика» исправлено писцом, и можно прочесть «жеребченка». ² В рукописи «и». ³ «Меж ног» повторено. ⁴ В рукописи «седелечко». ⁵ В рукописи «садилясся». ⁶ Отмеченный в тексте пропуск, очевидно, равен целому листу.

Публикуемый текст тождествен обоим предыдущим (№№ 10 и 11), но имеет в последней своей части, повествующей о борьбе Ильи Муромца с Тухманом, значительный пропуск: рассказ о том, как Тороп, которому показала на ширинке, повешенной на копье Илей, кровь — знак случившейся с Илей бедой, спешит к богатырю на выручку, принимает Илью за Тухмана и чуть не убивает его. Выпадение этого эпизода носит чисто механический характер, так как наказ Ильи Муромца Торопу следить за окраской ширинки сохранен.

В заключительной части имеются незначительные разночтения с текстом № 10 (в одном случае — небольшой пропуск, в двух — расхождение в словах, что отмечено курсивом):

№ 10

И пошел звон великои по всему граду Киеву: и в политавры игроу, и з барабанным боем, и со всякою музыкаю.

И по той великои радости отдал князь Владимир киевскои солнышко Всеславьевичь до полдарьствия своего.

№ 11

Давай мне, Илья, пива

Жеребенка

И тут у господи и у богатырей креслы подломилися, а у князя Владимира стула подломилася, и сам поволилси.

«И конюшни не заперты, и веди, в каторю хочиш, и лошадей бери, колко изволиш».

...и велел [с] собою взят 100 червонных денех.

...и спрашивает: «Куда према дорога ко граду Кееву, как бы ближе ехать?».

№ 12

И пошел звон великои по всему граду Киеву и со всякою музыкаю.

И по той великои радости отдал князь Владимир Илье Муромцу полъдарьствия своего.

...стал жить во всяком *благости* и ...стал жить во всяком *благочестии* и *честности*.

13. *Повесть о сильнем могучем богатыри Ильи Муромце и о Соловье разбойнике*. Печатается по публикации М. Протопопова («Живая старина», СПб., 1894, вып. I, отд. II, стр. 80—82). Середина XVIII века. Рукопись была найдена в 1893 году в деревне Верхние Вадушки, Архангельской губернии. Местонахождение ее в настоящее время неизвестно. Текст об Илье Муромце перепечатан: Миллер, стр. 285—288. Сравнение текста с другими, тогда известными, сделано М. Протоповым при издании в «Живой старине» на стр. 79—80. Текст изучался: Миллер, Очерки, III, стр. 92—93, 101; Лобода, стр. 38; Соколов, «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 102; Кравчинская, стр. 355—364; Астахова, Илья Муромец, стр. 511—512.

По описанию М. Протопопова (стр. 78), рукопись представляла собою сборник в 8°, писанный скорописью. Датирована издателем 1748 годом на основании записи: «Сия тетрадь Кегостровской волости Якова Алексеева сына ево Матвея Котлова 1748 года месяца июля 15 числа». Содержание сборника религиозное, из повествовательной литературы, кроме «Повести», М. Протопопов отмечает повесть об Акире-премудром.

Текст «Повести» об Илье Муромце плохой сохранности, есть механический пропуск: все начало эпизода встречи Ильи с Соловьятами пропущено (между строками 55 и 56); после победы Ильи над Соловьем идет сразу речь последнего к детям. Восстановить пропуск невозможно, так как других сходных текстов нет, а эпизод боя с Соловьем-разбойником в «Повести» изложен своеобразно.

В издании Протопопова многие буквы, а иногда слова и части слов заключены в круглые скобки. Издатель указывает (стр. 82), что это слова и буквы, которые он восстанавливал. Но были ли они стерты или отсутствовали, потому что писец не прочитал надстрочных букв или просто пропустил, за отсутствием рукописи определить нельзя. По характеру же восстановленного скорее можно предположить, что имело место и то и другое. Имеются и явно искаженные, путанные места, например: «...о том благодаренную пришли» (строки 10—11; см. также примечание 1). Указанные особенности рукописи явно свидетельствуют о том, что текст «Повести» является копией. Стертые слова и буквы, которые Протопову не удалось восстановить, обозначены им отточием с разным числом точек, примерно, по-видимому, соответствующим стертым знакам. В нашем издании сохраниены отточия в обычной форме (три точки), за исключением строки 60, и скобки, которые в соответствии с общими принципами заменены квадратными.

¹ В публикации Протопова «всех днех».

Текст № 13 в некоторых эпизодах основного сюжета отчасти примыкает к «себежской» краткой редакции (завет не пользоваться в пути оружием, бой с тремя царевичами под Себежем, описание прямой дороги на Киев, вопросы князя Владимира и ответ Ильи Муромца), но заключает и много своеобразных черт в тех же и в других эпизодах. Завет «востру саблю не вынимать» дается не от лица самого Ильи Муромца, а как наказ родителей; царевичей Илья Муромец не берет в плен, а они бегут с остатками разбитого войска на кораблях за море; царь Себежа не фигурирует. Илью встречает с почестями народ. Особой чертой отмечен эпизод победы Ильи Муромца над Соловьем-разбойником: они быются в поединке (см. об этом в статье, стр. 47—48).

В текст включен, как и в тексты №№ 10—12, эпизод исцеления, но в иной редакции: целители — два прохожих старичка, а не Николай-чудотворец, само исцеление связано с Илей-пророком, происходит накануне его праздника. Самое же важное отличие от текстов №№ 10—12 — это упоминание о крестьянском происхождении Ильи и о селе Карачаеве и сельце Каптяеве как родине богатыря. Эти черты уже сближают начальную часть текста с устной традицией сюжета об исцелении, хотя в целом она отличается совершенно прозаическим складом, чисто книжными оборотами речи и книжной лексикой: «велма [у] бога в милости по убогим и странным приематель»; «велми были печальны»; «яко бы по молитве родителей его они даровали ему ноги»; «наутре воста, пошли ко святой литоргии» и т. п.

В центральной же части текста встречаются характерные былинные выражения и явные следы стихотворного ритма, например: «Напуцается на рать силу велную. Сколько бьет, а вдвое конем топчет; куда он не поедет — улицы, куда не поворотится — слободы» (строки 25—27); «Богатырское сердце неуимчиво, и поворачивает своим добрым конем прямо на грязи черные, на реку Смородину, на мосты калиновы» (строки 39—40). См. еще изображение скачки Ильи Муромца и приезда его в Киев (строки 59—61).

14. Повесть о славном богатыре Илье Муромце, како он родился и как поехал из Мурома к столному граду Киеву ко князю Владимиру Всеславьевичю. Печатается по рукописи Государственного областного архива города Калининна, № 911. XVIII век. Впервые опубликовано: Голубев, стр. 246—250. Там же (стр. 242—246) рукопись описана и произведено сопоставление «Повести» с другими известными текстами на тот же сюжет. Рукопись описана также В. И. Колосовым: Тверской музей и его приобретения в 1906 г. Тверь, 1906, стр. 38. Текст упомянут и исследован: Малышев, стр. 63, 66; Астахова. Илья Муромец, стр. 512—514.

Рукопись представляет собою сборник в 4°, на 58 листах, некоторые листы, а также начало и конец утеряны, бумага белая, скоропись XVIII века разных почерков, переплета нет. Бумага обветшала, края листов потрепаны. Бумага, на которой записана «Повесть», выработана на Ярославской бумажной фабрике в 1735—1740 годах, судя по водяному знаку: медведь с алебардой в рамке. Содержание сборника смешанное, из повествовательной литературы в нем имеются: неполный текст повести об Акире (лл. 1—5 об.), «Повесть о некоторых двух купцах» (лл. 17—35 об.), «История об Аполлоне Тирском» (лл. 36—58 об.). На л. 16 об. запись: «Сия тетратъ ростовского уезду, Петровского монастыря подьячего Петра Федорова сына Межевского».

«Повесть» занимает лл. 7—16 об. Писец часто употребляет надстрочные буквы. При издании надстрочное *л* вносится в строку без *ь*, так как в строке *л*, хотя и редко, но встречается без *ь*. Остальные надстрочные согласные на конце слов передаются и с *ь*, и без него, согласно правилам современной орфографии, так как в написании писца в строке встречаются и мягкие и твердые окончания. Если *ь* поставлен писцом в строке, это сохранено в издании. В тексте есть механические пропуски, перестановки фраз и слов, искажения, на основании которых И. Ф. Голубев справедливо считает текст копией (Голубев, стр. 243): 1) в строке 61 после «Муромцем» пропущено слово. 2) Очевидные пропуски и искажения в эпизоде встречи Ильи с сыновьями Соловья (строки 77—78). Здесь или искажение и надо «И зговорит Илья Муромец» или после «таково слово» пропуск обращения к Илье сыновей Соловья. Предшествующие слова «выезжают в чистое поле битися» (строка 77) воспринимаются как лишние, так как далее Илья Муромец говорит, что если они хотят с ним битися, пусть выезжают в чистое поле (строки 82—84). 3) В сцене у князя Владимира явный пропуск (строка 151). 4) Пропущено указание, что же сделал князь с Соловьем (строки 163—166).

Восстановить пропуски нет возможности, так как сходных текстов нет. О смысле некоторых искаженных мест можно только строить предположения. Может быть, в искаженном теперь месте описания встречи с сыновьями Соловья была встреча на заставе, как это обычно бывает в былинах, если Илья встречается с сыновьями, а не с дочерьми.

¹ Очевидно, ошибочно вместо «Кинешма». ² Обозначение порядкового числительного в рукописи буквенное — «а-я». ³ В рукописи «седают».

Печатаемый текст вместе с предшествующим Архангельским (наст. изд., № 13) являются самыми ранними из записей, включающих эпизод исцеления и важное указание на крестьянское происхождение Ильи Муромца. Оба текста сближаются и в характере передачи эпизода исцеления: упоминание деревни Лаптевой в данном варианте и сельца Каптяева в Архангельском (обращает на себя внимание созвучность названий); отец и мать молят бога и пророка Илью исцелить сына. Вместе с тем вся начальная часть в данном тексте изложена значительно пространнее и включает ряд новых черт: сон Ильи о буром жеребенке и приобретение последнего отцом Ильи, эпическое изображение силы молодого богатыря и др. «Шутки» Ильи с ребятами сближают вариант с текстами №№ 10—12. О включении этого эпизода в рассказ об исцелении см. в статье (стр. 45—46). Особенного внимания заслуживает вопрос прохожих, хочет ли Илья богатства или силы богатырской, и ответ Ильи: «Лутче мне взять силу богатырскую».

То же мы видим и в передаче других эпизодов. Перекликаясь в некоторых частях с Архангельским вариантом, Калининский текст передает соответствующие места значительно подробнее и вносит новые детали в сюжет. Так, свой первый подвиг Илья Муромец совершает не под Себежем или Черниговом, а под Кинешмою. Пышнее изображена встреча жителями города Ильи Муромца после победы. Отказываясь остаться в городе и говоря, что он едет в Киев к князю Владимиру, Илья Муромец добавляет: «Непригоже мне житье у вас в замских городах». И. Ф. Голубев не без основания видит в этом выражении отзвук факта разделения Русской земли на опричнину и земщину при Иване IV. С серединой XVI века связывает текст также, по мнению И. Ф. Толубева, упоминание в конце повествования о станичниках, сообщающих о «незнаемых людях» не то из Рима, не то из Орды: введение сторожевой станичной

службы относится к середине XVI века, в ту же эпоху особенно часты были нападения на Русь крымских татар и ногайцев (Голубев, стр. 245). Отсюда И. Ф. Голубев делает предположение о возможном восхождении Калининского варианта к неизвестному списку времени Ивана IV.

Обращает внимание наименование Соловья-разбойника Соловьем сыном Будимеровым (ср. с текстами №№ 5 и 6) и рассказ о пожаловании князем в богатыри Соловья и его сыновей. Это заставляет вспомнить, как справедливо о том говорит И. Ф. Голубев, известное письмо 1574 года оршанского старосты Филона Кмиты Черныбыльского кастеляну Евстафию Воловичу, где рядом с Ильей Муромцем упоминается Соловей Будимирович как богатырь-воин. «Не восходит ли наш список былины с Соловьем-разбойником сыном Будимеровым, ставшим богатырем, — пишет И. Ф. Голубев, — к той версии (выражение Н. С. Тихонравова), которая была известна Кмите Черныбыльскому?» (Голубев, стр. 246).

Отсутствие казни Соловья-разбойника Ильей Муромцем сближает текст с Архангельским списком и со всеми текстами «себежской» группы.

Особенный интерес вызывает разработка в Калининском списке сцены в палатах князя Владимира, выделяющая могучий образ Ильи Муромца рядом со сниженными образами князя и бояр. Резко подчеркивается неуважительное по отношению князя поведение Соловья: входя в палату, он кланяется Илье Муромцу, «а великому князю не бьет челом». На приказание князя засвистать, он дерзко говорит: «... Потешу я тебя, руку отторву и ногу вырву». От его свиста все бояре падают, а князь Владимир «в своем тереме со страху набегался». Эти детали сатирически освещают образ князя Владимира, сближая это место в Калининском списке с соответствующим эпизодом лучших устных вариантов.

Упоминаемые в тексте «поля туковы» не находят истолкования в словарях. И. Ф. Голубев высказал предположение: не собственное ли это имя, подобно выражению «Грязи Черные»? (Голубев, стр. 249). Не происходят ли «поля туковы» от слова «тук» — перегой?

15. История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье разбойнике. Печатается по рукописи ГИМ, Барсова 2399. Конец XVIII века. Впервые опубликована: Соколов, «Этнография», 1927, № 1, стр. 119—122. Рукопись описана: там же, стр. 117—119. Б. М. Соколов указывает старый номер (8), под которым рукопись в хранилище не значится. Упоминания о рукописи: Е. В. Барсов. Слово о полку Игореве как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I. М., 1887, стр. 415—416; А. Кирпичников. Поэмы Ломбардского дякла. М., 1873, стр. 158; Майков, стр. 4; Лобода, стр. 37; Соколов, «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 103; Голубев, стр. 245.

Рукопись представляет собою тетрадь в 4°, на 6 листах белой однородной бумаги. По водяному знаку на лл. 2 и 5 — бумага 1774 года. (Тромонин, № 1004). Скоропись двух почерков, переплета нет, некоторые углы листов засалены. Сохранилась старая буквенная нумерация. Кроме «Истории», в тетради отрывок повести об Александре Македонском (лл. 5 об.—6).

Текст «Истории» писан скорописью конца XVIII века на лл. 1—5. Заглавие написано более крупно. Некоторые слова из-за загрязнения углов нельзя разобрать, чернила выцвели. Последний лист полустерт. Начиная от слова «неприятеля» на строке 107, идет другой более крупный почерк. Текст полный. А. И. Кирпичников считает, что списан он с южнорусского оригинала (ук. соч., стр. 158). Б. М. Соколов, отмечая особенности языка текста, приходит к выводу, что «оригинал текста был великорусский, с явными признаками акающего говора», переписан же южнорусским писцом, некоторые особенности говора которого отражены в тексте («Этнография», 1927, № 1, стр. 118). Результатом непонимания писцом великорусских слов Б. М. Соколов считает такие написания, как «смерти неть» вместо «сметы нет»; «поставил их ко дисти», вместо «поставя их под мышки»; «и коня стрела стала рвать в косую сазень» вместо «калена стрела стала рвать в косую сажень» и др. (там же, стр. 119). Все эти примеры доказывают то, что рукопись является копией.

¹ В рукописи «села». ² В рукописи «коня». ³ В рукописи «смерти». ⁴ В рукописи «отступиша». ⁵ В рукописи «шию». ⁶ В рукописи «ко дисти». ⁷ В рукописи «проежал». ⁸ В рукописи «пришел».

Текст принадлежит к краткой «черниговской» редакции, получившей распространение и в списках, и в лубке. Главные отличия текстов данной редакции: начинаются с краткого рассказа о внезапном исцелении крестьянского сына Ильи Муромца; отец и мать, отпуская Илью по его просьбе в Киев, говорят, чтобы он ехал через Чернигов; в сцену прощания с родителями включен их завет не делать никому напрасно

обиды; Илья Муромец освобождает не Себеж, а Чернигов; перед подвигом освобождения Чернигова включен еще эпизод нападения на Илью Муромца разбойников. При этом Илья Муромец, устранив разбойников стрельбой из лука, оставляет их в живых, но говорит: «...вперед не отваживайтесь»; в честь Ильи Муромца князь киберский и воевода черниговский устраивают пир, но предложения остаться нет; в эпизоде стычки с Соловьем-разбойником нет мольбы последнего оставить его в живых и нет вопроса Ильи Муромца о золотой казне Соловья, как это видим в текстах «себежской» группы; отсутствует также упоминание сел Кутузовых, где живет семья Соловья-разбойника, — вместо этого по дороге, по которой едет Илья Муромец, оказываются палаты Соловья; вместо сыновей замечают едущего всадника дочери Соловья и спорят, кто кого везет; старшая дочь пытается убить Илью Муромца подворотней; когда князь Владимир сердится, думая, что Илья его обманывает сообщением о Соловье-разбойнике, Алеша Попович и Добрыня Никитич бросаются смотреть Соловья и подтверждают справедливость слов Ильи Муромца; перед свистом Соловья Илья окутывает князя и княгиню соболями шубами, а когда Соловей нарушает его приказ свистеть лишь в полсвиста, Илья убивает его, говоря: «Не люблю я таких неверных слуг».

К сюжету о Соловье-разбойнике присоединен рассказ о поражении Ильей Муромцем Идолища со всеми характерными для данной былины подробностями: Илья Муромец узнает о бесчинствах Идолища в Киеве от встречного калики; переодевшись в платье последнего, Илья появляется в палатах князя Владимира; даются обычный гротескный портрет Идолища и изображение его прожорливости, насмешки над ним Ильи Муромца и убийство Идолища шляпой.

Объединением ряда подвигов Ильи Муромца усилен героический облик могучего русского богатыря. Одновременно подчеркивается его гуманизм, проявившийся в сцене с разбойниками.

О соотношении текстов данной редакции с устной традицией см. в статье, стр. 49—55; о вероятном происхождении редакции — там же.

16. История о славном и о храбром богатыре Илье Мурамце и о Соловье разбойнике. Печатается по рукописи Библиотеки Саратовского государственного университета, Шляпкина 480 (229 и 281). XVIII век. Местонахождение и шифр указаны В. И. Малышевым. Копия текста доставлена Л. А. Дмитриевым, им же описана рукопись. Публикуется впервые.

Рукопись представляет собою сборник в 4°, на 15 листах голубой бумаги, без водяных знаков. Скоропись XVIII века. Переплет бумажный. Сборник много читался, листы запачканы, края сильно обтрепались. Первый лист замаран черной краской. Кроме «Истории», которая занимает лл. 11—13, в сборнике имеются еще тексты духовного содержания. На некоторых листах записи, пробы пера, не относящиеся к датировке или владельцам текста.

Текст представляет собою копию. Об этом свидетельствуют искажения и пропуски: «И пустил калену стрелу под землю по колена стрела стала рвать в косую сажень» (строки 21—22); «Некуды мне деватися», вместо «Некуды мне девать» (строка 26); в слове «черни[го]вски» (строка 39) можно видеть пропуск надстрочного слога, пропуски слов (см. например, строки 7, 36).

Текст той же редакции, что и предыдущий, и почти тождествен ему. Кроме отмеченных выше искажений и пропусков, которых нет в тексте № 15, имеется несколько разночтений в отдельных словах, часть из них связана с разным произношением писцов:

№ 15	№ 16
и разерились	и разгорелись
И за нашу таковую вину	И за нашу вину
леса Брянские	леса Брынския
бесчестие великое	бещастие великое
громче таво	громчая тово
Илья Муромец снимаеть	Илья Муромец снимал
гнездо Соловынное	гнездо Соловенное
князя уверили	князя утвердили
в количища платья	в колечищина платьѣ

И увидел ево князь
говорил такови речи
Да вот он каков

И увидя ево князь
говорит такие речи
А вот он каков

17. *История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье разбойнике*. Печатается по рукописи ГБЛ, ф. 218, № 695. Конец XVIII века. Копия текста сделана И. М. Кудрявцевым, им же составлено описание рукописи. Публикуется впервые.

Рукопись приобретена у Ф. Т. Куминского в 1956 году экспедицией ГБЛ в деревне Коровяево, Городецкого района, Горьковской области. Она представляет собою сборник в 4°. Бумага с водяным знаком «1787», скоропись конца XVIII в. Переплет поврежден, осталась только верхняя крышка, деревянная, обтянутая кожей. Многие листы выпадают; судя по старой буквенной нумерации, некоторые листы утрачены. Содержание сборника нравоучительно-религиозное, есть апокрифические произведения. На верхней крышке переплета запись: «Сия книга Цветник деревни Рожкова крестьянина Петра Алексея, сына его Офонасия Петровича Цветник. К сему к етому писму Лука Никифорову руку приложил». На л. 50 об. запись имени Луки Никифорова и перевернутая запись, повторяющая начало текста следующего, 51-го, листа. На л. 114 об.: «Потап Афанасьевич покорные слуга...» (далее пожелание здоровья).

«История» занимает лл. 52—62 об. Писец почти всюду ставит ъ на конце и в середине слова. Очевидно, он не различал в написании ъ и ь, поэтому при издании ъ и ь поставлены согласно современной орфографии.

В тексте есть искажения, пропуски, он является копией. Об этом свидетельствует пропуск целой строки в описании разговора Ильи с князем киевским: «Которою дорогою ехал из Мурома?» — «На Чернигов град» (строки 83—84). Пропуск ясен из сравнения с другими родственными текстами: «...Которою дорогою ехал из Мурома?» — «Я, государь, ехал из Муром на Чернигов град».

¹ В рукописи «о князю». ² В рукописи «рече». ³ В рукописи «обуды». ⁴ В рукописи «теборы». ⁵ В рукописи «отвезивпитес». ⁶ В рукописи «попалил». ⁷ В рукописи «измены». ⁸ В рукописи «вполсвистат засвистал». ⁹ В рукописи «колена». ¹⁰ В рукописи «нерядья». ¹¹ В рукописи «подвалы».

Текст краткой «черниговской» редакции, очень близкий к текстам №№ 15 и 16. Разночтения незначительны.

18. *[История об Илье Муромце]*. Печатается по рукописи ГБЛ, Шибанова 186. По новой нумерации библиотеки: ф. 344. Конец XVIII века. Впервые опубликована: В. В. Митрофанова. К вопросу о редакции былин в старинных русских записях. Сб. «Русский фольклор», II, М.—Л., 1957, стр. 311—312.

Рукопись в 4°, на 131 листе белой бумаги, писана одним почерком, на лл. 129 и 130 водяной знак «1789», на л. 131—«РСФ». Переплет картонный, оклеенный бумагой, с холщевым корешком. Содержание сборника повествовательное, историческое, в нем помещены: «Повесть о нашествин Батыя» (лл. 1—1 об.), «Повесть о Мамаевом побоище» (лл. 1 об.—26 об.), «История о разорении Иерусалима» (лл. 26 об.—86 об.), «Повесть о пленении Царьграда» (лл. 87—129). Очевидно, повествование об Илье Муромце воспринималось составителем сборника как историческое произведение. Статьи писаны одним почерком. На л. 86 об. имеется запись: «двор потешен». В сборнике много рисованных красками картинок.

Отрывок занимает лл. 130—131; четкая скоропись конца XVIII века. Прежде, очевидно, в этом сборнике был полный текст, но листы с началом «Истории» вырваны. Думать так позволяет то, что переплетение утерало плотность, листы свободно болтаются на нитках. Перед текстом красками нарисована картинка, изображающая столкновение с Идолищем, в конце фигура человека с палкой и подпись: «Каличище прохожее». Текст является копией, так как в рукописи встречаются искажения, которые могли возникнуть при неоднократной переписке (см. примечания 4 и 6).

¹ В рукописи «ввяз». ² В рукописи было написано «ударил», потом «дарил» взято в скобки и сверху тем же почерком написано «бил». ³ В рукописи «непримаешся». ⁴ В рукописи «сво». ⁵ В слове «количище» слог «чи» дописан сверху тем же почерком. ⁶ Вместо слов «только, что ты» в рукописи написано «тожы».

Отрывок текста, принадлежащего к «черниговской» группе пересказов былин об Илье Муромце.

Отрывок очень близок, почти тождествен соответствующим частям текстов №№ 15 и 16. Отклонения незначительны, состоят, кроме отмеченных выше искажений при переписывании, в замене, перестановке или пропусках отдельных слов. Приводим некоторые из разночтений (отмечая их курсивом), за исключением орфографических отличий.

№ 15

... *разбоинически* свист и оглушил богатырей, что упали. И за то ево взяла за ноги, ударил и ушиб до смерти, и выкинул в окошко, сказал: «Не люблю я таких неверных слуг».

... а ныне ты на меня такова колеку и напускаеш, как на некова неприятеля, а тоб ты не ведаеш, что в главном городе Киеве великая безгодушка учинилась. Приехал неверной силной богатырь Идолища нечистивоц, голова у него с пивной котел, в плечах коса сажень, промеж бровами пядь, промеж ушей колена ст[р]ела.

№№ 15 и 16

Була у моего батюшки кобыла обжирлива (обжерлива), обожралась и издохла.

И за то князь Илью Муромца почтил великими похвалами и причел в силния могучия богатыри.

Сопоставления обнаруживают и более свободное отношение данного писца к оригиналу, и неправильное прочтение им отдельных мест, приведшее к искажениям.

19. История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о славном разбоинке. Печатается по рукописи ГИМ, Барсова 2400. Конец XVIII — начало XIX века. Первые опубликована: Соколов, «Этнография», 1927, № 2, стр. 302—304. Рукопись описана: там же, стр. 301—302; номер ее указан старый (№ 9), под которым она в хранилище не значится. Несколько замечаний о тексте: там же, стр. 301—302; «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 103.

Рукопись представляет собою сборник из двух тетрадок в 8°, на 22 листах голубой и белой бумаги, написан разными почерками, в бумажном переплете. Тетрадь белой бумаги просто вложена в голубую, она без переплета. Содержание религиозного характера. На внутренней стороне нижней крышки обложки первой тетради имеются записи разными почерками: «Кондак великомученице... списал месеце генваря... 1817 года»; «Сия тетрать города Суждаля мещанина Вьюшкова». На последнем листе второй тетради: «Сия тетрать города Суждаля посацкого человека Ивана Иванова сына Вьюшкова, сегодня 1794 года, месеца февраля».

«История» занимает лл. 1—5, скоропись конца XVIII—начала XIX века, на голубой бумаге. От водяного знака видны только литеры: рго patria. Знаки с этими словами относятся к 1727 (Лихачев. Бумага, № 503) и к 1805 (Лихачев. Бумага, № 504) годам. За отсутствием других частей знака трудно решить, каким годом датировать бумагу, но, судя по записям и почерку, это скорее начало XIX века, чем XVIII век. Листы потрепаны. Текст отрывочен, но не из-за утраты листов, так как на листе осталось еще место, а на обороте л. 5 записана молитва Иоанну-воину. Почерк один, но очень неровный: то мелкий, то крупный, то с росчерками, то простой. Цвет чернил меняется. Текст является копией. Это подтверждается уже тем, что он не дописан, а имеются точно такие же, но полные тексты. Кроме того, есть путаница, повторения одних и тех же слов и зачеркивания (см., например, примечания 2, 4—6).

¹ В рукописи «на ногах». ² После «до смерти» зачеркнуто «Ила». ³ В рукописи «маншая». ⁴ «И копыи» повторено. ⁵ После «вам» в рукописи добавлены слова: «чтоб вам не принять» — и зачеркнуты. ⁶ «По чаре» повторено и повторенное зачеркнуто. ⁷ В рукописи «нен».

Текст № 19 восходит к тому же оригиналу, что и №№ 15—18, и почти тождествен с ними; обрывается на приезде Ильи Муромца в Киев. Небольшие пропуски, имеющиеся в каждом из текстов, и неясные, явно искаженные места легко заполняются и корректируются путем сопоставления этих текстов друг с другом. Например, в неясной

фразе текста № 15 «... и вынимал ис колчана колену стрелу под землю» (строки 20—21) при сравнении с данным текстом обнаруживается пропуск (отмечен курсивом): «... и вынимал ис колчана колену стрелу, *накладывает на тугои лук. И пустил калену стрелу под землю*» (№ 9, строки 20—21). Сопоставление помогает восстановить правильное написание и в обоих текстах одной и той же дефектной фразы, см. в тексте № 15, строки 70—72, в тексте № 19, строки 68—69. Эта фраза в исходном тексте читалась явно так: «И мужья их, сильные богатыри, поехали против свeturского богатыря, кони у них добрые и копыя вострые (*или острые*)».

Но имеются разночтения отдельных слов, исходное написание которых невозможно восстановить. Например:

№ 15	№ 19
и разерились у них сердца	разгорелись у них сердца
не видели	не видывали
ставо думать	етова делать
какои то человек	некоторой человек
И виехал	И выехал
к той реке Смородине	к той реке Смородинной
не допуская	не допускает
сыпал з гнезда	свалился з гнезда
усмотрила	посмотрила
кнежецки	княжески

В этих и им подобных случаях имеет место свободное замещение слова, бывшего в исходном тексте, другим, которое казалось писцу более удачным или было для него более привычным.

20. История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье разбойнике. Печатается по лубочному листу, хранящемуся в ГПБ, собрание А. В. Олсуфьева, т. XIII, лл. 35—38. Первая половина XVIII века.

Лист лубка разрезан, и восемь картинок с текстом к ним наклеены по две на листах альбома. Они пронумерованы два раза, имеют номера: 2903—2910 и 2567—2574. На картинках изображены эпизоды: 1) родители Ильи благословляют его в путь; 2) разбойники просят у Ильи Муромца прощения; 3) Илья побивает рать басурманскую; 4) Илья сражает Соловья-разбойника, сидящего на дереве; 5) Илья убивает дочь Соловья, которая хотела пришибить его подворотней; 6) Соловей свистит в палате князя, а Илья накрыл шубой князя с княгиней; 7) встреча Ильи и Добрыни с каликой; 8) Илья убивает Идолище шляпой. Текст напечатан с надстрочными буквами и с титлами. В верхнем углу каждой картинке стоит порядковый номер (1—8). В настоящем издании деление текста на подписи под картинками отмечено цифрами.

Текст совпадает с опубликованным Д. А. Ровинским в кн. I «Русских народных картинок» (стр. 2—7) дословно и, очевидно, принадлежит к тому же «тиражу», т. е. оба текста печатались с одной доски. Несколько случаев различия в буквах (ь вместо ъ, например: «разгорелись» у Ровинского, «разгорелись» в Олсуфьевском лубке; я вместо конечного а в глаголах «ужаснулся», «поровнялся») объясняются, очевидно, неправильным перенесением букв с лубка или опечатками в книге Ровинского. Единственное, казалось бы, существенное различие — в конце подписи под 6-й картинкой — при рассмотрении лубка Олсуфьева тоже легко снимается. Описание расправы Ильи Муромца с Соловьем-разбойником в тексте Ровинского обрывается на словах «и за то ево Ильи». В лубке Олсуфьева следующие за этим слова «взял за ноги, ударил о пол, и ушиб до смерти, и выкинул в окошко, сказал: „Не люблю я таких“» даны мелко, возле самой рамки. Последние же слова «неверных слуг», которыми заканчивается эпизод (см. в текстах №№ 15 и 16), должны были быть уже ниже рамки, но вместо них остались лишь следы краски. Вероятно, в руках Д. А. Ровинского был экземпляр лубка, на котором не отпечатались или смазаны краской последние строки, помещенные у самой рамки.

По определению Д. А. Ровинского, оригинал лубка был работы Ахметьевской фабрики, на меди, первой половины XVIII века.

С тем же текстом, но с другим делением его на подписи, некоторыми разночтениями в словах и изменениями деталей картинок Д. А. Ровинский указывает еще три более

поздних издания лубочных листов. Последнее относится к XIX веку, оттиск с него находится в ГПБ. Сведения об этих изданиях и различия к тексту, опубликованному Д. А. Ровинским, приведены в его книге «Русские народные картинки» (кн. I, стр. 1—7). Там же есть сведения о других типах лубочных картинок об Илье Муромце (стр. 7—9). Из различий в позднейших лубках следует отметить замену последнего слова подписи к 6-й картинке — «Илья» (экземпляр Ровинского) словом «убил». Получилась законченная фраза: «и за то ево убил» — поправка последующего гравера.

В «Народных русских сказках» А. Н. Афанасьева напечатан родственный текст (т. III, Гослитиздат, 1940, № 308). В примечании (т. III, стр. 413) говорится, что текст перепечатан А. Н. Афанасьевым с лубочного издания. Сопоставление со всеми известными лубками показывает, однако, довольно значительные отклонения от них в лексике и фразеологии, заставляющие предполагать, что текст лубка был подправлен А. Н. Афанасьевым.

К рукописным текстам №№ 15—19 текст лубка Олсуфьева очень близок, почти совпадает с ними, особенно с текстом № 15. Различия наблюдаются только в нескольких словах:

№ 15	№ 20
бесчестие	бещастие
прибить	пришибить
привезь	привел

21. Истѳория о славном и храбром багатыре Илье Муромце и о Соловье разбойнике. Печатается по рукописи ГПБ, Титова 4155. Конец XVIII века. Текст обнаружен В. И. Малышевым. Публикуется впервые.

Рукопись представляет собою сборник в 8°, на 29 листах белой бумаги, переплет старый, из тонкого картона, почерк один, четкая, крупная скоропись. Бумага, судя по водяным знакам, 80-х годов XVIII века. На листах можно обнаружить разрозненные цифры «1788». Кроме «Истѳории», в сборнике «Ськаска о силе царевиче и о Ивашке белон рубашке» (лл. 1—17 об.). На листах с текстами записей нет, но на первом (не-номерованном) листе запись: «Ис книг Петра Семенова сына Меркурьева». Это повторено еще два раза другим почерком, при первом повторе написано «Меркуева», при втором — «Меркурьева». На обороте этого листа и обороте л. 29 пробы пера, начало письма. даты: «1827 года, генваря 10 дня 1836»; «Декабря 15 дня»; «1825-го». Угол л. 25 оборван.

«Истѳория» занимает лл. 18—29. В тексте части его отделены чертами, подведенными после слов: «не проливая крови христианския напрасно» (строка 11), «не отъваждесь етова думать» (строка 27), «... и ведет во град Чернигов» (строка 38), «отпустиша его в путь съвой» (строка 44), «что овсяной съноп» (строка 60), «и ушиб до смерти» (строка 79), «и за то ево Илья...» (строка 97), «что ты ево в едакои печали осьтавил» (строки 110—111). К особенностям написания можно отнести двойное начертание букв *ь* и *ѳ*.

¹ В рукописи повторено с «ѳ» после «с». ² Вместо буквы *ш* написано *щ*. ³ В рукописи «бурманское». ⁴ В рукописи «роторова». ⁵ Отсутствует описание расправы Ильи с Соловьем. ⁶ В рукописи «принесли». ⁷ В рукописи «несли».

Текст несомненно списан с лубочного издания, о чем свидетельствует, во-первых, указанное выше деление текста, совпадающее (за исключением одной лишней черты) с подписями под картинками в Олсуфьевском лубке, во-вторых, незавершенность описания расправы Ильи Муромца с Соловьем-разбойником. Это наблюдается как раз в лубочных изданиях (см. об этом в комментариях к тексту № 19), тогда как в рукописных текстах описание расправы дается в законченном виде. В данном тексте описание обрывается на начальных словах «И за то ево Илья», так же, как у Ровинского. Следовательно, оригиналом текста был список с лубка, аналогичного экземпляру, опубликованному Ровинским.

22. Скаска о славном и храбром багатыре Илье Муромце и Соловье разбойнике. Печатается по рукописи, найденной в 1956 году В. С. Бахтиным в деревне Космозеро, Заонежского района, Карельской АССР, и подаренной им А. М. Астаховой. Начало XIX века. Рукопись была обнаружена в доме потомков известного сказителя былин конца XIX века, И. А. Касьянова. Публикуется впервые.

Рукопись представляет собою тетрадь в 4°, на 4 листах голубой бумаги. Обложкой тетради служит лист белой бумаги, на которой написано: «Его высокоблагородию го-

сподину городничему Митрию Левовоньтьевичу Бартеневу смета казенным мучным трем аньбарам», и далее следует содержание сметы. Карандашом на обложке несколько раз написано «1847». Кроме «Скаски» в тетради и отрывка молитвы на обложке, других текстов нет. Записей тоже нет.

Половину каждого листа занимает картинка, срисованная с лубка. Картинки похожи на те, что хранятся в собрании Олсуфьева, т. XIII, лл. 35—38 (ГПБ). По верхнему краю листов идут надписи карандашом, печатными буквами о содержании картинок: «Илья Муромец благословленья просит»; «Илья Муромец бьет разбойников»; «Илья Муромец побивает войско»; «Илья Муромец убил Соловья»; «Заколот Соловья дочь»; «Соловей свистит во весь свиск»; «3 богатыря». Над последней картинкой надписи нет. Вторую половину листа занимает текст, который скопирован, как и картинки, с лубочного издания, в нем встречаются титлы, надстрочные буквы, ъ и ѳ. Распределен текст под картинками неточно: окончание подписи под одну картинку переходит под другую (начало подписи обозначено нами цифрами в квадратных скобках). На лл. 3 и 4 просматриваются части водяного знака «1820» и «В М».

В тексте имеется ряд искажений, вследствие которых отдельные слова приобретают новый смысл: «топоры разбойничьи» вместо «таборы» (строка 14); «ильберскаго» вместо «киберскаго» (строка 31), «апать» вместо «пядь» (строка 107); «...я бы и с тем стычку дал давал!» — «Он каков!», вместо «...я бы и с тем стычку дал». — «Да вот он каков» (строка 121—122). Мы сохраняем те искажения, в которых можно видеть переосмысление, а также те, которые не затемняют смысла.

¹ В рукописи «сиделел». ² В рукописи «оцту». ³ В рукописи «01». ⁴ После «Чернигов» в рукописи стоит слово «князь», обведенное кружком. ⁵ В рукописи «из драда». ⁶ В рукописи «стчестию». ⁷ В рукописи «полаполать». ⁸ В рукописи «Влеша». ⁹ В рукописи «уверим». ¹⁰ Отсутствует описание расправы с Соловьем. ¹¹ В рукописи «холопа». ¹² После «он» добавлено «но» и обведено кружком.

Текст, как и предшествующий (№ 21), списан с такого экземпляра лубка, в котором, как в тексте Ровинского, описание расправы с Соловьем-разбойником обрывается на словах: «За то ево [И]лья».

Отклонений от других лубочных текстов, помимо искажений, только два: в строках 62—63 «на тех окна смотрели разбойничьи три дочери» (обычно: «в те окна смотрели») и в строках 104—105 — «безгодушка учинилас беда» (вставлено, очевидно, для усиления слово «беда»).

23. Илья Муромец. Печатается по рукописи ГБЛ, ф. 218, № 694. 2. Конец XVIII века. Рукопись поступила из Юрьевецкого краеведческого музея Ивановской области. Текст обнаружен и копия снята И. М. Кудрявцевым, им же описана рукопись. Публикуется впервые.

Рукопись представляет собою часть сборника, состоит из двух тетрадей, отдельно пронумерованных, 20+20 листов, писанных несколькими почерками. Текст «Ильи Муромца» — в конце второй тетради (лл. 19 об.—20 об.).

Остальной состав рукописи: первая тетрадь — поучения нравственно-религиозного и эсхатологического характера (лл. 1—14 об.); текст прошения крестьянина дер. Комарово Михаила Петрова в волостное правление о невыполнении Андреем Павлов свадебного договора (л. 15—15 об.); текст письма матроса из Кронштадта к матери (лл. 16—17 об.); донесение Г. А. Потемкина Екатерине II о взятии Очакова (лл. 17 об.—20 об.). Вторая тетрадь — конец донесения Потемкина (л. 1); повесть о старике, захотевшем понравиться молодой, — стихотворная редакция (л. 1); выписи Департамента делов (лл. 2—17); о мучениях грешника и радостях угодников после смерти (лл. 17—19).

Текст «Ильи Муромца» отрывочен, но не из-за утраты листов: в сборнике уже сохран отрывок. Почерк — скоропись конца XVIII века. Тем же почерком написано еще несколько статей. Текст делится горизонтальными чертами: 1) после слов «и ушиб до смерти» и 2) «ой ты гой еси, киев[к]ни князь».

¹ В рукописи «вытить». ² «ста». ³ В рукописи «...сопротивинка».

Текст краткой «черниговской» редакции, утеравший всю первую половину «Истории» (начинается с середины сцены у дома Соловья-разбойника) и самый конец: обрывается при передаче сюжета об Идолище поганом на приглашении князем к себе в палаты Ильи Муромца, пришедшего под видом калики. Сцены столкновения Ильи с Идолищем нет. Но сохранившаяся часть очень точно и без искажений воспроизводит

традиционную композицию текстов краткого типа «черниговской» версии. Отличается от них только в изображении расправы Ильи Муромца с Соловьем-разбойником: о ней сказано коротко (ср. с более подробным описанием в текстах №№ 15, 16, 18, 19), но законченно — в отличие от лубочного Олсуфьевского и с ним связанных (тексты №№ 20, 21, 22).

24. [История об Илье Муромце]. Печатается по рукописи Библиотеки Саратовского государственного университета, Мальцева 1260. Вторая половина XVIII века. Копия текста для настоящего издания сделана Л. А. Дмитриевым, им же описана рукопись. Публикуется впервые.

Рукопись представляет собою сборник в пол-листа, на 27 листах, бумага без водяных знаков. Переплет картонный, мягкий; скоропись второй половины XVIII века. Кроме отрывка «Истории», рукопись содержит «Повесть о Царьграде» без начала (лл. 2—23).

Отрывок «Истории» занимает лл. 24—27. Текст является копией. Об этом свидетельствуют искажения, возникшие при переписывании: «И так поклонился Илье Муромцу против полат разбойнических, и глядят ево ра[э]бонн[и]ка 3 дочери» (строки 34—35); плачет почему-то меньшая дочь, хотя ей кажется, что с добычею едет отец (строки 35—38).

¹ В рукописи «спуспустить». ² В рукописи «его».

Сохранившаяся часть текста начинается рассказом о бое под Черниговом. Относится к краткой «черниговской» редакции, но представляет новый, своеобразный вариант, отличающийся от всех предыдущих текстов той же редакции (№№ 15—22). Текст следует за традиционной композицией, сохранены и некоторые формулировки (см. строки 1—2, 15—17, 18—23 и др.). Но многие эпизоды пересказаны свободно, другими словами и распространены отдельными деталями (см., например, встречу Ильи Муромца в Чернигове — строки 7—14).

Совершенно явно стремление автора сделать повествование более выразительным. Силу басурманскую Илья Муромец побивает не только копьем, но и «палицею железною»; благодарные Илье Муромцу князь киберский и воевода черниговский «клянутся ему до лица земли»; Соловей свистит «во всю гортань разбойническую»; когда Соловей падает на землю, Илья Муромец «берет ево за волосы»; зятья Соловья «учали ниско кланяться до сырой земли»; не поверя рассказу Ильи, князь Владимир говорит ему «со гневом яростию»; после указания, что огушенные свистом богатыри упали, прибавлено: «не могли стоять»; в описании Идолища вносятся дополнительные детали, усиливающие его гротескный облик: он ест по быку «семилетному», пьет по котлу «пивоварному»; принесенного ему быка Идолище не просто «съел», а «сожрал».

Некоторые из внесенных в текст деталей идут от устной традиции: войдя в полату князя, Илья молится «по ученому»; Илье подносят куб зелена вина «в полтретья ведра»; богатырь ударяет Соловья не просто «о пол», а «о дубовон пол»; Илья сравнивает Идолище вместо обжорливой кобылы с «обжерживой» собакой, которая «обжиралась косьем», и прибавляет: «кобелищи тот здохнул!»

В то же время вносятся и некоторые слова и обороты более «высокого» стиля: «И тако встал Илья Муромец», «приносят моление с плачем», «чтоб вам от него не принять смертныя чаши».

В тексте наблюдается замена одних слов другими, синонимическими или близкими по смыслу: «наступить» вместо «напущать»; «победушка» вместо «безгодушка»; «раздражаши» вместо «замаешь»; «поединок» вместо «стычка».

Следует отметить, что басурманская рать, побитая Ильей под Черниговом, дважды названа «татарами» — единственный случай в рукописных текстах с сюжетом «Илья Муромец и Соловей-разбойник».

Создается впечатление, что оригиналом данного текста был вольный пересказ лубочной версии сюжета о Соловье-разбойнике — явление, аналогичное тем побывальщинам, основанным на лубке, которые записывались изустно в XIX—XX веках.

Судя по необычной концовке (обычная: «Сеи истории конец»), писцу данного текста или писцу его оригинала, кроме содержания «черниговской» лубочной редакции, были известны еще и другие сюжеты устных былин или рукописных текстов об Илье Муромце.

25. Сказка о Илье Муромце и Соловье разбойнике. Печатается по рукописи ГИМ, Барсова 2421. 30-е годы XIX века. Впервые опубликована: Соколов, «Этнография», 1927, № 1—2, стр. 304—306. Рукопись описана: там же, стр. 304, указан старый номер 30, под которым рукопись в хранилище не значится. Краткие замечания о тексте: там же, стр. 304; «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 103.

Рукопись представляет собою сборник в 4°, на 26 листах белой бумаги, почерк один, переплета нет. Датируется по водяному знаку «1830» (л. 15). Многие листы полустерты. В сборнике помещены сказки: «Сказка о Иване царевиче и жар птице» (лл. 1—19 об.); «Еще сказка о слаткон... репе, и о глупом деревенском мужике Фадейшке» (лл. 20—21) «Сказка о воре и о бурой корове» (лл. 21 об.—23 об.).

«Сказка о Илье Муромце» занимает лл. 23 об.—26 об. Л. 26, особенно оборот, полустерт, поэтому не все слова разобраны. Чтение последнего листа и восстановленные слова даны в соответствии с изданием Б. М. Соколова. Плохо разобранные Б. М. Соколовым вследствие дефектности рукописи строки в конце текста легко восстанавливаются путем сопоставления с аналогичными текстами. К особенностям начертания относится очень близкое начертание а и я и то, что писец не знает ъ, везде на конце слов стоит ъ, в падежных окончаниях вместо ъе, ѡя пишет ие, ия. Поэтому можно думать, что ѡ появляется не в результате смещения с ъ, но твердого произношения всех окончаний. Твердости в словах «Илья», «Соловья» писец избегает и ставит: «Илия», «Соловия». Текст можно считать копией уже потому, что есть подобные тексты XVII века.

¹ В рукописи «ва». ² В рукописи «живых». ³ В рукописи «но».

Данный текст, как и текст № 19, не закончен. «Сказка» близка к текстам краткой «черниговской» редакции и несомненно восходит к общему оригиналу. Полностью повторяет композицию этих текстов, ряд мест совпадает текстуально (ср. самое начало, встречу Ильи Муромца с разбойниками, рассказ о поражении Соловья и ряд отдельных фраз).

Однако словесно многие места оформлены иначе. Иногда эпизод передан сокращеннее. Так, в передаче эпизода нападения разбойников отсутствуют их предварительные переговоры между собой о том, как бы им отнять «такого доброго коня» у проезжающего «незнаемого» человека (см. № 15, строки 14—18; № 16, строки 14—18). В данном же тексте сказано кратко: «И увидели разбойники Илию Муромца. И начали напускать человек по 10 ти и по 20 ти». Другие эпизоды, наоборот, рассказаны более пространно, и это — чаще. Так, наказ родителей ехать прямо на Чернигов дополняется указанием на то, что под Черниговом «стоит войско босурманское, что и сметы нет» — явное перенесение из позднейшего эпизода приближения Ильи Муромца к Чернигову (см. текст № 16, строки 28—30). Перенесено также описание дороги к Соловью-разбойнику («и поехал на те грязи топучие, на мосты калиновые» и т. д.) в эпизод встречи с разбойниками. Рассказ о чествовании Ильи Муромца в Чернигове дополняется деталью: «подарили его драгоценными дарами». Словесно несколько иначе дана сцена встречи Ильи Муромца с Соловьем-разбойником:

№ 19

И Соловей разбойник послышал себе кончину и безчастие великое, не допущал Илию Муромца за 20 верст, засвистал своим свистом разбойническим крепко, на бага[ты]рское сердце не устрошил. И не допущает за 10 верст, засвистал громче того. И с тово свисту под Ыльею Муромцем конь то спотыкнулся. И приехал под самое гнездо, которое свито на двенадцати дубах. И Соловей разбойник, на гнезде сидя, увидял светороскаго богатыря, и засвистал во весь свист разбойничий, и хотел Илию Муромца убить до смерти.

В стиле пересказа заметно приближение к более свободной, непринужденной стилистической манере сказки, к сказочным интонациям, что соответствует и самому наименованию рассказа «скаской». Ср., например, следующие места:

№ 15

И приходит ко отцу своему и к матери, и стал у них просить благословения: «Государы батюшка и матушка, отпустите меня в славной град Киев...»

№ 25

И услышал Соловей разбойник Илию Муромца, и не допуская его за 30 верст, засвистал во весь свист разбойнически, и хотел его убит до смерти. Но Илия не испугался и поехал на то самое гнездо, которое было свито на 12-и дубах. И, не допуская еще за 10 верст, засвистал в полсвиста, от чего под Иасею Муромцем кон спотыкнулся. Но Илия не испугался сего свисту, подъехал под самое то гнездо Соловино, которое было свито на 12-ти дубах. И увидел Соловей разбойник Илию Муромца, и узнал себе кончину и нещастие великое, и засвистал во весь свист разбойничий, и хотел его убит до смерти.

№ 25

И приехал ко отцу своему и к матери, и стал у них просит благословения, и стал говорит: «Милостивою мои государ батюшко, Иван Тимофеевич, дажд мне благословение в Киев град...»

И, усмехнувшись, сказал...

И поехал в путь свои к с[л]авному граду Киеву...

Илья Муромец берет Соловья разбойника и привязал его крепко к стремени булатному, и поехал к славному городу Киеву. И на пути стоят палаты Соловья разбойника.

Смотря на них, разбойников, Илья Муромец, усмехнувшись, сказал...

И так поехал Илья Муромец в путь свои благополучно прямо на Чернигов град.

Илья Муромец, въезв Соловья разбойника, привезал к стремени булатному и поехал тою дорогою, где был дом Соловья разбойника. И подъезжает недалеко к дому Соловиному.

Таким образом, данный текст показывает отход от эпического характера ранних пересказов и переход к сказке.

В сцене с дочерьми Соловья-разбойника наблюдаются отступления в деталях: большая и меньшая дочери меняются ролями, ошибается не меньшая, а большая дочь.

26. [История об Илье Муромце, Соловье разбойнике и Идолище]. Печатается по рукописи ГБЛ, 5915. Середина XVIII века. По новой нумерации ГБЛ — ф. № 92, С. О. Долгого, под тем же номером. Впервые опубликована: Майков, стр. 34—45. Рукопись описана: там же, стр. 3. Вторично текст напечатан по рукописи: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 11—24. Упомянут: Ровинский, кн. IV, стр. 4; Пыпин. Очерк, стр. 295. Текст изучался: Майков, стр. 8—9; Тихонравов, стр. 10—11 (Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 76); Миллер. Очерки, I, стр. 393—394; III, стр. 93—96; Лобода, стр. 36, 42—43; Соколов, «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 102; Русск. нар. поэтик. творчество, II, кн. 1, стр. 156; Астахова. Илья Муромец, стр. 517—518.

Рукопись представляет собою тетрадь в 4°, на 22 листах белой бумаги, без переплета; скоропись одного почерка. Нумерация начинается с л. 7, последний лист — 28-й, первые листы утрачены. Тетрадь является частью сборника № 536 (старый номер 82) из собрания И. Е. Забелина, хранящегося в ГИМ. Кроме повествования об Илье Муромце, других текстов в тетради нет. Судя по водяным знакам, среди которых имеются литеры АГФБ, бумага в сборнике — 50-х годов XVIII века (Тромонин, № 1036). Отдельные слова и фразы писаны кинноварью. Описания дороги прямоезжей, описание калики и Идолища выделены писцом как стихотворные фрагменты, что сохранено в настоящем издании. В двух случаях концы стихов были писцом обозначены двумя точками (:), в настоящем издании точки заменены вертикальными черточками. Но иногда писец пытался делить на строки прозаический текст. В этих случаях расположение строк писца не сохраняется. Заглавия и начала текста нет из-за утраты начальных листов тетради. Восстановить отсутствующее начало невозможно, так как сходных текстов нет. Заглавие дано нами условно, в соответствии с концовкой текста: «И сей истории конец».

В некоторых местах мысль писца забежала вперед, и он писал не то, что было в оригинале, но тогда заключал лишнее слово в скобки. Например, в предложении «и никому коня не приказывает, и к яслам не привязывает» (строки 127—128) писец сначала написал не «к яслам», а «к коновязи», но взял слово в скобки. В предложении «А ежели сему не изволите веры понять» (строка 219), слово «веры» написано до слов «не изволите» и поставлено в скобки. В предложении «А Илья выбрал креслы, что ни лутчия» (строка 189—190) писец написал сначала вместо «креслы» — «место» и взял слово в скобки. Все эти примеры говорят не только о внимательности писца, но и о том, что он списывал с готового оригинала, так как только при внимательном списывании он мог сразу заметить ошибку и исправить ее, заключая неверное слово в скобки, а не надписывая исправление над строкой.

¹ После «князя» заключено в скобки «Владимира». ² Написано тем же почерком над строкой. ³ Вписано на полях тем же почерком и чернилами. ⁴ После «не приказывает» добавлено и заключено в скобки «и х коновязи». ⁵ После «выбрал» добавлено и заключено в скобки «место». ⁶ После «сему» добавлено «веры» и заключено в скобки ⁷ Написано над строкой тем же почерком. ⁸ В рукописи «белокакаменная».

Текст разрабатывает сюжет в плане «черниговской» версии, но представляет, в отличие от всех предыдущих текстов (№№ 15—24), иную, распространенную, редакцию. Является характерным образцом пересказа былины, подвергнувшегося значительной литературной обработке писцом-книжником в характерном для повествовательной литературы XVIII века стиле. Сохраняет вместе с тем в ряде мест стихотворный былинный склад и былинную фразеологию. Подробнее об этом см. в статье (стр. 26, 55—59),

там же — о соотношении данного текста с краткой «черниговской» редакцией и вероятном характере исходного текста обеих редакций.

Текст содержит некоторые мотивы, свойственные устной былинной традиции, но не нашедшие отражения в других рукописных текстах. Так, богатыри Алеша Попович и Добрыня Никитич наделены каждый традиционной для них в былинном эпосе характеристикой: Алеша Попович спрашивает Илью Муромца, кто он и откуда приехал, «неочестливо», и Илья его бранит; Добрыня спрашивает о том же «очесливо», и Илья Муромец тогда отвечает ему. Изображено столкновение Ильи Муромца с придворными богатырями (утеснение их на скамье), привоз зятями Соловья-разбойника его «воровских пожиток». В последнем эпизоде наблюдается переключки с текстом № 14.

За отсутствием начала, неизвестно, как переданы все эпизоды до встречи победителя Ильи Муромца князем киберским и воеводой черниговским. Но, очевидно, как и в других текстах «черниговской» группы, указано крестьянское происхождение Ильи Муромца, так как о нем говорит сам богатырь князю киберскому и воеводе черниговскому (строки 9—11).

27. [Алеша Попович и Тугарин Змеевич]. Отрывок. Рукопись не сохранилась. Печатается по фотокопии, опубликованной А. И. Станкевичем (стр. 33—34). Вторая половина XVII века. По той же фотокопии текст опубликован: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 59—60; Сперанский, стр. 516—517. Текст изучался: Станкевич, стр. 28—32 (перепечатано: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 88); Евгеньева. Язык былин, стр. 172—173; Евгеньева, стр. 178—179, 182. Отдельные замечания о тексте и упоминания: Лобода, стр. 34; Соколов, «Этнография» 1926, № 1—2, стр. 100—101; История литературы, II, ч. 2, стр. 182—183; Русск. нар. поэтич. творчество, I, стр. 126, 128, 417—418, 423—428.

Судя по описанию А. И. Станкевича и по фотокопии, рукопись представляла собою листок, вырванный из сборника или тетради. Местонахождение его неизвестно. Писан он скорописью XVII века, почерком, по сообщению А. И. Станкевича (стр. 29), сходным с некоторыми документами семейного архива Масловых, где он и был обнаружен в конце XIX века Ф. И. Масловым. Почерк размашистый, нечеткий, читать его трудно, поэтому в изданиях есть разночтения: ъ и ъ писец пишет нечетко, поэтому при издании на конце слов поставлен ъ согласно современной орфографии. А. И. Станкевич считал отрывок записанным «прямо со слов какого-либо певца былини, и записан, притом, чрезвычайно точно» (стр. 30). Н. С. Тихонравов при переиздании (Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 88) на основании наличия неправильных написаний и пропусков букв высказывает мнение, что отрывок является копией. Однако А. П. Евгеньева, специально исследовавшая язык текста отрывка, не соглашается с мнением Н. С. Тихонравова. Характер пропусков и ошибочных написаний, по словам А. П. Евгеньевой, — именно показатель того, что мы имеем дело с записью: «...они по своему характеру связываются с другими отклонениями от орфографии XVII в. Смещение „о“ и „а“ на письме в безударном и ударном положении — свидетельство того, что текст написан в области сильного аканья, так как при умеренном аканье возможно смещение „о“ и „а“ только в безударном положении. Эта пестрота — показатель записи живого слышимого произведения: при копировании всегда неизбежны какая-то унификация и исправления, а этого совсем нет в масловском отрывке» (Евгеньева. Язык былин, стр. 172—173).

Наиболее убедительный аргумент Н. С. Тихонравова — указание на предполагаемую им опisku в строке 15: «есть ли», вместо «еси ты». Предшествующее маленькое, видимо, слово вырвано; по предположению Н. С. Тихонравова, это и было слово — обращение «ой», так как однотипные обращения в тексте (см. строки 6, 9, 21) — «ой еси ты». Такого рода описка действительно может быть объяснена только неверным прочтением оригинала при стремлении точно следовать ему. Однако в испорченном месте вряд ли могло быть что-либо, кроме окончания слова киев[ской]. Поэтому аргумент Н. С. Тихонравова тоже сомнителен. В устных записях, и в рукописных текстах, как указано А. П. Евгеньевой, встречается форма «ой есть», «ой есь». При крайне малом размере отрывка и отсутствии сходных текстов трудно все же решить вопрос окончательно.

Текст бесспорно отразил запись былины в том виде, как она бытовала устно. Сопоставление отрывка с устными вариантами см. в статье, стр. 15—17; там же — о значении его для истории эпоса.

28. Гистория о киевском богатыре Михаиле сыне Даниловиче двенадцати лет. Печатается по рукописи ГБЛ, 774. По новой нумерации ГБЛ: ф. 7, Амфилохия, № 69. Вторая половина XVIII века. Впервые опубликована: Веселовский, I, стр. 20—27; второй раз по рукописи Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 61—67. Рукопись описана: Ве-

селовский, стр. 20. Текст изучался и упоминался: Веселовский, стр. 27—34; Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 67; Миллер. Очерки, I, стр. 422—426; Лобода, стр. 39—40; Соколов, «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 101; Русск. нар. поэтич. творчество, I, стр. 341; Малышев, стр. 27, 28, 34, 63, 65, 69, 80.

Рукопись представляет собою тетрадь без переплета в 4°, на 11 листах. На лл. 3, 5, 9 водяной знак «АГ» (Тромонин, № 1056), а на лл. 1, 4, 8—Тромонин, № 1037. Оба знака 1754 года. Текст писан скорописью второй половины XVIII века, одним почерком, аккуратно, на всех листах обведен в рамку. Заглавие писано перед текстом, а еще на первом нумерованном листе в середине обведено в рамку с геометрическим орнаментом. Кроме «Гистории», в тетради других текстов нет. Текст полный, утраченных листов нет. А. Н. Веселовский указывал на близость текста к былинам, на хорошую сохранность стиха (стр. 27—28). Несмотря на это, текст является копией: в нем встречаются описки, говорящие о том, что писец не всегда разбирал отдельные места. Например: «И учел их побивать на все четыре стороны, и дограбился до добра сотка каменного, и тут полки клонил» (строки 121—123); А. М. Лобода также считал текст копией и доказывал это некоторыми описками: «апродметный» вместо «опрометный»; «служить верою и правдою и вочью неизменною» (Лобода, стр. 39). С этим мнением согласен и Б. М. Соколов («Этнография», 1926, № 1—2, стр. 101).

¹ В рукописи «Ивановичь». — Т. ² В публикации Веселовского исправлено на «первого», в сноске примечание: «черного, очевидно, ошибочно; сл. далее противоположение: (первого) — последнего». Тихонравов оставляет «черного» без оговорки, возможно считая написание переосмыслением. В настоящем издании сохраняется написание рукописи. ³ В рукописи «сыну». — Т. ⁴ В рукописи повторено. ⁵ Слог «во» в слове «взговорить» написан над строкой тем же почерком.

Публикуемый текст — единственная ранняя запись былины о Михаиле Даниловиче. Все остальные известные нам записи, насчитывающие 22 варианта, относятся к XIX—XX векам.

Относится к тем пересказам былин в рукописях XVII—начала XIX века, которые в наибольшей мере сохранили стиль и ритм былинного изложения. В тексте можно выделить целые стихотворные отрывки. Сравнительно немногие строки представляют переход стиха в прозу. Но Веселовский показал (стр. 28), что и в этих прозаических частях стих легко восстанавливается путем удаления некоторых слов, употребляемых в прозаической речи для связывания фраз: «тогда», «то», «с того» и т. п., а также некоторых ненужных повторений. Так, он приводит самое начало былины в стихотворном изложении:

Бысть во стольном городе во Киеве,
У великого князя Владимира
Было пирование почестное
На русские сильные богатыри.
Пьет, ест великий князь, тешится,
А над собою кручины не ведает

и т. д.

В этом отрывке Веселовский реконструировал первую строку по образцу былинных зачинов и удалил из второй слово «Всеславьевича». Остальные 4 стиха точно повторяют подлинник. Второй пример, приведенный Веселовским (слова, удаленные при реконструкции, выделены курсивом):

«Как побью я побоище
И поеду к стольному граду Киеву
К великому князю Владимиру,
Будет мне честь и хвала
От великого князя Владимира
И от своей братьи великая».

«...а как побью побоище и с того
побоища поеду к стольному граду Киеву
к великому князю Владимиру *Всеславье-
вичю киевскому, то* будет мне честь и
хвала. От великого князя Владимира *Все-
славьевича киевского* и от своей братьи
великая».

По такому способу восстанавливается стихотворная форма почти всего текста. Но во многих местах такая реконструкция и не нужна. Можно выделить ряд подлинно стихотворных фрагментов, подобных следующим:

И сядился млад Михаил сын Даниловичь
На своего добраго коня наступчитова,
И поехал ис Киева града не воротами,
И скакал чрез ограду каменную,

И поехал к почестному мона́стырю,
 Ко отду своему Даниле Ивановичю
 Просить от него прощения и благословения.

Или:

И говорят ему таково слово:
 «Государь ты, дородной доброй молодец!
 Как тебя по имени зовут и по отчеству?
 И дай ты нам сроку на три дни».

Или:

Что взговорит Илья Муромец:
 «Гон еси, велики князь
 Владимир Всеславьевич киевской,
 Живу я у тебя трицать три года,
 А побойща такого не побивывал,
 Что грозно побил побойще
 Млад Михаила сын Данилович».

Сохранена также в тексте былинная фразеология и лексика, за редкими исключениями: «бысть», «хощет», «рече», «аз», «brate Михаиле», «сложил с себя железа с рук», «для пострижения в монашеский чин».

Все это заставляет предполагать, что оригинал текста возник как запись непосредственно услышанной или усвоенной из устной традиции былины, а самый текст явился очень точной его копией.

Для истории эпоса текст важен как свидетельство о существовании особой редакции сюжета. См. об этом в статье, стр. 18—19.

29. [Повесть о Сухане]. Печатается по рукописи, хранящейся в Архиве ИРЛИ. Вторая половина XVII века. Рукопись была найдена В. И. Малышевым в 1948 году в Ленинграде и подарена им ИРЛИ в 1956 году. Текст опубликован: Малышев, стр. 135—143. Рукопись описана и текст исследован: там же. Первое сообщение о тексте сделано В. И. Малышевым: Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, т. XIII, вып. 3, М.—Л., стр. 282—286. Текст напечатан с разделением его на стихи: там же, стр. 286—288.

Рукопись представляет собою тетрадь в 8°, на 12 листах белой бумаги, переплета нет. Почерк один, скоропись XVII века. Записи ни к датировке, ни к владельцам отношения не имеют. Текст начинается с заглавной разрисованной буквы, заглавия нет. Начало текста на л. 2, конец — на л. 10. Лл. 1, 11, 12 — чистые. На лл. 5, 6, 11 — части бумажного знака XVII века: голова шута с бубенцами в зубчатом воротнике. Некоторые слова в рукописи исправлены, очевидно, тем же писцом. Например: слово «молыл» исправлено из «мольви» (строка 19) — слово «ледеются» исправлено на «белеютца» (строка 30). См. свод поправок в описании рукописи (Малышев, стр. 130—133).

¹ «Потехи» написано над строкой. ² В рукописи «рена». — Мал. ³ В рукописи обозначение числа буквенное. ⁴ В рукописи «но». — Мал. ⁵ В рукописи «копе копейные». ⁶ В рукописи «о». — Мал. ⁷ В рукописи «быз». ⁸ В рукописи «телелеги». — Мал. ⁹ «И татаровям, и мурзам» вписано на полях. ¹⁰ Утрачен, очевидно, один лист рукописи. ¹¹ В рукописи «прошенье».

Текст представляет литературную переработку былины о Сухане. Характер этой переработки и связь «Повести» с устной традицией внимательно исследованы В. И. Малышевым. См. краткое изложение его наблюдений и выводов в нашей статье, стр. 60.

30. [Повесть о Сухане]. Печатается по публикации В. И. Малышева (стр. 217—219). По сообщению Малышева (стр. 211—212), текст представляет собою копию, сделанную П. О. Морозовым в 1875 году с рукописи XVIII века (по датировке П. О. Морозова). Никаких палеографических данных о рукописи и о месте хранения ее П. О. Морозов не дает.

Копия П. О. Морозова почти буквально совпадает с текстом XVII века даже в описках (см.: Малышев, стр. 211). Имеются все же некоторые разночтения (см. там же, стр. 212). Изучение их наводит на мысль: не сделана ли П. О. Морозовым копия с той же рукописи, которая хранится в Архиве ИРЛИ, или с совершенно тождественного списка, поскольку все отклонения могли вполне возникнуть при неумелом прочтении списка XVII века? В том же случае, если в руках П. О. Морозова была рукопись уже с теми особенностями, которыми отмечен текст Морозова, то она была такой неисправной копией со списка XVII века или с их общего оригинала, как и предполагает В. И. Малышев (стр. 212).

Текст П. О. Морозова перепечатывается без изменений, за исключением деления на абзацы.

31. Сказание о семи русских богатырях. Печатается по рукописи ГПБ. О. XVII. 57. Буслаева 92. Первая четверть XVIII века. Впервые с большими неточностями опубликовано: Н. И. Костомаров. Памятники старинной русской литературы, вып. 2. М., 1860, стр. 311—315. Повторно по рукописи опубликовано: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 47—53; Симои, стр. 49—55, описание, стр. 63—64. Приведено полностью, но в стихотворном виде: Киреевский, IV, стр. 23—38 (в сноске, параллельно былинне об Илье Муромце и Идолище). Текст упоминался и исследовался: Киреевский, IV, стр. 22; О. Ф. Миллер. Илья Муромец и богатырство киевское. СПб., 1869, стр. 758—763; Барсов, стр. 8—11; Тихонравов, стр. 8 (перепечатано: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 74); Миллер. Очерки, II, стр. 128—130; Веселовский, стр. 357—374; Лобода, стр. 34—35 и 42; Сперанский, стр. 503—510; Соколов. «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 99—100; Позднеев, стр. 136—140; 148—149; История литературы, II, ч. 2, стр. 183; Русск. нар. поэтик. творчество, I, стр. 425—430; Малышев, Труды ОДРЛ, стр. 387; Сперанский. Сказание, стр. 1—29.

Рукопись представляет собою сборник, описание его см. в комментарии к тексту № 2.

Сказание занимает лл. 233—245 об. Писано скорописью XVIII века. На л. 234 часть водяного знака, который виден и на других листах сборника и который датирует бумагу 1681 годом (Тромонин, № 545). Заглавие и первая буква текста писаны киншварью. Текст хорошей сохранности. Представляет собою копию. Об этом свидетельствует несколько случаев искажения и путаницы. Например: «Лутче нам той срамоты великия, как случитца нам в чистом поле смерть недобрая» (строки 24—25). Имеется и пропуск таких букв, которые обычно в рукописях бывают надстрочными и при переписывании иногда пропускаются из-за неразборчивости почерка: «славны[и]»; «четверты[и]»; «и[э] града».

¹ В рукописи «к вам». ² После «пятой богатырь» в рукописи написано «Глапит». ³ Обозначение числа в рукописи буквенное. ⁴ В рукописи «слова» повторено. ⁵ В рукописи «бгагатырь».

Публикуемый текст — один из лучших вариантов «Сказания». Неясных и явно искаженных мест сравнительно немного. Сюжет развивается стройно, композиция четкая.

Как все тексты «Сказания», данный соединяет былинную фразеологию и некоторые народно-поэтические элементы с деловым языком XVII века. Специфические былинные языковые обороты в данном тексте встречаются чаще, чем в других (за исключением текста № 35), некоторые выдерживаются на всем протяжении текста: «что зговорят богатыри таково слово»; «и зговорит велики князь Владимир киевски»; «а сам говорить таково слово»; «и зговорят калики таково слово» и т. д. С другой стороны, встречаем: «Не пригоже вам меня покнуть»; «едут... прямых вестей проведать»; «есть ли отпуск из Царяграда богатырям»; «а таперво нам оставить во Цареграде нельзя!» (о Тугарине), «были мы, государь, без твоего ведома во Цареграде для твоих государевых недругов»; «еще есмы в правде устояли и царское все исполнили»; «отъезду никакого не учинить» и т. п.

Из былинных поэтических элементов довольно часто встречаются постоянные эпитеты: «стольный град Киев», «пированье почетное», «поле чистое», «добрый конь», «палицы булатные», «сильный богатырь», «збруя ратная», «служба верная». Вместе с тем порой вклинивается нетрадиционная для былин лексика. Например, во всем эпизоде с показом цареградских лошадей фигурируют именно лошади, а не кони, и в необычном сочетании «лошади богатырские» (см. строки 88—92).

Ближе всего народному эпосу те места, которые непосредственно заимствованы из былин: пир у князя Владимира (строки 1—3), диалог Ильи Муромца и Идолища (строки 71—74), битва с царьградскими богатырями (строки 112—116).

Данный текст — единственный, который начинается с традиционного в былинах пира. При этом отсутствие его во всех трех других, имеющих начало, текстах (№№ 32, 34, 35) заставляет предполагать в данном варианте привнесение книжника в целях усиления былинных элементов. Но пир «навоселню» (повторяется в данном тексте в строке 56, встречается и в других текстах) — очевидное переосмысление былинного «и как будет пир на веселе». Обычное в эпосе платье «цветное» изменено на «светлое» (строка 40). То же объединение в языке народно-поэтических элементов с книжными видим и в эпизоде обращения Тугариновой матери к царице Елене и Елены к богатырям. Песенное «Не белая лебедь воскликала, всплачетца Тугаринова мать» сочетается с эпитетом царицы Елены — «благочерная» и с выражением «не нанесите на себя клятвы вечныя».

Речь «Сказания» ритмична, местами воспринимается как стихотворная, в особенности в первой части текста. Но весь текст представить в стихотворном виде, как это сделал П. А. Бессонов (Киреевский, IV, стр. 23—38), без значительной и порой насильственной реконструкции не удастся.

32. Сказание о русских богатырях и о киевских и о цареградских. Печатается по рукописи ГБЛ, 8779. Вторая половина XVII века. По новой нумерации рукописей фонда 178, с тем же номером. Впервые опубликовано: Пушкарев, стр. 365—370; Рукопись описана и текст исследован: там же, стр. 361—365. «Сказание» упомянуто: Малышев. Труды ОДРА, стр. 387; Малышев, стр. 84, 89.

Рукопись представляет собою сборник в 4°, на 81 листе белой разной бумаги + 2 затрепанных неполных листка. Писан разными почерками на лл. 68—80, водяной знак XVII века — голова шута с бубенцами в зубчатом воротнике (Тромонин, № 385). Начальные и последние листы в тетрадах, составляющих сборник, утрачены. Переплет бумажный, сохранилась только верхняя крышка. Содержание сборника религиозное: жития, слова, проповеди. Из повествовательных произведений — «Сказание о Дракуле воеводе» (лл. 79—80 об.). Имеются записи: на обороте передней крышки переплета — «Копия с квитанции 1822-го года марта 25-го дня Череповского уезда ведомства Чуровского волостного правления Економической вотчины, деревни Дроздова крестьянин Василен Никифоров дал сию росписку»; л. 29 об. — «Сказание о Петре Волюжском како писал похвалу христово възкресение 1727 го году апреля в 8 день Белозерского уезду Напорского стану Устегорской волости в сельци... дворянин Василен Ат...»; л. 42 об. — «Деревни Дроздова»; л. 57 об. — «Волостной писарь Федор Николаев»; л. 65 об. — «Лука Григорьев] Чуровского волостного правления»; л. 71 об. — «Рубли, рубли, копейки. Волостная голова Емельян Данилов занел у мене серебром... Дражаншему моему Тимофею... Крестьянина деревни Дроздова»; л. 81 — «1821 го года апреля 24 дня Череповец... Иван Гаврилов, голова Сава Афанасьеву руку приложил к сей расписке вместо означенного крестьянина Тирка Николаева] голова Иван Гаврилов голова», дальше идет подпись за неграмотного. Есть также другие записи.

«Сказание» занимает лл. 71—79. Перед приведенным в нашем издании заглавием тем же почерком в строку написано: «Сказание о русских богатырях и о цареградских». Оба заглавия не отделены от текста, вероятно, поэтому позже сверху другим почерком было написано: «Сказание о русских богатырях и о цареградских 2232». Листы, а особенно нижние углы, потрепаны. Текст является копией. Об этом свидетельствуют искажения, например: «Лутьчи нам самим тои соромоты, хотя нам случится недобрая смерть» (строки 19—20). В некоторых словах пропущена надстрочная буква, например: «киев[с]ким»; «ездя[т]», «а[ж]но»; есть также пропуск строки: см. строку 26.

¹ В рукописи обозначение числа буквенное. ² В рукописи «Постои». ³ «Идучи» написано над строкой тем же почерком. ⁴ Слог «ти» написан над строкой тем же почерком. ⁵ В рукописи «любо». ⁶ Слог «ни» написан над строкой тем же почерком. ⁷ «То» написано над строкой тем же почерком. ⁸ «Вы» написано над строкой тем же почерком. ⁹ В рукописи «полу». ¹⁰ «Есми» написано над строкой тем же почерком. ¹¹ Слог «вал» написан над строкой тем же почерком. ¹² В рукописи «отддаю». — П. ¹³ После «ево» зачеркнуто слово «зброу».

Основные характерные черты текста те же, что и в предшествующем. Вообще данный текст близок к № 31, но отдельные эпизоды пересказаны короче и словесно несколько иначе, хотя в них имеются некоторые текстуальные совпадения. Былинных поэтических особенностей и речевых оборотов несколько меньше. Это было отмечено и издателем текста Л. Н. Пушкаревым: «Язык нового списка суше и сдержаннее в красках по сравнению с Барсовским или даже Буслаевским списками» (Пушкарев, стр. 362—363). Во всяком случае, ясно, что оба восходят к единому источнику.

Основные отличия: отсутствует начальная картина пира. Текст открывается словами: «В столяном граде Киеве говорит государь князь Владимир» (см. то же в текстах №№ 34 и 35). Такое начало, очевидно, и принадлежало исходному тексту. Отсутствует плач матери Тугарина с просьбой отпустить Тугарина, к богатырям сразу, без предварительной просьбы Тугариновой матери о заступничестве, обращается царица Елена. В сцене у царя Константина — заметная путаница: резкие слова в адрес царьградских богатырей говорит, как и в других текстах, Алеша Попович, и Залешанин дипломатически пытается предотвратить готовое возникнуть столкновение, но совет потерпеть и «унять сердце богатырское» говорят не богатыри Алеше Поповичу, а сам Алеша богатырям (строки 72—74, ср. с текстом № 31, строки 85—87).

Интересно наименование Добрыни — Добрыней Резановичем (строка 32), что заставляет вспомнить известное сообщение Никоновской летописи о гибели при Калке среди других богатырей Добрыни Рязанича Златого пояса. То же наименование встре-

чается в текстах №№ 33 и 34. Наблюдается изменение имен богатырей: Белая Поляница вместо Белая Палица (переосмысление), Сулан вместо Сухман.

33. [Сказание о киевских богатырях]. Печатается по рукописи из собрания Ф. Ф. Мазурина 196, ЦГАДА, ф. 196, оп. 2, д. 315, ед. хр. Мазурин. Вторая половина XVII века. Рукопись обнаружена В. Н. Шумиловым. Впервые опубликована: Малышев, Труды ОДРЛ, стр. 388—390. Рукопись описана и текст исследован: там же.

Рукопись представляет собою столбец, склеенный из двух листов и небольшой подклейки. Столбец складывался, а не свертывался в трубочку. Сверху столбец оборван, начало текста поэтому отсутствует, писан скорописью двух почерков. Водяной знак — лев с мечом и веером на щите (80-е годы XVII века).

Текст является копией, о чем свидетельствуют некоторые пропуски и описки. В целом текст писан внимательно.

¹ В рукописи обозначение числа буквенное. ² В рукописи «воскликликнула». ³ В рукописи «вергую».

Сохранившаяся часть текста открывается эпизодом переодевания богатырей в платье калик. Во всем дальнейшем изложении текст близок к №№ 31 и 32, в отдельных подробностях соприкасаясь то с тем, то с другим. Так, эпизод выступления Алеши Поповича против Идола в палатах царя Константина передан правильно, как в тексте № 31, но с № 32 его сближает замена слова «такова» словом «таинова», несколько меняющая смысл речи богатырей. С текстом № 32 сближает данный текст включение оценки русскими богатырями царьградских коней (см. № 33, строки 47—48 и № 32, строка 81). Этой оценки в тексте № 31 нет.

Словесно и в мелких деталях каждый из текстов имеет свои особенности. Так, например, переодешись в платье калик, богатыри палицы несут «под полами» (№ 31), «под гунями скурьятными» (№ 32), «под сумами скорлятными» (№ 33); в описании боя тоже имеются мелкие отличия:

№ 31

№ 32

№ 33

И скоро богатыри съехались, и ударились копьями, испробовали на себе все доспехи крепкие.
Скоро съехались и ударились вострыми копьями, и копья вострыми, и доспехи крепкие пролома-поприломалис.

От обоих родственных текстов данный отличается своим концом: в нем отсутствует эпизод отпуска в Царьград Тугарина Змеевича, и рассказ заканчивается признанием силы Киевской Руси Тугарином. Концовки во всех текстах разные.

34. Сказание о киевских богатырях, како ходили во Царьград и како они побили царьградских богатырей. Печатается по рукописи, принадлежавшей Институту мировой литературы им. А. М. Горького, ныне хранящейся в ИРЛИ, 1. 27.105. XVIII век. Впервые опубликовано: Позднеев, стр. 191—195. Рукопись описана: там же. Текст упоминался и исследовался: Позднеев, стр. 136—189; История литературы, II, ч. 2, стр. 183; Пушкирев, стр. 361; Малышев, Труды ОДРЛ, стр. 387.

Рукопись представляет собою сборник в 8°, на 118 листах белой разной бумаги с наклеенными картинками и заставками, почерки разные. Некоторые листы в сборнике утрачены. Переплета нет.

Содержание сборника смешанное. Из повествовательных произведений: «Сказание о петухе» (лл. 44—58), «Повесть о ерше» (лл. 58 об.—73 об.), «Повесть о Азовском осадном сидении» (лл. 80—95 об.), «Повесть царя Соломона» (лл. 96—105). Судя по записям владельцев, сборник бытовал в Угличе — на л. 45 об. запись: «Сия книга града Углича посацкаго человека». Запись угличского посадского человека есть на л. 79.

«Сказание» занимает лл. 105 об.—118 об.; скоропись XVIII века. Первая буква заглавия и текста киноарные. Последняя страница полустерта, разбирается с трудом. На некоторых листах вырван нижний угол. Текст не закончен из-за утраты листа. Почерк довольно четкий. Писец ъ и ь пишет тоже четко, употребляет правильно. Но часто ь стоит в конце слов, оканчивающихся на м и л и в конце глагольных форм. Это проводится систематически. На конце слов, оканчивающихся на другую согласную, ь стоит только там, где он нужен. Поэтому появление ь после м и л и на конце глагольных форм можно признавать отражением мягкого произношения писца, а не результатом смешения им ь и ъ. Мы сохраняем ь там, где он поставлен писцом, но при надстрочных согласных м и других ь ставим в скобки, так как графика текста своеобразна. С ь часто пишется также «Идол». Текст является копией с более древнего оригинала, в нем есть

искажения и путаница, которые могли возникнуть при переписывании, пропусках и непонимании отдельных слов. Например: «И дають калики с себя свое платье с себя» (строка 34); «и не познаешь от Киева тем[ь] путем, откуда еси приедешь» (строки 73—74); в некоторых словах пропущены буквы (строки 53, 89).

¹ В рукописи обозначение числа буквенное. ² Над словом «нам» другими чернилами надписано «им». ³ «Своим» повторено.

Текст близок предшествующим (№№ 31—33), но имеет некоторые свои отличия в передаче отдельных эпизодов. Самое значительное — уговор богатырей, как держать себя в Царьграде («Бога для братия, ко царским[ь] речем богатыре» и т. д., строки 46—49), и предупреждение Залешенина о невоздержанности в своих речах Алеши Поповича («Всех у нас пуще говорить о чем[ь] ни есть Алешка Попович: что он пьян и трезв — одинаки у него речи, и он охочь за всех бранитися», строки 49—51). В предыдущих же текстах соответствующее место не совсем понятно — речь заходит о том, кто лучше всех говорит по-татарски, и оказывается, что лучше всех Алеша Попович: «... каков он пьян, таков и трезв, и всех он нас лучше бранитися» (№ 33, строки 13—14). Ясно, что в данном тексте это место более логично и более связано с последующим эпизодом в палатах царя Константина, когда Алеша «не стерпел» похвалыбы Идола, и богатырям приходится сдерживать его: «Уими ты, Алексьеи, свое сердце богатырское, малешко на малой час потерпи» (строки 78—79).

В эпизоде упрашивания царицей Еленой русских богатырей не брать с собой Тугарина в данном тексте, как и в №№ 31 и 33, сперва выступает мать Тугарина, но сравнения ее с белой лебедью нет. Другие изменения: Алешу останавливают, когда он начинает грозить Идолом, не все богатыри, а Сухан; калка Никита «родом Карачевец» превращается в Никиту «роду королевского», богатырь Белая Палица, а в № 32 Белая Поляница — в богатыря Белую Пыницу (в последних двух случаях видим своеобразное пересмысление); появляется польское слово «шкапа» (кляча).

Текст не имеет конца, обрывается на просьбе Ильи Муромца отпустить Тугарина. Следовательно, в тексте, очевидно, был эпизод о том, что князь отпускает Тугарина обратно в Царьград.

35. Сказание о киевских богатырях, как ходили во Царьград и как побили царьградских богатырей, учинили себе честь. Печатается по рукописи ГИМ, Барсова 1463. Середина XVII века. Впервые опубликовано: Барсов, стр. 12—27. Перепечатано: Миллер, стр. 279—285; вторично по рукописи: Сперанский, стр. 506—515; затем: Симони, стр. 1—46, описание, стр. 56—62, Барсов, стр. 1—3. Текст упоминался и исследовался: Тихонравов, стр. 1—2 (перепечатано: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 69—70); М. Халанский. Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885, стр. 97—100; Миллер. Очерки, I, стр. 440—442; II, стр. 127—153; Веселовский, стр. 357—368; Лобода, стр. 32, 42; Сперанский, стр. 503—505; Соколов, «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 99; Позднеев, стр. 135—152; История литературы, II, ч. 2, стр. 183; Евгеньева. Сказание, стр. 108—128; Труды ОДРА, VI, стр. 178—188; Русск. нар. поэтич. творчество, I, стр. 417, 423, 425—430; Пушкирев, стр. 361; Малышев, стр. 79; Малышев. Труды ОДРА, стр. 387; Евгеньева. Язык былин, стр. 168—170; Сперанский. Сказание, стр. 1—29.

Рукопись представляет собою сборник в 8°, на 268 листах белой пожелтевшей бумаги. При нумерации один лист пропущен, поэтому последний лист помечен 267-м. Переплет деревянный, обтянутый кожей, с оборванной застежкой. Сохранилась старая нумерация, первый лист вырван до нанесения нумерации цифрами. Писан разными почерками XVII века. Заглавия статей не выделяются, поэтому все писано как бы в один текст. Содержание сборника смешанное, из повествовательных произведений в нем: «Хождение Трифона Коробейникова в Святую Землю» (лл. 1—97 об.), «Слово о Дмитрие купце и о мудрых словесах сына его Борзосмысла» (лл. 121 об.—140 об.), «Повесть о сильном богатыре Самсоне» (лл. 141—155). На лл. 15—29 запись: «Книга турчасовца посадского человека... Иванова сына Заменева подписал свою рукою 1714 году августа 11-го дня» (обозначение чисел буквенное); на л. 140 об.—«сия книга зовома Турчасовца». Читателями и владельцами сборник, очевидно, назывался «странник»: на л. 200 запись — «Сия книга глаголема странник»; на л. 200 об.— «Сия книга глаголема странник, а в нем есть всякий повести хороши...».

«Сказание» занимает лл. 98—121 об., написано четкой, ясной скорописью, которая местами от времени стерлась, особенно в углах, где листали. Углы некоторых листов оборваны, подклеены новой бумагой, и буквы заклеенных слов дописаны на наклейках новыми чернилами. Некоторые слова вписаны или исправлены другими чернилами. В публикации К. П. Симони слова, восстановленные другими чернилами, взяты в скобки, а пропуски отмечены многоточием. В настоящем издании слова, восстановленные другими чернилами, заключены в круглые скобки, чтобы отличить их от восстано-

вленных нами на месте пропусков в рукописи. В круглые скобки взяты не только слова, вписанные на подклеенных углах, но и те, которые обведены по старому письму, причем часто невозможно установить, сохраняется ли здесь прежнее написание или сделаны поправки. На лл. 104, 109—112, 118, 119, 121, 124 части водяного знака, похожие на знаки Тромонина, №№ 1161, 1139, 1176, 1145, 1164, 1149, 1222, которые изображают кувшинчик с полумесяцем и датируются 1636—1638 годами. Текст представляет собою копию. Об этом свидетельствуют неясность в ответе Тугарина князю (строки 221—223, ср. в тексте № 33 строки 105—107), некоторые искажения, например: «бьют челом в столе» (примечание 2), «а станете лодцев кеевских» (строка 106), «шубы подасамиты» (строки 215—216). Мнение о том, что текст является копией, высказывалось Вс. Миллером (Очерки, II, стр. 128) и А. М. Лободой (стр. 32).

Писец ъ и ѣ обозначает одинаково знаком, похожим на ѣ. Е. В. Барсов и К. П. Симоны раскрывали его в строке как ѣ. Но, так как нет уверенности, что это всегда обозначает мягкость согласных, а не является результатом смешения писцом начертания ѣ и ѣ, мы в издании на конце слова ставим в согласно правилам современной орфографии. В середине слова сохраняем написание писца, раскрывая ѣ как ѣ. По сравнению с изданием Симоны в нашей публикации есть и другие разночтения.

¹ В рукописи обозначение числа буквенное. ² После «челом» написано «в столе». ³ «5 — богатырь» написано на полях, число буквой и «богатырь» под титлом. Написано другими чернилами, но очень похожим почерком напротив строки, которая начинается с «ша Поповича». ⁴ В рукописи «Царюграда». ⁵ В рукописи «мих». ⁶ В рукописи «вязолотая», слог «ло» вписан сверху. ⁷ В рукописи «свои». ⁸ Добавлено и заключено в скобки «и каков он ро». ⁹ Добавлено сверху другими чернилами. ¹⁰ Здесь, очевидно, пропуск слова. ¹¹ Добавлено «им». ¹² В рукописи «бгадатыря». ¹³ В рукописи «на». ¹⁴ В рукописи «богатыре». ¹⁵ «Цареградских богатырей было» вписано на полях.

Текст — самый ранний из дошедших до нас списков «Сказания» о походе киевских богатырей в Царьград. Выделяется как самый подробный. Все эпизоды и описания значительно более развернуты: перечисление богатырей сопровождается описанием одежды некоторых из них; отъезд богатырей дополняется обстоятельным изображением их снаряжения; вдвое длиннее изложен разговор богатырей после выезда в поле (в текстах №№ 31 и 32 он занимает всего по 3 строки, в № 34 — 5 строк, в данном тексте — 11); в эпизоде встречи с каликами подробно описаны их одежда и оружие; только в данном тексте дан гротескный портрет Идола (строки 84—86), традиционный в былинах об Илье Муромце и Идолище; более подробно изображено и столкновение Алеши Поповича и Идола (строки 104—114); подробнее также рассказывается о захвате русскими богатырями царьградских коней и битве — в ее описание включено изображение испуга Идола и Тугарина (строки 165—171) и т. д.

Это расширение текста произошло, с одной стороны, за счет включения описаний, или непосредственно перенесенных из былин (седлание коней, образ Идола, детали боя — строки 28—32; 84—86; 175—176, заклинание Тугарина не ходить на Русь), или сделанных в подражание эпосу (см. обе битвы с татарами — строки 160—165 и 171—177), с другой стороны, ряд деталей заимствован из книжных источников: например речи Тугарина и Идола перед битвой (см.: Позднеев, стр. 174—175).

Стремление к распространенному изложению привело к нечеткому построению самого начала, где имеются повторения.

Своеобразная деталь данного текста, которой нет в других (встретившиеся русским богатырям калики — это царьградские богатыри), никак не меняет содержание эпизода и, очевидно, случайна.

Сопоставление данного текста с четырьмя другими (наст. изд., №№ 31—34), между собою очень близкими, ставит вопрос о типе исходного текста: был ли он подобен Барсовскому и более краткие возникли путем его сокращения или, наоборот, Барсовский возник на основе краткой редакции. Мысль о последнем случае была высказана А. В. Позднеевым, который рассматривал Барсовский вариант как «вторичную капитальную переработку „Сказания“, произведенную рукой книжника, знающего повествовательную литературу Московской Руси» (Позднеев, стр. 174). Судя по характеру дополнительных деталей этого варианта по сравнению с другими текстами, нам такой путь движения сюжета «Сказания» кажется наиболее вероятным.

Концовка текста — «Богатырское слово» — очевидно, испорченное «Богатырям слава» (см. № 32), как уже было указано Л. Н. Пушкаревым (стр. 362).

36. Сказание о трех богатырях земли светорусские — о Илье Муромце, о Иване Попоке, о Олеше Поповиче. Печатается по рукописи ГБЛ, Овчинникова 522. Вторая половина XVIII века. Впервые опубликовано: А. П. Евгеньева, Труды ОДРЛ, XIII, стр. 486—491. Рукопись описана и текст исследован: там же.

Рукопись представляет собою сборник в 4°, на 166 листах белой бумаги. Верхние углы лл. 165 и 166 оборваны. Сборник писан полууставом. Переплет картонный, оклеенный холстом. Бумага, судя по водяным знакам, разная, но по почерку, внешнему оформлению заглавий и статей сборник производит впечатление единого, а не составного.

Содержание сборника повествовательное. На лл. 1—44 — «Сказание» о Бове королевиче, в конце текста запись: «Списано, конца не сыскано», дальше мелко: «Сие списано, чидеса, а сии [неразб.].» На лл. 45—51 об. — повесть и сказание о «индейском царстве». На лл. 51 об.—87 об. — «Сказание о зверех сильных», после текста — приписка мелко внизу, теми же почерком и чернилами: «Списано от типографии философской Матфея мудрости 7766 [обозначение числа буквенное] года»; еще ниже запись: «Ерофеев 1766 года» — теми же чернилами, но скорописью. Очевидно, в буквенной записи года писец допустил ошибку, а следовало написать тот же 1766 год. Записанный 7766 год соответствует 2258 году нашего летосчисления. На лл. 88—116 — «Космография», в конце текста, тем же почерком и чернилами: «Писана космография месяца нуния числа 5 [обозначение числа буквенное] божим поможением 1769». На лл. 117—125 об. — «Слово о Сампсоне пресилном», дальше запись теми же почерком и чернилами: «Списано от старых летописцев из книги философской мудрости откочнано храброго Сампсона книга пчела божия». На лл. 126—140 — «Сказание о трех богатырех...», после текста запись: «Списано с киевской с печатной типографии зинзмером руки князя Владимира 1 числа 1739 [обозначение чисел буквенное]». На лл. 140 об.—147 — «О прении скomoroxa с жидовином», после текста теми же почерком и чернилами: «Из книги старого закона». На лл. 147 об.—155 — отрывок из Летописца. На л. 155 после текста теми же почерком и чернилами: «Списано от старых летописцев земли руские что в царствующем граде Москве учинилось: 1749 года 1 число» (обозначение чисел буквенное). На лл. 155 об.—158 об. — «Беседа царя Давида пророка с царем Волотом». Дальше и до конца сборника — «Беседы святых отцов». После этих текстов нет приписок, откуда они списаны.

Бумага в сборнике разная. Водяные знаки не всегда ясны. На начальных листах сборника водяной знак (РФ в рамке) 1742—1745 годов (Тромонин, №№ 578, 579, 580). Начиная от л. 144 знаки Ярославской бумажной фабрики: ЯМСЯ и медведь под короной на щите (Тромонин, №№ 605 и 427). Литеры ЯМСЯ встречаются на бумаге этой фабрики выработки 1748 года и конца XVIII века, но медведь подобного рисунка только на бумаге 1748 года. Следовательно, бумага сборника выработана в 40-х годах XVIII века. Даты, которые стоят на лл. 87 об. (1766 год), 116 (1769 год), очевидно, соответствуют действительности. Сборник писался одним человеком, судя по почерку и оформлению (сомнения вызывают только последние листы после «прения скomoroxa», т. е. с л. 148), но в разное время, в 60-х годах XVIII века. Так как это подтверждено бумажными знаками и записями писца, то буквенные обозначения года на л. 140 (1738 год) можно считать ошибочным. Видимо, писец или не очень твердо знал буквенные обозначения чисел, что возможно ввиду путаницы на л. 87 об., или списал эту дату со своего оригинала, как сделал это в отрывке из летописи (л. 155).

«Сказание» занимает лл. 126—140, писано внимательно, таким же полууставом, что и весь сборник. Особенностью написания является то, что писец выносит над словом целый слог и ставит его под титло. В некоторых случаях он забывал ставить титло, и слог просто вписан над словом, что оговорено в примечаниях. Текст является копией: есть более древние родственные тексты. Об этом свидетельствуют также ошибки и искажения.

¹ В рукописи обозначение числа буквенное. ² Слог «ри» вписан над строкой тем же почерком. ³ Слог «ле» вписан над строкой тем же почерком. ⁴ Слог «бра» написан над строкой тем же почерком. ⁵ Словом «землю» кончается строка, дальше абзац, против него на полях написано тем же почерком «умерла Михайлова жена». ⁶ В рукописи повторено. ⁷ В рукописи «бало». ⁸ В рукописи «Пок». ⁹ В рукописи «рубей».

Текст принадлежит вместе со списком № 37 к самым полным рукописным текстам с сюжетом о Михайле Потоке. В нем имеются эпизоды и подробности, совершенно отсутствующие в большинстве других записей (наст. изд., №№ 39—42): одевание жены Потока перед тем, как отдать ее Кошею, и иронические слова последнего о князе Владимире и киевлянах, ее отдавших (строки 165—168); описание богатой одежды калики (строки 228—230), нахождение богатырями и каликой казны и дележ ее на четыре части (строки 235—240); все эпизоды заключительной части — решение богатырей ехать в царство Кошею и расправиться с ним и с Лебедью (строки 249—251), поездка одного Михайлы к Кошею, встреча его Лебедью, новая ее попытка погубить Михайла, освобождение Михайлы дочерью Кошея Ганной, приезд богатырей и их расправа с Кошеем и Лебедью, женитьба Потока на Ганне. Однако эпизод спасения Михайла Потока

Ганной передан в былинном тексте более сжато, чем в тексте № 38; не говорится о замене прикованного к стене богатыря татаринном. Возможно, что здесь при списывании получился пропуск.

Текст хорошо сохранил не только композицию былины о Потоке в том виде, как мы знаем ее по многим устным вариантам XIX—XX веков, но и былинную фразеологию, и стихотворный склад. Как и другие тексты, он содержит и некоторые своеобразные особенности, которые не встречаются в известных нам изустных записях (см. статью, стр. 19—21), но, очевидно, принадлежали устной традиции XVII века.

37. Повесть о князе Владимире киевском и о богатырях киевских, и о Михаиле Потоке Ивановиче, и царе Кашею Златом Арды. Печатается по рукописи ГПБ О. XVII. 44. Вторая половина XVII века. Впервые опубликована: Майков, стр. 50—57; вторично по рукописи: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 25—31, с приложением фототипического снимка с заглавного листа. Отрывок напечатан: Сперанский, стр. 518. Рукопись описана: Майков, стр. 46—47 (перепечатано: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 86). Текст исследовался и упоминался: Майков, стр. 47—49 (перепечатано: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 87—88); Лобода, стр. 33, 43—44; Соколов, «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 100, 107—114; Евгеньева, стр. 178—188; Евгеньева, Язык былин, стр. 168—172. История литературы, II, ч. 2, стр. 182; Русск. нар. поэтич. творчество, I, стр. 126—128, 417—418, 423—430; II, кн. 1, стр. 167; Малышев, стр. 88—89.

Рукопись представляет собою сборник в 8°, на 150 листах белой бумаги, писан скорописью разных почерков и полууставом, переплет картонный, новый. Сборник составлен из разновременных тетрадей (XVII—XVIII веков), сплетенных вместе. Половину сборника занимает краткая Космография, во второй части — отрывок из путешествия Трифона Коробейникова (лл. 76—83 об.), притчи и сказания иррационального характера, «Сказание о Акиреве премудрости» (лл. 117—137 об.).

«Повесть» занимает последние листы сборника (лл. 138—150 об.). Тетрадь, в которой она записана скорописью конца XVII века, ничего общего ни по бумаге, ни по почерку с остальным сборником не имеет, даже обрез ее другой. Она присоединена к сборнику готовой, а возможно, и значительно потрепанной. Первая буква заглавия и первая буква текста писаны кинноварью. Лист перед л. 144 утрачен до переплетения и нанесение нумераций, последние листы тоже утрачены. Текст заканчивается словами: «Что зговорит великий князь Владимир киевской Всеславьевичь: „Он еси, князи и бояры“. . .» (строка 158). Но Л. Н. Майков видел рукопись до утраты двух последних листов, и в его публикации текст продолжается дальше, чем сейчас в рукописи. В сборнике Тихонравова—Миллера и в нашем издании эта последняя часть текста, со слов «Он меня дводжи наехал в беле шатре во чисте поле соннова» (строка 159) перепечатана по публикации Майкова (стр. 56—57).

Л. Н. Майков считал текст написанным «несомненно в последней четверти XVII века» (Майков, стр. 47). Он обратил внимание на то, что текст не имеет книжных подправок и, хотя размер стихов «не выдержан в точности», он представляется менее разрушенным, чем в подобных же текстах XVIII столетия. Ввиду этого Л. Н. Майков не решается утверждать, что «Повесть» «была только скопирована с более ранней записи», и допускает, что «она записана либо по памяти, либо с пословесной передачи былины» (Майков, стр. 48). С ним, однако, не согласились А. М. Лобода и Б. М. Соколов. Признавая все указанные качества текста, которые делают его близким к народной устной традиции и народной речи, А. М. Лобода замечает, что эта близость еще «не может безспоротно решать вопрос», и предположение, что это запись со слов, «еще требует доказательств» (Лобода, стр. 43). Б. М. Соколову вывод Майкова казался «малообоснованным» вследствие ряда имеющихся в рукописи пропущенных букв и слов, который, по словам Соколова, мог объясняться плохим копированием оригинала. На эту мысль наводит и сравнение с другими текстами о Михаиле Потоке: оно показывает, что все эти тексты родственны, в отдельных деталях дополняют друг друга, следовательно, «восходят к одному изначальному оригиналу» с рядом промежуточных звеньев между ними (Соколов, «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 107—114).

А. П. Евгеньева, которая в своей ранней работе признавала текст XVII века изустной записью (Евгеньева. Язык былин, стр. 170—171), в настоящее время, вернувшись к этому вопросу в связи с публикацией двух вновь найденных текстов о Михаиле Потоке, снова подтвердила свое положение о первичном занесении текста XVII века на бумагу. Соображения Б. М. Соколова она считает необудительными, «так как следов более раннего текста в последующих копиях нельзя найти, их нет и в известном нам тексте XVII века. Именно этот, а не какой-либо другой текст лежит в основе последующих, хотя последующие тексты могли быть сделаны и не непосредственно с текста XVII в., что и было в действительности» (А. П. Евгеньева. Два новых текста XVIII в. былины о Михаиле Потыке. Труды ОДРА, т. XIII, 1957, стр. 485). Доказательства

обоих положений А. П. Евгеньева находит в особенностях фонетических и лексических текста XVII века, которые «в разных случаях и в разных положениях проявляются в текстах XVIII в.», несмотря на стремления переписчиков уничтожить их при копировании (там же). О том, что данный текст записан с голоса или по памяти, свидетельствуют, по словам А. П. Евгеньевой, «выдержанность и чрезвычайная последовательность» в отражении акающего говора, возможные только в оригинале и только в том случае, когда писец передает свою систему говора (писец XVII века не мог ставить своей задачей транскрибирование чужого говора) (см.: Евгеньева. Язык былин, стр. 170—171).

¹ В рукописи «везал». ² В слове «лебяд» «д» везде надстрочное и при публикации оставлено без «ь» ввиду того, что писец, хотя знает и мягкие окончания, значительно чаще употребляет твердые окончания: «отдаш», «полюбилас», твердые «л» и «н» в словах «большие» и «меньше». ³ «А перед табою» повторено. ⁴ «И живет с нею» повторено. ⁵ В рукописи «тещитца». ⁶ Пропущен, очевидно, лист. ⁷ В рукописи лашься». ⁸ Дальше текст приводится по публикации Л. Н. Майкова.

Текст является самой ранней записью былины о Михайле Потоке. Принадлежит к той же распространенной редакции сюжета, как и тексты №№ 36 и 38, что было уже отмечено Б. М. Соколовым («Этнография», 1926, № 1—2, стр. 114).

Конечных эпизодов — превращения Потока в камень, поисков его богатырями, пригвождения его к стене и развязки — нет в данном тексте, но, вероятно, они были на утерянных последних листах списка (см. об этом соображения Б. М. Соколова, изложенные в комментарии к тексту № 38). Вследствие утраты в данном списке еще двух листов (см. строки 158 и 159) образовались большие пропуски, которые легко, однако, восстановить путем сопоставления с соответствующими местами текста № 36 (см. в нем строки 152—210).

Сохранившиеся части отличаются большой четкостью последовательного развития сюжета и свидетельствуют о том, что данный текст представлял собой одну из его лучших обработок.

38. Сказание о трех богатырях — Илье Муромце, Михайле Потоке Ивановиче и Алеше Паповиче. Печатается по рукописи ГИМ, Забелина 536. Вторая половина XVIII века. Впервые опубликовано: Соколов, «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 115—123. Текст исследован и рукопись описана: там же, стр. 100, 104—114, указан старый номер рукописи — 82, под которым рукопись в библиотеке не значится. Рукопись описана также М. Н. Сперанским в «Собрании рукописей И. Е. Забелина» (Приложение II к отчету Государственного исторического музея за 1916—1925 гг. М., 1926, стр. 23). Текст упоминался: Пыпин. Очерк, стр. 295; Тихонравов, стр. 10—11; Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 76; Лобода, стр. 37.

Рукопись представляет сборник в 4^о, на 309 листах белой бумаги, писан скорописью разных почерков. Переплета нет, тетради сборника расшиты. Содержание сборника повествовательное: Калязинская челобитная (лл. 14—17 об.); «История» об Арсасе и Размире (лл. 18—29); «История о французском сыне» (лл. 37—44); «Сказание о воре крестьянском сыне» (лл. 49 об.—51); «Сказание» о куре и лисице (лл. 51—55); Калязинская челобитная (лл. 55—57); «Сказание о Ерше и Леще» (лл. 57—60 об.); «Еще повесть вторая о Ерше» (лл. 61—62 об.); «Еще третье сказания о том же Ерше» (лл. 63—63 об.); «Список Глухова пашпорт» (лл. 63 об.—65); шуточная повесть Пахринской деревни Камнина (лл. 66—68 об.); «Сказание о деревне Киселихе» (лл. 68 об.—69 об.); «История о голом по алфавиту» (лл. 70—73); «Повесть о премудрости Соломона царя» (лл. 74—79 об.); «Повесть о царе Агее» (лл. 80—84 об.); «Прилоги или склады, писанные якобы от птиц» (лл. 86—91 об.); рассказы о детях (без начала) (лл. 92—107 об.); «Повесть» о куре и лисице (стихотворн.; лл. 108—123 об.); «Повесть» о Петре Златых ключах (лл. 124—158 об.); «История о Антоне, цесаре римском» (лл. 160—188 об.); «Повесть» о семи мудрецах (лл. 190—250 об.); «Приданое обманом» (лл. 251—260); «Сказание о куре и о лисице Захарьевне» (лл. 261—266); «Прилоги, или склады, писанные якобы от птиц» (лл. 267—274); «Сказание о трех богатырях» (лл. 275—291); «История о новгородском дворянине о Фроле Скобееве» (лл. 292—305).

Записи: на л. 29 об. — «Объявитель сего Московского уезду ведомства дворцово... села Пахрина, церкви жизначальная Троицы дьячек Кирила Михайлов изблагополучил места из села Пахрина отпущен для ево собственных нужд в Москву [сверху другими чернилами, но тем же или очень похожим почерком: «до села Алексеевского»] того ради по надлежащему тракту, как от села Пахрина до Москвы [зачеркнуто, а сверху «до показанных мест»] так и обратно означенному дьячку Кириле Михайлову соблаговолено были чинить без задержания свободный пропуск, чего ради во верность за при-

писанием вышеозначенной церкви священноиерея сей билет дан генваря дня 1772 года»; на об. л. 45 — «1802 года месяца октября 5 дня»; «1798 года месяца октября 6 дня»; на л. 85 почерком, писавшим «Повесть о царе Агее», приписано — «Тайнаго действительнаго советника, камергера и ковалера Ивана Онуфриевича Брылкина служитель его Александр Ипатов»; на обороте л. 85 другой рукой — «Ах, братцы, что в то в книги нашел. . . 1798 году апреля 22 во славном городе Муроме, в стеле»; на л. 159 тем же почерком, что и «Повесть о Петре Златых ключах» — «Окончася генваря 27 дня 1782 в четверток на пестрой»; на л. 188 об. почерком, которым писана «История» об Антоне записано — «Писана сия история бывшим дячком Пахринским Кирилой Михайловым в селе Суханове 1781 мая 12 день»; на обороте л. 274 — «1799» и «1802 месяца октября 24 дня ево высокоблагородия Петра Арб. сына Зубкова деревни крестьянин Петра. . .».

«Сказание» занимает лл. 275—291. Водяной знак на листах «1779» не очень четкий, но он подтверждается другими знаками: медведем с алебардой под короной и литерами ЯМСЯ. Бумага с подобными знаками датируется именно 1779 годом (Тромонин, №№ 1683 и 1684). Писано скорописью конца XVIII века, очень четкой. В начале текста писец часто пишет с новой строки, как будто стремясь поделить текст на стихотворные строки, но потом пишет сплошь. Красные строки начинаются с киноварной буквы. Некоторые строки и заглавия писаны тоже киноварью. Тем же почерком, что и «Сказание», писаны, а также похожи по оформлению «Прилоги, или склады, писанные якобы от птиц» (лл. 267—274) и «История о новгородском дворянине о Фроле Скобееве». Б. М. Соколов считал текст списком с более древнего оригинала. Это мнение подтверждается наличием более древних родственных текстов (наст. изд., № 37).

¹ Видимо, ошибка писца: лишнее «не». ² В рукописи «киевляня». ³ В рукописи «случитца».

Текст той же редакции, что и №№ 36 и 37. Эпизод спасения Михайлы Потока Ганной передан с большей полнотой, чем в № 36 (замена Потока татаринем Сулегой, диалог Потока и Ганны развернут, включена расправа богатыря с киевскими мужиками, выдавшими Авдотью Кощею).

Б. М. Соколов, произведший сопоставление всех известных ему старинных записей былины о Михайле Потоке, т. е. №№ 37—40 нашего издания, обратил внимание на сходство данного текста в отдельных деталях с Библиотечным списком XVII века (ГПБ, О XVII. 44; наст. изд., № 37) при расхождении обоих с Тихонравовскими (наст. изд., №№ 39 и 40) (Соколов, «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 111). Он отметил также наличие в Библиотечном списке, как и в Забелинском, повторения погони Потока за Кошеем и встречи с Лебедью в шатре; причем первая встреча кончается опаванием Потока и отниманием у него оружия, вторая — превращением его в камень. В обоих же Тихонравовских списках превращение в камень совершается при первой же погоне Потока за Кошеем. Исходя из этого сходства и учитывая, что названные выше эпизоды, отсутствующие в Библиотечном списке, совпадают с его дефектными частями, т. е. с утраченными в нем листами, Б. М. Соколов высказал следующее предположение: оба списка, Библиотечный и Забелинский, принадлежат к единой и полной редакции, тогда как оба Тихонравовских представляют редакцию сокращенную. Однако ввиду того, что Забелинский список заключает и ряд совпадений с обоими Тихонравовскими при отличии от Библиотечного, Б. М. Соколов предположил, что все четыре текста, несмотря на некоторые отличия, «восходят к одному изначальному оригиналу» и что редакция Тихонравовских списков возникла на основе полной редакции. Вместе с тем произведенные сопоставления «заставляют предполагать целый ряд промежуточных звеньев между указанными текстами, что говорит о значительной распространенности в XVII—XVIII веках рукописных текстов со «Сказанием» (Соколов, «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 112—114).

Текст № 38 сохранил былинную фразеологию и стихотворный склад уже в меньшей мере, чем предыдущие тексты.

39. Сказание о трех богатырях — о Илье Муромце, и о Миханле Потоке Ивাপовиче, и Олеше Поповиче киевских — и о походе их. Печатается по рукописи ГБЛ, Тихонравова 399. Середина XVIII века. Впервые опубликовано: Тихонравов, стр. 33—40; вторично по рукописи: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 32—39. Рукопись описана: Тихонравов, стр. 20—21; Г. П. Георгиевский. Собрание Н. С. Тихонравова, I, Рукописи. М., 1913, стр. 74. Текст исследовался и упоминался: Тихонравов, стр. 21 (перепечатано: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 83—84); Лобода, стр. 37—38, 43—44; Соколов, «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 100, 107—114; Русск. нар. поэтич. творчество, II, кн. 1, стр. 167.

Рукопись представляет собою сборник из двух тетрадей, в 4°, на 35 листах белой бумаги, писан скорописью разных почерков, переплета нет. Листы пострадали от вре-

мени и чтения. Лл. 9, 31—35 оторваны от тетради — это части других сборников. Содержание смешанное, из повествовательных произведений: «Девгениево деяние» (лл. 9—19), «Слово» о бражнике (лл. 27 об.—30 об.); «Житие» Девгенія (лл. 31—33 об.). На л. 35 об. запись: «Сия тетрадь Семена Малкова, а дописана сия тетрадь месяца хеврала 28 дня 1744 года, а писал сам своею рукою всю до конца». Но запись к тетради со «Сказанием» не имеет отношения, так как лл. 31—35 вырваны из другого сборника.

Текст «Сказания» занимает лл. 19—26 об. Водяной знак на листах, где записано «Сказание», — дилія (Тромонин, № 1004), по которому бумагу можно датировать 70-ми годами XVIII века. Листы со «Сказанием» имеют старую буквенную нумерацию. В рукописи ъ и ь пишутся одинаково (лишь иногда ь можно отличить) и для писца, очевидно, не имели значения. При издании мы на конце слов оставляем ь соответственно современной орфографии. От предшествующего текста «Сказание» не отделяется ни пропуском, ни чертой, только первая буква заглавия написана с завитушкой.

Н. С. Тихонравов считал текст копией с более раннего оригинала, указывал, что писец плохо разбирал отдельные места, например, написал «догояствировору» вместо «дорогою ставровою» (что следует из сопоставления с текстом Тихонравова 361), не замечал надстрочных букв, пропустил несколько строк (Тихонравов, стр. 21, 34). Согласно с этим и Б. М. Соколов («Этнография», 1926, № 1—2, стр. 100). То, что текст — копия, подтверждается и крупным пропуском в тексте: «... и взял дани и выходы за трицять и за три годы. [Пропуск] И князь Владимир ему ответ держит» (строки 33—35). Здесь пропущено описание возвращения Потска и его обращение к князю, которое кончалось словами: «... и взял дани и выходы за трицять и за три годы» (см. № 40, строки 37—41). Подобный пропуск мог возникнуть только при переписке. Есть пропуски слов (см., например, строки 40, 80, 89). Можно видеть пропуск надстрочных букв, например в словах «дву змеенков», «подня».

Восстановленные в настоящем издании слова восстановлены также Н. С. Тихонравовым.

¹ В рукописи «каково». ² В рукописи «в Задо в Задонскую». ³ В рукописи «догояствировору». ⁴ В рукописи «ему». — Т. ⁵ «Силы собрал» повторено на обороте листа. ⁶ В рукописи обозначение числа буквенное. ⁷ Перед «двор» зачеркнуто «конь». ⁸ В рукописи «оживилася». — Т. ⁹ В рукописи «не».

Текст близок к обоим предыдущим и по содержанию, и по композиции, и по отдельным текстуальным совпадениям (особенно в начальной части), но представляет более краткую редакцию. Так, в текстах №№ 36—38 изображена двукратная погоня Потока. Первый раз Лебедь Белая опаивает Потока и отбирает у него, сонного, оружие, второй раз превращает его в камень. В данном тексте превращение происходит при первой же встрече Авдотьи с настигнувшим ее Потоком у шатра. В связи с этим и об отказе Кошечя убить сонного Потока говорится лишь один раз, в текстах №№ 36—38 — дважды. Ср. также эпизод выдачи Лебеди Белой Кошечю в данном тексте (строки 156—159) с тем, как он передан в текстах полной редакции (№ 38, строки 144—153). Сильно сокращена вся заключительная часть (см. об этом в статье, стр. 20).

Имеются отдельные отклонения в деталях. Не змееныши сосут грудь Лебеди Белой, а змея сама жалит ее. В данном тексте указаны пути, по которым едут каждый из богатырей (строки 23—25), чего в предыдущих текстах нет.

Рассказ купчины о красоте Лебеди Белой, изображение погребения, погони Михайла за Кошечем и другие эпизоды словесно поедааны несколько иначе.

В тексте имеется явный пропуск — рассказ Михайлы князю Владимиру о выполнении им поручения. Видимо, пропущены также строки о том, как Авдотья Лебедь Белая пришла посмотреть товары заморские (см. текст № 36, строки 57—58 и текст № 37, строки 58—60).

В тексте в некоторых местах сохранены стихотворный склад и былинная фразеология, но в меньшей степени, чем в №№ 36 и 37. Книжные же слова и небылинные обороты встречаются чаще: «бысть во граде Киеве», «пир велин», «боляра», «аз еду», «и почал Михайло с нею любезно жить», «сердит добре», «воевода небесных сил».

40. Сказание о сильных могучих богатыре[х] киевских — о Илье Муромце, и о Михайле Потоке Ивановиче, и Алеше Поповиче. Печатается по рукописи ГБЛ, Тихонравова 361. По новой нумерации библиотеки, ф. 299. Вторая половина XVIII века. Впервые напечатано: Тихонравов, стр. 41—48. Вновь издано по рукописи: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 39—46. Рукопись описана: Тихонравов, стр. 21—24. Текст исследовался и упоминался: Тихонравов, стр. 21—24 (перепечатано: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 84—85); Лобода, стр. 38, 43—44; Соколов, «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 100, 107—114; Русск. нар. поэтич. творчество, II, кн. 1, стр. 167.

Рукопись представляет собою сборник в 4°, на 240 листах белой бумаги, почерки разные, переплет деревянный, обтянутый кожей, с оборванными застежками, лл. 143—152 вырезаны, но не утрачены, есть местами старая буквенная нумерация. На внутренней стороне верхней крышки переплета наклеена литография с изображением Никольского монастыря на Угреше. В сборнике есть и другие наклеенные лубочные картинки. Содержание сборника нравоучительное, записей нет. Судя по водяным знакам, бумагу сборника можно датировать 1750—1764 годами. В сборнике знаки: ЯМАЗ (Тромонин, № 607), медведь с алебардой в медальоне под короной (Тромонин, № 605) и ПР в медальоне (Тромонин, № 780).

Сказание занимает лл. 176 об.—183 об., писано размашистой скорописью второй половины XVIII века, последнее слово страницы всегда повторено на следующей странице. В тексте есть пропуски слов и фраз, которые легко восстанавливаются на основании родственных текстов: см., например, строки 9, 11, 78, 111—115 и др.

Есть искажения (см., например, примечание 1). Эти примеры говорят о том, что перед нами копия. Кроме того, если бы пропуски слов происходили от поспешности автора, писавшего со слов, то у него не было бы времени так пунктуально повторять на следующей странице последнее слово предыдущей. Копией этот текст считал и Б. М. Соколов («Этнография», 1926, № 1—2, стр. 100). Н. С. Тихонравов же (стр. 23) говорил об этом уклончиво — «кажется». Восстановленные в настоящем издании слова были восстановлены также Н. С. Тихонравовым.

¹ В рукописи «онесивы». — Т. ² После слова «Илия» затерто «зговорил». ³ В рукописи вместо «а коване» «каково». — Т. ⁴ Слова «и простяс» в рукописи повторены. ⁵ В рукописи «святоторорскою». — Т. ⁶ В рукописи «свавровою». ⁷ В рукописи «вся». — Т. ⁸ В рукописи «неверны». — Т. ⁹ В рукописи «вырубля». — Т. ¹⁰ «Реша» написано над строкой более светлыми чернилами, но тем же почерком. ¹¹ После слов «с нею жив» над строкой повторено тем же почерком и чернилами «с нею». ¹² В рукописи «и почиает». — Т. ¹³ В рукописи «жива».

Текст принадлежит к той же сокращенной редакции, что и № 39, близок к нему и в текстуальном отношении. Но есть и отклонения. Главное отличие касается заключительной части. Она пересказана еще более кратко; в эпизоде с расшибанием камня отсутствует калика, камень бросает через себя и раскалывает Илья Муромец; отсутствуют слова Михайлы Потока, которые он произносит, выскакивая из камня («Долго де, братцы, я сплю» и т. д.) и реплика его товарищей (см. № 39, строки 194—196), а также речь Ильи Муромца: «Поедем де мы, братцы, в царство Кошчеево» и т. д. (строки 197—199 текста № 39).

Некоторым местам, где в тексте № 39 наличествует прямая речь, соответствует краткий пересказ косвенной речью:

№ 39

И Киев осадил накрепко. И посылает посланники к великому князю Владимиру: «Ой еси, князь Владимир киевской! Отдай мне жену Михайлову, и я прочь поиду от Киева; а буде ты не отдашь мне, и я Киев взятем возму, а людей твоих всех вырублю, а жен и детей в полон возму. И самому тебе, великому князю, не спущу».

№ 40

И Киев осадил накрепко, посылает посланника и просит ис Киева Лебеди Белья.

Выше, в рассказе о первом наступлении Кошья и в данном тексте имеется прямая речь (см. строки 77—79). В текстах же №№ 36—38 прямая речь сохраняется в обоих случаях.

Приведем еще пример замены в данном тексте прямой речи косвенною:

№ 39

И Лебедь Белая велела обоать у него оружие богатырское, и почала отимать палицу железную, и завязывает очи ясныя, и ударила ево вничь рукою: «Лежи ты, Михаило, во чисте поле белым камением». И Михаило окаменел.

№ 40

И она велела у него подобрать ружья богатырские и палку железную, и Михаила оборотила камением.

И опять-таки в списках №№ 36 и 38 имеется в данном месте прямая речь: «И Лебедь Белая снимает с свои руки верчен рукав, и завивает Михаиле сонному ясны

очи, ударила ево как рукою: „Лежи, Михаила, в чистом поле белым камнем“. И Михаила окаменел» (№ 38, строки 192—193). Весь эпизод передан близко ко второй части приведенного фрагмента из текста № 39.

Эти сопоставления еще более подкрепляют приведенное нами в комментарии к тексту № 38 предположение о восхождении этих списков к одному оригиналу при наличии между ними промежуточных звеньев.

В данном тексте следует отметить также отсутствие того некоторого налета книжности в языке, который наблюдается в тексте № 39.

41. Сказание о трех богатырях киевских, о славных витезах — о Илье Муромце, и о Михаиле Потоке Ивановиче, и о Олеше Поповиче. Печатается по рукописи БАН 28.6.41 (Нов. 1481). Вторая половина XVIII века. Впервые опубликовано: А. П. Евгеньева. Два новых текста XVIII в. былины о Михаиле Потыке. Труды ОДРА, т. XIII, 1957, стр. 492—496. Описание и исследование текста: там же, стр. 483—486. Рукопись описана: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. 4, вып. 1, 1951, стр. 45.

Рукопись представляет собою тетрадь в 8°, на 16 листах белой бумаги; скоропись XVIII века одного почерка, переплета нет. По лл. 2—16 запись: «Тетрадь Ферапонтова Белоозерского монастыря дьяконова сына Василья Матфеева Соколова, писал он сам, а подписал того месяца». По бумажному знаку, похожему на знаки Тромонина, №№ 1700 и 1701 и Лихачева, №№ 3577 и 3578, бумага 70-х годов XVIII века.

Кроме «Сказания», в тетради других текстов нет. Лист первый и последний полустрты. Текст не закончен, так как устарены листы. Писан текст очень внимательно, искажений немного (см. примечания). Это, а также наличие более древних родственных текстов свидетельствуют о том, что перед нами копия. На одном из листов рукописи есть заметка писца (см. примечание 3), которая может свидетельствовать о том, что им списан первый лист текста.

¹ В рукописи «вельжожи». ² В рукописи «взговорит». ³ После слова «названными» приписано еще «первое [неразб.] написана». ⁴ «И подносит» написано над строкой. ⁵ В рукописи «взговорит». ⁶ В рукописи: «жатру».

Текст «Сказания» в своей сохранившейся части представляет ту более краткую редакцию сюжета, которая характеризуется в центральных эпизодах однократным изображением погони Михайлы Потока за женой и Кошеем и превращением Потока в камень при первой же встрече с женой-изменницей у шатра (см. наст. изд., №№ 39, 40). Текст не закончен, обрывается на эпизоде с бросанием камня, в который превращен Поток. Но указанная близость к текстам №№ 39 и 40 в композиции центральной части позволяет предполагать родство с ними данного варианта и в заключительной части. Это предположение тем более вероятно, что и в словесной ткани при передаче отдельных эпизодов он более близок к текстам №№ 39 и 40, чем к текстам №№ 36—38, представляющим полную редакцию, хотя во многом соприкасается и с ними, поскольку все старинные записи былины о Потоке (за исключением текста сборника Кириши Данилова) восходят в конечном счете к единому оригиналу.

Но из всех вообще пересказов былины о Потоке данный текст наиболее близок к списку ГПБ Q. XVII. 268 (наст. изд., № 42). Только в них обоих упоминается на пиру рядом с князьями «вельжожи»; употребляется наименование «земля Турецкая» (в остальных — «Турская»), говорится, что князь Владимир подносит вино богатырям «за те речи» (нигде больше этого выражения нет), очень близко передан рассказ о трех дорогах богатырей, об уговоре их отыскать того, кто не вернется в Киев, и др. (ср. строки 25—33 данного текста со строками 24—31 варианта № 42).

Вместе с тем в некоторых местах данного варианта ощущается более свободная от былинного склада речь, чем в других текстах, непринужденность прозаического сказа. См., например, фразы: «И стал князь Владимир за те речи чару зелена вина подносить сильным богатырям» (строки 19—20); «И Михайло придет с поля, станет сердится и станет мужиков побивать» (строки 90—91); «И Михайло Поток Иванович, не въезжая на свои богатырской двор, и поехал ис Киева вон» (строки 107—108); «Бился три дни. А в то время жена ево преставилась» (строка 134); «И пошел в дом свой, и стал с нею Михайло жить любезно, лутче старого» (строки 176—177); «Илья Муромец и Алеша Поповичъ поехали из града вон сыскивать своего Михаила Потока Ивановича» (строки 223—225). Стихотворный склад чувствуется только в самом начале текста. Свободное отношение к оригиналу приводит к отдельным мелким привнесениям и заменам. Так, устойчивая в других текстах формула «где захочет, тут и возьмет, хоть княгиню, или боярину, или девку посацкую» сменяется фразой: «где он похочет, тут и возьмет — у князя, или у боярина, или у купецкого человека возьмет».

Заметна тенденция к большей пространности изложения, наблюдаются повторения, но не эпического характера, а такие, которые возникают вследствие несколько небрежного изложения, см., например, строки 27 и 32—33, где повторяется одна и та же фраза.

Дефектные места в начале и в конце списка легко заполняются при сопоставлении с другими текстами.

42. Сказание о трех богатырях киевских, о славных витезах — [о] Илье Муромце, о Алеше Поповиче, [о] Михаиле Поток[е] Ивановиче. Печатается по рукописи ГПБ. Q. XVII. 268. Вторая половина XVIII века. Рукопись описана: Отчет Публичной библиотеки за 1904 год, СПб., 1911, стр. 82—84. Впервые опубликовано: В. В. Митрофанова, сб. «Русский фольклор», II, М.—Л., 1957, стр. 312—313.

Рукопись представляет собою сборник в 4°, на 50 листах + 2 чистых листа, пропущенных при нумерации, первые пять листов меньшего размера, бумага белая и голубая, края бумаги местами неровные, почерки разные, переплет картонный, новый. На листах водяные знаки Ярославской мануфактуры Саввы Яковлева конца XVIII века (литеры ЯМСЯ и медведь с алебардой). Содержание сборника повествовательное: на первых 5 листах размером в 8° «История о прекрасном куре»; затем несколько сказок (лл. 6—14 об., 19 об.—22, 22 об.); «Сказание» об Азовском сидении (лл. 23 об.—30), «Хождение» Трифона Коробейникова (лл. 31—42 об.). На л. 5 об. запись: «Приходе у троицы в Симнях в доме госпожи Караводиной подписывался Дмитрей». На л. 19 копия пропуска, выданного крестьянину Петру Евдокимову для поездки в Москву в 1811 году. Лл. 43—50 — особая тетрадь: «Хождение в новои Иерусалим лета ЗТГД [вероятно, 7314, т. е. 1806 год. См. Отчет ГПБ за 1904 г., стр. 84] Степана Павлова».

«Сказание» занимает лл. 15—18 об.; скоропись второй половины XVIII века. Текст не закончен. Полного текста «Сказания» в этом сборнике и не было, на листе еще оставалось место, которое было заполнено другим материалом. В тексте имеются пропуски, искажения, описки, повторы (см., например, примечания 1, 4, 6). Есть значительный пропуск: «Князь Владимир возгов[орит] таково слово. Михаило Поток Иванович ответ держит» (строки 58—59). Здесь выпали собственные слова князя Владимира, просящего Михаила Потока уступить ему привезенную Лебедь Белую (см. другие тексты). Эти примеры, а также отрывочность текста при наличии полных более древних родственных текстов говорят о том, что перед нами копия. В тексте встречаются следы южного говора: «винимает» (строка 33) и «усе ти дороги залегила» (строка 28).

¹ В рукописи «посланных възятьев» вместо «о славных витезах». ² В рукописи «Оелеше». ³ В рукописи «подумались». ⁴ В рукописи «в ее землю». ⁵ В рукописи «подносил». ⁶ После «град» повторено «наперет». ⁷ В рукописи «луг». ⁸ Писец пропустил речь князя. ⁹ В рукописи «бевали».

Текст является начальной частью былины о Михаиле Потоке. Близок к соответствующим начальным частям всех остальных публикуемых текстов в старинной записи. Как и они, сохраняет былинную фразеологию и в значительной доле былинный ритм.

Из деталей содержания интересно включение, как и в тексте № 41, мотива из былины об Илье Муромце и Соловье-разбойнике — указание на «путь» Ильи Муромца «на реку Смородину, на мосты калиновы, на Соловья разбойника» и т. д. (строки 27—29).

В тексте попадаются книжные слова: «вельможи», «хочет», «прогласила», «рече», «любезно жить».

43. [Иван Годинович]. Печатается по рукописи ЛОИИ, Лихачева 201. Конец XVII—начало XVIII века. Обнаружена В. И. Малышевым. Впервые опубликована: П. Г. Ширяева, Труды ОДРА, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 349—353. Рукопись описана и текст изучен: там же, стр. 340—349.

Рукопись представляет собою сборник в 8°, на 54 листах белой бумаги; скоропись и полуустав XVII—XVIII веков разных почерков. Переплет картонный. Содержание сборника нравоучительное: молитвы, слова о святых, сказания, поучения. На л. 9 запись: «Ратман Андреи Марков».

Текст былины занимает лл. 33—39 об., писан скорописью. По водяному знаку на лл. 34 и 37 — голова шута с бубенцами (Лихачев. Бумага, № 473) — бумага 70-х годов XVII века. Почерк близок XVIII веку, поэтому рукопись можно датировать концом XVII—началом XVIII века. Листы с началом утрачены. В тексте многие слова надписаны над строкой тем же почерком. Очевидно, писец перечитывал и поправлял текст. Текст производит впечатление записи с голоса или по памяти. Об этом могут свидетельствовать и слова, надписанные над строкой, которые писец мог внести, перечитывая запись. Но в тексте есть некоторые данные, которые могут вызвать предполо-

жение и о копировании. В строках 18—19 ощущается некоторая неясность, однако она могла возникнуть и при записи.

¹ отмеченное слово в рукописи написано над строкой.

Самая ранняя из известных нам записей данной былины. Текст не имеет начальной части, которая, очевидно, заключала, как во всех полных вариантах былины, традиционное изображение пира у князя Владимира и высказанное Иваном Годиновичем решение ехать сватать себе невесту, в данном случае — в Чернигов, к богатому купцу Дмитрию. Кроме того, в отсутствующей части был еще, вероятно, рассказ о первой поездке Ивана Годиновича в Чернигов, где он узнает, что дочь Дмитрия Настасья уже просватана «за царица поганого» земли Лабской, Вахромия Вахромиевича. Об этом свидетельствуют начальные слова текста и следующее за ними напутствие князя Владимира перед вторичным отправлением Ивана Годиновича в Чернигов (ср. аналогичное построение начальной части № 16 сборника Кирши Данилова).

Среди других старинных записей — пересказов былин данная выделяется наибольшей сохранностью былинного речевого склада и ритма. Хотя текст представляет обычную для аналогичных списков запись в строку, без разделения на стихи, последние легко восстанавливаются (см. «Приложение I», 4).

Из всех позднейших записей былины наиболее близок к публикуемому тексту вариант № 16 Кирши Данилова. Но это сближение касается лишь отдельных эпизодов, которые совпадают в деталях: численность дружины Ивана Годиновича (триста человек) и отъезд ее на охоту в три приема — каждый раз по сто человек; погоня с превращениями царица в сокола и гнедого тура (такое изображение погони имеется только в этих двух вариантах); характер уговоров Настасьи Вахромеем (за ним быть — слыть ей царицею, за Иваном — холопкою). В передаче этих эпизодов обращают внимание и совпадения словесного порядка. Но в целом — это две разные редакции.

Наиболее разнятся они в заключительной части. В данном тексте она более традиционна; смерть Вахромия происходит из-за стрельбы его в прилетевших голубей: стрела возвращается обратно к царице и поражает его (см., например: Рыбников, II, №№ 145 и 195; Гильфердинг, II, №№ 179, 188; III, №№ 275, 293; Ончуков, № 80, и ряд других). В тексте сборника Кирши Данилова возвращаются посланные на лов дружинники и освобождают Ивана Годиновича — в данном тексте тоже изображается возвращение дружины, но уже после того, как произведена расправа с Настасьей. Оба эти эпизода — отсылка свиты на лов и ее возвращение — переданы в публикуемом тексте своеобразно, искусно связаны с повествованием, художественно оправданы (см. об этом в статье, стр. 17—18, там же — о необычном конце текста).

44. [Ставер Гаденович]. Печатается по рукописи ГПБ О. XVII. 57, Буслаева 92. Первая четверть XVIII века. Впервые опубликовано: Тихонравов, стр. 24—29. Вторично по рукописи текст издан: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 54—58. Текст изучался и упоминался: Тихонравов, стр. 7—8 (перепечатано: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 73—74); Лобода, стр. 35; Соколов, «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 101; Русск. нар. поэтич. творчество, II, кн. 1, стр. 170.

Описание рукописи дано в комментарии к тексту № 2.

Отрывок занимает лл. 247—258, писан скорописью, почерком, очень сходным с почерком «Сказания о семи русских богатырях», предшествующего данному тексту. Начало отсутствует из-за утраты листов, которые, очевидно, выпали до переплетения. Н. С. Тихонравов (стр. 7) и А. М. Лобода (стр. 35) считали текст списанным с более древнего оригинала. Действительно, характер нескольких списков и повторений таков, что они могли возникнуть только при переписке (см. исправления).

¹ «Есть у меня» написано два раза. — Т. ² После «исполняется» повторена уже написанная раньше фраза «есть у меня золота казна». — Т. ³ После «в рост деньги» повторено «в рость». — Т. ⁴ В рукописи «посолскова». — Т. ⁵ «Василеи» повторяется два раза. — Т.

Текст не имеет начала, но в дальнейшем повествование развивается стройно, в логической последовательности, без пропусков и неясных мест.

В первой части текста обращает на себя внимание художественно-выразительное изображение похвалы Ставра. В позднейших живых записях аналогичная по содержанию похвальба встречается, но не часто (в наиболее близкой форме см.: Миллер, № 88; Астахова, II, № 166; Соколов—Чичеров, № 135; Ончуков, № 23), обычно же Ставр похваляется лишь своей молодой женой, которая всех «с ума сведет». Другая характерная деталь первой части — включение роли «лихих оговорщиков»: князь не сам слышит похвалу Ставра, а ему передают о ней в ложном освещении. Этот социаль-

ный мотив «лихого оговора», столь обычный в былинах об Илье Муромце, в былинах о Ставре встречается очень редко (см.: Миллер, № 88 и Ончуков, № 23, где оговорщиками оказываются по традиции «бояра толстобрюхие»), тем более интересно и важно отметить появление этого мотива уже в обработках XVII—начала XVIII века.

Текст относится к той группе обработок данного сюжета, в которых жена Ставра приезжает в Киев под видом «грозного посла» и где отсутствует сватовство к племяннице князя Владимира (см.: Миллер. Очерки, I, стр. 265—269). В соответствии с этим, в тексте, как и в устных вариантах этой группы, не упоминается племянница князя, а сомнение в личности посла высказывает княгиня Апраксия, которая и в других былинах нередко выручает князя Владимира, когда Киеву угрожает военная опасность; попытка же разоблачить мнимого посла выражается в испытании его физической силы и военного искусства. Об этом испытании рассказано в тексте более кратко, чем обычно: изображена только кулачная борьба, нет соревнования в стрельбе из лука.

Особенностью текста является его выдержанный стихотворный склад. Почти весь текст ясно и определенно членится на стихи. Элементы разрушения стиха и переход к прозаическим фразовым конструкциям встречаются только в нескольких случаях. Например: «Я де в Киеве граде болши великаго князя Владимира и богатея» (строки 27—28); «... что де „я в Киеве богатея князя Владимира“» (строки 32—33); «... и тутъ велел белы шатры белобелчетыя розставити» (строки 64—65); «... вели, государь, меня потешитъ: дай мне игреца, кои бы горазд в гусли играть и проводил бы меня на посолской двор» (строки 115—117). Но и в этих случаях чувствуется тенденция сохранять ритм путем дактилических окончаний фраз.

Былинная лексика, фразеология и характерные для эпического стиля повторения одних и тех же формулировок сохранены в тексте полностью. Одним словом, перед нами, как и в записях былин об Иване Гоудиновиче и об Алеше Поповиче (№№ 42, 26), — подлинная былина с отдельными лишь прозаизмами.

45. [Ставр Гоудинович]. Отрывок печатается по фотокопии с рукописного столбца А. А. Пазухина, найденного в одном из архивов Симбирской губернии. Середина XVII века. Фотокопия хранится в БАН, 45. 2. 5. Местонахождение столбца неизвестно, копия сделана хорошо, четко и дает полное представление о рукописи. Отрывок впервые опубликован по рукописи А. И. Соболевским (Известия ОРЯС, т. XVI, кн. 1, СПб., 1911, отд. I, стр. 1—4). Рукопись описана и изучена: там же, стр. 1. Текст изучался и упоминался: Соколов, «Этнография», 1926, № 1—2, стр. 101; Евгеньева, стр. 178—188; Евгеньева. Язык былин, стр. 174—175; Русск. нар. поэтич. творчество, I, стр. 128, 417—418, 423—428.

Столбец, очевидно, был свернут в трубочку, так как на фотокопии не видно линий от складываний, но есть следы склейки листов. Писан он скорописью XVII века. Писец ж, ш и щ часто обозначает одной буквой щ, но он знает и ш и ж; ъ и ь написаны одинаково знаком, похожим на ь. Этот знак на конце и в середине слова обозначен как ь. Надстрочные буквы внесены в строку тоже с ь в случае, если в строке они обычно с указанным знаком. Но считать все эти случаи признаком мягкого произношения писца нельзя, знак мог быть поставлен на месте ъ. При издании ш и щ поставлены согласнo современному произношению. Начало утрачено, обрыв или порча от истлевания бумаги видны на фотокопии. На отдельном листке сфотографирована часть столбца, где другим, новым почерком, написано: «Сказка древняя о Владимире Киевском и Василье Иваныче». По мнению А. С. Соболевского, текст писан с готового оригинала, а не записан с голоса; писан в области смешения акающих и окающих говоров, вероятно, в Поволжье, очень небрежно (А. И. Соболевский, ук. соч., стр. 1). Текст является копией: писец не разобрал ряда слов или они были искажены в оригинале, есть также повторения частей слов: см., например, примечание 3. В одном месте писец или его предшественник перескочил через несколько строк: «Что взговорит кнегиня Еупраксея королевишна: „Государь ты“. Князь Владимир киевской задумался» (строки 30—31). Здесь явно выпущены слова Евпраксии. О том, что текст является копией, говорил и Б. М. Соколов («Этнография», 1926, № 1—2, стр. 101).

¹ В фотокопии «руку». ² Писец пропустил несколько строк. ³ В фотокопии «встро стро попье».

Текст представляет пересказ быliny о Ставре, начиная с высказывания княгиней Евпраксией подозрения в том, что прибывший «грозный посол» — переодетая жена Ставра Василиса Микулишна. Таким образом, в тексте отсутствует вся первая начальная часть быliny: похвальба на пиру Ставра Гоудиновича, заточение его князем Владимиром, отправка Ставром к жене гонца с этой вестью, поездка Василисы Микулишны под видом грозного посла от вражеского короля в Киев, встреча ею по дороге гонца князя Владимира, посланного в Чернигов описать и захватить имущество Ставра (см. текст

№ 43 наст. изд.; Кириша Данилов, № 15; Миллер, № 88 и другие полные тексты былины о Ставре).

Публикуемый текст принадлежит к той же группе обработок данного сюжета, что и № 43 (см. комментарии к нему). А. И. Соболевский, сопоставив оба текста, пришел к выводу, что в основе их лежит одна и та же запись. А. П. Евгеньева на основании проведенного анализа языка и стиля текстов отвергает это утверждение: «Три старых текста былины о Ставре Годиновиче, — говорит она (третий — из сборника Кириши Данилова), — совершенно самостоятельны и независимы друг от друга» (Евгеньева, Язык былины, стр. 174). Хотя в публикуемых в данном издании текстах действительно наблюдаются значительные расхождения как в языке и стиле, так и в композиции отдельных эпизодов, все же встречаются такие текстуальные совпадения, которые могут быть обусловлены только генетической связью текстов. Таковы, например, следующие места:

Список XVII века (№ 45)

«Какъ бы мне не опозоритца, а мощно про то поизведати».

«Он еси ты, грозень посол, молод Василие Ивановичь! Есть ли с тобою борцы умеющия, чтобы с моими пяти борцами поборолися, а наз бы съ тобою потешили?»

Первому борцу голову сломил, а другому руку выломил, а третьему ногу (в рукописи явная описка — руку, — *Ред.*) выломил из гузна, а четвертова за тынь бросил, а пято(и) в тасках забежал.

Кроме приведенных примеров, имеется еще несколько текстуальных совпадений.

Что касается композиции, то при полной общности хода повествования, содержания основных эпизодов и их последовательности, тексты различаются степенью детализации. Текст XVII века более пространен (см. об этом статью, стр. 22).

Сопоставление текстов говорит о сложности предполагаемой генетической связи между текстами (полную же самостоятельность и независимость их друг от друга признать все же нельзя). См. наши предположения в статье, стр. 22.

Текст № 45 обнаруживает тесную связь с устной традицией и по содержанию (в плане былины «сибирской» группы) и в основном по языку — лексике и фразеологии. Лишь очень небольшое число слов и речевых оборотов не соответствует народно-эпической речи. Таковы: «проводить честно», «се у меня же убил», «и рече князь Владимир», «и рече грозен посол», «игреца у себя не обретае умющего». Вместе с тем в былине в ряде мест сохранились и явные следы стихотворного склада.

Былины и баллады из песенников XVIII — начала XIX века

46. [Суровец-суздалец]. Печатается по тексту сборника Чулкова (II, № 199). Текст у Чулкова заглавия не имеет и в «реестр песен» (т. е. оглавление) внесен по первому стиху. Перепечатан: Новиков, II, № 199, с единственным отклонением — прибавлены два начальных стиха:

В старые веки, прежние,
Не в нынешние времена, последние.

Происхождение этого дополнения неизвестно.

Былина принадлежит к числу очень редких. Кроме чулковского текста, имеются следующие варианты: отрывок в сборнике Кириши Данилова (№ 54), два варианта в записи XIX века — из Симбирской губернии (Киреевский, III, стр. 107) и Нижегородской губернии (Тихонравов—Миллер, отд. II, № 65), и один вариант в записи советского времени (Парилова—Соймонов, № 59). Отрывок из сборника Кириши Данилова заключает лишь предысторию подвига Суровца: он скачет на коне по полю, не находит себе «супротивника» и приезжает на княжеский пир. Во всех остальных вариантах этого нет, они начинаются со встречи с вороном, и в них развертывается эпизод борьбы с татарами. По композиции все эти варианты близки. Более других отличается некоторыми особенностями самая младшая, пудожская запись: нет упоминания о татарском царе, былина кончается избением татар. В двух записях XIX века говорится о столкновении богатыря с «неверным царем», имеющим имя (Курган, Кумбал), но судьба этого царя неясна: повествование обрывается, не досказано, убивает ли царя Суровец или нет. Вариант сборника Чулкова принадлежит к этой же редакции.

47. [Илья Муромец со Святогором на Соколе-корабле]. Печатается по тексту сборника Чулкова (III, № 76). Текст помещен у Чулкова без заглавия и в оглавлении внесен по первому стиху. Перепечатан у Новикова (III, № 76) без изменений, с небольшими лишь отклонениями в орфографии.

Текст Чулкова является наиболее ранней записью былины об Илье Муромце с богатырями на Соколе-корабле. Принадлежит к тому типу обработок, который представлен записями, произведенными в XIX веке в бывшей Саратовской губернии (Киреевский, I, стр. 22; Н. И. Костомаров и А. Н. Мордовцева. Русские народные песни, собранные в Саратовской губернии, М., 1862, стр. 9), на Тереке (Ф. С. Панкратов. Гребенцы в песнях. Владикавказ, 1895, стр. 21; Миллер, № 19) и в Якутии (Миллер, № 18). В них изображено нападение на Сокол-корабль крымских или горских татар с калмыками или персианами (в тексте Чулкова вместо них — турки). Илья Муромец (в одном варианте — Алеша Попович) проводит рукой или тростью по пуговкам своего кафтана, изображенные на пуговках звери начинают реветь, нападающие бросаются в море или бегут прочь от корабля.

Отличие чулковского текста в том, что само нападение врага на корабль не изображено, вследствие чего эпизод с гремющими пуговками получает иной смысл: громыхание их является как бы сигналом, поднимающим экипаж корабля против турок. А. В. Марков относил всю концовку песни, начиная со слов «Наступали они на турецкой флот» к числу «несомненных» изменений, внесенных самим Чулковым (А. В. Марков. Чулковский песенник и его значение для изучения великорусских песен. «Известия ОРЯС», 1917, т. XXII, кн. 2, Пгр., 1918, стр. 81—126). Действительно, самый стиль этой концовки изобличает бесспорное вмешательство составителя сборника в текст (особенно два последние стиха), но включение турок вместо обычных в данном типе сработок татар и калмыков (что А. В. Марков главным образом и относил к личным привнесениям Чулкова) могло идти и от устной традиции: в вариантах другого типа, записанных на Севере и в Сибири (Тихонравов — Миллер, отд. II, № 16; Миллер, № 17) рассказывается, что идущему мимо турецкого града Соколу-кораблю и богатырям на нем угрожает хан Салтан; тогда Илья Муромец натягивает лук, чтобы пустить стрелу «в турецкий град, в зелен сад, в бел шатер, самому Салтану в белу грудь». Салтан пугается и «заказывает» туркам когда-либо вступать в столкновение с Ильей Муромцем. Упоминание о турках в данном сюжете вообще вполне закономерно, как и упоминания о татарах, калмыках, персах, поскольку само возникновение этой поздней былины (очевидно, XVII века) связано с казачьими походами в Каспийское и Азовское моря и столкновениями с ногайскими татарами, турками и персами.

На отдельные части песни оказали воздействие более ранние былины: на описание корабля — изображение корабля Соловья Будимировича, эпизод с пуговками-зверями вошел из былины о Дюке.

48. [Илья Муромец со Святогором на Соколе-корабле]. Печатается по тексту «Карманного песенника И. И. Дмитриева» (М., 1796, ч. III, стр. 216—217, № 7).

Сопоставление данного текста с вариантом Чулкова заставляет предполагать, что это перепечатка чулковского текста, но уже со значительными подправками автора. Внесенные И. И. Дмитриевым изменения говорят о явном стремлении приблизить стиль песни к литературным вкусам эпохи. Приводим наиболее характерные из этих изменений (выделены курсивом):

Чулков	Дмитриев
3 <i>Еще</i> плавает-гуляет Сокол, братцы, корабль.	<i>Друзи</i> , плавает, гуляет Сокол-корабль,
6 У крутых красных берегов отнюдь не бывал.	У крутых <i>зеленых</i> берегов не бывывал.
10 Да что нос и корма по-звериному	<i>Выгнут</i> нос его с кормою по-звериному.
12 А парусы на нем, как орлиное крыло.	<i>Веял парус</i> , как орлиное крыло.

С другой стороны, Дмитриев, видимо почувствовав искусственность последней строки, заменил «храбрых воинов» «добрыми молодцами», что, впрочем, не внесло улучшения в стиль концовки.

49. [Илья Муромец с Добрыней на Соколе-корабле]. Печатается по рукописи ГПБ, О. XIV. 17, поступившей в 1890 году в ГПБ из Вологодской губернии. Начало XIX века. Впервые текст опубликован Л. Н. Майковым («Живая старина», 1890, вып. I, отд. II, стр. 2). Перепечатан: Тихонравов—Миллер, отд. I, стр. 63—65 (из него взят в антологию Н. П. Андреева «Былины» (стр. 97—99). Рукопись описана Л. Н. Майковым при издании («Живая старина», 1890, вып. I, отд. II, стр. 1). Текст упоминался: Лобода, стр. 40; Андреев. Былины, стр. 553; Астахова. Илья Муромец, стр. 495; Пропп—Путтилов, стр. 527—528.

Рукопись представляет сборник альбомного формата в 8°, на 39 листах серой бумаги, после л. 17 бумага новее. Писан сборник разными почерками. На лл. 3—12 проглядывает водяной знак «1812», на лл. 20—33 — знак «1815». На л. 1 сверху сделана помета тем же почерком, которым писана большая часть сборника: «Псалмы 1803-го декабря 18-го дня». Судя по водяным знакам, сборник писан не ранее 1815 года. Но возможно, что это — копия, о чем говорит написание в строках 32 и 33 былины об Илье Муромце — «Иль» и «Ивановь», а в песне о Скопине — «Моску», что не может быть ввиду характера почерка объяснено поспешностью писца. Тогда помету надо считать перенесенной с оригинала, который, следовательно, и датируется 1803 годом. Содержание сборника — преимущественно канты духовного содержания, есть несколько колядок. Кроме былины об Илье на Соколе-корабле, еще историческая песня о Скопине (лл. 21—25 об.) и былина о Добрыне и Маринке.

Текст былины об Илье Муромце находится на лл. 2 об. — 7 об. После каждой строки стоят буквы В : Г : К : З (разделенные двумя точками), как и в других песенных текстах (о Михайле Скопине, в колядках), чего нет в псалмах. Л. Н. Майков при издании внес ряд изменений. Кроме не имеющих принципиального значения поправок в соответствии с современной ему орфографией («двенатцать» — «двенадцать», «Салтановичь» — «Салтанович»), поправки, которые мы принимаем, есть изменения, вызывающие возражение, так как они меняют произношение, вместе с тем, возможно, и акцент, и морфологию: всюду «корабль» вместо «карабль», «монастыря» вместо «манастыря» (очевидно, в произведении: «на Соколе на карабле», «еще три манастыря»), «три люди незнаемые» вместо «трои люди незнаемые», «из чиста поля» вместо «из чистаго поля». В сборнике Тихонравова—Миллера не только сохранены все поправки Л. Н. Майкова, но и внесены новые (в стихе 49 «ребята» вместо «рбята»). Во всех подобных случаях мы сохраняем написание рукописи. В стихе 18 в прежних публикациях ошибочно стоит «очей», надо «ушей».

Текст помещен в сборнике без заглавия. Мы оставляем заглавие, данное Л. Н. Майковым.

Текст вологодского сборника представляет иной тип обработки сюжета, чем чулковский вариант: Илья Муромец пугает врага не ревом изображенных на пуговках зверей, а натягиванием тетивы и угрозой прострелить грудь Салтана. Текст — один из самых полных и художественных вариантов былины, превосходно записанный. Последние стихи — традиционное в былинах заклинание никогда больше не иметь дела с русскими богатырями — характерны именно для данного типа обработки сюжета об Илье Муромце на Соколе-корабле.

В стихе 19 непонятное слово «мамурских» — возможно искажение из «амурских» или «заморских» (ср. в былинах: соболи сибирские или заморские).

50. [Добрыня и Маринка]. Печатается по рукописи ГПБ, О. XIV. 17. Начало XIX века. Текст впервые опубликован Л. Н. Майковым («Живая старина», 1890, вып. I, отд. II, стр. 2—3). Перепечатан: Тихонравов—Миллер, отд. II, стр. 82. Текст упоминался: Лобода, стр. 40; библиография сюжета — Астахова, II, стр. 734.

Описание рукописи см. в комментарии к тексту № 49.

Текст былины помещен на л. 30 об. без заглавия. Написан в строку. В настоящем издании сохраняется разделение на стихи, произведенное Л. Н. Майковым, с одной поправкой: стихи 25—26 он дает как один стих (та же поправка имеется и в тексте сборника Тихонравова—Миллера). Лист кончается словом «поколода» (стих 37), продолжение писано на другом листе другим почерком и чернилами. Теми же чернилами на предшествующем листе обведено слово «Маринушку» (стих 31). Часть текста переписана другим почерком и другими чернилами на последнем листе. Как и в отношении предыдущего текста, мы не соглашаемся с некоторыми изменениями, внесенными Л. Н. Майковым, и восстанавливаем написание рукописи в следующих стихах: 3, 8, 10, 11, 21, 24, 30, 31 (у Майкова последовательно: «у Микитушки», «здолой», «натягивает», «со двора», «подрожала», «во косечато», «дубовный», «возле Маринушки»). В слове «подрожала» акцент был, очевидно, на первом «а» («подр^ажала»).

Членение текста на стихи вполне закономерно, хотя такой четкой песенной ритмичности, как в былине об Илье Муромце, в данном тексте нет, в особенности в 7 первых строках. Тем не менее это — не прозаический пересказ, а былина, только менее художественно, по сравнению с многими другими записями XIX века, разрабатанная и, очевидно, не спетая, а переданная «пословесно».

Текст не закончен, обрывается на изображении колдовских действий Маринки.

51. [Князь Роман и его дочь]. Печатается по тексту сборника Чулкова (II, № 128). Первый известный в печати текст этой баллады. Перепечатан у Новикова (II, № 128) с некоторыми разночтениями орфографического порядка («ея» вместо «ее») или дающими иное произношение (вместо «белилички», «дветное платье», «в чистом поле».

«взговорит», «к широку двору» — «белилочки», «цветно платье», «во чисто поле», «возговорит», «к широкому двору»). В одном случае уничтожено повторение (слова «не плачь» в 45 стихе). С этими разночтениями текст напечатан в песеннике «Собрание разных песен» (ч. II, М., 1783—1788, стр. 166) и у Киреевского (V, стр. 106).

Текст Чулкова принадлежит к типу среднерусских вариантов, в которых об убийстве князем Романом жены дочь его узнает от орла, похитившего отрубленную руку убитой с перстнем: в северных записях в качестве вестников выступают обычно волки (см.: Астахова, II, стр. 791; там же, стр. 790—793 — библиография сюжета; дополнительные сведения о неопубликованных вариантах: Соколов—Чичеров, стр. 913—916).

Другой известный в записи XVIII века вариант под заглавием «Князь Роман жену терял» (Кирша Данилов, № 51), чтобы передать как дочь узнает об убийстве матери, также использует мотив похищения орлом руки убитой. Но само раскрытие убийства происходит иначе: княжна узнает перстень матери, замечает, что у реки собрались птицы и звери, и просит нянюшек-мамушек отыскать останки матери.

52. [Братья-разбойники и сестра]. Печатается по тексту сборника Чулкова (I, № 135). Это первый известный в печати текст широко распространенной в XVIII—XX веках баллады о сестре в плену у братьев-разбойников. О бытовании баллады и ее вариантах см.: Чернышев, стр. 385; Астахова, II, стр. 700—702, там же указана библиография сюжета. Дополнительные сведения о неопубликованных вариантах см.: Соколов—Чичеров, стр. 903—906. В XVIII в. текст Чулкова перепечатывался в более поздних песенниках (Новиков, I, № 135; Весельчак на досуге или собрание новейших песен, ч. I, М., 1797, стр. 183) с изменением 2-го стиха («Жила-была вдова богатая»).

Содержание варианта обычное, за исключением концовки: братья обещают сестре снова выдать ее замуж и просят ее не рассказывать о происшедшем матери; сестра плачет, что ее друга все равно не воскресить. Ср. близкую концовку у Соболевского (I, № 191, из «Русской старины» 1874 года) — братья сулят сестре много золота-серебра, но также не могут ее угешить. Обычно же баллада кончается изображением сетования братьев.

Приурочение действия к Киеву нередко в вариантах данной баллады из разных мест записи (см., например: Соболевский, I, №№ 190, 193, 194).

53. [Молодец и королева]. Печатается по тексту сборника Чулкова (III, № 58). Первый известный в печати текст баллады о любви молодца, служившего у литовского короля, к королевской дочери. Перепечатан у Новикова (III, № 58) с двумя отклонениями фонетического характера («молодцем» вместо «молодцом», «возрिति» вместо «взозрिति»).

О многообразии обработок данного сюжета, иные из которых близко примыкают к былинному эпосу (приурочение сюжета к богатырю Дунаю, королева именуется Настасьей, баллада получает черты былинной поэтики), см.: Астахова, II, стр. 740—741, там же — библиография сюжета.

Текст Чулкова относится к группе обработок безыменных и с трагическим концом: молодца, похвалывшегося любовной связью с королевой, казнят, королева лишает себя жизни. Своеобразным мотивом в тексте является высказанное отцом королевы сожаление, что он не знал о любви дочери: он бы молодца помиловал — мотив сравнительно редкий. См. тот же мотив в близком варианте Гильфердинга (III, № 263).

От XVIII века известен еще текст о молодце и королеве: рукописный сборник ГПБ, О. XIV, № 11, текст № 91. Но это уже вполне песенная обработка сюжета. Текст напечатан: Киреевский, V, стр. 174—175; Соболевский, I, № 12.

54. [Пародия]. Печатается по тексту сборника Чулкова (III, № 150). Перепечатано: Новиков, III, № 150; Соболевский, VII, № 320.

Использованы мотивы баллады «Молодец и королева» (ср. с текстом № 53).

55. [Пародия]. Печатается по тексту сборника Чулкова (III, № 151). Перепечатано: Новиков, III, № 151; Соболевский, VII, № 318.

Пародия — типа «Агафонушки» (Кирша Данилов, № 27): изображение «домашних битв» в эпическом строе былины. С «Агафонушкой» роднят данный текст и многие одинаковые мотивы и выражения (ср., например, зачин, стих 7 и др.).

56. [Птицы на море]. Печатается по тексту сборника Чулкова (I, № 199). Перепечатано: Новиков, I, № 199; Киреевский, Нов. серия, вып. II, № 2813; Соболевский, I, № 496.

Первая известная в печати запись этого замечательного фольклорного произведения, изображающего под видом птиц представителей различных социальных слоев русского общества XVII—XVIII веков. Вариант Чулкова сохраняет в языке следы книжного происхождения песни: «провещает малая птица», «хочет нам храм соорудити», «гладом я, птичка, помираю». О связи произведения с древнерусским литературным памятником

«Сказание о птицах» или «Совет птичий» см.: А. В. Багрий. Древнерусские сказание о птицах. Варшава, 1912.

Образы в тексте Чулкова художественны и выразительны, но сатира более острая, по сравнению с некоторыми вариантами, записанными в XIX веке (см., например: Гильфердинг, I, № 62; II, № 130; III, № 280). На Севере встречалось наименование этой песни «былинной» (в отличие от бытовой песни, но без смешения с жанром былины).

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Тексты с разделением на стихи

1, 4, 5. Воспроизводят полностью в стихотворной форме тексты №№ 27, 43 и 44, поскольку былиный ритмический строй вполне отчетлив в них с начала до конца. Хотя в каждом из этих текстов встречаются, то в большем, то в меньшем количестве, отдельные прозаизмы, замена обычных для былин дактилических окончаний стиха женскими, перестановка слов и словосочетаний, нарушающая стих, но общая ритмическая инерция эпического стихотворного склада проходит через все произведение. В этом отношении данные тексты принципиально не отличаются от былин сборника Кирши Данилова, в которых также обнаруживаются отдельные нарушения стихов, что, однако, не помешало уже первым публикаторам дать — и с полным основанием — тексты сборника как стихотворные произведения.

2. Представляет с разбивкой на стихи начальную часть текста № 37, в которой тоже наблюдается хорошая сохранность былинного ритмического строя. Но далее четкость ритма стирается, и былина переходит в пересказ, в котором выделяются лишь отдельные стихотворные фрагменты.

3 (текст № 42). Дается как образец формы, в которой стихотворный строй систематически перебивается прозаическими вставками — пересказом. Такого рода форма изложения характерна и для некоторых других текстов о Михайле Потоке, и для ряда текстов об Илье Муромце. Но обычно стихотворные части встречаются в них реже, и общий строй передачи сюжета можно определить именно как пересказ; поэтому мы воздерживаемся от других попыток представить тексты в их смешанном, стихотворно-прозаическом виде.

Не дается в настоящем издании как стихотворный и текст «Повести о Сухане». Выдержанная на протяжении всего текста ритмичность изложения дала В. И. Малышеву возможность представить его в стихотворном виде. Но, как и отмечено в статье (стр. 112—114), в соответствии с исследованием В. И. Малышева, текст «Повести», хотя и основан на определенном былинном сюжете, является даже не пересказом былины, и тем более не записью ее, а памятником литературы.

II. Былинные сюжеты в литературе и лубке XVIII века

1. Сказка о славном и храбром богатыре Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Печатается по тексту сборника «Повествователь русских сказок» (М., 1787, № 1). Текст перепечатан в сборнике О. И. Капицы «Русские народные сказки» (М.—Л., 1930, стр. 429—433) как образец книжной обработки сказки второй половины XVIII века. «Повествователь» принадлежит к типу тех сказочных сборников второй половины XVIII века, которые составлены из произведений литературных, преимущественно авантюрного характера, построенных на мотивах народной сказки (см.: И. Колесническая. Русские сказочные сборники последней четверти восемнадцатого века. «Ученые записки ЛГУ», № 33, Серия филологических наук, Л., 1939, стр. 194—197; состав сборника указан: С. В. Савченко. Русская народная сказка. История собирания и изучения. Киев, 1914, стр. 91).

Сказка об Илье Муромце, в отличие от других произведений, вошедших в «Повествователь», лишь обильно использовавших отдельные сказочные мотивы, представляет пересказ целостного былинного сюжета «Илья и Соловей-разбойник» в его объединении с двумя другими сюжетами эпоса об Илье Муромце («Илья и разбойники», «Илья и Идолище поганое»).

В основу сказки легла «черниговская» версия рукописных пересказов сюжета в ее краткой редакции, очевидно заимствованная составителем из лубка. Сказка следует всей композиции лубочного текста в точности, во всех деталях эпизодов, вплоть до таких, как численность групп разбойников, троекратно нападающих на Илью, как перечисление веса кафтана, шляпы, костыля калики (в последней части сказки) и т. п. Из деталей, не известных «черниговской» краткой редакции, можно назвать лишь внесение имен матери Ильи Муромца и дьячка, у которого, по словам калики, он с Ильей учился, а также замену Идолища богатырем Полканом Полкановичем. Эта замена, известная

и по известным записям XIX—XX веков (см., например: Астахова, II, № 157), вошла в устную традицию, по-видимому, уже в XVIII веке под влиянием повестей и сказок о Бове-королевиче.

Сказка повторяет и ряд словесных формулировок «черниговской» краткой редакции с незначительными иногда отклонениями. Ср., например, с соответствующими местами лубочных и рукописных текстов следующие выражения сказки «Повествователя»: «ощутил в себе силу и твердость» — «ощутил в себе силу великую», «разгорелись сердца их на коня его богатырского» (точное совпадение); стрела «стала рвать землю в косую сажень» (то же); «но тем богатырское сердце Ильи Муромца не устрасило» — «но богатырское сердце не устрасило»; «милые мои зятя, не позорьте вы сами себя и не дразните сильного богатыря, чтобы он вас не предал смерти» (близкое совпадение) и др.

Вместе с точным воспроизведением былинного сюжета в краткой редакции «черниговской» версии и заимствованием отдельных выражений наблюдается стилистическое оформление всего повествования в литературной манере «сказочных» сборников XVIII века. Рассказав предысторию о получении Ильей силы, автор говорит: «С сих пор будем мы его величать храбрым воином Ильєю Муромцем». Говоря о первой поездке Ильи, он замечает: «Забвению предано, сколько верст он отъехал от своего селения, как очутился в дремучих и непроходимых лесах». Разбойники, прельстившиеся лошадью Ильи, «не выдывали ни в каких местах сановитее и проворнее оной». Употребляются сложные речевые конструкции с обилием деепричастных и причастных оборотов (см., например, описание освобождения Чернигова, дороги из Чернигова в Киев, столкновения с Соловьем-разбойником и др.), наблюдается тенденция к приподнятому, «высокому» стилю: «Везде раздавались радостные клики»; «Но намерение ее не имело счастливого окончания»; «по сей причине Илья Муромец не удостоил своим посещением его дом»; «Как ты меня, дерзновенный, осмелился обманывать?»; Киевский князь Илью Муромца почтил многими дарами и т. п. Автор вносит описания совершенно в стиле описаний в волшебнорыцарских повестях. Таково изображение жилища Соловья. Это — «великолепного здания палаты. Обширный двор обнесен был вместо заборов железными решетками. Палаты сделаны с великим искусством архитектуры из чистого мрамору с весьма частыми и большими окошками». Таково же изображение Соловья, очевидно навеянное лубочной картинкой: «Большая его голова, ужасной величины рот, широкие плечи, долгие руки не устрасили нашего героя».

Характерны также вступление и концовка повествования, тоже в стиле повестей XVIII века.

2. [Сказка об Иване крестьянском сыне]. Печатается по тексту, приведенному в «Заметке» П. А. Бессонова: Киреевский, III, стр. XXIII—XXIV. В этой «Заметке» П. А. Бессонов рассуждает о соотношении образов Ивана в русских сказках и Ильи Муромца в былинах (Иван — «представитель русского человека», Илья — «представитель русского народа» и т. п.). Текст представляет собою начало лубочной сказки («весьма замечательной», по словам П. А. Бессонова), датированной 1793 годом. Продолжения сказки П. А. Бессонов не приводит, но говорит, что дальнейшие подвиги Ивана — сказочные. В ходе же своих рассуждений Бессонов несколько раз (на страницах XXV, XXVII и XXVIII) упоминает отдельные эпизоды сказки и приводит краткие выдержки. Из них видно, что повествование развертывается в стиле волшебнорыцарских сказок с помощью мотивов сказок о Бове-королевиче (борьба с Полканом, освобождение богатыря, заключенного в темницу Лукпером).

3. Повесть о сильном богатыре и старославенском князе Василии Богуслаевиче. Печатается по тексту сборника В. А. Левшина «Русские сказки, содержащие древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие, оставшиеся через пересказывание в памяти приключения» (ч. V, М., 1783, стр. 3—30). Текст «Повести» перепечатан: Киреевский, V, Приложения, стр. III—XIII.

«Повесть» представляет собою прозаический пересказ-переделку былины о бое Василия Буслаевича с Новгородом. Из всех «богатырских сказок» (как назвал свои произведения В. А. Левшин) сборника «Русские сказки» «Повесть» о Василии Богуслаевиче выделяется наибольшей близостью к былинному эпосу. В то время как другие «сказки» представляют собою вымышленные авантурные повести типа волшебнорыцарских романов и связаны с русским эпосом только именами своих героев (князь Владимир, Добрыня Никитич, Алеша Попович, Чурила Пленкович, Тугарин Змеевич) и отдельными былинными мотивами, сказка о Василии Богуслаевиче сохраняет общий ход повествования былины и все основные ее эпизоды. В этом отношении «Повесть» на первый взгляд кажется близкой к типу тех пересказов былин, которые встречаются в рукописях XVII—начала XIX века. Это и побудило, очевидно, П. А. Бессонова включить ее в «Приложения» к «Песням, собранным П. В. Киреевским» в качестве сказки о Василии Буслаеве. Однако — и в этом существенное отличие «Повести» от указанных пересказов — само содержание былины и образ героя решительно переосмыслены,

получили особую трактовку. Это заставляет нас видеть в «Повести» не простой пересказ былины, хотя бы и литературно обработанный, но литературное произведение, опирающееся на былинный материал.

Главное отличие «Повести» о Василии Богуслаевиче от былины — в ином характере конфликта, который в «Повести» очень ясно очерчен: Василий — сын покойного новгородского князя Богуслая и должен, придя в возраст, принять княжескую власть; посадники новгородские, однако, бояться, что он захочет их «прибрать во свои руки и владеть... своею волею»; на пиру они напаивают Василия вином и вызывают его на похвальбу; основываясь на его сказанных во хмелю словах, что «быть Новугороду всему за ним» и что «все посадники перед ним поклонятся», они подымают на Василия новгородскую рать, но Василий с товарищами побеждает и становится новгородским князем. Так использует В. А. Левшин известные явления исторической действительности — политическую борьбу в новгородских верхах, стремление новгородского посадничества «промысливать себе князей по сердцу», оберегая тем свои права и власть.

Сам Василий Богуслаевич предстает как вполне положительный герой. Правда, в начале «Повести» упоминаются, как и в былине, богатырские «шутки», которые волнуют народ. Но далее Василий лишен традиционного озорства: товарищей себе он выбирает с разрешения матери, на пиру он «сидит как красная девушка», пьет умеренно и не хвастает, помня советы матери. Его похвальба во хмелю спровоцирована посадниками. Он вступает в бой только ради обороны. Увещающему его Старчищу он дает лишь «острастку» и отпускает его «с честью», а ставши князем, владеет Новгородом «с мудростью и милостью». «Никто не смел на него подняться», «он княжил леты многие, проживал годы мирные». Этот характер «Повести», очевидно, и привлек внимание Екатерины II, которая сочла, видимо, полезным для пропаганды идеи «просвещенного абсолютизма» инсценировать произведение Левшина. Так возникла комическая опера в пяти действиях «Новгородский богатырь Боеслаевич» (отд. изд. 1786 года), в которой использовано не только содержание «Повести» Левшина, но и весь текст (словесная ткань, действующие лица). Дополнительно в оперу внесен романтический элемент — в конце образуются две счастливые пары: Василий и дочь одного из посадников Умила, Фома Ременников и дочь приспешника.

Для истории русского былинного эпоса «Повесть» Левшина представляет большой интерес как отражение одного из устных вариантов XVIII века былины о Василии Буслаеве. Непосредственный источник «Повести» нам не известен, но несомненно, что это был иной вариант, чем тот, который вошел в сборник Кириши Данилова. С вариантом Кириши источник «Повести» сближают общий состав и порядок эпизодов (смерть отца Василия — Богуслая, «шуточки» Василия, жалоба новгородцев матери, выбор товарищей, столкновение на пиру, заключение Василия матерью под замок, эпизод с девушкой-чернавушкой, столкновение со старцем во время боя, победа Василия). Иная трактовка эпизодов, конечно, не может привлекать внимание, так как «Повесть» несет явные следы авторской переработки. Но в то же время она заключает отдельные детали, которые известны в последующей устной традиции и которые отличны от варианта Кириши. Таковы, например, имена товарищей Василия — Потанюшка («он мал собою, невеличек и на одну ногу прихрамывает») и Фома Толстой сын Ременников. «Потанюшка хроменький» — наиболее традиционный персонаж былины о Василии Буслаеве в записях XIX—XX веков (см., например: Рыбников I, № 64; II, №№ 169, 198; Гильфердинг, I, № 54; II, № 141; Ончуков, №№ 11, 28, 88, 97; Марков, № 52; Астахова, I, № 14, и др.). Второй названный персонаж «Повести» тоже встречается в устной традиции (см., например: Рыбников, II, № 125; Гильфердинг, I, № 54 — толстый Фома; Гильфердинг, III, № 259 — Фома толстородливый; Ончуков, №№ 88, 97 — Фома толстой, сам ремесленной; Астахова, I, № 14 — Фома Ременников, и др.). В тексте Кириши Данилова имена дружинников Василия — иные. Совершенно очевидно, что для эпизода выбора товарищей Левшин имел другой источник. О том же свидетельствует наличие в «Повести» такого эпизода: мать Василия, узнав о его похвальбе на пиру, берет золотое блюдо с самоцветными камнями и спешит к посадникам, просит их простить Василия. Но посадники не принимают даров и отклоняют просьбу. Этого эпизода в тексте Кириши Данилова нет, но он встречается в записях XIX—XX веков (см., например: Рыбников I, № 64; Гильфердинг, II, № 141; III, №№ 284, 286, и др.).

В тексте «Повести» встречаются былинные выражения: «сажает его за столы дубовые, за скатерти браные, за ествы сахарные»; «подымает чан зелена вина одной рукой, выпивает его одним духом»; «где лишь махнет — тамо улица, а в другой хватит — с переулочками», «чтоб оставил он людей хотя на семена!» и т. п.

УКАЗАТЕЛЬ ХРАНИЛИЩ И РУКОПИСНЫХ СОБРАНИЙ¹

Москва

Государственная ордена Ленина библиотека СССР
им. В. И. Ленина

Собрания:

1. С. О. Долгого №№ 5914 и 5915 (прежде рукописи собрания И. Е. Забелина №№ 71 и 82) — 8, 26.
2. Музейное №№ 774 и 8779 — 28 и 32.
3. Овчинникова № 522 — 36.
4. Н. С. Тихонравова №№ 222, 361 и 399 — 5, 40, 39.
5. В. М. Ундольского № 663 — 4.
6. П. П. Шибанова 186 — 18.

Государственный Исторический музей

Собрания:

1. Е. В. Барсова №№ 2399, 2400, 2421, 1463, 1592 — 15, 19, 25, 35, 9.
2. И. Е. Забелина №№ 548, 536 — 11, 38.

Центральный государственный архив древних актов

Собрание Ф. Ф. Мазурина № 196 — 33.

Ленинград

Государственная ордена Трудового Красного Знамени

Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

Собрания:

1. Библиотечное Q.XVII.194; O.XVII.44; Q.XVII.268; O.XIV.17 — 1, 37, 42, 49, 50.
2. Ф. И. Буслаева № 92 (O.XVII.57) — 2, 31, 44.
3. А. В. Олсуфьева т. XIII, лл. 35—38 — 20.
4. А. А. Титова №№ 1994, 2776, 3315, 4155 — 6, 3, 12, 21.

Библиотека Академии наук СССР

Собрание библиотечное №№ 28. 6. 4.1; 45. 2. 5 — 41, 45.

¹ Цифры, выделенные курсивом, обозначают порядковый номер текста в настоящем издании.

Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР

Собрание Н. П. Лихачева №№ 74, 201, 287 — 10, 43, 7.

Архив Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР

Собрание Института Р. IV, поступление 1957 года и I. 27. 105 — 29, 34, последняя рукопись прежде принадлежала Институту мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР.

Частное собрание

А. М. Астаховой — 22.

Саратов

Библиотека Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского

Собрания:

1. Мальцева № 1260 — 24.

2. И. А. Шляпкина № 480 — 16.

Калинин

Государственный областной архив города Калинина

Собрание архива № 911 (прежде собрание Тверского музея) — 14.

Местонахождение №№ 13, 27 и 30 неизвестно.

СЛОВАРЬ УСТАРЕЛЫХ, ДИАЛЕКТНЫХ И ДРУГИХ МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ

Агаряне — мусульмане, арабы, от библейского имени **Агарь** — прародительница арабов.

Аз — я.

Аksamит (*шубы со аксамиты*) — плотная шелковая ворсистая ткань вроде бархата.

Аргамаческий конь — порода рослых азиатских скаковых лошадей.

Баканов шелом — эпитет холма, возможно от **бакановый** — красный.

Барда — гуща, остающаяся от перегона хлебного вина из браги.

Безгудушка — безвременье, несчастье.

Безобсълочно — без предупреждения.

Белойрый (*пшеница белоярая*) — постоянный эпитет пшена и пшеницы в былинах, указывающий на высокое качество.

Беремечко (*схватывает его в беремечко*) — большая охалка.

Берчатый (*берчат рукав*) — узорчатый.

Бирюч — глашатай.

Благим матом отскочить — очень быстро отскочить.

Борзо — быстро, проворно.

Боронить — оборонять.

Братень — названный брат.

Братина — большая общая чаша для питья; сосуд, в котором разносили вино, пиво, мед.

Вапливать (*перевоз на кони я не вапливал*) — вопить, громко кричать.

Велий — великий.

Велми — очень, весьма.

Верей — столб, на который навешивается створка ворот.

Взбруда латная — латы и оружие.

Винтовать (*шурмует и винтует на коне*) — джигитовать, наездничать.

Вничь (*и ударил ево вничь рукою*) — сверху вниз.

Водоливец — водолив, водолей, работник для наливки и отливки воды

Вовивать (*и по вою ты не вовивал*) — выть.

Воспокаяться (*авось либо, баба воспокается*) — раскаяться, покаяться.

Вотчина — поместье; отчество.

Втапоры, втепоры — в ту пору.

В тасках забежал — с трудом убежал, еле-еле уволок ноги.

Видраться — с усилием выбраться.

Выжлец — гончая собака.

Выплентить (*я Киев-град весь выплентю*) — опустошить путем захвата жителей в плен.

Выходы (*дани и выходы*) — то же, что дань, оброк.

Гоголь — птица из породы уток-нырков.

Гридня — помещение при дворе древнерусского князя для приема гостей.

Грядочка (*цветное платье на грядочке*) — перекладина, жердь из стены в стену для вешанья одежды.

Гуня — род верхней одежды.

Держаться (*николи казна не держится*) — издерживаться.

Дограться — добраться.

Едеры — еда, кушанья.

Емать — брать.

Ендова — широкий сосуд, с носком для разливки напитков.

Желна — крупный черный дятел с ярко-красным теменем.

Желёза (*сложил с себя железа с рук и с ног*) — оковы, кандалы.

Жилец (*а се мы богатыри, жильцы зосударевы*) — находящийся при государе на воинской службе.

Залечь (*дорога залегла*) — заглохнуть.

Заложить (*а тое дорогу заложил силноу богатырь Соловей разбойник*) — закрыть, запереть.

Запра́вать (что у меня с тобою молвлено и запро́вано) — договориться, зарека́ться, давать обещание не делать чего-либо.

Засади́ть (засади́л дорожку прямо-езжую) — закрыть, запереть.

За щито́м (град за щито́м взять) — с боя.

Зелё — весьма, очень.

Зделаться — см. изде́латься.

Изва́диться (извадились мы. . . сами ездить по полю по чистому) — привыкнуть.

Изго́нею (а велит им изго́нею в Киев-град итѣти) — быстро совершить набег.

Изделаться (изделялись бы своими женами) — делиться.

Изме́нный (речи изменные) — переменный, непостоянный.

Исполать — хвала, слава.

Исполняться (всегда казна исполняется) — пополняться.

Калы́ка, калё́ка (калика перехожая) — странник-богомolec, от греческого слова каллиги — особого рода обувь, которую носили странники.

Ка́мка — шелковая цветная ткань с узорами.

Кано́н (каноны читать) — молитва в похвалу святого или церковного праздника; (просили пить того канону заветного) — то же что канун — мед, пиво, брага, сваренные к празднику.

Клобу́к (а клобук земли греческие) — высокая шапка с покрывалом, обычно у монашествующих.

Колёчница — см. каллика.

Ко́ник — лавка с ларем, ларь для спанья.

Корба (корбы дремучия) — чаща мелкого леса.

Коробольчестой дуб — вместо коротколычатый, толстый, кряжистый.

Косая сажень — старая мера длины, от носка ноги до конца среднего пальца поднятой руки противной стороны.

Косящатый (окно косящатое) — с косяками.

Кресты́ (а на крестах той дорожки лежал огромный камень) — росстани, распутье.

Кручи́новатый (тог богатырь кручиноват) — принимающий всякую заботу к сердцу.

Кряковистый — кряжистый.

Кубе́ц — кубок, стопа.

Лёпый (лицем лепа) — красивый.

Лихора́тливый (мужики новгородские хитры, лихоратливы) — злонамеренный.

Лише́, лишó (лише ты меня опозорила) — только что, теперь.

Локоть (отмеревши три лактя́ на восточную сторону) — мера длины, соответствующая длине руки от локтя до конца среднего пальца.

Лучиться (откуда твоя дорога лучилась?) — случиться.

Митка́линный — из миткаля, род бумажной ткани.

Митко́литный (митколитная ширинка) — вместо миткалинный.

Моря́нин — приморский житель.

Мост (каменный мост) — настил, здесь пол.

Мурза́ — татарский князек.

Мурза́мецкый, мурза́ецкый (копье мурза-мецкое) — татарский, восточный, от мурза.

Муса́т, муса́тичек (на мусате ножичек наставлявает) — стальная полоса для точки ножей.

На́льня — то же, что на́льно, т. е. инно, так что, даже.

На́лұч, на́лұчай, на́лұчыё — футляр, ножны для лука.

На́лұшник — см. на́лұч.

Наро́читый (я де славен разбоиник, мужика сын нарочитова) — именитый.

Нача́яться (и ты как себе начаешься) — полагать.

Небы́льное слово — небылица.

Нео́чесливо — не с честью, невежливо.

Неубе́жный (беда наубежная) — непреодолимая.

Ничь — см. вничь.

Обле́лить (не вешняя вода тут облелила) — окружить.

Обо́йм (которые обоимов по пяти) — охват.

Обрека́ться (отец его и мать обрекались господу богу) — давать обет.

Обсыла́ть (идет на княжецею двор, не обсылаючи) — посылать извещение, докладывать о приходе.

Одно́рядка — долгополый однобортный кафтан без ворота.

Оже́г — палка вместо кочерги.

Окара́шки (добрые кони на окарашки падают) — карачки, четвереньки.

Ока́тить (выпил — сердце окати́л) — удовлетворить, утешить.

Оле (оле нам стыда сего) — о, ах, увы.

Опочи́в держать — почивать, спать.

Опочи́к — опочив.

Опри́шенный (хоромы опришенные) — особые.

Опроме́тный мост — опрокидывающийся.

Отли́кий (отликие удалые добрые молодцы) — отличный, превосходный.

Отхо́жий (отхожая горница) — обособленный.

Па́гулица — пигалица, род небольшой птицы.

Паро́бок — слуга.

Перебо́рчатый (молотцы переборчатые) — на подбор.

- Перепустить** (*перепусти мне тое девицу красную*) — уступить.
- Переставиться** — преставиться, умереть.
- Питеры** — питья.
- Побратённый** — названный брат.
- Повёдать** (*добрыя кони не поведаны*) — в значении заповедать, запретить.
- Подворотня** — доска, которой заставлялся отверстие под воротными затворами.
- Покляный** (*у березы у покляныя*) — кривой, изогнутый, наклоненный.
- Поласамитый** — вместо аксамитовый, см. **аксамит**.
- Полпятá** (*в полпятá ведра*) — половина пятой части.
- Поляница** (*стоит тамо Курбан-царь со всей ли поляницею удалюю*) — здесь весь состав богатырей.
- Поприще** — путевая мера, около 20 верст.
- Попрыски** (*попрыски богатырские*) — следы.
- Пóрок, пóрог** — стенобитное орудие.
- Посадник** — старшина города или посада.
- Присáдка** (*и по присатки копья приломались*) — место, где железный конец копья прикрепляется к древку.
- Приспéшная изба** — поваренная изба, кухня.
- Притчина** (*две притчины великие и беды несносные*) — притча, нечаянный, несчастный случай.
- Провещиться** (*ажно провещится богатырское сердце*) — предугадать несчастье.
- Пряжа** (*пряжи булатные*) — пряжка.
- Путная дорога** — проложенная, правильная дорога.
- Пядь** — мера, равная протяжению между большим и указательным пальцами.
- Рáтовать** — ратиться, воевать.
- Саада́к** — налучник, лук.
- Сва́ечка** — толстый гвоздь или шип для игры в свайку.
- Сгибень** — пирог согнутый, сложенный вдвое.
- Скорбеть** (*скорбят на тебя посадники и мужики новгородские*) — здесь роптать.
- Скорла́т** — дорогое сукно иностранного происхождения.
- Скорла́тный, скорля́тный** (*платье скорля́тное*) — из скорлата.
- Скурла́т** — см. **скорла́т**.
- Соро́чнский** — сарацинский.
- Спенёчки** — шпенечки, шипы, пряжечные шпильки.
- Справиться** (*дай мне справиться*) — собраться, снарядиться.
- Ставчик** — поставец, приделанный к стене шкафчик.
- Стáнный** (*удалых богатырей, станных людей*) — находящийся в военном стане.
- Стро́ка** (*теперво нам, братцы, строка пришла*) — срок.
- Ссужáться** (*за что ссужаютъца чюжими женами*) — ссужать, снабжать временно, дать на подержание.
- Суго́нь** (*и поехал в сугонь за тремя царевичами*) — погоня.
- Сы́тить** (*меды сытить*) — разводить водою.
- Сы́та медвяная** — разварной мед на воде.
- Сыть** (*что ты, волчья сыть*) — еда, корм.
- Сычённый** (*пиво сыченое*) — на меду, медовый.
- Тарч** (*во рвах тыкали тарчи вострыя*) — щит с высоким острием в середине.
- Таскí** — см. в **таска́х**.
- Тёрлик** — род долгого кафтана с перехватом и короткими рукавами.
- Торока́** (*в тороках ведет нашево батюшку*) — ремни для привязывания позади седла.
- Ту́литься** (*смело говорит, не тулится*) — прятаться, таяться.
- Ты́инка** — заборный кол.
- Убра́ть** (*убрал взброду латную*) — в смысле взять.
- Ула́новья** — ханский конвой, телохранители в эпоху татарских нашествий.
- Упа́ленький** (*упаленькой дородной добрый молодец*) — красивый.
- Усе́рдие** (*Тугарин Змеевич усердия добрая*) — в смысле вспыльчивости, сердитости; *усердия добрая* — очень сердитый, вспыльчивый.
- Уте́рпчивый** (*молодецкое сердце не утерпчивое*) — терпеливое.
- Фря́зин** — иноземец, из западноевропейских стран.
- Ха́ратия** — хартия.
- Хри́п** — загривок, спина, горб.
- Ча́шник** — придворный виночерпий.
- Шеле́п** — плеть, кнут; палка.
- Шелепу́га** — то же, что **шеле́п**.
- Шело́м** — холм.
- Шелоха́нский** — вместо **шемаханский**, из **Шемахи**, восточный.
- Ши́ринка** — полотенце, платок.
- Ши́шак** — шлем, каска с гребнем или хвостом.
- Шка́па** (*лучше тех шкап в Кееве и простые лошади*) — лошадь; кляча.
- Шурмова́ть** (*шурмует и винтует на коне Илья Муромец*) — джигитовать, наездничать.
- Яз** — аз, я.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН И НАЗВАНИЙ В ТЕКСТАХ¹

- Авдотья Лиховидовна (жена Михайлы Потока), Белая Лебедь, Лебедь Белая 171, 172, 174, 181, 183, 185, 186, 189, 190, 192, 195, 222, 224; Авдотья Лихотовна 166, 168; Авдотья Ивановна 176; Авдотья Михайловна 176. См. Овдотья.
- Азбук, царь, Товруевич 146—148.
- Алевицкая, Алевитцкая, Алевидская земля 165, 171, 175, 180, 181, 184, 185, 188, 194, 220, 223. См. Олевицкая.
- Алеша, Алеша Попович, Попов, богатырь 112, 115, 117, 122, 127, 135—137, 140, 150, 152—156, 161, 163, 171, 175, 179—181, 184, 188, 189, 193, 194, 222, 246; могучий богатырь 135; млад 139, 149, 150, 219, 220; Алешка 158; Алешка Попович 128, 157—159, Алексей 158; Алексей Попович 246. См. Олеша.
- Амелфа Тимофеевна (мать Василия Богуслаевича), честная жена 239, 241, 242, 244.
- Апракся-королевишна (жена князя Владимира) 200, 232, Апраксина, княгиня 138; Апраксина-королевишна 135, 136, 139. См. Еупракся.
- Бахмет сын Тавруевич, царь 140, 143, 144.
- Белая Лебедь (жена Михайлы Потока) 171, 172, 178, 181—183, 185—187, 190, 222. См. Авдотья Лиховидовна. Лебедь Белая.
- Белая Палица, Белая Поляница, Белая Пьяница, богатырь, дворянин 149, 152, 157.
- Бова 249.
- Богуслай (отец Василия Богуслаевича) 239, 240, 243.
- Богуслайченков 243. См. Василей Богуслаевич.
- Боян 250.
- Братовичи, три брата (татарские богатыри), сильные богатыри 143.
- Брянские, Бранские, Брынские леса, леса 79, 81, 82, 85, 88, 94, 97, 101, 106, 111, 114, 116, 119, 121, 124, 126, 129, 133, 137, 199.
- Бурка, косматый (конь Ильи Муромца) 107.
- Василей Богуслаевич 239—243. См. Богуслайченков.
- Василей Иванович (имя переодетой в мужское платье жены Ставра Годиновича), млад посол 199, 200, 231—233, млад грозен посол 199, 200, 203, 204, 231—233.
- Василиса Микулишна (жена Ставра Годиновича) 198—200, 229, 230, 232.
- Вахромий Вахромиевич, царице поганое 195, 196, 225, 228.
- Веспасион, сибирский царь 95, 99, 102.
- Владимир, Владимир, Володимер, великий, великий князь, государь великий, князь киевский, славный князь, Владимир-князь 80—82, 84, 86, 87, 89—92, 94—98, 100—104, 106—108, 110, 126, 130, 135—139, 143, 146, 148—155, 157, 159, 160—171, 174—179, 181, 182, 184—190, 192—195, 198—200, 203, 219—225, 228—233, 246—248; Всеславич, Всеславьевич, Всеславич, Сеславевич 79—82, 84—86, 89, 90, 92, 96, 97, 100, 101, 107—110, 140, 143—145, 160—162, 164, 165, 180, 184, 188, 192, 195, 220; киевское солнышко, ласков князь, солнышко Святославич 92, 96, 97, 100, 101, 139, 248, 250.

¹ Пояснения в скобках — от составителей, без скобок после запятой — былинные, предшествующие названию; приводятся также сопровождающие имя эпитеты.

- Волга 214.
Волхов, река 243.
- Галацкая земля 199, 232.
Гана, Ганка, Ганна, Кошсева, Кошева, дочь Кошсева, Кошевна, царевна 170, 180, 186.
Глагин, богатырь 152.
Глазынич, богатырь 152, 157.
- Данила Иванович (отец Михайлы Даниловича) 143, 145.
Дмитрей-гость, Дмитрий, гость, богатый купец 195, 196, 225, 226.
Добрыня, Добрыня Никитич, Никитьевич, Никитичин, Никитич, богатырь 109, 110, 112, 115, 117, 118, 122, 127, 128, 130, 135, 137, 138, 149, 152, 161, 162, 208—210, 237, 246—248, 251; могучий богатырь 135; боярин 110; Добрынюшка, Добрынюшка Никитин сын 208—210; Добрыня Рязанец, Рязанович, Рязанец, богатырь 152, 155, 157, 158.
Долк Стефанович (богатырь) 246.
Дон 214.
- Евфросинья Яковлева (мать Ильи Муромца) 235.
Елена, благоверная царица (жена царьградского царя Константина) 151, 152, 154—156, 160, 164, 165.
Елизынич, щата, богатырь 161.
Еупраксея-королевишна, Еупраксея, княгиня (жена князя Владимира) 200, 203. См. Апраксея.
- Задонская земля 165, 171, 175, 180, 184, 185, 188, 194, 220—224.
Задонское царство 166.
Залешанин, Залешенин, Заалешенин, богатырь, дворянин, серая свита 143, 149—158, 160—164, 246.
Змеевич, богатырь 156, прекрасный 209. См. Тугарин Змеевич.
Золотая Орда 166, 168, 169, 172, 174, 176, 178, 181, 185, 188, 189, 193, 195, 225.
Зыбатин терем 246.
- Иван, крестьянин (отец Ильи Муромца) 104, 107. См. Иван Тимофеевич.
Иван, крестьянский сын, Иван, Иванушка 238, 239.
Иван Годинович, Годинов, Иван, молод, молодой 195, 196, 198, 224—228.
Иван Елеферевич, Елефериевич (отец Ильи Муромца) 97, 100. См. Иоан.
Иван Поток 165. См. Михайла Поток.
Иван Предотеча 146, 147.
Иван Тимофеевич (отец Ильи Муромца), крестьянин 110, 115, 119, 120, 123, 125, 131, 235. См. Иван, крестьянин.
Идол, царьградский богатырь, Идол-богатырь, Скоропеевич, Скоропин, Скоропит, Скоротин 150, 151, 153—160, 162—164.
Идолища, Идолище, Идолишо, неверный сильный богатырь нечестивый 112, 113, 115, 117, 118, 122, 123, 125, 127, 128, 131, 138, 139, 150; Идолище великое, жидовское 150. См. Надолища.
Илна, Иляя 92, 97, 101, 104; Иляя Муромец 131, 132. См. Илья.
Иляя, великий пророк, Иляя-пророк, Иляя, пророк 104, 107.
Ильина мать 107.
Илья, Илья Муромец, Моровец, Моромец, Муровец 79—82, 84—92, 94, 95, 97—104, 106—124, 126—138, 149—170, 175, 179, 180, 184, 185, 188, 193, 194, 207 (податаман, есаул на Соколе-корабле), 208 (хозяин на Соколе-корабле), 209, 220, 222, 223, 235—238, 246, 247; Иванович, сын Иванович 84—88, 92, 94—104, 108, 109, 133, 135, 162, 165; богатырь, сильный могучий богатырь, славный богатырь, славный храбрый богатырь, славный, храбрый и сильный 79, 84, 87, 88, 92, 95, 97, 100, 101, 103, 104, 107, 109, 110, 113, 115, 119, 123, 125, 149, 161, 171, 175, 188, 235, 238; храбрый воин 235; добрый молодец, молодец 92, 95, 97, 98, 103, 130; святорусский богатырь 134; Илюшка Иванов сын 79—82, 84, 88—92, 94—98, 101, 102, 108, 111, 114, 117, 120, 122, 124, 127, 128, 130, 133, 135, 136. См. Илна, Муромец.
Иоан Елефериевич (отец Ильи Муромца) 92. См. Иван Елеферевич.
Ирмер-озеро 243.
- Каптлево, Каптево, сельцо 104, 106.
Карачаево, Карачарово, Карочарово, Карачарово, Карачюлово, Качарово, село, большое село 104, 106, 110, 112—115, 119, 120, 122—125, 128, 130, 131, 133, 135, 136, 235.
Каростанские болота 243.
Каспийское синее море 206, 207.
Киев, Киев, город, град, Киев-град 79—81, 84, 86—89, 94, 96—98, 100—102, 104, 106, 107, 111—117, 119—124, 126—129, 131, 135, 138, 143, 145—147, 150—158, 160—172, 175—177, 179—185, 187—190, 192—195, 198, 199, 211, 212, 220, 221, 224, 225, 227, 229, 230, 232, 233, 235, 236, 247; красный, славный, стольный 79, 81, 82, 84—86, 92, 95, 97, 99, 100, 103, 107—111, 115, 117, 119—121, 123—129, 133, 135, 137, 140, 143—145, 148, 149, 152, 158, 160, 164, 165, 170, 175, 184, 188, 199, 222, 231, 249, 250.
Кинешма, град 107, 109.
Константин, Константин, Костянтин, царь, благоверный царь (в Царьграде) 150, 151, 153—160, 162—164.

- Кошчеево царство 169, 170, 179, 180, 184, 188, 193.
 Кошева, Кошеева сила (войско) 167, 172, 176, 177, 182, 186, 190.
 Кошей, царь, царь Золотой Орды, неверный царь 166—170, 172, 174—184, 186—190, 192, 193, 220.
 Курбан-царь Курбанович, Курбонович 205, 206.
 Кутузовы, Кутузовы, села, селы, Кутузово, село 80, 81, 85, 86, 88, 90, 91, 94, 98, 102.
- Лабская, славная земля 195, 225.
 Лаптева, деревня 107.
 Лебедь Белая (жена Михайлы Потока) 166, 167, 169, 170, 174, 176—180, 182—184, 186—188, 192, 193. См. Авдотья Лиховидовна, Белая Лебедь.
 Литва 212.
- Манамах Владимирович, великий князь 145, 147.
 Марина, Маринка, Маринушка, безбожница, злая еретица, прекрасная 209, 210.
 Матвей (персонаж пародии) 214.
 Матвей Петрович, чашник фрязин 139, 140, 219.
 Матюха (персонаж пародии) 214.
 Микитушка (отец Добрыни Никитича) 209.
 Михайла, архангел, архангел небесных сил, воєвода небесных сил, Михайло-архангел 170, 179, 184.
 Михайла Поток, Михайло, Михайло Поток Иванович 166—172, 174—190, 192—195, 220—222, 224; богатырь святорусский, богатырь земли святорусской 172, 175, 176. См. Иван Поток, Поток Иванович.
 Михайло сын Данилович, млад 140, 143—145; киевский богатырь двенадцати лет 140.
 Михайлова жена (жена Потока) 166—168, 172, 174, 177, 178, 181—183, 185—188, 190, 192, 193.
 Михайловы товарищи 168, 179, 184, 188.
 Муром, Мурам, Муров, Моров, город, град, Муром-град, Мур-град 79—82, 84, 86, 87—92, 94, 96, 98, 100—102, 104, 106, 107, 110, 112—115, 117, 120, 122, 124, 127, 128, 130, 131, 133, 135—137, 247; славный столичный 82, 85—87, 89, 90, 92, 100, 106—108, 115, 119, 120, 123, 125, 131.
 Муромец 207. См. Илья Муромский уезд 236.
- Надолица 128. См. Идолица.
 Настасья, Настасья Дмитриевна, красная, молода 195, 198, 225—228.
 Непр, Непр Слаутич, быстрый, Непр-река 146—148.
 Нестор 246.
- Никита, Никита Иванович, Карачевец (калика) 149, 152, 155, 158, 161, 162.
 Николай-чудотворец, святитель христов 92, 97, 101.
 Николая-чудотворца церковь 92, 97, 101.
 Новгород, Нов-город, Нов-град, великий 241—245.
- Овдотья Лиховидовна 181. См. Авдотья. Олевичья земля 175. См. Алевицкая.
 Олеша, Олеша Попович, богатырь 130, 139, 140, 161, 163, 165, 169, 170, 184, 185, 188, 219, 220, 223, 237. См. Алеша.
 Омер (Гомер) 246.
 Орда 110.
- Пантелейко Еремеев (калика) 238.
 Полкан, Полкан Полканович, богатырь 238, 249.
 Потанюшка, Потаня, новгородец 240, 241, 243—245.
 Поток Иванович 172, 178, 180. См. Михайла Поток.
 Путят, Путятя, старый 246.
 Путятин двор 246.
- Ранка Кошеева, девка, дочь царя Кошея неверного 184.
 Рим 110.
 Рогатица, улица 239, 242—244.
 Роман, князь 210, 211.
 Россия 249, 251.
 Русская земля, Русское княжество 146, 148, 240—242, 245, 248, 249, 251.
 Русь, Русь белая, Русь святая 95, 96, 99, 100, 103, 104, 129, 146, 162, 241.
- Салтан, Салтан Салтанович, большой 208, 209.
 Сатко, богатый гость 242.
 Светогор-богатырь, Светогор-богатырь 207.
 Себеж, град, сибирский, славный город, Себеж-град, Себежин-град 79—82, 85, 87—89, 91, 95, 98, 102, 104.
 Сибеское государство 85.
 Сибирское царство 85, 92, 97.
 Смородина, Смородина, Смородинная, Смородыня, Смородинка, река, речка 79—81, 85, 87—89, 94, 95, 98, 99, 101, 106, 108, 109, 111, 114, 116, 119, 121, 124, 126, 129, 133, 137, 181, 185, 189, 194, 199, 210, 211, 223.
 Славенская, Старославенская земля 240—242, 244, 245.
 Смугла-река, Смугра-река 149, 150, 153, 155—159, 161—163.
 Сокол-корабль 206—208.
 Соловей, Соловей-разбойник, Соловий-разбойник 79—82, 84—92, 94, 95, 98—103, 106, 108—114, 117, 119—135, 137, 138, 189, 194, 199, 223, 236, 237, 246, 249; сильный богатырь 87, 120, 122, 124, 127, 128, 133, 137;

- Будимерович, сын Будимеров, Будиморович 85, 87, 108, 109; Будилович 86, 87; Мирович 185.
- Соловия дом, Соловьиный дом 132.
- Соловиное, Соловейное гнездо 111, 114, 120, 121, 124, 126, 129, 132, 134, 237; жилище 237.
- Соловиные палаты 134.
- Соловьевы 12 сынов 94, 98, 102; Соловьёвы деточки малые 106.
- Соловьевичевы сыны 109, 110.
- Соловьята 135.
- Софи божьей церковь, Софии премудрой божьей церковь, Софея (церковь) 108, 147, 148.
- Ставер, Ставер Гаденович, Стовер, Стовер Годенович, боярин 198—200, 204, 229—231, 233, 234; Ставерх сын Годенович 144.
- Ставровая дорога 181, 185, 189.
- Старчище, Старчище Многолетище 244.
- Суздаль, город 205.
- Сулега, Сулека, татарин 180.
- Суroveň-богатырь, Суroveň-молодец 205, 206.
- Суроженин 205, 206.
- Сухан, Сухан Дамантьевич, Дамантьевич, Доментьевич, богатырь 146—149, 152, 157, 158, 161; Далматьевич 147; Суханан 146, 148; Суханушко 147, 148.
- Суханова мать 147, 148.
- Танюха (персонаж пародии) 214.
- Тороп (слуга Ильи Муромца), слуга, слуга-паробок, слуга верный, верный слуга, богатырь 95, 96, 99, 100, 103, 104, 140; Тороп-слуга, Тороп-слуга (слуга Добрыни Никитича) 220, 248, 251.
- Тугарин, Тугарин Змеевич, Змиев, Змиевич 139, 140, 151—160, 162—165, 219, 220; богатырь 150; молод 165; собака 248, 251.
- Турецкая, Туреская, Турская земля 165, 171, 175, 180, 184, 188, 194, 220, 222, 223.
- Тухман, Тулман, царь, царь-злодей 96, 99, 100, 103.
- Украина 212.
- Федор, поп соборный (отец Алеши Поповича) 140, 220.
- Фока, дьячок карачаровский 238.
- Фома, Фома Ременников, Фома Толстой сын Ременников 240, 241, 243—245.
- Хвалунское, море синее 207.
- Царьград, Царьгород 149—165.
- Чернигов, Чернегов, град, город, Чернигов-град, Чернегов-град 11—117, 119, 121—124, 126, 128—131, 137, 195, 196, 198, 199, 225, 226, 228, 230, 231, 234—236; славный, стольный 126, 198—200, 204, 230, 231, 234.
- Чудин 241, 242.
- Чурило Пленкович 246.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Андреев. Былины — Н. П. Андреев. Былины. Русский героический эпос. «Библиотека поэта» под ред. М. Горького, изд. «Советский писатель», 1938.
- Астахова — Былины Севера, т. I, Мезень и Печора. Записи, вступительная статья и комментарий А. М. Астаховой, под ред. М. К. Азадовского, М.—Л., 1938; т. II, Прионежье, Пинега и Поморье. Подготовка текста и комментарий А. М. Астаховой, под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1951.
- Астахова. Илья Муромец — Илья Муромец. Подготовка текстов, статья и комментарий А. М. Астаховой. Серия «Литературные памятники», М.—Л., 1958.
- БАН — Библиотека Академии наук СССР.
- Барсов — Е. В. Барсов. Богатырское слово. Сб. ОРЯС, т. XXVIII, № 3, 1881.
- Веселовский — А. Н. Веселовский. Южно-русские былины, I—II. Сб. ОРЯС, т. XXII, № 2, СПб., 1881; III—XI. Сб. ОРЯС, т. XXXVI, № 3, СПб., 1884.
- ГБЛ — Государственная ордена Ленина библиотека СССР им. В. И. Ленина.
- Гильфердинг — Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года, тт. I—III, изд. 4-е, М.—Л., 1949—1951.
- ГИМ — Государственный Исторический музей СССР.
- Голубев — И. Ф. Голубев. Повесть об Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклуха-Маклая, Новая серия, т. XIII (Славянский фольклор), М., 1951, стр. 241—250.
- ГПБ — Государственная ордена Трудового Красного Знамени Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- Григорьев — Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг., т. I. М., 1904; т. II, Прага, 1939; т. III, М., 1910.
- Гуляев — Былины и песни южной Сибири. Собрание С. И. Гуляева. Под ред. В. И. Чичерова, Новосибирск, 1952.
- Евгеньева — А. П. Евгеньева. О поэтических особенностях русского эпоса. Труды ОДРА, т. VI, М.—Л., 1948.
- Евгеньева. Сказание — А. П. Евгеньева. «Сказание о киевских богатырях, как ходили во Царьград и как побили цареградецких богатырей, учинили себе честь» по списку XVII века. Заметки о языке и стиле. Труды ОДРА, т. V, М.—Л., 1947.
- Евгеньева. Язык былин. — А. П. Евгеньева. Язык былин в записях XVII в. (Автореферат). «Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка, 1944, т. III, вып. 4.
- ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
- История литературы — История русской литературы, тт. I—X. Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1941—1956.
- Киреевский — Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. I—X. М., 1860—1874.

- Киреевский. Нов. серия — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия, вып. II (Песни необрядовые), М., 1929.
- Кирша Данилов — Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. Серия «Литературные памятники», Изд. Академии наук СССР, М.—Л., 1958.
- Конашков — Сказитель Ф. А. Конашков. Подготовка текстов, вводная статья и комментарии А. М. Линевского. Под ред. А. М. Астаховой Петрозаводск, 1948.
- Кравчинская — П. Г. Ширяева и В. А. Кравчинская. Две былины в записях конца XVII—XVIII в., II, История о двух сильных богатырях Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Труды ОДРЛ, т. VI, М.—Л., 1948.
- Лихачев — Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. 3, Альбом снимков. СПб., 1899.
- Лихачев. Бумага — Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1891.
- Лобода — А. М. Лобода. Русский богатырский эпос. Киев, 1896.
- ЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР.
- Майков — Л. Майков. Материалы и исследования по старинной русской литературе. СПб., 1891.
- Мальшев — В. И. Мальшев. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII века. Отв. редактор В. П. Адрианова-Перетц, М.—Л., 1956.
- Мальшев, Труды ОДРЛ — В. И. Мальшев. Новый список «Сказания о киевских богатырях». Труды ОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955.
- Марков — А. В. Марков. Беломорские былины. М., 1901.
- Миллер — Былины новой и недавней записи из разных местностей России. Под ред. В. Ф. Миллера, М., 1908.
- Миллер. Очерки — Всеволод Миллер. Очерки русской народной словесности, т. I, М., 1897; т. II, М., 1910; т. III, М., 1924.
- Новиков — Н. И. Новиков. Новое и полное собрание российских песен, части I—VI. М., 1780—1781.
- Ончуков — Печорские былины. Записал Н. Ончуков, СПб., 1904.
- ОРЯС — Отделение русского языка и словесности Академии наук.
- Парилова—Соймонов — Г. Н. Парилова и А. Д. Соймонов. Былины Пудожского края. Предисловие и редакция А. М. Астаховой, Петрозаводск, 1941.
- Позднеев — А. В. Позднеев. Сказание о хождении киевских богатырей в Царьград. «Старинная русская повесть», статьи и исследования под ред. Н. К. Гудзия, М.—Л., 1941.
- Пропп—Путилов — Былины в двух томах. Подготовка текста, вступительная статья и комментарии В. Я. Проппа и Б. Н. Путилова, т. I, М., 1958.
- Пушкарев — Л. Н. Пушкарев. Новый список «Сказания о киевских богатырях». Труды ОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953.
- Пыпин. Очерк — А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857.
- Ровинский — Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, кн. I—V. СПб., 1881.
- Русск. нар. поэтич. творчество — Русское народное поэтическое творчество. т. I, Очерки русского народного поэтического творчества X—начала XVIII веков. М.—Л., 1953; т. II, кн. 1, Очерки по истории русского народного поэтического творчества середины XVIII—первой половины XIX веков. М.—Л., 1955.
- Рыбников — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. Изд. 2-е, под ред. А. Е. Грузинского, тт. I—III, М., 1909—1910.
- СГУ — Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского.
- Симони — Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий, подготовил и снабдил объяснительными замечаниями Павел Симони, вып. I. Сб. ОРЯС, т. С, № 1, Пгр., 1922.
- Соболевский — А. И. Соболевский. Великорусские народные песни, т. I. СПб., 1895; т. VII, СПб., 1902.

- Соколов, «Этнография» — Борис Соколов. Былины старинной записи (семь неизданных текстов). «Этнография», 1926, № 1—2; 1927, №№ 1 и 2.
- Соколов—Чичеров — Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов акад. Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова, М., 1948.
- Сперанский — М. Сперанский. Русская устная словесность, т. II, Былины. Исторические песни. Серия «Памятники мировой литературы», М., 1919.
- Сперанский. Сказание — М. Н. Сперанский. Сказание о семи богатырях — повесть XVII века. «Slavia», гоcник XXVII, sešit 1, Praha, 1958.
- Станкевич — А. И. Станкевич. Отрывок былины об Алеше Поповиче по списку XVII в. Древности. Труды Московского археологического общества, т. XV, вып. II, М., 1894.
- Тихонравов — Н. С. Тихонравов. Пять былин по рукописям XVIII в. М., 1891.
- Тихонравов—Миллер — Русские былины старой и новой записи под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. М., 1894.
- Тромонин — Знаки писчей бумаги. Собрал и издал Корнилий Я. Тромонин, М., 1844.
- Труды ОДРА — Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.
- Чулков — М. Д. Чулков, Сочинения, т. I, Собрание разных песен. части I—III, 1770—1773, Изд. Академии наук, СПб., 1913.

Наименование собраний и номера рукописей в них даются в сокращении, например: собрание И. Е. Забелина, № 71 — Забелина 71.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

	Стр.
«Повесть» об Илье Муромце. Лист 318 сборника ГПБ, О. XVII. 57, Бу- слаева 92 (№ 2 наст. изд.)	83
«Гистория» об Илье Муромце. Лист 83 сборника ЛОИИ. Лихачева 74 (№ 10 наст. изд.)	93
Соловей-разбойник. Лубочная картинка XVII—XVIII века. ГПБ, собра- ние А. В. Олсуфьева, т. XI	105
Прощание Ильи Муромца с родителями. Лубочная картинка начала XVIII века. ГПБ, собрание А. В. Олсуфьева, т. XIII	112—113
Встреча Ильи Муромца с разбойниками. Лубочная картинка начала XVIII века. ГПБ, собрание А. В. Олсуфьева, т. XIII	112—113
Илья Муромец под Черниговом. Лубочная картинка начала XVIII века. ГПБ, собрание А. В. Олсуфьева, т. XIII	120—121
Илья Муромец стреляет в сидящего на дереве Соловья-разбойника. Луб- очная картинка начала XVIII века. ГПБ, собрание А. В. Олсуфьева. т. XIII	120—121
Илья Муромец убивает дочь Соловья-разбойника, пытавшуюся убить его подворотнею. Лубочная картинка начала XVIII века. ГПБ, собрание А. В. Олсуфьева, т. XIII	128—129
Соловей-разбойник свистит в Киеве по приказу Ильи Муромца. Лубочная картинка начала XVIII века. ГПБ, собрание А. В. Олсуфьева, т. XIII	128—129
Встреча Ильи Муромца с каликой. Лубочная картинка начала XVIII века. ГПБ, собрание А. В. Олсуфьева, т. XIII	132—133
Илья Муромец убивает Идолище шляпой. Лубочная картинка начала XVIII века. ГПБ, собрание А. В. Олсуфьева, т. XIII	132—133
«История» об Илье Муромце. Лубочная картинка с текстом. Гравировка 1852 года. ГПБ, Отдел эстампов, инв. № 50898	136—137
Алеша Попович. Лубочная картинка XVII—XVIII века. ГПБ, собрание А. В. Олсуфьева, т. XI	141
«Алеша Попович». Лист из архива Масловых XVII века. Местонахождение неизвестно (№ 27 наст. изд.)	142
«Повесть» о Михаиле Потоке. Лист 138 сборника ГПБ, О. XVII. 44 (№ 37 наст. изд.)	173
«Сказание» о Михаиле Потоке. Лист 10 сборника БАН, 28.6.41. (№ 41 наст. изд.)	191
«Иван Годинович». Развернутый лист 35 об.—36 сборника ЛОИИ, Ли- хачева 201 (№ 43 наст. изд.)	197
«Ставр Годинович». Начало «столбца Пазухина», БАН, 45.2.5 (№ 45 наст. изд.)	201
«Ставр Годинович». Конец «столбца Пазухина», БАН, 45.2.5 (№ 45 наст. изд.)	202

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5	Стр. ¹
Былины и их пересказы в рукописях и изданиях XVII—XVIII веков	7	

ТЕКСТЫ

«Повести», «Сказания» и «Истории» о богатырях

1. Повесть о сильном могущем богатыре о Илье Муромце и о Соловье разбойнике	79	256
2. Повесть о Илье Муромце и о Соловье разбойнике	81	257
3. [Повесть об Илье Муромце]	82	258
4. Повесть о славном могущем богатыре о Илье Муромце и о Соловье разбойнике	84	259
5. Сказание о Илье Муромце и о Соловье разбойнике	84	260
6. Сказание о Соловье разбойнике, како ево полонил Илья Муромец	85	261
7. История о двух сильных богатырях — о Илье Муромце и о Соловье разбойнике	87	262
8. История о Илье Муромце и о Соловье разбойнике	89	263
9. История о Илье Муромце и о Соловье разбойнике	91	264
10. История о славном, о храбром и сильном богатыре Илье Муромце сыне Ивановиче и о Соловье разбойнике	92	265
11. История о славном и о храбр[о]м и сильном богатыре Илье Муромце сыне Ивановиче и о Соловье разбойнике	97	265
12. История о славном храбром и сильном богатыре Илье Муромце сыне Ивановиче, о Соловье разбойнике	100	267
13. Повесть о сильном могущем богатыри Илье Муромце и о Соловье разбойнике	104	268
14. Повесть о славном богатыре Илье Муромце, како он родился и как поехал из Мурома к столному граду Киеву ко князю Владимиру Все-славьевичю	107	269
15. История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье разбойнике	110	270
16. История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье разбойнике	113	271
17. История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье разбойнике	115	272
18. [История об Илье Муромце]	118	272
19. История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о славном разбойнике	119	273
20. История о славном и о храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье разбойнике	120	274
21. История о славном и храбром богатыре Илье Муромце и о Соловье разбойнике	123	275

¹ Первая колонка цифр означает страницы текста, вторая — примечаний.

22. Сказка о славном и храбром богатыре Илье Муромце и Соловье разбойнике	125	275
23. Илья Муромец	128	276
24. [История об Илье Муромце]	129	277
25. Сказка о Илье Муромце и Соловье разбойнике	131	277
26. [История об Илье Муромце, Соловье разбойнике и Идолице]	132	279
27. [Алеша Попович и Тугарин Змеевич]	139	280
28. Гистория о киевском богатыре Михаиле сыне Даниловиче двенадцати лет	140	280
29. [Повесть о Сухане]	145	282
30. [Повесть о Сухане]	147	282
31. Сказание о семи русских богатырях	148	283
32. Сказание о русских богатырях и о киевских и о цареградских	152	284
33. [Сказание о киевских богатырях]	155	285
34. Сказание о киевских богатырях, како ходили во Царьград и како они побили цареградских богатырей	157	285
35. Сказание о киевских богатырях, как ходили во Царьград и как побили цареградских богатырей, учинили себе честь	160	286
36. Сказание о трех богатырях земли светоруские — о Илье Муромце, о Иване Потоке, о Олеше Поповиче	165	287
37. Повесть о князе Владимире киевском и о богатырях киевских, и о Михаиле Потоке Ивановиче, и царе Кашею Златой Арды	170	289
38. Сказание о трех богатырях — Илье Муромце, Михаиле Потоке Ивановиче и Алеше Поповиче	175	290
39. Сказание о трех богатырях — о Илье Муромце, и о Михаиле Потоке Ивановиче, и Олеше Поповиче киевских — и о походе их	180	291
40. Сказание о сильных могучих богатырях киевских — о Илье Муромце, и о Михаиле Потоке Ивановиче, и Алеше Поповиче	184	292
41. Сказание о трех богатырях киевских, о славных витезех — о Илье Муромце, и о Михаиле Потоке Ивановиче, и о Олеше Поповиче	188	294
42. Сказание о трех богатырях киевских, о славных витезех — [о] Илье Муромце, о Алеше Поповиче, [о] Михаиле Поток[е] Иваныче	194	295
43. [Иван Гоудинович]	195	295
44. [Ставер Гаденович]	198	296
45. [Ставр Гоудинович]	200	297

Былины и баллады из песенников XVII! века

46. [Суровец-суздаец]	205	298
47. [Илья Муромец со Святогором на Соколе-корабле]	206	299
48. [Илья Муромец со Святогором на Соколе-корабле]	207	299
49. [Илья Муромец с Добрыней на Соколе-корабле]	208	299
50. [Добрыня и Маринка]	209	300
51. [Князь Роман и его дочь]	210	300
52. [Братья-разбойники и сестра]	211	301
53. [Молодец и королева]	212	301
54. [Пародия]	214	301
55. [Пародия]	214	301
56. [Птицы на море]	215	301

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Тексты с разделением на стихи

1 (27). [Алеша Попович и Тугарин Змеевич]	219	302
2 (37). Повесть о князе Владимире киевском и о богатырях киевских, и о Михаиле Потоке Ивановиче, и царе Кашею Златой Арды	220	302
3 (42). Сказание о трех богатырях киевских, о славных витезях — [о] Илье Муромце, о Алеше Поповиче, [о] Михаиле Поток[е] Иваныче	222	302
4 (43). [Иван Гоудинович]	225	302
5 (44). [Ставер Гаденович]	229	302

II. Былинные сюжеты в литературе и лубке XVIII века

1. Сказка о славном и храбром богатыре Илье Муромце и Соловье-разбойнике	235	302
--	-----	-----

2. [Сказка об Иване крестьянском сыне]	238	303
3. Повесть о сильном богатыре и старославенском князе Васильи Богуслаевиче	239	303

III. Сведения о былинах и былинные фрагменты в трудах деятелей литературы и науки XVIII века

1. В. Н. Татищев	246
2. В. А. Левшин	246
3. А. Н. Радищев	249
4. Путевые записки англичанина	249
5. Первое издание «Слова о полку Игореве»	250
6. Г. Р. Державин	250

КОММЕНТАРИИ, УКАЗАТЕЛИ, СЛОВАРЬ

Комментарии	255
Указатель хранилищ и рукописных собраний	305
Словарь устарелых, диалектных и других малопонятных слов	307
Указатель имен и названий в текстах	310
Список сокращений	314
Список иллюстраций	317

ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА
БЫЛИНЫ В ЗАПИСЯХ И ПЕРЕСКАЗАХ
XVII—XVIII вв.

Утверждено к печати

Институтом литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР

Редактор издательства *Г. И. Зикеев*

Художник *М. О. Разулевиц*

Технический редактор *М. Е. Зендель*

Корректоры *А. А. Гельфанд, Г. М. Гельфер и Б. Р. Флак*

Сдано в набор 6/VI 1959 г. Подписано к печати 28/XII 1959 г. РИСО АН СССР № 57-96В. Формат бумаги 70×108^{1/16}. Бум. л. 10. Печ. л. 20=27.4 усл. печ. л.+5 вкл. Уч.-изд. л. 27.95+5 вкл. (0.58). Изд. № 736. Тип. вак. № 250, М-56082. Тираж 3000.

Цена 19 руб.

Ленинградское отделение Изд-ва Академии наук СССР. Ленинград, В-164, В. О., Менделеевская лин., д. 1
1-я тип. Изд-ва Академии наук СССР. Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

<i>Страница</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Должно быть</i>
23	21 сверху	веке,	веке»,
33	23 снизу	в изображении	в изображении
64	10 сверху	Барсовскому	Буслаевскому
121	14 "	сколько	сколко
121	14 "	и платья	а платья
125	9 "	богатырей	багатырей
127	2 "	разбойничьи	розбойничьи
161	25 снизу	Киева	Кеева
162	16 сверху	богатырь	багатырь
162	20 снизу	киевски(х	кеевски(х
163	10 сверху	разпрощать	розпрощать
163	26 "	товарищи	товарыщи
163	28 "	«Теперь,	«Теперво,
167	12 "	о дочери	и дочери
169	20 "	такого	таково
170	2 снизу	бояры	и бояры
171	7 сверху	таково	такаво
171	8 "	сильных	силных
171	10 снизу	красную	красную
171	23 "	с собою	с сабою
182	19 сверху	А за	А я за
184	10 снизу	Он еси	Ои еси
185	17 и 18 сверху	лебедь	лебеть
224	9 сверху	за ее	ее за
230	4 "	великако	великаго
237	17 снизу	царския	царские
238	22 "	показал	показал
239	24 "	рабьятами	ребьятами
262	24 "	богатырех	багатырех
298	1 и 4 сверху	№ 43	№ 44